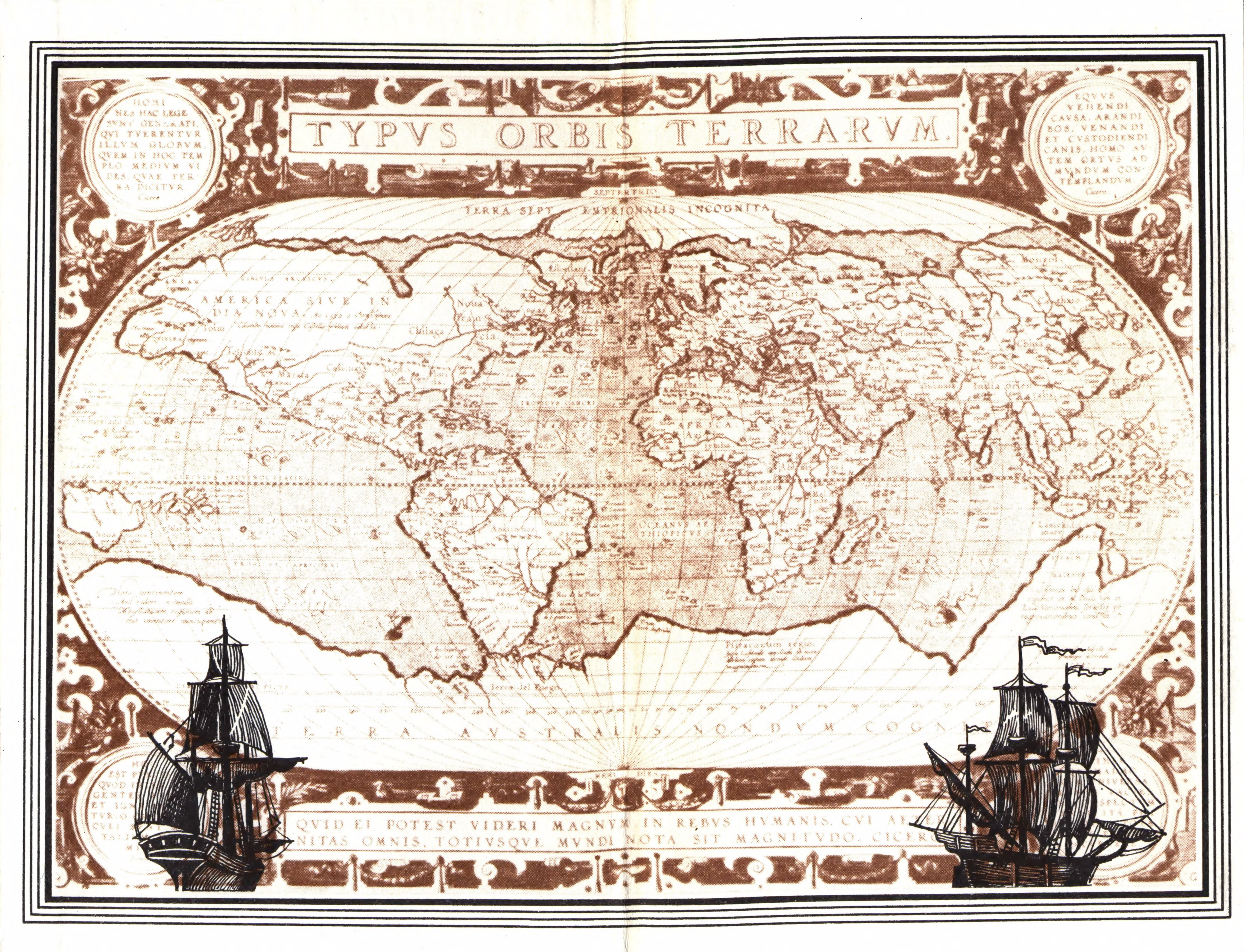

К. В. Малаховский
ПЯТЬ
КАПИТАНОВ

TYPVS ORBIS TERRARVM
HOMINES HAC LEGE SVNT GENERATI QVI TVERENTVR ILLVM GLOBVM QVEM IN HOC TEMPLO MEDIVM VIDES QVAE TERRA DICITVR Cicero
EQVVS VEHENDI CAVSA, ARANDI BOS, VENANDI ET CVSTODIENDI CANIS, HOMO AVTEM ORTVS AD MVNDVM CONTEMPLANDVM. Cicero.
SEPTENTRIO
TERRA SEPTENTRIONALIS INCOGNITA
AMERICA SIVE INDIA NOVA
AFRICA
OCEANVS AETHIOPICVS
Terra del Fuego
TERRA AVSTRALIS NONDVM COGN
QVID EI POTEST VIDERI MAGNVM IN REBVS HVMANIS, CVI AE
NITAS OMNIS, TOTIVSQVE MVNDI NOTA SIT MAGNITVDO. CICER

К. В. Малаховский
ПЯТЬ
КАПИТАНОВ

Академия наук СССР
Ордена Трудового
Красного Знамени
Институт востоковедения

Издательство „Наука"
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1986

Академия наук СССР
Ордена Трудового
Красного Знамени
Институт востоковедения

К. В. Малаховский

ПЯТЬ КАПИТАНОВ

Издательство „Наука"
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1986

ББК л8
М 18

Ответственный редактор
А. М. ХАЗАНОВ

Художник
Б. Г. ДУДАРЕВ

Малаховский К. В.

М 18 Пять капитанов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.
428 с.

Книга включает пять очерков о выдающихся мореплавателях XVI—XIX вв.: Фрэнсисе Дрейке, Уолтере Рэли, Педро Фернандесе де Киросе, Уильяме Дампире, Мэтью Флиндерсе.

Автор, привлекая большой исторический материал, достоверно воспроизводит историческую обстановку, рисует быт и нравы европейского общества на протяжении трех веков.

М $\frac{1905020000-104}{013(02)-86}$ КБ -50—18—85

ББК л8

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

ФРЭНСИС ДРЕЙК
КРУГОСВЕТНЫЙ
БЕГ
·ЗОЛОТОЙ
ЛАНИ·

ЛИНИЯ РАЗДЕЛА

Поздней сентябрьской ночью 1567 г. английский посол в Москве А. Дженкинсон был неожиданно вызван к царю Ивану IV. Скрытыми переходами царь сам вел гостя в свой терем. Там в присутствии лишь одного советника, Афанасия Вяземского, через толмача Р. Рюттера Грозный дал ему тайный наказ передать королеве Елизавете, что «царь Московский убедительно желает, чтобы между ее королевским величеством и им была вечная дружба и любовь, которые будут началом для дальнейших переговоров... чтобы ее королевское величество и он были за одно соединены (против всех своих врагов), т. е. чтобы ее величество была бы другом его друзей и врагом его врагов и также наоборот и чтобы Англия и Россия были заодно». Больше того, царь велел передать Елизавете, «чтобы между ним и ее королевским величеством было бы учинено клятвенное обещание, что если бы с кем из них случилась беда, то каждый из них имеет право прибыть в страну другого для сбережения себя и своей жизни и жить и иметь убежище без боязни и опасности до того времени, пока беда не минует и Бог не устроит иначе; и что один будет принят другим с почетом. И хранить это в величайшей тайне».

Царь очень спешил; он требовал, чтобы Елизавета прислала ответ к «будущему петрову дню» (29 июня 1568 г.), т. е. с весенними кораблями. Стараясь сохранить достоинство, Грозный искал возможность укрыться от угрожающей, как ему тогда казалось, смертельной опасности. Царя повергли в ужас слухи о заговоре бояр в земщине. Такое с ним случалось не раз. Подобные известия сначала леденили ужасом душу царя. Но, быстро придя в себя, он жестоко расправлялся с действительными, а по большей части мнимыми виновниками. Прошел назначенный срок, а царь не только не получил ответа, но и не знал даже, выполнил ли посол его поручение.

Лишь в октябре 1570 г. А. Г. Совин, посланный царем в Лондон, привез ответ Елизаветы. Это не был подписанный ею текст договора, продиктованного царем три года назад английскому послу. Совин привез лишь письма Елизаветы к царю, подписанные ею и скрепленные малой королевской печатью.

Елизавета внесла в условия союза, предложенного царем, такие изменения, которые лишали его в глазах Ивана всякого

смысла. Так, вместо прямой военной помощи она предлагала свое посредничество между ним и его будущим врагом. А уж «если зачинщик-государь своевольно, вопреки разуму, решительно откажется сие исполнять», то обещала помочь, если «обстоятельства времени и места», а также «современное положение и отношения» страны ей это позволят сделать. Вместо взаимного предоставления убежища Елизавета высокомерно обещала Ивану принять его с «благородною царицею, супругою Вашею и с Вашими любезными детьми, князьями, если бы когда-либо посетила Вас, господин брат, наш царь и великий князь, такая несчастная случайность, по тайному ли заговору, по внешней ли вражде, что Вы будете вынуждены покинуть Ваши страны и пожелаете прибыть в наше королевство...».

Царь был взбешен. Он узнал также, что переговоры с его посланцем, тянувшиеся целый год, вела не королева, а ее министры. В ответном письме Елизавете Иван дал волю своему гневу и не стеснялся в выражениях. «Наше дело ты сделала не таким образом, как договорился твой посол. Грамоту же ты послала обычную, вроде как проезжую. Но такие дела не делаются без клятвы и без обмена послами. Ты совсем устранилась от этого дела, а твои бояре вели переговоры с нашим послом только о торговых делах, управляли же всем делом твои купцы... Мы думали, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государственной чести и выгодах для государства, поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые... Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица». В оригинале это звучало: «Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, а не токмо люди, но мужики торговые... А ты пребываешь в своем девическом чине, как есть пошлая девица». Очевидно, последнее замечание царя особенно сильно задело «королеву-девственницу», несщую это звание не так добровольно, как она это демонстрировала.

Елизавета сама находилась в весьма стесненных обстоятельствах, и в ее расчеты не входило заключение военного союза с Иваном IV, который практически ничем не мог ей помочь. Ее обуревали иные заботы. Подобно Грозному, Елизавета пришла к власти тяжелым путем. Она родилась от брака, не признанного папой римским. С детства она вынуждена была хитрить и изворачиваться, отстаивая право на самое существование. Вступив на престол лишь потому, что быстро умерли «законные» дети Генриха VIII, наследовавшие его трон «по праву»,— Эдуард VI и Мария I, Елизавета действовала очень обдуманно и осторожно. Реалистка до мозга костей, расчетливая, как банкир Сити, она и не старалась достичь невозможного.

Всю жизнь опутанная нитями заговоров, вдохновлявшихся могущественным монархом того времени — испанским королем,

угрожающих не только ее престолу, но и жизни, Елизавета была очень подозрительна. Всюду рыскали ее многочисленные шпионы. «У государей большие уши, они слышат все вблизи и вдали»,— похвасталась она как-то французскому послу.

Хорошо чувствуя дух времени, Елизавета сконцентрировала власть в своих руках и поддерживала новое дворянство и «мужиков торговых»; поэтому она умерла своей смертью, дожив до 70 лет. Елизавета, в лицедействе не уступавшая Грозному, встав в позу античных императоров, спокойно и величественно отвечала на бранные слова своего «доброго брата»: «Никакие купцы не управляют у нас государством и делами... мы сами печемся о ведении дел, как приличествует деве и королеве, поставленной преблагим и превысочайшим богом... никакому государю не оказывается более повиновения его подданными, чем нам нашими народами».

В Англии во времена правления Елизаветы шло разложение феодальных отношений и развитие капиталистического производства, причем как в городе, так и в деревне. Это было началом того процесса экономического развития Англии, который через столетие привел ее к буржуазной революции, а еще через век превратил Англию в самую могущественную капиталистическую державу мира.

Процесс первоначального накопления, составляющий предысторию капиталистического производства, происходил в Англии более интенсивно, чем в других странах. Неотъемлемым элементом первоначального накопления капитала является захват и разграбление заморских земель. Но перед британской буржуазией встало, казалось бы, непреодолимое препятствие: мир был уже поделен.

Парадоксальным на первый взгляд было то, что Великие географические открытия, а затем и колониальные захваты начали не наиболее развитые европейские государства того времени, например Англия, а страны, значительно отстававшие в своем политическом и экономическом развитии,— Португалия и Испания. Да и из этих двух стран лидирующее положение вначале занимала более слабая — Португалия. Объяснение этого парадокса следует искать в совокупности целого ряда внешних и внутренних причин. К ним относится и географическое положение пиренейских стран, расположенных на крайнем юго-западе Европы, что в условиях фактической монополизации итальянскими городами средиземноморской торговли, а Ганзой — торговли Северо-Западной Европы заставляло португальцев и испанцев искать новые морские пути в западном и южном направлении от Европейского континента.

В пиренейских государствах к началу XV в. сложился абсолютизм. Королевская власть нуждалась в средствах для укрепления своего могущества. Среди обедневшего дворянства были люди, готовые сражаться где угодно. Война стала их профес-

сией, после завершения реконкисты они остались без дела[1].

В поисках новых морских путей к вожделенным странам Востока были заинтересованы и пиренейские купцы, в XIV—XV вв. ставшие весьма влиятельной силой.

В Португалии формирование абсолютистского государства и реконкиста были завершены значительно раньше, чем в Испании. Это и позволило ей первой начать заморские завоевания. Они начались после захвата португальцами Сеуты в 1415 г. Инициатором португальской заморской экспансии был принц Энрике, вошедший в историю под именем Генриха Мореплавателя. Он создал морскую школу в Сагрише, откуда вышли смелые и предприимчивые мореплаватели. Экспедиция за экспедицией шла вдоль западного берега Африки в надежде найти пролив, через который можно было бы пройти в Индийский океан. Но лишь в 1487 г., через 27 лет после смерти принца Энрике, Бартоломео Диасу удалось наконец достичь крайней южной точки Африканского материка, названной им мысом Мучений, который впоследствии был переименован в мыс Доброй Надежды. Но до открытия пути в Индию должно было пройти еще 11 лет. Лишь 20 мая 1498 г. португальский мореплаватель Васко да Гама дошел до г. Каликута на Малабарском побережье Индии.

Открытие пути в Индию предопределило направление заморской экспансии Португалии: двигаясь дальше на восток, португальцы в 1512 г. достигли Молуккских островов, или, как их долго называли, островов Пряностей, а затем и Китая.

Португальцы стремились закрепить за собой земли вдоль западного побережья Африки, которые они открывали в поисках морского пути в Индию, не допустить проникновения туда других европейских держав. Еще в 1454 г. булла папы Николая V давала Португалии права на все земли и острова, «как уже приобретенные, так и те, которые будут приобретены к югу от мыса Бохадор, с полным отпущением грехов всем, кто может потерять жизнь во время этих завоеваний». А спустя 39 лет, в 1493 г., папа Александр VI не только подтвердил буллу 1454 г., но и добавил к ней пункт, дающий португальцам право на открытие земель «от мыса Бохадор и вплоть до Индии».

Многочисленные неудачные попытки португальских мореплавателей найти путь в Индию, идя вдоль западного побережья Африки, заставляли искать другие пути. Идея о том, что можно достичь Индии, направляясь на запад, возникла еще до путешествия Диаса. Уже с конца 70-х годов XV в. она охватила генуэзца Христофора Колумба — «странного проходимца», как якобы характеризовали молодого Колумба приютившие его монахи. В течение 12 лет он безуспешно добивался поддержки этой идеи в Португалии и Франции. Когда Колумб обратился

---

[1] Реконкиста — отвоевание в VIII—XV вв. народами Пиренейского полуострова территорий, захваченных арабами.

к испанскому монарху, он встретил совершенно иной прием. Но и в Испании переговоры шли медленно: уж очень алчно Колумб торговался, добиваясь для себя невиданных привилегий на тех землях, которые будут открыты в ходе экспедиции. Договор был подписан лишь 17 апреля 1492 г., а 3 августа того же года горожане Палоса, собравшиеся на берегу, проводили экспедицию Колумба в путь. 12 октября 1492 г. Колумб высадился на неведомой земле, впоследствии названной Сан-Сальвадором.

Плавание Колумба усилило соперничество Португалии и Испании в овладении заморскими странами. Поскольку ни одна из сторон не имела подавляющего превосходства, а другие европейские государства в то время не были в состоянии конкурировать на море с пиренейскими монархиями, Португалия и Испания решили поделить все открытые и еще не открытые заморские земли между собой.

Раздел мира был произведен буллой папы Александра VI от 4 мая 1493 г. Линия раздела проходила на расстоянии 100 итальянских лиг к западу от островов Зеленого Мыса. Все нехристианские страны, расположенные к западу от этой линии, объявлялись владениями Испании, а к востоку — владениями Португалии.

Но это решение папы не удовлетворило Испанию, потребовавшую, чтобы линия раздела была отодвинута дальше на запад. После длительных и сложных переговоров в Тордесильясе 7 июня 1494 г. был подписан испано-португальский договор, которым линия раздела отодвигалась на 370 лиг к западу от островов Зеленого Мыса и проходила по 49°32′56″ з. д. Кстати, испанцы, требовавшие переноса линии раздела на запад, проиграли от этого. Во время переговоров стороны, естественно, понятия не имели о конфигурации Американского материка, вообще полагая, что речь идет о восточной оконечности Азии. Когда же в 1500 г. португальский мореплаватель Педро Альварес Кабрал открыл Бразилию, назвав ее островом Вера-Круш, то это дало основание Португалии «законно» объявить ее своим владением.

Тордесильясский договор формально просуществовал около 300 лет и был отменен в 1777 г. Но фактически он утратил всякую силу задолго до официальной отмены. С самого начала европейские державы не признавали его. Другое дело, что они вынуждены были считаться с морским превосходством пиренейских держав и до поры до времени воздерживались от вооруженной борьбы. Однако Тордесильясский договор не заставил их прекратить собственные заморские экспедиции. Так, в 1497 г. английский король Генрих VII отправил экспедицию во главе с Джоном Каботом «во все страны востока, запада и севера... разыскивать и открывать всякого рода острова и страны, заселенные язычниками и до сего времени неведомые христианам». Экспедицией Кабота был открыт полуостров Лабрадор. За это

Кабот получил от короля в награду 10 фунтов стерлингов. Открытие Лабрадора дало Англии повод позднее предъявить претензии ни больше ни меньше как на весь материк Северной Америки.

В ответ на испано-португальские притязания на морское господство англичане провозгласили принцип свободы морей для всех народов. «Открытый океан,— писал один из английских авторов того времени,— принадлежит лишь одному богу и природой предоставлен в пользование всем людям, поскольку он вполне достаточен для пользования всеми людьми во всех их предприятиях». А Роберт Торн в царствование Генриха VIII провозгласил девизом эпохи: «Ни земли без населения, ни моря без навигации».

Французский король Франциск I, откровенно издеваясь над папской буллой, говорил: «Пусть мне покажут тот пункт в завещании Адама, в силу которого Новый Свет должен быть разделен между моими братьями, королями Испании и Португалии, а я должен быть лишен своей доли наследства». В 1534 г. он снарядил экспедицию во главе с Жаном Картье, которой предписывал «отправиться в новые земли, открыть те острова и страны, где, как говорят, должно находиться большое количество золота». Плавание Картье привело к открытию Канады, которую он объявил собственностью Франции. В 1555 г. французский мореплаватель Виллеганьон совершил плавание в Бразилию, а в 1564. француз Лондонньер — во Флориду. Французский король Генрих II мечтал о нападении на Панаму, куда испанцы свозили сокровища со всей Америки для последующей отправки на родину. «Магическое слово „Перу" вызывает золотую лихорадку у самого спокойного человека»,— говорил он.

Приход португальцев на Молуккские острова, богатые столь ценившимися в Европе пряностями, был тяжелым ударом для Испании. Но неожиданно испанский король Карл V получил предложение, указывавшее на возможность отобрать у Португалии Молуккские острова. Его сделал опытный португальский капитан Фернандо Магеллан, перешедший на службу к испанскому монарху.

Предложение Магеллана сводилось к тому, чтобы продолжить путь Колумба, попытаться обогнуть открытый им континент и достичь Молуккских островов, идя дальше на запад. Поскольку по Тордесильясскому договору все новые земли к западу от линии раздела в Атлантическом океане принадлежали Испании, приход испанцев на Молуккские острова с запада отдавал их во владение испанской короны. Карл V принял предложение Магеллана и приказал готовить экспедицию, выделив ему пять кораблей и 230 человек команды.

20 сентября 1519 г. началось первое в истории человечества кругосветное путешествие. После многомесячного плавания

Магеллан, пройдя проливом у южной оконечности Американского континента, названным впоследствии его именем, вошел в новый, неведомый океан. Лишь один из кораблей экспедиции Магеллана — «Виктория» под командой Эль-Кано — осенью 1522 г. достиг берегов Испании, совершив кругосветное плавание. Испанский король Карл V даровал Эль-Кано герб, изображавший земной шар, опоясанный лентой, на которой был начертан девиз: «Prima me circum naviqisti» («Ты первый, кто обошел меня вокруг»).

Создавшаяся ситуация заставила Испанию и Португалию вновь обсудить проблему раздела мира. Теперь уже надо было делить и земли Тихоокеанского бассейна. Представители испанского и португальского монархов встретились для переговоров в 1524 г. на границе своих государств в местечке Бадахос. Просто и быстро решить проблему раздела земного шара не удалось. Переговоры затянулись. Каждая из сторон стремилась добиться такой линии раздела, чтобы именно к ней отошли Молуккские острова, но ни одна из спорящих сторон не имела ясного представления о географическом положении островов.

Не надеясь на благополучное завершение переговоров, Карл V решил окончить затянувшийся спор захватом Молуккских островов. 24 июля 1525 г. семь кораблей под командой Гарсия де Лоайсы (в состав экспедиции входил и Эль-Кано) покинули Испанию и направились к Молуккским островам. Плавание сложилось трагично. К Молуккским островам дошел лишь один корабль — «Санта-Мария-де-ла-Виктория». В пути погибли Лоайса и Эль-Кано. Треть команды корабля умерла от болезней. Оставшиеся в живых участники экспедиции создали колонию на острове Тидор. Не получая известий от Лоайсы, Карл V 20 июня 1526 г. направил Эрнандо Кортесу, завоевателю Мексики, приказ послать новую экспедицию к Молуккским островам. Ее возглавил Альваро де Сааведра, двоюродный брат Кортеса.

31 октября 1527 г. три корабля под командой Сааведры вышли в море. Во время плавания флагман «Флорида» отстал от двух других судов и дальше шел один. Судьба ушедших вперед кораблей осталась неизвестной. В начале марта 1528 г. «Флорида» подошла к острову Тидор. Сааведра нашел там своих соотечественников из экспедиции Лоайсы в самом бедственном положении: они были окружены португальцами. Сааведра решил оставить на острове 50 солдат и матросов в помощь осажденным испанцам и плыть обратно за подкреплением. 3 июня 1528 г. «Флорида» покинула остров. Но Сааведра не смог подойти к Мексике: направление ветра было неблагоприятным. Корабль, дойдя до Марианских островов, вернулся к Тидору.

Во время второй попытки достичь американских берегов, предпринятой в мае 1529 г., Сааведра погиб, а его корабль вернулся к Молуккским островам. Испанцы высадились на острове Хальмахера. Туда же перебрались и их соотечественники с ост-

рова Тидор. В дальнейшем все они попали в плен к португальцам.

После неудачных попыток захватить Молуккские острова Карл V, испытывая острую нужду в деньгах, согласился провести линию раздела в 17° к востоку от Молуккских островов (за что получил от португальцев 350 тысяч дукатов). Это было зафиксировано в Сарагосском договоре в апреле 1529 г.

Считается, что плавание Магеллана открыло для человечества Тихий океан. Но, строго говоря, европейцы увидели его раньше. Это были также португальцы и испанцы. В 1511 г., возвращаясь из португальской Ост-Индии, португалец Антонио д'Абоу обратил внимание на какой-то остров (вероятно, это была Новая Гвинея).

В 1513 г. наместник испанского короля в американских владениях послал Васко де Бальбоа для установления «торговых отношений» с индейцами, то есть, проще говоря, для захвата у них золота, жемчуга и драгоценных камней. Бальбоа добыл у индейцев большое количество золота, но, когда принялся делить его между своими спутниками, возник спор. Присутствовавший при этом индейский вождь сказал: «Что за охота спорить о такой дряни? Уж если вам так нравится золото, то я могу показать страну, где вы найдете его в изобилии! Эта страна с ее громадными золотоносными горами лежит на расстоянии шести дней пути по берегам другого моря». Испанцы поспешили убедиться в правоте индейского вождя. Бальбоа с отрядом в 190 человек отправился на поиски золотоносной земли, расположенной у «другого моря». Вместо шести дней они шли почти месяц и наконец 29 сентября 1513 г. увидели просторы неведомого им океана. Испанцы, конечно, поспешили провозгласить его собственностью испанского короля. 30 сентября 1513 г. Бальбоа, действуя в духе времени, вошел по колено в воду, держа в одной руке меч, а в другой испанское знамя, и объявил, что «берет во владение это море, земли и берега, острова и все, что на них есть, во имя монарха Кастилии, которому принадлежит господство над этой Индией,— над островами и над материком от Северного полюса до Южного, по обе стороны экватора, внутри и вне тропиков Рака и Козерога; владычество это будет длиться, пока существует свет, до второго пришествия Христа».

К середине XVI в. Португалия и Испания создали огромные колониальные империи в отведенных им Тордесильясским договором районах земного шара. Испанцы установили свое господство на гигантской территории Американского континента от северных границ Мексики до пампасов Ла-Платы, кроме Бразилии, отошедшей к Португалии. Португальцы с помощью системы опорных баз в прибрежных районах укрепились в Африке, Южной и Юго-Восточной Азии.

Так началась история европейского колониализма. Это была поистине страшная и кровавая эпопея. Единственным стимулом

заморской экспансии с самого начала было приобретение золота и серебра. «Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото даже может душам открыть дорогу в рай»,— писал Колумб с Ямайки в 1503 г.

Английский ученый Д. Гамильтон путем сопоставления архивных материалов подсчитал количество золота и серебра, вывезенного испанцами из Америки. По его данным, общее количество вывезенных за 1503—1660 гг. драгоценных металлов оценивается в 447 820 932 песо. Причем это только то, что было привезено в Испанию официально. А ведь огромное количество драгоценных металлов поступало в страну контрабандным путем. Гамильтон считает, что указанную сумму можно увеличить от 10 до 50 процентов. Огромные богатства стекались и в Португалию. По словам португальского вице-короля в Индии Альфонса де Альбукерки, ежегодные прибыли португальской короны оценивались в 1 млн. крузадо.

Испанские и португальские колонизаторы не только не поощряли развитие сельского хозяйства и промышленности в своих колониях, но и всячески сдерживали его. Площадь обрабатываемой земли в испанских колониях в Америке была ничтожно малой в сравнении с их гигантскими размерами. Так, по свидетельству знаменитого французского мореплавателя Бугенвиля, в 1767 г. земли были распаханы лишь на 1,5 мили от Буэнос-Айреса. Для того чтобы обеспечить продажу по высоким ценам испанских вин, оливкового масла, шелка, полотна, в американских колониях запрещалось разводить шелковичных червей, виноград, оливки, лен и т. д. «В новой Испании,— писал немецкий ученый и путешественник А. Гумбольдт в начале XIX в.,— нет ни полотняных, ни канатных мануфактур, там не имеют представления об изготовлении бумаги».

Заморские завоевания Испании и Португалии осуществлялись с необыкновенной жестокостью, история их написана поистине железом и кровью. Католическая церковь освящала колониальные захваты, объясняя их необходимостью вырвать туземцев из тьмы идолопоклонства, распространить среди них «веру Христову». Принимая решение о первом разделе мира, папа Александр VI объявил, что «должны быть возвеличены и повсюду распространены католическая вера и христианская религия, достигнуто спасение душ, варварские народы покорены и приведены к вере...». Обращаясь к «рыцарям христианской цивилизации», Александр VI писал: «Вы обязаны привести этих людей к христианской религии; ни опасности, ни трудности не должны останавливать вас». «Из прославленных бандитов,— подчеркивает Альфред Деберль,— хотели бы сделать нечто вроде апостолов и видеть в них только ревнителей христианства, веровавших, что похвально и достойно нападать на всякого язычника и убивать его; но нет большей лжи, чем эта! Совершенно верно, что перед сражением они выслушивали мессу и шли резать в сопровожде-

ции священников, но это была с их стороны мера предосторожности в виде сохранения установленных отношений с Небом. Единственной их целью — и они никогда не имели другой — было разыскание золота; даже сама центральная власть не имела более благородного двигателя, чем корыстолюбие».

«Лютый иберийский лев, набросившийся от Геркулесовых столбов на империи Монтесумы и Атаульпа... и овладевший несчастной Америкой, в течение нескольких веков высасывал из нее все соки» — так определялись результаты многовековой «цивилизаторской миссии» испанских колонизаторов в акте о независимости Боливии 1825 г. Испанский монах Бартоломе Лас Касас, проведший бо̀льшую часть жизни в Америке, куда он прибыл с третьей экспедицией Колумба, писал о действиях конкистадоров: «Когда испанцы вступали в индейские поселения, жертвами их ярости становились старики, дети и женщины, они не щадили даже беременных, распарывая им животы копьем или шпагой. Они загоняли индейцев, как стадо баранов, в огороженное пространство и соревновались друг с другом в том, кто ловчее разрубит индейца пополам с одного удара или выпустит наружу его внутренности. Они вырывали младенцев из материнских объятий и, схватив их за ножки, разбивали им головы о камень или швыряли их в ближайший поток».

Многие индейские племена были полностью истреблены. Особенно сильно пострадали жители островов, прилегающих к Америке, которым некуда было скрыться от конкистадоров. На островах Пуэрто-Рико и Ямайка, по словам Лас Касаса, ко времени появления испанцев в 1509 г. насчитывалось 600 тысяч индейцев, к 1542 г. их осталось не более 400 человек. На Гаити аборигенное население исчислялось сотнями тысяч человек, к 1542 г. уцелело около 200 местных жителей. Индейское население вымирало и от болезней, завезенных колонизаторами. Только в 1576 г. от эпидемических заболеваний в Мексике погибло до 50 процентов всего населения.

Колонизаторы остро нуждались в рабочих руках. К 1570 г. в американские колонии переселились 70 тысяч испанских эмигрантов. Но они приезжали с намерением быстро разбогатеть, а не трудиться в поте лица. Тогда и возникла идея доставки в Америку африканских негров. Испанский эксперт в этих делах Антонио де Геррера с удовлетворением говорил, что негры не умирают, пока их не повесят, и что один негр работает так же, как четыре индейца. Упоминавшийся выше священник Лас Касас обратился к Карлу V с просьбой разрешить ввоз негров, с тем чтобы на каждого колониста приходилось не менее 12 рабов. Король дал согласие. И началась транспортировка в Америку африканских рабов, ужаснувшая и Лас Касаса. Португальцы продавали негров из Гвинеи колонистам Эспаньолы, так тогда называли остров Гаити, а оттуда привозили в Лиссабон сахар. Но испанцы ввели столь высокую пошлину на продавае-

мых рабов, что работорговля стала маловыгодным предприятием.

Интересы испанских колонистов вошли в противоречие с интересами испанского правительства, не желавшего снижать пошлины на ввозимых рабов. Колонисты стали искать людей, которые доставляли бы африканских негров контрабандой. Спрос, как всегда это бывает, породил предложение. «Выручить» испанских колонистов решил англичанин Джон Хокинс, преуспевавший торговец и судовладелец из Плимута. Оптимист по натуре, Хокинс был уверен в удаче своего предприятия, тем более что до него многие французские капитаны уже достигли немалого успеха в этом деле.

Испанцы жестоко расправлялись с европейцами, осмелившимися появляться в американских водах или высаживаться на побережье «испанской» Америки. Так, когда бежавшие из Франции гугеноты образовали во Флориде поселение, испанское правительство послало туда солдат под командованием Педро де Авилеса. Все пришельцы были убиты, причем не потому, что они были французами, а потому, что были протестантами. «То, что он (Педро де Авилес.— *К. М.*) убил их,— это хорошо»,— заметил король Испании, прочитав сообщение о гибели французских гугенотов.

Хокинс тоже был протестантом, но он не устрашился жестокости испанцев. Свое предприятие тридцатилетний делец обставил весьма солидно. В 1560 г. Хокинс появился в Лондоне и начал энергично убеждать толстосумов Сити поддержать его первую в британской истории работорговую экспедицию в «испанскую» Америку. Ему поверили, и такие столпы Сити, как сэр Лионель Дакетт, глава Московской компании, и сэр Томас Лодж, лондонский лорд-мэр, вступили в предложенный Хокинсом «работорговый синдикат».

В октябре 1562 г. три корабля под командой Хокинса направились к берегам Гвинеи. Хокинс рассчитал правильно: испанские колонисты остро нуждались в африканских рабах. Португальцы в Африке желали их продать. Этой сделке мешало испанское правительство, закрывшее португальцам дороги в Америку. Следовательно, и португальцы в Африке, и испанские колонисты в Америке будут рады появлению корабля любой национальности, капитан которого предложит свои услуги. Хокинс быстро сговорился с португальскими работорговцами и, набив трюмы своих судов четырьмя сотнями черных рабов, направился к Эспаньоле. Чтобы оправдаться перед испанцами, португальцы сообщили им, что Хокинс захватил шесть их судов, которые везли более 500 невольников, а также слоновую кость и другой груз.

На Эспаньоле повторился тот же спектакль. Хокинс уведомил испанского губернатора Лоренцо Берналдеса о намерении продать негров. Губернатор ответил, что согласно приказу его величества короля Испании он не имеет права их купить. Тогда

Хокинс высадил своих моряков на берег. Поддерживаемые огнем корабельных орудий, они захватили город, жители которого поспешили укрыться в горах. С наступлением темноты богатые торговцы вернулись в город, который, кстати сказать, совершенно не пострадал от обстрела. Сделка была совершена. Рабы были переданы новым хозяевам, деньги заплачены. В сентябре 1563 г. Хокинс благополучно вернулся к родным берегам. Каждый из членов «синдиката» получил свою долю прибыли, а Хокинс купил дом в Сити, недалеко от Тауэра.

Вдохновленный удачей, Хокинс решил предпринять новое плавание летом 1566 г. Испанский посол в Лондоне, узнав об этом, обратился с резким протестом к английской королеве. Хокинс был вызван в Адмиралтейство и дал обещание не плавать к берегам Вест-Индии. И он сдержал слово. 9 ноября 1566 г. английский берег покинули четыре его корабля, но командовал ими капитан Джон Лоувелл. В этой экспедиции получил первое боевое крещение молодой моряк Фрэнсис Дрейк.

Фрэнсис Дрейк родился на ферме в Кроундейле, недалеко от Тейвистока, в Девоншире. Год его рождения неизвестен. Вероятнее всего, это был 1545 г. И вот почему. Ферма принадлежала родителям отца Фрэнсиса — Джону и Мэри Дрейк. Землю, на которой находилась ферма, они арендовали у сэра Джона Рассела, впоследствии графа Бэдфорда, приближенного Генриха VIII. У Джона и Мэри Дрейк было несколько сыновей. Старший из них, Джон, жил с родителями, и ферма перешла к нему. Младший, Эдмунд, был моряком и вернулся на ферму лишь в 1544 г. Видимо, тогда же он женился, а на следующий год у него родился первенец — Фрэнсис.

Семья Дрейк, несмотря на огромную разницу в социальном положении, была тесно связана как с семейством Рассел, так и с семейством Хокинс. Старший сын Джона Рассела, Фрэнсис, был крестным отцом сына Эдмунда Дрейка, который получил его имя.

Ревностный протестант, Эдмунд Дрейк вынужден был бежать с семьей из Кроундейла в Плимут, когда в 1549 г. началось крестьянское восстание. Дело в том, что с увеличением в конце XV в. спроса на английскую шерсть и повышением цен на нее овцеводство стало выгоднее земледелия. Крупные землевладельцы начали превращать земли своих поместий в пастбища. Более того, они захватывали общинные земли, которыми пользовались ранее совместно с крестьянами-держателями, а затем сгоняли крестьян с их наделов и обращали эти наделы в пастбища, снося при этом целые деревни. Захваченные земли дворяне огораживали частоколом, канавами и живой изгородью. Этот процесс насильственного обезземеливания английского крестьянства получил название «огораживание».

Борьба английских крестьян против огораживания усилилась в XVI в. В 1547 г. выступления происходили в ряде районов

Англии, особенно упорной была крестьянская борьба в Кенте. Летом 1549 г. крупное восстание вспыхнуло в Девоншире, где жила семья Дрейк.

Во главе этих восстаний стояли дворяне-католики и католическое духовенство, которые пытались направить выступления крестьян против реформы церкви, осуществляемой Генрихом VIII. Поводом к проведению этой реформы послужил отказ папы римского утвердить развод короля с его первой женой Екатериной Арагонской, родственницей испанского монарха Карла V. Папа также признал незаконной его дочь Елизавету, родившуюся от второго брака с Анной Болейн. В ответ на это английский парламент в 1534 г. освободил церковь в Англии от подчинения Риму и «актом о супрематии» провозгласил Генриха VIII ее главой. Парламентскими актами 1536 и 1539 гг. в Англии были закрыты все монастыри, а их имущество и земли конфискованы королем. В 1545 г. были закрыты все часовни, имущество которых также перешло королю. В 1547 г. Генрих VIII запретил чтение Библии. При Эдуарде VI английская церковь еще более отошла от католицизма. Лишь при его преемнице Марии Тюдор, дочери Генриха VIII от первого брака, ярой католичке, в Англии на короткое время восторжествовал католицизм.

Восставшие вскоре захватили Плимут. Эдмунд Дрейк с семьей бежал из города на корабле «Английская галера», капитаном которого был его брат Ричард Дрейк. Дрейки поселились недалеко от Чэтема, главной военно-морской базы Англии. С помощью Хокинсов Эдмунд Дрейк устроился корабельным священником. Домом Фрэнсиса, как и родившихся за ним еще одиннадцати детей Эдмунда Дрейка, стал корабль. Читать и писать Фрэнсиса научил отец, и, надо сказать, до конца жизни он не был особенно силен ни в том, ни в другом. Писание было для него всегда делом утомительным. Но оратором Фрэнсис стал прекрасным, о чем впоследствии свидетельствовали его коллеги по парламенту. По-видимому, Фрэнсису было не больше десяти лет, когда отец определил его юнгой на торговый корабль, совершавший рейсы во французские и нидерландские порты.

Через шесть лет фортуна улыбнулась Эдмунду Дрейку. В 1558 г., после смерти Марии Тюдор, английская корона перешла к Елизавете I, которая восстановила англиканскую церковь. Влиятельные друзья помогли Эдмунду в январе 1561 г. стать викарием церкви, находившейся в Кенте. В том же году умер владелец судна, на котором плавал Фрэнсис, завещав ему свой корабль. Так в 16 лет Фрэнсис стал капитаном и владельцем небольшого барка.

Когда Фрэнсис узнал о готовящейся Хокинсом новой экспедиции в Карибское море, он не колеблясь предложил ему свои услуги. Положение Фрэнсиса в экспедиции Лоувелла неизвестно. Ясно, что он не был ни капитаном, ни владельцем какого-либо

из судов, участвовавших в ней. Данные о том, как проходила первая половина плавания, можно найти только в португальских источниках. Согласно этим сведениям, Лоувелл на пути к берегам Гвинеи захватил пять португальских кораблей, на которых находились негры, а также груз воска и слоновой кости. Один из кораблей с захваченным грузом Лоувелл отправил в Англию, а с остальными четырьмя направился к берегам «испанской» Америки.

В Карибском море Лоувелл встретил французскую эскадру, которой командовал известный корсар Жан Бонтёмпо. Дальше английские и французские корабли продолжали плавание вместе. В Рио-де-ла-Аче, небольшом поселении на побережье Колумбии, Лоувелл предложил испанцам купить привезенных рабов. О том, что за этим последовало, мы узнаем из отчета главы местной администрации Мигуэля де Кастельяноса испанскому королю Филиппу. Кастельянос сообщал о победе, которую испанцы — 60 местных жителей, неопытных в военном деле и плохо вооруженных,— одержали над двумя корсарскими армадами: одной французской, а другой английской. Этот необыкновенный успех Кастельянос объяснял исключительно божьей помощью и «умением капитан-генерала», который доводился Кастельяносу родным братом. При поспешном бегстве Лоувелл якобы оставил на берегу 90 негров. Кастельянос спрашивал короля, можно ли распределить этих негров среди населения города, которое заслужило это своей храбростью.

Хокинс также объявил о неудаче экспедиции Лоувелла, причиной которой, по его словам, стала «простоватость моих заместителей, которые не знали, как делаются подобные дела». По-видимому, сделка все-таки состоялась и обе стороны остались довольны друг другом. «Героическое» отражение нападения двух вооруженных армад горсткой испанских колонистов было лишь романтическим покровом, скрывшим от испанского правительства строго запрещенный им вид промысла.

Не успели корабли Лоувелла вернуться в Англию, а Хокинс уже подготовил новую экспедицию. Дело в том, что появившиеся в 1567 г. в Лондоне португальцы Антонио Луис и Андре Гомем сообщили британскому Адмиралтейству, что им известен не захваченный еще никакой европейской державой район в Африке, где имеются богатейшие месторождения золота. Они вызвались показать англичанам путь туда.

В эпоху Великих открытий люди легко верили самым фантастическим рассказам о неведомых землях. Мир представлялся волшебным королевством, где всегда могло произойти что-то совершенно необычайное. Как-то известный английский капитан того времени Уолтер Рэли, разглядывая карту, спросил испанского картографа Педро де Сарминенто: «Что это за остров»? — «Он называется островом Жены Художника, рисовавшего карту»,— был ответ. «Почему»? — удивился Рэли. «Потому что она

хотела иметь собственный остров, и художник поместил его на карте, чтобы доставить ей удовольствие».

Рассказ португальцев очень заинтересовал не только адмиралтейство, но и правительство и саму королеву. Джону Хокинсу была поручена организация экспедиции. Деньги на ее осуществление дали торговцы Сити. Взнос сделал и лорд Адмиралтейства Винтер. Королева дала два боевых корабля и приказала снабдить эскадру пушками из арсенала Тауэра. Сам Хокинс выделил четыре своих корабля.

В начале августа 1567 г., когда корабли экспедиции, готовые покинуть британские берега, прошли по Темзе, в Плимутской бухте появилась эскадра Лоувелла, вернувшаяся из Вест-Индии. Хокинс не теряя времени договорился с Дрейком и некоторыми другими участниками экспедиции о том, что они пойдут в новое плавание.

Подготовка Хокинсом заморской экспедиции не осталась незамеченной. Внимательно наблюдавший за подобными делами испанский посол де Сильва, несомненно, тут же сообщил об этом своему монарху. По-видимому, этим и объясняется неожиданное появление у Плимута мощной испанской эскадры под командованием фламандского адмирала барона де Вашена, пришедшей с «дружественным визитом». Королева Елизавета, уверявшая де Сильву, что ее корабли были направлены в Плимут для ремонта, приказала как можно любезнее принять испанскую эскадру.

Пока Хокинс и де Вашен обменивались любезностями, стало известно, что португальцы Антонио Луис и Андре Гомем тайно бежали во Францию. Это было весьма опасно для задуманного англичанами предприятия, и Хокинс предложил королеве новый план: вместо поисков неведомых золотоносных земель уже испытанную продажу африканских негров в Вест-Индию. Он обещал королеве в этом случае высокие барыши. Королева приняла план Хокинса.

2 октября 1567 г. флотилия из шести судов, ведомая флагманским кораблем «Иисус из Любека», раскрашенным в цвета королевского флота — зеленый и белый,— покинула Плимут. Как уже говорилось, королева дала два своих военных корабля. Это были большой корабль водоизмещением 700 тонн, имевший 22 тяжелых и 42 легких орудия, «Иисус из Любека», купленный еще ее отцом Генрихом VIII в Любеке 30 лет назад, и корабль меньших размеров (340 тонн), «Миньон». Первым командовал сам Хокинс, возглавлявший всю экспедицию, вторым — капитан Хэмптон.

Кроме того, в состав эскадры входили небольшие суда «Уильям и Джон», «Ласточка», «Ангел» и «Юдифь». Последним командовал Фрэнсис Дрейк. Он же был и владельцем этого небольшого барка водоизмещением 50 тонн, обмененного на ранее принадлежавший ему корабль или купленного взамен его.

Дрейк пробыл на родине лишь шесть недель, однако за это время он успел познакомиться с девушкой Мэри Ньюмен и принять твердое решение после возвращения из плавания жениться на ней.

Всего в экспедиции принимало участие до 500 человек.

В ноябре 1567 г. корабли Хокинса были у африканских берегов. Но все попытки захватить негров оканчивались неудачей. Англичане несли ощутимые потери. Сам Хокинс едва избежал смерти от отравленной стрелы, приняв противоядие, рекомендованное одним из местных жителей. Единственной удачей экспедиции был захват португальской каравеллы, которой командовал французский капитан Бланд. Судно получило новое название — «Божье благословение».

12 января 1568 г. английские корабли подошли к Гвинее. Здесь наконец Хокинсу удалось договориться с местным царьком о доставке невольников. Царек обещал содействие, если Хокинс окажет ему помощь в борьбе с враждебным племенем. Хокинс согласился, и 15 января высадившиеся на берег британские моряки захватили и сожгли селение враждебного племени. Операцей руководил сам Хокинс. Было захвачено 250 человек. Еще столько же дал Хокинсу благодарный царек. Теперь надо было скорее идти к берегам «испанской» Америки. 3 февраля британские корабли покинули Гвинею. Почти через два месяца, 27 марта 1568 г., эскадра достигла острова Доминика в группе Малых Антильских островов. Затем корабли подошли к островам Маргарита и Кюрасао, недалеко от берегов Новой Андалусии, как тогда называлась Венесуэла, где англичанам также удалось продать небольшие партии рабов. Сделки происходили обычно под покровом ночи.

Формально заходы английских кораблей к островам объяснялись необходимостью пополнения запасов продовольствия и воды. Так, в письме губернатору острова Маргарита Хокинс со всей учтивостью писал: «Ваша милость, я подошел к Вашему острову лишь для того, чтобы дать возможность моим людям пополнить запасы продовольствия, которые Вы мне продадите за деньги или обменяете на наши товары, и предполагаю пробыть здесь самое большое около пяти или шести дней. В это время Вы и другие жители можете чувствовать себя в полной безопасности, ибо ни мной, ни кем-либо из моих людей не будет нанесено какого-либо ущерба. Ее величество королева Англии, моя повелительница, при моем отплытии из Англии приказала мне верно служить со всем моим флотом королю Испании, моему бывшему господину, если в этом возникнет необходимость в каком-либо из тех мест, в которые я буду заходить».

На Кюрасао Хокинс разделил свою эскадру. Два корабля — «Юдифь» и «Ангел» — под командой Дрейка он направил в Рио-де-ла-Ачу, остальные суда Хокинс повел к Новой Андалусии. Подойдя к главному городу провинции — Борбурате, Хокинс

послал испанскому губернатору Диего де Леону весьма учтивое письмо, в котором объяснял причину своего появления. Он хотел бы продать 60 рабов и некоторое количество английских товаров, чтобы заплатить своим солдатам. Ему известно, что испанский король запретил подобную торговлю. Но если губернатор все-таки сочтет возможным посетить его и обсудить дело, он будет встречен самым дружеским образом.

От губернатора не ускользнуло слово «солдаты», а его люди уже успели подсчитать количество пушек на английских кораблях. К тому же Мадрид был далеко, а испанские гранды покидали свои богатые поместья на родине не ради «перемены мест», а для обогащения. Дон Диего был весьма опытен в делах колониального управления. И он медлил с ответом, закрывая глаза на действия Хокинса. Тот же не теряя времени открыл магазин в Борбурате и пригласил таможенников и потенциальных покупателей посмотреть привезенных им рабов. Сделка была осуществлена до того, как Хокинс получил наконец ответное послание от губернатора, в котором последний с сожалением сообщал, что не может разрешить ему торговать в испанских колониях. Тем не менее английские суда продолжали стоять на якоре в заливе, и торговля выносливыми рабами и добротнейшей английской одеждой беспрепятственно продолжалась до тех пор, пока Хокинс не решил, что настало время идти на соединение с кораблями Дрейка.

Дрейк же, выполняя поручение Хокинса, прибыл в Рио-де-ла-Ачу и обратился к Кастельяносу с просьбой разрешить набрать пресной воды. Кастельянос ответил огнем расположенных на берегу батарей. Дрейк, в свою очередь, приказал дать два орудийных выстрела в направлении дома Кастельяноса. На этом «сражение» закончилось, и корабли Дрейка, став на якорь, стали дожидаться подхода основной флотилии. Кастельянос тем временем строил фортификационные сооружения вокруг города.

По прибытии в Рио-де-ла-Ачу Хокинс заявил Кастельяносу, что хочет продать 60 рабов. Испанец ответил отказом. Тогда Хокинс высадил на берег 200 солдат и начал бомбардировку города. Испанские колонисты спрятались в окрестных лесах. Вошедшие в город британцы нашли его пустым. Переговоры с Кастельяносом возобновились. Последний еще немного поупрямился, но в конце концов согласился купить 60 рабов за 4 тысячи песо из государственных денег и еще 20 за тысячу песо для своих личных нужд. Практически же Хокинс продал в Рио-де-ла-Аче 150 негров и покинул город. Кастельяносу же предстояло объясняться с испанским монархом по поводу совершенной сделки. Но и на этот раз он вышел из положения с успехом. В письме к королю Кастельянос сообщал, что заплатил 4 тысячи песо англичанам, чтобы выкупить захваченных ими испанцев, а также за то, чтобы они не сожгли город.

Продолжая плавание, Хокинс посетил еще несколько городов, где, как он писал, «испанское население было радо нам, и торговля шла успешно». Но в Картахене, крупнейшем торговом порту Новой Мексики, губернатор наотрез отказался иметь дело с англичанами. Хокинс пробовал для устрашения бомбардировать город, но безуспешно. Испанцы отвечали огнем своих батарей. В состав гарнизона Картахены входили 500 пехотинцев, отряд кавалерии и несколько тысяч вооруженных индейцев. И хотя у Хокинса оставалось еще 50 негров и некоторое количество английских товаров, он решил, что пора возвращаться домой. Приближался август, а с ним наступал период плохой погоды.

24 июля Хокинс покинул Картахену. Он пошел на северо-запад к берегам Кубы, с тем чтобы, обогнув остров, пройти мимо Флориды в Атлантику. Но страшный шторм, разыгравшийся 12 августа и продолжавшийся четыре дня, сильно потрепал его корабли, особенно старый «Иисус из Любека».

Хокинс безуспешно пытался найти подходящую гавань на побережье Флориды, когда налетел новый шторм. «Иисус из Любека» едва держался на воде. Конечно, можно было бы переправить с него людей и ценный груз на другие суда, а затем потопить корабль в Мексиканском заливе. Это было бы естественное и самое верное решение. Но «Иисус из Любека» являлся собственностью королевы, и Хокинс не мог представить себе, как на аудиенции у Елизаветы по прибытии в Лондон он скажет ей, что благополучно вернулись все корабли, кроме королевского.

Хокинс колебался. Но тут он встретил и захватил три испанских судна. Испанцы посоветовали ему идти в порт Сан-Хуан-де-Улоа, находящийся в 15 милях к югу от города Веракруса, из которого вывозилось в Испанию серебро, добываемое в рудниках Мексики. Испанцы также сказали Хокинсу, что скоро туда должен подойти из Севильи флот за серебром.

Корабли, перевозившие драгоценный груз, усиленно охранялись. Капитан-генерал вест-индской торговли Педро Менендес де Авилес предложил королю ничем, кроме драгоценностей, не загружать флагманский и вице-флагманский корабли этих флотов, а как можно сильнее их вооружить, приготовив для возможных встреч с пиратами. Кроме того, он предложил построить 12 хорошо вооруженных галионов сопровождения. Такие корабли были быстро построены на верфях в Бискайском заливе. Хокинс не мог не знать об этом. Поэтому посещение Сан-Хуан-де-Улоа представлялось ему делом весьма опасным. Но он решил рискнуть, надеясь на свою опытность и счастливую звезду.

Вместе с захваченными испанскими судами британские корабли 15 сентября 1568 г. вошли в порт Сан-Хуан-де-Улоа. Испанские власти приняли их за флот из Севильи и потому приготовили пышную встречу. Велико же было их разочарование и огорчение, когда они поняли, что пришли британские корабли.

Однако Хокинс делал все, чтобы доказать испанцам свои добрые намерения. Он заявил, что не собирается отбирать у них сокровища, подготовленные для отправки в Испанию. Он хочет лишь просить разрешения произвести ремонт своих кораблей и пополнить запасы воды и продовольствия. Хокинс послал письмо вице-королю Мексики с одним из испанцев с захваченного корабля. В своем послании он писал, что, будучи подданным британской королевы, любящей сестры короля Филиппа, он надеется на покровительство вице-короля в случае прихода в порт испанского флота. Всех захваченных испанцев он, конечно, освободит и передаст властям их корабли. В то же время Хокинс высадил небольшой отряд моряков на одном из островов залива и установил там орудия. Казалось бы, все было предусмотрено.

Но через два дня после прихода англичан в Сан-Хуан-де-Улоа, утром 17 сентября, появились корабли испанского «золотого флота». Это была первая эскадра, организованная так, как предлагал Менендес. Она состояла из 13 кораблей, ведомых королевским галионом. Ею командовал Франсиско де Лухан. На борту флагманского корабля находился новый вице-король Мексики — Мартин Энрикес.

Дон Мартин направил Хокинсу письмо, в котором сообщал, что если англичане позволят испанским кораблям беспрепятственно войти во внутреннюю часть гавани, то он гарантирует им свободный выход из нее. Хокинс не поверил обещанию вице-короля и в ответном письме предложил другое: во-первых, ему должна быть дана возможность купить продовольствие на берегу на деньги, которые он выручит от продажи находящихся у него рабов; во-вторых, ему будет дана возможность произвести ремонт своих судов; в-третьих, высаженный на острове британский гарнизон должен находиться там до ухода английских кораблей; в-четвертых, договаривающиеся стороны обмениваются 12 заложниками.

Дон Мартин не принял предложений Хокинса, считая, что его слова, слова вице-короля, вполне достаточно. Если Хокинс не уступит, заявил Мартин Энрикес, то я, имея тысячу солдат, войду в гавань с боем. Хокинс был не робкого десятка. «Если он вице-король,— ответил Хокинс,— то я представляю здесь мою королеву и, таким образом, я такой же вице-король, как и он, и если у него есть тысяча человек, то для своих ядер и пуль я найду хорошее применение».

Прошло три дня, а соглашение достигнуто не было. Наконец 20 сентября вице-король сообщил, что принимает условия Хокинса. Хокинс вошел на борт адмиральского корабля, где было подписано долгожданное соглашение и произошел обмен заложниками. Торжественно прозвучали трубы, раздались залпы приветственных салютов, и испанские корабли стали рядом с английскими. Между «Миньоном» и ближайшим испанским кораблем

было примерно 17 метров. Капитаны испанских кораблей были в высшей степени любезны и предупредительны. Но от Хокинса не укрылись опасные действия дона Мартина. Тот послал на лодке своего гонца к губернатору порта с приказом собрать на берегу тысячу солдат в полной боевой готовности.

В течение двух дней, пока команды судов обменивались любезностями, к берегу были стянуты войска; и Хокинс увидел, что ночью между «Миньоном» и испанским кораблем встало большое торговое судно водоизмещением 800 тонн. Оно почти касалось борта «Миньона». Хокинс также заметил, что на это судно перешли моряки с других испанских кораблей. Он послал протест вице-королю. Последний отвечал, что дал приказание прекратить всякие действия, вызывающие подозрения англичан. Но Хокинс, видя, что ничего не изменилось, послал к вице-королю с Робертом Барреттом, хорошо говорившим по-испански, вторичный протест. Положение осложнялось еще и тем, что значительная часть английских моряков сошла на берег, где испанские хозяева усердно угощали их вином. Вице-король, поняв, что Хокинс догадался о его намерениях, приказал запереть Барретта в каюте, выбежал на палубу и взмахнул белым шарфом. Затрубили трубы, и масса людей хлынула с испанского судна на «Миньон». С другого борта у «Миньона» стоял «Иисус из Любека», и Хокинс дал команду солдатам и матросам переходить с него на «Миньон». Одновременно был сделан выстрел по вице-адмиральскому кораблю, которым был взорван пороховой склад и убито 300 испанцев. «Миньон» удалось отбить. В сражение вступили все корабли. В маленькой гавани, шириной всего в полмили, жестоко бились 20 судов. Пороховой дым окутал корабли. Ничего нельзя было разобрать. Можно с уверенностью сказать, что если бы англичанам удалось сохранить свои позиции на островке, в центре гавани, то победа была бы за ними. Но испанский отряд, сосредоточенный на берегу, неожиданно захватил остров. Все английские солдаты, находившиеся там, были убиты, орудия повернуты в сторону британских судов. Были потоплены «Ангел» и «Ласточка». «Божье благословение» был сильно поврежден; капитан Бланд приказал зажечь его и направить в сторону испанских судов. Сам же он с уцелевшими членами экипажа перешел на борт «Иисуса из Любека». Испанцы потеряли четыре корабля. Большой ущерб им наносила артиллерия флагмана англичан. Находившийся там Хокинс руководил сражением с большим хладнокровием. Во время особенно ожесточенного обстрела он послал слугу за пивом. Выпив пива из серебряного кубка, Хокинс поставил его на борт судна. Но в тот же момент кубок был сбит испанским ядром. Обратясь к пушкарям, Хокинс воскликнул: «Ничего не бойтесь, бог, который спас меня от этого выстрела, избавит нас и от этих предателей и негодяев».

Однако испанские ядра сделали свое дело. «Иисус из Любека» почти тонул. Хокинс приказал «Юдифи» и «Миньону» подойти

вплотную к флагману, для того чтобы забрать людей и перегрузить находившиеся в трюмах товары и приобретенные у испанцев драгоценности. Оба судна подошли к «Иисусу из Любека», и работа началась. Но вскоре англичане увидели несущиеся на них два испанских корабля, охваченные огнем. Этот прием широко практиковался в то время. В данном случае испанцы подожгли специально купленные по приказу вице-короля частные торговые суда. При виде этих огромных плывущих факелов англичан охватила паника. Тогда Хокинс решил пожертвовать «Иисусом из Любека» и уходить из Сан-Хуан-де-Улоа на «Юдифи» и «Миньоне».

Но случилось так, что корабли возвращались домой раздельно. Чем это объяснялось, сказать трудно: сохранившиеся сведения очень противоречивы. Одни обвиняют Дрейка в том, что он в трудную минуту бросил Хокинса. Другие его оправдывают. В своем отчете Хокинс писал, что «„Юдифь" бросила нас в нашем несчастье». Но в то же время он сообщает, что Дрейку было приказано подойти к «Миньону» и «забрать людей и необходимые вещи, и он это сделал». Во всяком случае, когда по возвращении Адмиралтейство начало расследование всех обстоятельств плавания, Дрейку не было предъявлено никаких обвинений. Деловые и дружеские отношения с Хокинсами у него сохранились до конца его дней.

Вероятнее всего, Дрейк, взяв людей и грузы, считал своей главной задачей привести благополучно «Юдифь» в Англию, что и было им выполнено. 20 января 1569 г. «Юдифь» подошла к Плимуту. Судно было в хорошем состоянии, на его борту находилось 65 человек.

Обратное плавание «Миньона» сложилось поистине трагически. На судне находилось 200 человек, а продовольствия почти не было. Было ясно, что людей ждет в море голодная смерть. Тогда 100 человек добровольно вызвались остаться на берегу, чтобы дать шанс остальным добраться домой. Они были высажены на испанском берегу. Лишь двум из них, Филипсу и Хартору, через много лет, уже к концу столетия, удалось вернуться домой. Остальные погибли в застенках инквизиции и на галерах. Оставшимся на судне это все равно не помогло. Продовольствие быстро кончилось, были съедены собаки, кошки, крысы и попугаи, имевшиеся на судне. Смерть косила людей. Но все-таки Хокинс довел свой корабль до Плимута. Он вернулся домой на пять дней позже Дрейка, 25 января 1569 г., через четыре месяца после ухода из Сан-Хуан-де-Улоа. На борту «Миньона» осталось в живых лишь 15 человек.

Всю свою жизнь Дрейк не мог простить Мартину Энрикесу его коварства в Сан-Хуан-де-Улоа.

Когда «Юдифь» и «Миньон» совершали свое трудное обратное плавание, в Англии в ноябре 1568 г. произошло событие чрезвычайной важности: в портах страны неожиданно оказалось боль-

шое число испанских судов. Для того чтобы понять происшедшее, надо сделать небольшое отступление.

За год до этого, осенью 1567 г., испанский король Филипп II приказал войскам под командованием испанского гранда дона Фердинанда Альвареса де Толедо, герцога Альбы, войти в непокорные Нидерланды для истребления там «духа мятежа и ереси». Армия Альбы состояла из трех бригад, укомплектованных опытными солдатами, которые, пока им платили жалованье, были лучшим войском Европы. Обходились же они королю дорого. В бригаде было около 3 тысяч солдат, стоивших испанской казне 1,2 миллиона дукатов в кампанию. Один из прибывших отрядов расположился в Генте, другой — в Льеже, третий — в Брюсселе.

Деньги для выплаты жалованья солдатам перевозились на судах. И вот в ноябре 1568 г., когда испанский флот, перевозивший деньги, находился в Ла-Манше, на него напали французские корсары. Флот разделился на три группы, нашедшие спасение в трех английских портах: Фалмуте, Плимуте и Саутгемптоне. Испанский посол Гуэро де Спес обратился к английскому правительству, прося перевезти все деньги, находящиеся на кораблях, в Дувр, где они опять будут погружены на испанские суда. Правительство обещало это сделать, а королева даже предложила эскортировать своими судами испанский флот до Нидерландов. Испанского посла несколько озадачила такая предупредительность, но ему ничего не оставалось, как согласиться с предложением английского правительства. Следует сказать, что выплата таких огромных сумм была не под силу даже столь богатому человеку, как испанский король. Ему приходилось брать займы у банкиров. Деньги, попавшие в руки англичан, были взяты у генуэзского банкирского дома Спинолы. В конце ноября Бенедикт Спинола, представитель банка в Лондоне, получил известие от своего агента в Испании о том, что экспедиция Хокинса окончилась неудачей и все ее участники, включая Хокинса, якобы убиты. Спинолу это известие очень встревожило. Он понимал, что оно может осложнить отношения между Англией и Испанией, а это, в свою очередь, повлечет потерю денег. Но деньги, пока они не будут переданы герцогу Альбе в Антверпене, принадлежат банку. Значит, считал Спинола, еще есть время остановить операцию.

Он написал о полученных известиях британскому адмиралу Винтеру, корабли которого стояли в Плимуте. Винтер немедленно переслал это письмо Уильяму Хокинсу, брату Джона. Страшное известие не лишило Уильяма Хокинса деловой сметки. Он сразу же начал действовать, стараясь извлечь максимум прибыли из создавшейся ситуации.

На следующий день Уильям Хокинс написал письмо государственному секретарю Уильяму Сесилу, прося его лично допросить Бенедикта Спинолу и, если тот подтвердит все, что написал в своем письме, немедленно наложить секвестр на испанские деньги.

Сесил не колебался в принятии решения. 8 декабря деньги были в руках англичан. Разозленный дон Гуэро обратился к герцогу Альбе, прося его наложить эмбарго на собственность всех британских подданных в Нидерландах. 19 декабря герцог Альба выполнил просьбу посла. В тот же день дон Гуэро потребовал от английского правительства возвращения денег. В ответ королева Елизавета наложила эмбарго на всю испанскую собственность в Англии, что намного превышало стоимость британского имущества в Нидерландах.

Наложение королевой эмбарго послужило основанием для захвата товаров испанских кораблей. Герцог Альба послал своего представителя д'Ассонлевилля в Лондон для переговоров. Тем временем испанские корабли, стоявшие в портах Англии, были конфискованы, а их экипажи арестованы. Захваченные деньги были перевезены в Тауэр. Дон Гуэро находился под домашним арестом. По прибытии в Лондон д'Ассонлевилль был арестован, так как не имел верительных грамот от испанского короля.

Но 26 января 1569 г. Дрейк вернулся в Плимут. В ту же ночь Уильям Хокинс послал с ним письмо королеве, прося ее возместить большие убытки, понесенные экспедицией, из средств, которые получены от конфискации испанской собственности в стране. Аналогичное письмо он написал и Сеслу. Через неделю в Плимут вернулся Джон Хокинс, и вопрос о компенсации повис в воздухе. Спор же между Елизаветой и Филиппом был решен следующим образом. Королева взяла на себя долг Филиппа генуэзским банкирам, а Филипп решил впредь посылать деньги армии Альбы сухопутным путем, несмотря на то что это было и медленно, и дорого. Одна такая перевозка требовала 17 повозок, пять смен лошадей и 200 солдат конвоя.

Джон Хокинс и Фрэнсис Дрэйк горели огнем мщения. Но пути мести они выбрали разные. Хокинс прикинулся преданным союзником короля Филиппа. Он вызвался охранять своим флотом подступы к «испанской» Америке и не подпускать вражеские корабли к ее берегам. Для этого он имел достаточный флот, насчитывающий 16 кораблей, в его распоряжении находилось 500 матросов. Хокинс надеялся, что испанцы позволят ему за это участвовать в вест-индской торговле и предоставят бóльшие по сравнению с другими иностранными купцами привилегии.

Для успешного осуществления своего плана Хокинс даже вступил в заговор против своей королевы. Дело в том, что в это время в глубокой тайне готовилось свержение Елизаветы с престола. Испанский король хотел сделать английской королевой Марию Стюарт, королеву Шотландии, находившуюся в заточении в Англии. Нити заговора сосредоточивались у итальянского банкира Ридольди, агента папы римского. После захвата престола Марией Шотландской герцог Альба должен был высадить войска в Англии, использовав для их переброски флот под командовани-

ем герцога Медины. Хокинс просил испанского посла передать королю, что он в критический момент поддержит испанцев. И посол, и король Филипп поверили в искренность англичанина. За это Хокинс просил освободить его матросов, томящихся в испанских тюрьмах, и возместить ущерб, понесенный им. К концу августа 1571 г. матросы были освобождены и отправлены на родину, при этом каждому было выдано по 10 дукатов. Хокинс же получил 40 тысяч фунтов стерлингов. Кроме того, король Филипп дал ему патент на звание испанского гранда. Хокинс вошел в такое доверие к испанскому послу, что тот сообщал ему о каждом шаге, предпринятом заговорщиками. На самом же деле Хокинс и не думал изменять королеве. Он действовал с согласия английского правительства и постоянно обо всем его информировал. В январе 1572 г. королева приказала испанскому послу немедленно покинуть Англию. Заговор был раскрыт. Посол так никогда и не узнал, кому он был обязан провалом, казалось бы, безукоризненно спланированной операции.

План мщения, задуманный Дрейком, вполне соответствовал его характеру. Он был смелым до дерзости. Дрейк бросал вызов самому могущественному монарху мира. Он решил нанести решительный удар Испании там, где сосредоточивались все сокровища, дававшие силу иберийскому владыке. В Сан-Хуан-де-Улоа Дрейк увидел, как стекается серебро Мексики к Атлантическому побережью. Он узнал, что ежегодно все драгоценности, добытые на перуанских рудниках, доставляются на Тихоокеанское побережье Панамы, а оттуда на мулах переправляются в Номбре-де-Диос, порт на Атлантическом побережье. К тому времени сюда приходит испанский флот из Севильи, обычно в составе 70 кораблей, который и доставляет драгоценности в Испанию. Дрейк решил нанести удар именно здесь, в «сокровищнице мира», как называли это место пираты всех стран.

Но сначала Дрейк, как он задумал еще до плавания в Сан-Хуан-де-Улоа, женился на Мэри Ньюмен. Это произошло 4 июля 1569 г. Фрэнсису было 25 лет, его невесте — 17. Ее отец — Гарри Ньюмен — тоже был моряк.

Вскоре после свадьбы Дрейк отправился в Карибское море. Это плавание было одним из этапов подготовки к задуманной экспедиции в Панаму. Оно осуществлялось с такой большой секретностью, что не осталось никаких документов, никаких письменных следов. Неизвестно, когда оно началось и когда кончилось, как проходило. Известно лишь, что в плавании принимали участие два корабля — «Лебедь» и «Дракон» — и что оно осуществлялось на средства адмирала Винтера. Вероятно, это происходило в конце 1569 — начале 1570 г.

В 1571 г. Дрейк снова ушел в плавание. На этот раз на свой страх и риск. Никаких компаньонов у него не было. Плавание осуществлялось на небольшом барке «Лебедь» водоизмещением 30 тонн. Дрейк не афишировал и это предприятие.

На побережье Панамы между Сантьяго-де-Толу и Номбре-де-Диосом Дрейк обнаружил великолепную бухту. Она была достаточно широка и глубока, хорошо защищена от ветров. На берегу росло много фруктовых деревьев. Дрейк назвал бухту портом Фазанов, потому что там он увидел множество этих птиц. Прежде чем корабли Дрейка покинули бухту, он приказал очистить берег от зарослей, прорубить просеки в лесу и спрятать запасы продовольствия. Все это он держал в строгом секрете. Подготовка к давно задуманной экспедиции был закончена.

ПУТЬ К «СОКРОВИЩНИЦЕ МИРА»

24 мая 1572 г. Фрэнсис Дрэйк на двух кораблях, «Паше» (70 тонн) и «Лебеде» (30 тонн), покинул Плимут, бросая вызов самому могущественному флоту мира. Сам Дрейк находился на «Паше», «Лебедем» командовал его младший брат Джон. Корабли имели запасы продовольствия на год, были хорошо оснащены артиллерией. На борту «Паши» в разобранном виде находились пиннасы (род галер, пригодных и для паруса, и для весел, и для береговой, и для речной службы). В экспедиции принимали участие 73 человека. Всем им, кроме одного, было до 30 лет.

Через 12 дней корабли достигли Канарских островов, а на 37-й день плавания они были в Карибском море между островами Доминика и Гваделупа. Дрейк приказал стать на якорь у скалистого необитаемого острова в пяти милях от острова Доминика. Это была первая стоянка со времени выхода из Плимута. Были пополнены запасы пресной воды из ручьев, стекавших с гор. Три дня команды судов отдыхали. 1 июля Дрейк покинул остров, держа курс на Кабо-де-ла-Велу. 12 июля он увидел порт Фазанов.

Дрейк приказал спустить лодку. Подойдя к суше, он увидел, что берег опять зарос так, как будто его и не очищали год назад. Место казалось необитаемым. Но вдруг над деревьями показался дымок. Это крайне встревожило Дрейка. У него с собой не было оружия. Он вернулся на «Пашу», захватил вторую лодку с вооруженными людьми и опять подошел к берегу. На этот раз он высадился. Никого не было видно. Стояла полная тишина. Слышалось лишь пение птиц, и дымилось подожженное дерево. Когда Дрейк подошел к нему, он увидел на соседнем дереве блестевшую в лучах солнца металлическую табличку, на которой было нацарапано: «Капитан Дрейк. Если судьба приведет вас в этот порт, немедленно уходите! Испанцы обнаружили это место и взяли все, что вы оставили. Я ухожу отсюда сегодня, 7 июля 1572 г. Любящий вас друг Джон Гаррет».

Значит, Гаррет был здесь лишь пять дней назад. Дрейк знал этого капитана из Плимута. Вероятно, матросы, участвовавшие

в предыдущем плавании Дрейка и перешедшие на службу к Гаррету, показали эту бухту своему новому капитану. А тот, обнаружив следы испанцев, предупредил Дрейка.

Что было делать? Самое благоразумное — уйти. Но это было не в правилах Фрэнсиса Дрейка. Он решил закрепиться на берегу. Другой столь удобной гавани для осуществления его плана не было, тем более что ближайшее поселение испанцев находилось примерно в 100 милях от порта Фазанов и возможность неожиданного нападения была невелика. Дрейк приказал поставить «Пашу» и «Лебедя» на якорь в гавани. Затем на берегу началось строительство форта. Одна его сторона была обращена к заливу, и в случае опасности можно было быстро покинуть форт, пересев на пиннасы. Растительность на расстоянии 20 метров от форта была вырублена.

На следующий день Дрейка ждал сюрприз. В гавань вошло английское судно. Дрейк узнал его. Корабль принадлежал Эдварду Хорси. Командовал им Джеймс Ренс. На судне было 30 человек экипажа. Среди них оказались матросы, плававшие год назад с Дрейком и теперь показавшие Ренсу заветную гавань. Вероятно, неожиданное появление соотечественников не обрадовало Дрейка, но он решил и это обстоятельство обратить в свою пользу. Он предложил Ренсу участвовать в его экспедиции, тем более что у последнего было два захваченных по пути испанских судна.

Неделю шли приготовления. 20 июля корабли и пиннасы покинули порт Фазанов и поплыли вдоль побережья Панамы. Через три дня они обнаружили три маленьких острова, густо покрытых растительностью. Дрейк назвал их Сосновыми островами. Там он встретил два испанских судна из Номбре-де-Диоса, команды которых состояли из негров. Они сообщили Дрейку очень важные новости. Население Номбре-де-Диоса очень встревожено и даже обратилось к губернатору Панамы с просьбой прислать войска. «Не потому ли, что они узнали, что я здесь?» — осведомился Дрейк. «Нет,— отвечали ему.— Мароны напали на город».

Здесь надо сделать небольшое пояснение. Негры, подвергавшиеся нещадной эксплуатации на плантациях испанских колонистов, бежали в горы. В 1570 г. епископ Панамы писал королю Филиппу, что из каждой тысячи привезенных негров 300 убегают. Беглецы захватывали с собой негритянских и индейских женщин и создавали в труднодоступных местах поселения. Оттуда они нападали на испанцев. За десятки лет численность беглых рабов, или, как их называли, маронов, возросла настолько, что они держали в страхе испанскую колониальную администрацию.

Негры рассказали Дрейку, что мароны захватили в Номбре-де-Диосе 13 негритянских женщин, стиравших белье на реке. А шесть недель тому назад неожиданно напали на город. Можно представить, с каким интересом выслушал Дрейк этот рассказ. Он отпустил негров на свободу, не боясь, что они расскажут о

его появлении. Он был уверен, что будет в Номбре-де-Диосе раньше их.

Дрейк оставил корабли на попечение Ренса, а сам с 70 матросами, своими и Ренса, на четырех пиннасах (три его и одна с корабля Ренса) поплыл к Номбре-де-Диосу. 28 июля он достиг острова, находившегося в 70 милях от Сосновых островов. Ранним утром Дрейк высадил на острове своих людей, раздал оружие и произнес напутственную речь. «Операции обеспечен несомненный успех,— сказал он.— Город не защищен, никто нас не ждет. Наши люди отчаянные храбрецы. Город будет взят».

К вечеру Дрейк двинулся дальше. Пиннасы держались близко к берегу, чтобы дозорные в Номбре-де-Диосе их не обнаружили. Когда до порта оставалось всего шесть миль, Дрейк приказал остановиться. Дождались полной темноты и вновь поплыли. Стараясь производить как можно меньше шума, вошли в гавань. Стали на якорь. Дрейк шепотом отдал команду всем отдыхать. Спутники Дрейка были очень молодые люди, почти мальчики. Нервы их были напряжены. Полная темнота действовал угнетающе. В голову лезли тревожные мысли. Вспоминались рассказы встреченных негров о Номбре-де-Диосе. Воображение рисовало его в виде большого города, подобного Плимуту. Смогут ли они его захватить? Дрейк уловил настроение своих людей. Бездействие угнетало их. Надо было что-то предпринять. Увидев, что луна показалась над горизонтом, Дрейк воскликнул: «Солнце встает. Начинается день. Время пришло!» Атака на Номбре-де-Диос началась в 3 часа утра, на час раньше намеченного времени.

Но опять неожиданность поджидала Дрейка. Через несколько минут после того, как пиннасы направились к берегу, в залив вошло испанское торговое судно. Двигавшиеся по заливу четыре незнакомые пиннасы вызвали подозрение испанского капитана, он понял, что случилось неладное. С корабля была спущена лодка с гонцом, чтобы предупредить людей в городе. Дрейк, заметив это, закрыл своими судами подход к берегу, отрезав лодке путь. Его матросы в это время уже высадились на суше. Шесть пушек, установленных на платформе, возвышавшейся над заливом, охранял лишь один солдат. Увидев высадившихся на берег англичан, он убежал. Вскоре в городе зазвонили колокола, раздался барабанный бой. Вероятно, солдат поднял тревогу.

Оставив 12 человек у пиннас, Дрейк повел остальных на вершину холма в восточной части города. Там, как ему сообщили встреченные негры, стояла артиллерийская батарея, которая могла обстреливать весь город. Но ее не оказалось. Хотя места для установки пушек имелись, самих пушек не было. Дрейк приказал атаковать город. Его брат Джон и девонширец Джон Оксенгем с 16 людьми пошли к зданию казначейства. Сам Дрейк повел 40 человек к рынку, находившемуся в центре города, приказав бить в барабаны и трубить, чтобы усилить страх жителей. Но уже рассвело, и испанцы увидели, что силы напавших незначи-

тельны. Они приободрились. Дрейк был ранен в ногу. Испанцы перешли в атаку. Но неожиданно за их спинами раздался боевой клич англичан: «Святой Георг!» Это Джон Дрейк со своими людьми напал на испанцев с тыла. Те дрогнули и побежали. Дрейк остался хозяином положения. Было взято несколько пленных. Дрейк спросил их, где дом губернатора. Получив ответ, он бросился туда. В этом доме хранилось серебро. Именно серебро, а не золото. Подойдя к дому, Дрейк увидел, что дверь открыта. Около нее стоял прекрасный пони. Он был оседлан и, казалось, поджидал хозяина или хозяйку. Но дом был пуст. Зажженные канделябры на верху лестницы бросали желтый свет на стены. Но Дрейка не отвлекла эта романтическая картина. Он спешил к драгоценностям. Ему говорили, что они находятся в подвале дома.

Спустившись в подвал, Дрейк и его люди увидели груды серебра. Но Дрейк запретил трогать его. «Мы не можем взять сейчас его с собой,— сказал он.— Мы должны сражаться. Город полон вооруженных людей. Они преследуют нас. Да потом ведь это лишь серебро, а золото и бриллианты в казначейском доме на берегу залива. Скорее туда, там мы возьмем столько драгоценностей, что они смогут утопить наши пиннасы. Надо спешить».

Матросы послушались Дрейка и пошли за ним. Но вскоре Дрейк получил известие, что испанцы могут захватить пиннасы, оставленные на берегу, если он со всеми людьми до наступления темноты не придет на помощь. Дрейк тотчас послал брата и Оксенгема сообщить матросам, охранявшим пиннасы, что он скоро придет, а сам направился к дому казначейства. Вернувшиеся Джон Дрейк и Оксенгем рассказали, что марон по имени Диего прибежал из города к пиннасам и просил англичан спасти его. Неделю назад, сказал Диего, 150 солдат были посланы губернатором Панамы защитить город от маронов, т. е. он подтвердил то, что Дрейку сообщили негры с испанских судов. Обстановка с каждой минутой становилась все опаснее. Дрейк должен был действовать быстро и точно, чтобы сокровища оказались в его руках.

Но тут счастье изменило Дрейку. Разразился сильнейший тропический ливень. У англичан вымок порох, запалы мушкетов погасли, тетива луков ослабла. Все были близки к панике. Тогда Дрейк закричал: «Я привел вас в „сокровищницу мира“. Если вы уйдете отсюда без сокровищ, то вините в этом только себя!»

Ливень прекратился так же неожиданно, как и начался. Дрейк приказал брату и Оксенгему идти в дом казначейства. Сам же направился к рынку, но неожиданно покачнулся и упал. Из полученной утром раны хлынула кровь. Он скрывал ранение, чтобы не пугать своих спутников. Его люди бросились к нему, перевязали рану и стали настаивать, чтобы он вернулся на пиннасы. Дрейк отказывался, но силы покидали его, он потерял слишком много крови. Матросы отнесли Дрейка к берегу.

Опасность потерять капитана заставила их забыть о богатствах,

3 Заказ № 924

хранящихся в городе. Его жизнь была им дороже всех сокровищ «испанской» Америки: без него они не смогли бы вернуться на родину.

Переправив на пиннасы всех раненых и захватив испанский корабль, помешавший им на рассвете благополучно осуществить намеченную операцию, экспедиция Дрейка покинула Номбре-де-Диос. На захваченном корабле оказался груз вина с Канарских островов, и это несколько уменьшило горечь неудачи. Англичане потеряли одного человека, испанцы — 18.

Пройдя несколько миль, пиннасы Дрейка подошли к небольшому острову Бастиментос, который служил местом летнего отдыха жителей Номбре-де-Диоса. Там Дрейк и его люди увидели множество садов, где росли различные плодовые деревья. Было много кур и других очень приятных на вкус птиц, неизвестных англичанам. Люди отдыхали, залечивали раны. Никто их не беспокоил. Казалось, испанцы забыли про них.

Но через два дня на острове появился изящный молодой человек и сказал, что он послан губернатором. Дрейк, хотя и решил, что это губернаторский шпион, принял молодого человека весьма любезно и осведомился о причине его визита. Испанец ответил, что губернатор хотел бы знать, тот ли это Дрейк, который уже дважды побывал в «испанской» Америке и оставил о себе хорошую память гуманным обращением с захваченными им испанцами. «Я тот самый Дрейк»,— ответил капитан. Посланец губернатора также спросил, не были ли отравлены стрелы, которыми ранены многие испанцы во время столкновения в Номбре-де-Диосе, и если да, то как лечить раны. Губернатор поручил также спросить, сказал молодой человек, не нуждается ли Дрейк в продовольствии: он готов прислать ему все необходимое.

Дрейк отвечал, что не в его обычае использовать отравленные стрелы и что любой хирург в состоянии лечить эти раны. Что касается продовольствия, то на острове его в изобилии. Но тут хладнокровие покинуло Дрейка. «Я советую губернатору смотреть во все глаза,— зло сказал он испанцу.— До своего ухода, если бог сохранит мою жизнь, я намерен собрать часть вашего урожая, который вы снимаете с этой земли и посылаете в Испанию, чтобы держать в беспокойстве весь мир».

«Могу ли я позволить себе узнать, почему вы в таком случае не взяли 360 тонн серебра, находящегося в губернаторском доме, и еще большего количества золота, хранящегося в железных ящиках казначейского дома?» — спросил посланец губернатора. Дрейк ответил, что был ранен и люди унесли его. Испанец вежливо отметил, что в таком случае его люди так же благоразумны, как и храбры. Номбре-де-Диос, добавил он, не ищет реванша, но хорошо подготовился к обороне.

Диалог, весьма характерный для того времени, окончился вполне в духе века: Дрейк пригласил посланца губернатора отобедать с ним. Во время обеда Дрейк был изысканно любезен,

а когда испанец собрался уходить, сделал ему дорогой подарок. Возвратясь в Номбре-де-Диос, посланец губернатора говорил, что «никогда за всю его жизнь ему не оказывалось такой чести».

На острове Дрейк имел еще более важный разговор со спасенным мароном Диего. Из его рассказа Дрейк узнал, что река Чагрес имеет выход в Карибское море в 18 лигах от Номбре-де-Диоса. Именно туда подходят небольшие суда, поскольку река слишком мелка. Затем они плывут по реке до города Вела-Крус, находящегося в 18 лигах от устья реки и всего в пяти лигах от города Панамы на Тихоокеанском побережье, куда привозят драгоценности из Перу. Из Панамы на мулах их переправляют в Вела-Крус, а там перегружают на подошедшие суда. Последние доставляют их в Номбре-де-Диос. Эту операцию можно осуществлять только зимой, когда река наиболее полноводна. В летние месяцы сокровища либо лежат на складах в Панаме, либо доставляются в Номбре-де-Диос сухопутным путем.

Дрейк послал своего брата Джона на одной из пиннас проверить рассказ Диего. Остальные три пиннасы вернулись к кораблям, оставленным у Сосновых островов. Дрейк умышленно в весьма драматических тонах рассказал Ренсу о неудаче, случившейся с ним в Номбре-де-Диосе, чем весьма напугал своего коллегу, который поспешил прекратить «сотрудничество» с Дрейком и ретироваться. Этого только и надо было Дрейку. Он хотел остаться один перед решительной схваткой за золото.

Джон Дрейк выполнил поручение успешно. Вернувшись, он рассказал брату, что в Вела-Крус можно добраться на пиннасах за три дня, что дорога, по которой проходят караваны с драгоценностями, хорошо видна с реки и легкодоступна. Джон установил также дружеские отношения с местными маронами.

Поскольку, как справедливо полагал Дрейк, все города на Атлантическом побережье Панамы встревожены его появлением и подготовились к отпору, необходимо переждать, дать улечься волнению. Поэтому Дрейк решил сначала идти в Картахену. 13 августа его корабли бросили якорь у острова Сен-Бернардо, находящегося недалеко от Картахены. На одной из пиннас Дрейк подошел к входу в бухту и увидел там стоявший на якоре испанский корабль. На нем Дрейк нашел только одного матроса, объяснившего ему, что вся команда сошла на берег. Испанец рассказал Дрейку, что за два часа до этого мимо корабля прошла в Картахену испанская пиннаса, с борта которой его спросили, не видел ли он английские или французские корабли, и предупредили, чтобы он был начеку. Моряк также показал на другой испанский корабль, стоявший в глубине гавани, и сказал, что на следующий день он должен плыть в Санто-Доминго и на нем нет никакого груза. Дрейк поспешил захватить корабль. Его действия увидели с берега и открыли орудийный огонь. Тем не менее Дрейк успел благополучно увести оба корабля, причем второе судно было большим, водоизмещением 250 тонн.

Захваченные корабли Дрейк привел к острову Сен-Бернардо. По дороге туда он захватил два посыльных испанских корабля, которые везли в Картахену известие о нападении Дрейка на Номбре-де-Диос. Таким образом у него скопилось слишком много кораблей, а людей было мало. Дрейк сжег два судна, в том числе «Лебедь», являвшийся его собственностью и составлявший почти весь его капитал. Испанские корабли Дрейк отпустил.

С одним «Пашой» и тремя пиннасами он ночью покинул Сен-Бернардо. Дрейк опять направился к Панаме и через пять дней обнаружил очень удобную и хорошо скрытую от проходящих судов гавань. Обосновавшись там, он послал 5 сентября брата Джона с Диего на пиннасе установить контакты с маронами, а сам на остальных двух отправился на поиски продовольствия. Он достиг устья реки Магдалены, протекающей по территории современной Колумбии, и в течение дня плыл по ней. Высадившись на берег, он обнаружил огромные склады с продовольствием, предназначавшимся к отправке в Испанию. На складах находились и различные деликатесы для стола испанских грандов. Дрейк забрал все, оставив в тот год иберийский нобилитет без привычных заморских лакомств. 10 сентября Дрейк направился в обратный путь. По дороге он захватил три испанских судна, груженных свиньями, курами и гвинейской пшеницей, два из которых привел с собой в гавань, названную им портом Изобилия.

К этому времени Джон Дрейк уже вернулся с хорошими новостями. Он сообщил, что предводитель маронов по имени Педро обещал сделать все, что в его силах, чтобы помочь Дрейку. Джон также обнаружил очень удобную гавань, расположенную гораздо ближе к Номбре-де-Диосу, чем порт Изобилия.

На следующий день все корабли Дрейка уже плыли к новой гавани. Там Дрейк встретился с Педро. Тот спросил Дрейка, что он хочет получить за свое хорошее отношение к маронам. Дрейк не колеблясь ответил: золото. Педро сказал, что, хотя он и его люди не понимают ценности золота, другое дело железо — из него можно делать наконечники для стрел, они часто отнимают его у испанцев и прячут на берегах реки. Мароны с удовольствием отдали бы золото Дрейку, но сейчас берега затоплены. Начавшийся сезон дождей не позволит и караванам из Панамы доставить золото в Номбре-де-Диос. «Как долго это продлится?» — спросил Дрейк. «Пять месяцев»,— был ответ.

Временем Дрейк располагал, и отсрочка его не страшила, но тревожило столь длительное бездействие команды. Он хорошо знал, что это может иметь пагубные последствия. Поэтому Дрейк завел все свои и захваченные испанские суда в гавань, открытую братом, приказал перенести пушки на сушу. Оставив Джона сторожить форт, Дрейк на двух пиннасах поплыл к Картахене, расположенной в 200 милях от гавани.

Дул попутный ветер, и через пять дней корабли подошли к

острову Сен-Бернардо. Там Дрейк бросил якорь. В порт он не заходил, несмотря на все уловки испанских властей заманить его суда. Дрейк выводил из себя испанцев, осматривая, но не захватывая входившие в порт корабли, как если бы был хозяином Картахены. Наконец 3 декабря Дрейк поплыл к реке Магдалене, а оттуда к городу Санта-Марта, находившемуся на полпути между Картахеной и Рио-де-ла-Ачей. Здесь он едва избежал гибели. Предупрежденные о его приходе испанцы сосредоточили в лесу на высоком западном берегу залива, в месте, наиболее удобном для стоянки судов, артиллерию. Когда корабли Дрейка подошли туда, неожиданно раздались орудийные залпы, и ядра стали падать в воду рядом с английскими судами. Дрейк поспешил оставить город и увел пиннасы в открытое море. Люди страдали от голода. Команды пиннас начали роптать, так как со времени ухода из Картахены англичане не встретили ни одного испанского корабля, на котором можно было взять продовольствие. Тогда Дрейк решил собрать офицеров, выслушать их мнения и поступить так, как сам считал нужным. Это была его обычная практика.

В данном случае офицеры с одной пиннасы считали, что нужно высадиться на побережье восточнее того места, где они находились, и попытаться достать продовольствие у местного населения. Офицеры с другой пиннасы также требовали немедленной высадки для поисков продовольствия. «Мы готовы следовать за тобой вокруг всего света,— говорили они,— но сейчас нам почти нечего есть. На восемнадцать человек экипажа пиннасы у нас только один окорок и тридцать фунтов печенья. Мы все умрем, если не достанем продовольствия». Дрейк отвечал, что они находятся в лучшем положении, чем он сам. На его пиннасе такое же количество продовольствия приходится на 24 человека. Он уверен, что они последуют за ним, положась на «божественное провидение, которое никогда не оставляет тех, кто верует в бога». И отдал приказ плыть к острову Кюрасао, находившемуся в 500 милях к востоку.

Люди со второй пиннасы очень неохотно последовали за капитаном. Но Дрейка ждала удача. Пиннасы не прошли и семи миль, как увидели испанский корабль. Дрейк немедленно приказал остановить его. Испанцы, увидев подходившие пиннасы, открыли по ним орудийный огонь. Сильная волна мешала Дрейку начать ответную стрельбу со своих маленьких суденышек. Когда волнение на море несколько успокоилось, с пиннас начался обстрел испанского корабля, а затем они подошли к нему вплотную, и люди Дрейка захватили судно. На нем оказалось много продовольствия. Дрейк отпустил испанцев с миром, сам же поплыл дальше, но уже в другом направлении. Пусть испанцы ждут его где-нибудь у побережья Новой Андалусии. Он пойдет к оставленным на Джона судам. Настало время соединить силы для осуществления главной цели.

Через 17 дней плавания Дрейк достиг Форт-Диего, так он назвал место, где семь недель назад приказал построить укрепленный лагерь. Здесь его ждали плохие новости. Его брат Джон, плывя на пиннасе вдоль берега, встретил испанское судно, которое попытался захватить. Но и сам он, и его люди были почти безоружны. Джон бросился на палубу корабля во главе штурмующей группы, держа в одной руке сломанную рапиру, а в другой вместо щита подушку, и получил пулю в живот. «Не прошло и часа, как этот юноша, подававший большие надежды, окончил свои дни»,— писал один из спутников Дрейка.

Дрейка ожидала и другая беда. Десять человек заболели, и большинство из них умерли через несколько дней. Среди умерших был второй брат Дрейка — Джозеф. Надо заметить, что это единственный случай, когда в описаниях жизни Дрейка, воспоминаниях современников и сподвижников упоминается имя его брата Джозефа. Остались не известными ни обстоятельства его жизни до этого плавания, ни даже возраст.

Дрейк приказал хирургу вскрыть тело Джозефа, чтобы выяснить, что за болезнь поразила команду. Вразумительного ответа Дрейк не получил: сам хирург умер через несколько дней. Один из спутников Дрейка впоследствии писал: «Это был первый и последний эксперимент в области анатомии, который капитан сделал во время плавания».

В начале января 1573 г. мароны, служившие Дрейку разведчиками, принесли известие о том, что в Номбре-де-Диос прибыл из Испании флот под командованием Диего Флореса де Вальдеса, а в Панаме ведется подготовка к перевозке драгоценностей на Атлантическое побережье.

Дрейк послал одну из своих пиннас под названием «Лев» проверить сообщение маронов. Это нетрудно было сделать, ибо если флот действительно прибыл, то испанцы должны были свозить в Номбре-де-Диос на судах продовольствие из разных городов своих американских владений. «Лев» вскоре встретил испанский корабль из Толу, груженный маисом, курами и тыквой. Продовольствие предназначалось для флота, стоявшего в Номбре-де-Диосе. Судно вместе с 13 испанцами, составлявшими его экипаж, было доставлено в Форт-Диего. Там Дрейку с немалыми трудностями удалось уговорить маронов не убивать захваченных испанцев.

Было самое время начинать главное дело. Дрейк оставил часть своей поредевшей команды охранять захваченных испанцев, а сам с 18 матросами и 25 маронами выступил в поход через Панамский перешеек. Мароны оказывали Дрейку большую помощь. Они служили носильщиками, добывали пищу, охотясь на зверей и птиц, разбивали лагерь обычно на берегу рек, в тех местах, где было вдоволь овощей и фруктов. Вооружены они были луками и стрелами. Боевые стрелы были подобны шотландским, но несколько длиннее, с наконечниками из железа, дерева

или рыбьих костей. Для охоты на крупного зверя они использовали стрелы с железными наконечниками весом в полтора фунта. Для охоты на небольших животных у них были стрелы с наконечниками, весившими вдвое меньше, а на птиц — стрелы с наконечниками весом не более 30 граммов. Железо на наконечниках было хорошо закалено, и они не тупились. В путь отправлялись с восходом солнца и шли до 10 часов утра. Отдыхали два часа. В полдень возобновляли переход и шли до 4 часов дня. После этого останавливались на ночевку. Мароны разбивали лагерь, готовили пищу.

На третий день отряд Дрейка пришел в селение маронов, которое было расположено на склоне холма недалеко от реки. Селение было окружено рвом шириной в три метра и обнесено стеной высотой в четыре метра. В нем была одна широкая улица и несколько узких, пересекавших ее. Всего в селении было 50 домов. Оно имело очень опрятный вид. Жители по случаю прихода отряда Дрейка оделись в праздничные платья в испанском стиле. Вокруг селения на расстоянии трех миль постоянно находились патрули маронов, предупреждавшие об опасности в случае появления испанцев, хотя от испанских поселений было более 100 миль.

На следующий день в полдень Дрейк возобновил переход. Четыре марона бесшумно шли впереди основного отряда, 12 составляли арьергард. Было прохладно, высокие и ветвистые деревья давали густую тень.

В 10 часов утра, на четвертый день перехода, отряд Дрейка достиг места, одинаково удаленного как от Тихого, так и Атлантического океана. Здесь на вершине дерева находилась построенная маронами деревянная площадка. Забравшись на нее, Дрейк увидел в сверкающих лучах солнца сразу два океана: голубые воды Атлантического и желтые воды Тихого. Это было совершенно фантастическое зрелище, особенно после многих дней пути в полумраке тропического леса. Вместе с Дрейком на платформе стояло еще несколько англичан, в том числе Джон Оксенгем. Все почувствовали величие момента: они были первыми британцами, увидевшими Тихий океан, или «Испанское озеро», как называли его монархи пиренейских стран, ревниво охранявшие свои владения.

Взволнованный Дрейк, обращаясь к своим соотечественникам, поклялся, что, «если всемогущий бог продлит его дни», он «пройдет на британском корабле по этому морю». А Джон Оксенгем добавил, что, «если капитан не прогонит его, он последует за ним во славу божью». Но Оксенгему была уготована другая судьба. Впоследствии он предпринял самостоятельное плавание, попал в руки испанцев и умер в тюрьме Лимы, так и не побывав в Тихом океане.

Отряд Дрейка продолжал свой путь через лес, пока не вышел на очень красивое открытое место, заросшее высокой и сочной

травой, которая, к удивлению англичан, росла быстрее, чем скот успевал поедать ее. Теперь они находились совсем недалеко от Панамы. Скоро показалась башня городской церкви. 14 февраля Дрейк подошел к дороге на Вела-Крус.

Педро, предводитель маронов, сопровождавших отряд Дрейка, переодел одного из своих людей в одежду, которую носили негры в Панаме, и послал в город узнать, в какой день и час караван с драгоценностями отправится в Вела-Крус. Обычно караваны из Панамы в Вела-Крус выходили ночью, поскольку дорога проходила по открытой саванне. Вторая часть пути от Вела-Круса до Номбре-де-Диоса совершалась днем, так как, если нельзя было переправить драгоценности по реке, приходилось идти густым лесом.

Марон ушел в Панаму за час до наступления темноты и вскоре вернулся. В городе ему удалось встретиться с друзьями, от которых он узнал, что караван с драгоценностями, возглавляемый самим казначеем Лимы (с ним будут его жена и дочь, поскольку все семейство собралось ехать в Испанию), выйдет той же ночью. Восемь из четырнадцати мулов будут нагружены золотом и драгоценными камнями, остальные — багажом казначея. За первым караваном последуют еще два, состоящие из 50 мулов, причем один повезет продовольствие и немного серебра, другой — золото и драгоценные камни. Дрейк приказал своим людям надеть белые рубашки, чтобы в темноте не напасть друг на друга. Затем он разбил отряд на две группы. Первой, во главе с Оксенгемом и Педро, он приказал залечь в траве по одну сторону дороги и не нападать на караван, пока с ними не поравняется последний мул. Вторую группу, которой Дрейк решил командовать сам, он расположил на противоположной стороне дороги, несколько впереди, приблизительно на расстоянии, которое займет на дороге караван. План его заключался в том, чтобы одновременно напасть на первого и последнего мулов каравана. Мулы шли один за другим. Почуяв опасность, вожак обычно ложился, за ним ложились и остальные животные. Движение прекращалось.

Прошло 35 недель со времени выхода Дрейка из Плимута. До сих пор его преследовали неудачи. Но теперь он твердо рассчитывал на успех. Ему казалось, что несметное богатство перуанских рудников уже в его руках.

Прошел час. Наконец в безмолвии тропической ночи послышался звон колокольчиков, которые обычно привешивали к шее мулов. Но, увы, шел караван со стороны Вела-Круса с продовольствием и товарами для населения Панамы. Только бы не показались в это же время мулы из Панамы. Но нет. Караван из Вела-Круса почти весь прошел, когда раздались звуки колокольчиков со стороны Панамы. Перуанские сокровища приближались.

Дрейка отделяло от них лишь несколько сот метров. И в это время случилась неожиданность, разрушившая весь план опера-

ции. Матрос Роберт Пайк, умудрившийся напиться пьяным, встал во весь рост и бросился к последнему мулу каравана, шедшего из Вела-Круса. В следующее мгновение на него прыгнул марон, находившийся рядом с ним, и прижал его к земле. Но было уже поздно. Один из всадников, сопровождавших караван, увидел мелькнувшее в темноте белое пятно рубашки англичанина и галопом помчался по дороге в направлении Панамы.

Дрейк ничего не знал о случившемся. Ему только показалось через некоторое время, что караван остановился. Он не понимал, в чем дело, но все еще был уверен, что встретится с казначеем столицы Перу.

Но казначей, услышав о подозрительном белом пятне, неожиданно появившемся у дороги, остановил первый караван, свел его с дороги и пропустил вперед второй, мулы которого были нагружены в основном продовольствием. Когда караван подошел к месту засады, Дрейк дал сигнал к нападению. Его людям ничего не стоило захватить караван. Но когда они начали вскрывать мешки, то ни золота, ни драгоценных камней не обнаружили. В поклаже было лишь продовольствие и немного серебра.

Тут же Дрейку рассказали о случившемся. Вероятно, о его присутствии уже знают в Панаме. Посланные в разведку мароны доложили о приближающемся испанском отряде. Дрейк приказал приготовиться к бою. Вскоре показались испанские солдаты. Их офицер, увидя в темноте какие-то фигуры, крикнул: «Кто вы такие?» Дрейк ответил: «Англичане».— «Сдавайтесь во имя короля Филиппа. Даю слово джентльмена и солдата, что я встречу вас со всем почтением».— «Во имя королевы Англии,— отвечал Дрейк,— я найду свой путь». Началась перестрелка. Пуля задела Дрейка, были ранены несколько его людей, один убит. Тем не менее Дрейк, свистком подозвав к себе всю группу, бросился на испанцев. Те начали отступать в направлении небольшого форта, расположенного у дороги недалеко от Вела-Круса. В это время мароны, громко крича, выскочили из засады и бросились на испанцев. Преследуя испанцев, отряд Дрейка вошел в Вела-Крус, небольшой город, в котором было не более 50 домов. Не найдя сколько-нибудь значительных запасов драгоценностей в городе, Дрейк покинул его.

Люди очень устали, Дрейк сам сильно страдал от еще не зажившей раны в ноге. Поэтому он приказал остановиться на отдых и послал одного из маронов в Форт-Диего сообщить, что скоро вернется. Зная, что Эллис Хиксон, который был оставлен за старшего, не поверит никому на слово, Дрейк взял золотую зубочистку и нацарапал на ней: «От меня, Фрэнсис Дрейк». Действительно, Хиксон поверил только тогда, когда посланец показал ему зубочистку Дрейка. Вечером 22 февраля, когда Дрейк подошел к заливу, он увидел свои пиннасы и матросов, ожидавших его.

Неудача не поколебала намерений Дрейка захватить испанские сокровища. Время еще не было потеряно: «золотой флот»

пока находился в Номбре-де-Диосе. Дрейк разделил свой отряд на две группы. Одну группу во главе с Оксенгемом он послал на пиннасе «Медведь» на поиски продовольствия, а сам во главе второй группы на пиннасе «Миньон» отправился подстерегать испанские корабли в Номбре-де-Диосе.

Первая экспедиция закончилась успешно. Оксенгем захватил испанский фрегат с командой в десять человек, на котором был большой запас маиса, 28 жирных свиней и 200 кур. Но еще бóльшую ценность представлял для англичан сам корабль. Это было совсем новое, крепкое, построенное в Гаване из отборного материала судно, предназначавшееся для охранной службы в Вест-Индии.

С Дрейком же случилось вот что. Он захватил испанский корабль, перевозивший золото из Веругуа в Номбре-де-Диос. Шкипер судна, генуэзец, сказал Дрейку, что вышел в плавание неделю назад. В городе, по словам шкипера, была паника, вызванная слухами о возможном приходе Дрейка. Город почти не защищен, его легко взять, но надо поспешить. Дрейк приказал перегрузить золото с испанского корабля на «Миньон» и, взяв с собой генуэзца, поспешно направился в Веругуа. Но счастье опять отвернулось от него. Когда «Миньон» подошел к входу в гавань, раздались орудийные выстрелы с берега. Вопреки сообщению генуэзского шкипера порт бдительно охранялся. К тому же ветер переменился, и пиннаса не могла войти в гавань. Дрейк вынужден был повернуть назад.

Дрейку очень понравился захваченный Оксенгемом фрегат. Он приказал перенести на него артиллерию и запасы продовольствия. На этом корабле в сопровождении пиннасы «Медведь» Дрейк направился в Номбре-де-Диос. На третий день пути англичане встретили французский корабль, шедший из Гавра. Командовал им капитан Тету, гугенот. Он рассказал Дрейку о массовом убийстве гугенотов в Париже в ночь накануне дня святого Варфоломея. Тету выразил желание принять участие в нападении на Номбре-де-Диос и в знак дружбы подарил Дрейку золотую саблю, которая, по его словам, принадлежала французскому королю Генриху II. Тоннаж французского корабля был значительно больше, чем у британского судна. Команда из 70 человек по численности более чем вдвое превосходила команду Дрейка. Поэтому последний согласился на партнерство только после того, как договорился с Тету о том, что в операции будет участвовать одинаковое число людей, по 20 с обеих сторон, и добыча будет поделена пополам. Корабли стали на якорь в месте, указанном Дрейком. В течение пяти дней шла подготовка к предстоящей операции. Затем захваченное испанское судно, пиннаса «Медведь» и большой бот с французского корабля, экипаж которых составлял 40 человек (20 французов, 15 англичан и 5 маронов), направились к Рио-Франсиско, расположенному в 20 милях от Номбре-де-Диоса. Там высадились на берег. Высланные в разведку мароны сообщили, что караваны

мулов движутся к Номбре-де-Диосу и везут столько серебра, золота и драгоценных камней, что отряд Дрейка не сможет все унести. Одного серебра 25 тонн. По их сведениям, идут три каравана: в одном 50, а в двух других по 70 мулов.

Операция была проведена успешно. Как и было задумано раньше, люди Дрейка напали прежде всего на первого и последнего мулов. Остальные животные сразу же легли на дорогу. Охрана караванов, состоявшая из 45 солдат, сопротивлялась недолго. Правда, во время перестрелки был тяжело ранен Тету. Англичане и французы взяли каждый столько золота, серебра и драгоценных камней, сколько могли унести. Остальное закопали в землю. На все это ушло два часа. Вдруг послышался топот копыт. Приближался испанский отряд. Люди Дрейка спрятались в лесной чаще. Два дня они шли к Рио-Франсиско. Капитану Тету становилось все хуже. Два матроса вызвались отнести его к берегу. Один французский матрос, напившийся пьяным, отстал от отряда.

Утром 4 апреля, подойдя к Рио-Франсиско, отряд Дрейка увидел семь испанских пиннас, охранявших выход в море. Все было потеряно. Очевидно, испанцам удалось захватить и «Пашу», и французский корабль, и корабль, ранее отбитый англичанами у испанцев. Путь дальше был отрезан.

Дрейк не мог знать, что его нападение на караваны вызвало сильнейшее беспокойство испанских колониальных властей. Но особенно их тревожило участие маронов в нападениях англичан и французов. Они прекрасно понимали, что им грозит, если, получив поддержку англичан и французов, мароны выступят против них. Тревожные послания были направлены королю Филиппу.

Когда мэр Номбре-де-Диоса Диего Кальдерон узнал о случившемся, он повел солдат к месту нападения Дрейка на караваны. По дороге испанцы захватили капитана Тету и убили его. Через некоторое время был найден и отставший француз. От него испанцы узнали, где Дрейк спрятал часть захваченных драгоценностей. Выкопав сокровища, они вернулись в Номбре-де-Диос. Одновременно испанские колониальные власти приказали своим кораблям патрулировать побережье, чтобы не дать Дрейку уйти. Эти-то патрульные суда и увидел Дрейк в Рио-Франсиско.

Дрейк не растерялся и в этом, казалось бы, безвыходном положении. Из поваленных бурей деревьев он приказал сделать плот. Дрейк решил, что, возможно, его суда находятся в открытом море, так как побережье охраняется испанцами. Его план состоял в том, чтобы незаметно проскочить через испанский кордон и поискать свои корабли. Один английский матрос, два французских, а также мароны во главе с Педро, который, кстати сказать, не умел плавать, вызвались сопровождать Дрейка.

Плот был спущен на воду. Незаметно для испанских судов Дрейк вышел в открытое море и через шесть часов плавания нашел две свои пиннасы. Матросы были очень встревожены, увидев, как мало людей вернулось из похода. Настроение поднялось

лишь тогда, когда Дрейк протянул им золотой слиток, сказав: «Благодарю бога, дело сделано!»

Ночью пиннасы незаметно подошли к берегу. На них были погружены драгоценности. Часть людей во главе с Оксенгемом и Педро осталась на берегу. Им Дрейк поручил найти капитана Тету, а также закопанные сокровища. Затем пиннасы вышли в море. Уходя спать, Дрейк распорядился разделить захваченные драгоценности поровну между англичанами и французами.

Отряд, которым командовали Оксенгем и Педро, встретил лишь одного из французских моряков, оставшихся с Тету. Он рассказал, что произошло после ухода Дрейка с места нападения на караваны. Оксенгем все-таки проверил место, где были закопаны сокровища, и нашел кое-что, не обнаруженное испанцами. Вернувшись, Оксенгем передал Дрейку еще некоторое количество золота и серебра.

Наступило время возвращаться на родину. Распрощавшись с французами, которые направились в Нормандию, оставив «Пашу» испанцам, Дрейк на захваченном испанском фрегате в сопровождении одной из пиннас направился к устью Магдалены. Для возвращения на родину ему нужен был еще один корабль, и он хотел захватить какое-нибудь подходящее испанское судно.

Пройдя мимо Картахены, Дрейк увидел стоявший там огромный испанский флот. Он не мог, конечно, напасть на него. Но не мог и удержаться, чтобы не подразнить испанцев. Корабль Дрейка с развевающимся флагом святого Георга на мачте и длинными шелковыми лентами, спускавшимися с борта в воду, прошел мимо Картахены на виду у стоявшего флота. У устья Магдалены Дрейк увидел испанское судно, которое захватил после короткой стычки. Корабль был гружен маисом, курами и свиньями. Этого продовольствия было достаточно на всю обратную дорогу. Затем Дрейк вернулся назад.

Он высадил экипаж испанского судна на берег. Надо было прощаться и с маронами. Дрейк спросил Педро, что бы тот хотел получить от него на память. К своему неудовольствию, Дрейк услышал в ответ, что вождь маронов хочет получить саблю, подаренную французским капитаном Дрейку, с которой тому никак не хотелось расставаться. Но делать было нечего, и Дрейк передал саблю французского короля «королю» маронов.

Несколько дней ушло на подготовку кораблей к длительному плаванию. Все было приведено в порядок, и Дрейк отправился к родным берегам. Корабли шли в направлении Кабо-Сен-Антони на Кубе. Там они захватили небольшой испанский барк, на котором была лишь одна нужная им вещь — насос для откачивания воды из трюма. Забрав его, Дрейк отпустил испанцев.

Через 442 дня после начала плавания, 9 августа 1573 г., Дрейк вернулся в Плимут. Было воскресное утро, и в церкви святого Андрея шла служба. Слух о прибытии Дрейка быстро разлетелся по городу. Молящиеся выбежали из церкви, оставив священника

в одиночестве. Они спешили увидеть своих героев. Из 74 человек, уходивших с Дрейком в плавание, вернулось 40. Эти потери были не выше обычных по тем временам.

На какую точно сумму привез Дрейк драгоценностей, осталось неизвестным. Приводимые в разных источниках цифры мало что говорят. Тем более трудно представить их сегодняшний эквивалент. Несмотря на то что пришлось половину отдать французским партнерам и поделиться с оставшимися в живых членами экипажа, Дрейк вернулся из плавания состоятельным человеком. Теперь он не зависел от богатых судовладельцев. Деньги дали ему уверенность в собственных силах.

Дрейк купил дом в Плимуте и сам стал судовладельцем, приобретя три корабля. Чем занимался Дрейк в течение последующих двух лет, неизвестно. Это было время относительно мирного развития отношений между Англией и Испанией. «Деятельность» Дрейка в «испанской» Америке в то время, естественно, не афишировалась, о новом плавании в Вест-Индию не могло быть и речи. Поэтому, вероятно, Дрейк и решил на время уйти в тень. Похоже, что он тогда использовал свои суда для перевозки английских солдат в Ирландию, которая доставляла Англии не меньше беспокойств, чем Нидерланды Испании.

С весны 1575 г. Дрейк по рекомендации Джона Хокинса поступил на службу к графу Эссексу, которому королева Елизавета поручила усмирение Ирландии. Осенью того же года он оставил службу и возвратился в Лондон. К этому времени англо-испанские отношения вновь стали откровенно враждебными. Дрейк привез с собой письмо графа Эссекса к новому государственному секретарю Фрэнсису Уолсингему (прежний государственный секретарь Уильям Сесл стал канцлером и получил титул лорда Берли), в котором Дрейк рекомендовался как человек, могущий быть успешно использован в борьбе против испанцев, ибо имел в этом деле большой опыт.

Уолсингем был вождем «военной партии» в окружении королевы, выступавшей за войну с Испанией. В конце 1575 г., когда британское правительство обсуждало вопрос о возможной войне с Испанией, он получил почти полную поддержку кабинета. Даже лорд Берли, глава «мирной партии», был охвачен военной лихорадкой. Лондонские купцы, вначале несколько опасавшиеся открытия военных действий, активно выступили за войну с Испанией после того, как в январе 1576 г. в Англию пришли известия о том, что судно, принадлежавшее Томасу Осборну, одному из крупнейших британских коммерсантов, было захвачено в испанском порту и команда брошена в застенки инквизиции.

Считая войну с Испанией неизбежной, Уолсингем предложил королеве отправить морскую экспедицию, которая наносила бы удары по наиболее уязвимым местам испанской колониальной империи. Он рекомендовал Дрейка для командования этой экспедицией. Был создан «синдикат» для субсидирования экспедиции.

Свою долю внесли Уолсингем, два королевских фаворита — граф Лейстер и Хеттон, известное флотское семейство Винтер (два представителя которого непосредственно участвовали в экспедиции) и Джон Хокинс. Дрейк также внес значительную сумму.

План экспедиции готовился в первой половине 1577 г. Уолсингем вызвал Дрейка и, показывая на карту, спросил, где, по его мнению, королю Филиппу может быть нанесен наиболее чувствительный удар. Дрейк сказал, что в его владениях в Америке.

Тогда же Дрейк получил секретную аудиенцию у королевы, которая целиком поддержала его замысел нападения на Панаму. Более того, она заявила о желании иметь свой пай в экспедиции и передала Дрейку значительную сумму денег. Елизавета приказала ему держать строго в тайне ее личное участие в этом деле, пригрозив лишить головы того, кто об этом разболтает. Канцлер лорд Берли тоже ничего не должен знать, подчеркнула она.

Берли хотя и поддерживал внешне «военную партию», но внутренне был против любых предприятий, которые могли бы осложнить отношения Англии с Испанией. Об этом свидетельствует письмо нового испанского посла в Лондоне — Бернардино де Мендосы, занявшего место Гуэро де Спеса, королю Филиппу, которое он написал вскоре после приезда в английскую столицу: «Во время моих разговоров с королевой я нашел ее очень восстановленной против Вашего величества; большинство ее наиболее влиятельных министров — Лейстер, Уолсингем и Сесл (лорд Берли.— *К. М.*) — отдалились от нас; правда, последний, хотя и действует в согласии с ними... уклоняется во многих случаях... Он не хочет разрывать с Лейстером или Уолсингемом потому, что они имеют сильную поддержку... что вынуждает друзей Вашего величества плыть по течению».

Королева подозревала Берли и в том, что он втайне поддерживает Марию Стюарт.

Дрейк спешил с подготовкой экспедиции. Помимо всего, его не могло не возбудить известие о том, что Джон Оксенгем, его спутник в последнем плавании, уже давно отправился к вест-индским берегам, горя желанием первым войти в Тихий океан.

Никто не знал, куда именно направится экспедиция, возглавляемая Дрейком. Экипажам судов было сказано, что они пойдут в Средиземное море, порт назначения — Александрия. Вездесущий Гуэро де Спес в своем сообщении королю Филиппу от 20 сентября 1577 г., то есть незадолго до начала экспедиции, писал, что пират Дрейк с несколькими небольшими судами должен плыть в Шотландию, чтобы выкрасть шотландского принца.

Ничего не узнал о целях плавания Дрейка и новый посол — Бернардино де Мендоса. До его приезда в Лондон Уолсингем и граф Лейстер сообщили Елизавете, что заговорщики, к которым принадлежит и дон Гуэро, готовятся убить ее и возвести на английский престол шотландскую королеву Марию Стюарт. Гуэро де Спес был схвачен и посажен в тюрьму. Это случилось 19 октября.

Англия находилась на грани войны с Испанией. Граф Лейстер начал готовить войска для высадки в Нидерландах в помощь Вильгельму Молчаливому. Джон Норрис встал во главе отрядов английских волонтеров, высказавших желание сражаться под нидерландским флагом.

В разгар военных приготовлений, 15 ноября 1577 г., в 5 часов пополудни, Дрейк, никем не замеченный, вышел в море. Даже всеведущие испанские шпионы ничего не знали об этом.

Флотилия Дрейка состояла из пяти кораблей. Сам Дрейк находился на «Пеликане» (100 тонн), на котором развевался адмиральский флаг. Вице-адмиральским кораблем был барк «Елизавета» (80 тонн), которым командовал Джон Винтер. В экспедиции участвовали также «Златоцвет» (30 тонн) под командованием Джона Томаса, «Лебедь» (50 тонн), командиром которого был Джон Честер, и «Бенедикт» (15 тонн) под командованием Томаса Муна. На кораблях в разобранном виде находились четыре пиннасы. Все корабли были хорошо вооружены, имели запас продовольствия на 18 месяцев.

Экипаж состоял из 164 человек, в число которых входили матросы, солдаты, юнги. Были аптекарь, сапожник, портной и священник. Последний подробно описал плавание. Сам Дрейк, не любивший писать, никаких записок после себя не оставил. На судах находилось десять молодых людей из знатных и богатых английских семей, и среди них Томас Доути, бывший секретарь графа Эссекса, с братом Джоном. В составе экипажа были родной брат Дрейка Томас и кузен Джон, сын дяди-адмирала — Роберта Дрейка.

Каюта Дрейка была отделана и обставлена с большой роскошью. Посуда, которой пользовался Дрейк, была из чистого серебра. Дрейк даже взял с собой пажа, стоявшего около его кресла, когда он обедал. Во время еды играли четыре музыканта. Дрейк объяснял всю эту роскошь тем, что хочет поразить воображение тех народов, которые посетит, и тем возвеличить престиж своей родины. Может быть, это намерение у него и было, но вообще-то Дрейк любил жить среди изящных и красивых вещей и выглядеть важным аристократом.

Королева послала Дрейку в подарок благовония и сладости, вышитую морскую шапку и зеленый шелковый шарф, на котором золотом были вышиты слова: «Пусть всегда хранит и направляет тебя бог».

Всю ночь корабли шли на юго-запад в направлении Лизарда, но на следующее утро, когда они достигли Фалмута, ветер переменился и сбил их с намеченного курса. Затем начался сильный шторм, бушевавший два дня, и, хотя корабли успели укрыться в гавани Фалмута, два из них — «Пеликан» и «Златоцвет» — были сильно повреждены, на них пришлось срубить грот-мачты. Для починки кораблей необходимо было вернуться в Плимут, куда корабли и вошли 28 ноября.

Через 15 дней, 13 декабря 1577 г., «подняв,— как писал священник Ф. Флетчер,— более счастливые паруса», корабли Дрейка опять отправились в путь. Как только скрылась земля, Дрейк объяснил экипажу, что, если какой-либо из кораблей отделится от остального флота, встреча назначается у острова Могадор, у берегов Марокко. Попутный ветер помог кораблям достичь марокканских берегов утром в рождество, 25 декабря. В тот же день Дрейк был у острова Могадор.

Остров расположен в одной миле от материка, у входа в прекрасную гавань. Прибытие кораблей было замечено местными жителями, которые, стоя на берегу, криками и знаками выражали желание попасть на них. Дрейк послал на берег лодку, в которую сели два марокканца, на берегу оставили одного английского матроса в качестве заложника до их возвращения. На корабле в честь гостей был устроен банкет, после которого им были вручены подарки. Марокканцы остались очень довольны и, покидая корабль, предложили привезти товары для обмена на английские. Предложение было принято. Вернувшись на берег, они отпустили заложника. На следующий день в назначенный час англичане увидели на берегу верблюдов, нагруженных товарами для обмена. Марокканцы опять попросили англичан послать лодку.

Когда лодка подошла к берегу, один из англичан, Джон Фрей, как об этом заранее договорились, выпрыгнул на сушу. Но тут его неожиданно схватили и увели за скалы так быстро, что никто из англичан не успел броситься ему на помощь. Впоследствии выяснилось, что марокканцы думали, что прибыли корабли португальского флота, и хотели разузнать, подойдут ли еще суда. Когда же правитель страны, к которому привели Фрея, услышал, что прибывшие корабли не португальские, а английские, он отослал Фрея назад с богатыми подарками для Дрейка в знак своей дружбы и уважения к его стране.

Тем временем Дрейк во главе небольшого отряда высадился на берег, чтобы освободить своего матроса. Не встретив никакого сопротивления, он углубился в лес и обнаружил там форт, построенный португальцами. Не найдя Фрея, Дрейк и его люди вернулись на корабль. 31 декабря корабли снялись с якоря и пошли в направлении мыса Бланко. Вернувшийся на берег Фрей уже не нашел своих соотечественников. Но султан распростер свою любезность до того, что вскоре отправил Фрея на родину на английском торговом судне.

К мысу Бланко корабли подошли 16 января 1578 г., захватив по пути несколько испанских судов. Дрейк провел там шесть дней, дав отдохнуть команде и пополнив запасы продовольствия. Англичане были поражены, обнаружив, что лежащая перед ними страна была совершенно лишена воды. Марокканцы покупали ее у экипажей заходивших кораблей. В обмен на воду они предложили амбру, мускус, вино и даже женщину. «Очень тяжело на-

казал бог этот берег!» — замечает в своем дневнике Ф. Флетчер.

Дрейк отпустил захваченные испанские корабли, перегрузив на свои суда все имеющееся на них продовольствие и другие нужные ему предметы. Один корабль он задержал, дав его владельцу взамен «Бенедикт». Испанское же судно Дрейк переименовал, назвав его «Христофор», и оно вошло в состав экспедиции.

21 января корабли Дрейка покинули мыс Бланко, взяв курс на острова Зеленого Мыса. 30 января Дрейк был уже у острова Майо (в группе островов Зеленого Мыса), а на следующий день — у острова Сантьягу, где захватил отличный испанский корабль, груженный вином, мешками с шерстяной и полотняной одеждой, шелком и вельветом. Но самым ценным было то, что среди экипажа испанского судна оказался опытнейший португальский штурман Нуньеш да Сильва, хорошо знакомый с побережьем Бразилии. А туда-то и лежал теперь путь экспедиции Дрейка. Дрейк отпустил весь экипаж захваченного судна, но задержал да Сильву, который оставался с ним в течение 15 месяцев плавания.

Да Сильва, невысокий, смуглый 60-летний человек, был очень наблюдателен и после освобождения его Дрейком, попав к инквизиторам Мексики, дал очень интересные показания как об экспедиции Дрейка, так и о нем самом.

Да Сильва нашел корабль Дрейка прекрасно приспособленным для длительного плавания, а самого Дрейка опытнейшим мореходом. Он заметил, что Дрейк очень увлекался книгами по навигации, испытывал особое пристрастие к географическим картам. На каждом захваченном судне Дрейк прежде всего искал карты, компасы, астролябии и, как только находил, сразу забирал. Он внимательно изучал книгу о плавании Магеллана, с которой не расставался. Двоюродный брат Дрейка Джон по его поручению постоянно делал зарисовки берегов тех гаваней, куда заходили корабли. Дрейк считал это очень полезным.

2 февраля Дрейк оставил острова Зеленого Мыса и направился к Бразилии. 19 февраля английские суда пересекли «линию раздела», как в то время называлась проведенная папой римским на карте линия, разделявшая испанские и португальские владения. 1 апреля показался бразильский берег. Этот длинный отрезок пути корабли шли без остановок.

В течение всего этого плавания, замечает Ф. Флетчер, мы не переставали удивляться и восхищаться «господом великим, создавшим неисчислимое количество как маленьких, так и огромных тварей в необозримых морях». Мы установили, продолжает он, что великие философы древности, такие, как Аристотель, Пифагор и многие другие, как греки, так и римляне, ошибались, считая тропическую зону ненаселенной вследствие невыносимой жары. Напротив, эта зона оказалась поистине раем как на суше, так и на море, с которым ничто сравниться не может. «Ничто не может быть более приятным для жизни человека, чем эта зона».

Единственной неприятностью было то, что иногда не хватало пресной воды, но «господь давал нам воду с небес».

С удивлением смотрели англичане на невиданных морских животных и рыб, особенно поразили их летающие рыбы. Ф. Флетчер пишет, что если бы он сам не видел летающих рыб, то не поверил бы рассказам о них и назвал бы рассказчиков лжецами.

5 апреля корабли подошли к берегу у устья Ла-Платы. Люди Дрейка нуждались в отдыхе после долгого плавания. Но сойти на землю не удалось. Внезапно разразилась страшная буря. Стало темно. «Наступила тьма египетская»,— замечает Флетчер. Корабли понесло к берегу, где оказались опасные отмели. И вот здесь на выручку пришел Нуньеш да Сильва. Ему экспедиция была обязана своим спасением. Он благополучно вывел корабли в море. Лишь один «Христофор» наскочил на мель, но скоро ему удалось сняться.

Да Сильва объяснил своим спутникам причину столь неожиданной бури вполне в духе того времени. Берег, который они видели, сказал да Сильва, назван португальцами Землей Дьявола. Дело в том, что, когда португальцы начали жестоко преследовать коренных жителей, те, чтобы спастись, продали свои души дьяволу. И теперь, продолжал да Сильва, когда они видят корабль у своих берегов, то начинают бросать в воздух песок, отчего внезапно встает густой туман, потом наступает такая тьма, что невозможно отличить небо от земли. Поднимается такой страшный ветер и дождь, что никто не может спастись. Так они погубили множество португальских судов, разбивавшихся у здешних берегов. Думая, что подошедшие корабли тоже принадлежат португальцам, они и на них наслали бурю.

Когда шторм кончился, все корабли, кроме «Христофора», оказались в сборе. Дрейк решил опять идти в устье Ла-Платы, где заранее был намечен сбор судов, если они потеряют друг друга при переходе через Атлантический океан.

Через два дня после прихода туда английских кораблей к ним присоединился «Христофор». Дрейк поэтому назвал место их стоянки мысом Радости. Затем около недели корабли Дрейка шли вверх по реке. Это было весьма приятное для экипажа путешествие. Матросы отдыхали, на кораблях пополнялись запасы пресной воды. 27 апреля Дрейк повернул назад и, выйдя в открытое море, направился на юг вдоль побережья. Потерялся «Лебедь», которым командовал Томас Доути. Дрейк был огорчен. Объяснялось это тем, что к тому времени он начал серьезно подозревать Доути в намерении сорвать экспедицию. Дрейку нашептывали об этом еще в Англии, указывая на связь Доути с лордом Берли, к которому тот хотел даже поступить личным секретарем. А лорд Берли продолжал оставаться сторонником «мягкой линии» в отношении Испании, и его пугала возможность обострения англо-испанских отношений в случае успеха плавания Дрейка.

Дрейк, однако, не обнаруживал своих подозрений. Более того,

он проявлял к Доути очевидное расположение. Доути был назначен капитаном флагманского корабля «Пеликан». Когда был захвачен испанский корабль, на борту которого находился да Сильва, Доути был переведен на него, а еще спустя некоторое время назначен на «Лебедь». И вот теперь именно «Лебедь» исчез. Подозрения Дрейка в отношении Доути перешли в уверенность.

12 мая, подойдя к 47° ю. ш., Дрейк обнаружил гавань, которая ему понравилась как удобное место стоянки. Дрейк решил сам, взяв лодку с «Елизаветы», обследовать бухту. Но не успел он вернуться на борт корабля, как повторилось то, что англичане наблюдали в первые дни у бразильского берега: неожиданно стемнело и началась сильнейшая буря. Наутро Дрейк обнаружил исчезновение второго судна — «Златоцвета». Свою поредевшую флотилию Дрейк повел дальше на юг, к порту Святого Юлиана, где останавливался еще Магеллан. Через два дня корабли бросили якорь. Найдя место очень удобным для стоянки, Дрейк тем не менее решил сначала заняться поисками пропавших кораблей. Капитану «Елизаветы» Винтеру он приказал идти на юг, а сам на «Пеликане» отправился на север и вскоре встретил «Лебедя». Когда «Пеликан» подошел вплотную к борту «Лебедя», весь груз с него был перенесен на корабль Дрейка. Переведена была и команда, в том числе и Доути. Затем Дрейк распорядился уничтожить «Лебедя». После этого он приказал судить Доути. Судьями были назначены им офицеры кораблей.

В число судей вошел друг Доути — Викари, который заявил, что подобный суд неправомочен решать вопрос о лишении Доути жизни. «Я и не поручал вам решать этот вопрос,— ответил Дрейк.— Оставьте его решение мне. Вы должны только определить, виновен он или нет».

Суд состоялся, и, по словам Флетчера, вина Доути была полностью установлена. Сам обвиняемый ее признал и сказал, что если судьи не вынесут ему смертный приговор, то он сам станет своим палачом. Судьи в количестве 40 человек единогласно вынесли смертный приговор. Определение вида казни представлялось на усмотрение Дрейка. Суд происходил на небольшом островке в заливе порта Святого Юлиана, который Дрейк назвал островом Истинной Справедливости.

После того как приговор был вручен Дрейку, которому, как сообщает Флетчер, королева на последней аудиенции перед отплытием из Англии подарила меч, сказав при этом: «Мы считаем, что тот, кто нанесет удар тебе, Дрейк, нанесет его нам», он приказал позвать Доути и прочитал ему приговор. Затем Дрейк предложил Доути на выбор: «быть казненным здесь, на острове, или вернуться в Англию, чтобы предстать перед Тайным советом королевы».

Доути, как передает Флетчер, «смиренно поблагодарил генерала за мягкость, проявленную к нему», и попросил дать время

подумать. На следующий день Доути сообщил свое решение: «Хотя я и виновен в совершении тяжкого греха и теперь справедливо наказан, у меня есть забота превыше всех других забот — умереть христианином; мне все равно, что станет с моим телом, единственное, чего я хочу — это быть уверенным, что меня ждет будущая лучшая жизнь. Я опасаюсь, что оставленный на суше среди язычников вряд ли смогу спасти свою душу. Если же решу вернуться в Европу, то мне понадобятся корабль, продовольствие и команда. Если даже Дрейк даст мне все необходимое для плавания, то все равно не будет желающих сопровождать меня на родину, а если и найдутся такие, то для меня путь домой будет той же казнью, но долгой и мучительной вследствие глубоких душевных переживаний от сознания своей тяжкой вины. Поэтому я от всего сердца принимаю первое предложение генерала, только прошу дать мне возможность перед смертью принять святое причастие вместе с друзьями и умереть, как подобает джентльмену».

Просьба осужденного была удовлетворена. На следующий день Доути вместе с Дрейком причастился. После принятия причастия они вместе пообедали, подбадривая друг друга. На прощание выпили один за здоровье другого, «как если бы им предстояло обычное путешествие».

После обеда «не теряя времени Доути встал на колени и обнажил шею. Взглянув на окружающих его людей, он попросил молиться за него и, положив голову на плаху, сказал палачу, чтобы тот делал свое дело без страха и жалости... По странной, роковой случайности,— замечает Флетчер,— инцидент, которому место в жизнеописаниях Плутарха, произошел примерно в то же самое время года и в том самом месте», где 58 лет назад Магеллан обрек на смерть Картагена, кузена епископа Бургосского, вице-адмирала знаменитой экспедиции. «Покидая остров,— пишет Флетчер,— мы назвали его Кровавым».

В зарубежных исследованиях о Дрейке инцидент в порту Святого Юлиана описывается с многочисленными подробностями. Авторы не единодушны в его оценке. Заметкам Флетчера полностью доверять нельзя. Они были написаны через несколько лет после завершения плавания, когда Дрейк находился в зените славы и пользовался покровительством королевы. Сказать что-нибудь не в пользу национального героя, каким был тогда Дрейк, было практически невозможно. Неверной представляется и другая крайняя точка зрения, что суд над Доути и его казнь были «юридическим убийством». Скорее всего Дрейк имел некоторые основания подозревать Доути в некорректном поведении. Но несомненно также, что факты, обличавшие Доути, передавались Дрейку в сильно искаженном виде. Нельзя не учитывать и то, что Доути вызвал сильнейшее раздражение адмирала тем, что сообщил ему о самовольном присвоении ценностей с захваченного испанского корабля, на котором находился да Сильва, бра-

том Дрейка — Томасом. Дрейк тогда отстранил Доути от командования этим кораблем и вместо него назначил Томаса. Представляется, что казнь Доути была вызвана совокупностью причин. Тут и возбуждаемая врагами осужденного подозрительность Дрейка, и его растущая неприязнь к Доути, а самое главное — желание полностью исключить какие бы то ни было возможности для внутренней оппозиции в экипаже накануне самой ответственной части экспедиции.

Дрейк провел в порту Святого Юлиана почти месяц — с 20 июля по 15 августа. Он дал возможность экипажу хорошо отдохнуть перед походом. Так Дрейк поступал всегда. Тогдашние корабли были небольшими по размерам, и командам было тесно, а плавания были очень долгими. Их продолжительность целиком зависела от капризов погоды. На кораблях не было льда и никаких приспособлений для длительного хранения продуктов. Вода тухла, мясо портилось, мука и сухари червивели. Люди жестоко страдали от цинги и лихорадки. Поэтому, когда корабли подходили к берегу, первой заботой капитана было набрать свежей воды, фруктов, овощей и, если возможно, мяса.

22 июня Дрейк, взяв с собой несколько человек, в том числе своего брата Томаса, высадился на берег. Их встретили два молодых патагонца. Они были высокого роста. Магеллан называл патагонцев великанами. По возвращении домой его спутники рассказывали фантастические истории о размерах и силе патагонцев, изображая их как неких чудовищ. Ф. Флетчер поэтому ядовито замечает в своем дневнике, что испанцы, верно, не думали, что англичане смогут побывать в этих местах и изобличить их во лжи. В самом деле, пишет Флетчер, патагонцы были высокого роста, но не такого уж чрезмерного, и в Англии можно встретить людей такого же роста.

Патагонцы были настроены очень дружелюбно. Они с удовольствием взяли предложенные им подарки. Один из спутников Дрейка, Роберт Уинтерн, нес лук. Патагонцы в руках тоже держали луки. Началось своеобразное соревнование. Стрела, пущенная англичанином, пролетела вдвое большее расстояние, чем стрела патагонца. Это вызвало их восхищение, и они стали вести себя еще более дружески. Но тут подошли два старых патагонца. Они явно сердились на молодых, резко выговаривая им что-то на неизвестном англичанам языке и яростно жестикулируя. Уинтерн подумал, что и они хотят посмотреть, как он искусно стреляет из лука. Он натянул тетиву, готовясь выстрелить, но она вдруг оборвалась. Этот, казалось бы, незначительный случай обернулся трагедией. Патагонцы решили, что белые плохо вооружены. И прежде чем Уинтерн успел подготовить свой лук, один из патагонцев пустил стрелу, вонзившуюся Уинтерну в плечо. Вторая стрела пробила ему легкое. Видя это, корабельный канонир Оливер выстрелил из мушкета. Но мушкет дал осечку, и Оливер был убит на месте. Дрейк поднял упавший мушкет и

выстрелил в патагонца, убившего Оливера. Пуля попала ему в живот. Раненый начал так страшно кричать, что его товарищи бросились наутек. Сражение окончилось. Уинтерн еще дышал. Его унесли на корабль, где он через несколько часов умер. На следующий день утром Дрейк похоронил двух своих моряков на берегу. После этого до конца стоянки никаких инцидентов с патагонцами у Дрейка не было.

Плывя вдоль восточного берега Южной Америки, англичане неоднократно встречались с коренным населением. Впечатления от всех встреч очень живо описал Ф. Флетчер. Вопреки сообщениям испанцев о кровожадности и злобности жителей Южноамериканского континента Флетчер отмечал их добродушие, приветливость, готовность прийти на помощь. «Они проявили по отношению к нам,— пишет он,— бо́льшую сердечность, чем многие христиане, бо́льшую, чем я нахожу среди многих своих братьев по вере в моей стране». Как только англичане высаживались на берег, жители несли им пищу и «чувствовали себя счастливыми, когда видели, что еда нам понравилась». Часто они приносили мясо страусов, которые водятся там в изобилии. Но съедобно только мясо с ноги страуса, с остальных частей его трудно снять. Страусы не могут летать: их крылья очень слабы. Но бегают они так быстро, что жители не могут их поймать даже с помощью собак. Туземцы ловят страусов только хитростью. Они заметили, что страусы обычно держатся стадом и передвигаются гуськом, как утки в воде. Во главе стада идет вожак, которому все подчиняются. Если кто-нибудь уклонится в сторону, вожак его окликает. В том случае, когда это не помогает вожак сворачивает в сторону, противоположную той, куда отклонился строптивый член стада. «Если тот отклонился в правую сторону, вожак идет в левую, и наоборот, пока не внесет порядок». Заметив это, туземцы придумали следующее: один из них надевает на голову и верхнюю часть тела страусовое чучело, затем, стараясь подражать движениям этих животных, наклоняет голову, и, делая вид, что щиплет траву, нагоняет стадо. Потом охотник начинает нарочно уклоняться в сторону, заставляя вожака изменить направление. Таким образом стадо направляется в заранее приготовленную засаду в ущелье между холмами или в лесу, где прячутся другие охотники, мужчины и женщины с собаками, вооруженные луками, копьями, дубинками, сетями, камнями. При умелых действиях охотников удается захватить все стадо. Мясо высушивают на скалах под лучами летнего солнца и запасают на всю зиму.

Англичан удивляло то, что вначале коренные жители старались избегать встреч с ними. Потом англичане узнали, что туземцы ждали ответа от «бога Сетебоса, который есть дьявол, но которого они почитают за верховное божество», могут ли они доверяться белым или нет. Надо сказать, что имя бога Сетебоса было известно и Шекспиру. Видимо, он нашел его в одном из

тогдашних описаний плаваний в Южную Америку. В «Буре» дикарь Калибан говорит: «Ему подвластен даже Сетебос, бог матери моей».

Наконец местные жители начали подходить к англичанам, рассматривать предлагаемые им предметы: бусы, колокольчики, ножички и т. п. Однажды туземец, стоявший около Дрейка, прельщенный красивым цветом его шляпы, снял ее с головы адмирала и надел на свою, а затем, подумав, что Дрейк может быть недоволен, взял лук и глубоко ранил себя стрелой в икру. Из раны полилась кровь. Туземец собрал горсть крови и протянул Дрейку, «показывая этим, что очень любит генерала и готов отдать ему свою кровь, и поэтому тот не должен сердиться на то, что он взял такую мелочь, как шляпа». Другой туземец, сообщает Флетчер, стоя рядом с матросами, выпивавшими свою утреннюю чарку вина, тоже попросил выпить. Вино было крепкое и сразу ударило ему в голову. Он свалился с ног и не мог уже встать. Когда туземец пришел в себя, то потребовал еще вина. Но на этот раз он решил пить не стоя, а сидя и вытянул чарку до дна. С того дня туземец стал каждое утро приходить к английским морякам и требовать выпивку. Он даже выучил по-английски слово «вино» и, подходя к англичанам, начинал его выкрикивать. «Со временем,— заключает этот рассказ Флетчер,— он стал выпивать больше вина, чем 20 человек».

В одежде, продолжал Флетчер, туземцы не испытывают большой нужды. Хотя они и ходят голыми, но имеют средство, предохраняющее их от холода. Оно заключается в том, что вскоре после рождения ребенка мать смазывает его тельце особым составом, состоящим из страусового сала, нагретого на огне и смешанного с мелом, серой и чем-то еще, и, втирая его в кожу, закупоривает тем самым поры. Это повторяется ежедневно и, не останавливая роста, делает кожу нечувствительной к холоду.

Тело свое они раскрашивают: некоторые в черную краску, оставляя незакрашенной только шею; другие одно плечо красят черным, а второе белым; бока и ноги красят обязательно разными красками. На частях тела, окрашенных в черный цвет, изображаются белые луны, на окрашенных в белый — черные солнца. Возможно, окраска тоже предохраняет тело туземцев от холода. Мужчины втыкают отполированные деревянные или костяные палочки в нос и нижнюю губу. Волос на голове никогда не стригут, перехватывают их шнуром из страусовых перьев и вкладывают туда самые разные предметы: стрелы, ножи, зубочистки и другие вещи. Как только найдут добычу, тут же разводят костер и поджаривают мясо на огне, разрезав на куски, каждый фунтов по шести. Вынув мясо из огня, «раздирают его зубами, как львы, одинаково мужчины и женщины».

Туземцы делают музыкальные инструменты из коры деревьев, сшивая куски ее и кладя внутрь маленькие камушки. Эти инструменты, напоминающие детские погремушки, они подвеши-

вают к поясу, когда начинают танцы. Танцы они любят до безумия. Шум этих погремушек так на них действует, что они становятся как сумасшедшие. Они могли бы, кажется, танцевать до смерти, замечает Флетчер, если бы кто-то из друзей не снимал погремушки, и тогда они сразу останавливаются и долгое время не могут прийти в себя.

Единственное оружие туземцев — это луки и стрелы. Они посылают стрелы с удивительной силой. «Мы не заметили,— сообщает Флетчер,— что эти люди имеют какое-либо правительство; они живут как хотят, за исключением того, что объединяются в племена в нескольких своих провинциях и не допускают над собой никакого командования».

11 августа Дрейк приказал всей команде собраться на берегу. Он стоял у открытого входа в свою палатку так, что все его хорошо видели и слышали. С одной стороны около него стоял капитан Винтер, а с другой — капитан Джон Томас. У Дрейка в руках была толстая записная книга. Вот как описывает очевидец, Джон Кук, последовавшие за этим события. Флетчер приготовился было сказать проповедь, но Дрейк перебил его: «Нет, полегче, мистер Флетчер, проповедь сегодня буду говорить я сам». Обращаясь к собравшимся, Дрейк сказал: «Господа, я очень плохой оратор, но то, что я скажу, пусть каждый хорошо запомнит, а потом и запишет. За все, что скажу, я буду отвечать перед Англией и королевой, и все это я записал здесь в своей книге. Так вот, господа, мы здесь очень далеко от нашей родины и друзей и со всех сторон окружены врагами. Стало быть, мы не можем дешево ценить человека, потому что не найдем здесь его и за десять тысяч фунтов. Значит, мы должны оставить все столкновения и разногласия. Клянусь богом, я прямо с ума схожу, как подумаю о столкновениях между джентльменами и моряками. Я требую, чтобы этого не было. Джентльмены с моряками и моряки с джентльменами должны быть друзьями. Покажем же, что мы все заодно, и не доставим врагу радости видеть наши раздоры. Я уверен, что среди нас нет человека, который отказался бы взяться за канаты... И вот еще: если кто-либо желает вернуться домой, то пусть мне скажет; здесь есть „Златоцвет“, корабль, без которого я могу обойтись и отдать тому, кто хочет возвращаться. Но чтобы это было действительно домой, а то, если встречу на своем пути, пущу на дно. До завтра у вас хватит времени подумать, но клянусь, что говорю вам правду». Экипаж ответил, что никто не хочет возвращаться, что все они желают разделить его участь. «Тогда хорошо, господа,— сказал он.— Идете ли вы в плавание по доброй воле или нет?» Все отвечали, что идут по доброй воле. «В таком случае, господа,— продолжал Дрейк,— от кого вы хотите получать жалованье?» — «От вас»,— был ответ. «Тогда скажите, хотите ли вы получить жалованье сейчас или доверяете мне оставить его у себя?» — спросил Дрейк. «Доверяем вам»,—

ответила команда. Затем Дрейк приказал эконому с «Елизаветы» сдать ключи, что тот и сделал. После этого, обращаясь к Винтеру, капитану «Елизаветы», Джону Томасу, капитану «Златоцвета», Томасу Худу, капитану «Пеликана», и другим офицерам, сказал, что освобождает их от обязанностей. Винтер и Джон Томас спросили Дрейка, за что он сместил их. Тот ответил, что вина их совершенно очевидна.

Дрейк сказал, что все были свидетелями преступления, совершенного Томасом Доути, в котором тот полностью признался. А ведь он очень доверял Доути, тот был его правой рукой. Это все знают. «Королева приказала ему,— сказал Дрейк,— никому не рассказывать о цели плавания, особенно лорду Берли. А Доути выдал план путешествия лорду Берли, вы слышали, как он сам в этом признался. Но даю слово джентльмена, что больше казней не будет. Я больше ни на кого не подниму руку, хотя есть здесь такие, которые этого заслуживают. Есть люди,— продолжал Дрейк,— старающиеся мне повредить. Они распространяют слухи о том, что на это путешествие дали деньги мистер Хеттон, сэр Уильям Винтер и мистер Хокинс. Но я хочу рассказать вам, как было на самом деле. Лорд Эссекс написал обо мне государственному секретарю Уолсингему как о человеке, который лучше, чем кто-либо другой, может сражаться с испанцами, имея в виду мой опыт и практику. Уолсингем встретился со мной и сообщил, что ее величество, оскорбленная испанским королем, желает отомстить ему. И он показал мне план действий, прося под ним подписаться. Но я отказался это сделать, потому что бог может отозвать ее величество к себе, а ее наследник вдруг заключит союз с королем испанским и тогда моя подпись будет меня уличать. Вскоре королева потребовала меня к себе и сказала приблизительно так: „Дрейк, дело в том, что мне хотелось бы отомстить королю Испании за нанесенные обиды". Потом добавила, что я единственный человек, который может это сделать, и она хочет выслушать мой совет. Я ответил ее величеству, что в самой Испании мало что можно сделать и что лучшее место для нанесения удара испанцам — это их Индия».

Затем Дрейк показал запись королевы на пай в 1000 фунтов стерлингов и привел ее слова, что, если кто-нибудь из ее подданных сообщит об этом испанскому королю, тому не сносить головы.

Дрейк заключил свою речь такими словами: «И теперь, господа, подумайте о том, что мы сделали. Мы сейчас столкнули между собой трех могущественных государей: ее величество, короля испанского и короля португальского. Если наше плавание не завершится успехом, мы не только будем посмешищем в глазах наших врагов, но также станем навечно огромным пятном на лице нашей святой родины». После этого Дрейк сказал, что прощает всех офицеров, и предложил им приступить к исполнению их обязанностей.

17 августа корабли Дрейка снялись с якоря. Двухмесячное пребывание в порту Святого Юлиана закончилось. В путь отправилось всего три корабля: «Пеликан», «Златоцвет» и «Елизавета». Дрейк не любил больших флотилий: это затрудняло плавание. Много времени тратилось на поиски судов, которые во время штормов и туманов отделялись от остальной флотилии. «Лебедь», как говорилось выше, был уничтожен еще в мае, а перед отплытием из порта Святого Юлиана было уничтожено захваченное испанское судно «Мария».

20 августа показался мыс Девственниц, или мыс Девственной Марии, как называли его испанцы, огромный серый утес, о который разбивались волны, казавшиеся, по замечанию Флетчера, струями, выпускаемыми китами. Это был торжественный момент для Дрейка. Мимо мыса Девственниц Дрейк должен был войти в океан, увиденный им впервые пять с половиной лет назад с высокого дерева в панамской саванне. Дрейк приказал всем кораблям спустить марсель в честь аглийской «королевы-девственницы». В честь фаворита королевы Христофора Хеттона, в гербе которого была лань, Дрейк переименовал флагманский корабль «Пеликан» в «Золотую лань». Весь остаток дня и весь следующий день корабли Дрейка шли вдоль мыса Девственниц и, обогнув его 22 августа, стали на якорь у входа в Магелланов пролив.

Наутро Дрейк, пользуясь попутным ветром, вошел в пролив. Со времени плавания Магеллана лишь двум мореплавателям удалось его пройти. В 1525 г. это сделал испанец Гарсия де Лоайса, а в 1540 г.— его соотечественник Алонсо де Камарго.

Проход через Магелланов пролив представляет серьезные трудности. Ширина пролива в самых узких местах не превышает трех миль. Пролив очень извилист, и, идя по нему, надо часто менять направление. Берега гористы. «С очень высоких, покрытых льдом гор,— пишет Флетчер,— дуют сильные и холодные ветры, и кажется, будто каждая гора шлет свой особый ветер. Иногда он дул нам в спину и гнал нас вперед, иногда то с левого, то с правого борта, иногда относил за час назад на такое расстояние, которое мы проходили за несколько часов. Но хуже всего было тогда, когда два или три этих ветра дули с такой силой, что образовывались смерчи, или, как говорят испанцы, торнадо, и начинался страшный ливень. Кроме того, море в проливе так глубоко, что невозможно стать на якорь».

Но на низких склонах гор, там, где не было ветра, замечает Флетчер, температура воздуха такая, как в Англии в летнее время; сами склоны покрыты пышным лесом, трава густая и сочная, много красивых цветов.

24 августа корабли подошли к трем островам в северной части пролива, где было великое множество тюленей и пингвинов. Там англичане остановились на два дня, убив за это время две тысячи тюленей и много пингвинов в запас и набрав свежей

воды. Дрейк, верный своим правилам, распорядился о высадке людей на сушу для отдыха. Выбрали самый крупный из островов. Дрейк назвал его островом Елизаветы в честь своей государыни.

Другой остров получил название в честь святого Варфоломея (был как раз день этого святого), а третий — в честь святого Георга, покровителя Англии. На острове Елизаветы Дрейк встретил туземцев, «любезных и сердечных людей», как отмечает Флетчер. Некоторые из них были одеты в звериные шкуры, но большинство были голыми. Тела их были разрисованы. У мужчин вокруг глаз красные круги, а на лбах — красные черточки. У женщин на шее и руках были украшения из белых ракушек.

Люди эти, пишет Флетчер, постоянно передвигаются с острова на остров, оставаясь на одном месте до тех пор, пока могут там кормиться. Поэтому постройки, где они живут и складывают свой скарб, у них легкие, похожие на садовые беседки в Англии. Их утварь сделана искусно и даже изящно. Многие предметы обихода выполнены из коры деревьев. Лодки они также строят из древесной коры, причем не смолят и не конопатят, а сшивают полосками тюленьей кожи. Все предметы обихода делаются с помощью остро заточенных больших раковин. «За все время нашего путешествия,— отмечает Флетчер,— мы не видели лодок, столь изящных по форме и пропорциям». На лодках туземцы путешествуют с острова на остров, перевозя на них свои семьи.

26 августа корабли покинули остров Елизаветы. Теперь начиналась самая опасная для плавания часть пролива. Путь был очень извилист. Дули сильные ветры. Надо было искать проход к океану среди множества островов, отделенных друг от друга бесчисленными протоками. Наконец 6 сентября корабли вышли в Тихий океан. Дрейк торжествовал: сбылась его мечта «пройти по этому морю на английском корабле». Он взял курс на северо-запад, к берегам Перу.

Предоставим опять слово Флетчеру. «7 сентября, на второй день после нашего выхода в Южное море (некоторые называют его Mare pacificum[2], но для нас оно было скорее Mare furiosum[3]), разыгралась такая страшная буря, какой никто из нас не видел. Она началась ночью. Когда наступило утро, мы не увидели солнечного света, а ночью не видели ни луны, ни звезд. И это продолжалось 52 дня. Шторм не только не ослабевал, но с каждым днем усиливался. 30 сентября, ночью, мы потеряли из виду „Златоцвет“. Целый месяц, с 7 сентября по 7 октября, мы не видели земли. Ветер отгонял нас назад к 57° ю. ш. Потерялся и вице-адмиральский корабль „Елизавета“. Ветер был та-

---

[2] Тихое море (лат.).
[3] Безумное море (лат.).

кой силы, что, казалось, дуют все ветры земли одновременно. Казалось также, что все тучи на небе собрались в одном месте, чтобы обрушить на нас ливень. Корабль наш то подкидывало, как игрушку, на гребни гигантских волн, то с такой же стремительностью бросало в морскую бездну. Иногда были видны очертания гор, и это наводило на нас ужас, потому что ветер гнал корабль прямо на них. Потом они исчезали. Наши якоря, как вероломные друзья в минуту опасности, не хотели служить нам; словно охваченные ужасом, они скрывались в пучине, оставляя неуправляемый корабль и беспомощных людей в бушующем море, которое играло им, как ракетка мячом».

Шторм продолжался до 28 октября. За это время «Золотую лань» отнесло к югу на 5°. Дрейк увидел места, которые он оставил около двух месяцев назад. Шторм стих так же неожиданно, как и начался. Дрейк сказал своим спутникам, что видит особую милость божью в том, что они опять попали сюда и должны исследовать ту часть страны, которая находится к югу от Магелланова пролива. На всех картах того времени было показано, что пролив отделяет южную оконечность Америки от огромного континента, называемого Terra Australis Incognita [4], простиравшегося на юг до Южного полюса и на запад до Новой Гвинеи. Дрейк установил, что к югу от Магелланова пролива находится не огромный материк, а группа небольших островов, за которыми опять начинается необозримый водный простор. «Золотая лань» достигла мыса Горн. Там Дрейк и его спутники высадились и провели два дня. Пастор Флетчер отправился к самой южной точке острова. Там, достав из принесенного с собой мешка инструменты, он выбил на большом камне «имя ее величества, название ее королевства, год от рождества Христова и день месяца». «Мы,— пишет Флетчер,— покидали самую южную из известных земель в мире... Мы изменили название этой южной земли с Terra Incognita (так действительно было до нашего прихода сюда) на Terra Hunc Bene Cognita [5]. Дрейк всем островам дал общее название — Елизаветинские.

30 октября «Золотая лань» вновь пошла к перуанским берегам, где у 30° ю. ш. Дрейк еще до выхода в Тихий океан назначил сбор всех кораблей в случае, если они потеряют друг друга. Погода была прекрасная. В Южном полушарии в это время наступает лето. Океан был спокоен, небо безоблачно. 25 ноября «Золотая лань» бросила якорь у острова Мо́ча, расположенного на 39° ю. ш.

Вечером Дрейк, сопровождаемый офицерами и матросами, высадился на берегу. Индейцы, населявшие остров и бежавшие туда от преследования испанцев, встретили англичан дружелюбно. Они принесли в подарок англичанам фрукты и двух жир-

---

[4] Таинственная Южная земля (лат.).
[5] Земля, теперь хорошо известная (лат.).

ных баранов. Дрейк тоже дал им подарки и сказал, что посетил их остров с единственной целью — приобрести маис, картофель, скот и особенно запастись свежей водой. Индейцы обещали на следующее утро показать ему место, где можно набрать воды сколько угодно. На следующий день ранним утром Дрейк с 12 матросами на шлюпке направился к берегу. У англичан были только щиты и мечи. Никто не ждал опасности, так дружески их накануне встретили индейцы. Когда шлюпки подошли к берегу, Дрейк приказал двум матросам взять бочонки и пойти за водой туда, куда покажут индейцы. Едва матросы отошли от берега, как на них накинулись индейцы и быстро их куда-то увели. Оставшиеся в шлюпке не могли прийти на помощь попавшим в беду товарищам, так как несколько сот индейцев, притаившихся, как оказалось, в густых зарослях тростника, растущего на берегу, неожиданно бросились к ним и начали осыпать их стрелами. Щиты не помогали, так как индейцы стояли совсем близко и могли целиться в любую часть тела. Дрейку стрела попала в лицо. Все англичане были ранены, в теле одного из матросов торчало более 20 стрел. Никто бы не спасся, если бы не удалось перерубить мечом канат, которым лодка была привязана к берегу. Сильная волна подхватила лодку и унесла в море. Нападавшие пустили вдогонку англичанам тучи стрел, которые, как пишет Флетчер, «закрыли солнце». Оба борта шлюпки были утыканы стрелами. Когда англичане, обливаясь кровью, подошли к своему кораблю, то увидели, что на воду спускается вторая шлюпка с вооруженными матросами, которые решили прийти на выручку захваченным товарищам. Но на берегу к этому времени собралось не менее двух тысяч индейцев, и те, у кого не было лука, несли копья и длинные дротики с наконечниками, сверкавшими на солнце, как серебро. В середине толпы лежали связанные по рукам и ногам два английских матроса. Вокруг них, взявшись за руки, танцевали индейцы. Подошедшие на шлюпке англичане дали несколько залпов из мушкетов, но не причинили никакого вреда индейцам, так как те, спасаясь от пуль, успевали ложиться на землю.

Тогда матросы вернулись на корабль и стали просить Дрейка обстрелять собравшуюся на берегу толпу из корабельных орудий. Дрейк отказался это сделать, не желая обострять отношений с коренным населением. Он всегда старался привлекать туземцев на свою сторону, понимая, что это значительно облегчит ему борьбу с испанцами. Дрейк сказал матросам, что индейцы приняли их за испанцев. Флетчер замечает: «Этот случай враждебности, проявленный островитянами, объяснялся не чем иным, как смертельной ненавистью, испытываемой ими к жестоким врагам — испанцам за их тираническое подавление коренных жителей Америки. И поэтому, полагая, что действуют против испанцев (они приняли нас за испанцев еще и потому, что некоторые из наших людей, требуя воды, использовали испанское

слово „aqua"), они обратили свою злобу против нас». 27 ноября пополудни «Золотая лань», не сделав ни одного выстрела, снялась с якоря и пошла вдоль побережья.

На корабле не было врача. Главный врач экспедиции умер, а его помощник находился на пропавшей «Елизавете». Поэтому лечением многочисленных раненых занялся сам адмирал, который был сведущ не только в навигации, но и во врачебном искусстве. Все раненые, кроме двух, поправились. Умер канонир Грет Хоувер, получивший 20 ран, и марон Диего, слуга Дрейка, которого он вывез еще из Номбре-де-Диоса.

Корабль Дрейка поднимался к северу, к 30° ю. ш., где, как уже говорилось, была назначена встреча судов флотилии. 30 ноября «Золотая лань» бросила якорь в заливе Филиппа, в 15 милях к северу от испанского порта Вальпараисо. Дрейк послал шлюпку к берегу. Но матросы не обнаружили ни воды, ни овощей, в которых экипаж испытывал большую нужду. Встретили только стадо буйволов. Туземцев не было видно. Виднелась лишь одна лодка с индейцем, ловившим рыбу. Рыбак-индеец вместе с лодкой был доставлен на корабль. Англичане дали ему много подарков и, объяснив знаками, в чем они нуждаются, пообещали дать еще больше, если он им поможет. Затем индейца отправили на берег. Через несколько часов он вернулся с людьми своего племени, в числе которых был и вождь. Индейцы принесли кур, яйца, жирную свинью и другую снедь. Рыбак-индеец объяснил Дрейку, что здесь ничего другого достать нельзя, но он может показать англичанам место недалеко отсюда, где всякого продовольствия в изобилии. Дрейк с удовольствием принял предложение, и 4 декабря «Золотая лань», ведомая новоявленным лоцманом, пошла в обратном направлении. Второй раз, проходя вдоль побережья в тех местах, где была назначена встреча кораблей, англичане опять не встретили своих товарищей; индейцы говорили им, что тоже не видели английские корабли. На следующий день «Золотая лань» вошла в гавань Вальпараисо.

Был полдень. Впереди «Золотой лани» стояло испанское судно «Капитан Мориаль». Этот корабль водоизмещением 120 тонн был знаменит тем, что являлся флагманом в экспедиции известного испанского мореплавателя Педро Сармиенто де Гамбоа к Соломоновым островам. Сейчас судно совершало коммерческий рейс в Перу с грузом вина и золота. Команда его состояла из 15 человек.

Приход «Золотой лани» не вызвал у испанцев никаких подозрений. Они не сомневались, что в порт вошло тоже испанское судно. Откуда же было взяться кораблю другой национальности в «Испанском озере»! На «Капитане Мориале» в знак приветствия подняли флаг и забили в барабаны. Дрейк приказал спустить шлюпку. В нее сели 18 матросов, вооруженных аркебузами, луками и щитами. Первым на борт испанского корабля вступил Томас Мун, говоривший немного по-испански. С кри-

ком «Abajo, perro!»[6] он бросился на приветствовавшего его испанца и ударил его палкой. Очень скоро англичане завладели кораблем. Никто из испанцев убит не был. Ошеломленные неожиданным нападением, они не успели опомниться, как были схвачены и заперты в трюме. Среди захваченных драгоценностей был большой золотой крест, усыпанный изумрудами, «с прибитым к нему,— как выразился Флетчер,— богом из того же металла».

Оставив охрану на захваченном корабле, Дрейк послал остальных в город. В Вальпараисо в то время было всего девять жилых домов и несколько складов. Когда англичане вошли в город, там уже не было ни одного жителя, все убежали в горы. На складах матросы нашли большие запасы провизии: хлеб, мясо, сало. Особенно много было вина. Но нигде они не видели золота. Захваченное продовольствие они перевезли на корабль, на долгое время обеспечив себя всем необходимым. В городе Дрейк обнаружил небольшую часовню, где увидел богато расшитый алтарный покров. Дрейк подарил его Флетчеру.

Закончив грабеж, Дрейк распорядился отпустить всех захваченных испанских моряков, кроме штурмана Хуана Гриего и еще двух матросов. Забрал он и все карты, находившиеся на корабле. Затем он послал на «Капитана Мориаля» 25 своих матросов. В полдень 6 декабря, ровно через 24 часа после прихода в Вальпараисо, он оставил порт, продолжая путь уже на двух кораблях.

Дрейк никогда не перегружал добро с захваченных кораблей на свое судно в порту, опасаясь неожиданного нападения. Он уводил испанский корабль в открытое море и там на просторе «освобождал» его от груза. Так он поступил и в этот раз. С «Капитана Мориаля» было снято 170 бочонков вина. Это количество фиксируют все источники, как британские, так и испанские. Разногласий нет. Другое дело в отношении стоимости захваченных драгоценностей. Дон Луис де Толедо, вице-король Перу, определял их стоимость в 14 тысяч золотых песо. Педро Сармиенто де Гамбоа утверждал, что хозяином «Капитана Мориаля», Гернандо Ламеро, драгоценности, находившиеся на корабле, были зарегистрированы на сумму в 24 тысячи песо. Какова была действительная их стоимость, определить, конечно, невозможно. Ясно одно, что первое же нападение Дрейка на испанцев в Тихом океане принесло ему немалый барыш.

Дрейк вернулся в залив Филиппа, где высадил индейского рыбака на берег, и продолжал путь на север. Он шел все время недалеко от берега, заходил во все бухты и устья рек, пытаясь отыскать корабли своей флотилии. Там, где было мелко и его суда не могли подойти к берегу, он посылал пиннасу.

---

[6] «Прочь, собака!» (исп.).

«Золотая лань» после страшной двухмесячной бури начала давать течь, и Дрейк решил найти подходящую бухту, чтобы стать на ремонт. 19 декабря его корабли вошли в залив к югу от города Сиппо. Дрейк приказал одному из матросов забраться на мачту для наблюдения за берегом, а 14 других послал на шлюпке за пресной водой. Шлюпка подошла к скале, находившейся совсем близко от берега. Привязав шлюпку, матросы сошли на сушу. Они поймали пару свиней и набрали в бочки воды. Неожиданно раздался выстрел. Это стрелял матрос, который, наблюдая с мачты за берегом, заметил спускавшийся с холма испанский кавалерийский отряд и бежавших за ним вооруженных индейцев. Предупрежденные выстрелом, матросы бросились к скале, где находилась шлюпка. Лишь один матрос, Ричард Миниви, оставался на берегу, прикрывая отход. Шлюпка с матросами ушла. Миниви был убит выстрелом из аркебуза. Испанцы были так озлоблены, что у мертвого моряка отрубили голову и правую руку, вырвали из груди сердце и приказали индейцам пронзить тело стрелами. После этого они ускакали, оставив тело на съедение диким зверям. К концу дня, когда на берегу было совершенно пустынно, Дрейк послал шлюпку, чтобы похоронить погибшего матроса. «Это было не то место, какое мы искали и где желали бы остановиться,— пишет Флетчер,— и мы поспешили опять отправиться в путь».

22 декабря, пройдя 90 миль на север, Дрейк обнаружил наконец место, которое искал: прекрасный широкий залив с песчаным берегом, где виднелось лишь несколько индейских хижин. В заливе было такое множество рыбы, что на четыре или пять удочек можно было в течение трех часов поймать несколько сот рыбин. Там и начался ремонт «Золотой лани». Тем временем Дрейк на пиннасе отправился на поиски своих исчезнувших кораблей. Однако неблагоприятный юго-западный ветер заставил его вернуться к месту стоянки.

18 января 1579 г. закончился ремонт «Золотой лани», и на следующий день корабли опять пошли на север. Дрейк все еще не терял надежды найти пропавшие корабли. Последние два месяца плавания англичане постоянно испытывали нехватку питьевой воды. Корабли шли вдоль выжженных солнцем засушливых берегов. Лишь время от времени им удавалось встретить индейцев, которые показывали, где можно найти воду. Так, в поисках пресной воды англичане высадились в местечке, называемом Тарапака. На берегу они увидели спящего испанца, около которого лежало 13 слитков серебра стоимостью в 4 тысячи испанских дукатов. О том, что случилось дальше, повествует Флетчер: «Нам не хотелось будить испанца, но, против нашей воли, мы доставили ему эту неприятность, так как решили освободить от заботы, которая, чего доброго, в другой раз не позволила бы ему заснуть, взяли его ношу, чтобы она не беспокоила его больше и он мог бы продолжать свой сон спокойно».

Тут же Флетчер записывает и другой подобный эпизод: «Наши поиски воды продолжались, и мы опять высадились недалеко от Тарапаки! Там мы встретили испанца, гнавшего восемь лам, или перуанских баранов, каждый из которых нес по два мешка. В мешках было по 50 фунтов чистого серебра, а всего — 800 фунтов. Мы не могли допустить, чтобы испанский джентльмен превратился в погонщика, и потому, без просьбы с его стороны, сами предложили свои услуги и стали подгонять лам, но так как он не мог хорошо показать дорогу, то нам пришлось взять это на себя, и, после того как мы с ним расстались, мы с нашим новым багажом оказались около своих лодок».

4 февраля Дрейк увидел небольшое селение на берегу. Пересев на пиннасу, он поплыл туда в сопровождении группы матросов. В селении Дрейк встретил двух людей, один из которых оказался корсиканцем. При нем находилось 3 тысячи серебряных песо и семь лам. Дрейк забрал с собой на корабль и корсиканца, и деньги, и лам.

6 февраля Дрейк подошел к городу Арике. «Этот город,— сообщает Флетчер,— показался нам расположенным на самой плодородной земле, какую мы только видели на этих берегах. К тому же он находился у входа в прекраснейшую и плодороднейшую долину, снабжающую город всем необходимым. Город ведет постоянную торговлю как с Лимой, так и с другими городами Перу. Он населен испанцами. На двух барках, стоящих в заливе, мы нашли 40 слитков серебра, по форме напоминающих кирпичи, каждый около 20 фунтов. Чтобы помочь испанцам, мы взяли с собой эту ношу». Тем временем в городе раздался звон колоколов. На берегу собрались вооруженные жители. Дрейк решил не испытывать неверную судьбу и не высадился на берег. Ранним утром следующего дня его корабли покинули гавань Арики, направляясь дальше на север.

У селения Арикипа англичане увидели испанский корабль. Дрейк узнал, что на него начали грузить золото и серебро, но, получив известия из Арики о появлении в этом районе английских кораблей, судно два часа назад разгрузили, а драгоценности закопали в тайнике. Англичане несколько утешились, захватив другой корабль, груженный полотном. Решив, что «полотно может пригодиться, мы его забрали»,— сообщает благочестивый Флетчер.

«Золотая лань», сопровождаемая пиннасой, пошла к Лиме, столице Перу, где находилась резиденция вице-короля этой испанской колонии. Утром 15 февраля, находясь в 20 милях от порта Кальяо, Дрейк встретил небольшой испанский корабль, принадлежавший жителю Лимы Франциско де Трухильо. На судне не оказалось ничего ценного, но Дрейк получил от его капитана, Гаспара Мартина, важные сведения. На вопрос Дрейка, много ли золота и серебра находится на кораблях, стоящих в Кальяо, Мартин ответил, что большинство драгоценностей увез-

5 Заказ № 924

ли. Еще 2 февраля в Панаму ушел корабль с большим грузом золота. Поскольку это судно должно зайти еще в ряд портов по пути к месту назначения, Дрейк, по мнению Мартина, может догнать его.

Узнав это, Дрейк изменил свой первоначальный план. Он решил не высаживаться в Кальяо. Под покровом ночи он вошел в гавань, где стояло 30 испанских кораблей, из которых 17 были в полной боевой готовности. Испанские корабли были ярко освещены, команды находились на берегу. Дрейк со своими людьми осмотрел корабли и действительно не нашел на них драгоценностей: все было свезено на берег. Но Дрейк узнал кое-что интересное. Это не относилось к искаженным известиям о европейских событиях, например о том, что якобы умерли папа римский и французский король. В действительности папа Григорий XIII, избранный в 1572 г., продолжал свой земной путь, так же как и Генрих III, в 1574 г. вступивший на французский престол. Дрейка очень заинтересовало сообщение испанских матросов о том, что Джон Оксенгем и еще три англичанина находятся в руках инквизиции в Лиме.

Лима была не Номбре-де-Диос и не Вальпараисо. Основанная Франциском Писарро в начале XVI в. Лима, носившая тогда название Великого города королей, была красива и величественна. В центре — великолепные здания, среди которых выделялся дворец вице-короля Перу, не уступавший в роскоши королевским дворцам в Испании. В городе жило 9 тысяч испанцев и 5 тысяч африканцев, а также индейцы, численность которых неизвестна. В шести милях от Лимы находился порт Кальяо с широкой и глубокой гаванью. Остров у входа в нее предохранял гавань от больших волн и делал стоянку судов вполне безопасной. На берегу был расположен небольшой поселок, в котором жило несколько сот испанцев.

Своими незначительными силами Дрейк не рассчитывал захватить испанскую твердыню. Но полученное известие он запомнил и решил, что найдет еще способ выручить из плена своих соотечественников.

Переходя с корабля на корабль, Дрейк рубил якорные канаты: хотя ночь и была спокойная, прилив и отлив, по его расчетам, сдвинут суда с места стоянки, и их команды, возвратясь на берег, не смогут в темноте найти свои корабли. Это вызовет смятение и даст возможность «Золотой лани» беспрепятственно уйти на безопасное расстояние.

Осмотрев стоявшие на рейде суда, Дрейк вернулся на свой корабль. В это время в порт вошло испанское судно «Святой Христофор» и стало рядом с «Золотой ланью». Матросы — народ общительный, и испанцы со «Святого Христофора» стали спрашивать людей со стоявшего вблизи корабля, кто они такие. Дрейк приказал одному из пленных испанцев отвечать по-испански то, что он ему будет говорить. Все, казалось, складывалось

благоприятно для англичан. Их присутствие не было обнаружено. Но произошла случайность, которую никак нельзя было предусмотреть. Хотя уже близилась полночь, приход корабля был замечен с берега, и к нему была послана шлюпка с таможенниками. Когда шлюпка подошла к борту судна, таможенный офицер спросил его название и сказал, что осмотр судна будет произведен утром следующего дня. Поскольку «Золотая лань» стояла рядом, то и она привлекла внимание испанцев. Очертания судна удивили таможенного офицера. Подойдя вплотную к кораблю, испанцы спросили у команды его название. В ответ послышалось: «Святой Христофор». Это испугало испанского офицера. «Французы! Французы!» — закричал он и приказал что есть силы грести к берегу. Видя, что без шума не обойтись, Дрейк дал команду спустить шлюпку, догнать и захватить испанских таможенников. Это сделать не удалось: испанская шлюпка уже достигла берега. Тогда Дрейк направил другую шлюпку с вооруженными матросами для захвата стоявшего рядом «Святого Христофора». Но атака англичан была отбита испанцами, успевшими приготовиться к обороне. Когда английская шлюпка вернулась к «Золотой лани», «Святой Христофор» уже снялся с якоря. Дрейк послал вдогонку за ним пиннасу с вооруженными матросами. На этот раз англичанам сопутствовала удача. Они настигли испанский корабль уже у выхода из гавани и захватили его. Правда, команда успела спустить шлюпку и направиться к берегу. На борту остались лишь два матроса и слуга-негр. Тем временем «Золотая лань» снялась с якоря и вышла в открытое море.

В городе поднялась тревога. Звонили колокола церквей. Вооруженные жители собирались для отражения нападения. Известие о появлении корсаров достигло дворца вице-короля Перу дона Луиса де Толедо, который в боевых доспехах, сопровождаемый отрядом кавалеристов с развевающимся королевским штандартом, прискакал на базарную площадь Лимы и призвал всех жителей города к обороне. Уже стало известно, что в порт вошли не французы, а англичане, приплывшие с юга. Вице-король послал солдат во главе с генералом Диего де Фриаса Трейо для захвата англичан. Но когда они достигли Кальяо, то увидели лишь огни «Золотой лани», скрывавшейся за островом, расположенным при входе в гавань. За ней шел захваченный англичанами «Святой Христофор».

Узнав об этом, вице-король направил в погоню два корабля, на борту которых находились пехотинцы. Командование этой операцией он возложил на генерала Диего. Такова была обычная практика испанцев в то время. Морские операции, если в них принимали участие сухопутные войска, проводились под командованием сухопутных офицеров, морские же офицеры ставились в подчиненное положение. И в этом случае главное командование было отдано генералу Диего, а адмирал Педро

де Арана должен был ему подчиняться. Когда испанские корабли вышли в море, «Золотая лань» находилась уже в 20 милях от них.

Увидев преследователей, Дрейк оставался совершенно спокойным, он только распорядился перенести груз со «Святого Христофора» на «Золотую лань» (в трюмах захваченного испанского судна оказались шелк и полотно). Когда груз был доставлен на «Золотую лань», Дрейк разрешил всем испанцам, кроме, разумеется, необходимого ему да Сильвы, вернуться в Лиму на «Святом Христофоре». Английские матросы, находившиеся на захваченном корабле, перешли на «Золотую лань». Попутный ветер крепчал, и «Золотая лань» быстро увеличивала расстояние между собой и испанскими кораблями.

Испанцы целый день преследовали «Золотую лань». Но, убедившись в бесцельности этого, вернулись в Кальяо. Вице-король был в ярости. Он разжаловал генерала Диего. Небольшой фрегат был послан во все порты между Лимой и Панамой, чтобы предупредить о появлении английского судна. Когда «Святой Христофор» вернулся в Лиму, стало известно, что капитан английского корабля — «дьявол Дрейк», которого испанцы особенно ненавидели за действия в Номбре-де-Диосе и Картахене.

В это время Дрейк захватил маленький испанский барк и узнал, что корабль, о котором ему рассказали испанцы еще до входа в гавань Кальяо и который он так мечтал догнать, прошел здесь совсем недавно. Дрейк зашел в находившуюся неподалеку небольшую гавань Пайта и расспросил капитана стоявшего там испанского судна Кустодо Родригоса, который сказал, что «Какафуэго» (так назывался корабль, за которым охотился Дрейк) вышел из этой гавани два дня назад. Взяв с собой Родригоса, хорошо знавшего здешние прибрежные воды, Дрейк пустился в погоню. 21 февраля он захватил испанский корабль с грузом одежды. Переправив груз на свой корабль и прихватив марона, находившегося среди команды, Дрейк отпустил испанский корабль и поплыл дальше. Он зашел в гавани Святой Елены и Гуаякиль. Там никто и не слышал о «Какафуэго».

28 февраля «Золотая лань» пересекла экватор. Здесь Дрейк остановил испанский барк, капитаном которого был Диас Браво. Дрейк нашел на корабле запасы нового такелажа, что было очень кстати: его судно находилось в плавании уже второй год. Кроме того, на корабле было 20 тысяч золотых песо.

Перегрузив такелаж и золото на «Золотую лань», Дрейк отправился дальше, ведя за собой захваченный испанский барк. «Какафуэго» не было видно. Дрейк обещал подарить золотую цепь тому, кто первым увидит его. 1 марта в час дня, когда «Золотая лань» находилась у мыса Святого Франциска, Джон Дрейк, сидевший на грот-мачте, закричал: «Парус!» На расстоянии девяти миль от «Золотой лани» шел большой испанский торговый корабль.

Это был долгожданный «Какафуэго». Пятнадцатилетний Джон Дрейк получил золотую цепь. Дальнейшая его судьба сложилась драматично. Из этого плавания Джон вернулся благополучно. Но в июне 1582 г. он отправился в новую экспедицию, которую организовал Эдвард Фентон. Целью плавания был Китай. Экспедиция должна была проходить по маршруту «Золотой лани». Джон Дрейк был уже капитаном судна, принадлежавшего кузену и носившего его имя «Фрэнсис». Все шло хорошо, пока не достигли берегов Бразилии. «Фрэнсис» зашел в Ла-Плату, чтобы пополнить запасы продовольствия и воды. Там судно наскочило на скалу и разбилось. Вся команда, 17 человек, спаслась на шлюпке. Матросы успели взять только немного оружия. Все остальное погибло. Высадившись на берег, они разожгли костер, чтобы обсушиться. Огонь привлек внимание индейцев. В завязавшейся схватке четыре англичанина были убиты. Остальные попали в плен. 13 месяцев Джон Дрейк и его спутники находились у индейцев. Пять человек умерли. Четырем, в том числе Джону Дрейку, удалось бежать. После целой серии приключений англичане пришли в Буэнос-Айрес. Там они попали в руки испанских властей. Сначала их отправили в Асунсьон, а затем в Лиму. Сохранились протоколы допросов Джона Дрейка судом инквизиции в Лиме в марте 1584 г. и январе 1587 г. Испанские колониальные власти в Америке продолжали проявлять огромный интерес к плаванию Фрэнсиса Дрейка в Вест-Индию в 1577—1579 гг., несмотря на то что с тех пор прошло уже немало лет. Поэтому, захватив близкого родственника «дьявола Дрейка» и участника его плавания, испанские инквизиторы в основном расспрашивали Джона Дрейка о деталях этого плавания и личности его кузена.

Джон Дрейк был приговорен судом инквизиции к тюремному заключению. Дальнейшая судьба его неизвестна. В Англию он больше не вернулся. Фрэнсис Дрейк, составляя завещание в августе 1595 г., не упомянул в нем о своем кузене, по-видимому будучи уверен, что его уже нет в живых.

Все это было потом. А сейчас юный Джон радовался удаче, нетерпеливо ожидая возможности вступить на палубу испанского корабля. Однако адмирал решил не форсировать события. «Золотая лань», имея большое преимущество в скорости, могла быстро нагнать испанцев. Но оба корабля шли недалеко от берега. Если бы с «Какафуэго» увидели опасность, то испанцы могли легко спастись, повернув к суше. Поэтому Дрейк решил напасть на испанцев ночью. Нужно было уменьшить скорость «Золотой лани», и Дрейк приказал спустить все пустые бурдюки, которые, наполнившись водой, сильно замедлили ход корабля.

К вечеру с берега потянул бриз. Теперь, если бы испанцы и заметили опасность, им было бы очень трудно подойти к берегу. Дрейк приказал вытащить бурдюки, и «Золотая лань», получив свободу, стала быстро нагонять «Какафуэго».

О том, что произошло дальше, мы узнаем из показаний владельца и капитана «Какафуэго» Сен Хуана де Антона, которые он давал королевскому суду в Панаме 16 марта 1579 г., через десять дней после того, как Дрейк его отпустил.

В полдень 1 марта де Антон с борта своего корабля заметил судно, шедшее тем же курсом, что и «Какафуэго». Он не придал этому никакого значения, полагая, что за ним идет испанский корабль. Около девяти часов вечера неизвестный корабль перерезал путь «Какафуэго». Де Антон приветствовал его, но ответного приветствия не последовало. Де Антон подумал, что, возможно, этот корабль идет из Чили, где тогда было восстание, и вышел на палубу. Вдруг с подошедшего корабля раздался голос: «Мы — англичане, уберите паруса!», а затем: «Уберите паруса, господин Хуан де Антон, если вы этого не сделаете, то будете пущены на дно».— «Почему Англия приказывает мне убрать паруса? — отвечал де Антон.— Придите на борт и сделайте это сами».— «Уберите паруса»,— еще раз раздалась команда. За ней последовал орудийный залп. В то же время у противоположного борта «Какафуэго» показалась английская пиннаса, с которой на испанский корабль взобралось 40 англичан.

Не видя на палубе никого, кроме де Антона, они схватили его и потащили на английский корабль. Там он предстал перед Дрейком, который сказал ему: «Сохраняйте спокойствие, это случается на войне». Дрейк приказал запереть де Антона в каюте на корме и выставить охрану.

На следующее утро Дрейк завтракал на «Какафуэго», приказав своим людям накормить де Антона так, как если бы они кормили его самого. Дрейк пробыл на «Какафуэго» до полудня, проверяя драгоценности, находившиеся на корабле. В течение следующих трех дней пиннаса перевозила драгоценности, а также запасы воды, паруса и канаты на «Золотую лань». По словам де Антона, они были зарегистрированы на сумму в 400 тысяч песо, из которых 106 тысяч принадлежали лично королю Филиппу, а остальное — частным лицам. Общая стоимость золота и серебра, которые Дрейк забрал в Южных морях между портом Вальпараисо, где он захватил «Капитана Мориаля», и мысом Святого Франциска, где ограбил Сен Хуана де Антона, составляет 447 тысяч песо, не считая стоимости большого количества фарфора, ювелирных изделий из золота и серебра, драгоценных камней, а также шерстяных тканей и продовольствия. «Ущерб, нанесенный кораблям,— говорилось в протоколе допроса де Антона королевским судом Панамы,— оценивается еще в 100 тысяч песо. В эту сумму не входит стоимость мелких вещей, которые он брал в разных местах».

Дрейк объяснил де Антону, что десять лет назад, когда он вместе с Хокинсом плавал в испанскую Вест-Индию, их обманул вице-король Мексики дон Мартин Энрикес, нарушив данное слово, что обошлось им тогда в 7 тысяч песо. С тех пор, добавил

Дрейк, я считаю, что король должен мне эту сумму, и теперь хочу ее получить. Поэтому то захваченное серебро, которое принадлежит королю, я заберу себе, серебро же, принадлежащее частным лицам, отдам королеве, своей высокой повелительнице. На следующий день, в субботу 7 марта, Дрейк приказал перевести всех арестованных испанцев на «Какафуэго» и разрешил им плыть, куда они пожелают.

До того как испанский корабль ушел, Дрейк сделал каждому члену его экипажа подарок из тех же вещей, которые он забрал у испанцев, и дал по 30—40 песо. Несколько испанцев получили садовые ножи и мотыги. Одному солдату Дрейк подарил оружие, корабельному писарю — щит и меч, чтобы тот при случае мог показать себя воином. Купцу по имени Куэвас Дрейк преподнес несколько вееров, сказав, что это подарок его жене. Самому де Антону он вручил два бочонка с дегтем, порох и серебряный кубок с надписью «Фрэнсис Дрейк».

Отпуская де Антона, Дрейк передал ему рекомендательное письмо на случай, если тот встретит два других английских судна, которые идут следом (Дрейк все еще не терял надежды, что «Елизавета» и «Златоцвет» где-то недалеко). Пусть покажет это письмо, сказал Дрейк, и ему не будет причинено никакого беспокойства. Дрейк, в частности, писал: «Мистер Винтер. Если богу будет угодно дать Вашей милости возможность встретить Сен Хуана де Антона, то я прошу Вашу милость обращаться с ним хорошо, в соответствии с данным ему мною словом».

Дрейк, беспокоясь о судьбе Оксенгема и его спутников, просил де Антона передать от его имени вице-королю Перу, «что он убил уже достаточно англичан, а тех четырех, которые остались, пусть не убивает, а если убьет, то это будет стоить жизни более чем четырем тысячам испанцев; их головы будут посланы ему, чтобы он знал об этом».

Де Антон старался успокоить Дрейка: если уж англичане, о которых адмирал так беспокоится, до сих пор не убиты, то вряд ли их вообще убьют. Когда Дрейк спросил, как, по его мнению, вице-король намерен поступить с ними, де Антон ответил, что их, вероятно, пошлют солдатами в Чили сражаться против индейцев. «Фрэнсис обрадовался, услышав это, и стал более спокоен,— сообщает де Антон,— одно предположение, что пленные англичане могут быть убиты, вызывало вспышки его гнева».

Дрейк показал де Антону «навигационную карту длиной в 10 метров и сказал, что она сделана для него в Лиссабоне и обошлась в 800 крузадо». Когда де Антон спросил Дрейка, каким путем тот думает возвращаться на родину, «капитан показал на карте мира три пути, которыми он мог бы воспользоваться. Один путь через мыс Доброй Надежды, второй — той дорогой, которой он пришел сюда. О третьем пути он ничего не сказал».

Де Антон выполнил поручение Дрейка и передал вице-королю Перу его просьбу не убивать Оксенгема и его товарищей.

Но дон Франсиско де Толедо не внял просьбе «королевского пирата». В начале ноября 1580 г. Джон Оксенгем, Джон Батлер и Томас Ксеруэл были повешены в Лиме. В то время, когда Дрейк находился неподалеку, они сидели в застенках инквизиции. А утром 20 февраля 1579 г., через четыре дня после того, как Дрейк покинул Кальяо, в тюрьме в Лиме инквизиторы в присутствии главного секретаря вице-короля допрашивали Оксенгема, Батлера и Ксеруэла. Всем троим ставились одни и те же вопросы: знают ли они, как изготовляются английские пушки; известно ли им что-нибудь о том, что королева Елизавета или какое-либо другое лицо намеревались послать военные корабли через Магелланов пролив в Южные моря; знакомы ли они с капитаном Фрэнсисом Дрейком и намеревался ли он пройти через Магелланов пролив?

На все вопросы англичане дали одинаковые ответы. На первый они ответили отрицательно, что крайне разочаровало испанские власти. Дело в том, что на вице-короля Перу было возложено обеспечение защиты всей береговой линии Южноамериканского континента. Когда испанцы господствовали и на Тихом, и на Атлантическом океане, можно было относиться к этому достаточно беспечно. Когда же английские и французские корабли стали все чаще проникать в Вест-Индию, оборона побережья стала делом неотложным. Артиллерия привозилась из Испании, и ее ко времени появления Дрейка в Южных морях было совершенно недостаточно. Колониальные власти нуждались в людях, знавших, как изготовляются пушки, чтобы организовать их производство на месте.

Пленные ответили отрицательно и на второй вопрос. Так, Оксенгем сказал, что четыре года назад один богатый дворянин по имени Ричард Гренвилл, который живет недалеко от Плимута, обратился к королеве с просьбой дать лицензию на плавание к Магелланову проливу и проход в Южные моря на поиски земель для создания поселений, «поскольку Англия имеет большое население и мало земли». Королева сначала дала ему лицензию. Гренвилл купил два корабля и собирался купить третий, когда королева отменила свое разрешение, узнав, что за Магеллановым проливом находятся поселения испанцев. Гренвилл продал корабли после того, как у него забрали лицензию. «Королева, пока она жива, не даст такой лицензии, но после ее смерти, конечно, найдется человек, который пройдет Магеллановым проливом».

В ответ на последний вопрос все трое сказали, что знают Фрэнсиса Дрейка и что если бы королева дала ему разрешение, то он прошел бы Магеллановым проливом в Южные моря, поскольку «Дрейк очень хороший моряк и капитан и в Англии нет никого, кто мог бы с ним в этом сравниться».

Тревожные письма о нападениях Дрейка были посланы испанскому монарху вице-королями Перу и Мексики. Филипп получил их в августе и сентябре 1579 г. Исходя из того что

Дрейк мог вернуться в Англию только через Молуккские острова или Магелланов пролив, Филипп написал собственноручно письмо королю Португалии, прося его принять меры для поимки Дрейка у Молуккских островов, а к Магелланову проливу распорядился послать эскадру из Кадиса. Военные корабли были направлены также в Карибское море на тот случай, если Дрейк бросит свой корабль на Тихоокеанском побережье Панамы и, перейдя на ее Атлантический берег, построит новый и попытается вернуться в Англию через Атлантический океан. Послу в Лондоне Мендосе король приказал: «До тех пор пока корсар не достигнет Англии, не надо ничего говорить королеве о возвращении захваченных им сокровищ. Когда же он вернется, то надо это сделать».

Не осталось без внимания и сообщение о том, что Дрейк купил в Лиссабоне навигационную карту, которая помогла ему пройти в Южные моря. Испанскому послу в Лиссабоне было приказано найти «то лицо или тех лиц, которые вели дела с этим корсаром», а также «снять копию с карты, проданной Дрейку, и немедленно послать ее в Мадрид».

Вице-король Перу организовал новую погоню за Дрейком. Когда де Антон на «Какафуэго» добрался до Панамы, он встретил корабли, искавшие «Золотую лань». Но найти ее не удалось.

Тем временем Дрейк продолжал поиски исчезнувших кораблей, заходя во все бухты и устья рек. Нигде не было никаких следов. Видя бесполезность своих усилий, Дрейк решил отказаться от дальнейших поисков, тем более что надо было думать о возвращении домой. Дрейк понимал, что его будут сторожить и у Магелланова пролива, и у Молуккских островов. Поэтому он решил пойти третьим путем, о котором ничего не говорил де Антону. Собрав команду, Дрейк сказал, что хочет найти таинственный пролив Аниан, соединяющий Тихий и Атлантический океаны на севере так же, как Магелланов пролив на юге. «Открытием для мореходства этого прохода в Северной Америке из Южных морей в наш океан,— писал об этом Флетчер,— мы бы не только оказали большую услугу нашей стране, но и намного приблизили бы срок возвращения домой, ибо в противном случае мы должны были бы идти очень долгим и мучительным путем, который едва ли выбрали бы по доброй воле... поэтому мы с радостью выслушали сообщение генерала».

По своему обыкновению Дрейк решил дать отдохнуть команде перед предстоящим плаванием к неизвестному проливу. Он искал только подходящую гавань. 16 марта Дрейк обнаружил именно такое место у острова Кано в заливе Коронадо. Там англичане чистили и чинили корабль, отдыхали, ловили рыбу, заготавливали продовольствие, воду, дрова. Плавая на пиннасе вдоль берега, они встретили испанский корабль с грузом китайского шелка и фарфора. На судне Дрейк нашел сделанного из

золота сокола и серебряную жаровню. Все было перенесено на «Золотую лань», а корабль отпущен. 24 марта Дрейк пошел дальше на север. 4 апреля англичанам встретился еще один испанский корабль. Владельцем судна был Франсиско де Сарат, происходивший из знатной испанской семьи. Он приходился двоюродным братом герцогу Медине. На груди его красовался покрытый красной эмалью орден святого Сантьяго, знак военного отличия Испании. Через 12 дней, вернувшись в Никарагуа из короткого плена у Дрейка, де Сарат в письме к вице-королю Мексики Мартину Энрикесу так излагает события, последовавшие за появлением английского корабля: «4 апреля, за полчаса до полуночи, я увидел подошедший к нам близко корабль. С борта моего корабля крикнули, чтобы судно не мешало движению. Но ответа мы не получили, похоже было, что на судне все спали. Тогда мы крикнули еще раз, уже громче, спрашивая, откуда идет корабль. По-испански ответили, что из Перу. В это время мы заметили, что спущенная с корабля шлюпка подошла к нашей корме. Из шлюпки закричали: „Спустите паруса!“ — и раздалось семь или восемь аркебузных выстрелов. Мы подумали, что это уже слишком для шутки и дело становится серьезным. Со своей стороны мы ничего не предпринимали. Люди из шлюпки вошли на корабль и приказали отдать оружие и ключи. Мы повиновались. Узнав, что я хозяин судна, они посадили меня в шлюпку и повезли к их генералу. Я обрадовался этому, подумав, что буду иметь больше времени, чтобы лучше себя подготовить к встрече с господом нашим. Скоро мы прибыли туда, где находился их генерал, на очень хороший корабль, вооруженный такой артиллерией, какой я еще не видел. Я увидел генерала, прогуливающегося по палубе, и, подойдя к нему, поцеловал его руку. Он принял меня очень сердечно, проводил в свою каюту, предложил мне сесть и сказал: „Я друг тех, кто говорит мне правду, но с теми, кто этого не делает, я шутить не люблю. Поэтому для вас же будет лучше, если вы скажите мне, сколько золота и серебра везет ваш корабль“. Я ответил: „Нисколько“. Он повторил вопрос. Я ответил: „Нисколько, только несколько маленьких золотых пластинок, которыми я пользуюсь, и несколько кубков — вот все, что есть на корабле“. Он молчал некоторое время, а потом спросил, знаю ли я Вас, Ваше превосходительство. Я отвечал: „Да“.—„Есть ли на вашем корабле кто-либо из его родственников или вещи, принадлежащие ему?“—„Нет, сэр!“—„Ну ладно, встреча с ним самим меня обрадовала бы больше, чем со всем золотом и серебром Индии. Вы бы увидели тогда, как должен держать свое слово джентльмен“. Я ему ничего не ответил. Мы разговаривали, пока не наступило время обедать. Он приказал мне сесть рядом и начал накладывать еду из своей тарелки, уговаривая меня не волноваться, ибо моя жизнь и собственность в полной безопасности. Я опять поцеловал его руку. На следующее утро он отправился на наш корабль

и осмотрел весь груз. Из моих вещей он взял очень немного: китайский шелк и фарфор, сказав, что берет это для своей жены. Мне он подарил золотого сокола и серебряную жаровню. На следующий день он приказал перевести меня и мой экипаж на наш корабль и разрешил продолжать плавание. Он задержал только Хуана Паскуаля и моего слугу-негра, обещав отпустить их после того, как они покажут, где можно найти пресную воду на берегу. Этот генерал был англичанин по имени Фрэнсис Дрейк, лет 35 от роду, небольшого роста, с белокурой бородой. Он один из величайших моряков, когда-либо плавающих на морях, и как навигатор, и как командир».

Де Сарат нигде не упоминает о том, что Дрейк «наградил» его за «проявленную храбрость» его же орденом святого Сантьяго. Но слухи об этом широко распространились. Даже в одной из комедий Лопе де Веги высмеивается случай, когда английский пират «награждает» дона Франсиско испанским военным орденом.

Через неделю, 13 апреля, Дрейк был уже в Гватулько, небольшом, но имеющем важное значение порту, связанном с портами Перу и Гондураса. В это время город готовился к нескольким праздникам. Группа жителей украшала городскую церковь. Увидя входивший в порт корабль, они приняли его за судно, ожидавшееся из Перу. Но вдруг находившийся в церкви матрос закричал: «Это английский корабль!» Мгновенно город опустел: жители убежали в горы. Высадившиеся на берег англичане обошли все дома, забирая все ценное, что им попадалось. В одном доме они нашли большой сосуд с серебряными монетами, драгоценные камни и массивную золотую цепь, за которые «поблагодарили испанского джентльмена, который их оставил, убегая из города»,— замечает в своем дневнике Флетчер.

Несмотря на панику, городские власти успели тут же послать гонцов к вице-королю Мексики с сообщением о нападении Дрейка. Дон Мартин, в свою очередь, уведомил об этом короля. Одновременно он призвал к оружию всех жителей Мексики. Епископ Гватемалы распорядился снять с кафедрального собора колокола и перелить их на пушки. Судья верховного суда Мексики Роблес во главе отряда из 300 человек направился в Гватулько. В его отряде в качестве переводчика состоял англичанин Майлс Филип, находившийся в тюрьме со времени неудачного для Дрейка дела в Сан-Хуан-де-Улоа 11 лет назад. Дон Мартин послал еще три отряда по 200 человек в Гватемалу, Акапулько и к побережью Карибского моря. Часть отряда, прибывшего в Гватулько, была отправлена на небольшом шлюпе вдогонку за Дрейком. Среди них был и Майлс Филип. «Пока я находился в море,— вспоминал он впоследствии,— я чувствовал себя счастливым человеком, потому что надеялся, что если мы встретимся с мистером Дрейком, то все будем захвачены и таким образом я буду освобожден и вернусь опять в родную Англию». Но встре-

тить Дрейка им не удалось. Майлс Филип вернулся на родину много лет спустя.

Тревога охватила и Атлантическое побережье Вест-Индии. Генерал Христофор де Эразо вызвался вести отряд солдат-ветеранов из Номбре-де-Диоса на Тихоокеанском побережье для поимки английского пирата. А Дрейк, покинув 16 апреля Гватулько, вышел в открытый океан, продолжая путь на север к заветному проливу. Перед уходом из Гватулько Дрейк освободил, как и обещал, Хуана Паскуаля и слугу-негра, а также португальца да Сильву. 3 июня «Золотая лань» достигла 42° с. ш. Переход от жары к холоду был настолько резким, что люди, пишет Флетчер, почувствовали себя больными. «Все канаты на нашем корабле оледенели. Нам казалось, что мы попали в арктическую зону, тогда как находились недалеко от очень жарких мест. Шел дождь со снегом. Холод был такой, что, хотя моряки никогда не страдают отсутствием аппетита, для многих было вопросом, стоит ли вынимать руки из теплой одежды для того, чтобы поесть. Да и мясо, снятое с огня, сразу же застывало. Снасти за несколько дней покрылись таким слоем льда, что та работа, которая с легкостью выполнялась тремя людьми, теперь делалась шестью с полной отдачей сил. Американский берег все время отклонялся к северо-западу, как будто бы хотел соединиться с Азией, и никаких следов прохода на восток мы не находили. Холод все усиливался. Штормы сменялись столь густыми туманами, что мы подолгу не могли определить местонахождение корабля. Тревога охватила людей. Они стали сомневаться в правильности избранного пути. Только генерал сохранял спокойствие и бодрость духа, старался поднять упавшее настроение своего экипажа, говоря, что еще немного усилий — и они заслужат великую славу».

Когда «Золотая лань» подошла к 48° с. ш., т. е. была недалеко от нынешнего Ванкувера, но никакого пролива на восток обнаруженно не было, Дрейк решил плыть назад. До него ни один европейский корабль не заходил так далеко к северу по Тихоокеанскому побережью Северной Америки. В 1542 г. испанец Хуан Родригес Кабрильо достиг мыса Мендосино (40° с. ш.), но дальше идти не решился и повернул к югу.

Спустившись к 38° с. ш., 17 июня «Золотая лань» бросила якорь в бухте, расположенной к северу от современного Сан-Франциско. Впоследствии она была названа заливом Дрейка. На следующий день собравшиеся на берегу туземцы выслали к кораблю лодку, в которой находился лишь один человек. Видимо, его послали в разведку. Когда лодка немного отошла от берега, туземец начал длинную непонятную речь, сопровождая ее энергичной жестикуляцией. Окончив речь, он вернулся на берег. Это он проделывал еще дважды. В руках у него были пучки перьев, похожие на вороньи, ровно обрезанные и аккуратно связанные (Дрейк узнал потом, что это особый знак, который носят на го-

лове телохранители вождя). У туземца в руках была корзинка с травой, которую местные жители называли tabáh. Привязав корзинку к короткой палке, он бросил ее в лодку англичан. Дрейк хотел сразу же отблагодарить его, предложив ответные подарки, но туземец отказался их принять и взял лишь шляпу, брошенную с корабля, и немедленно отправился к берегу. «С тех пор,— пишет Флетчер,—куда бы ни плыла наша лодка, ее сопровождали каноэ с туземцами, смотревшими на нас с удивлением и восхищением, как на богов». На третий день, 21 июня, Дрейк приказал всему экипажу сойти на берег. Там он распорядился поставить палатки и соорудить нечто вроде форта на случай нападения индейцев. Затем на берег было перенесено захваченное у испанцев добро, и начался ремонт «Золотой лани».

Все это время индейцы стояли на некотором расстоянии от лагеря, наблюдая за действиями англичан. Подходили все новые и новые люди, мужчины и женщины. Мужчины были вооружены луками и стрелами, однако вид у них был приветливый и вполне миролюбивый. Англичане знаками попросили индейцев сложить в стороне оружие, что те охотно выполнили. Англичане старались убедить индейцев, что они не боги, а обычные смертные, показывая, что им необходимы еда и одежда. Они ели в присутствии индейцев, демонстрировали, как надевается платье. «Но ничто не могло поколебать сложившееся у них мнение,— пишет Флетчер,— что мы боги».

В обмен на одежду и другие вещи индейцы приносили перья птиц, колчаны для стрел, сделанные из оленьей кожи, и шкуры зверей. После этого они с радостными возгласами возвращались в свои дома. Их жилища представляли собой круглые землянки. Крыши делались из кольев, которые обкладывались дерном; труб не было, дым выпускался из двери, напоминавшей корабельный люк. Внутри землянки, посередине, находился очаг, вокруг которого прямо на земляной пол были положены циновки.

Мужчины по большей части ходили голыми. Женщины же носили нечто вроде юбок «из тростника, а на плечах — оленьи шкуры». «У мужей своих они находятся в полном подчинении,— пишет Флетчер,— и ничего не делают без совета с мужчинами или их приказания».

Однажды, вернувшись домой, индейцы подняли такой жалобный крик (особенно выделялись голоса женщин), что его было слышно на милю вокруг. Это обеспокоило англичан. Они начали укреплять свой лагерь, готовясь к возможному нападению индейцев, расценив их крик как резкую перемену настроения. Но скоро все стихло, а через два дня индейцы опять в большом числе собрались у английского лагеря, принеся с собой мешки с tabáh в качестве подарков, «или, правильнее, жертвоприношения, так как, по их понятиям, мы были боги». Затем они поднялись на вершину холма, у подножия которого англичане построили лагерь, и там остановились. Один из индейцев, видимо главный

оратор, обратился к англичанам с длинной темпераментной речью, напрягая в полную силу голос и отчаянно жестикулируя. Когда он заговорил, все индейцы поклонились, крича «О-о-о!» «Этим,— замечает Флетчер,— они хотели сказать, что все, что говорил оратор, было правдой и они полностью с ним согласны». После этого мужчины, положив на землю луки и оставив на холме женщин и детей, подошли к англичанам с подарками. «Приблизившись к генералу, они имели вид счастливых людей, как если бы предстали перед богом. Их радость особенно усилилась, когда генерал принял подарки из их рук: и, несомненно, они ощущали себя совсем рядом с богом, когда стояли около него. Тем временем женщины, как бы в отчаянии, крича и воя, стали причинять себе жестокие страдания, царапая ногтями кожу на лице; кровь струилась по всему телу. Затем, подняв руки над головой, оставив открытой грудь, они бросились на землю, не разбирая куда, и сильно разбивались о камни, царапались о кустарник, натыкались на куски дерева. Все это они повторяли еще и еще, по девять или десять раз, а некоторые по 15 или 16 раз (пока силы не оставляли их). Когда это кровавое жертвоприношение (против нашей воли) окончилось, наш генерал со своим экипажем в присутствии туземцев начал молиться. Распеваемые англичанами псалмы так понравились индейцам, что они потом, приходя в лагерь, прежде всего просили их спеть».

Еще через три дня у английского лагеря собралась толпа индейцев в таком количестве, какое было трудно себе представить в этой пустынной местности. К Дрейку подошли два индейца, посланные вождем, или Hióh, как они его называли. В пространной речи, продолжавшейся около получаса, они сообщили, что Hióh хочет посетить Дрейка, и попросили каких-нибудь подарков для него в знак того, что визит может быть осуществлен без боязни. Получив подарки, они вернулись к вождю.

Через некоторое время явился вождь в сопровождении 100 телохранителей. Впереди процессии шел высокий, статный человек со скипетром черного дерева длиной в полтора фута. На нем было два венка, один небольшой, другой еще меньше, с тремя длинными цепочками и мешочком с травой tabáh. Венки и цепочки были сделаны очень искусно. Похоже, что самые маленькие звенья цепочек были изготовлены из кости. Ношение цепочек являлось отличительным знаком. Разрешалось носить строго определенное количество — 10, 12, 20, в зависимости от общественного положения их владельца: чем знатнее он был, тем большее количество цепочек он мог надеть на себя.

За человеком со скипетром шел сам вождь, окруженный своими телохранителями, которые были очень высокого роста и имели воинственный вид. На плечи вождя был накинут плащ из кроличьих шкурок, доходивший до пояса. На телохранителях тоже были плащи, но из шкур других животных. За вождем и его гвардией шли, видимо, рядовые члены племени, обнаженные,

с длинными волосами, собранными сзади в пучок, в который были воткнуты перья. У всех индейцев лица были раскрашены в белый, черный и другие цвета. Каждый мужчина нес в руке какой-нибудь подарок. Заключали процессию женщины и дети. Каждая женщина несла одну или две круглые корзинки с травой tabáh и различной провизией, в том числе жареными рыбками.

Дрейк, видя приближающуюся толпу индейцев, на всякий случай приготовил своих людей к обороне. Но индейцы, не доходя до лагеря, внезапно остановились, храня некоторое время полную тишину. Потом тот, кто нес скипетр, начал речь, которая продолжалась с полчаса. Затем оратор начал петь и приплясывать в такт песне. Песню подхватили вождь, его приближенные и все остальные. Все они одновременно танцевали. Видя столь мирную картину, Дрейк разрешил индейцам войти внутрь форта. Они вошли туда, продолжая петь и танцевать. Когда они несколько утомились, то знаками попросили Дрейка разрешить им сесть. После этого вождь обратился к Дрейку с речью, то есть, «если мы его правильно поняли,— пишет Флетчер,— скорее с предложением, чтобы он стал их королем и покровителем, показывая знаками, что они отказываются в его пользу от всех прав на землю и становятся его вассалами... Вождь снял корону со своей головы, снял все цепочки с шеи и передал все это генералу, называя его именем Hióh... Затем вождь и все остальные начали петь и танцевать от восторга, что самый великий и главный бог стал их богом, королем и покровителем, и они чувствовали себя самыми счастливыми людьми на свете».

Дрейк, как сообщает Флетчер, не счел возможным отказаться от предложения, полагая, что эта земля может «принести, когда придет время, доход нашей родине». Поэтому от имени своей королевы он взял «скипетр, корону и власть над указанной страной в свои руки».

Дрейк назвал это «королевство» Новым Альбионом. После церемонии принятия власти Дрейк решил познакомиться с новым владением и его населением. Он обнаружил там плодородные земли, а местных жителей нашел очень сильными и энергичными. «По природе своей,— пишет Флетчер,— они люди приветливые и спокойные, без какого-либо коварства; своими луками и стрелами (единственное их оружие и почти все их богатство) они владеют очень искусно, но этим они не причиняют большого вреда: стрела летит на небольшое расстояние и без особой силы, напоминая скорее игрушку для детей, чем оружие мужчины. И это удивительно, потому что они очень сильны: обычный человек обладает такой силой, что может нести на спине тяжесть, с какой не справятся два или три наших мужчины, и несет ее с легкостью целую английскую милю с холма на холм. Они также очень быстро бегают, и на большие расстояния... Мы наблюдали с большим удивлением, как они руками без промаха схватывают рыбу, если та подплывает к берегу».

Проведя четыре недели в Новом Альбионе, Дрейк решил, что пора возвращаться домой. Лето кончилось. До Плимута было 16 тысяч миль, Дрейк выбрал путь через Молуккские острова и мыс Доброй Надежды. 23 июля «Золотая лань» покинула американский берег, направляясь на запад. С кормы корабля Дрейк видел зажженные индейцами костры на вершинах холмов. Он не знал, был ли это прощальный салют или жертвоприношение. Покидая Новый Альбион, Дрейк в традициях своего времени установил на берегу высокий и узкий столб с прибитой к нему доской, на которой было написано: «Да будет известно всем людям, что 17 июля 1579 г., по милости господа и от имени ее величества королевы Елизаветы Английской и ее преемников, я взял во владение это королевство, чей король и народ по своему желанию передали ее величеству их права на всю землю, названную мной, к сведению всех людей, Новым Альбионом.

Фрэнсис Дрейк».

В качестве печати, удостоверяющей законность сделанной надписи, в вырезанную в столбе дырку была вставлена шестипенсовая монета с изображением королевы и ее герба.

68 дней шла «Золотая лань», нигде не останавливаясь. Люди Дрейка ничего не видели, кроме неба и моря. Ни разу им не встретилась суша. Лишь 30 сентября показалась земля. Это была группа небольших островков. «С этих островов,— пишет Флетчер,— прежде чем мы успели их обнаружить, вышло огромное количество каноэ, на каждом из которых было по 4, 5, 14 или 15 человек. Они везли кокосовые орехи, рыбу, картофель, фрукты. Их каноэ были сделаны по обычному фасону, по большей части из ствола одного дерева... Местные жители носят в ушах тяжелые украшения, так что мочка уха очень оттянута, ногти у некоторых отращены по крайней мере на дюйм, а зубы черные, как смола, и это потому, что они часто едят какую-то траву, имея ее постоянно при себе». Но обмена товарами не произошло. Получив сброшенные с корабля предметы, туземцы ничего не дали взамен. Когда же англичане попытались их прогнать, те начали с каноэ забрасывать их камнями. Тогда Дрейк приказал дать холостой выстрел. Испугавшись, островитяне попрыгали в воду, но от каноэ не отплывали, а, нырнув под них, удерживали их на месте. Когда же «Золотая лань» отошла на приличное расстояние, они опять забрались на каноэ и быстро поплыли к берегу. Англичане назвали эту землю островом Воров.

Интересно отметить, что подобное происшествие случилось в этих же водах с Магелланом, и он буквально так же назвал обнаруженную землю.

Не высаживаясь на остров, англичане 3 октября поплыли дальше и 21 октября прошли мимо Филиппин, а 3 ноября подошли к Молуккским островам. Португальские колонисты, находившиеся на островах, вели тогда войну с султаном соседнего

малайского острова Тернате. Высадившись на этом острове, англичане были весьма радушно встречены султаном, который, выразив желание вблизи рассмотреть «Золотую лань», подъехал на каноэ к борту корабля. Дрейк приказал дать приветственный орудийный салют, сопровождавшийся звуками труб. Султан, однако, отказался подняться на борт «Золотой лани» и предпочел остаться в каноэ. Султан сказал, что ему очень понравился звук трубы и он хотел бы послушать английскую музыку. По его просьбе музыканты спустились в каноэ и играли ему в течение часа. Во время пребывания на острове Дрейк успел заключить с султаном договор о том, что его подданные будут продавать специи только английским купцам.

9 ноября «Золотая лань» покинула остров, и через пять дней к югу от Сулавеси англичане увидели небольшой островок, оказавшийся необитаемым. Дрейку был необходим именно такой уединенный островок. «Золотая лань» опять требовала ремонта. Англичане оставались на острове целых четыре недели, усиленно готовя свой корабль для последней части пути. 12 декабря они покинули остров, названный ими островом Крабов, так как крабы водились там в изобилии.

Теперь Фрэнсис Дрейк первым из англичан входил в еще один океан планеты — Индийский. Но здесь его ждало серьезнейшее испытание. Выбраться из массы островов среди мелей и рифов было очень сложно. Когда уже казалось, что самое трудное осталось позади и «Золотая лань» вот-вот выйдет на просторы безбрежного океана, страшный удар потряс корабль. Он наскочил на подводную скалу. Это произошло 9 января 1580 г. Положение было безнадежным. Оставалось только ждать неминуемой смерти.

Пастор Флетчер созвал экипаж на молитву, чтобы все должным образом подготовились к встрече с богом. Матросы пали ниц, началась общая молитва. Дрейк, нисколько не растерявшись, дождался, когда кончится молитва, и сказал команде, что молитвами делу не поможешь и надо искать путь к спасению, не надеясь на провидение. Он заставил весь экипаж, в том числе и Флетчера, откачивать воду из трюма корабля. Затем Дрейк распорядился проверить, можно ли поставить «Золотую лань» на якорь, чтобы волны не бросили ее на прибрежные скалы. Но дна достать не удалось. «Зародившаяся было надежда на спасение,— пишет Флетчер,— теперь угасла; наше несчастное положение становилось еще более ужасным, чем это представлялось вначале... Хорошо еще, что большинство наших людей не понимало безнадежность сложившегося положения».

Ясно было одно, что судно прочно село на мель. Что же было делать? Оставаться на корабле значило или погибнуть от голода, поскольку продовольствия и воды оставалось лишь на несколько дней, или разбиться вместе с ним о прибрежные скалы, если ветер сумеет сорвать корабль с мели. Покинуть корабль

всем вместе было невозможно. Имевшаяся на судне шлюпка вмещала 20 человек, а команда насчитывала 58. Но даже если 20 человек воспользуются шлюпкой, то и они не спасутся, во-первых, потому, что ветер дул со стороны берега, находящегося не менее чем в 20 милях от «Золотой лани», и шлюпка не смогла бы к нему подойти, во-вторых, если бы они и сумели выбраться на берег, то кончили бы свои дни на необитаемой земле. Поэтому, решив, что лучше оставаться вместе, англичане стали дожидаться рассвета, чтобы опять приняться за поиски какого-то спасительного выхода. Утром вновь замерили дно, утешительных результатов не было. Дрейк, по-прежнему не терявший присутствия духа, приказал выбросить часть груза за борт. «То, что еще недавно казалось нам необходимым,— пишет Флетчер,— и без чего мы не могли обойтись, теперь потеряло для нас всякую ценность». Выбрасывали тюки с тканями, оружие, боевые припасы, муку и т. п. На борту остались лишь мешки с драгоценностями. И вдруг произошло чудо! Ветер начал стихать, вода прибывала, киль корабля высвободился, и «Золотая лань» обрела свободу. 20 часов непрерывного кошмара кончились. Корабль пошел дальше.

Когда все успокоились, Дрейк приказал позвать к нему Флетчера. Пастор застал адмирала сидящим в кресле на нижней палубе. «Фрэнсис Флетчер,— сказал ему Дрейк,— я отлучаю тебя от церкви господней и лишаю всех выгод и преимуществ, проистекающих от этого, и отдаю тебя сатане и всем присным его». После этого он приказал повесить на грудь капеллана дощечку с надписью: «Фрэнсис Флетчер — величайший плут и мошенник на свете». Взрыв гнева Дрейка был вызван тем, что он узнал, что, когда корабль налетел на подводную скалу, священник говорил команде, что господь наказал их за тяжкий грех Дрейка — казнь Томаса Доути. Впрочем, через несколько дней гнев адмирала сменился на милость, и он, простив Флетчера, разрешил ему приступить к своим пасторским обязанностям.

12 марта «Золотая лань» подошла к Яве. Здесь у Дрейка установились дружеские отношения с местным властителем. Дрейк даже устроил для него концерт английской музыки, приведя во дворец раджи корабельных музыкантов, а также продемонстрировал военные упражнения. «Народ здешний (как и их короли),— замечает Флетчер,— добродушный, очень честный и обязательный. Мы накупили у них кур, коз, кокосовые орехи и овощи, которые они нам предлагали с такой любезностью и в таком количестве, что наполнили ими наш корабль».

Попутные ветры и хорошая погода помогли Дрейку благополучно пересечь Индийский океан. 15 июня «Золотая лань» миновала мыс Доброй Надежды. 15 августа был пересечен тропик Рака, а 22 августа пройдены Канарские острова. Наконец 26 сентября 1580 г. «Золотая лань» подошла к Плимуту. Прошло два года девять месяцев и 13 дней с начала экспедиции. Первое, что

увидели с «Золотой лани», была рыбачья лодка. «Жива ли королева?» — крикнули с корабля. «Конечно, жива»,— ответили рыбаки, удивленные столь странным вопросом. Они предупредили, что в городе свирепствуют болезни и что высаживаться на берег не разрешают.

«Золотая лань» стала на якорь. Лишь несколько человек на берегу были свидетелями возвращения на родину первого английского корабля, совершившего кругосветное плавание. Дрейк не сразу понял, почему так мало народа. По его подсчетам, 26 сентября должен был быть понедельник, а в действительности было воскресенье, и все жители города находились в церкви.

В Плимуте Дрейк узнал наконец о судьбе кораблей своей флотилии. «Златоцвет» со всем экипажем погиб во время страшной бури, которая разметала корабли флотилии при входе в Тихий океан. «Елизавета» же вернулась в Плимут еще в июне 1579 г. Ее капитан Винтер объяснил свое возвращение тем, что этого от него потребовала команда. Как было на самом деле — сказать трудно. Два свидетеля, оставившие описания плавания «Елизаветы», Джон Кук и Эдвард Клифф, напротив, утверждали, что решение о возвращении в Англию принял сам Винтер. Более того, Клифф даже подчеркивал, что капитан сделал это вопреки желанию экипажа. Скорее всего дело было так. Прождав три недели Дрейка в одном из заливов Магелланова пролива, куда он спрятался от бури, Винтер, считая, что оба судна погибли, не решился один продолжать опасное плавание и повернул назад, к удовольствию команды.

Воспользовавшись сообщениями об эпидемии в Плимуте и не зная, что его ждет, как его встретит королева, Дрейк счел за благо отойти подальше от родных берегов и стать на якорь у острова Святого Николая (названного впоследствии островом Дрейка), находящегося при входе в Портсмутскую гавань. Теперь, если обстановка сложится для него неблагоприятно, он сможет незаметно скрыться в спасительном просторе океана.

Дрейк написал письмо королеве. Он рассказал ей о главных эпизодах долгого плавания, сообщил о захваченных сокровищах. Передать письмо королеве он просил одного из своих музыкантов — Тома Броуера. Тем временем Дрейка посетили его жена Мэри и мэр Плимута. Из разговора с ними Дрейк узнал много неприятного. Герцог Парма, племянник Филиппа II, подавлял протестантские восстания на севере Нидерландов, борясь со сторонниками Вильгельма Молчаливого. Во Франции герцог де Гиз, креатура Филиппа, был более могуществен, чем Карл IX. В июле 1579 г. папские волонтеры высадились на юге Ирландии и помогли восставшим. Но самое неприятное было то, что после смерти в августе 1580 г. португальского короля Филипп II стал наиболее вероятным претендентом на вакантный престол. Он приказал войскам герцога Альбы вступить на территорию Пор-

тугалии, и там, в битве у Алькантары, испанцы разбили сторонников дона Антонио, другого претендента на португальскую корону.

Захватив Португалию, Филипп получил бы ее владения в Африке и в Бразилии. Кроме того, он стал бы хозяином мощного португальского флота. Дрейк узнал также, что среди ближайших советников королевы разгорелись споры по поводу захваченных Дрейком богатств. О том, что Дрейк награбил очень много, стало известно в Англии еще задолго до его возвращения. Английские купцы в Севилье сообщили Винтеру, когда тот на «Елизавете» возвращался в Англию, что, по слухам, Дрейк захватил драгоценностей на 600 тыс. дукатов. Ряд советников королевы во главе с канцлером Берли настаивали на возвращении захваченных ценностей их владельцам, а до того требовали поместить их в Тауэр. Уолсингем, Хеттон, граф Лейстер — пайщики предприятия Дрейка — возражали против этого. Поползли слухи, что королева была «недовольна Дрейком, узнав о его грабежах в Перу». Понятно, с каким нетерпением ждал Дрейк ответа Елизаветы. Люди из его экипажа зло шутили, что его ждет или Тауэр, или адмиралтейский суд.

Наконец был получен ответ королевы. Запершись в своей каюте, Дрейк лихорадочно читал послание своей повелительницы. Содержание его положило конец беспокойству. Королева приказывала Дрейку немедленно явиться ко двору, взяв с собой наиболее интересные предметы из захваченных драгоценностей. В этом же письме она давала секретные поручения местному судье Эдмунду Тремейну, соседу и приятелю Дрейка, спрятать оставшиеся богатства в надежном месте и присматривать за ними. Дрейк не теряя времени нагрузил несколько лошадей мешками с золотом, серебром и драгоценными камнями и отправился в Лондон.

Пока Дрейк мчался в столицу, споры между министрами Елизаветы о дальнейшей судьбе захваченных богатств продолжались. Лорд Берли по-прежнему требовал их помещения в Тауэр для последующей передачи испанцам. Массу энергии тратил испанский посол Бернардино де Мендоса, добиваясь возвращения сокровищ. Выполняя приказ короля Филиппа, он вскоре после возвращения «Золотой лани» в Плимут представил Елизавете подробный перечень награбленного Дрейком и потребовал немедленного суда над ним.

Королева действовала в своем излюбленном стиле. Разве может она наказывать Дрейка до тех пор, пока не выяснит сама у него все обстоятельства? А разве может она что-нибудь узнать у Дрейка, не видя его?

Тем временем «главный вор неизвестного мира», как тогда называли Дрейка его недоброжелатели, прискакал в Ричмондский дворец. Он смело вошел в покои королевы и преклонил колено перед своей повелительницей. Дрейк выглядел очень импо-

зантно. Одетый с подчеркнутой роскошью невысокий голубоглазый крепыш с обветренным, загорелым лицом, на котором заметно выделялся шрам от индейской стрелы, с белокурыми волосами, ставшими еще светлее от многомесячного действия тропического солнца, он смотрел на Елизавету спокойно и уверенно. Дрейк не сомневался, что привезенные «образцы» окажут нужное действие. И он не ошибся.

Шесть часов за плотно закрытыми дверьми продолжалась беседа с глазу на глаз Елизаветы с «ее пиратом», как она называла Дрейка. Вероятно, королева не только перебирала тонкими, нервными пальцами драгоценные камни, великолепные изделия из золота и серебра, но подробно расспрашивала об остальных сокровищах. Дрейк взял с собой карту, на которой был нанесен маршрут плавания, и можно представить себе, как увлекательно рассказывал он об удивительных перипетиях экспедиции. Правда, Дрейк не первым обогнул земной шар, но он был первым капитаном кругосветной экспедиции, проведшим ее с начала до конца. Надо думать, что не только содержание рассказа Дрейка нравилось королеве, но и звучание его голоса: адмирал говорил с девонширским акцентом, как и новый фаворит «венценосной девственницы» — Уолтер Рэли.

После затянувшейся аудиенции Дрейк вернулся в Плимут с приказом королевы принять участие в регистрации захваченных богатств. В частном письме Треймену королева писала, чтобы регистрация не начиналась до того, как Дрейк на некоторое время останется с сокровищами совершенно один. Кроме того, королева приказала, чтобы Дрейк сам до регистрации захваченных богатств взял из них ценности на сумму 10 тысяч фунтов стерлингов для себя и еще на 10 тысяч фунтов стерлингов для раздачи членам экипажа. После регистрации все сокровища должны быть перевезены на хранение в Тауэр. Но по дороге туда их надо было завезти во дворец королевы, чтобы и она могла все посмотреть. Такова была воля монархини.

Поверенный Елизаветы превосходно понял, что хотела от него государыня. А она хотела, чтобы, кроме нее и Дрейка, ни одна живая душа не знала стоимость привезенных «Золотой ланью» богатств, а также чтобы в Тауэр попал минимум сокровищ. Хотя она и не собиралась возвращать сокровища Филиппу, но всякое могло случиться, так пусть лучше бóльшая часть сразу будет надежно пристроена. Эдмунд Треймен оправдал возлагавшиеся на него надежды. В ноябре 1580 г. он писал Уолсингему: «Чтобы дать вам представление, как я действовал вместе с Дрейком, должен сказать, что у меня не было времени подсчитать стоимость сокровищ, которые показал мне Дрейк. И, сказать правду, я просил его показывать мне не больше того, что он сам считал нужным, и от имени ее величества приказал, чтобы он не говорил о действительной стоимости ни одному живому существу. Я брал для взвешивания, регистрации и упаковки только то, что он мне

передавал... И выполняя секретный приказ ее величества о том, чтобы у него остались ценности на сумму 10 тысяч фунтов стерлингов, мы договорились, что он возьмет их себе и тайно вынесет до того, как мой сын Генри и я придем взвешивать и регистрировать то, что останется. Так и было сделано, и ни одно живое существо об этом не знает, кроме него и меня...»

В Тауэр же попало на хранение 20 тонн серебра, пять слитков золота, каждый длиной 45 сантиметров, и некоторое количество драгоценных камней.

Узнав о необычно длительной аудиенции, данной Елизаветой Дрейку, разгневанный де Мендоса потребовал встречи с королевой. Аудиенция была дана и ему. Но когда посол начал говорить о возвращении сокровищ, королева прервала его и стала перечислять все грехи испанцев в отношении Англии. Елизавета указала на многочисленные случаи преследования ее подданных во владениях испанского монарха. Но особенно резко она выговаривала послу за участие испанцев в боевых действиях против английских войск в Ирландии и требовала от Филиппа II письменного извинения за вмешательство в ее дела. Бернардино де Мендоса, окончательно выйдя из себя, воскликнул: «Если меня не слушают, то пусть заговорят пушки!» С холодным спокойствием Елизавета сказала: «Если вы будете говорить со мной подобным тоном, я посажу вас в такое место, где вы вообще не сможете говорить». И посол ушел ни с чем. Венценосная комедиантка отлично сыграла роль. Она понимала, что может себе это позволить, поскольку была уверена, что Филипп не пойдет на объявление войны: он тогда был еще к ней не готов. Филипп только что «проглотил» Португалию и осваивался с новым положением. Доставшийся ему португальский военный флот надо было еще приводить в порядок.

Елизавета так никогда и не вернула Испании захваченные Дрейком сокровища. Какова была их действительная стоимость, неизвестно. Считают, что не меньше 600 тысяч фунтов стерлингов на тогдашние деньги. Чтобы представить себе, что значит эта сумма, можно указать, что разгром испанской «Непобедимой армады» в 1588 г. стоил Англии 160 тысяч фунтов стерлингов. Годовой доход английской казны составлял тогда 300 тысяч фунтов стерлингов. «Пайщики» предприятия Дрейка получили 4700 процентов на вложенный капитал. Конечно, королева получила львиную долю добычи.

Привезенное Дрейком богатство послужило основой для последующей экспансии Англии в заморских странах. «Конечно,— пишет английский экономист Д. Кейнс,— богатства, привезенные Дрейком, можно вполне считать основой британских иностранных инвестиций. Елизавета за счет их смогла погасить весь свой иностранный долг и еще часть денег вложить в Левантийскую компанию; большие же доходы, получавшиеся Левантийской компанией, дали возможность создать Ост-Индскую компанию, доходы

от которой на протяжении XVII—XVIII вв. были основой развития английских внешних связей и т. д.».

В сравнении с Испанией Англия того времени была бедной страной. «Доход одной Севильи,— говорил в 1578 г. государственному казначею Англии Уолтеру Милдмею Антонио де Гуарас, богатый купец, проживавший в Лондоне и в отсутствие официального посла неоднократно представлявший Испанию при английском дворе,— много больше, чем все доходы английской короны». Полученные богатства придали Елизавете бо́льшую уверенность в отношениях с Филиппом. Теперь ей казался уж не таким невозможным военный спор с могущественной Испанией.

Слава Дрейка перешагнула границы Англии. Принц Оранский намеревался выбить медаль в его честь, а датский король — назвать его именем свой лучший военный корабль. Генрих Наваррский просил прислать копии карт Дрейка с нанесенным на них маршрутом экспедиции.

В Англии же Дрейк стал национальным героем. Поэты слагали в его честь стихи. «Люди аплодировали его удивительным приключениям и богатой добыче,— писал современник Дрейка Джон Стоу.— Его имя и слава стали известны повсюду, люди ежедневно собирались на улицах, чтобы увидеть его...» При дворе его звезда взошла очень высоко. Мендоса писал Филиппу II, что Дрейк «проводит много времени с королевой, у которой он в большом фаворе и которая говорит, что он сослужил ей великую службу». Дрейк подарил Елизавете корону с пятью большими бриллиантами, а на Новый год — усыпанный бриллиантами крест. «Королева сказала,— сообщал своему монарху Мендоса,— что она возведет Дрейка в рыцарское достоинство в тот день, когда придет посмотреть его корабль, который она приказала поставить у берега». Действительно, по приказу Елизаветы «Золотая лань» стала на якорь в Темзе у Дептфорда.

4 апреля 1581 г. королева прибыла в Дептфорд. «Золотая лань», отремонтированная и свежеокрашенная, стояла расцвеченная флагами. Для прохода на корабль с берега был построен деревянный мост. На нем скопилось столько людей, желавших быть свидетелями знаменательного события, что мост не выдержал нагрузки и рухнул в воду. К счастью, никто не пострадал и к приезду королевы все было восстановлено. Елизавета прибыла на корабль в сопровождении де Маршомона, представителя герцога Анжуйского, брата короля Франции. Он должен был начать переговоры о женитьбе герцога на английской королеве. 48-летняя Елизавета, казалось, всерьез решила положить конец своему затянувшемуся девичеству. Мендоса с большой тревогой сообщал об этом Филиппу. Еще бы, ведь герцог Анжуйский претендовал на нидерландский престол. Брак с ним Елизаветы — прямой вызов Испании. Но Филиппа новая матримониальная затея «королевы-девственницы» особенно не беспокоила. Он был уве-

рен, что это очередной ход в ее политической игре, что она сама, когда ей это будет нужно, прервет брачные переговоры. Но в день посещения «Золотой лани» Елизавета всячески подчеркивала посланцу жениха свое расположение. Герцог должен был вскоре прибыть в Лондон, сопровождаемый почетным эскортом из 200 французских дворян. Трубили трубы, раздавалась барабанная дробь. Дрейк склонил колено перед королевой. Елизавета, держа меч, пошутила, что король Филипп требует от нее возвращения привезенных Дрейком богатств вместе с головой пирата. Сейчас в ее руках золоченый меч, чтобы казнить Дрейка. Обратившись затем к де Маршомону, она отдала ему меч и попросила продолжить церемонию. Де Маршомон возложил меч на плечо Дрейка. Королева обдумала и это. Церемония теперь как бы символизировала англо-французское содружество против Испании, ведь королева вместе с представителем французского королевского дома возвеличивала человека, нанесшего ощутимый удар испанскому монарху. Так Дрейк был возведен в рыцарское достоинство. В елизаветинские времена это была очень большая награда. В Англии было всего 300 человек, носивших это звание. Выше их были лишь 60 пэров. Даже могущественный государственный секретарь Уолсингем до конца жизни не удостоился такой чести.

Королева объявила также, что отныне «Золотая лань» как символ славы нации навечно станет в специально построенном доке. Затем был устроен такой роскошный банкет, какого в Англии не было со времен Генриха VIII.

Имея в виду предстоящее замужество Елизаветы с герцогом Анжуйским, которого та любила называть «мой лягушонок», Дрейк подарил королеве инкрустированную бриллиантами золотую лягушку, что было встречено доброжелательным смехом. Королева, в свою очередь, подарила Дрейку свой портрет-миниатюру, украшенный драгоценными камнями, и шарф из зеленого шелка, во всю длину которого было вышито золотом: «Пусть милосердие ведет и защищает тебя до конца дней».

Позднее королева сделала Дрейку более существенный подарок: патент на землевладение в Девоншире и других местах страны «для него и его наследников» за заслуги «Фрэнсиса Дрейка, рыцаря, обошедшего земной шар с востока на запад и открывшего в южной части мира много неизвестных мест». На следующий Новый год Елизавета подарила Дрейку серебряный кубок с выгравированным изображением его корабля. Сама же «Золотая лань» очень долго стояла в Дептфорде. Шекспир упоминает, что лондонцы в праздничные дни любили посещать этот корабль.

Потом о судне забыли, оно обветшало, охотники за сувенирами растащили деревянные части корабля. Из них изготовлялась различная утварь. До нашего времени сохранились лишь стол и кресло.

Рыцарское звание обязывало Дрейка иметь свой «замок». И Дрейк купил небольшое поместье в Букленде, расположенное в шести милях от фермы, где он родился.

Дрейк зажил жизнью помещика, энергично занимаясь сельским хозяйством. Мэри была счастлива: никогда на протяжении двенадцатилетнего замужества ее супруг не находился дома столь длительное время.

Но счастье длилось недолго. В январе 1583 г. Мэри умерла. Дрейка тогда не было дома. Он находился в Лондоне у королевы, которой преподнес очередной новогодний подарок. На этот раз это была золотая солонка, сделанная в виде земного шара, покоящегося на спинах двух обнаженных мужчин. На верху земного шара располагалась фигура женщины, державшей горн. Дрейк всегда делал королеве необычные подарки. В 1587 г., например, он подарил ей усыпанный бриллиантами веер из красных и белых перьев, который, когда его раскрывали, обнаруживал ее портрет.

В то время Дрейк был не только помещиком. Он был избран мэром Плимута, назначен инспектором королевской комиссии по проверке состояния английского флота, а в 1584 г. стал членом палаты общин английского парламента.

В феврале 1585 г. Дрейк вторично женился. На этот раз его женой стала девушка не из низшего сословия, как Мэри Ньюмен, а представительница знатного и богатого английского семейства Соммерсетов, единственная дочь сэра Джорджа Сиденгема двадцатилетняя красавица Елизавета.

Последним эпизодом, связанным с кругосветным плаванием, был судебный процесс против Дрейка, начатый Джоном Доути, братом казненного им капитана. Не добившись ничего через суд, Доути вошел в сговор с пострадавшими от Дрейка испанскими купцами, замышляя его убийство. Это было раскрыто и Доути арестовали. В ходе дознания выяснилось, что Филипп II обещал 20 тысяч дукатов тому, кто выкрадет Дрейка и доставит в Мадрид или хотя бы пришлет в Эскуриал его голову. Именно это и намеревался сделать Джон Доути. Несмотря на поддержку всесильного канцлера лорда Берли, он был заключен в тюрьму.

Внешне жизнь Дрейка в первые пять лет после возвращения из кругосветного плавания шла размеренно и спокойно: управление своими поместьями, обязанности мэра Плимута, поездки в Лондон ко двору королевы, несложная деятельность члена палаты общин английского парламента. На самом деле это было не так.

За день до возведения Дрейка в рыцарское звание, 3 апреля 1581 г., Уолсингем представил королеве на рассмотрение два альтернативных плана морских экспедиций, направленных против Испании. Один был назван Уолсингемом «первым предприятием», другой — «вторым предприятием». «Первое предприятие» предусматривало отправку восьми кораблей и шести пиннас с

тысячей матросов и солдат на Азорские острова для создания на острове Терсейра своего рода «пиратского королевства» под эгидой неудачливого претендента на португальский престол дона Антонио, внебрачного сына младшего брата испанского короля Жуана III, который был дедом бездетного португальского короля Себастьяна. Смерть последнего вызвала борьбу за португальскую корону между доном Антонио и Филиппом II.

Дон Антонио, находившийся в изгнании во Франции после захвата герцогом Альбой Лиссабона, сохранил еще власть над Азорскими островами. Уолсингем и хотел, воспользовавшись этим, обосноваться в столь стратегически важном месте. Английский флот получил бы прекрасную базу для нападения на испанский флот, перевозивший драгоценности Америки в Севилью. В плане Уолсингема Дрейку отводилось центральное место — командующего всей экспедицией.

«Второе предприятие» предусматривало организацию экспедиции в Каликут для того, чтобы, с одной стороны, не допустить захвата Испанией португальских колоний в Азии, а с другой — обеспечить торговлю с ними английских купцов. Эта операция также будет осуществляться в интересах дона Антонио.

Королева выбрала первый вариант, но сказала, что разрешит начать «предприятие» лишь в том случае, если в нем примет участие Франция. Темпераментный дон Антонио через своего представителя в Лондоне торопил английское правительство с началом экспедиции. В обеспечение займов, которые надо было сделать для финансирования экспедиции, он даже передал Уолсингему крупный бриллиант. Приготовления к экспедиции, которыми руководили Дрейк и Хокинс, шли полным ходом. Их необходимо было закончить в июне 1581 г. В конце июня в Лондон прибыл дон Антонио. 1 июля он был принят королевой. Дон Антонио просил послать на Азорские острова как можно более мощный флот. Елизавета же в обычной для нее манере осторожничала, стараясь обеспечить себе сильного союзника в этом чреватом опасностями деле. Она послала Уолсингема в Париж для того, чтобы тот сумел втянуть в «предприятие» Францию.

Но время шло, а вести от государственного секретаря приходили неутешительные. Франция не желала участвовать в экспедиции против Испании. К тому же были получены сообщения, что испанский флот с американскими сокровищами уже достиг родных берегов, а остров Терсейра был захвачен войсками короля Филиппа. 18 августа лорд Берли писал Уолсингему в Париж: «Все эти сообщения... заставили ее величество воздержаться от отправки экспедиции... ее вчерашний ответ дону Антонио был таков, что подготовка к плаванию будет продолжаться, но корабли не покинут порт до вечера, т. е. до того времени, пока она не получит сообщения от Вас». Но ожидавшегося сообщения от Уолсингема не поступило. Франция по-прежнему отказывалась от участия в экспедиции. Тогда королева предложила компро-

миссный план: послать два или три корабля к Азорским островам, чтобы спровоцировать местное население на выступления против испанцев, а весной следующего года направить туда морскую экспедицию. За это время, полагала она, удастся склонить Францию к военному союзу против Испании. Дрейк и Хокинс передали это предложение Елизаветы дону Антонио. Но последний не хотел ничего слышать. Он рассматривал предложение королевы как уловку, как попытку уйти от осуществления экспедиции. Дон Антонио заявил, что прекращает всякие переговоры с Елизаветой, и потребовал назад свой бриллиант, переданный Уолсингему. 24 августа 1581 г. лорд Берли писал Уолсингему: «Сегодня дон Антонио потребовал от королевы возвращения бриллианта и хотел послать за ним своего человека к Вашей жене; но я думаю, что ответ Вашей жены должен быть такой, что бриллиант был оставлен ей Вами и она может вернуть его без Вашего разрешения только в том случае, если будут уплачены деньги, которые были затрачены на подготовку экспедиции». Отвечая лорду Берли 28 августа, Уолсингем полностью его поддержал. Бриллиант не был возвращен дону Антонио, так как тот отказался возместить расходы на подготовку экспедиции. Судьба бриллианта была сложна. Многократно переходил он из рук в руки, пока наконец не оказался в сокровищнице русских царей.

Разгневанный дон Антонио вернулся во Францию, где набрал добровольцев во главе со Строцци, и в 1582 г. поплыл к Азорским островам. Испанцы под командованием маркиза де Санта Круза разгромили флотилию дона Антонио. Строцци был убит, а сам дон Антонио хотя и спасся, но потерял все деньги и драгоценности. Никто в Англии больше о нем не вспоминал.

Тогда решили осуществить «второе предприятие». По совету графа Лейстера Дрейк отказался от участия в этом деле, только предоставил в распоряжение будущей экспедиции свой барк «Фрэнсис». Руководителем экспедиции был назначен Эдвард Фентон. Командование «Фрэнсисом» было поручено Джону Дрейку. В состав экспедиции кроме небольшого «Фрэнсиса» (40 тонн) вошли «Медведь» (400 тонн), «Бонавентура» (300 тонн) и «Елизавета» (50 тонн). Фентон получил от правительства инструкции ни в коем случае не ввязываться в сражения с испанскими кораблями и идти к Молуккским островам только через мыс Доброй Надежды. Проход через Магелланов пролив мог быть использован лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Чтобы подчеркнуть мирный характер экспедиции, в ее состав включили купцов, а также плотников и каменщиков, взятых для сооружения торговых факторий в заморских землях.

Когда началось плавание, неблагоприятные ветры погнали корабли к берегам Америки, то есть сложилась именно та чрезвычайная обстановка, которая разрешала Фентону использовать Магелланов пролив для прохода в Тихий океан. У берегов Южной Америки Фентон захватил испанский корабль, от команды

которого узнал, что испанская колониальная администрация начала строить военные укрепления в Магеллановом проливе, чтобы воспрепятствовать проходу по нему чужеземных кораблей. Фентону стало известно также, что была налажена связь между районом Ла-Платы и Перу, благодаря чему вице-король мог быстро узнать о появлении вражеских кораблей у Атлантического побережья «испанской» Америки. Эти сведения так напугали Фентона, что он решил прекратить дальнейшее плавание и возвратиться в Англию. Джон Дрейк самовольно повел свой корабль к бразильским берегам. О том, чем это кончилось, говорилось выше. «Второе предприятие» Уолсингема, таким образом, тоже потерпело неудачу.

Однако «военная партия» при английском дворе не собиралась складывать оружие. Политическая обстановка в Европе накалялась. В голове Уолсингема зрели новые планы нападения на Испанию, главным исполнителем которых по-прежнему оставался Фрэнсис Дрейк.

ГИБЕЛЬ «НЕПОБЕДИМОЙ АРМАДЫ»

В 1571 г. в морском сражении в заливе Лепанто испанско-венецианский флот нанес поражение турецкому флоту, уничтожив практически все морские силы Османской империи. Господство Турции в Средиземном море было подорвано. Позиции Испании в этом районе значительно укрепились. Но к западу от Геркулесовых столбов положение осложнилось. Близилась битва за господство в Атлантическом океане между рвущейся к заокеанским землям английской и нидерландской буржуазией и Испанией, претендующей теперь и на владения португальской колониальной империи. Готовясь к решающим сражениям, Филипп II прежде всего заботился об увеличении флота. Еще в 1584 г. Луис де Рекесенс, главнокомандующий войсками Кастилии, писал ему: «Мы сможем победить в войне только в том случае, если Ваше величество станет хозяином моря».

Благоприятно складывались, казалось, и внешнеполитические дела Испании. Был организован заговор против Елизаветы. В Нидерландах герцог Парма продолжал подавление антииспанского восстания, ему удалось захватить главные города на юге страны. В июле 1584 г. в Делфе был убит Вильгельм Молчаливый. Во Франции смерть от лихорадки герцога Анжуйского еще более укрепила позиции герцога де Гиза в борьбе с протестантом Генрихом Наваррским, новым претендентом на французский престол.

Но заговор против Елизаветы был раскрыт. Высланный из страны Мендоса (он стал последним при жизни Елизаветы испанским послом в Лондоне) угрожал: «Поскольку я, очевидно,

не устраиваю ее величество как посол мира, то это вынуждает меня постараться оправдаться перед ней в будущей войне».

В этой сложной обстановке Елизавета решила созвать новый парламент. Перед открытием сессии Дрейк был приглашен на заседание Тайного совета королевы. Его познакомили с планом экспедиции на Молуккские острова и предложили возглавить ее. Опять был создан «синдикат», финансировавший это предприятие, в состав которого вошли королева, Лейстер, семья Хокинс, Рэли, Хеттон и Дрейк. Общий капитал составил 40 тысяч фунтов стерлингов. Экспедиция должна была носить чисто военный характер. Используя опыт Дрейка, приобретенный им во время кругосветного плавания, предполагалось нанести удар по Молуккским островам, расположенным вдали от главных испанских колониальных центров. Приготовления к плаванию начались немедленно и шли на протяжении всей сессии парламента.

Однако, когда корабли были уже готовы выйти в море, политическая ситуация резко изменилась. В 1585 г. в Испании был плохой урожай. Над страной нависла угроза голода. Филипп обратился к английским купцам, предлагая им послать корабли с пшеницей в Испанию. Он обещал англичанам привилегии: их суда после выгрузки пшеницы смогут свободно заходить в любой испанский порт. Конечно, такая любезность Филиппа в отношении английских торговцев была подозрительна. Но дельцов лондонского Сити, прельщенных возможностью хорошо заработать, это не насторожило. Большое число судов, груженных пшеницей, направилось в Испанию. Назад они не вернулись. Английские корабли, пришедшие в испанские порты, по приказу Филиппа были захвачены, груз их конфискован, а команды посажены в тюрьмы.

Лишь одному английскому судну «Примроз» удалось возвратиться домой. 8 июня, когда корабль вошел в лондонский порт, Англия узнала о случившемся. Оказывается, 24 мая корабль пришел в залив Бильбао и два дня дожидался выгрузки. 26 мая к кораблю подошла испанская пиннаса, на которой находились испанский чиновник и еще шесть мужчин, назвавшихся местными торговцами. Они вели себя весьма дружелюбно. Хозяин судна Фостер пригласил всех семерых на завтрак. Завтрак был очень обильный, и испанцы воздали ему должное. Но вскоре чиновник и трое других из этой компании встали из-за стола и покинули корабль, сославшись на какое-то срочное дело на берегу. То, что гости так быстро покинули уставленный яствами стол, показалось подозрительным опытному Фостеру. Поэтому, проводив гостей, он обошел команду, состоявшую из 27 человек, и приказал им быть готовыми к неожиданному нападению. После этого он вернулся в каюту и продолжал разыгрывать роль гостеприимного хозяина.

Вскоре ему сообщили, что испанский чиновник возвратился на большом судне, на котором помимо него было еще 70 человек,

одетых как местные купцы. Их сопровождала шлюпка, в которой находилось еще 24 человека. Фостер пригласил чиновника и еще четырех человек войти на палубу корабля, а остальных просил остаться на месте. Чиновник согласился, но не успел он закончить фразы, как «купцы», оказавшиеся переодетыми солдатами, схватили лежавшие на дне шлюпки шпаги и бросились на палубу английского корабля. Вслед за ними на корабль поднялись чиновник и какой-то, по-видимому, важный человек, заявивший Фостеру: «Теперь вы пленник короля».— «Нас предали!» — вскричал Фостер. Экипаж, заранее предупрежденный своим хозяином и хорошо вооружившийся, принял возглас Фостера за сигнал к нападению на испанцев. Англичане начали палить из мушкетов, в ход пошли и три небольшие пушки, спрятанные на палубе. Немногим испанцам удалось вернуться на берег. Несколько из них были захвачены англичанами. Среди них был и чиновник, оказавшийся высокопоставленным лицом Бискайской провинции. Он заявил, что действовал по приказу короля, и показал Фостеру письмо Филиппа II, в котором говорилось: «Я поручил привести в готовность огромный флот в гавани Лиссабона и у Севильи. Все необходимое для солдат — вооружение, продовольствие и амуниция — должно быть собрано, и в больших количествах... Поэтому я требую от Вас по получении этого письма останавливать и арестовывать все суда, которые будут появляться у берегов или заходить в порты вверенной Вам провинции...».

Реакция в Англии была мгновенной. До того времени Филипп мог рассчитывать на поддержку части влиятельных дельцов лондонского Сити, имевших большое влияние на политику английского правительства. Эти люди сдерживали «военную партию» от прямого выступления против Испании, так как были заинтересованы в торговле с пиренейскими монархиями. Но в день, когда «Примроз» вошел в лондонский порт, Филипп утратил их поддержку. Даже лорд Берли был возмущен. Видя всеобщее единодушие, Елизавета наложила эмбарго на всю испанскую собственность в Англии. Она вызвала «своего пирата» и приказала собирать большой флот. Дрейк поспешил в Плимут. Он пригласил Томаса Муна, соратника по кругосветному плаванию, брата Томаса и молодого Ричарда Хокинса. Уолсингем послал к Дрейку своего зятя Христофора Карлейля, опытного моряка и солдата, который был назначен капитаном одного из кораблей флотилии и командующим сухопутным отрядом, передававшимся в распоряжение экспедиции. Эдвард Винтер, брат капитана «Елизаветы», сподвижник Дрейка по предшествовавшему плаванию, стал капитаном другого корабля. Вице-адмиралом был назначен один из лучших английских мореплавателей того времени, Мартин Фробишер, а капитаном флагманского корабля «Бонавентура», на котором находился сам генерал-адмирал Фрэнсис Дрейк,— опытный моряк Томас Феннер. Дрейк включил

во флотилию свой собственный корабль «Томас», командование которым поручил брату Томасу. Кузен королевы Фрэнсис Ноллис, получивший чин контр-адмирала, командовал кораблем «Галион Лейстера».

Всего было собрано 21 судно. Укомплектовать их командами, вооружить, оснастить, запастись провиантом на длительное плавание было делом нелегким. А надо было спешить. И не только чтобы застать Филиппа врасплох, но и для того, чтобы не дать возможности королеве после столь обычных для нее колебаний отменить экспедицию. «От плавания Дрейка,— писал Уолсингем Лейстеру,— зависят жизнь и смерть нашего дела». Даже Берли проявлял нетерпение и в ответ на письмо Дрейка из Плимута отвечал ему, что хотел бы получить от него известие из испанского порта. Дрейк все понимал и спешил изо всех сил.

Королева передала экспедиции два военных корабля, отряд пехотинцев, но денег не дала. Финансирование плавания взяли на себя Дрейк, Уолсингем, Лейстер, Берли и купцы Сити.

Подготовка экспедиции шла к концу, когда к Дрейку прибыл человек, которого он меньше всего ждал. Это был Филипп Сидней, блестящий молодой человек, любимец двора, новый фаворит «королевы-девственницы». Он объявил Дрейку, что хочет принять участие в экспедиции в качестве волонтера. Сидней не сомневался в согласии адмирала: он был племянником графа Лейстера, одного из главных «пайщиков» нового предприятия Дрейка. В Плимут же Сиднея привело следующее. Он договорился со своим дядей, что примет участие в намечавшейся под его командованием высадке английских добровольцев в Нидерландах для помощи голландцам, сражавшимся против герцога Пармы. Но королева не разрешила. Она не желала подвергать опасностям своего юного фаворита и приказала ему оставаться при дворе. Обиженный, он упаковал свои баулы и направился к Дрейку, страстно желая принять участие в плавании знаменитого адмирала. Королева ничего не знала о его бегстве.

Дрейк сразу оценил ситуацию. Королева будет взбешена, когда узнает о поступке Сиднея. Она никогда не поверит, что Дрейк не был в сговоре с Сиднеем. Она может отменить экспедицию, а самого адмирала, несмотря на его прошлые заслуги, на долгие годы засадить в Тауэр. Дрейк реагировал немедленно. В ту же ночь его гонец мчался в Лондон с письмами к Уолсингему и Берли. (Филипп Сидней приходился зятем государственному секретарю.) Ответ королевы не заставил себя ждать. Ее посланец привез три письма. Одно — для Дрейка, запрещавшее ему брать в плавание Сиднея, другое — Сиднею, приказывавшее ему явиться в Лондон, и третье — мэру Плимута с приказом арестовать молодого человека, если тот не послушается. Дрейк облегченно вздохнул, когда красавец Сидней отбыл с корабля. Теперь уж Дрейк решил не медлить с отплытием. Мало ли что еще может случиться! В большой спешке на корабли были по-

гружены припасы; баки с водой были залиты лишь наполовину. 14 сентября 1585 г. флотилия Дрейка покинула Плимут. На кораблях находилось 2300 солдат и матросов. Никогда еще Дрейк не командовал столь большим флотом. Корабли быстро шли на юг. Попутный ветер туго надувал паруса.

Войны и в те далекие времена не всегда объявлялись. Вот и теперь, хотя ни одна из враждующих сторон не объявляла войны, и Испания, и Англия действовали вполне по-военному.

У берегов Испании Дрейк встретил французский корабль с грузом соли. Судно так понравилось адмиралу, что он назвал его «Дрейк» и включил в свою флотилию, пообещав французам выплатить компенсацию по возвращении из плавания, что, кстати сказать, и выполнил. Затем был захвачен испанский корабль с грузом ньюфаундлендской рыбы, известной в Англии под названием «бедный Джон» и очень нравившейся англичанам. Добыча была разделена между командами судов флотилии, а захваченный корабль отпущен.

27 сентября флотилия Дрейка бросила якорь у острова Байона, расположенного недалеко от испанского порта Виго. Дрейк послал несколько пиннас с солдатами под командованием Карлейля к берегу. По дороге они встретили лодку с английским купцом, которому губернатор острова Педро Ромеро поручил узнать, что за корабли появились в гавани. Купец был отослан назад в сопровождении Семпсона, одного из пехотных офицеров, входивших в состав экспедиции. Когда Семпсон предстал перед губернатором, то сразу же спросил его: «Объявлена ли война между Испанией и Англией?». Губернатор ответил, что нет. Тогда Семпсон задал второй вопрос: «Почему же в таком случае испанские власти удерживают в своих портах английские суда и арестовывают их команды?». Губернатор ответил, что это делалось по приказу короля, но что еще неделю назад все английские корабли были отпущены и остались лишь те, которые хотели продолжать торговые операции с испанцами. В подтверждение своих слов он просил английских купцов, находившихся на острове, посетить Дрейка и сказать ему об этом. Но адмирал удовлетворился объяснениями и приказал высадить на остров солдат. Губернатор же, проявляя любезность, выслал солдатам хлеба, вина, фруктов и сладостей.

Между тем погода портилась, надвигался шторм. Солдаты поспешили вернуться на корабли. Среди ночи разразилась сильная буря, продолжавшаяся три дня. Когда буря стихла, Карлейль на своем корабле «Тигр», сопровождаемом тремя пиннасами, был послан Дрейком в Виго. Прибыв в город, Карлейль увидел, что жители покинули его, испугавшись слухов о появлении Дрейка. Англичане не теряли времени даром и, вернувшись на корабли, привезли добычу на 30 тысяч дукатов, в том числе большой серебряный с позолотой крест из кафедрального собора Виго.

Узнав, что в городской тюрьме находятся арестованные английские матросы, Дрейк послал туда Семпсона с солдатами. Семпсон не только освободил англичан, но и захватил добра еще на несколько тысяч дукатов.

Пробыв неделю в Виго, Дрейк направился дальше, к Канарским островам. Он хотел остановиться на острове Пальма, чтобы дать отдохнуть экипажу и пополнить запасы воды и продовольствия. Но при приближении к берегу английские суда были обстреляны береговой артиллерией. Дрейк решил идти не останавливаясь к островам Зеленого Мыса. Он надеялся перехватить испанский флот, перевозивший драгоценности из Америки, но не успел. 8 октября флот уже прибыл на родину. Вечером 16 ноября английская флотилия подошла к одному из островов Зеленого Мыса — Сантьягу. Находившийся на острове город с тем же названием лежал в долине, окруженный холмами, на которых были расположены укрепленные форты. Дрейк приказал Карлейлю с отрядом в тысячу человек на следующий день высадиться на берег и захватить город. Карлейль начал операцию по всем правилам военной науки. Но когда его люди подошли к фортам, то не увидели ни одного человека. Жителей не было ни в самом городе, ни в соседних селениях. 17 ноября был день коронации Елизаветы, и Карлейль решил отметить этот праздник салютом из батарей захваченных фортов. Услышав орудийные выстрелы и правильно поняв их причину, Дрейк приказал ответить салютом корабельной артиллерии. Под гром орудий англичане высадились на берег и вошли в опустевший город. Удалось отыскать только одного жителя. Он сказал, что пять лет назад Сантьягу был разрушен французскими пиратами, и поэтому, когда показались корабли неизвестной флотилии, жители в панике покинули город и вместе с губернатором и епископом укрылись в горах в небольшом городке Сан-Доминго. Дрейк отправился туда, взяв 200 солдат. Пройдя 12 миль, англичане увидели Сан-Доминго, но городок был безлюден. Дрейк ждал до вечера. Никто из жителей не появился.

Предав Сан-Доминго огню, Дрейк вернулся в Сантьягу. Во время обратного марша никто не напал на отряд Дрейка. Лишь один юнга, сбившийся в темноте с пути, был захвачен и зверски убит местными жителями. Это решило судьбу Сантьягу. Город был сожжен дотла. Англичане искали золото, но безуспешно. Вина же было с избытком. Дрейк заметил, что дисциплина начала заметно падать. Тогда он собрал всех своих людей и заставил их дать клятву на протяжении всего дальнейшего пути беспрекословно подчиняться ему и его офицерам. На шестой день пребывания англичан на острове в город вернулся один из жителей. На вопрос Дрейка, где золото, он ответил, что много золота на скале в Порто-Прайа, небольшом селении к востоку от Сантьягу, и вызвался проводить туда англичан. Но побывавший в селении Семпсон золота не нашел. Дрейк приказал сжечь

и Порто-Прайа. Утром 26 ноября английская флотилия покинула острова Зеленого Мыса и направилась в испанскую Вест-Индию.

Погода продолжала благоприятствовать плаванию. Корабли шли быстро, разрезая золотисто-зеленые волны тропического моря. Матросы и солдаты благодушествовали. На восьмой день плавания внезапно умер один из солдат. Тропическая лихорадка, «желтый Джек», как ее называли моряки, подхваченная людьми Дрейка на островах Зеленого Мыса, мстила за сожженные города. В течение короткого времени умерло 200 человек.

На 18-й день после того, как англичане покинули Сантьягу, они достигли острова Доминика. Островитяне радушно встретили флотилию. Они угощали матросов и солдат белым хлебом и табаком, уверяя, что последний очень помогает при лихорадке. Дрейк пополнил запасы воды и продовольствия на кораблях и, не испытывая доверия к местным жителям, покинул остров, держа курс на север. В тот же день корабли подошли к маленькому необитаемому островку Сан-Киттс. Там Дрейк решил дать отдых экипажам судов. То ли усиленное курение табака, то ли свежая пища, фрукты и прекрасный воздух сделали свое дело, но лихорадка прекратилась так же внезапно, как и началась. Люди поправлялись, вновь обретая бодрость духа и уверенность в себе.

На острове Сан-Киттс англичане отпраздновали рождество. Дрейк, видя, что его люди восстановили силы, решил, что настало время действовать. В своей каюте на флагманском корабле он собрал военный совет, на котором присутствовали Мартин Фробишер, Фрэнсис Ноллис, Христофор Карлейль и капитаны всех судов флотилии. Адмирал объявил им план дальнейших операций. Он решил напасть на богатейший остров Вест-Индии — Эспаньолу и захватить столицу американской империи Филиппа — Санто-Доминго.

Это был прекрасный город, построенный из мрамора и белого камня. В центре его находился огромный, богато украшенный собор с гробницей Христофора Колумба. Санто-Доминго имел внешнюю и внутреннюю гавани. Это был центр вест-индской торговли — город, где сосредоточивались фантастические богатства. Никто из пиратов, говорил Дрейк, еще не грабил Санто-Доминго, боясь мощных укреплений, окружавших город. Но он это сделает в первый день Нового, 1586 года во славу божью и в прославление своей королевы.

Помня опыт прошлых своих операций в Вест-Индии, Дрейк решил прежде всего возобновить дружественные отношения с маронами. Для этого он послал к берегу часть кораблей своей флотилии под командованием Фробишера. Там Фробишер тайно высадил несколько человек, а сам направился к городу и три дня демонстративно плавал на виду у жителей Санто-Доминго. Через три дня его посланцы вернулись, принеся хорошие вести.

Они установили связь с маронами. Те обещали свою помощь: в ночь, когда Дрейк будет высаживаться, они уничтожат всех испанских солдат, находящихся в сторожевых башнях на берегу.

Дрейк тоже не бездействовал в это время. Недалеко от Санто-Доминго он захватил небольшой торговый корабль. Капитан судна, грек по национальности, подробно рассказал адмиралу о подходах к городу, об укреплениях и вооружении, о наиболее уязвимых местах для нападения со стороны моря. В частности, он сказал, что берег охраняется солдатами, которых посылают туда ежедневно из крепости, расположенной на холме в окрестностях города. Эта крепость и является центром обороны Санто-Доминго.

В 6 часов утра 1 января 1586 г. Дрейк начал операцию. Его корабли подошли к городу и остановились на таком расстоянии от него, чтобы до них не могли долететь ядра крепостной артиллерии. Испанцы ждали немедленной фронтальной атаки. Но Дрейк ничего не предпринимал. С наступлением темноты он погрузил тысячу солдат на пиннасы и шлюпки и сам вместе с Карлейлем повел их к берегу. Береговая стража, как обещали мароны, была перебита так тихо и незаметно, что никто в городе об этом не узнал. Отряд беспрепятственно высадился на берег. Дрейк, передав командование Карлейлю, вернулся на свой корабль, приказав начать наступление на город в 8 часов утра следующего дня.

Ночь прошла спокойно. Утром корабли подошли ближе к городу и начали его бомбардировку. Действуя таким образом, Дрейк отвлек внимание горожан от отряда Карлейля. Это дало тому возможность неожиданно подойти к северным воротам Санто-Доминго. После ожесточенной схватки Карлейлю удалось ворваться в город. Выйдя на рыночную площадь, он поднял на городской ратуше флаг святого Георга в знак победы. Но до полной победы было еще далеко. Бо́льшая часть города, в том числе крепость, продолжала оставаться в руках испанцев.

Отряду Карлейля было не под силу овладеть таким большим городом, как Санто-Доминго.

Дрейк высадился на следующий день, имея с собой тяжелую артиллерию, захваченную им еще в фортах Сантьягу. Но гарнизон Санто-Доминго продолжал оказывать сильное сопротивление. Тогда Дрейк послал к испанцам своего парламентера, избрав для этого юношу-негра. Один из испанских офицеров, увидев парламентера Дрейка и оскорбившись тем, что им оказался негр, тяжело ранил юношу. Тот с большим трудом вернулся назад и замертво упал к ногам адмирала. Дрейк тут же приказал повесить двух пленных испанцев и послал нового гонца передать испанцам, что до тех пор, пока в его руки не будет передан убийца парламентера, он будет ежедневно вешать по два пленных испанца. На следующий день испанский офицер, убивший парламентера, был передан Дрейку. Но теперь адмирал не стал

казнить офицера сам, а заставил испанцев повесить его на глазах у англичан.

Переговоры Дрейка с властями Санто-Доминго об уплате денежной контрибуции затягивались. Желая форсировать события, Дрейк начал планомерное разрушение города, но дома в Санто-Доминго были прочными. Прошел месяц, а две трети города были еще целы. К своему великому разочарованию, англичане не нашли в Санто-Доминго большого количества драгоценностей. Жители успели их попрятать на своих загородных виллах. И вообще у Дрейка было неправильное представление о Санто-Доминго. Эспаньола была тогда уже не центром добычи драгоценных металлов, а главным производителем сахара. Серебряные рудники были заброшены из-за отсутствия рабочих рук. В ходу были мелкие монеты. Санто-Доминго жил за счет экспорта сахара, имбиря и кожи.

Видя, что он не сможет получить с испанцев требуемой суммы, и не желая дальше терять времени, Дрейк решил удовольствоваться полученными 25 тысячами дукатов. Он наполнил трюмы своих судов продовольствием и водой, захватил стоявший в порту большой испанский галион, а также 240 крепостных пушек и направился к Картахене.

Губернатор Картахены, предупрежденный о появлении Дрейка, поспешно готовил город к обороне. Он усилил артиллерию крепости, поставил во внутренней гавани две галеры с двумя сотнями аркебузиров. Кроме регулярных войск губернатор вооружил 600 испанцев (жителей города), 400 индейцев и 40 негров.

Дрейк появился у Картахены 9 февраля. Экипажи его судов значительно сократились: часть людей была убита в сражениях, многие умерли от болезней. Болезни не оставляли экспедицию. Во время плавания к Картахене на кораблях каждый день совершались похоронные обряды. Это заставляло Дрейка спешить с проведением экспедиции.

Когда английская флотилия подошла к Картахене, испанцы увидели, что все ее корабли были декорированы черным, люди тоже были одеты в черные платья. Впрочем, это был не траур по погибшим, а сигнал маронам. Те его приняли.

Английская флотилия остановилась в миле от внутренней гавани. Вечером Дрейк высадил пехоту на берег. Одновременно он послал Фробишера на пиннасах захватить форт, прикрывавший вход во внутреннюю гавань.

В это время два рыбака-марона подплыли к флагманскому кораблю. Они рассказали Дрейку об оборонительных укреплениях испанцев на берегу. Использовав эти сообщения, Дрейк наметил план захвата Картахены. Разделив свои основные силы на три группы, он начал атаку. На второй день боев Картахена пала. Дрейк, как и в Санто-Доминго, приступил к переговорам с городскими властями о денежной контрибуции. И на этот раз

переговоры затянулись. Чтобы ускорить заключение соглашения, Дрейк начал жечь дома. Получив 110 тысяч дукатов и дополнительно тысячу крон за то, что не разрушил монастырь, находившийся в четверти мили от города, Дрейк покинул Картахену.

Через несколько дней, однако, английская флотилия вернулась назад, страшно испугав этим жителей города. Но Дрейк объяснил, что возвращение связано с тем, что испанский галион, захваченный англичанами в Санто-Доминго и названный «Новогодний подарок», дал сильную течь. На нем были ценные грузы, и Дрейку пришлось вернуться обратно, чтобы распределить их по другим судам флотилии. Через неделю Дрейк ушел из Картахены. Испанский военный флот туда прибыл только через несколько дней.

Узнав от штурмана захваченного испанского судна, что испанцы создали базу в Сан-Аугустине во Флориде, как раз в том месте, где были убиты колонисты-гугеноты, Дрейк решил наведаться туда. У берегов Флориды он обнаружил небольшой остров. Высадившись, англичане услышали, что кто-то распевает популярную протестантскую песню «Вильгельм Нассау». Певец оказался французом, несколько лет находившимся в испанском плену. Он вызвался помочь англичанам найти Сан-Аугустин. Когда англичане пришли туда, жители успели скрыться. Маленький Сан-Аугустин постигла участь двух крупнейших городов «испанской» Америки — он был сожжен.

Дрейк пока не думал возвращаться домой. Он хотел сначала посетить первое английское поселение в Америке, созданное за год до этого.

1 июня 1585 г. Дрейк пришел к месту высадки колонистов и нашел их в крайне бедственном положении. Колонисты попросили Дрейка взять их с собой в Англию.

Дрейк вернулся в Плимут 28 июля 1586 г. Новое плавание Дрейка в Вест-Индию было тяжелым ударом для испанцев. «Предприятие Дрейка,— писал Лейстеру государственный секретарь Уолсингем,— обнаружило нынешнюю слабость короля Испании».

Филиппа II ждала еще одна неприятность. Через две недели после возвращения Дрейка в Англию был арестован Энтони Бабингтон, участник заговора Марии Стюарт, а еще через полгода была казнена и сама шотландская королева, непримиримый и опасный враг Елизаветы.

Восемь месяцев Дрейк пробыл дома. Все это время отношения между Англией и Испанией продолжали ухудшаться. Филипп явно готовил удар по Альбиону, создавая невиданный по размерам флот. Во всех портах Испании и Италии кипела работа. Строились корабли, свозилось вооружение и продовольствие, сосредоточивались войска. В Англии упорно говорили о прибытии гигантской испанской эскадры уже летом 1587 г.

«Военная партия» настойчиво требовала от Елизаветы решительных действий. Как всегда при подобных обстоятельствах, королева колебалась, стараясь избежать открытой войны.

Наконец Уолсингему удалось добиться от королевы согласия на организацию экспедиции, имевшей целью помешать Филиппу в подготовке нападения на Англию. Командование этой экспедицией поручалось Дрейку.

Подготовка экспедиции осуществлялась настолько секретно, что никто в Англии ничего об этом не знал, не узнали об этом и вездесущие шпионы испанского короля. В течение марта Дрейк собрал относительно небольшую, но сильную в боевом отношении флотилию. Четыре крупных корабля было получено от королевы, четыре меньших размеров — от лондонских купцов, один корабль — от Адмиралтейства и четыре дали сам Дрейк и его великосветские компаньоны. Кроме того, в распоряжении экспедиции было несколько пиннас. Дрейку был передан также отряд сухопутных войск.

В соответствии с инструкцией королевы Дрейк должен был уничтожать испанские корабли в местах их стоянки, захватывать заготовленное для них продовольствие и делать все, чтобы «не дать испанскому королевскому флоту собираться вместе из нескольких портов» в главную базу — Лиссабон, где суда должны были перейти под командование маркиза Санта Круза.

Дав эти инструкции, Елизавета продолжала сомневаться и колебаться. В конце концов она послала курьера к Дрейку с новыми указаниями, в которых ему предлагалось «воздержаться от применения силы для захода в гавани и порты испанского короля, или причинения какого-либо ущерба его городам, или совершения каких-либо других враждебных актов против этой страны».

Но как ни спешил курьер, он не застал Дрейка в Плимуте. 2 апреля 1587 г. его флотилия вышла в море. Королевский курьер пересел на пиннасу и помчался вдогонку, но Дрейка он не нашел. Пиннаса принадлежала Хокинсам, и, конечно, было сделано все, чтобы встреча с Дрейком не состоялась. Представляется, что и сама королева не жалела об этом. Она имела письменное свидетельство своих благих намерений в отношении Филиппа, а то, что сделает Дрейк, теперь уже будет на его совести.

Дрейк же пребывал в отличном настроении. Как никогда, он чувствовал уверенность в успехе своего дерзкого предприятия. Это видно из его письма Уолсингему, отправленного в день отплытия. Оно начиналось так: «Ветер командует мне — иди. Наш корабль поднял паруса...»

Погода опять благоприятствовала Дрейку, и 5 апреля его корабли уже подходили к испанским берегам. Но тут погода резко переменилась. Начался сильный шторм. Корабли потеряли друг друга из виду. Десять дней понадобилось Дрейку, чтобы

собрать свою флотилию у мыса Кабу-Разу, в заранее определенном на этот случай месте. Там англичане встретили два корабля, идущие из Кадиса, где, как они узнали, сосредоточился большой флот, состоявший из судов, построенных или купленных для Филиппа в Италии, а также иностранных кораблей, захваченных в испанских портах. На них грузились артиллерия, продовольствие, боеприпасы. По окончании погрузки суда должны были идти в Лиссабон.

Таким образом, нападение на Кадис явилось бы прямым исполнением инструкции Елизаветы. И Дрейк поспешил туда. 19 апреля английская флотилия уже стояла у Кадиса.

Дрейк собрал на борту флагманского корабля «Бонавентура» военный совет. Он проводил его в обычной для себя манере. Терпеливо выслушал все мнения, а затем твердо сформулировал свое не подлежащее обсуждению решение: в полдень атаковать Кадис. Но тут произошла неожиданность. Вице-адмирал Уильям Бороу, опытный и очень авторитетный в морских кругах офицер, но несколько шаблонного склада ума, посланный в экспедицию по настоянию королевы, которая полагала, что его рассудительность умерит горячность Дрейка, выступил с возражениями. Кадис, говорил он, сильно укрепленный город. Кроме того, в его гавани стоят многочисленные военные корабли, готовые к бою. Решиться напасть на Кадис можно только после тщательного обсуждения операции и подготовки детально разработанного плана. Дрейк на это ответил, что он знает, как провести операцию, и остальным надо лишь выполнять его приказы. Бороу ничего не оставалось, как промолчать. Но раздражение его улеглось не сразу. Даже вернувшись в Лондон, он продолжал защищать свою точку зрения, добавляя, правда, что «тем не менее все прошло благополучно». Конечно, хорошо иметь до начала операции детальный план ее проведения. Но ни Дрейк, ни Бороу не были знакомы с Кадисом и его укреплениями и никаких сведений на этот счет получить не могли. Затяжные дебаты о проведении операции были бы в этих условиях формальностью, которая привела бы лишь к ненужной трате времени и потере важнейшего фактора — внезапности. Дрейк правильно решил, что здесь надо импровизировать. Он был в этом великий мастер. Интересно отметить, что другой знаменитый английский адмирал, лорд Нельсон, через 220 лет писал из того же Кадиса, находясь на борту своей «Виктории»: «Иногда приходится полагаться на случай; ни в чем нельзя быть вполне уверенным в морском сражении».

В 4 часа дня 19 апреля Дрейк повел свои суда в гавань Кадиса. Вход в нее был с запада. В сторону моря тянулись песчаные косы, на которых находились артиллерийские батареи. Город, расположенный на вершине скалы, защищали крепость и артиллерийские батареи. Вход в гавань прикрывали две огромные отмели: Лас-Пуэркас со стороны Кадиса и Эль-Диаман с се-

вера, напротив порта Святой Марии, где находился дворец губернатора Кадиса герцога Медины Седонии. Между этими двумя отмелями был проход во внешнюю гавань; входившие в нее корабли должны были идти к якорной стоянке под наведенными на них жерлами пушек. За внешней располагалась внутренняя гавань со множеством мелей и подводных скал, представлявших большую опасность для любого судна, идущего без местного лоцмана. В северо-западном углу внутренней гавани находился залив Пуэрто-Реаль.

Когда Дрейк вошел во внешнюю гавань Кадиса, то увидел 60 судов. На некоторые из них продовольствие было уже погружено, остальные стояли под погрузкой. Но на большинстве судов еще не было артиллерии. С иностранных судов, захваченных ранее в испанских портах, были сняты паруса. Испанцы боялись, как бы их команды не увели корабли из Кадиса. Юго-восточнее стояли небольшие барки и каравеллы.

Неожиданное появление в гавани неизвестной эскадры вызвало общее беспокойство. Две галеры были посланы навстречу, чтобы узнать национальность кораблей. Англичане встретили их огнем корабельной артиллерии, и галеры поспешили назад. Тревога охватила испанцев. Она переросла в настоящую панику, когда Дрейку удалось потопить огромный галион водоизмещением 1000 тонн с 40 пушками на борту, полностью готовый к выходу в море. На испанских кораблях рубили якорные канаты. Некоторые небольшие суда старались спастись во внутренней гавани, но большинство, особенно те, с которых сняли паруса, были совершенно беспомощны. Лишь десять галер под командованием Педро де Асиньи попытались атаковать англичан. Они шли на корабли Дрейка, вытянувшись в линию. Дрейк приказал четырем своим судам идти наперерез испанцам, что в морской тактике носило название перекрестного «Т». Это давало очевидное преимущество англичанам. Их корабли проходили мимо носовой части испанских судов, значительная же часть орудий размещалась по бортам, и англичане таким образом получили большой перевес в артиллерии. Галеры рассеялись. Семь из них ушли во внутреннюю гавань, в Пуэрто-Реаль, две зашли на отмель Лас-Пуэркас, одна была сожжена.

Дрейк стал хозяином внешнего рейда. Часть своих судов он поставил на якорь среди испанских кораблей, часть выслал вперед для охраны входа во внутреннюю гавань. После этого Дрейк приступил к уничтожению испанских кораблей и запасов продовольствия. 30 судов было сожжено, 10 тысяч тонн продовольствия уничтожено. Однако Дрейк не удовлетворился этим. Он узнал, что во внутренней гавани стоит галион, принадлежащий маркизу Санта Крузу, командующему испанским флотом. Это был громадный корабль водоизмещением 1200 тонн, вооруженный крупной артиллерией. Дрейк не мог уйти из Кадиса, не захватив его. И он сделал это с помощью следующего маневра.

Не сообщив никому, Дрейк перешел с флагманского корабля на другой, меньший по размерам — «Королевский купец». На рассвете следующего дня «Королевский купец» в сопровождении пиннас неожиданно вошел во внутреннюю гавань и, захватив врасплох команду галиона, овладел им. Затем возвратился назад, ведя за собой захваченное судно. Никто из англичан, даже вице-адмирал Бороу, этого не заметил.

Теперь можно было уходить, и Дрейк отдал приказ к отплытию. Но выполнить его было невозможно. Ветер затих, корабли не могли сдвинуться с места. Создалась крайне опасная ситуация. Английская флотилия находилась в закрытой гавани, простреливаемой испанской береговой артиллерией. В Кадисе сосредоточились крупные сухопутные силы. Герцог Медина Седония, получив тревожный сигнал от жителей города, вызвал на помощь армейские части и явился в Кадис с отрядом из 300 кавалеристов и 3 тысяч пехотинцев. Испанские галеры, стоявшие во внутренней гавани, были готовы к атаке. Несколько судов были зажжены и направлены в сторону англичан.

Но судьба по-прежнему была благосклонна к Фрэнсису Дрейку. Ядра береговой артиллерии не причинили ущерба его судам. Вообще надо сказать, что пушки XVI в. производили больше шума, чем разрушений. Во время морских сражений стоял страшный грохот, небо застилал пороховой дым, а дело решалось в рукопашных схватках на корабельных палубах. Пушки, как и мушкеты, поражали цель лишь на расстоянии, не превышавшем 200 метров. Нападение галер англичане отбили. Горящие суда были встречены шлюпками и направлены в сторону отмели, где и сгорели дотла. «Испанцы,— иронизировал Дрейк,— делают нашу работу, сжигая свои корабли».

В 2 часа ночи погода изменилась. С берега подул ветер, и через несколько минут английская флотилия уже ушла в открытое море. Но ветер внезапно стих, и корабли англичан вынуждены были остановиться. Дрейк приказал стать на якорь. Он решил не терять зря времени и обратился к командующему войсками Кадиса с предложением обменять захваченных им испанцев на англичан, находившихся в испанском плену. Командующий ответил, что у него нет пленных англичан. Этим дело и кончилось. Дождавшись попутного ветра, Дрейк пошел к берегам Португалии, к мысу Сан-Висенти. «Так с помощью милосердного бога и непобедимой храбрости нашего генерала,— писал один из участников экспедиции,— это странное и счастливое предприятие, к великому удивлению короля Испании, было закончено в течение одного дня и двух ночей и нанесло такой удар в сердце маркиза Санта Круза, великого адмирала Испании, что он никогда уже не имел ни одного радостного дня и через несколько месяцев умер в глубокой печали».

Неизвестно, прав ли был спутник Дрейка, говоря о причине смерти маркиза, но совершенно очевидно, что нападением на

Кадис Дрейк серьезно осложнил подготовку испанского флота к войне с Англией. Не меньше года потребовалось Филиппу для восполнения потерь.

Радовались в Испании в те дни лишь жители Кадиса. В первое воскресенье после ухода Дрейка в церкви святого Франциска они устроили благодарственный молебен. У них были для этого серьезные основания: Дрейк не напал на город и ни один из его жителей не пострадал.

Причиной, заставившей теперь Дрейка мчаться к мысу Сан-Висенти, было известие о том, что один из наиболее видных испанских адмиралов, Жуан Мартинес де Рекальде, назначенный вице-адмиралом флота, который должен был напасть на Англию, находится именно там. К тому же мыс Сан-Висенти занимал важное стратегическое положение. Чтобы в этом убедиться, надо лишь взглянуть на карту. Мыс представляет собой крайнюю юго-западную точку Португалии, и все корабли собираемого Филиппом флота должны были обязательно проходить мимо него по пути в Лиссабон. Если бы Дрейк захватил мыс, то сделал бы невозможным проход в Лиссабон испанских судов из Кадиса или итальянских портов. Лишь очень сильная эскадра решилась бы помериться силами с Дрейком.

Но, придя к мысу Сан-Висенти, Дрейк понял, что для создания постоянной угрозы испанскому флоту необходимо укрепиться на суше, устроить там английскую опорную базу. Осмотревшись, Дрейк решил, что для этой цели лучше всего подойдет находившийся в юго-восточной части мыса замок Сагриш, который был построен Генрихом Мореплавателем, создателем школы португальских капитанов, отличившихся в эпоху Великих географических открытий.

Однако захватить его оказалось практически невозможным. Сагриш был сооружен на вершине скалы, имевшей три отвесных склона высотой 70 метров, а на четвертом склоне была крепостная десятиметровая стена. Дрейка это не испугало. Он высадил на сушу 800 солдат и сам повел их в атаку на неприступную крепость. Никому из своих офицеров он не хотел этого поручать. Перед этим у Дрейка произошел острый конфликт с Бороу, который опять попытался доказать, что задуманное предприятие обречено на неудачу. Но становиться поперек дороги Дрейку было опасно. Ни минуты не поколебавшись, Дрейк приказал арестовать своего вице-адмирала. Бороу говорил впоследствии, что адмирал поступил с ним так же, как с Доути.

В шлеме и панцире, с мечом в руке, Дрейк повел своих людей к воротам замка. Подойдя туда, он потребовал немедленной сдачи гарнизона. Ответ был отрицательным. Тогда Дрейк приказал принести хвороста и смолы к воротам замка и зажечь их. Под выстрелами оборонявшихся сделать это было нелегко, но, когда ворота начали гореть, гарнизон сдался. Как оказалось, замок защищали 110 человек. Дрейк отдал приказ сбросить

в море находившиеся в замке пушки и разрушить крепостную стену.

Пока солдаты разрушали стены замка, часть флотилии была отправлена Дрейком для уничтожения испанских судов и запасов продовольствия. Англичане потопили рыболовные суда и захватили 47 каравелл, перевозивших продовольствие в Лиссабон. Затем корабли вернулись в Сагриш и взяли на борт пехоту, которая к тому времени закончила разрушение крепости. Оставив небольшие суда у мыса Сан-Висенти для дальнейшего перехвата и уничтожения испанских судов, Дрейк с главными силами своей флотилии 9 мая направился к Лиссабону.

10 мая английские корабли вошли в устье Тежу и стали на якорь в бухте Кашкайс, в 20 милях от столицы Португалии, второго по богатству города Европы. Там в заливе Святого Юлиана находилась штаб-квартира маркиза Санта Круза. Подходы к Лиссабону были хорошо укреплены, и Дрейк не рассчитывал повторить маневр, успешно осуществленный им в Кадисе. Поэтому он хотел выманить испанский флот из лиссабонской гавани. Но старый маркиз был опытным моряком и не отвечал на задиристые выпады Дрейка, посылавшего свои пиннасы захватывать мелкие суда, шедшие в Лиссабон.

Дрейк не знал, что Санта Круз не был еще в состоянии дать бой английскому флоту. Мощные испанские галионы стояли без артиллерии, парусов и экипажей. Галеры не были опасны, как показал опыт Кадиса, судам Дрейка. Поэтому маркиз никак не реагировал на захваты и уничтожение испанских кораблей в бухте Кашкайс.

Поняв, что выманить испанцев не удастся, Дрейк послал маркизу письмо с предложением провести обмен пленными. Но он получил такой же ответ, как и в Кадисе. Санта Круз сообщал, что у него нет пленных англичан. Тогда Дрейк задал вопрос, намеревается ли король Филипп в этом году начать войну с Англией. Санта Круз ответил, что король Испании не хочет войны. Дрейк, исчерпав запас вежливости, написал маркизу, что поскольку тот отказывается обменять военнопленных, то он продаст пленных испанцев марроканцам, а на вырученные деньги выкупит своих соотечественников из плена. Дрейк добавил, что, если Санта Круз — мужчина, он должен принять его предложение выйти из лиссабонской гавани и сразиться. На этот вызов Дрейка Санта Круз ответил, что не уполномочен своим королем сражаться с английским флотом. Дрейку надоели бесплодные препирательства, и он скрылся из залива Кашкайс так же неожиданно, как и появился.

Узнав об исчезновении Дрейка, Филипп был сильно напуган. Он был уверен, что Дрейк пошел на перехват его «золотого флота», идущего из Америки в Севилью. На этот раз флот вез 16 миллионов песо, из которых четыре принадлежали лично королю. Филипп приказал послать к Азорским островам, где,

как он полагал, должен появиться Дрейк, сильный флот. Но, получив известие, что Дрейк вернулся к мысу Сан-Висенти, Филипп вызвал для консультации маркиза Санта Круза. Тот сказал, что, по его мнению, Дрейк не будет нападать на «золотой флот», его цель — не допустить соединения испанского флота в Лиссабоне, поэтому он будет крейсировать в районе Сан-Висенти. Филиппу это показалось убедительным, и он отдал новый приказ: напасть на Дрейка у Сан-Висенти. Власти Кадиса предложили королю послать против Дрейка 60 кораблей. Король, конечно, согласился и направил в Кадис опытного военного Алонсо де Лейва. Вести от дона Алонсо были неутешительными: Кадис не сможет выставить такой флот.

Дрейк действительно хотел обосноваться у мыса Сан-Висенти. 14 мая он писал Уолсингему: «Пока нам хватит продовольствия и воды и наши корабли, ветер и погода будут служить нам, Вы будете получать вести от нас с мыса Сан-Висенти, где мы делали и будем делать то, что ее величество и ваша милость будут приказывать. Мы были бы благодарны ее величеству, если бы она прислала еще несколько кораблей. Если у нас будет на шесть кораблей больше, мы сможем задержать соединение испанского флота на месяц и далее...».

Но уже 22 мая Дрейк двинулся к Азорским островам, оправдав первоначальные опасения Филиппа. Однако Дрейк искал не «золотые галионы». Он получил сведения, что португальский каррак[7] под названием «Святой Филипп» идет к Азорам. Это был самый крупный корабль Ост-Индского флота. В его трюмах находился ценнейший груз. На 18-й день плавания, 9 июня, Дрейк встретил каррак. Английские корабли обстреляли судно и вынудили его к сдаче. На карраке оказалось все, чем славился Восток: специи, шелка, фарфор, драгоценные камни и золото. Испанцы считали, что, захватив «Святого Филиппа», Дрейк нанес им ущерб в 114 тысяч фунтов стерлингов.

Дрейк теперь и не думал возвращаться к мысу Сан-Висенти. Подкрепление, о котором он просил Уолсингема, не пришло. Его люди устали, было много больных, суда требовали ремонта. Дрейк решил возвращаться домой, чтобы потом со свежими силами продолжать уничтожение испанского флота у пиренейских берегов. Через три месяца с начала плавания, 26 июня 1587 г., флотилия Дрейка, ведя за собой огромный каррак, подошла к Плимуту.

За время отсутствия Дрейка в политике английского правительства в отношении Испании произошли значительные изменения. Королева искала теперь пути для их улучшения. Ее страшило укрепление позиций испанцев в Нидерландах, закрытие для английских товаров испанского, португальского и фламандского рынков. «Мирная партия» вновь усилила свое влияние на Елизавету. Разгневавшись, она даже сказала о Дрейке: «Он ни-

---

[7] Каррак — судно типа галиона.

когда не разбивал, а только раздражал врага — к большому для меня ущербу». Возможно, что эта венценосная комедиантка (кстати, получившая только что от Дрейка свою часть добычи — 40 тысяч фунтов стерлингов) опять играла роль, желая, чтобы ее слова были услышаны в Мадриде. В июле лорд Берли писал испанцам, оправдывая свою королеву: «Ее величество послала корабль с письмом, приказывавшим Дрейку воздерживаться от каких-либо вооруженных действий, но посланное судно не смогло его догнать. И, таким образом, независимо — да, независимо от желания ее величества Дрейк совершал те действия, которые вызвали неудовольствие им ее величества».

25 июля Дрейк пришел в дом лорда Берли, где, как он узнал, должна была быть королева. Зная хорошо свою повелительницу, Дрейк захватил с собой корзинку с бриллиантами, взятыми на «Святом Филиппе». Подарив бриллианты Елизавете, он обратился к ней с просьбой судить и казнить Бороу.

Следует сказать, что Дрейк посетил дом Берли именно в тот день, когда лорд написал письмо, отрывок из которого мы привели. Конечно, с Дрейком не согласились. Лорд Берли защитил Бороу. Последний получил даже повышение: он был назначен инспектором королевского флота.

Но «военная партия» не бездействовала. Уолсингем, непревзойденный мастер шпионажа, создал лучшую в Европе шпионскую сеть, обходившуюся английскому правительству в 3,3 тысячи фунтов стерлингов в год. Иногда выделявшаяся правительством сумма бывала недостаточной. В этих случаях государственный секретарь доплачивал из своих средств. Одним из лучших его агентов был английский католик Энтони Стенден, скрывавшийся под именем Помпео Пеллегрини. Он состоял на службе у герцога Тосканского, посол которого в Мадриде снабжал Стендена сведениями об испанских делах. Но, кроме того, Стенден на деньги, полученные от Уолсингема, имел своих агентов в Испании и Португалии. От одного из них, брата слуги маркиза Санта Круза, он узнал, что после уничтожения Дрейком испанских кораблей в Кадисе нападение Испании на Англию, намечавшееся на 1587 г., откладывается.

Забегая вперед, скажем, что, когда весной 1588 г. наступил острый кризис в англо-испанских отношениях, Уолсингем уже не довольствовался сведениями из вторых рук, и Стенден перебрался в Испанию, откуда посылал государственному секретарю важнейшие сведения о количестве судов, их тоннаже и вооружении, численности находившихся на них матросов и солдат, а также о состоянии королевских финансов. Так, Уолсингем узнал, что генуэзские банкиры отказались предоставлять займы Филиппу и финансовое благополучие Испании зависело от прихода в августе 1588 г. «золотого флота», на борту которого находилось 16 миллионов дукатов.

Уолсингему было известно и о многих трудностях, с которы-

ми столкнулся Филипп при подготовке флота. В Лиссабоне царили коррупция и неразбериха. Герцог Парма, сначала горевший желанием вторгнуться в Англию до прихода флота из Испании, теперь писал Филиппу, что, несмотря на прибытие итальянских войск, не готов к военным действиям ввиду слабости и малочисленности своей армии. Герцог сообщал королю, что 800 итальянских солдат заболели и болезни среди них продолжают быстро распространяться. Он жаловался на нехватку оружия и боеприпасов. «Все зависит от воли божьей,— мрачно заключал Парма,— одного усердия и активности людей еще недостаточно».

Но Филипп не разделял пессимизма герцога, он требовал нанесения удара по Англии. «Вначале вы не хотели и говорить об испанском флоте,— отвечал он Парме.— Вы разработали свой план вторжения, который не требовал вмешательства флота. И лишь я обратил ваше внимание на необходимость помощи флота». Если вторжение в Англию, продолжал король, будет отложено, Испания потеряет шанс. Филипп хотел нанести удар Англии до возможного заключения мира между турецким султаном и персидским шахом и активизации турецкого флота в Средиземном море.

Филипп шел на все, чтобы ускорить подготовку нападения на Англию. Он даже, как сообщал венецианский посол в Мадриде, приказал освободить из тюрем всех уголовных преступников, выразивших желание служить в его армии.

В это время Елизавета пыталась заручиться поддержкой турецкого султана. Английский посол в Константинополе Уильям Хэрбоун добился обнадеживающего приема у султана. Дрейк, в свою очередь, послал в Константинополь серебряные вазы в подарок командующему турецким флотом.

Всегда прекрасно осведомленная Елизавета видела бесплодность своих попыток задобрить испанского короля. Она снова обратила благосклонный взгляд на «своего пирата» и воинственного Джона Хокинса, спрашивая у них совета, как лучше нанести удар по Испании. Ответы того и другого очень характерны. Тороватый Хокинс считал, что надо послать военные корабли к Азорским островам и там дожидаться «золотого флота», захват которого лишит Филиппа средств, необходимых для ведения войны. Однако осуществление этого плана было сопряжено с очевидной опасностью. Для захвата испанского флота, состоявшего из 20—30 галионов, требовалась мощная английская эскадра. И пока эта эскадра, в состав которой вошли бы основные силы английского флота, стояла в ожидании испанских галионов, идущих из Америки, Англия была бы практически открыта для вооруженного вторжения, ибо у Филиппа оставалось достаточно кораблей для проведения этой операции. Дрейк же предложил напасть на испанский флот, базировавшийся в пиренейских портах, и либо полностью уничтожить его, либо нанести ему возможно больший ущерб.

В конце 1587 г. королева назначила Дрейка командующим эскадрой, состоявшей из 30 судов, дав ему секретный приказ уничтожать испанские корабли, если он их встретит. В первые дни 1588 г. Дрейк был уже в Плимуте и набирал экипажи для своих судов. Когда распространился слух, что Дрейк опять собирается в плавание, от желавших принять участие в экспедиции не было отбоя. Очень скоро их набралось столько, что хватило бы на укомплектование 200 судов. Но Елизавета и в этом случае была верна себе. Поставив перед Дрейком задачу нападения на испанские корабли, она практически всячески препятствовала ее осуществлению. Она тормозила снабжение флота артиллерией, боеприпасами, такелажем.

9 февраля 1588 г. умер маркиз Санта Круз. Король Филипп был рад этому, потому что старый маркиз, потерявший веру в успех задуманного вторжения в Англию, мешал подготовке операции. «Господь показал мне свое расположение,— писал он через неделю после смерти маркиза Санта Круза,— забрав его теперь, до отплытия флота». Филипп назначил командующим испанским флотом герцога Медину Седонию.

Елизавета же расценила смерть маркиза Санта Круза, которого считала основным проводником идеи вторжения в Англию, благоприятным обстоятельством, позволяющим начать мирные переговоры с Испанией. В феврале она послала своих представителей в Остенде для ведения переговоров с герцогом Пармой.

Начало переговоров совершенно заморозило предприятие Дрейка. Адмирала крайне тяготило вынужденное бездействие. Его нетерпение еще более усилилось, когда он узнал, что подготовка испанского флота идет к концу. С целью разведки Дрейк послал два своих небольших корабля к испанским берегам. Им удалось войти в Тежу и захватить испанских рыбаков, от которых англичане узнали о состоянии флота, находившегося в Лиссабоне. Кроме того, Дрейк захватил недалеко от Плимута два шведских судна, возвращавшихся из Лиссабона, команды которых рассказали, что в Лиссабоне сосредоточено огромное число боевых кораблей.

Дрейк решил использовать своего нового приятеля при королевском дворе графа Роберта Эссекса, отец которого в свое время рекомендовал Дрейка Уолсингему. Молодой граф был теперь фаворитом Елизаветы. Дрейк просил его повлиять на королеву, чтобы она не препятствовала быстрейшему оснащению его эскадры. Но все было тщетно. Елизавета все еще надеялась на мирный исход переговоров с испанцами. Не только Дрейк, но и сам первый лорд Адмиралтейства Хоуард испытывал большие трудности в снабжении флота продовольствием, деньгами, боеприпасами. Его тоже сильно беспокоило вынужденное бездействие английского флота при все растущей опасности испанского вторжения.

Дрейк убеждал королеву, что никогда еще она не была в столь опасном положении. Он просил ее дать 50 судов и разрешить напасть на испанский флот в Лиссабоне. «Мои дорогие лорды,— писал Дрейк в марте Тайному совету,— с 50 кораблями мы нанесем испанцам более ощутимый ущерб у их собственных берегов, чем с гораздо большими силами здесь, в Англии; и чем скорее мы это сделаем, тем лучше». Одновременно Дрейк сообщал, что испытывает острую нехватку пороха, хотя для учебных стрельб расходует минимальное количество. Он просил срочно прислать ему порох, так как его запасов хватит лишь на один день боя. Тайный совет разрешил Дрейку взять порох на складе в Тауэре, но идти к испанским берегам запретил.

Переговоры представителей Елизаветы с герцогом Пармой не давали никаких положительных результатов. Становилось все более очевидным, что испанцы просто тянут время, чтобы закончить приготовления к вторжению в Англию. Но королева все еще не хотела прерывать переговоров, прислушиваясь к советам лорда Берли. Последний старался всячески очернить Уолсингема и всех тех, кто, «предлагая на словах заключить мир, в то же время делает все для кровавой войны». Однако и с Берли королева не была искренна. Она уже не верила в успех мирных переговоров и возобновила совещания с «военной партией» и со «своим пиратом».

В испанском лагере обстановка тоже была непроста. Герцог Парма все более скептически относился к немедленному вторжению в Англию, считая, что прежде всего надо подавить восстание в Нидерландах. Новый командующий флотом герцог Медина Седония придерживался подобных же взглядов. Но Филипп не хотел ничего слушать и требовал скорейшего его осуществления. Огромный испанский флот, «Непобедимая армада», как его называли, был уже готов отправиться в плавание.

Наконец Елизавета решилась. 10 мая был собран Тайный совет для того, чтобы выслушать Дрейка. Тот был, как всегда, немногословен. «Надо немедленно приступить к решительным действиям...— говорил он собравшимся лордам,— в этом — половина успеха». После долгого обсуждения было принято решение начать операцию, объединив в Плимуте два флота: один, которым командовал Дрейк, другой — под командованием лорда-адмирала Хоуарда. Последний назначался королевой главнокомандующим объединенным флотом, а Дрейк его заместителем.

Через несколько дней Хоуард привел в Плимут эскадру, состоявшую из 34 кораблей и 8 пиннас. Там они соединились с 40 судами Дрейка. Хоуард был в восторге от Дрейка. «Я не могу не сказать Вам,— писал он Уолсингему,— как сердечно и приятно сэр Фрэнсис Дрейк держит себя, а также с какой преданностью он служит ее величеству и мне, имея в виду пост, который я занимаю; поэтому я умоляю Вас написать несколько слов благодарности в частном письме к нему».

Лорд Хоуард был также чрезвычайно доволен офицерским, матросским и солдатским составом. «Мой дорогой лорд,— писал он Берли,— здесь собраны прекраснейшие капитаны, солдаты и матросы, какие когда-либо были в Англии». Одно беспокоило адмирала: острая нехватка продовольствия. Корабли имели запас провизии только на 18 дней. Главный морской интендант обещал Хоуарду в течение недели прислать 10 судов с продовольствием. Но 28 июня адмирал получил от него сообщение, что корабли не смогут прибыть даже через две недели. Несмотря на это, Хоуард решил не задерживать отплытие. В том же письме Берли он писал: «Бог послал нам попутный ветер, и мы отправимся в плавание, хотя нам и грозит голодная смерть. Очень жаль, что мои люди останутся без еды тогда, когда, не жалея жизни, будут служить ее величеству».

Однако неблагоприятный ветер и высокая волна не позволили английскому флоту выйти в море. Воспользовавшись этим, офицеры отправились в Плимут за продовольствием. Вернувшись, они принесли очень важные новости. Английский корабль захватил у мыса Сан-Висенти несколько рыбаков, сообщивших, что «Непобедимая армада» вот-вот покинет Лиссабон. Капитан другого английского судна, пришедшего из Испании, сообщал, что армада вышла в море. «Если это произошло несколько дней назад,— забеспокоился Хоуард,— мы увидим их стучащимися в нашу дверь». В конце июня ветер переменился, и Хоуард вывел свою эскадру в море.

Армада действительно шла в Англию. Она покинула Лиссабон в тот день, когда в Плимуте соединились две английские эскадры. Выход «Непобедимой армады» из Лиссабона сопровождался пышными церемониями. Торжественно звонили колокола, раздавались залпы орудийных салютов. Под звуки церковных гимнов корабли поплыли по Тежу к океану. Всезнающий венецианский посол в Мадриде сообщал, что после выхода армады в море Филипп молился по два-три раза в день.

В самом начале плавания армаду постигла неприятность. Начался сильный шторм, разбросавший корабли далеко друг от друга. Понадобилось немало времени, чтобы герцог Медина Седония собрал свой флот в Ла-Корунье, ближайшем к Англии испанском порту. Герцог был настолько напуган ущербом, нанесенным его флоту, что обратился к Филиппу с просьбой отложить экспедицию на год.

Ни англичане, ни герцог Парма не знали о случившемся. Последний готовил войска для вторжения в Англию и ждал только появления армады, чтобы начать операцию. Парма собрал армию в 17 тысяч человек, подготовил 300 транспортных судов для переброски солдат и 70 — для перевозки лошадей. Он приказал доставить 20 тысяч пустых бочек для изготовления плотов, послал своих агентов на север Германии для вербовки опытных команд на транспортные суда. Как уже говорилось,

Парма испытывал большие сомнения в успехе вторжения в Англию. Задержка армады очень беспокоила его.

Выйдя в море, Хоуард полагал, что вскоре встретит испанскую эскадру, и был удивлен ее отсутствием. Свежий северо-восточный ветер быстро гнал английские суда к Бискайскому заливу. Но когда они подошли к северному берегу Испании, погода резко изменилась, и эскадра вынуждена была повернуть в Плимут, куда она пришла 12 июля. В этот же день герцог Медина Седония, получив ответ короля, не хотевшего и слушать об отсрочке экспедиции, приказал флоту выйти из Ла-Коруньи и направиться в Англию.

Рассказывают, что 19 июля, когда лорд-адмирал и его офицеры после обеда играли в шары на борту флагманского корабля, Томас Флеминг, капитан пиннасы «Золотая лань», посланной для наблюдения, неожиданно появился на флагмане и сообщил, что видел испанский флот у мыса Лизард, находившегося в 60 милях к западу от Плимута. Все игравшие обратили взор на Дрейка, а тот спокойно заметил: «У нас достаточно времени, чтобы закончить игру и после этого разбить испанцев». Этот рассказ, несомненно, относится к числу многочисленных исторических анекдотов. Вероятно, в основе его лежит тот факт, что английская эскадра действительно бездействовала до следующего дня. Это объяснялось неблагоприятным ветром. Корабли не могли выйти навстречу врагу. В то же время западный ветер, мешавший англичанам покинуть Плимут, благоприятствовал испанскому флоту. Положение становилось опасным.

Но «Непобедимая армада» почему-то не торопилась. 20 июля испанские корабли остановились в нескольких милях от Плимута. Герцог Медина собрал военный совет. Он считал, что нет оснований форсировать события. Медина Седония не знал, что в Плимуте уже стояли две эскадры — Дрейка и Хоуарда. По сведениям, полученным испанцами, Тайный совет королевы принял план ведения войны с Испанией, согласно которому Дрейк не должен был выходить из Плимута до тех пор, пока армада не пройдет мимо, направляясь на соединение с армией герцога Пармы. Испанцы считали, что, как только их флот минует Плимут, Дрейк должен напасть на него, чтобы не допустить соединения с Пармой. Поэтому Медина Седония хотел тщательно и неторопливо обсудить план предстоящей операции. В совещании принимали участие заместитель герцога Жуан Мартинес де Рекальде, старшие офицеры Мигуэль де Окендо, Педро де Вальдес, Гуго де Монкада, Диего Флорес де Вальдес, Алонзо де Лейва.

Герцог Медина Седония не был искусным флотоводцем. Он с большой неохотой принял пост главнокомандующего флотом и целиком полагался на опыт своих офицеров. На совещании обсуждался вопрос, атаковать флотилию Дрейка в Плимуте или, миновав порт без боя, дать англичанам возможность выйти

в пролив и уже там напасть на них. Большинство присутствующих высказывалось за нападение на английский флот в Плимуте. Но герцог ссылался на инструкции, полученные им от короля, в которых ему запрещалось вступать в сражение с неприятельским флотом до соединения с войсками герцога Пармы. Сторонники нападения на Плимут возражали, что, если бы король видел, какую блестящую возможность предоставляет судьба испанцам, он, конечно, приказал бы атаковать Плимут.

Тогда Медина принял компромиссное решение. Он послал Филиппу донесение, в котором ни слова не говорил о предложении его офицеров напасть на Плимут, а просто сообщал, что военный совет постановил, что армада не должна двигаться восточнее острова Уайт, пока от герцога Пармы не будет получено известие о готовности его армии к посадке на корабли. Это была ошибка. Вскоре Медина получил сообщение о том, что английский флот ушел из Плимута. Благоприятная возможность нападения на английский флот была упущена. А если бы он сразу же при подходе к Лизарду приказал наиболее быстроходным судам идти к Плимуту, то испанцы захватили бы там англичан, которым неблагоприятный ветер не позволял сдвинуться с места. Испанские суда были вооружены артиллерией, которая наиболее эффективно действовала в ближнем бою и при спокойной воде, как раз в условиях плимутской бухты. Испанские матросы и солдаты наилучшим образом проявляли себя в абордажных схватках, а армада имела более чем десятикратное превосходство в людской силе над англичанами. Преимущества же английских кораблей заключались, наоборот, в их маневренности, большей дальности действия и точности артиллерийской стрельбы.

Когда ветер переменился, Хоуард поспешил вывести свою эскадру из Плимута. На рассвете 20 июля более 50 английских кораблей двинулись в западном направлении. Вечером, на закате солнца, англичане увидели первые корабли армады. Весть о приближении испанского флота была немедленно передана во все концы страны через установленную систему сигнализации: днем — дым, ночью — огонь костров, сигнальные огни на холмах и колокольнях церквей. Получив сигнал тревоги, жители городов и селений вооружались, объединялись в отряды и шли к побережью.

Ни англичане, ни испанцы не знали о численности кораблей друг друга. Английские адмиралы понимали, что им противостоит невиданный по размерам флот. Действительно, армада состояла из 134 судов, в число которых входили 33 громадных боевых галиона. На судах находилось 8 тысяч матросов и 18 тысяч солдат. В распоряжении Хоуарда было 90 кораблей, из которых только 19 были судами королевского военного флота, остальные же принадлежали частным лицам, главным образом купцам.

Дрейк с восемью судами занял позицию для неожиданного нападения на испанский арьергард. Поздним вечером он увидел испанский флот, который шел в необычном порядке: крупные галионы впереди, сзади и по флангам, а более слабые суда — в центре. Галионы сверкали яркими красками и позолотой, на мачтах развевались флаги и вымпелы.

Дрейк с Фробишером и Хокинсом изготовился к атаке на вражеский арьергард, выбрав в качестве первой жертвы галион «Сан-Жуан», несший флаг вице-адмирала армады Жуана Мартинеса де Рекальде. Под огнем артиллерии противника испанский корабль резко изменил направление, чем сбил с курса соседний галион «Розарио», которым командовал Педро де Вальдес. При столкновении со следующим галионом на «Розарио» были сломаны бугшприт и фок-мачта. Дрейк, нарушив приказ, обязывавший его не уходить с занимаемой позиции, погнался за «Розарио» и захватил его. После разгрома армады против Дрейка было выдвинуто обвинение (особенно на этом настаивал Фробишер, ревниво относившийся к громкой славе Дрейка) в нарушении дисциплины и чуть ли не в предательстве, но лорд-адмирал Хоуард вполне удовлетворился объяснениями Дрейка, а суд Адмиралтейства «присудил» Дрейку и команде его флагманского корабля «Мщение» ценности с захваченного галиона. На «Розарио» оказались большие суммы денег, а также ящик со шпагами, рукоятки которых были украшены драгоценными камнями. Эти шпаги в качестве подарков предназначались английским дворянам-католикам, которые должны были поддержать вторжение испанской армии в Англию. Надо сказать, что и сам Хоуард на заключительном этапе сражения с армадой совершил поступок, подобный поступку Дрейка: бросил во время сражения свой флот, погнавшись за «призом».

Команда «Розарио» была высажена на берег, а дона Педро и нескольких его офицеров Дрейк оставил на своем корабле. Среди его экипажа был офицер, хорошо владевший испанским языком. Дон Педро, покоренный любезностью и гостеприимством Дрейка, рассказал о планах герцога Медины. Откровенность испанца объяснялась его враждебностью к герцогу, возникшей из-за того, что тот, приказав кораблям армады следовать своим курсом, бросил поврежденный «Розарио» на произвол судьбы. Полученные сведения Дрейк немедленно передал Хоуарду.

Выведав у дона Педро все, что можно, Дрейк высадил его на берег, и знатный испанец три года находился в Англии в качестве военнопленного, пока за него не был уплачен выкуп в 3 тысячи фунтов стерлингов. Что касается команды «Розарио», то ее появление было крайне враждебно встречено местными жителями, которых английское правительство заставило содержать пленных. Это даже вызвало ссору между местными помещиками — сэром Джорджем Кэри и сэром Джоном Гильбертом. Кэри упрекал Гильберта в том, что, вместо того чтобы поме-

стить 226 пленных испанцев в тюрьму, тот использовал их на хозяйственных работах в своем имении.

По распоряжению Хоуарда Дрейк вечером 21 июля послал лорду Генри Сеймуру в Дувр письмо, в котором рассказал о событиях дня и просил быть готовым к нападению на испанский флот, продолжавший двигаться на восток. Эскадра Сеймура насчитывала до 30 кораблей.

23 июля началось морское сражение в районе Портленда, с еще большей силой продолжавшееся на следующий день к юго-востоку от острова Уайт. Бои шли много часов подряд, «с большим расходом пороха и пуль», как тогда писали. Англичане, несмотря на превосходство их артиллерии, не смогли нанести испанской эскадре существенного ущерба. К этому времени испанцы потеряли всего два судна, да и то не в бою: «Розарио» столкнулся с соседним галионом, а 800-тонный «Сан-Сальвадор» был уничтожен взрывом, происшедшим от искры, случайно попавшей в пороховой погреб.

Битва продолжалась еще три дня, запасы пороха истощились как у испанцев, так и у англичан. Наконец 27 июля испанские корабли укрылись во французском порту Кале, где герцог Медина решил дождаться вестей из Нидерландов. Сразу же по прибытии в порт он направил капитана Педро де Леона к герцогу Парме с просьбой срочно прислать порох и ядра. Лишь 23 мили отделяли испанский флот от войск Пармы, находившихся в Дюнкерке.

Казалось, ничто не могло помешать соединению флота с сухопутной армией для нанесения решительного удара Англии. Но порок всей задуманной операции заключался в том, что армада не могла подойти к Дюнкерку, а Парма на своих судах не мог выйти из него. Подходы к Дюнкерку были затруднены многочисленными песчаными отмелями, выдававшимися в море на 13 миль. В порт могли входить суда с осадкой только до пяти футов, а у испанских кораблей осадка была 25 футов и больше. В свою очередь, транспортные суда Пармы не могли выйти из Дюнкерка в море, поскольку попадали под удар голландского флота.

Однако ни Парма, ни Медина не знали всех этих обстоятельств. Парма ждал корабли армады, которые обеспечили бы ему безопасный выход из Дюнкерка и сопровождали бы до устья Темзы, а Медина ждал, когда суда Пармы выйдут в открытое море.

Гонцу герцога Медины Парма ответил, что не может послать суда с порохом и ядрами, так как море очень бурно. Второму гонцу, которому было поручено узнать, когда армия будет посажена на суда и выйдет в море, Парма сказал, что не сделает этого до тех пор, пока, во-первых, не установится благоприятная погода, а во-вторых, и это главное, море не будет очищено от вражеских кораблей.

Англичане также не имели ясного представления о сложившейся ситуации. Они совсем не были уверены, что голландский флот их поддержит и будет блокировать армию Пармы в Дюнкерке. Испанский флот, стоявший в Кале, по-прежнему являл собой грозную силу.

На борту флагманского корабля Хоуард собрал военный совет. Всем присутствовавшим было ясно, что откладывать нападение нельзя. Если Медина соединится с Пармой, над Англией нависнет смертельная опасность. Помешать этому может лишь уничтожение испанского флота. Но как это сделать? Было решено послать в Кале горящие корабли, чтобы вызвать панику на испанских судах. Дрейк первым предложил для этой цели свой собственный корабль «Томас» (200 тонн), Хокинс передал барк «Бонд» (150 тонн). Всего было собрано восемь судов общим водоизмещением 1240 тонн. На них были погружены различные горючие материалы.

В ночь на 28 июля подул благоприятный ветер, и подожженные суда быстро преодолели полуторамильное расстояние, отделявшее их от испанских кораблей. Среди испанцев началась страшная паника, когда в темноте ночи они увидели приближавшиеся к ним огромные факелы. Дело в том, что в Испании в то время распространились слухи, будто англичане владеют каким-то «секретным оружием», сделать которое им помог итальянский инженер Джиамбелли из Мантуи, переселившийся в Лондон. До этого предложенные им «дьявольские корабли» были использованы для разрушения моста через Шельду во время осады Антверпена. Каждый из «дьявольских кораблей» имел на борту 3,5 тонны пороха. Мост был разрушен пороховыми взрывами, погибли 800 человек.

Поэтому, заметив двигавшиеся на них горящие суда, испанцы, вместо того чтобы попытаться отогнать их, как сделал это Дрейк в Кадисе, начали рубить якорные канаты и поднимать паруса (130 якорей осталось на дне бухты). Первым опомнился Медина. Он пристыдил офицеров, предлагавших ему пересесть на пиннасу и укрыться на берегу. Герцог приказал поставить «Сан-Мартин», на котором он находился, на якорь и выстрелом из пушки дать сигнал к тому, чтобы остальные суда эскадры последовали его примеру. Одновременно он послал находившегося с ним принца Асколи, внебрачного сына короля Филиппа, на корабли для передачи более подробных инструкций. Покинув «Сан-Мартин», принц исчез. Боясь разгрома эскадры и пленения, он поспешил на берег и отправился в Дюнкерк к Парме. Узнав об этом, Медина не только не огорчился, но и вздохнул с облегчением: забота о безопасности столь важной персоны с него, таким образом, снималась.

Капитаны большинства испанских кораблей не послушались команды герцога и, пытаясь спастись, поспешили вывести суда в море. Флагман галерного флота «Сан-Лоренцо», столкнувшись

в суматохе с другим судном, потерял рулевое управление и был выброшен на берег прямо у городской крепости. Горящие корабли, вызвавшие столь сильную панику, сами по себе не нанесли никакого ущерба испанскому флоту. Они сгорели в песчаных дюнах.

На рассвете следующего дня англичане могли наблюдать результаты ночной операции. Великолепная галера «Сан-Лоренцо» лежала на боку на песчаной отмели. Пушки одного из ее бортов смотрели в небо, другого — уткнулись в песок. Восточнее стояли на якоре флагманский корабль «Сан-Мартин» и с ним еще четыре галиона. Остальные суда беспорядочно двигались на северо-восток от Кале.

В 4 часа утра юго-западный ветер сменился северо-западным, и Хоуард дал сигнал к атаке. Корабли Дрейка, Хокинса и Фробишера двинулись к стоявшим на якоре галионам. Остальные погнались за ушедшими из Кале судами. Началась страшная канонада, густой дым окутал сражающиеся корабли. Небольшие в сравнении с испанскими, но быстрые и маневренные английские суда кружили вокруг галионов, обстреливая их из орудий. Пушки с низких английских судов били в наиболее опасные места, поражая галионы ниже ватерлинии. В то же время орудия с высоких бортов испанских кораблей стреляли гораздо выше цели, не нанося ущерба противнику. Кроме того, английские пушки были значительно скорострельнее испанских. На один выстрел врага английская артиллерия отвечала тремя.

Трюмы испанских судов заливала вода, входящая через пробоины в корпусе. Палубы окрасились кровью убитых и раненых матросов и солдат. Мачты многих судов были сломаны, паруса висели клочьями. После семи часов сражения орудийные залпы становились реже. Бой затихал. У англичан опять кончался порох.

В ходе сражения испанцы не только преодолели панику и неорганизованность, но и объединили силы. Медине удалось собрать до 50 кораблей. Испанцы защищались мужественно. Ни один галион не сдался. Несмотря на сильный орудийный огонь, ни один корабль не был потоплен. Два галиона, «Сан-Мартин» и «Сан-Филипп», сильно поврежденные, были захвачены голландцами у Остенде. Это событие англичане полностью игнорировали. Напомним, что меньше чем через столетие Англия и Нидерланды в трех войнах решили между собой спор о господстве на море. А сейчас в донесении королеве Хоуард писал: «Ни одного голландца в море не было».

Вечером того же дня Дрейк писал Уолсингему: «Бог дал нам славный день, и мы нанесли такие удары врагу, что, надеюсь, герцог Парма и герцог Медина Седония не пожмут друг другу руки на этих днях... Пришлите боеприпасы и продовольствие, и мы выбросим врага вон». Напряжение дня сказалось и на неутомимом адмирале. Он закончил письмо фразой: «Всегда го-

товый выполнить поручение Вашей милости, но теперь полуспящий, Фрэнсис Дрейк».

Двигавшийся вдоль французского побережья испанский флот находился в чрезвычайно опасном положении. Якоря были потеряны, мачты сломаны, запасы пороха истощены, было много убитых. Неблагоприятный норд-вест грозил выбросить галионы на песчаные отмели Зеландии. Корабли все ближе и ближе подходили к береговым отмелям. Катастрофа казалась неминуемой. Офицеры флагманского судна вновь предложили герцогу Медине высадиться на берег, захватив освященный лиссабонским епископом королевский штандарт.

Нервы герцога сдали. Утром 30 июля он спросил у адмирала Окендо: «Сеньор Окендо, что нам делать? Мы все потеряли!» Темпераментный Окендо, находившийся в ссоре с начальником штаба армады Диего Вальдесом, ответил: «Спросите Диего Вальдеса! А я иду сражаться».

Но тут счастье улыбнулось испанцам. Внезапно северо-западный ветер сменился юго-восточным. Галионы один за другим начали отклоняться к северу, уходя в море. Англичане не могли задержать испанские корабли. У них в буквальном смысле не было пороха, орудия их кораблей молчали.

Обе стороны боялись друг друга. Англичане считали, что испанцы еще могут вернуться в Ла-Манш, ведь значительная часть испанского флота вообще не принимала участия в бою. Испанцы, в свою очередь, опасались немедленного нападения английской эскадры.

Среди английских адмиралов лишь один Дрейк был уверен в том, что армада уже потеряла силу и никогда не вернется назад, а будет искать путей на родину, выйдя в Северное море. «Герцог Седония,— писал Дрейк Уолсингему,— желает лишь попасть в порт Святой Марии под свои апельсиновые деревья».

Оставив заслон против войск герцога Пармы, Хоуард и Дрейк, несмотря на отсутствие боеприпасов, бросились в погоню за испанским флотом. Однако, когда испанские корабли подошли к шотландским берегам, погоня прекратилась. Англичане опасались, что шотландские католики поддержат испанские войска, если те вздумают высадиться на берег. Как только испанский флот миновал Шотландию, англичане утратили к нему интерес.

Путь на родину был для испанцев ужасен. Люди были истощены до предела. Запасы продовольствия и воды кончались. Штормы и туманы разбросали корабли. Десятки судов разбились о скалы у шотландских и голландских берегов. Когда в сентябре корабли бывшей «Непобедимой армады» начали прибывать в испанские порты, стали известны размеры потерь. Вернулось не более 50 судов. Погибло не менее 20 тысяч матросов и солдат. Умерли Алонсо де Лейва, Мигуэль де Окендо, Жуан Мартинес де Рекальде. Поседевшим и измученным вернулся в Испанию гер-

цог Медина Седония. Король отстранил его от командования флотом, и он вернулся в свой замок в порту Святой Марии.

Потери английского флота были незначительны. Не был потоплен ни один корабль, число убитых не превышало ста человек. Но распространившаяся на кораблях страшная болезнь уносила сотни жизней. Причина ее осталась неизвестной. Матросы считали, что болезнь была вызвана прокисшим пивом. Так или иначе, но четыре-пять тысяч матросов и солдат погибли от нее после того, как война закончилась.

Разгром «Непобедимой армады» дал основание Дрейку вновь добиваться разрешения королевы перенести войну непосредственно на испанскую территорию. Он всегда стремился к этому, а теперь обстановка была особенно благоприятна. Дрейк нашел человека, полностью поддерживавшего его идеи и готового разделить все тяготы и заботы, связанные с их осуществлением. Этим человеком был сэр Джон Норрис, прославленный солдат, ветеран войны против Пармы в Нидерландах. В середине сентября 1588 г. Дрейк и Норрис передали королеве план операции по захвату Лиссабона.

Экспедицию предполагалось организовать на обычной для того времени, так сказать, частно-государственной основе. Планировалось образовать «консорциум», в который вошли бы королева, ее министры и купцы Сити.

Авторы плана доказывали, что успех предприятия обеспечен: испанский флот разгромлен, отборные войска — сицилийские и португальские бригады — понесли очень большие потери. Захват Лиссабона и возведение на португальский престол английского ставленника дона Антонио откроют английскому купечеству прекрасные возможности для торговли с азиатскими колониями Португалии. В то же время, обладая такой базой, как Лиссабон, англичане смогут контролировать морские коммуникации в Атлантике и успешно нападать на «золотой флот», дважды в год перевозящий сокровища Вест-Индии в Севилью. Филипп не смирится с потерей Лиссабона и попытается выбить англичан оттуда. Но, как уверяли королеву Дрейк и Норрис, он обязательно потерпит поражение и тогда ему ничего не останется, как искать мира с Англией.

Елизавета одобрила план. Как главный «акционер» затеянного предприятия, королева передала в распоряжение экспедиции шесть кораблей и две пиннасы из состава английского военно-морского флота, оружие, трехмесячный запас продовольствия и 20 тысяч фунтов стерлингов наличными. Дельцы Сити вложили в предприятие 10 тысяч фунтов стерлингов, Дрейк с компаньонами — 5 тысяч. Королева обещала также дать осадные орудия.

Норрис обратился к голландским Генеральным штатам с просьбой одолжить корабли и откомандировать часть английских войск, находящихся в Нидерландах, для участия в экспе-

диции. Обстановка позволяла это сделать. Герцог Парма был занят тогда французскими делами, так как победы Генриха Наваррского и убийство герцога Гиза осложнили положение католиков во Франции. Голландцы обещали Норрису 600 кавалеристов и 23 роты пехоты. Но практически передали лишь половину обещанного, а королева, кстати, не дала осадных орудий.

Испанские шпионы в Лондоне успешно добывали сведения о предполагаемой экспедиции. Особенно проворным оказался Антонио де Вейко, человек, близкий к дону Антонио. Филипп знал обо всех деталях предприятия: количестве судов, численности солдат и матросов, оперативных планах, союзниках англичан в Португалии.

В марте 1589 г. Дрейк направился из Дувра в Плимут, чтобы принять командование собранным там флотом. По дороге в Плимут Дрейк встретил флотилию голландских транспортов из 60 судов, направлявшуюся в Ла-Рошель с грузом соли. Он уговорил голландцев идти с ним. Когда Дрейк выходил из Плимута, в его распоряжении была эскадра, какой он еще никогда не имел под своим началом. В состав экспедиции вошли 8 кораблей королевского военно-морского флота, 77 вооруженных купеческих судов и 60 голландских транспортов. На борту эскадры находилось 3 тысячи английских и 900 голландских матросов, 11 тысяч солдат и 1000 волонтеров.

Единственное, в чем англичане испытывали нужду,— это продовольствие. Но Дрейк не стал из-за этого задерживаться. «К концу месяца в Испании и Португалии созреет урожай,— говорил он,— и это выручит нас».

Когда флотилия уже покинула Плимут, оказалось, что в составе экспедиции находится молодой граф Эссекс. Этот новый фаворит королевы бежал из Лондона вопреки строгому запрету своей покровительницы.

Через шесть дней эскадра была в Ла-Корунье. Отсюда десять месяцев назад вышла «Непобедимая армада». Это был большой, хорошо защищенный город, административный центр Галисии. Ла-Корунья разделялась на две части: нижнюю — у моря и верхнюю — на скалах. Каждая из них была защищена крепостью.

Не теряя времени Дрейк выслал на шлюпках солдат для захвата плацдармов на берегу. Солдаты высадились в центральной части бухты. Затем Дрейк отправил на берег еще 500 солдат, которые закрепились у западной стороны нижней крепости. В полночь был дан сигнал атаки. Под прикрытием орудийного огня основные силы англичан высадились в центральной части гавани. Нижняя крепость была захвачена довольно быстро. Трудности были только у атаковавших западную сторону крепости, стены которой выходили к морю. Там защитники крепости трижды отбивали атаки англичан.

Верхнюю крепость англичанам захватить не удалось. Получив от пленных сведения, что в пяти милях к югу от города

сосредоточено 8 тысяч испанских солдат, Норрис во главе семитысячного отряда двинулся туда и после ожесточенной схватки обратил испанцев в бегство. Англичане преследовали их и убили не менее тысячи человек. 200 испанских солдат спрятались в монастыре. Они были обнаружены голландскими матросами и убиты. На следующий день англичане вернулись на корабли, захватив немалые трофеи, в том числе 50 бронзовых пушек и 3 тысячи пик. Перед отплытием англичане сожгли нижний город.

Следующей жертвой Дрейка был город Пеници, расположенный в 50 милях к северу от Лиссабона. Захватив город, Дрейк высадил там основные силы под командованием Норриса, Эссекса и дона Антонио. Он приказал напасть на Лиссабон только в том случае, если станет ясно, что португальцы поддерживают дона Антонио, и если в Лиссабоне нет крупных сил испанской армии. Сам же Дрейк повел флот к устью Тежу.

Дрейк сильно сомневался в успехе захвата Лиссабона с суши при отсутствии осадных орудий. Кроме того, его крайне беспокоило состояние экипажей. Болезни косили людей. Если так будет продолжаться, то очень скоро некому будет управлять кораблями. Капитан «Дредноута» Феннер писал Уолсингему, что из 300 человек команды корабля 114 умерли, а среди оставшихся в живых только 18 работоспособных. 22 мая английская эскадра бросила якорь у порта Кашкайс в устье Тежу. Город был безлюден. Дрейк не решался напасть на Лиссабон, ожидая новостей от Норриса, но они оказались неутешительными.

Норрис дошел до Лиссабона, потеряв значительное число солдат вследствие болезней и дезертирства. Испанцы уклонялись от сражений. Норрис вынужден был вернуться к своим кораблям. Болезни продолжали свирепствовать, боеприпасы кончались. Но хуже всего было то, что появление дона Антонио не вызвало никаких признаков взрыва патриотических чувств у португальского народа.

Последнее в значительной степени объяснялось действиями испанского вице-короля в Португалии кардинала-герцога Альберта. Генрих Наваррский как-то сказал: «Есть только три правдивые вещи, но никто им не верит: что королева Англии — девственница, что я — хороший католик и что кардинал-герцог — хороший генерал». Кардинал-герцог, получив сведения о намерениях англичан посадить дона Антонио на португальский престол, жестоко расправился с его сторонниками, часть казнив, часть отправив в тюрьмы. Определенные круги португальского дворянства, поддерживавшие дона Антонио, были лишены руководства, и, следовательно, выступление в поддержку англичан не состоялось.

Венецианский посол в Мадриде злобно писал своему правительству, что португальцы «слишком глупы, чтобы действовать хорошо, и слишком трусливы, чтобы действовать плохо».

Дрейк находился в устье Тежу, когда туда прибыл отряд Норриса. В течение последующих шести дней он еще надеялся, что сумеет организовать нападение на Лиссабон. Но заболевания распространялись все сильнее: были больны 2791 человек. Португальцы по-прежнему не замечали присутствия дона Антонио, а без поддержки местного населения Дрейк не смог бы удержать Лиссабон даже в случае успешного захвата города.

В это время из Лондона были получены очень неприятные для Дрейка и Норриса письма. Королева спрашивала, почему не были уничтожены сохранившиеся суда армады и почему так дорого обходится операция. Она также приказывала срочно вернуть графа Эссекса в Лондон. Теперь Эссекс был рад этому. Он видел, что предприятие затянулось и обречено на неудачу, что лавров здесь он не пожнет. Поэтому при первой возможности Эссекс покинул экспедицию. Королева быстро простила ему его грехи.

Ни Дрейк, ни Норрис не могли рассчитывать для себя на столь счастливый исход. Кроме того, их очень огорчил отказ королевы прислать дополнительный отряд пехоты и осадные орудия. Некоторое удовлетворение принес захват 80 французских и ганзейских судов, груженных пшеницей. На них были отправлены на родину больные и раненые.

Дрейк и Норрис решили отказаться от нападения на Лиссабон и попытаться обосноваться на Азорских островах. Но и на этот раз счастье отвернулось от них. Неблагоприятные ветры не дали возможности кораблям идти к архипелагу. Флотилия продолжала беспомощно простаивать у португальских берегов. Болезни не прекращались. Но Дрейк все еще не хотел подчиниться судьбе и прекратить экспедицию. Он атаковал испанский порт Виго и сжег его. В этой операции приняли участие 2 тысячи солдат и матросов, сохранивших боеспособность. Это было все, чем располагал Дрейк.

После сожжения Виго Дрейк и Норрис решили разделить силы. Дрейк с 20 судами отправился к Азорским островам, а Норрис повел остальные корабли в Англию. Но опять Дрейка ждала неудача. Сильный шторм очень повредил корабли, и эскадра вынуждена была повернуть к родным берегам. Когда Дрейк привел в Плимут свой флагманский корабль, он едва держался на плаву.

Португальская экспедиция 1589 г. окончилась безуспешно. Основная ее цель — захват Лиссабона — не была достигнута. Из 16 тысяч человек, отправившихся в экспедицию, в живых осталось 6 тысяч. Шесть судов было потеряно; правда, ни один королевский корабль не пострадал. Фактические расходы королевы составили вместо 20 тысяч фунтов стерлингов 50, что для скупой Елизаветы было большой неприятностью.

Это совершенно заслонило положительные для Англии результаты экспедиции. А они были. Престижу Филиппа был на-

несен новый удар «женщиной, владевшей лишь половиной острова, с помощью корсара и простого солдата», писал своему правительству венецианский посол в Мадриде. Экспедиция уничтожила значительные запасы продовольствия в захваченных испанских портах, нанесла немалый урон живой силе врага. Пребывание флотилии Дрейка у португальских берегов заставило испанское правительство отсрочить отправку «золотого флота» из Америки. Это очень осложнило финансовое положение Филиппа и привело к задержке выплаты жалованья армии Пармы, что, как всегда в таких случаях, крайне снизило ее боеспособность. Опасность английского вторжения в Португалию вынудила Филиппа оттянуть туда часть войск из Нидерландов, что улучшило положение борющихся голландцев. Захваченные Дрейком ганзейские суда были проданы потом за 30 тысяч фунтов стерлингов, и, таким образом, Елизавета компенсировала свои финансовые потери. В королевский арсенал было передано также 150 пушек. Что касается солдат и матросов, принимавших участие в экспедиции, то оставшиеся в живых получили на руки только по 5 шиллингов. Возмущенные этой грошовой подачкой, матросы двинулись на Лондон, грозя устроить новую варфоломеевскую ночь. Обеспокоенный лорд-мэр Лондона собрал 2 тысячи солдат, с помощью которых усмирил взбунтовавшихся ветеранов Дрейка. Четырех зачинщиков бунта повесили. Перед казнью один из них крикнул: «Это и есть плата, которую вы даете солдатам, сражающимся за вас!».

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ

Дрейк утратил не только благосклонность королевы, но и расположение купцов лондонского Сити. Он приучил их к тому, что всегда возвращался с богатой добычей, дававшей огромные прибыли на вложенный в «предприятие» капитал. Теперь они решили, что счастливая звезда Дрейка закатилась. Несколько лет он не был в море, занимаясь сугубо сухопутными делами. В 1591 г. он наконец осуществил свой давний проект улучшения водоснабжения Плимута, вложив в строительство водоотводного канала и собственные средства. Очень серьезно Дрейк занимался строительством оборонительных сооружений Плимута, опять-таки вкладывая в это дело личные средства.

Уроки войны с Англией не прошли для Филиппа даром. Он модернизировал флот, усилил защиту своих североамериканских владений. Теперь сокровища из Америки перевозились в Испанию на новых, маневренных и хорошо вооруженных судах. Эти корабли были быстроходнее английских и в случае нападения могли уйти от врага.

Пока Дрейк занимался сухопутными делами, английские корсары разбойничали на морских просторах. Томас Кавендиш вернулся из кругосветного плавания с огромными богатствами. Лондонский купец Джон Уатт на своих кораблях подстерег у полуострова Юкатан и захватил два испанских галиона из состава «золотого флота» с богатейшим грузом. Большую добычу привез граф Камберлендский из экспедиции к Азорским островам. В 1589—1591 гг. 236 английских кораблей бродили по морям в поисках добычи. Ими было захвачено 300 судов. Стоимость награбленного в десять раз превышала стоимость английского импорта.

В 1592 г. отношение королевы к Дрейку как будто начало меняться к лучшему. Ходили даже разговоры, что Дрейк вскоре отправится в очередное плавание. В Новый год Дрейк послал Елизавете подробный доклад о своем плавании к Номбре-де-Диосу в 1572 г. В письме королеве он писал, что предпочел бы вновь служить ей, чем рассказывать о прошлых подвигах. Дрейк начал подготавливать план экспедиции в Панаму. Но тревожные события заставили его на время забыть о плавании в «испанскую» Америку. Враг опять подходил к английским берегам. Испанские войска высадились в Бретани и захватили Брест. Елизавета вынуждена была действовать. Она послала против испанцев сухопутную армию под командованием Норриса и флот, которым командовал Фробишер. Дрейк был оставлен защищать Англию в случае вторжения неприятеля. В течение ноября 1594 г. английские войска выбили испанцев из Бретани, но понесли при этом тяжелые потери. Погиб Фробишер. Непосредственная угроза Англии была устранена. Теперь Дрейк мог вернуться к своей идее нового плавания в Вест-Индию.

Королева одобрила план Дрейка, но включила в экспедицию Джона Хокинса в качестве напарника Дрейка. Она теперь не доверяла «своему пирату».

Дрейк хотел захватить Панаму, но королева в своей инструкции ограничивала его действия лишь уничтожением кораблей в испанских портах и нападением на «золотой флот». Корабли должны были вернуться в Плимут в мае 1596 г. Королева выделила экспедиции шесть кораблей военно-морского флота и 2500 пехотинцев под командованием опытного офицера Томаса Баскервиля, принимавшего участие в недавних сражениях с испанцами в Бретани, а также 30 тысяч фунтов стерлингов. Купцы лондонского Сити передали на организацию экспедиции 60 тысяч фунтов стерлингов и снарядили 21 корабль.

29 августа 1595 г. корабли покинули Плимут. Флотилия была разделена на две эскадры, которыми командовали Дрейк и Хокинс. Еще до отплытия из Плимута определились два обстоятельства, очень осложнявшие успешное осуществление предстоящих операций. Первое заключалось в отсутствии единоначалия.

Было два равноправных командующих — Дрейк и Хокинс, люди разных взглядов на ведение войны, резко отличавшиеся складом ума и темпераментом. Вторым было то, что сохранить в секрете это плавание не удалось.

К тому же, когда был назначен состав военного совета, в который кроме Дрейка и Хокинса вошли Томас Баскервиль и капитаны кораблей, Хокинс сообщил им план экспедиции — прежде всего идти в Пуэрто-Рико, уничтожить имевшиеся там корабли, захватить драгоценности, а уж потом направиться в Панаму. Это стало известно и экипажам.

9 сентября Дрейк собрал военный совет. В это время английские суда находились на широте Лиссабона. Дрейк предложил, прежде чем отправиться в Вест-Индию, напасть на какой-либо испанский или португальский порт в Южной Атлантике, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия, а также нанести возможно больший ущерб находившимся там военным укреплениям и кораблям. Хокинс возражал, настаивая на прямом пути в Пуэрто-Рико. Между командующими началась перепалка. Тактичному Баскервилю пришлось немало потрудиться, чтобы прекратить ссору. Вечером следующего дня заседание совета было продолжено и предложение Дрейка, к большому неудовольствию Хокинса, принято. Было решено идти к Канарским островам и атаковать Лас-Пальмас на острове Гран-Канария.

26 сентября эскадра встала на якорь в западной части гавани Лас-Пальмаса в виду форта, расположенного над городом. Дрейк попытался спустить шлюпки с солдатами для захвата плацдарма на берегу, необходимого для последующей высадки основных сил. Это была его обычная тактика. Но высокая волна, с большой силой бившая о берег, не позволила это сделать. Дрейк сам на лодке попытался подойти к берегу, но все было тщетно. Хотя Дрейк и не побывал на берегу, его опытный глаз заметил большие перемены, происшедшие с тех пор, как он беспрепятственно хозяйничал в этих местах. Дрейк понял, что ему не захватить Лас-Пальмас.

Надо сказать, что первая встреча Дрейка с испанцами во время этой экспедиции показала, что годы, безусловно, наложили свой печальный отпечаток на адмирала: Дрейку уже было за пятьдесят. Он действовал необычно для себя. Сильными его сторонами всегда были рассчитанная дерзость, неожиданность и точность удара, мастерская импровизация в ходе уже начавшегося сражения. В гавань Лас-Пальмаса Дрейк вошел днем на виду всего города. Много времени потратил на бесплодные попытки высадиться на берег.

Дрейк, по всей вероятности, в душе считал, что на военном совете прав был не он, а Хокинс, предлагавший идти прямо в Пуэрто-Рико. Поэтому, когда Томас Баскервиль попросил дать ему четыре дня для подготовки солдат, гарантируя захват города, Дрейк отказал ему. Основной целью экспедиции, заявил

он, является захват сокровищ в Пуэрто-Рико. Дрейк приказал поднять якоря и идти к юго-западной оконечности острова, где он предполагал запастись водой. Небольшой отряд солдат, высадившийся по приказанию Дрейка на берег, был обстрелян. Семь человек были убиты, а один захвачен в плен.

К несчастью, этот человек, как и многие члены экипажа, знал детали предстоящего плавания. На допросе он рассказал испанцам, что флотилия идет в Пуэрто-Рико. Губернатор острова немедленно послал одно быстроходное судно в Пуэрто-Рико, а другое — в Испанию с сообщением о полученных сведениях. Судно, посланное в Пуэрто-Рико, пришло туда на неделю раньше английского флота. В Испании в это время стояла наготове эскадра под командованием адмирала Бернардино Дельгадильо-и-Авельянеда. Получив сведения с Канарских островов, адмирал теперь отчетливо представлял себе маршрут экспедиции.

Дрейк, к большому удивлению своих спутников, не стал преследовать инспанцев, а приказал взять курс на Гваделупу. Это тоже было совершенно непохоже на Дрейка. На кораблях начали шептаться: «Он уже не тот человек, каким был».

Через три недели, 27 октября, английская флотилия подошла к острову Доминика. Было решено не высаживаться на берег, а идти к Гваделупе, где можно было без помех пополнить запасы воды и дать отдохнуть команде судов. Флотилия разделилась. Эскадра под командованием Дрейка направилась к восточной части острова и встала там на якорь. Корабли, которыми командовал Хокинс, подошли к западной части острова. В составе эскадры Хокинса было два небольших барка — «Фрэнсис» и «Удовольствие». Во время перехода они отстали от других судов. Неожиданно их атаковали пять испанских кораблей. Это были быстроходные суда новой конструкции, посланные Филиппом в Пуэрто-Рико забрать драгоценности с находившегося там поврежденного галиона. Испанцы захватили «Фрэнсис» и погнались за барком «Удовольствие», уходившим к Гваделупе, к месту стоянки флотилии. Испанские суда не догнали британский барк, но они достигли большего. У Гваделупы испанцы увидели английский флот и со всей возможной скоростью направились в Пуэрто-Рико. В середине апреля губернатор Пуэрто-Рико Педро Суарес получил от Филиппа послание о выходе в Вест-Индию английского флота. Теперь командующий прибывших к острову фрегатов Педро Тельо де Гузман подтвердил это, более того, он сообщил, что английские корабли уже находятся на Антильских островах.

Корабли Дрейка подошли к Гваделупе 28 октября, корабли Хокинса — 29 октября, а барк «Удовольствие» — 30 октября. В тот же день капитан барка рассказал на военном совете о встрече с испанскими судами и захвате «Фрэнсиса». Все присутствовавшие на совете были очень встревожены этим сообщением. Теперь в Пуэрто-Рико узнают об их прибытии в Вест-

Индию и постараются подготовиться к отпору. Дрейк предложил немедленно отправиться на перехват испанских фрегатов, чтобы подойти к острову неожиданно. Но Хокинс категорически возражал, настаивая на тщательной подготовке к нападению на Пуэрто-Рико. Хокинс был тогда уже очень болен, и Дрейк не стал с ним спорить. Лишь 4 ноября корабли ушли с Гваделупы. Но и тогда флотилия не пошла прямо к Пуэрто-Рико, а направилась к Виргинским островам и остановилась у маленького островка этой группы. Остановка объяснялась необходимостью перераспределения людей на кораблях, а также намерением сбить с толку испанцев, нетерпеливо ожидавших их в Пуэрто-Рико. Дрейк использовал время, чтобы попытаться найти новый, неожиданный подход к Пуэрто-Рико. И он действительно нашел его. 11 ноября английские корабли снялись с якоря, а на следующий день утром появились у города Сан-Хуана.

За последние годы в городе были построены новые укрепления, значительно усилена артиллерия, увеличен гарнизон. Особенно мощной была крепость Морро, расположенная у выхода из гавани. До прибытия англичан собрался военный совет, на котором было решено снять орудия с фрегатов и перенести их на берег для усиления артиллерийской обороны города. Экипажи фрегатов должны были защищать город на суше. Два фрегата пришлось затопить, чтобы блокировать вход в гавань. Женщины, дети и рабы были отправлены в глубь острова. Когда появилась английская эскадра, Сан-Хуан был готов к обороне.

Англичан же с начала плавания преследовали неудачи. Они потерпели поражение на Канарских островах, потеряли судно у Гваделупы. Все время враги опережали их, успевая подготовиться к отражению удара. Не успели корабли бросить якорь у Сан-Хуана, как разнеслась весть о смерти Хокинса. Это явилось тяжелым ударом для всего экипажа. С именем Хокинса были связаны многие славные победы английского флота, его популярность была очень велика. К тому же на кораблях узнали, что, умирая, Хокинс выразил сомнение в успехе экспедиции и потому завещал передать королеве 2 тысячи фунтов стерлингов из своих средств в качестве компенсации ее возможных потерь. На Дрейка Хокинс не сердился и даже написал в завещании: «Оставляю дорогому кузену сэру Фрэнсису Дрейку мой лучший бриллиант и крест с изумрудом».

Дрейк готовился к штурму города. Когда он обедал с несколькими офицерами в своей каюте, туда попало испанское ядро, убило двух офицеров, сидящих рядом с адмиралом, и выбило стул, на котором он сидел. Выбежав из разрушенной каюты, Дрейк приказал кораблям отойти на безопасное расстояние.

На следующее утро испанцы увидели, что английская флотилия, расположившись к западу от гавани, укрылась за двумя небольшими островками. В течение всего дня английские корабли не подавали признаков жизни. Дрейк вновь обдумывал план

нападения. Он понял, что ошибался, полагая, что оборона испанцев осталась на том же уровне, что и во время его предыдущего плавания в Вест-Индию.

Дрейк решил сначала атаковать испанские фрегаты, стоявшие в гавани. Ночью с отрядом на 25 шлюпках и пиннасах он подошел к испанским кораблям. Ему удалось зажечь четыре фрегата. Но, загоревшись, они ярко осветили гавань и дали возможность береговой артиллерии обстреливать английские суда. Потеряв несколько шлюпок и 50 солдат, Дрейк отступил.

Опытный Педро Тельо, командовавший испанскими кораблями, не сомневался, что Дрейк так просто не уйдет, что он еще будет пытаться захватить город. Поэтому дон Педро приказал затопить две тяжелогруженые шлюпки и фрегат при входе в гавань. Когда Дрейк на другой день обнаружил это, он понял, что прорваться к городу ему не удастся. Собрав на своем флагманском корабле военный совет, Дрейк предложил высадить войска, которые будут штурмовать Сан-Хуан с суши, в наиболее слабо укрепленных местах.

Томас Баскервиль отверг этот план. Город, сказал он, укреплен значительно сильнее, чем укреплялись раньше испанские города в Америке. Его защищает гарнизон, состоящий из профессиональных солдат, а не из наскоро вооруженных мирных жителей, как это бывало в прежние времена. Дрейк не настаивал на своем предложении.

Ночью английские корабли отошли от Сан-Хуана. Утром жители города увидели опустевшее море. Педро Тельо тут же послал быстроходное посыльное судно в Санто-Доминго и Гавану предупредить о появлении английского флота. Дрейк повел свои корабли на запад, и 19 ноября его флотилия остановилась у залива Святого Германа. Там англичане провели неделю, отдыхая, охотясь, пополняя запасы продовольствия и воды, ремонтируя суда. Затем флотилия пошла к югу, к берегам Панамы.

18 декабря Дрейк был у Рио-де-ла-Ачи. Баскервиль без труда овладел городом. Все жители скрылись в лесах, а наиболее дорогие вещи спрятали в укромных местах. Но солдаты с помощью беглых рабов отыскали большинство этих кладов и забрали ценности. Пока солдаты Баскервиля рыскали по окрестностям Рио-де-ла-Ачи, Дрейк отправился в находившуюся недалеко от города деревню, население которой занималось ловлей жемчуга. Там опять-таки с помощью беглых рабов он отыскал место, где был спрятан жемчуг, и захватил его. Большие ценности нашел он и в селении Ранчерия. Вернувшись в Рио-де-ла-Ачу, Дрейк начал переговоры с губернатором о выкупе за то, что англичане не уничтожат город. Губернатор всячески сопротивлялся. Видя, что губернатор платить не намерен, Дрейк разрушил все здания, за исключением церкви и одного дома, хозяйка которого очень упрашивала адмирала сохранить его. После этого Дрейк направился в Санта-Мариту, но там его люди, тща-

тельно обшарив все закоулки, не нашли ничего ценного. Через неделю английская эскадра бросила якорь в Номбре-де-Диосе. И здесь Дрейка поджидали неприятности. Он надеялся встретить своих бесценных помощников-маронов, но не нашел их. Вскоре после попытки Джона Оксенгема в 1576 г. поднять их против испанцев колониальные власти жестоко расправились с маронами, уничтожив их поселения. Сам город был пуст, и англичане не обнаружили там драгоценностей. Номбре-де-Диос давно перестал быть «сокровищницей мира», как назвал его когда-то Дрейк. Теперь драгоценности направлялись в новый порт — Пуэрто-Белло, находившийся в 20 милях к западу. Дрейк послал отряд под командованием Баскервиля к дороге, по которой перевозились сокровища из Панамы. Но и здесь англичане увидели много нового. У дороги в разных местах стояли сильные укрепления, на самой дороге были устроены завалы. Обо всем этом англичане узнали не сразу, а проделав тяжелый трехдневный путь. Все время шел дождь, размывавший дорогу. С большим трудом отряд прошел в первый день 10, а во второй — 18 миль. На половине пути должна была находиться станция, на которой меняли лошадей и мулов во время перевозки сокровищ. Но, подойдя к ней, англичане увидели лишь руины. Станция была сожжена. На третий день, пройдя две мили, англичане наткнулись на укрепление, сооруженное под руководством итальянского инженера Хуана Батиста Антонелли, приглашенного на испанскую службу. Укрепление скрывалось в чаще тропического леса и было совершенно незаметно. К нему вела дорога, по которой шел отряд. Другой дороги вообще не было. Неожиданно путь преградил завал. Когда англичане попытались разобрать его, то были обстреляны из мушкетов невидимым противником. Ответить они не могли, так как порох основательно отсырел. Потеряв несколько человек убитыми, англичане вынуждены были отступить. Баскервиль узнал, что впереди по дороге к Панаме расположено еще несколько таких укреплений. Ему не оставалось ничего другого, как повернуть назад.

После возвращения отряда Дрейк 14 января 1596 г. собрал военный совет на борту флагманского корабля. Надо было решать, что делать дальше. От пленных испанцев и беглых рабов Дрейк знал, что все наиболее крупные порты Вест-Индии, предупрежденные о его появлении, подготовились к обороне. Адмирал сидел во главе стола, обложенный картами и книгами. Он говорил о великом городе Гондурасе и о поселениях на берегу озера Никарагуа, где, как говорят легенды, улицы вымощены золотом. Он не видел этих мест, но читал о них в книгах, пояснил Дрейк присутствующим на совете. «Так куда мы пойдем,— спросил адмирал,— в Гондурас или Никарагуа?» — «В оба места!» — ответил за всех Томас Баскервиль.

Дрейк приказал сжечь Номбре-де-Диос, потопить 14 небольших фрегатов, стоявших в порту, погрузить на корабли 20 ящи-

ков с серебром и немного золота — все, что удалось найти в Номбре-де-Диосе. 15 января флотилия вышла в море. 20 января Дрейк подошел к острову Эскудо-де-Верагуа, расположенном к западу от Номбре-де-Диоса. Там англичане захватили испанское посыльное судно, от команды которого узнали, что знаменитые города, о которых рассказывал Дрейк, бедны и путь к ним очень труден из-за многочисленных отмелей и рифов. Но все равно англичане не смогли бы выйти в плавание. Все время дули неблагоприятные ветры. Продовольствие на кораблях кончилось. Место, где они остановились, было очень нездоровым. На судах начались заболевания лихорадкой и дизентерией. Люди умирали. Дрейк и сам заболел дизентерией. На 12-й день он решил положиться на судьбу: приказал поднять якоря и «ловить тот ветер, какой бог пошлет».

Ветры погнали корабли назад к Номбре-де-Диосу. Дрейк слабел с каждым днем. Он уже не покидал своей каюты. Но воля его не была сломлена. «Господь имеет много средств, чтобы спасти нас,— говорил Дрейк своим спутникам,— и я знаю много способов отлично послужить ее величеству и сделать нас богатыми. Мы должны иметь золото до того, как увидим Англию».

В ночь на 28 января, почувствовав приближение смерти, Дрейк с большим трудом оделся, попросил своего слугу Уайтлока помочь ему облачиться в доспехи, чтобы умереть достойно, как солдат. На рассвете 28 января 1596 г. Дрейк скончался. Через несколько часов флотилия подошла к Номбре-де-Диосу.

Командование флотом принял Томас Баскервиль. Тело Дрейка было положено в свинцовый гроб. Под грохот салюта гроб был опущен в воду залива в нескольких милях от берега, «почти в том месте», сообщали потом участники плавания, «откуда адмирал начал свой путь к всемирной славе». В том же месте были затоплены два корабля флотилии и несколько захваченных испанских судов — как дань особого уважения к памяти Дрейка.

Баскервиль не стал медлить с возвращением на родину. Он получил сведения, что испанская эскадра под командованием адмирала Бернардино Дельгадильо-и-Авельянеда ждала английские корабли у берегов Кубы. Баскервиль хотел избежать встречи с испанскими судами, но это ему не удалось. Встреча произошла к югу от острова. Сражение длилось три часа. Англичане заставили испанцев отойти и продолжали путь. Баскервиль привел свои корабли в Плимут в конце апреля 1596 г., точно выполнив обещание, данное Дрейком королеве.

Сообщение о смерти Дрейка быстро распространилось по всей Испании, Севилья горела огнем иллюминаций. Филипп, в ту пору постоянно болевший, сказал, что, узнав в смерти Дрейка, он почувствовал себя так хорошо, как никогда со времени Варфоломеевской ночи.

Шел май 1596 г. До конца столетия оставалось меньше пяти лет. Уходил XVI век, а с ним и морское владычество Испании.

УОЛТЕР РЭЛИ
·ЭЛЬДОРАДО·
УОЛТЕРА
РЭЛИ

ФАВОРИТ КОРОЛЕВЫ

Одной из колоритнейших фигур в Англии в царствование Елизаветы I был Уолтер Рэли. Человек Ренессанса, он был солдатом, мореплавателем, царедворцем, парламентарием, покровителем искусств, ботаником, химиком, поэтом и историком.

В жизни Рэли было столько причудливых поворотов, что казалось, будто судьба задумала на его примере показать все свое могущество: он то взлетал к вершинам власти, то низвергался в бездну бесславия.

О детстве и юности Рэли сохранились отрывочные сведения. Год его рождения неизвестен. Считают, что он родился в 1552 или 1554 г. Дело в том, что существующая сейчас в Англии система церковной регистрации рождения была введена с апреля 1555 г. Авторы, утверждающие, что Рэли родился в 1554 г., ссылаются на надписи к двум его портретам. На одном, написанном в 1588 г., указывается, что ему 34 года, на другом, относящемся к 1598 г.,— 44 года. Данное обстоятельство нельзя считать безусловным доказательством хотя бы потому, что на миниатюре, выполненной в 1618 г., отмечено, что ему 65 лет. Тем не менее большинство авторов склоняются в пользу 1554 г.

Уолтер родился, когда его отцу, тоже Уолтеру, было уже далеко за пятьдесят (год рождения Уолтера Рэли-старшего тоже неизвестен; называется условно 1496 г.) Он состоял уже в третьем браке. Его первой женой, по имени Джоан, была дочь Джона Дрейка, родственница знаменитого Фрэнсиса Дрейка. От нее у него было два сына: Джордж и Джон. О первом известно только то, что он на свои средства снарядил корабль, участвовавший в сражениях с испанской «Непобедимой армадой». Второй же наследовал отцовское имение и прожил там всю свою жизнь, умер в 1629 г. После смерти Джоан (неизвестно, в каком году: год смерти не был указан на ее могильной плите) Уолтер Рэли-старший женился на Изабел Даррел, дочери лондонского купца, от которой имел дочь Мэри. В 1549 г. Изабел умерла, и Рэли женился в третий раз на Катарине Чемперноун, вдове Отто Гилберта. От брака с Гилбертом у нее было три сына: Джон, Хамфри и Адриан, от Рэли два сына — Кэрью и Уолтер и дочь Маргарит.

Уолтер Рэли-старший происходил из древнего рода, первые упоминания о котором относятся к временам Генриха I. Много-

численные представители семейства Рэли расселились в Уэльсе, Сомерсете, Девоншире. В одном Девоншире насчитывалось не менее пяти ветвей этого семейства. Каждая имела отдельное родовое гнездо, название которого добавлялось к имени владельцев. Так, Уолтер Рэли-старший принадлежал к Фарделлам, ведущим свое происхождение от Джона де Рэли, который в начале XIV в. получил имение Фарделл в Девоншире. В следующем веке Фарделлы сильно обеднели. Уолтер Рэли-старший вынужден был оставить Фарделл. В 1520 г. он купил ферму недалеко от Плимута. Ферма находилась в двух милях от берега моря. Фермерский дом, называвшийся Хайс Бартон, представлял собой крепкое двухэтажное здание с двумя крыльями, обращенное окнами на юг. Таким оно сохранилось до наших дней. В нем и родился Уолтер Рэли-младший.

О его детских годах ничего не известно. Нет никаких сведений, где он учился: в школе или дома с учителем. Но так или иначе, Уолтер Рэли был человеком весьма образованным. Правда, он был из тех людей, которые учатся всю жизнь. Роберт Ноунтон, лорд-канцлер короля Якова I, писал после смерти Рэли, что «полученные общие знания он упорно расширял и совершенствовал, всегда много читал, где бы он ни был — на суше или в море».

Время от времени Уолтер Рэли-старший брал сына в свои деловые поездки по приморским городам Девоншира. Там Рэли-младший услышал поразившие его воображение рассказы моряков о далеких плаваниях, страшных штормах, кораблекрушениях, заморских землях с удивительным растительным и животным миром, населенных диковинными людьми.

Дома взрослые постоянно говорили о войнах на Европейском континенте, в которых принимали участие члены семейства Рэли. В 1562 г. во Францию отправились двоюродные братья Уолтера — Николас и Эндрю, чтобы воевать на стороне гугенотов, и оба пали во время обороны Гавра. Там же в сентябре следующего года был тяжело ранен старший брат Уолтера — Хамфри Гилберт. Двоюродный брат Уолтера — Гавейн Чемперноун был женат на дочери одного из руководителей гугенотов, графа Монтгомери, и принимал самое активное участие в их борьбе. В 1567 г., в период временного затишья в религиозной войне во Франции, многие члены семейства Рэли отправились в Венгрию воевать на стороне императора Максимилиана против турецких войск, предводительствуемых султаном Сулейманом Великолепным.

Понятно, что, живя в такой атмосфере, Уолтер сам мечтал о том времени, когда сможет совершать подвиги на полях сражений. В 1568 г. отец послал Уолтера в Оксфорд продолжать образование, но тот не стал добиваться ученой степени и в следующем году примкнул к отряду английских дворян-волонтеров, отправлявшихся во Францию на помощь гугенотам. Этот отряд

был создан по призыву Генри Чемперноуна (родного брата Гавейна), поднявшего над Девонширом черное знамя Монтгомери с девизом «Умрем со славою».

Волонтеры действовали на свой страх и риск. Королева Елизавета в отношении религиозной войны во Франции официально держалась нейтралитета, и, когда французский посол заявлял протест по поводу участия англичан в боях на стороне гугенотов, она неизменно отвечала, что они переправились на континент без ее ведома. Это означало, что любой английский волонтер, попав в плен, мог быть повешен с табличкой на груди, гласившей, что он наказан «за службу гугенотам, вопреки воле королевы Англии».

То, что Уолтер увидел во Франции — разорение страны, бессмысленную жестокость враждующих сторон,— он запомнил на всю жизнь. Впоследствии Уолтер участвовал во многих военных кампаниях как в Старом, так и в Новом Свете, попадал в труднейшие и опаснейшие ситуации, но все же именно война во Франции произвела на него самое глубокое впечатление.

В своей «Истории мира», написанной через три десятилетия после возвращения из Франции, Рэли подчеркивал: «Величайшим и самым ужасным бедствием, которое может поразить любую страну, является гражданская война... Варварские убийства, разрушения и другие бедствия начинались и проводились небольшой кучкой людей, наделенных величайшей амбицией и буйным характером, обманывавших народ с помощью религии, чтобы заручиться его поддержкой в достижении поставленной цели».

Точно неизвестно, когда Рэли вернулся в Англию. Вероятно, это было в конце 1574 г., после казни графа Монтгомери. В начале следующего года он был уже в Лондоне, где зарегистрировался в «Иннс оф Корт». В этом учебном заведении, которое тогда называли «третьим университетом», формально готовили юристов, но по существу студенты из дворянских семейств в основном приобретали необходимые навыки для последующей светской жизни: учились петь, танцевать, писать стихи. Впоследствии Рэли признавался, что не прочел ни строчки из юридической литературы.

К этому времени относятся первые поэтические опыты Рэли. Стихотворения молодого поэта появились в сборнике «Стальное зеркало», вышедшем в 1576 г. Его издателем был Джордж Гасконь, солдат, искатель приключений, поэт. Рэли познакомился с ним через своего сводного брата Хамфри Гилберта, который воевал с Джорджем во Фландрии.

Сборник имел сатирическую направленность, что подчеркивалось уже его названием. Дело в том, что в те времена зеркалом в Англии служил стальной полированный лист. Богатые же лондонцы пользовались зеркалами из венецианского стекла, которые, как говорил Гасконь, «показывали предметы много лучши-

ми, чем они были на самом деле». Так что, издавая книгу, он намеревался дать наиболее правдивое отображение английского общества.

Гасконь был преуспевающим литератором с широким кругом знакомств, имевшим влиятельных покровителей, в число которых входил и могущественный граф Лейстер, фаворит королевы. Видимо, именно Гасконь первым представил ему Рэли.

В этот период жизни в Лондоне Рэли всеми силами стремился пробиться ко двору королевы, но безуспешно. Он пребывал в толпе молодых честолюбцев, находившихся, так сказать, «в резерве», на случай, если у двора возникнет необходимость дать им какое-нибудь поручение. Понятно, что это никак не могло его удовлетворить.

Большое влияние на Рэли оказывал тогда Хамфри Гилберт. Он был лет на четырнадцать старше Уолтера и всячески покровительствовал ему: ссужал деньгами, знакомил с нужными людьми, называл его имя в нужных местах. Хамфри окончил Оксфорд и Итон, был достаточно богат. Семейство хотело видеть его юристом, но Хамфри стал солдатом. Он воевал во Франции, Нидерландах, Ирландии. В течение двух лет, в 1569—1570 гг., был губернатором Мюнстера, которым управлял с жестокостью, невиданной даже в елизаветинской Ирландии.

Но у Хамфри была одна заветная мечта — открыть северо-западный проход в Тихий океан. Еще в 1566 г. он написал «Рассуждение, доказывающее существование северо-западного прохода в Китай и Восточную Индию». В нем Хамфри утверждал, во-первых, что такой проход существует, во-вторых, что им можно пользоваться, в-третьих, что это даст огромные выгоды в торговле с богатейшими странами Востока. В 1576 г. Гасконь, возможно без согласия автора, издал эту работу.

Публикация «Рассуждения», да еще с приложением весьма наглядной карты, возбудила в Англии огромный интерес к проливу. Результатом была экспедиция Мартина Фробишера к берегам Северной Америки. Фробишер не открыл прохода в Тихий океан и не добыл сокровищ для организаторов экспедиции, но он привез, казалось, очевидные доказательства правильности гипотезы Хамфри Гилберта.

На севере лабрадорского побережья Фробишер обнаружил выходы какого-то черного как смоль камня. Он собрал тонны этого камня и в Лондоне передал для изучения специалистам, которые сказали, что в камне содержатся железо и, возможно, золото. Фробишер привез в Англию нескольких эскимосов, которых он, по его словам, захватил на северо-восточном побережье России. В связи с этим русский посол в Лондоне заявил даже официальный протест по поводу насильственного увоза английским капитаном подданных русского царя.

В 1577 и 1578 гг. Фробишер совершил еще два плавания к Лабрадору, доставив в Англию в общей сложности до 1000 тонн

таинственного черного камня, но жителей тамошних мест больше не захватывал.

Эскимосы, привезенные из первого плавания, вскоре умерли, не выдержав жизни в непривычных условиях. Черный камень никак не превращался ни в железо, ни тем более в золото. С тем же успехом можно было экспериментировать с булыжниками лондонских мостовых.

Хамфри Гилберт решил сам проверить правильность выдвинутой им гипотезы. Понимая, что экспедиция будет весьма дорогостоящей, Гилберт предложил следующий план. Он пойдет к берегам Ньюфаундленда, захватит там испанские корабли, приведет их в голландские порты и там продаст. Вырученные деньги пойдут на финансирование экспедиции. Имя королевы упоминаться не будет. Участники операции будут выступать как сторонники принца Оранского.

Елизавета холодно отнеслась к проекту Гилберта. Ее Тайный совет высказался откровенно отрицательно. Королева уже решила отправить экспедицию под командованием Фрэнсиса Дрейка. И тот в середине ноября 1577 г., никем не замеченный, вышел в море. Даже всеведущие испанские шпионы ничего не знали об этом. В задачу Дрейка также входило обнаружение северо-западного прохода. Пройдя Магелланов пролив, Дрейк 6 сентября 1578 г. вошел в Тихий океан. Идя вдоль западного американского побережья, Дрейк к середине апреля 1579 г. достиг 48° с.ш., но никакого прохода в Атлантический океан не обнаружил и, напуганный сильным холодом, спустился в южные широты.

Слухи об успехах плавания Дрейка, его победах над испанцами в Америке достигли британских берегов. Елизавета, наконец, дала согласие на плавание Гилберта. В июне 1578 г. она подписала патент, действительный в течение шести лет, который предоставлял сэру Хамфри Гилберту право «открывать и исследовать те отдаленные языческие земли, страны и территории, которые не являются владениями какого-либо христианского принца или народа». Гилберт немедленно приступил к организации экспедиции. Ему довольно быстро удалось собрать необходимое количество судов. Но вскоре возникли серьезные затруднения: не хватало денег, среди участников предстоящего плавания вспыхнули разногласия, в результате которых четыре из одиннадцати судов, которые должны были участвовать в экспедиции, ушли. К тому же погода все время была неблагоприятной.

Наконец, 19 ноября 1578 г. семь оставшихся судов вышли в море. В составе экспедиции было 365 человек. Адмиралом флотилии был сэр Хамфри, вице-адмиралом — его родной брат Кэрью. Рэли, конечно, с восторгом покинул Лондон и присоединился к экспедиции. Ему было поручено командование небольшим старым судном «Фолкон», являвшимся собственностью ко-

ролевы. По-видимому, Хамфри при удобном случае рассказал Елизавете о своем сводном брате, ибо прижимистая королева никогда не доверяла неизвестным лицам своей собственности, будь то даже старое судно.

Все корабли флотилии были вооружены, так что не вызывало сомнений намерение ее адмирала не только искать северо-западный проход в Тихий океан, но и пиратствовать. Однако затяжка с началом экспедиции привела к тому, что обе цели выполнить практически было невозможно. Наступала зима, затруднявшая плавание в северных широтах, а испанский «золотой флот» еще в конце октября благополучно достиг Кадиса.

Хамфри решил плыть к берегам Африки, а затем отправиться в Вест-Индию. Но неблагоприятная погода не позволила осуществить это намерение. Один из английских авторов справедливо заметил, что при всех своих талантах Хамфри Гилберт как адмирал имел один фатальный дефект: он был неудачлив. Один за другим суда флотилии возвращались в Англию. В феврале 1579 г. и сам он вернулся в Лондон. Лишь «Фолкон» продолжал плавание. Шесть месяцев Рэли находился в Атлантике, испытав множество опасных приключений, не раз вступая в схватки с испанскими кораблями. В мае 1579 г. сильно поврежденный «Фолкон» подошел к британским берегам.

Вторую половину 1579 г. и первые месяцы 1580 г. Рэли провел в Лондоне, ведя жизнь, типичную для молодого джентльмена. Дважды дрался на дуэли, после чего сидел в тюрьме. На этот раз он завязал несколько полезных знакомств при дворе, стал вхож в дома лорда-канцлера Берли, государственного секретаря Уолсингема и даже могущественного фаворита королевы графа Лейстера.

В июле 1580 г. Рэли отправился в Ирландию, где в течение полутора лет участвовал в подавлении антианглийского восстания. В декабре 1581 г., когда выступление ирландцев было в основном подавлено, он отправился в Лондон с депешами командующего английскими войсками в Ирландии лорда Грея.

Рэли не только передал депеши, но и изложил членам Тайного совета королевы свое мнение о положении в Ирландии и предложил план наиболее экономичного управления страной, сокращения расходов на содержание там английской армии. Предложения Рэли сводились к тому, чтобы возложить бремя этих расходов на самих ирландцев, используя противоречия внутри ирландского дворянства. Мелкое ирландское дворянство, говорил он, более враждебно относится к вождю восстания графу Десмонду, чем к английской королеве.

План Рэли понравился и Тайному совету, и Елизавете. В январе 1582 г. Берли сообщил об этом лорду Грею, чем вызвал крайнее неудовольствие последнего. Идея Рэли на первый взгляд кажется верной, ответил он, но очень скоро обнаружится ее

неосновательность. О самом же Рэли лорд Грей писал так: «Что до меня, то могу сказать только одно: мне он неприятен». Но Рэли это обстоятельство могло уже не тревожить. Елизавета заметила его.

В английской литературе о Рэли много места занимает вопрос о том, кто представил его Елизавете. Называют графа Лейстера, лорда Берли, Уолсингема. Рассказывают также, что все произошло случайно: как-то королева, идя по дворцовому саду, остановилась в некоторой растерянности перед оказавшейся на ее пути лужей. Видя это, Рэли, который был неподалеку, быстро скинул с себя роскошный новый плащ и положил его перед королевой, и Елизавета прошла, не замочив ног.

Вероятнее всего, что каждый из высокопоставленных знакомых Рэли когда-то упоминал о нем в разговоре с королевой, хвалил его за смелость, энергию и ум. Возможно, сыграл роль и указанный выше эпизод. Но ко всему этому Елизавета увлеклась им. Королева всегда была неравнодушна к мужской красоте. С годами это чувство у нее не ослабевало, а, напротив, усиливалось. Ко времени встречи с Рэли ей было 48 лет. Рэли был на двадцать лет моложе. Высокий, стройный, романтичный, остроумный молодой человек, храбрый воин, денди и поэт, он должен был заинтересовать Елизавету. И очень скоро двор это почувствовал. Стремительно восходила счастливая звезда Рэли.

Когда Рэли в конце 1581 г. прибыл в Лондон, шла интенсивная подготовка к свадьбе Елизаветы с герцогом Анжуйским. «Королева-девственница» на этот раз, казалось, серьезно решила прекратить сильно затянувшееся девичество.

Герцог Анжуйский, сын французского короля Генриха II и Екатерины Медичи, был братом Генриха III, находившегося тогда на французском престоле. Герцог был на двадцать лет моложе королевы, но, несмотря на молодость, производил отталкивающее впечатление: тщедушное существо с лицом, изрытым оспой, с приплюснутым, искривленным носом. Нидерланды выбрали герцога Анжуйского своим правителем, надеясь на помощь Франции в борьбе с Испанией. Поэтому матримониальные намерения Елизаветы должны были бы насторожить Филиппа II. Но он не волновался, ибо не верил в серьезность сватовства Елизаветы, полагая, что это очередной политический маневр, предпринятый ею именно с целью напугать его. Так оно и получилось в конце концов.

Но пока подготовка к свадьбе шла полным ходом. Опишем сцену, где должен был состояться этот спектакль.

Дворец королевы в Весминстере стоял на левой стороне улицы, которая сейчас называется Уайтхоллом, и внешне напоминал колледж в Оксфорде или Кембридже.

В начале улицы размещался Шотландский двор со своими службами — пекарней, кладовой пряностей, птичником, дровяным складом. Все это находилось в ведении гофмаршала сэра

Джеймса Крофтса, который, кстати сказать, был испанским шпионом.

Рядом с «Шотландией» был вход во дворец, весьма похожий на вход в другой дворец того времени, Сент-Джеймский. Войдя в ворота, посетитель попадал в большой двор, где высился главный зал — здание с окнами, расположенными высоко над землей. Внутри помещения нижняя часть стен была затянута гобеленами. Здесь устраивались обеды, ужины, изредка — театральные представления. Коридор, куда выходили двери главного зала, вел в дворцовую церковь, из которой по Уайтхолльской лестнице можно было спуститься к реке, где находились прогулочные лодки.

Главный зал соединялся с комнатой приемов, большой, с высоким позолоченным потолком, украшенным датами сражений. Сюда королева и ее советники обычно прибывали к вечеру. В присутствии почти всего двора Елизавете представляли послов и официальных гостей.

За комнатой приемов находился королевский кабинет, где Елизавета завтракала, обедала и ужинала с приближенными дамами и полдюжиной фрейлин, одетых в белое. Фрейлины, молоденькие и хорошенькие, должны были уметь петь, играть на каком-нибудь инструменте, а то и на двух, говорить на нескольких языках, танцевать, поддерживать беседу, играть в карты, вышивать, готовить одно-два вкусных блюда и, несмотря на похотливость придворных, оставаться девственницами. Королевские фрейлины, говорил впоследствии Рэли, были «подобны ведьмам: могли причинить вред и ничего хорошего ждать от них не приходилось». Они сплетничали о тайной жизни королевы — в той мере, в какой она была им известна.

Рядом с кабинетом были королевские покои. Спальня с низким позолоченным потолком была довольно темной, с единственным окном. Здесь стояла деревянная кровать с инкрустацией, накрытая шелковым покрывалом, и большое мягкое кресло, обитое золотой парчой. К спальне примыкала ванная. Во дворце была библиотека, где хранились книги на греческом, латинском, французском и итальянском языках, переплетенные большей частью в красный бархат. Почти в каждой комнате дворца имелся один или два музыкальных инструмента.

Множество дворян и дворцовой челяди охраняли королеву или прислуживали ей. Ее личные телохранители — 140 человек — были одеты в форму, которую и поныне носят стражники лондонского Тауэра. Капитаном дворцовой стражи был сэр Кристофер Хеттон. Во дворце жили также дворяне, которых называли «пенсионерами». С позолоченными алебардами они сопровождали королеву во время процессий и составляли большинство участников турниров, которые устраивались два-три раза в год. После того как в 9 часов вечера раздавалось «Всем спать», личные телохранители занимали комнату приемов и устраивались

там на ночлег. Пажи, грумы, гонцы, не говоря уже о множестве слуг самих придворных, одетых в ливреи своих хозяев, толпились в двориках, в устланных циновками коридорах и в залах. Штат дворца королевы насчитывал 1500 человек. Большинство дворян, занимавших придворные должности, кормили обедом и ужином, а тех, кто жил здесь постоянно, обеспечивали также элем, свечами и топливом.

Дворцовое хозяйство находилось в ведении гофмаршала, но все остальные дела двора вершил лорд-гофмейстер граф Суссекский. Он контролировал весь штат — от капитана стражи до крысолова, принимал петиции на королевское имя, ведал приемом послов, устройством шествий и празднеств. По его приказу за несколько месяцев до возвращения Рэли в Лондон был сооружен временный банкетный зал, который напоминал шатер: между столбами была натянута раскрашенная парусина. Места для гостей располагались ярусами, с потолка свисали гирлянды листьев, в которых порхали и пели птицы. Он стоял неподалеку от дворцовых ворот и фасадом выходил на улицу.

Через дорогу было ристалище. Специально для увеселения «лягушонка» на ристалище приводили медведей и мастифов из балагана, расположенного за рекой, где по средам и воскресеньям устраивалась травля, собиравшая уйму народа. У медведя зубы были затуплены; когда первый из мастифов уставал, на зверя напускали следующего. Искусство балаганщика заключалось в том, чтобы доставить удовольствие аудитории борьбой не на жизнь, а на смерть и успеть вовремя разнять животных, орудуя железными прутами, дабы иметь возможность повторить представление.

Королева наблюдала эти зрелища с галереи, куда она переходила через мостик над Гольбейнскими воротами.

Справа от Гольбейнских ворот располагались спортивные площадки дворца: главный крытый теннисный корт, похожий на готическую часовню,— он стоял там, где сейчас находится казначейство, еще один крытый теннисный корт и два открытых, аллеи для игры в шары, площадка для бадминтона и арена для петушиных боев. Позади расстилался Сент-Джеймский парк с искусственным озером. В те времена в парке водились олени.

Слева от Гольбейнских ворот был королевский сад, где на раскрашенных постаментах стояли скульптурные изображения животных и бил фонтан. В саду были сооружены солнечные часы.

Владычица этого дворца была высокого роста и плотного телосложения. Как отмечали современники, «каждое ее движение было исполнено королевского величия. У нее было привлекательное, несколько продолговатое бледное лицо, с живыми и приятными, но близорукими глазами. Настоящий цвет волос — рыжевато-золотистый. Особенно красивы были руки, которые она ста-

ралась выставлять напоказ». Она хорошо играла на вёрджинеле[1] и на лютне, грациозно танцевала павану и гальярду (старинные бальные танцы), любила английские танцы, бегло говорила полатыни, на французском и итальянском, читала на греческом. Разговаривала отрывисто, была властной и не терпела, чтобы ей противоречили, прекрасно произносила публично речи. Была находчива и остроумна. Любила окружать себя выдающимися мужчинами, но держала их в повиновении, доверяла лишь собственному суждению, была чрезвычайно скупа, щедро награждала только своих фаворитов, но из чужого кармана. Ее любовные похождения шокировали католическую Европу.

Во дворце одно празднество сменялось другим. Как-то королева в присутствии всего двора сняла с пальца кольцо и надела его на палец герцога Анжуйского.

Время шло, а решающего события все не происходило. Бесплодно прождав три месяца, герцог покинул Англию. Елизавета, эта комедиантка на троне, прекрасно сыграла роль невесты, которой приходится разлучаться с любимым женихом. Она проводила герцога до Дувра и пролила немало слез, прощаясь с ним. Блестящей свите своих дворян во главе с графом Лейстером она приказала сопровождать герцога до Антверпена. В Нидерландах герцог Анжуйский принял управление Соединенными провинциями и стал называться герцогом Брабантским. Но его правление вызвало столь сильное недовольство голландцев, что он вынужден был покинуть страну и уехать во Францию. Герцог больше не пытался свататься к английской королеве. В 1584 г. он умер в Париже.

Рэли находился в свите графа Лейстера. Слухи о его близости с Елизаветой распространились уже за пределы Альбиона. Поэтому принц Оранский выбрал именно Рэли, а не кого-нибудь другого для конфиденциального разговора, во время которого попросил передать Елизавете, что голландцы уповают на ее защиту.

Благоволение Елизаветы к Рэли после его возвращения из Нидерландов еще более возросло. Однако она не дала ему того, что особенно польстило бы его самолюбию,— государственной должности, на который бы он мог найти применение своей энергии. Не в правилах Елизаветы было назначать своих фаворитов на высокие должности. Возможно, этому препятствовали Берли и Уолсингем, хотя вообще-то, как уже говорилось, она руководствовалась собственным чутьем при выборе министров.

Елизавета награждала своих фаворитов, но при этом королевская казна не страдала. Огромный урон несла страна, ибо королева обычно даровала своим любимцам исключительное право торговли прибыльными товарами. Она четырежды в разное вре-

---

[1] Вёрджинел — клавишный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

мя предоставляла Рэли монопольное право на экспорт сукна, а в 1584 г. передала ему «винное хозяйство»: Рэли выдавал лицензии на торговлю вином по всему королевству. В 1585 г. он получил важную должность правителя оловянных рудников Стэнериз (так назывался район добычи олова в Англии).

В 1587 г. Рэли стал капитаном королевской гвардии, сменив на этом посту впавшего в немилость королевского фаворита Кристофера Хеттона, что дало ему возможность постоянно находиться рядом с королевой и укрепило его позиции при дворе. Он не получал никакой платы: должность сама по себе считалась достаточной наградой. Гвардейцы, которых подбирали по внешним данным, носили красивую форму. Всем своим видом они должны были подчеркивать блеск королевского двора.

Одним из основных развлечений двора были турниры, во время которых придворные соревновались не только в силе оружия, но и в роскоши одежд. Предметом соперничества дворян были и ливреи лакеев, которые демонстрировали их, ожидая своих хозяев у входа во дворец.

В то время были весьма популярны представления и пышные процессии. Елизавета любила, путешествуя по стране, останавливаться в домах своих вельмож, и каждый из них изощрялся в изобретении все новых развлечений для королевы. Елизавете нравилось, когда придворные не жалели денег, чтобы доставить ей удовольствие. В 1583 г. она провела пять дней в имении Берли. Королева была в восторге от оказанного ей приема и сказала Берли, что «его голова и его кошелек способны на все».

Желая казаться величественной, Елизавета большое внимание уделяла одежде. В 1600 г. ее гардероб состоял из 1075 платьев и различных накидок, не считая коронационных нарядов и туалетов, которые она надевала при посещении парламента. Почти все ее платья были красочно расшиты, покрыты драгоценностями, отделаны серебряным и золотым шитьем и венецианскими кружевами. Она появлялась то во французском, то в итальянском платье, ежедневно меняя стиль своей одежды.

При дворе существовал обычай каждый Новый год подносить королеве подарки. Как правило, это были либо одежда, либо украшения. Некоторые придворные дарили ей даже расшитые шелковые нижние юбки и вышитые батистовые сорочки. В правление Елизаветы в Англию только начали ввозить батист. Он был в большой моде, из него изготовляли манжеты и воротники.

Последние носили как мужчины, так и женщины. В ширину такой воротник достигал четверти ярда, а для того, чтобы он стоял вокруг шеи, его либо сильно крахмалили, либо поддерживали специальным устройством из проволоки. Историк того времени Стоу писал, что «его считали первым красавцем и самым элегантным мужчиной, потому что у него был самый высокий воротник и самая длинная шпага». Соревнование в высоте воротников и длине шпаг зашло так далеко, что Елизавета в конце

концов должна была, как пишет тот же Стоу, «поставить особо доверенных граждан у городских ворот, дав им право обрезать воротники и обламывать шпаги, если воротники были шириной почти в ярд, а длина шпаги превышала ярд».

Женщины наряжались в огромные юбки с фижмами, поддерживавшиеся от талии плетением из прутьев. Чтобы конструкция была более прочной, использовали шерсть, волос и бечеву. Фижмы украшали драгоценностями и красивой отделкой. Воротники также были отделаны вышивкой, а иногда и золотым или серебряным кружевом. Один из современников писал: «Женщины стали искусственными, ненатуральными; это уже не женщины из плоти и крови, а куклы, набитые тряпьем и ветошью». И женщины, и мужчины красили лицо, некоторые носили серьги в ушах. Чрезвычайно популярны были духи, одним из предметов роскоши стали привозимые из-за границы надушенные перчатки.

Рэли, как и другие придворные, любил красивую одежду, драгоценности и не упускал случая показать себя во всей красе. Как уже говорилось, он был высок ростом и строен. У него был широкий лоб, красивый рот, густые темные волосы, белое, с румянцем лицо, которое со временем, под воздействием солнца и морского ветра, стало бронзовым. Он носил бороду клином и усы. Четко очерченные брови дугой придавали его решительному и твердому лицу скорбное выражение. До нас дошло несколько портретов Рэли, на каждом из которых он изображен в роскошных одеяниях, украшенных множеством драгоценностей. На одном из портретов он одет в серебряные доспехи, богато отделанные бриллиантами, рубинами и жемчугом.

Но утехи придворной жизни, страсть королевы не могли целиком поглотить Рэли. Его неиссякаемая энергия искала выхода. Рэли вкладывал деньги в различные предприятия, сулящие большие доходы. Одно из его тогдашних начинаний вошло в историю Англии.

В начале 80-х годов XVI в. Хамфри Гилберт решил снова попытаться отыскать северо-западный проход из Атлантического океана в Тихий, а также основать английскую колонию на Ньюфаундленде. Рэли полностью поддержал его. Гилберт послал «Белку», небольшой фрегат водоизмещением всего лишь восемь тонн, под командованием Саймона Фернандеса на обследование Атлантического побережья Северной Америки. Через три месяца Фернандес вернулся и доставил Гилберту сведения об Америке и ее обитателях. После этого Гилберт начал энергичную подготовку экспедиции. В 1582—1583 гг. он разработал обширный план колонизации Атлантического побережья Северной Америки к югу от 50° с. ш. Осуществить колонизацию Гилберт намеревался прежде всего с помощью малоимущего дворянства, католиков, жизнь которых в Англии была весьма сложной. Именно в этих слоях английского общества он искал потенциальных коло-

нистов. Гилберт стремился возбудить в людях алчность: за незначительную сумму, говорил он, мелкие дворяне смогут приобрести обширные земли и превратиться в феодальных лордов; на территории их гигантских латифундий с необыкновенной быстротой будут возникать все новые и новые города и усадьбы. Гилберт упоминал о крупных залежах золота и драгоценных камней в этом районе. Он утверждал, что в колонии можно будет наладить производство различного сырья, которое будет гораздо дешевле сырья, покупаемого за границей. Наконец, он указывал, что колония может стать новым рынком для экспорта английских товаров. Все это должно было привлечь крупных представителей английского делового мира, без средств которых колонии было бы трудно продержаться. Кроме того, Америка, по мысли Гилберта, должна была стать прибежищем тех, кто не вписывался во все ужесточавшуюся церковную систему Англии, в особенности дворян-католиков, которые остались верными Елизавете, несмотря на папское отлучение и происки Филиппа II.

Между июнем 1582 г. и февралем 1583 г. Гилберт распределил (на бумаге) среди будущих колонистов Новой Англии, в основном католиков, стремившихся поскорее приступить к эксплуатации «своих» участков, около 9 миллионов акров земли. Эти люди решили послать в 1582 г. за свой счет разведывательную экспедицию, за которой в начале 1583 г. должна была последовать большая колониальная экспедиция под командованием трех известных капитанов — Уильяма Стэнли, Ричарда Бингэма и Мартина Фробишера. Со своей стороны, Гилберт планировал на деньги, полученные от родственников и друзей, в 1582 г. продолжать разведку североамериканского побережья, а в 1583 г. послать крупную экспедицию для основания поселения, но уже без католиков. В соответствии с соглашением, достигнутым в конце 1582 г. с саутгемптонскими купцами, им гарантировалась монополия торговли с колонией в обмен на финансовую поддержку предприятия.

Большую помощь Гилберту в осуществлении его планов оказал Ричард Хэклют, опубликовавший книгу «Различные плавания, относящиеся к открытию Америки», которая привлекла внимание английского общества к предполагаемой колонизации Нового Света. Другим популяризатором колониальной экспедиции в Америку стал очень известный в то время астролог Джон Ди. Его дом посещали не только крупнейшие вельможи, коммерсанты, ученые и мореплаватели, но и сама королева. Ди, страстный поборник английской колонизации Америки, был убежден в существовании северо-западного прохода из Атлантического в Тихий океан.

Католики, намеревавшиеся ехать в Америку, получили предостережения от своих священников, а также от испанского посла. Их пугали, что если они уедут в Америку, то будут рассматриваться как дезертиры, бежавшие от борьбы за истинную веру

в Англии, а по прибытии в Америку им немедленно перережут горло испанцы. В результате ни одна из планировавшихся экспедиций не состоялась.

Гилберту трудно было раздобыть средства, и из-за этого его экспедиция из месяца в месяц откладывалась. Матросы начали поедать провиант, запасенный для путешествия. В феврале 1583 г. возникло новое препятствие. Королева не советовала Гилберту участвовать в экспедиции, ибо он «имел репутацию человека, которому в море не сопутствует удача», хотя и не запрещала этого делать. Когда же Елизавета узнала, что Гилберт все же решил плыть в Америку, то, стремясь показать ему свое расположение, передала через Рэли, что «желает удачи и безопасности его кораблям, как если бы сама была на борту одного из них».

Возможно, Рэли тоже хотел отправиться в путешествие, но королева не была склонна отпускать его. Он активно участвовал в приготовлениях к экспедиции: предоставил судно «Барк Рэли» (самый большой корабль из тех, что ушли в плавание) водоизмещением 200 тонн, под командованием М. Батлера, внес 2 тысячи фунтов стерлингов, что в период, когда благосклонность королевы только начинала приносить ему денежный доход, было для него значительной суммой. По плану Гилберта, Рэли должен был получить в Америке земли площадью 400 тысяч акров.

Экспедиция началась 11 июня 1583 г. Суда направились к Ньюфаундленду, предполагая далее плыть на юг вдоль американского берега. Однако 13 июня «Барк Рэли» вернулся в Плимут. Гилберт был взбешен дезертирством. Эдвард Хейз, который вел дневник во время плавания, пишет, что корабль вернулся из-за того, что среди матросов распространилось инфекционное заболевание. Но один из них, когда его несколько недель позднее допрашивал суд Адмиралтейства, признался, что Батлер повернул назад из-за нехватки продовольствия. Скорее всего так и было, поскольку бесконечные изменения сроков отплытия сделали запасы провианта совершенно недостаточными для столь длительного путешествия. В результате Рэли потерял долю в предприятии своего брата.

Гилберта в основном интересовало южное побережье Северной Америки, но он решил сохранить контроль и над Ньюфаундлендом, как ему предписывал королевский патент. В течение многих лет португальские, испанские, французские и английские моряки устраивали летом на берегах острова сушильни для трески. Существовала система арбитража и решения споров, возникавших между ними. Гилберт считал, что нанесет удар Испании, уничтожив испанские рыболовные суда и подчинив остров английской юрисдикции. Он предполагал также брать с рыбаков деньги, сдавая им участки земли. 5 августа 1583 г. он собрал рыбаков в гавани Сент-Джонс, объявил остров собственностью английской короны и потребовал уплаты ренты за пользование

сушильнями. Неделю Гилберт занимался поисками минералов и изучением местности. В результате он пришел к убеждению, что на острове можно создать колонию, но сделать это сейчас нельзя из-за нехватки людей. Гилберт вынужден был отправить в Англию корабль с больными матросами и сам покинул остров, не оставив гарнизона. 10 августа «Услада», «Золотая лань» и крошечная «Белка» направились к берегам Америки. Через восемь дней корабль «Услада» потерпел крушение. Экипажи остальных судов стали требовать возвращения домой. Гилберт не мог игнорировать настроение людей. К тому же продовольствие было на исходе, и 31 августа Гилберт приказал повернуть назад, не достигнув, хотя бы частично, ни одной из своих целей. Несмотря на сильный шторм, Гилберт оставался на борту «Белки». 9 сентября судно бесследно исчезло. Эдвард Хэйз, вернувшись в Англию на «Золотой лани», сообщил печальное известие Рэли. Первый значительный проект английской колонизации Северной Америки окончился неудачей.

Неудача Гилберта не обескуражила Рэли. Сначала он решил, объединившись с Адрианом Гилбертом, продолжать поиски северо-западного прохода, начатые Хамфри Гилбертом, но к февралю 1584 г. отказался от этой идеи. Адриан Гилберт получил королевский патент на поиски прохода, и капитан Джон Дэвис в 1585—1587 гг. совершил целую серию исследовательских плаваний. В ходе одного из них он достиг 73° с. ш., но прохода в Тихий океан не обнаружил. Рэли было известно об этом предприятии, и, возможно, он даже вложил в него некоторую сумму денег, поскольку в 1588 г. участвовал в подготовке новых экспедиций в этот район, правда так и не состоявшихся.

В конце 1583 г. и начале 1584 г. приемный сын Уолсингема Кристофер Карлейль и другие занимались подготовкой экспедиции в Северную Америку с целью основания там колоний, но не смогли спустить на воду ни одного судна до тех пор, пока Рэли не удалось получить новый королевский патент, по которому ему передавались права Гилберта по патенту 1578 г., за исключением монополии на рыболовство в водах Ньюфаундленда.

К этому времени Рэли окончательно решил, в какой части Америки намеревается создать английскую колонию. Адриана Гилберта интересовали северные берега, Джона Гилберта — Ньюфаундленд, Рэли же сосредоточил свое внимание на районах со средиземноморским климатом, расположенных к северу от испанских владений во Флориде. Эти места с прекрасными климатическими условиями задолго до описываемых событий были обнаружены французами. Они назвали эти земли Каролинскими в честь короля Карла IV. Французские гугеноты пытались основать там колонию, но на них напали испанцы, убившие 200 колонистов — мужчин, женщин и детей. Возможно, что Рэли узнал об этих местах в то время, когда участвовал в гражданской войне во Франции.

К тому времени, когда на патент была поставлена печать, приготовления уже шли полным ходом, поскольку 27 апреля 1584 г., всего лишь через месяц, два небольших судна отплыли из Плимута к берегам Америки. Ими командовали Филипп Амадас и Артур Бэрлоу. Они должны были исследовать место, где предполагалось основать колонию и провести подготовительную работу для организации поселений. Корабли достигли Вест-Индии 10 июня и, набрав воды и продовольствия, двинулись вдоль американского побережья на север. В середине июля англичане высадились на острове Хаттерас, который немедленно был объявлен собственностью королевы.

Вот как впоследствии описывал обнаруженную землю Бэрлоу: «Берег был низкий и песчаный. На острове, и на песчаном берегу, и на зеленых холмах, было обилие винограда... Мы поднялись на холмы, расположенные недалеко от берега, и осмотрели с них море, окружающее остров... Под холмом, на котором мы стояли, была долина. Мы выстрелили из аркебуза, и с мощных кедров, росших в долине, поднялось великое множество журавлей (в основном белых), их крики усиливало эхо, и казалось, что одновременно закричала целая армия».

На третий день англичане впервые встретили местных жителей. К острову подплыли на каноэ три индейца. Один из них вышел на берег и стал смотреть на английские корабли. За ним послали лодку. Индеец согласился, чтобы его отвезли на борт корабля. Он пытался объясняться знаками. Его накормили и напоили, подарили кое-что из одежды и отвезли обратно на берег, где он присоединился к своим товарищам, ловившим рыбу. Вскоре индеец доставил ответный подарок — целое каноэ рыбы, которую он разделил между экипажами судов.

Первая встреча была лишь прелюдией к более широким торговым операциям. Путешественников посетил Гранганимео, брат вождя острова Роаноук, который расположен между рифом и побережьем недалеко от залива Албемарл. Из разговора с ним они поняли, что весь район называется Вингандакоа, а центральное поселение племени расположено на расстоянии шести дней пути на каноэ. Горшки, сковороды и различные инструменты англичане обменивали на обработанные и необработанные шкуры и меха. За оружие индейцы предлагали жемчуг. Мясо, фрукты и овощи они приносили в качестве подарка. Бэрлоу упоминает о маисе — «местной пшенице», очень белой, мягкой и вкусной».

Немного позже путешественники отправились на Роаноук, где увидели небольшую деревню; она состояла из девяти домов, построенных из кедра. Поселение было окружено частоколом, призванным защитить жителей от врагов. Англичан приняли гостеприимно. «Трудно найти где-либо в мире более добрых и любвеобильных людей; по крайней мере мы таких ранее не встречали»,— писал Бэрлоу.

Экспедиция вернулась в Англию в сентябре. На борту находились индейцы Мантео и Ванчезе с острова Роаноук и образцы индейских изделий. Бэрлоу и Амадас сообщили, что открытая ими земля плодородна, богата птицей и рыбой и весьма пригодна для колонизации. Живущие там индейцы, по словам капитанов, немногочисленны, просты, добродушны, мужественны и дружелюбны.

Во время экспедиции Амадас и Бэрлоу объявили от имени английской королевы острова Хаттерас и Роаноук владениями Рэли. Последнему было важно узаконить свой новый титул. Рэли представил на рассмотрение парламента билль, подтверждавший его права на Вингандакоа. 13 и 18 декабря в палате общин проходили чтения билля, и в конце концов он был принят. Однако права Рэли в подборе колонистов и приобретении оборудования для его колонии несколько ограничивались. Запрещалось переправлять в колонию арестованных должников, замужних женщин, подмастерьев и лиц, находящихся под опекой. В палате лордов первое чтение билля состоялось 19 декабря, но после рождественских каникул его рассмотрение не было возобновлено. Рэли пришлось довольствоваться заверениями королевы. Она согласилась, чтобы новые земли были названы в ее честь Вирджинией (под этим названием в Англии в течение почти тридцати лет была известна бо́льшая часть Атлантического побережья Северной Америки). 6 января 1585 г. королева возвела Уолтера Рэли в рыцарское достоинство. Тогда он и заказал печать с изображением своего герба и надписью: «Лорд и губернатор Вирджинии».

Осенью 1584 г. и зимой 1585 г. Рэли занимался подготовкой к новой экспедиции и, возможно, намеревался сам возглавить ее. В сообщении испанского посла своему монарху от февраля 1585 г. говорилось, что королева удерживала своего любимца от этого, обещая, если он останется дома, оплатить его расходы на экспедицию. Правда, доказательств, что Рэли действительно хотел отправиться в плавание, нет. Он выполнял роль организатора, главной задачей которого было планирование предприятия, а также подготовка пополнения, как людского, так и материального, для чего ему нужно было оставаться в Англии.

Рэли, очевидно, не собирался создавать свою колонию по тому же типу, что и Гилберт. Нет упоминаний о его намерении даровать земли поселенцам. Он хотел, чтобы эти люди работали все вместе как наемные работники, под управлением того, кого он сам назначит. Возможно, поселенцам была обещана высокая плата за труд и определенная доля прибыли, но основные результаты их труда в Америке должны были принадлежать основателям этого колониального предприятия, давшим деньги на его осуществление. Таким образом, не было необходимости особенно пропагандировать колонизацию в печати, чтобы привлечь вкладчиков. Колонистов же предполагалось набрать из знакомых, под-

чиненных и слуг лиц, финансировавших предприятие, которых могла бы заинтересовать перспектива получить более доходное место.

Экспедиция вышла из Плимута 9 апреля 1585 г. во главе с Ричардом Гренвиллом и Ральфом Лейном. Флагманским судном был «Тигр». Его сопровождали четыре судна — «Косуля», «Лев», «Элизабет», «Дороти» — и две пиннасы.

Ни Гренвилл, ни Лейн не были в состоянии справиться со стоявшей перед ними сложной задачей. Гренвилл был смел, стремителен и алчен. Он научился у испанцев жестокости в отношении аборигенов, рассматривая их исключительно как объект грабежа. О его обращении с аборигенами можно судить по следующему отрывку из описания путешествия: «Судно с адмиралом на борту было послано за туземцем, который украл у нас серебряный кубок. Не получив этот кубок, мы сожгли их посевы и жилища. Население бежало». В Вирджинии, которой экспедиция достигла 26 июня, он ничего не сделал, чтобы помочь колонистам.

Гренвилл ухитрился поссориться с Лейном, и 15 августа, через семь недель, в течение которых он исследовал побережье, на «Тигре» покинул Роаноук и направился искать испанский «золотой флот». Но этот флот, состоявший из 33 судов, отплыл из Гаваны еще в июле, так что Гренвилл опоздал. Правда, один из кораблей, «Санта-Мария-де-Сан-Висенти», большое невооруженное торговое судно водоизмещением 300 тонн, плывшее из Сан-Доминго, несколько отстало. «Тигр» атаковал его недалеко от Бермудских островов. Испанцы сдались. Хозяину и пассажирам было велено отдать свои драгоценности и деньги. «Санта-Мария-де-Сан-Висенти» была нагружена золотом, серебром, жемчугом, сахаром, телячьими шкурами, имбирем, кошенилью общей стоимостью, по испанским данным, 120 тысяч дукатов. Гренвилл забрал все золото и драгоценности, половину других грузов переправил на «Тигр», а сам поплыл в Англию на борту захваченного испанского корабля. «Санта-Мария-де-Сан-Висенти» прибыл в Плимут 18 октября, через двенадцать дней после того, как «Тигр» бросил якорь в Фалмуте.

Рэли поспешил в Плимут, чтобы, во-первых, узнать новости о колонии и, во-вторых, определить ценность захваченных грузов. В Англии стали распространяться слухи, что стоимость груза оценивается чуть ли не в миллион дукатов. Через шесть недель Гренвилл заверил государственного секретаря Уолсингема, что каждый из вкладчиков предприятия получит свои деньги обратно «с некоторой прибылью», а истории о жемчуге, золоте и серебре, якобы находящихся на борту,— выдумки. Стоимость имбиря и сахара Гренвилл определил в 40—50 тысяч дукатов. Испанские данные на этот счет кажутся более достоверными. Видимо, как всегда в подобных случаях, Елизавета приказала молчать о действительных размерах награбленного, забрав его львиную долю себе (говорили, например, что королева взяла целый

ларец с жемчугом). В стоимость добычи следует включить цену «Санта-Мария-де-Сан-Висенти», других судов, захваченных в Вест-Индии, их грузов, а также товаров, полученных в результате торговли в Вест-Индии и привезенных из Вирджинии. Каков бы ни был окончательный итог, ясно одно: основание первой колонии не только ничего не стоило Рэли, но и принесло ему немалый доход.

А тем временем Ральф Лейн со 107 поселенцами приступил к созданию первой английской колонии на американской земле, ожидая новых поселенцев и пополнения запасов продовольствия, которые Гренвилл обещал доставить ранней весной следующего года.

Ральф Лейн подходил на роль основателя новой колонии ничуть не лучше, чем Гренвилл. Он поселился на острове Роаноук и соорудил крепость, которую назвал Порт-Фердинандо. Однако он не построил жилищ, не посеял пшеницу, не снабдил колонистов провизией, полагая, что индейцы обеспечат их всем необходимым. От Роаноука он был в восторге. «Это лучший остров под небесами, — писал он,— богатый разнообразными деревьями. Такого крупного винограда нет ни во Франции, ни в Испании, ни в Италии... Климат столь благоприятен, что со времени высадки на берег никто не заболел... Туземцы очень приветливы и обходительны». Однако Лейн был одержим лишь одной идеей — найти драгоценный металл. Он уверовал в рассказы индейцев, что где-то недалеко находилась страна, где так много какого-то мягкого светлого металла, то ли золота, то ли меди, что люди украшают дома большими плитами из этого металла. Но сколько Лейн ни пытался, он так и не смог обнаружить этой земли.

Пока Лейн занимался поисками сокровищ, колонисты, оставшиеся в крепости, сумели испортить отношения с местными жителями. Они начали обращаться с ними как с рабами, что вскоре вызвало возмущение индейцев. Убедившись, что «бог белых подвергает их испытаниям голода», они стали меньше бояться пришельцев. В конце концов индейцы, недовольные тяжелым трудом и плохим обращением, решили уничтожить англичан. Их план был прост: они договорились прежде всего прекратить доставку продовольствия колонистам, предвидя, что последние рассеются в поисках пищи и тогда их проще будет убить. И действительно, когда население перестало снабжать колонию продовольствием, Лейн был вынужден разделить колонистов на отдельные группы и поселить их в разных местах, однако англичане были все время начеку. Вскоре дело дошло до вооруженной борьбы, но, поскольку у колонистов было огнестрельное оружие, они одержали победу. Индейцы бежали, их вождь пал на поле боя. Это случилось 1 июня 1586 г.

Гренвилл так и не вернулся с обещанными запасами продовольствия, и колонистам пришлось бы туго, если бы не счастли-

вый случай. 8 июня Лейну сообщили, что замечен флот в составе 23 судов, правда, неизвестно какой — дружественный или вражеский. На следующий день выяснилось, что это английский флот под командованием Фрэнсиса Дрейка. Он возвращался с добычей из пиратской экспедиции в Вест-Индию и решил проведать первую английскую колонию в Америке. Дрейк нашел колонистов в крайне бедственном положении. Он предложил им на выбор: либо возвратиться вместе с ними в Англию, либо оставить им корабль с продовольствием и пару пиннас. Колонисты выбрали последнее. Дрейк нагрузил судно «Дрейк» продовольствием и послал к берегу. Но тут разразилась сильная буря, длившаяся три дня. Корабль погиб. Дрейк предложил колонистам другое судно. Но, напуганные плохим предзнаменованием, они не захотели больше оставаться в Америке и попросили взять их на корабли флотилии.

19 июня колония прекратила свое существование. В конце июля 1586 г. колонисты вернулись на родину.

Между тем к берегам Вирджинии прибыло судно с продовольствием и различными припасами, снаряженное Рэли, но, не найдя колонистов, его капитан приказал повернуть назад. Через три недели после этого на трех кораблях в Вирджинию прибыл наконец Ричард Гренвилл. Он пытался узнать о судьбе колонистов, но безуспешно. Место, где они жили, было опустошено. «Все было оставлено в таком беспорядке, как будто людей преследовала многочисленная армия. И без сомнения, так оно и было,— отмечается в хронике путешествия,— ибо рука божья покарала их за жестокости и преступления против туземных жителей».

Гренвиллу не хотелось «терять контроль над страной, которой англичане так долго владели», поэтому он оставил на Роаноуке пятнадцать человек, снабдил их продовольствием и отправился в Англию.

Итак, первая попытка Рэли основать колонию закончилась неудачей. Но это не заставило его отказаться от задуманного. Рэли нашел поддержку многих состоятельных людей, которые вложили деньги в его предприятие, будучи уверены, что колонизация Вирджинии сулит большие прибыли. Один из участников экспедиции, Томас Хэриот, написал письмо, в котором, подробно рассказав об истории создания колонии, утверждал, что сама идея колонизации «несправедливо оклеветана». Причины неудач он сводил в основном к личным недостаткам тех, кто участвовал в экспедиции. Одни, писал Хэриот, «не обнаружив золота и серебра, как они того ожидали, уже более ни о чем не заботились, кроме наполнения собственного желудка»; другие были «слишком непонятливы, неосмотрительны и болтливы», третьи, «не найдя больших городов, удобных домов, привычной еды и кроватей с пуховыми перинами, решили, что страна крайне убога, о чем и сообщали, вернувшись в Англию». Далее Хэриот пе-

речислял разнообразные растения, произрастающие в Вирджинии. Одно из них сразу приобрело широкую популярность в Англии. «Это трава,— писал Хэриот,— которую сеют отдельно, туземцы называют иппоуок, а испанцы табаком. Листья этой травы, высушенные и истолченные в порошек, индейцы закладывают в глиняные трубки, зажигают их и вдыхают дым... Во время своего пребывания в тех землях и по возвращении домой мы также пробовали курить эту траву. Мы проделали много редкостных и чудесных экспериментов, проверяя ее свойства. Их описание заняло бы целый том. Эту траву используют дамы и господа высокого звания, так же как и некоторые известные врачи».

Рэли весьма быстро усвоил этот новый вид роскоши. Вместо глиняных трубок он пользовался серебряными. Рассказывают, что однажды слуга, подававший Рэли эль, был настолько напуган, увидев его курящим, что, уронив посуду с напитком на пол, бросился вон, крича, что его хозяин горит. Неизвестно, познала ли Елизавета превозносимые достоинства табака, но утверждают, что Рэли часто курил в ее присутствии. Однажды она заметила шутливо, что как бы он ни был умен, а все же не может сказать, сколько весит дым, вылетающий из его трубки. Рэли заявил, что может это сделать, королева не поверила и предложила заключить пари. Рэли продемонстрировал свою находчивость, взвесил трубку до и после курения. Разница в весе, сказал он, и есть вес дыма. Королеве пришлось заплатить пари.

Рэли был уверен, что табак — не единственное, что можно получать из Вирджинии. В 1587 г. он снарядил новую экспедицию, руководить которой поручил Чарльзу Уайту. В Америку отправились три судна со 150 колонистами на борту, среди которых было семнадцать женщин и девять детей. Присутствие женщин вселяло надежду, что на этот раз предприятие будет более успешным, поскольку семейным мужчинам придется сначала построить жилища и создать условия для нормального существования, прежде чем они бросятся на поиски сокровищ.

Экспедиция отбыла из Плимута 8 мая 1587 г. Уайт искренне желал выполнить поставленную перед ним задачу, однако люди, которые отправились в путь вместе с ним, его не слушались. Уайту было поручено выяснить судьбу пятнадцати колонистов, оставленных Гренвиллом на Роаноуке. Их на острове не оказалось; Уайт обнаружил только скелет одного из англичан. Достигнув того места, где Лейн основал свой форт, он увидел, что укрепления уничтожены, но жилища оставлены нетронутыми и лишь «заросли дынями различных сортов, которыми питались лани». Путешественникам пришлось отказаться от мечты увидеть кого-либо из своих соотечественников живым.

Уайт был намерен в соответствии с инструкциями Рэли продвигаться на север, к Чесапикскому заливу, и обосноваться там. Однако командир флотилии Саймон Фернандес, который постоянно противоречил Уайту, отказался следовать куда-либо и вы-

садил колонистов на Роаноуке. Тогда Уайт приказал починить уже имевшиеся дома и построить новые. Он был заинтересован в восстановлении дружественных отношений с индейцами, но те продолжали относиться подозрительно к пришельцам. Наконец Уайту удалось переговорить с некоторыми из них; он узнал, что пятнадцать колонистов, оставленных Гренвиллом, были застигнуты врасплох и убиты. В отместку Уайт напал на индейцев и убил несколько человек. Это, естественно, не способствовало налаживанию дружественных отношений с островитянами.

18 августа Элинор Дейр, дочь Уайта, ставшая женой одного из колонистов, родила дочь, которую назвали Вирджинией. Суда, привезшие колонистов, стали готовиться к отплытию в Англию. Уайт хотел остаться, но колонисты уговорили его вернуться назад, с тем чтобы привезти дополнительные запасы продовольствия и всего необходимого. Поддавшись на их уговоры, Уайт отправился в Англию, куда и прибыл 5 ноября.

К этому времени интерес Рэли к колонии Вирджиния несколько ослабел. Возможно, в это время его занимали другие проблемы. Влияние Рэли при дворе сильно возросло, и он был поглощен придворными интригами. К тому же в Англии ожидали испанского вторжения. Но Уайту была небезразлична судьба колонии, где он оставил свою дочь. Как он сам писал, «ему приходилось множество раз обращаться к Рэли с настойчивыми просьбами послать в Вирджинию подкрепление и помощь». Все, что Уайту удалось добиться,— это разрешение вернуться в Вирджинию на судах, направлявшихся в Вест-Индию грабить испанские корабли. Капитаны судов отказались взять продовольствие для колонистов и согласились принять на борт лишь Уайта и его сундук. Уайт отплыл из Плимута 20 марта 1590 г. и прибыл в Вирджинию 17 августа. «Увидев пламя, полыхающее у берега,— писал Уайт,— мы подали сигнал, затрубив в трубу, а потом сыграли мелодии нескольких популярных английских песен». Но на берегу не было англичан, которых могли бы обрадовать эти звуки. Индейцы при приближении англичан бежали. Дома колонистов были опустошены. Однако Уайт не обнаружил признаков исключительно тяжелых условий, которые могли бы заставить колонистов отправиться в другое место. Внимание Уайта привлек ствол дерева, с которого была частично содрана кора. Присмотревшись, он увидел надпись «Кроатон». Видимо, колонисты, решил он, отправились на остров Кроатон. Уайт нашел пять тщательно спрятанных сундуков, которые тем не менее были обнаружены индейцами. В них в основном были вещи, совершенно ненужные островитянам, поэтому они их не взяли. Уайт хотел отправиться на Кроатон и попытаться разыскать колонистов, но капитаны судов, на которых он прибыл в Вирджинию, не захотели помочь ему, и он вынужден был вернуться в Англию.

Рэли более не снаряжал экспедиции в Вирджинию. Патент, полученный от королевы, он передал в 1589 г. группе коммер-

сантов, которые, однако, не воспользовались им. В 1602 г. патент попал в руки более энергичных людей, которые с 1606 г. начали колонизацию Вирджинии. Новые поселенцы узнали, что большинство людей, оставленных Уайтом, было убито, некоторым, правда, удалось спастись: они бежали на материк, где жили в мире и согласии с индейцами. Сообщали, что в живых осталось семь англичан — четверо мужчин, двое мальчиков и одна девочка,— но их никто никогда не видел.

Вторая половина 80-х годов XVI в. знаменовала собой быстрое нарастание враждебности в отношениях между Англией и Испанией. Дело явно шло к войне.

Филипп II, потеряв надежду убрать с английского престола Елизавету после провала заговоров против нее и казни Марии Стюарт в конце 1587 г., готовился к прямому нападению на Англию, создавая невиданный по размерам флот. Во всех портах Испании и Италии кипела работа: строились корабли, свозилось вооружение и продовольствие, сосредоточивались войска. В Англии упорно говорили о прибытии гигантской испанской эскадры уже летом 1587 г.

Елизавета, все время старавшаяся избежать военного конфликта с Испанией, под давлением «военной партии», которую возглавлял государственный секретарь Уолсингем, дала согласие на экспедицию Дрейка к берегам Испании. Дрейк, разгромив испанский флот в Кадисе в апреле 1587 г., сорвал нападение на Британские острова. Но всем — и в Испании, и в Англии — было ясно, что это лишь временная отсрочка.

Как ни увлечен был Рэли осуществлением планов английской колонизации Америки, он, понимая, что в англо-испанских отношениях наметился острейший кризис, со всем пылом включился в подготовку к войне с Испанией. В 1587 г. Рэли передал королеве построенный лишь за год до этого превосходный по своим мореходным и боевым качествам корабль «Ковчег Рэли», переименовав его в «Королевский ковчег». Этот корабль стал флагманским судном королевского военно-морского флота.

В ноябре 1587 г. Рэли был назначен членом военного совета, ответственного за подготовку к отражению возможного нападения испанского флота на Англию. Рэли отвечал за оборону побережья в районе Девоншира и полуострова Корнуолл, но его неукротимая энергия не знала границ. Он укреплял прибрежные города, расставлял наблюдательные посты, готовые дать сигнал о приближении врага, создавал местные вооруженные отряды. Так, он добился, чтобы жители Корнуолла выставили 5 тысяч солдат, дали 1,5 тысячи ядер, 700 лат, 2 тысячи алебард, 1,5 тысячи луков, 100 лошадей. Но ни сам Рэли, ни его солдаты в боях с испанцами практически не участвовали.

Испанский флот — «Непобедимая армада» — прошел мимо юго-западных берегов Англии, не высадив десанта. 23—27 июля произошло морское сражение в районе Портленда, а 28-го — у

Кале. Испанский флот понес поражение. Непрерывно преследуемый английскими кораблями, он прошел вдоль французских берегов, повернул на север к Шотландии, миновав которую взял курс к родным берегам.

Возвращение в Испанию было поистине ужасным. Люди были истощены до предела. Запасы продовольствия и воды кончались. Штормы и туманы разбросали корабли. Десятки судов разбились о скалы у шотландских и голландских берегов. В сентябре 1588 г., когда корабли бывшей «Непобедимой армады» начали прибывать в испанские порты, стали известны размеры потерь. Из 134 судов эскадры вернулось не более 50. Из 26 тысяч солдат и матросов погибло не менее 20 тысяч. Потери английского флота были незначительны. Не был потоплен ни один корабль, число убитых не превышало 100 человек.

Разгром «Непобедимой армады» вызвал большое оживление приватирства в Англии. Рэли, который уже несколько лет посылал свои суда в пиратские экспедиции, не замедлил присоединиться к намечавшемуся весьма крупному делу: готовилось нападение непосредственно на испанскую территорию. В середине сентября 1588 г. Фрэнсис Дрейк и Джон Норрис, прославленный солдат, ветеран войны против герцога Пармы в Нидерландах, передали королеве план операции по захвату Лиссабона. Рэли не только выделил для экспедиции один из своих кораблей, но и сам принял в ней участие.

Португальская экспедиция 1589 г. окончилась неудачей. Основная ее цель — захват Лиссабона — не была достигнута. Из 16 тысяч человек, отправившихся в экспедицию, в живых осталось 6 тысяч. Шесть судов было потеряно; правда, ни один королевский корабль не пострадал. Фактические расходы королевы составили 50 тысяч фунтов стерлингов вместо 20 тысяч. Для скупой Елизаветы это было большой неприятностью.

Хотя неудовольствие королевы по поводу провала экспедиции не сказалось прямо на Рэли, тем не менее при дворе почувствовали, что небо над ним стало не таким уж безоблачным. Уже тот факт, что Елизавета отпустила его в плавание, чему раньше решительно препятствовала, свидетельствовал о том, что королевская милость как будто бы начала ослабевать. В августе 1589 г. Рэли уехал в Ирландию, что тоже было показательно. Раньше он ни на один день не покидал королевского двора.

Правда, официально было объявлено, что поездка Рэли вызвана необходимостью посетить его ирландские имения. Но среди придворных распространялись слухи, что любовь королевы к Рэли ослабела. В ее стареющее, но все еще страстное сердце все основательнее входил новый фаворит — граф Роберт Эссекс, которому в то время шел двадцать первый год. Он был красив и атлетически сложен. Роберт был сыном Леттис Ноллис, на которой граф Лейстер женился в 1569 г. Одной из его двоюродных бабушек была Анна Болейн, мать Елизаветы I. Таким образом,

Эссекс являлся пасынком могущественного фаворита королевы графа Лейстера, любовь к которому она сохранила до самой его смерти в 1588 г., и одновременно двоюродным племянником Елизаветы. Влияние Эссекса при дворе усиливалось столь стремительно, что один из его друзей, Фрэнсис Аллен, написал в августе 1589 г. своему брату: «Мой лорд Эссекс изгнал Рэли из Лондона и заточил в Ирландии».

Это, конечно, было большим преувеличением. Место Рэли в любвеобильном сердце «королевы-девственницы» было еще достаточно прочным. Вернувшись на следующий год в Лондон, Рэли опять ощутил королевскую благосклонность. Правда, этому помог Эссекс. В начале 1590 г. он тайно женился на дочери Уолсингема — Фрэнсис. Елизавета узнала об этом лишь осенью, когда беременность Фрэнсис стала для всех очевидной. Она была взбешена. Никому из своих любовников, кроме Лейстера, королева не прощала подобного «предательства».

Вернувшись ко двору, Рэли со свойственной ему энергией начал готовить экспедицию для захвата испанского «золотого флота». Как уже говорилось, разгром «Непобедимой армады» сильно воодушевил английских приватиров. Никогда до этого их операции не осуществлялись в столь широких масштабах. За лето 1590 г. было захвачено 90 испанских судов, то есть по одному судну в день.

В январе 1591 г. королева назначила Рэли вице-адмиралом в эскадру из 20 кораблей, которой командовал лорд Томас Хоуард. Эскадра должна была перехватить «золотой флот» у Азорских островов. Однако неожиданно Елизавета отменила свое решение о назначении Рэли, приказав ему остаться в Лондоне. Его место в эскадре занял Ричард Гренвилл. Но Рэли продолжал принимать самое активное участие в подготовке экспедиции, в частности передал свой корабль «Барк Рэли» и снарядил вице-адмиральское судно «Месть».

Весной 1591 г. эскадра покинула Плимут. Более шести месяцев английские корабли крейсировали у Азорских островов, но испанского флота все не было. В конце августа, когда эскадра находилась у Флориша, самого западного острова этой группы, англичане узнали о приближении большого испанского флота. Но испанские суда шли не с запада, откуда их ждали, а с востока.

Для того чтобы понять все то, что произошло дальше, надо вернуться на три года назад.

Разгром «Непобедимой армады» был тяжелым ударом для Испании, но не сломил ее мощи. Война с Англией была для Филиппа II хорошим уроком, она заставила его модернизировать флот. Испанский флот получил маневренные, быстроходные и хорошо вооруженные суда. Их конструкцию разработал Педро Менендес Маркес, сын знаменитого испанского адмирала, создателя конвоев для сопровождения «золотого флота». Педро Менендес предложил новый тип судна, сочетавший в себе свойства

галеры и фрегата. Корабль был вытянут по килю. Англичане не знали, что Филипп приказал не отправлять из Вест-Индии суда «золотого флота» до спуска на воду новых боевых кораблей. 12 судов нового типа, называвшиеся «12 апостолами», были построены с молниеносной быстротой и уже летом 1591 г. включены в эскадру, направлявшуюся на встречу с английскими кораблями у Азорских островов. Эскадрой командовал дон Алонзо де Базан. В нее входило 20 судов, команда которых составляла 7 тысяч человек. Именно о приближении этой эскадры узнали Хоуард и Гренвилл.

Приход испанской эскадры застал англичан врасплох. Дело в том, что в XVI в. суда после полугодового плавания обычно требовали ремонта: необходимо было проконопатить щели в деревянной обшивке судна, сменить балласт. Этим-то и занимались англичане у небольшого острова Флориш. К тому же многие из моряков были больны и находились на берегу.

Получив известие о подходе испанской эскадры, Хоуард приказал кораблям выйти в открытый океан. Все корабли, кроме «Мести», покинули Флориш. Гренвилл считал бегство позором и решил сражаться. Бой «Мести» с испанской эскадрой вошел в историю британского флота. Первым, кто написал об этом, был Рэли. В конце 1591 г. он анонимно опубликовал «Правдивый рассказ о сражении у Азорских островов летом этого года». Имя автора впервые было упомянуто в издании 1599 г. Рэли, используя сообщения очевидцев, написал его столь ярко, драматично и документально точно, что он стал эталоном военной журналистики. Этот небольшой по объему рассказ выдвинул Рэли в число первых стилистов елизаветинского времени (как поэт Рэли к тому времени был уже широко известен).

Результатом неравного боя явились гибель Гренвилла и захват «Мести» испанцами.

И в Англии, и в Испании сражение у Азорских островов бурно обсуждалось. Мнения разделились. В Англии одни ругали Хоуарда за то, что он бросил Гренвилла, другие осуждали Гренвилла, затеявшего сражение с испанским флотом, в результате которого впервые за многие годы испанцам удалось захватить английское судно, и хвалили Хоуарда за его благоразумие, спасшее эскадру. В Испании одни превозносили де Базана за захват английского корабля, другие ругали его за то, что он упустил возможность и не разгромил всю английскую эскадру.

Так или иначе, но сражение у Азорских островов обострило англо-испанские отношения. Филипп II, понимая, что его корабли не будут в безопасности, пока английский флот свободно плавает в морях и океанах, начал готовить новое нападение непосредственно на Альбион. Советники Елизаветы настаивали на новых ударах по Испании и ее заморским владениям, чтобы пиренейская монархия постоянно чувствовала себя обороняющейся стороной.

1592 год начался для Рэли весьма счастливо. Елизавета благоволила к нему. В качестве новогоднего подарка он получил от нее в пользование на 99 лет великолепный Шерборнский замок в Дорсетшире вместе с богатым имением. В это время Рэли сделался как бы олицетворением борьбы с Испанией. Ведь Дрейк был в опале, а Лейстер и Уолсингем умерли.

Когда в Лондоне распространились слухи, что Филипп готовит новую армаду для нападения на Англию, Рэли предложил план нападения на Панаму на приватирских основах. 28 февраля 1592 г. королева уполномочила Рэли организовать экспедицию, разрешив ему действовать «на море и на суше, на континентах и на островах», захватывать все корабли, которые он пожелает.

Елизавета передала экспедиции два корабля и 1,8 тысячи фунтов стерлингов, купцы лондонского Сити — 6 тысяч фунтов стерлингов, герцог Камберлендский — шесть кораблей и 19 тысяч фунтов стерлингов, Рэли — судно «Косуля».

Эскадра из 15 судов была готова к плаванию, но выход в море откладывался с недели на неделю. Наконец 6 мая суда вышли в плавание.

Но уже на следующий день эскадру догнала пиннаса, принадлежавшая первому лорду Адмиралтейства. Находившийся на ней Мартин Фробишер передал Рэли приказ королевы вернуться в Лондон. Опять Елизавета не дала своему фавориту показать себя в качестве адмирала эскадры. Чем это объяснялось? Только ли тем, что она желала держать его постоянно при себе? Вряд ли. По всей вероятности, Рэли заранее договорился с королевой об этом. Свидетельством тому является письмо Рэли к секретарю королевы Роберту Сеслу от 10 марта 1592 г. из Чатема о подготовке экспедиции, в котором он, в частности, сообщает: «Я обещал ее величеству, что, если смогу договориться с сэром Мартином Фробишером, обязательно вернусь... для этой цели лорд-адмирал пришлет за мной пиннасу».

Надо сказать, что Рэли, хотя он немало плавал и имел репутацию хорошего моряка, не любил морских путешествий. Даже Темзу он предпочитал переходить по мосту, а не переплывать в лодке.

Но Рэли не сразу оставил эскадру. Видимо, об этом он тоже договорился с королевой. Поскольку экспедиция сильно задержалась с выходом в море, плыть к Панаме было уже поздно. Поэтому Рэли разделил эскадру на две. Командование одной он поручил Мартину Фробишеру, а другой — Джону Бороу, капитану «Косули». Фробишер повел суда к испанским берегам, а Бороу — к Азорским островам. 11 мая Рэли вернулся в Англию. Здесь его ждал страшный удар.

Дело в том, что Рэли, известный своим презрительным отношением к придворным дамам, неожиданно влюбился в одну из фрейлин королевы — Элизабет Трокмортон. В ноябре 1591 г. он

женился на ней, а в марте следующего года Элизабет в отсутствие Рэли (он тогда готовил морскую экспедицию) родила сына, названного при крещении, состоявшемся в начале апреля, Дэмери. Крестным отцом ребенка был Роберт Эссекс, бывший фаворит королевы. Он не подвел Рэли: ничего не сообщил королеве об этом «ужасном» деле.

Королева была в полном неведении. После родов Элизабет, сдав малютку на руки кормилице, как ни в чем не бывало вернулась к своим обязанностям при дворе.

После возвращения Рэли из плавания супруги поселились в его лондонском дворце. Май и июнь прошли спокойно, королева не выказывала недовольства. И вдруг в самом конце июня сначала Уолтер, а потом и Элизабет были арестованы и заключены в Тауэр. Им не было предъявлено никакого обвинения, не велось никакого следствия.

Рэли в тюрьме имел слуг, помещавшихся в соседних комнатах, его посещали друзья, он вел свои дела через представителей, мог свободно переписываться. Но столь катастрофическое изменение его жизни, конечно, сильно подействовало на Рэли. Его тогдашние мрачное настроение и озлобленность нашли проявление в стихах, написанных в тюрьме.

И вдруг новый, неожиданный поворот в жизни Рэли. 15 сентября 1592 г. он был выпущен из Тауэра. Королева повелевала ему немедленно отправиться в Дортмут. Но формально Рэли оставался заключенным, и его конвоировал некий Блоунт.

Что же произошло?

Бороу, которому Рэли приказал плыть к Азорским островам, удалось захватить после почти суточного боя громадный португальский корабль «Мадре де Диос», водоизмещением 1500 тонн, шедший из Ост-Индии с очень ценным грузом: драгоценными камнями, золотом, шелком, специями. Такой добычи никому из англичан еще не доставалось. 8 сентября корабль, сопровождаемый «Косулей», подошел к Дортмуту.

Известие о захваченных богатствах вызвало невиданный ажиотаж не только в городах Западной Англии, но и в Лондоне. Поползли слухи, что матросы Бороу растаскивают богатства. Вельможные «вкладчики» в «предприятие Рэли», да и сама Елизавета, были сильно обеспокоены. Королеву убеждали, что лишь один Рэли может навести порядок на кораблях, прекратить воровство.

Это-то и вызволило Рэли из тюрьмы. Елизавета уполномочивала его вместе с Фрэнсисом Дрейком, Робертом Сеслом (сыном лорда Берли) и Ричардом Хокинсом (сыном Джона Хокинса) проверить положение дел на месте, определить ценность захваченного груза и дивиденды «вкладчиков».

Уполномоченным, конечно, сразу же стало ясно, что хищения были, но они сочли за благо закрыть дело и не преследовать виновных матросов. Королеве было сообщено, что установить исти-

ну не удалось, поскольку «получить от матросов сведения, приводя их к присяге,— значит нанести оскорбление богу». Общая стоимость захваченного груза, говорилось в послании, оценивается в 150 тысяч фунтов стерлингов. Королева получит 90 тысяч на вложенные 3 тысячи фунтов стерлингов. Елизавету приятно удивил невиданно большой размер дивиденда, и она не стала допытываться о первоначальной стоимости груза. С большим барышом оказались и другие «вкладчики». Так, лорд Берли получил прибыль в 2 тысячи фунтов стерлингов, а герцог Камберлендский — в 17 тысяч.

Работа уполномоченных была закончена за неделю, после чего Рэли был возвращен в Тауэр. Наконец 13 декабря 1592 г. супруги Рэли получили свободу. Почти весь следующий год они прожили в замке Шерборн в Дорсетшире. Здесь в октябре 1593 г. у Рэли родился второй сын — Уот.

НА ПОИСКИ «ЭЛЬДОРАДО»

Уединенная жизнь сельского помещика не могла удовлетворить такого человека, как Рэли. В тиши Шерборна его не оставляла мысль о возвращении к активной деятельности, о завоевании благосклонности королевы.

Обдумывая возможные пути для нового взлета, Рэли вспомнил рассказ испанца дона Сармиенто де Гамбоа, взятого им в плен в 1586 г., о сказочной стране Эльдорадо, расположенной в бассейне реки Ориноко.

Дон Сармиенто говорил, что испанцы ищут эту страну уже несколько десятков лет, твердо веря в ее существование. Захватив Южную Америку, испанцы не смогли освоить этот громадный материк. Особенно слабо изучены были районы непроходимых джунглей бассейнов рек Ориноко и Амазонки. Конкистадоры полагали, что именно там могла существовать еще одна страна, может быть даже более богатая, чем разграбленные империи Монтесумы и Атауальпы, тем более что от жителей Гвианы, как испанцы называли тогда бассейн реки Ориноко, они слышали о некоем городе Маноа, находившемся где-то в глубине джунглей.

Дон Сармиенто ссылался на свидетельство испанца Хуана Мартинеса, который перед смертью сообщил ему, что побывал в Маноа. Произошло это, по его словам, во время экспедиции Диего Ортаса по реке Ориноко. Мартинес отвечал за все снаряжение. Экспедиция достигла того места, где в Ориноко впадает Карони, и двинулась дальше в глубь джунглей уже по этой реке, надеясь подойти к Маноа. Но оказалось, что порох на исходе и продолжать экспедицию невозможно. Испанцы повернули назад, а Мартинес в наказание был отправлен по реке в каноэ без оружия и продовольствия. Несколько дней он плыл по Карони, потерял надежду на спасение. На его счастье, он встретил ин-

дейцев, которые никогда до него не видели белого человека. Взяв Мартинеса с собой, они углубились в джунгли. Переходя от одного селения к другому, индейцы дошли до границ страны, которую они называли Маноа. В этом месте Мартинесу завязали глаза и в течение двух недель не снимали повязку. Когда же она была снята, Мартинес увидел перед собой ворота чудесного и очень большого города. Мартинес шел по нему всю ночь, весь следующий день, еще одну ночь и день с рассвета до захода солнца, пока не достиг дворца императора. Рассказы индейцев о золотом человеке, хозяине Маноа, оказались правдой: император с ног до головы был покрыт золотом. Мартинес объяснил, что императора после купания в терпентиновой ванне покрывали золотым порошком, который наносили на его тело через полые тростниковые трубочки [2]. Золотым порошком, по словам Мартинеса, покрывались тела всех придворных, собиравшихся на празднества в императорском дворце. Император пользовался лишь изделиями из драгоценных металлов. Вся посуда, даже горшки и кастрюли на кухне, была либо золотой, либо серебряной. Сундуки и тазы были также сделаны из золота или серебра. У императора был сад, в котором из золота или серебра в натуральную величину были воспроизведены все виды флоры и фауны его страны — цветы и деревья, рыбы, звери и птицы.

Когда настало время покинуть страну, император подарил Мартинесу несколько драгоценных изделий, чтобы тот по возвращении к своим мог доказать пребывание в стране, представлявшейся до тех пор сказочной. Но обратное путешествие было несчастливым: Мартинеса поймали индейцы, которые отобрали у него все драгоценные дары, оставив лишь «две большие бутыли из тыквы, наполненные золотыми, удивительно выделанными бусинками».

Дон Сармиенто поведал Рэли историю другого испанца, убежденного в существовании Эльдорадо,— дона Антонио де Беррео, который в 1580 г. прибыл в Южную Америку, чтобы проверить положение дел в тамошних владениях своей жены. Услышав рассказы о сказочно богатой стране в джунглях Гвианы, он организовал три экспедиции, истратив, по его словам, более 300 тысяч дукатов. Он полагал, что Маноа находится на возвышенном плато у реки Карони. Дон Антонио прошел 1,5 тысячи миль, но так и не нашел сказочной страны. Однако неудачи не остановили его: на острове Тринидад, расположенном недалеко от устья Ориноко, он создал базу, откуда совершал экспедиции в глубь джунглей.

«Эльдорадо» — вот что приведет к новым успехам, к возрождению, решил Рэли и со всей присущей ему энергией отдался под-

---

[2] Отсюда испанское название легендарного императора — El Dorado, что значит позлащенный. В дальнейшем эта мифическая страна также стала называться «Эльдорадо».

готовке экспедиции в Гвиану. Теперь леди Рэли очень редко видела своего мужа. Бóльшую часть времени он проводил в Лондоне, где страстно пропагандировал свой проект. «Вкладчиком» в задуманное предприятие стал сэр Роберт Сесл, свою долю внес и лорд-адмирал Хоуард, предоставив в распоряжение экспедиции корабль «Львенок».

Однако при подготовке к экспедиции Рэли встретился с немалыми трудностями. В Англии опять ждали нападения испанского флота. В августе 1594 г. Рэли побывал на кораблях, которыми командовал Хоуард. Британская эскадра крейсировала вдоль юго-западных берегов Англии, поджидая врага. Однако нападение не состоялось, и Рэли вернулся к своим делам.

Он получил свежие сведения о положении в Гвиане. Один из британских капитанов, Джордж Попхэм, захватил испанский корабль, шедший из Вест-Индии в Испанию. В одном из писем, обнаруженных на судне, говорилось, что 23 апреля 1593 г. дон Антонио де Беррео, являвшийся губернатором острова Тринидад, послал экспедицию под командованием Доминика де Веги в район Ориноко для объявления этой земли его собственностью.

Рэли немедленно отправил капитана Якоба Уиддона на разведку в бассейн Ориноко. Уиддон обнаружил, что дон Антонио тщательно охраняет дельту Ориноко. Тем не менее испанец встретил англичан приветливо, снабдил их питьевой водой и продовольствием. Но одновременно подговорил индейцев организовать на них засаду на берегу. Когда англичане начали высаживаться, индейцы напали на них и убили восемь человек. Уиддон приказал немедленно поднять якорь и плыть назад в Англию.

Разведывательный рейс Уиддона не был напрасным. Он привез с собой в Лондон одного индейца — жителя тех мест, в преданности которого был уверен. Уиддон надеялся научить его английскому языку и использовать как переводчика в предстоявшей экспедиции. От этого индейца англичане получили много важных сведений. Прежде всего они узнали, что большинство жителей острова Тринидад и материка смертельно ненавидят испанцев и будут оказывать всяческую помощь англичанам, в том числе и в поисках страны Эльдорадо.

В декабре 1594 г. Рэли получил королевский патент. На этот раз его не называли «преданнейшим» и «любимейшим», как в документе, предоставлявшем ему право колонизации Вирджинии десять лет назад. Рэли теперь был назван просто «нашим слугой», которому разрешалось брать во владение любые территории, которыми еще не владели христианские монархи, «досаждать» королю Испании и его подданным всеми средствами, имевшимися в его распоряжении. Он мог также захватывать любое испанское торговое судно, появившееся в тех местах, которые он считал своими владениями. Но на этот раз, кроме патента, королева ничего не дала Рэли: ни дружеских наставлений, ни добрых пожеланий, ни кораблей, ни оружия, ни денег.

Но экспедиция сама по себе заинтересовала многих в Англии. В ней выразили желание участвовать и знаменитые пираты, такие, как Амьяс Престон и Джордж Сомерс, и представители дворянства, прежде всего девонширского, такие, как Джон Гилберт (сын Хамфри Гилберта), Джон Гренвилл (сын Ричарда Гренвилла), один из двоюродных братьев Рэли — Батшед Георгс. Джордж Попхэм и сэр Роберт Дадли (сын графа Лейстера) обещали присоединиться к экспедиции, когда Рэли достигнет Тринидада.

6 февраля 1595 г. корабли покинули Плимут. 17 февраля экспедиция подошла к Канарским островам, потеряв по дороге связь с «Львенком» и небольшой галерой, которой командовал старый приятель Рэли Лоуренс Киймис. Рэли ждал их неделю, но они не появлялись. Не пришли, как обещали, Престон с Сомерсом (Рэли встретился с ними лишь 13 июля на Кубе, когда возвращался в Англию).

22 марта Рэли достиг Тринидада, но ни Дадли, ни Попхэма он там не встретил. Рэли узнал, что они были здесь десятью днями ранее и уже покинули остров.

Рэли приказал всем судам плыть к Порт-оф-Спейну, а сам на шлюпке отправился вокруг острова. Идя у самых его берегов, он тщательно изучал все бухты и наносил их на карту. Достигнув Порт-оф-Спейна, Рэли присоединился к экспедиции.

От двух местных жителей, приплывших к кораблям на каноэ, англичане узнали о численности испанского гарнизона в Порт-оф-Спейне и о местонахождении Антонио де Беррео. Индейцы рассказали, что дон Антонио под страхом смертной казни запретил торговлю с англичанами.

Оказалось, что испанский гарнизон очень малочислен, поэтому испанцы были заинтересованы в мирном сотрудничестве. Несколько солдат поднялись на борт английских судов. Они много лет не пили вина и, когда Рэли выставил перед ними вожделенный бочонок, набросились на спиртное столь яростно, что очень быстро сильно захмелели. Вино развязало языки: испанцы стали распространяться о Гвиане, о находящихся там сокровищах. А это и нужно было Рэли, который, к слову сказать, ненавидел пьянство и в своих поучениях сыну, написанных позднее, предупреждал его: «Вино превращает человека в скота, вредит здоровью, отравляет дыхание, нарушает естественную температуру тела, деформирует лицо и портит зубы».

Рэли решил на некоторое время остаться на острове. Он хотел, во-первых, убедить испанцев, что попал на Тринидад случайно, по дороге к своим владениям в Вирджинии и его совершенно не интересует Гвиана, но в то же время исподволь собрать о ней как можно больше сведений; во-вторых, отомстить за восьмерых англичан, которых испанцы убили год тому назад.

Рэли выполнил обе задачи. Он немало узнал о Гвиане и действиях Антонио де Беррео, а однажды вечером, когда предста-

вился подходящий случай, англичане перебили весь испанский гарнизон. Затем Рэли во главе своих солдат и матросов направился к новому городу Сан-Жозеф, построенному доном Антонио, где тот и жил. Англичане штурмом овладели городом и сожгли его. Де Беррео, а вместе с ним испанский капитан Хорге были захвачены в плен. Рэли освободил находившихся в городской тюрьме пятерых индейских вождей. Собрав всех вождей острова, Рэли обратился к ним через переводчика с речью, в которой заявил, что он слуга королевы, которая является великим вождем Севера и вождей, подчиненных ей, больше, чем деревьев в лесах Тринидада. Рэли показал вождям портрет Елизаветы, что вызвало, по его словам, восторг индейцев. Один из них сразу же вызвался показать англичанам наиболее удобный путь к дельте Ориноко.

Экспедиция направилась к берегам Гвианы. Испанцы были все время вместе с Рэли, который обходился с ними не как с пленниками, а скорее как с гостями. Вскоре между ним и де Беррео установились почти дружественные отношения. Рэли наконец открыл ему истинную цель своего плавания. Дон Антонио охотно рассказал Рэли все, что знал о Гвиане, а ведь в то время никто, пожалуй, лучше него не был знаком с этой страной. Маноа находится примерно в 600 милях от побережья. Англичане не смогут пройти по рекам на своих шлюпках и пиннасах, потому что реки слишком мелкие, со множеством отмелей, сказал дон Антонио. Даже его экспедиция, плывшая в каноэ, погружавшихся в воду лишь на фут, застревала каждый день. «В этой стране никто не придет вам на помощь и не заговорит с вами,— продолжал испанец.— Местные жители будут убегать от вас, и, если вы попытаетесь последовать за ними в их деревни, они сожгут их. Это очень долгий путь. Зима на носу. В таких маленьких лодках невозможно везти продовольствие и для половины экспедиции». Он также сказал Рэли, что вожди Гвианы запретили своим подданным продавать христианам золото, ибо это приведет население к гибели: христиане завоюют и поработят его.

Рэли, естественно, не особенно доверял дону Антонио, но, к его большому огорчению, оказалось, что тот в большинстве случаев был прав.

К этому времени два потерявшихся во время плавания к Тринидаду судна — «Львенок» и галера — догнали Рэли, и тот поручил им исследовать вход в реку Карони. Еще до этого Рэли посылал капитанов Джона Дугласа и Якоба Уиддона в сопровождении вождя с Тринидада проверить проходы в дельте Ориноко. Они вернулись с плохими вестями: «Имеется четыре больших входа, почти такой же ширины, как Темза у Вулвича, но вода там низкая, не более шести футов».

Проверили путь восточнее. Выяснилось, что и здесь невозможно выйти из Ориноко в Карони — слишком мелко. Когда Кинг, капитан «Львенка», попытался на одной из своих шлю-

пок поискать другой проток, сопровождавший его индеец предупредил, что берега реки населяют каннибалы, которые стреляют отравленными стрелами. Кинг поспешил убраться восвояси.

Таким образом, не оставалось ничего другого, как пересадить всех людей на небольшие лодки, что и было сделано. Сто англичан, захватив месячный запас продовольствия, двинулись на поиски Эльдорадо. И в наши дни немногие по доброй воле решаются плыть на утлых лодках в лабиринте болот оринокской дельты, под палящими лучами тропического солнца. «Я убежден, что в Англии нет тюрьмы, в которой люди чувствовали бы себя так отвратительно»,— писал Рэли в книге «Открытие Гвианы», изданной в Лондоне в 1596 г. Особенно трудно приходилось Рэли, которому в ту пору было уже за сорок лет.

Проводником был индеец, англичане назвали его Фердинандо. Он был захвачен вместе с его братом. Фердинандо оказался очень плохим помощником, так как плавал по Ориноко еще мальчиком, двенадцать лет назад, и с тех пор не бывал в этих местах. Экспедиция почти заблудилась в хитросплетениях протоков, выглядевших совершенно одинаково, лодки кружились вокруг островков в дельте Ориноко, высокий лес подходил к самым берегам, не давая никакой возможности ориентироваться. Наконец 22 мая 1595 г. англичане вошли в неизвестную реку, названную ими рекой Красного Креста. Здесь они встретили каноэ, в котором находились три индейца. Вскоре путешественники обнаружили, что в прибрежном лесу много индейцев, которые внимательно наблюдают за ними. Когда индейцы увидели, что пришельцы дружески встретили их соплеменников, они подошли к реке и стали предлагать англичанам различную еду. Фердинандо и его брат были посланы на берег. Но едва они ступили на землю, как индейцы схватили их и повели в свою деревню. Местный вождь приказал предать их смерти за то, что они привели сюда чужеземцев. Но Фердинандо и его брату удалось убежать и вплавь добраться до лодок англичан.

Рэли в отместку также захватил одного индейца и удерживал его в качестве заложника. Этот индеец, уже немолодой человек, отлично знал систему рек, и без него англичане не только не могли бы продолжить экспедицию, но и найти путь назад к своим кораблям.

Экспедиции приходилось преодолевать многочисленные трудности. Река была капризна: англичан то подхватывало сильным течением, то неожиданно бросало на отмель. Они не встречали селений, где бы могли пополнить запасы продовольствия. На четвертый день пути индеец, сопровождавший их, сказал Рэли, что если он на самых мелких лодках войдет в один из притоков главной реки, то очень скоро достигнет селения, где можно достать хлеб, кур, рыбу и вино. Рэли последовал его совету и, взяв с собой несколько человек, отправился к этому селению. По-

скольку до него, как утверждал индеец, было недалеко, Рэли не захватил с собой никакой еды.

Прошло три часа, а селения все не было. Индеец успокоил англичан, сказав, что оно уже совсем близко. Минуло еще три часа, солнце уже начало садиться, а селение не показывалось. «Когда наступила ночь,— писал в своей книге Рэли,— мы потребовали, чтобы индеец сказал, когда же мы подойдем к селению. Он ответил, что оно находится на расстоянии четырех выстрелов из лука. Мы прошли это расстояние и еще такое же, но не увидели никаких признаков селения. Люди, разочарованные и усталые, готовы были повесить заложника, ведь мы прошли уже почти сорок миль. Но в наших собственных интересах было сохранить ему жизнь: без него мы не могли бы найти ночью дорогу назад. Была кромешная тьма, река становилась все у́же, ветви деревьев на ее берегах сплелись между собой так тесно, что нам приходилось прорубать проход мечами. Нам очень хотелось найти это селение, потому что с самого раннего утра мы ничего не ели, а сейчас была ночь и нас терзал голод. Все больше и больше подозревая нашего проводника в измене, мы не знали, что делать: вернуться назад или идти дальше. Но бедный старый индеец продолжал уверять, что селение то вот за этим поворотом реки, то вот за тем. Наконец около часа ночи мы увидели огни, а вскоре услышали лай собак в деревне».

Как и обещал индеец, жители деревни оказались людьми весьма гостеприимными и снабдили англичан хлебом, курами, рыбой, вином. Утром путешественники отправились назад. Они были сыты и спокойны, а лодки наполнены продовольствием. Теперь англичане с большим удовольствием разглядывали развертывавшийся перед ними пейзаж. «Вид обоих берегов этой реки,— писал Рэли,— был прекраснее всего того, что когда-либо видели мои глаза». Но этот земной рай имел недостаток: река кишела крокодилами. На глазах у англичан один из них схватил и растерзал плывшего по реке индейского мальчика.

Наконец Рэли достиг места, где он оставил остальных членов экспедиции. Те уже не надеялись увидеть своих товарищей, поскольку Рэли обещал вернуться через несколько часов. Не мешкая англичане двинулись в путь.

На следующий день капитан Глиффорд увидел четыре каноэ и погнался за ними. Две лодки он догнал. В них англичане нашли прекрасно выпеченный хлеб. Две другие лодки причалили к берегу, и находившиеся в них люди, трое из которых были испанцы, скрылись в чаще леса. Англичане последовали за ними. Во время погони Рэли нашел корзинку, брошенную беглецами. В ней он обнаружил изделия из золота и серебра. Рэли немедленно объявил о награде в 500 фунтов за поимку бежавших испанцев. Захватить их не удалось, зато англичане поймали индейцев, сопровождавших испанцев. Один из них, которого после крещения испанцы назвали Мартином, стал проводником англий-

ской экспедиции, удалявшейся все дальше и дальше от побережья.

На пятнадцатый день плавания англичане увидели на юге горные цепи. Безмерная радость охватила их. Они полагали, что перед ними вожделенная страна «Эльдорадо».

Утром следующего дня к берегу реки подошел местный вождь по имени Топарасима. Его сопровождали 30 человек, которые несли фрукты, рыбу, хлеб и вино. Вождь пригласил англичан к себе в селение Аровокап, находившееся на расстоянии полутора миль от реки. Там англичане увидели двух других вождей. Они лежали в гамаках, а их жены подносили им вино.

Одна из них поразила Рэли. «Она была хорошо сложена,— писал он,— с черными глазами, роскошным телом, выразительнейшим лицом, с красиво заплетенными пышными волосами и, казалось, не испытывала ни малейшего трепета ни перед мужем, ни перед нами. Она была прелестна, сознавая собственное очарование и испытывая от этого гордость. Я нашел, что королева Англии столь похожа на нее, что их отличает лишь цвет кожи».

Топарасима дал Рэли опытного проводника, и на следующий день англичане поплыли дальше, подгоняемые попутным восточным ветром. Здесь, как утверждал Рэли, река достигала тридцати миль в ширину, и он видел острова, в два раза превышавшие по своим размерам остров Уайт. Берега реки были высокие, каменистые, скалы имели «голубой металлический цвет, подобный цвету лучшей стали».

Через день перед англичанами с севера открылась широкая равнина. Берега реки теперь были «совершенно красные». Равнина, как объяснил проводник-индеец, простирается на сотни миль, и на ней живут четыре главных индейских племени. Люди одного из них черны, как негры, курчавы. Они очень храбрые, даже скорее отчаянные люди, сказал проводник, и пользуются стрелами, пропитанными ядом.

Испанцы так и не смогли найти средства против действия этого яда. Рэли же индейцы сами открыли это средство, а также указали на способы лечения ряда болезней.

На пятый день плавания англичане достигли места, где в Ориноко впадает Карони. Там образовывалась как бы небольшая гавань, где Рэли обнаружил испанский якорь, который, как он предположил, был оставлен экспедицией, в которой участвовал легендарный Хуан Мартинес. Англичан приветствовал местный вождь по имени Топиавари, глубокий старик, которому, по определению Рэли, было сто десять лет. Несмотря на свой возраст, он в сопровождении соплеменников прошел 14 миль, чтобы встретиться с пришельцами. Топиавари предложил англичанам дичь, свинину, кур, рыбу, разнообразные фрукты, хлеб, вино.

Рэли пригласил вождя в свою палатку, поставленную на берегу, и предложил отдохнуть с дороги. Он объяснил Топиавари через переводчика, что пришел сюда, чтобы защитить его людей

от испанцев, освободить от их тирании. Это произвело нужное впечатление, ибо Топиавари немало претерпел от испанцев. Его племянник был убит ими, сам Топиавари был закован в кандалы и находился в заключении до тех пор, пока не дал выкуп — сто золотых пластин.

Рэли спросил вождя, что за люди живут за горами (Рэли полагал, что именно там находится Маноа). Топиавари отвечал, что живущие там люди очень сильны и многочисленны, они убили в битве его старшего сына. Их границы защищают три тысячи человек.

Топиавари не согласился остаться на ночь у англичан, сказав, что слишком стар и может умереть каждый день. В тот же день он вернулся в свою деревню, прошагав в оба конца 28 миль.

Находясь среди индейцев Ориноко, Рэли слышал немало удивительных рассказов. Ему говорили, что на берегах Карони живут люди, «у которых на плечах нет голов... Они зовутся эваипанома; рассказывают, что у них глаза на плечах и рты в середине груди и... длинные волосы растут сзади между плечами». В конце концов Рэли поверил этим рассказам, которые слышал повсюду. «Каждый ребенок,— писал он,— клялся, что это правда». Сын Топиавари, которого Рэли взял с собой в Англию, утверждал, что эваипанома самые сильные люди на земле. Их луки, стрелы и дротики в три раза больше, чем у остальных жителей Гвианы. Они увели в плен много сотен жителей его страны.

Впоследствии рассказы Рэли о путешествии по Гвиане глубоко поражали его соотечественников. Так, у Шекспира Отелло рассказывал Дездемоне «о людях, у которых плечи выше головы»[3], а в «Буре» Гонзало упоминает о людях «с головами на груди»[4].

Рэли слышал и об амазонках, живших якобы на юго-востоке на берегу великой реки, названной их именем. Это были жестокие и кровожадные женщины, наделенные огромной силой. Они имели мужчин-вождей, но жили отдельно от них. Лишь один месяц в году амазонки проводили с мужчинами. В случае рождения девочки амазонки оставляли ее у себя, мальчика же отправляли к мужчинам. Индейцы рассказывали еще, что амазонки владели несметными сокровищами.

Но «Эльдорадо» все заслоняла собой в сознании Рэли. Он еще и еще расспрашивал Топиавари об этой стране. Наконец Рэли прямо спросил вождя, смогут ли англичане завоевать ее. Топиавари и другой вождь, встреченный Рэли на реке Карони, считали, что это возможно, если англичане привлекут на свою сторону местные племена. Молодые сподвижники Рэли готовы были двинуться на завоевание горной империи, но сам он смотрел на вещи более реалистично: у них мало людей, на исходе порох и пули. Поэтому Рэли решил не рисковать сейчас, а вернуться сюда че-

---

[3] *У. Шекспир.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1960, с. 299.
[4] Там же, т. 8, с. 183.

рез год тщательно подготовившимся. Как видим, Рэли не был свойствен не знающий преград конкистадорский дух Писсаро и Кортеса.

Рэли еще некоторое время продолжал исследовать обнаруженные им места. «Я никогда не видел ни более прекрасной страны,— писал он впоследствии,— ни более приятных видов... Вечерами птицы, сидящие на каждом дереве, поют на тысячи голосов. На берегах рек, текущих в живописных долинах, множество журавлей и цапель, белых, лимонных и розовых. Воздух свеж от легкого восточного ветра. Каждый камешек, который мы подбирали, по своему виду обещал быть либо золотом, либо серебром... Капитан Уиддон и наш хирург Николас Миллчеп принесли мне камень, похожий на сапфир». И когда Рэли показал камни индейцам, те сказали, что могут отвести его к горе, состоящей из таких камней.

Рэли был вполне удовлетворен. Он, правда, не побывал в «Эльдорадо», но открыл страну, где «скрыто столько богатств, сколько нет нигде на земле», и мог возвращаться домой.

Два человека из экспедиции — Фрэнсис Сперроу и Хью Гудвин — выразили желание остаться у Топиавари. Они хотели получше познакомиться со страной, выучить местный язык, чтобы помочь Рэли при повторной экспедиции. Впоследствии Сперроу был схвачен испанцами, отправлен в Испанию и лишь в 1602 г. возвратился в Англию. Что касается Гудвина, мальчика-слуги Рэли, то последний встретил его в Гвиане через 22 года, во время своего второго плавания в Южную Америку. Гудвин едва мог сказать слово по-английски.

Топиавари отправил с Рэли в Англию своего единственного сына. Рэли вернулся на Тринидад. Но прежде чем покинуть Южную Америку, он напал на два испанских поселения на материке — Санта-Марию и Рио-де-ла-Ачу — и разграбил их. Рэли намеревался проведать «свою» колонию в Вирджинии, но неблагоприятные ветры, недовольство его людей, которые хотели скорее вернуться домой, не позволили ему это сделать. В конце августа 1595 г. экспедиция вернулась в Плимут.

Экспедиция в Гвиану не принесла славы Рэли. Многие не верили даже, что он вообще плавал в Южную Америку, а считали, что все это время он отсиживался на Корнуолле. Эксперты проверили привезенные им камни и заявили, что они не имеют никакой ценности. Но рассказы Рэли об удивительной стране Гвиане имели успех. Его книга «Путешествие в огромную, богатую и прекрасную империю Гвиана с великим и золотым городом Маноа», написанная в течение нескольких недель, стала очень популярной. В течение пяти лет появились голландское, два латинских и немецкое издания. В XVII в. книга многократно переиздавалась на английском, французском и голландском языках. Читателей зачаровывали эмоциональные высказывания Рэли о Гвиане, настойчиво твердившего, что англичане найдут в этой

стране «больше богатых и прекрасных городов, больше храмов, богато украшенных золотом, больше гробниц с несметными сокровищами, чем встретили Кортес в Мексике или Писсаро в Перу. Блистательная слава этого завоевания затмит все известные подвиги испанской нации».

Но рассказы о золоте — это не золото. Поэтому блестящее перо Рэли не тронуло сердца ни королевы, ни ее приближенных. Елизавета по-прежнему не подавала Рэли никаких знаков внимания.

Несмотря на это, Рэли не опустил руки. В январе 1596 г. он послал в Гвиану корабль «Баловень», капитаном которого был Кеймис. Кеймис, как и Рэли, был одержим идеей колонизации Гвианы и собирался посвятить ее осуществлению всю свою жизнь. В Гвиане Кеймис исследовал новый район, установил связи с коренными жителями, но практически ничего не добился. Более того, он узнал от местных жителей, что испанцы, напуганные плаванием Рэли, стали стремительно осваивать страну. Они построили поселение у Карони, с тем чтобы отрезать англичанам при их новом появлении путь к тем местам, где Рэли брал пробы руды.

После возвращения «Баловня» из плавания Рэли в декабре того же года отправил в Гвиану еще один корабль во главе с капитаном Леонардом Берри. Но и это плавание не принесло ничего нового. Надо было смириться с мыслью о том, что невозможно пока продолжать попытки колонизации «Эльдорадо». К тому же Рэли в это время увлекли иные дела, связанные с событиями, которые разворачивались в Европе.

ГРИМАСЫ ФОРТУНЫ

В последнем десятилетии XVI в. вражда между Англией и Испанией усилилась. Филипп II был полон желания взять реванш за уничтожение «Непобедимой армады».

Хитрая и изворотливая королева Елизавета старалась избежать прямого столкновения с мощной пиренейской монархией. В этом ее всячески поддерживал лорд Берли. Но прямолинейность наступательных действий Филиппа не оставляла Елизавете никакого другого пути, кроме военного. Испанские войска высадились в Бретани и захватили Брест. Елизавета двинула против испанцев сухопутную армию под командованием Джона Норриса и флот, которым командовал Мартин Фробишер. Фрэнсис Дрейк был оставлен защищать Англию в случае вторжения неприятеля. В течение ноября 1594 г. английские войска выбили испанцев из Бретани, но понесли при этом тяжелые потери. Погиб и Фробишер. Непосредственная угроза Англии была устранена.

В конце августа 1595 г. Елизавета послала сильную эскадру под командованием Фрэнсиса Дрейка и Джона Хокинса к бере-

там Америки с заданием уничтожать испанские корабли и захватить «золотой флот».

При английском дворе усилились позиции «военной партии». Граф Эссекс, возглавлявший эту партию, первый лорд Адмиралтейства Чарльз Хоуард, командующий английской армией в Нидерландах Фрэнсис Вер к началу 1596 г. разработали план нападения непосредственно на Испанию, а именно на Кадис.

Тем временем Филипп возобновил наступательные операции на севере Франции и осадил Кале. Англичане усмотрели в этом угрозу Британским островам. Эссекс настаивал на немедленной отправке войск на защиту города. В противном случае, говорил он, грохот испанских пушек может быть услышан в Гринвиче. Елизавета, как всегда, колебалась. Она направила запрос французскому королю Генриху, можно ли ей послать свои войска в Кале, однако 14 апреля 1596 г. испанские войска захватили город. Менее чем через две недели после этого в Плимут вернулась эскадра, посланная к берегам Америки, но без Дрейка и Хокинса, погибших во время плавания. Томас Баскервиль, приведший корабли, сообщил о неудаче экспедиции. В Ирландии началось новое восстание, активно поддерживавшееся Испанией.

Положение становилось весьма серьезным. Надо было спешить с нанесением контрудара. Елизавета наконец одобрила план нападения на Кадис с моря.

Рэли, находившийся в ту пору в весьма дружеских отношениях с графом Эссексом и государственным секретарем Сеслом, принял самое активное участие в подготовке экспедиции с присущей ему энергией и неукротимой страстностью. Апрель и май он провел в Лондоне и других городах на Темзе, собирая военные и транспортные суда, комплектуя их экипажи. К концу мая приготовления были закончены. 1 июня 1596 г. эскадра покинула Плимут и бросила якорь в Коусенд-Бее. Дул благоприятный северо-восточный ветер, и 3 июня корабли вышли в открытое море, взяв курс к берегам Испании.

В эскадру входило около 100 судов, их экипажи состояли из 1,5 тысячи матросов. На борту кораблей находилось до 8 тысяч солдат.

Командование экспедицией королева поручила графу Эссексу и лорду-адмиралу Чарльзу Хоуарду. Брат последнего — Томас — был назначен вице-адмиралом, а Рэли — контр-адмиралом. Рэли был введен в военный совет, состоявший из пяти человек. Эскадра была разделена на четыре отряда, которыми командовали Эссекс, Чарльз Хоуард, Томас Хоуард и Рэли. Флагманским кораблем отряда Рэли было новое двухпалубное сорокапушечное судно «Ярость». У Рэли появился шанс восстановить свое положение при дворе Елизаветы, и он твердо решил не упустить его.

Снаряжение столь многочисленной эскадры не могло остаться незамеченным. Филипп ждал удара, но не знал его направления. Сначала испанцы полагали, что английская эскадра идет к Лис-

сабону, что вызвало великую панику в городе. Но корабли прошли мимо. 15 июня англичане прошли мыс Сан-Висенти, и испанцам стало ясно, что цель экспедиции — нападение на Кадис. 18 июня отряд кораблей под командованием Рэли был остановлен у испанских берегов в районе между Кадисом и портом Санлукар-де-Баррамеда, расположенным к северу от Кадиса. Перед Рэли была поставлена задача уничтожать испанские суда, которые попытаются пробиться из Кадиса в Санлукар-де-Баррамеду.

Когда основные силы эскадры подходили к Кадису, со всей очевидностью проявились отрицательные стороны столь обычного для елизаветинского времени двойного командования. На военном совете первоначальный план, который предусматривал прямое нападение всех кораблей эскадры на испанские суда, находившиеся в гавани Кадиса, был заменен другим. В соответствии с ним Эссекс должен был атаковать город, а Чарльз Хоуард либо напасть на испанский флот в гавани, либо просто блокировать выходы из нее в открытое море, не давая испанцам вывести свои корабли из-под удара англичан. На следующий день и этот план был изменен. Теперь было решено, что Эссекс нанесет удар по городу со стороны Санта-Каталины, а Хоуард будет его прикрывать. Когда солдаты Эссекса закрепятся на берегу, Хоуард высадит своих людей на перешейке к востоку от Кадиса. Рэли же подойдет к входу в гавань и постарается не выпускать из нее испанские суда, но в сражение он может вступить лишь с целью самообороны.

Эскадра подошла к Кадису на рассвете 20 июня. На мачтах кораблей отряда Эссекса реяли темно-оранжевые флаги, Чарльза Хоуарда — малиновые, Томаса Хоуарда — голубые, Рэли — белые. На дворянах-волонтерах, находившихся в составе экипажей судов, были роскошные одежды, богато украшенные серебряным и золотым кружевом.

Когда все это многоцветье озарилось лучами восходящего солнца, взорам испанцев предстал, как выразился один из очевидцев-испанцев, «самый прекрасный флот, который когда-либо приходилось видеть».

Британская эскадра остановилась в полутора милях к юго-западу от города. Скоро должен был начаться отлив, поэтому надо было немедленно спустить шлюпки с кораблей и посадить на них солдат. Но эта операция затянулась и вообще проходила очень неудачно. Несколько шлюпок с тяжело вооруженными солдатами перевернулось у борта «Отпора», флагманского судна Эссекса. Закованные в тяжелые доспехи солдаты пошли на дно. Время явно было упущено. Эссекс находился в полной растерянности.

Отряд кораблей под командованием Рэли подошел к Кадису в 7 часов утра. Рэли поспешил к «Отпору» для встречи с Эссексом. По его словам, он в пух и прах разнес новый план нападения на город. В ответ на это Эссекс заявил, что план предложил

Чарльз Хоуард, которому королева поручила высшее командование, поэтому лишь он вправе изменить утвержденный план. По просьбе Эссекса Рэли направился на «Королевский ковчег», флагманский корабль Хоуарда, уговаривать лорда-адмирала изменить план. Последний внял доводам Рэли и отдал распоряжение напасть на испанские суда, находившиеся в кадисской гавани. Но выполнение этого нового распоряжения потребовало времени: надо было пересадить солдат из шлюпок обратно на корабли, а затем поднять на них и сами шлюпки. Наконец суда перешли на новую стоянку у самого входа в гавань. Нападение на испанские корабли было назначено на следующее утро. Рэли, к его великой радости, был назначен командовать судами авангарда.

С первыми проблесками дня корабли Рэли снялись с якоря и вошли в гавань. Испанские суда, неожиданно получившие возможность в течение почти суток подготовиться к отражению нападения англичан, стояли, выстроившись в боевой порядок под защитой артиллерии форта Сан-Филипп. Однако, увидев двигавшийся на них английский флот, поспешили ретироваться в глубь гавани, в узкое место, простреливавшееся пушками с другого форта.

Испанский флот состоял из шести галионов, трех фрегатов, двух торговых судов, вооруженных пушками, сорока других кораблей, недавно прибывших из Мексики, одиннадцати галер. Заняв очень выгодную позицию, испанцы ждали приближения британского флота. Но он подходил очень медленно. Был отлив, ветер почти стих.

Английские суда были встречены артиллерийским огнем из форта Сан-Филипп и с галер. Корабли, следовавшие за флагманом, обстреляв испанские галеры, отогнали их. Но главной целью Рэли были не галеры, а галионы. «Ярость» встала на якорь между двумя испанскими галионами и завязала с ними артиллерийскую перестрелку. К ней подошли другие суда авангарда, а к 10 часам — и суда графа Эссекса, ведомые «Отпором».

«Ярость» уже три часа вела бой против двух галионов и была настолько сильно повреждена, что, казалось, едва держится на воде. Рэли поспешил на «Отпор» для встречи с Эссексом, которого попросил скорее прислать небольшие плоскодонные суда с солдатами для захвата галионов. Но место, где происходило сражение, было очень узким и так забито судами, что плоскодонки не могли подойти к испанским галионам, да и другие суда английской эскадры не могли принять активного участия в сражении.

Рэли понял, что надеяться не на кого, и, вернувшись на «Ярость», решил неожиданным для испанцев маневром попытаться повернуть ход затянувшегося сражения в свою пользу. Он приказал направить «Ярость» прямо на крупнейший галион «Сан-Филипп», чтобы испанцы подумали, будто англичане соби-

раются взять его на абордаж. Маневр «Ярости» был немедленно поддержан судами Эссекса и Томаса Хоуарда. Это вызвало страшную панику среди испанцев. В течение нескольких минут положение совершенно изменилось. Организованное сопротивление испанского флота было нарушено, матросы и солдаты прыгали в воду в надежде найти спасение на берегу. Вскоре все четыре королевских галиона горели, огонь перекинулся и на другие испанские суда. Дорога на берег была открыта. Четыре английских полка высадились на узкий перешеек, соединявший Кадис с «большой землей». Англичане, таким образом, блокировали город, перерезав его сообщение с внешним миром. Оставшаяся часть британских войск во главе с Эссексом и Вером двинулась на штурм Кадиса.

Рэли, который был ранен в ногу в конце морского сражения, наблюдал за битвой на берегу с «Ярости». Позднее он был перенесен на берег и доставлен в Кадис, когда город был захвачен англичанами и горел. Однако вскоре Рэли вернулся на «Ярость». Его не столько беспокоила усилившаяся боль в ноге, сколько ситуация, создавшаяся на британских судах. Подавляющее число солдат и матросов было в городе, где они, позабыв обо всем, отдались грабежу. Ни Эссекс, ни Чарльз Хоуард не отдавали никаких распоряжений о дальнейших действиях флота, хотя английским кораблям тогда ничего не стоило захватить стоявшие в бухте Кадиса многочисленные торговые суда, которые были нагружены ценными товарами из испанских колоний в Америке.

Бездействие английской эскадры было непростительной ошибкой, ответственность за которую несли прежде всего Хоуард и Эссекс, но и Рэли мог бы действовать более энергично и решительно, взяв инициативу захвата испанских судов на себя. Вместо этого Рэли дождался утра следующего дня и послал Джона Гилберта и Артура Трокмортона к Хоуарду и Эссексу за инструкциями. Никаких указаний Рэли так и не получил. Эссекс в это время уже торговался с кадисскими купцами, предложившими ему выкуп за суда в размере 2 миллионов дукатов. Рэли утверждал потом, что стоимость судов и груза превышала 12 миллионов дукатов. Пока шли переговоры, герцог Медина Седония, губернатор провинции, ответственный за оборону Кадиса, приказал сжечь все находившиеся в бухте испанские корабли, что и было приведено в исполнение. На глазах англичан сгорели все суда. Спаслись лишь двенадцать галер, которым удалось выскользнуть из гавани, да два галиона, захваченных англичанами в ходе морского сражения.

Англичане оставались в Кадисе две недели. Незадолго до ухода, 3 и 4 июля, они сожгли бóльшую часть города. 5 июля британская эскадра покинула кадисскую гавань.

Надо сказать, что руководство экспедиции толком не знало ни того, что делать в захваченном Кадисе, ни того, что надлежит предпринять после ухода из города. Эссекс хотел оставить в Ка-

дисе постоянный британский гарнизон, но Хоуард решительно возражал против этого. Когда эскадра вышла в море, Эссекс предложил ждать у Азорских островов или у Лиссабона прихода «золотого флота», который должен был достичь Испании в сентябре. Но Хоуард и Рэли настаивали на возвращении в Англию. Хоуард возражал и из присущего ему духа противоречия, и из желания скорее вернуть королеве ее любовника, боясь в противном случае вызвать гнев Елизаветы. Причины, по которым Рэли возражал против предложения Эссекса, неясны. Возможно, его позиция объяснялась болезнью значительной части экипажа «Ярости».

Эскадра направилась на родину. По дороге домой англичане высаживались в Фару, Ла-Корунье, Эль-Ферроле. Но богатой добычи там не нашли.

Рэли со своим отрядом кораблей первым достиг Плимута. С интервалом в два дня вслед за ним прибыли Хоуард и Эссекс. При встрече королева высказала обоим руководителям экспедиции свое глубокое недовольство. Она ставила им в вину и ошибки, допущенные при захвате Кадиса, и то, что они упустили «золотой флот», который действительно прибыл в Санлукар-де-Баррамеду в сентябре, и то, что слишком большая часть добычи попала в руки «простых солдат».

Рэли кадисская операция «одарила», по сути дела, лишь серьезным ранением. Стоимость его доли составила всего 1769 фунтов стерлингов. Рэли сыграл весьма важную роль в разгроме испанского флота и захвате Кадиса, что было признано и в придворных, и в военных кругах. Но королева по-прежнему не замечала его. Правда, теперь Рэли имел весьма влиятельных друзей. После возвращения из плавания он не разлучался ни с Эссексом, ни с Сеслом. И это обстоятельство серьезно укрепляло позиции Рэли. В конце концов ему удалось с помощью Сесла добиться аудиенции у королевы. Елизавета приняла Рэли очень приветливо и немедленно отдала распоряжение о его восстановлении в должности капитана королевской гвардии. Рэли провел весь день с монархиней и получил разрешение посещать ее в любое время. Таким образом, спустя пять лет Рэли вернул благосклонность Елизаветы, правда не в полной мере: леди Рэли так никогда больше и не была допущена ко двору.

В Англии не без основания ожидали контрудара Филиппа. В октябре 1596 г. был собран мощный испанский флот, по существу новая армада, для нападения на Альбион. Но резко ухудшившаяся погода сорвала экспедицию.

Эссекс, используя знания и опыт Рэли, подготовил и представил Елизавете план нанесения нового удара по Испании. После обычных колебаний и противоречивых указаний королева согласилась на проведение экспедиции, целью которой являлось уничтожение испанских кораблей в Эль-Ферроле и захват «золотого флота». Но, как это было типично для Елизаветы, ставя перед

Эссексом две столь сложные задачи, она не передала в его распоряжение достаточных средств для их успешного осуществления.

Рэли опять взял на себя всю тяжесть подготовки экспедиции. 10 июля 1597 г. эскадра вышла в море. Она состояла из трех английских отрядов и одного голландского. Эссекс, назначенный главнокомандующим, помещался на флагмане первого отряда, в который входило одиннадцать судов. Томас Хоуард как вице-адмирал находился на «Отпоре», флагмане второго отряда, в который входило восемь судов. Рэли как контр-адмирал поднял свой флаг на «Ярости», флагмане третьего отряда, состоявшего из восьми военных судов, десяти транспортов и двадцати барков. Голландский отряд состоял из десяти судов. В составе экипажей кораблей находилось пятьсот дворян-волонтеров.

В первый день плавания подул сильный северо-восточный ветер, сменившийся настоящей бурей, которая причинила настолько серьезный ущерб эскадре, что большинство кораблей вынуждено было вернуться назад. Рэли прибыл в Плимут 18 июля, а Эссекс на день позже. Лишь Хоуард, который был более опытным моряком, продолжал плавание. Он достиг испанских берегов в районе Ла-Коруньи и крейсировал там до конца июля.

Неудачное начало экспедиции разочаровало многих ее участников. Дворяне-волонтеры в большинстве своем покинули корабли. Как выразился один из современников, «шторм разбил их сердца» (в одном случае даже в буквальном смысле: дворянин-волонтер Ричард Раддел умер от морской болезни).

Королева, Берли и Сесл стали сомневаться в целесообразности возобновления экспедиции. Положение продолжало оставаться неопределенным до начала августа, когда Эссекс и Рэли предложили королеве новую экспедицию, меньшую по масштабам. Предусматривалось лишь нападение на Эль-Ферроль. Численность солдат была сокращена до тысячи человек. Елизавета колебалась, но наконец 13 августа одобрила измененный вариант экспедиции, которая началась через четыре дня.

Погода опять не благоприятствовала плаванию, но суда шли вперед и 23 августа достигли берегов Испании в районе мыса Ортегаль. Здесь их настиг сильный шторм, в результате которого Рэли потерял связь с Эссексом.

28 августа Эссекс подошел к первому назначенному заранее месту встречи кораблей у мыса Финистерре, недалеко от Эль-Ферроля. Но ни одного из двадцати судов отряда Рэли там не было. Нападать на Эль-Ферроль Эссекс не решился. Он все еще ждал подхода кораблей Рэли. Прошло еще два дня, а их все не было.

Тем временем Рэли привел свои корабли ко второму назначенному месту встречи — у мыса Рока близ Лиссабона. Он получил известие, что испанские суда вышли к Азорским островам для встречи и эскортирования «золотого флота». Рэли немедленно послал сообщение об этом Эссексу, полагая, что если его нет

у мыса Рока, то он должен находиться в районе мыса Финистерре. Эссекс получил сообщение 30 августа и направился к Азорским островам, приказав Рэли плыть туда же.

Но сведения, полученные Рэли от встреченного им английского приватира из Саутгемптона, оказались ошибочными. Эссекс подошел к острову Терсейра, входящему в состав Азорского архипелага, но «золотого флота» там не обнаружил. Более того, он узнал, что его прихода в этом году и не ожидалось.

Эссекс созвал военный совет, на котором было решено изменить план экспедиции, и когда Рэли 15 сентября подошел к другому острову — Флориш, то Эссекс уже был готов к захвату архипелага. Отряды кораблей Эссекса и Рэли, объединившись, должны были захватить остров Фаял, Томас Хоуард — острова Грасьоза и Сан-Мигел, а голландский отряд — остров Пику.

Эссекс, встретив Рэли весьма дружески, сказал, что ни на минуту не сомневался, что тот не покинет его, хотя многие пытались убедить его в обратном.

Рэли было дано время пополнить запасы продовольствия и питьевой воды, но в полночь 16 сентября он неожиданно получил приказ Эссекса немедленно отправиться к острову Фаял и помочь захватить его. Сам Эссекс вышел в море за восемь часов до этого.

Когда Рэли на следующий день подошел к острову, то, к своему большому удивлению, никаких следов Эссекса там не нашел, хотя тот вышел в плавание намного раньше. Рэли, боясь испортить отношения с Эссексом, решил самостоятельно ничего не предпринимать, а ждать главнокомандующего.

В это время к «Ярости» приблизились два португальских судна. От португальцев Рэли узнал, что из ближайшего города острова — Орты жители начали вывозить свое имущество. Услышав это, матросы стали требовать захвата города: они боялись упустить добычу. Но сторонники Эссекса в отряде Рэли продолжали настаивать на том, чтобы дождаться прихода судов главнокомандующего.

20 сентября Эссекса все еще не было. Англичанам необходимо было пополнить запасы питьевой воды, и Рэли послал шлюпки с матросами за водой на берег острова. Испанцы немедленно открыли по ним огонь. Тогда Рэли, видя, что избежать столкновения с испанцами, уже приготовившимися к сражению, все равно не удастся, решил начать действовать. Он приказал 160 матросам и 100 солдатам сесть в шлюпки и плыть к берегу.

Гарнизон Орты состоял из 500 солдат. Город защищали два форта, один из которых находился непосредственно в городе, а другой — на холме, контролировавшем все подходы к нему. Берег был скалистый, с отвесно поднимавшимися утесами, на которых были сооружены укрепления испанцев.

Чем ближе подходили шлюпки к берегу, тем опасливее взирали солдаты и матросы на мрачные скалы. Лица их побледнели

от страха. Казалось, вот-вот они повернут шлюпки назад. Рэли, заметив это, стал их нещадно ругать, называя трусами. Гребцы прекратили работу, но он угрозами заставил их грести к скалам и первым выпрыгнул на берег, вооруженный лишь палкой. Солдаты и матросы, воодушевленные бесстрашием своего командира, последовали за ним. Испанские солдаты, защищавшие берег, отступили к городу.

Захватив плацдарм на берегу, Рэли приказал прислать с кораблей еще две сотни солдат. После этого он повел свой маленький отряд к холму, на котором располагался форт, но подойти к нему англичанам не давал сильный пушечный огонь. Тогда Рэли спросил, есть ли добровольцы, которые готовы отправиться на разведку, чтобы попытаться найти наиболее безопасные подходы к форту. Но таковых не нашлось. В сильном раздражении Рэли заявил, что сделает это сам, и послал за шлемом и кольчугой. Увидев, что намерения Рэли вполне серьезные, несколько офицеров и солдат вызвались его сопровождать. Это было крайне опасное дело. Двум англичанам ядрами оторвало головы, третий был ранен. Сам Рэли получил три ранения.

Закончив разведку и убедившись, что захватить форт будет крайне трудно, Рэли приказал направиться к городу. К своему удивлению, англичане обнаружили, что и из города, и из форта, находившегося там, испанцы уже ушли. Рэли решил на следующий день захватить форт, расположенный на холме.

Но на следующий день появились Эссекс и Хоуард. Оказалось, что в ходе плавания они изменили первоначальный план и не пошли к Фаялу, а погнались за большим испанским судном. Теперь же, вернувшись к острову, они с удивлением увидели, что Рэли самостоятельно им почти уже овладел. В гневе Эссекс приказал немедленно отстранить от должности всех офицеров, принимавших участие в захвате острова, а самого Рэли вызвать на «Отпор».

Эссекс встретил Рэли очень враждебно, обвинил его в нарушении приказа и стал угрожать судом. Но Рэли быстро нашелся. Действительно, сказал он, есть положение, согласно которому ни один капитан не может высадиться на берег без приказания командующего эскадрой или другого ответственного офицера. Но он, Рэли, не капитан, а один из руководителей экспедиции, третий командир по старшинству, который в случае необходимости может взять на себя командование экспедицией. Поэтому он не подлежит военному суду. Кроме того, продолжал Рэли, он получил приказ Эссекса плыть к Фаялу и захватить его.

Эссекс вынужден был признать правоту Рэли. Он не только отпустил его на остров, но и сам отправился вместе с ним, желая выказать свое расположение. Тем не менее предложение Рэли отобедать с ним Эссекс отклонил и вернулся на «Отпор».

После ухода Эссекса Рэли тщательно проанализировал сложившуюся ситуацию и решил, что, если Эссекс попытается

схватить его, он направит «Ярость» против своего командующего.

Но тут миротворцем выступил Томас Хоуард. Он посетил Эссекса и сказал ему, что Рэли обязательно извинится перед ним, а потом пришел к Рэли и убедил его извиниться перед Эссексом. Хотя Рэли и не видел основания для принесения извинений, он согласился отправиться на «Отпор», тем более что Хоуард обещал выступить на его стороне, если Эссекс будет ему угрожать.

Прибыв на борт «Отпора», Рэли принес Эссексу извинения и попросил восстановить в должности его офицеров, что и было сделано. Эссекс отомстил Рэли тем, что ни словом не упомянул о его мужестве во время захвата Фаяла. Но своими необдуманными действиями против Рэли Эссекс очень повредил себе в Англии, что он почувствовал после возвращения на родину.

Затеяв тяжбу с Рэли, Эссекс ни ему не дал возможности захватить второй форт, ни сам этого не сделал. Когда же наконец Эссекс дал распоряжение захватить форт, испанцев там уже не было. Солдаты обнаружили лишь два трупа — испанца и англичанина — с перерезанными глотками. В отместку за убитого соотечественника англичане сожгли город. 24 сентября они ушли из Орты.

Захват Рэли Фаяла стал единственной удачей экспедиции. В дальнейшем были сплошные промахи и несчастья. Будучи командующим, Эссекс, похоже, никогда не имел ясного представления о том, что он должен делать. Покинув Фаял, Эссекс направился на северо-восток к Грасьозе, где объединился с голландским отрядом. Эссекс намеревался пополнить на острове запасы пресной воды и продовольствия, а затем, собрав воедино все суда экспедиции, идти к Терсейре и там дожидаться «золотого флота». Но, послушавшись совета одного из своих офицеров, убедившего его в том, что якорная стоянка у Сан-Мигела лучше, чем у Терсейры, Эссекс в ночь на 26 сентября направился к Сан-Мигелу, взяв курс на восток от Терсейры, что значительно удлиняло путь.

Четыре судна экспедиции, в том числе «Радуга» под командованием Уильяма Монсона, по ошибке направились не на восток, а на запад и вскоре встретили «золотой флот», состоявший из 43 судов, включая шесть галионов, груженных серебром, общей стоимостью 10 миллионов песо. Англичане приготовились было к сражению, но испанские корабли прошли мимо, послав в них несколько ядер и многочисленные ругательства. Монсон приказал стрелять из пушек, трубить в трубы, чтобы привлечь внимание Эссекса, но остальные корабли экспедиции находились слишком далеко, чтобы услышать эти сигналы.

Если бы Эссекс двинулся к западу от Терсейры, он мог бы захватить долгожданный «золотой флот», который теперь беспрепятственно достиг хорошо защищенной гавани Ангра-ду-Эроижму на юге Терсейры.

Эссекс получил известие о «золотом флоте» 30 сентября. Он уже целый день находился у Сан-Мигела, обстреливая город Понта-Делгаду. Эссекс немедленно пошел к Ангра-ду-Эроижму. Через два дня он был на месте и сразу же послал на нескольких пиннасах разведку. Вернувшись, разведчики сказали, что нападение на флот весьма опасно. Собранный военный совет вынес решение не рисковать и вернуться на Сан-Мигел. Рэли поддержал это решение.

4 октября английская эскадра вернулась к Сан-Мигелу. Ночью Эссекс и Рэли на пиннасе обследовали берег, выбирая место высадки. На следующий день Эссекс высадил три тысячи человек, которые должны были захватить Понта-Делгаду. Рэли остался на корабле, руководя бомбардировкой испанских войск, находившихся на берегу. Но обстрел был столь неэффективен, что ни один испанец не пострадал. Попытки англичан овладеть городом продолжались до 10 октября, но безуспешно. Эссексу ничего не оставалось, как отозвать людей на корабли и поспешить домой.

Но и на обратном пути его преследовали неудачи. Сильный шторм разбросал корабли эскадры, и они потеряли связь друг с другом, плывя к родным берегам самостоятельно. Часть судов попала в ирландские порты, а Рэли подошел к берегам Корнуолла, где с удивлением увидел сильно пострадавшие от непогоды испанские суда.

Оказалось, что Филипп послал к берегам Альбиона новую армаду, состоящую из 140 судов, на борту которых находилось 4 тысячи матросов и 8 тысяч солдат. Командовал экспедицией дон Мартин де Падилья. 8 октября 1597 г. армада вышла из Ла-Коруньи. Она должна была уничтожить эскадру Эссекса, а затем захватить Плимут и другие английские портовые города.

И вновь Англию спасла непогода. Сильнейший шторм обрушился на испанские корабли, разбросав их по океану. Часть кораблей попала в ирландские порты, часть — в английские, но большинство отогнало к испанским берегам. Известия о неудавшемся вторжении достигли Англии незадолго до 26 октября, когда Эссекс прибыл в Плимут.

Елизавета была возмущена действиями Эссекса и прямо высказала ему это. Он не достиг успеха в захвате Азорских островов и упустил «золотой флот». Единственным человеком, чьи акции при дворе повысились в результате экспедиции, был Рэли. Королева благосклонно слушала рассказы о его подвигах на острове Фаял.

Шестнадцатый век подходил к концу, шло к концу и царствование Елизаветы. Годы брали свое: королева приближалась к своему семидесятилетию. Многие придворные стали поглядывать на север, в сторону Шотландии, готовясь встретить нового государя, который должен был сменить на троне бездетную Елизаве-

ту. Но Рэли, казалось, не думал о будущем, продолжая верно служить своей королеве.

Его дружеские отношения с Сеслом и Эссексом сохранялись. Сесл собирался во Францию, чтобы попытаться отговорить Генриха IV от заключения сепаратного мира с Испанией. Сесл не боялся, что его положение при елизаветинском дворе пошатнется, поэтому уезжал спокойно; к тому же Эссекс заверил Сесла, что будет защищать его интересы. Рэли же Эссекс обещал помочь стать канцлером.

Но, конечно, прочной дружбы между столь честолюбивыми людьми, каждый из которых стремился стать всемогущим, быть не могло. Ни Эссекс, ни Сесл не хотели видеть Рэли на высшем государственном посту, и потому, когда после смерти лорда Берли в августе 1598 г. место канцлера стало вакантным, Рэли не удалось его занять: об этом позаботились его «друзья».

В июне того же года во время обсуждения кандидатуры правителя Ирландии между королевой и Эссексом произошел разрыв. Королева предложила назначить дядю Эссекса — Уильяма Ноллиса, а Эссекс — своего приятеля Джорджа Кэроу. Эссекс упорно отстаивал своего кандидата. Разговор становился все горячее. Потеряв контроль над собой, Эссекс отвернулся от королевы. Разгневанная Елизавета ударила Эссекса по лицу. Тот, сжав эфес шпаги, поклялся, что не потерпел бы такого оскорбления даже от Генриха VIII, отца королевы. На счастье, лорд-адмирал, присутствовавший при разговоре, сумел вовремя остановить Эссекса, и тот бросился прочь из зала Тайного совета, где все это произошло. Двор ждал немедленного падения Эссекса. Но королева ничего не предпринимала. Эссекс жил в своем доме в Уонстеде, все более и более озлобляясь против Елизаветы, а заодно и против Рэли, полагая, что теперь тот постарается занять его место.

Вопреки ожиданиям многих Эссекс постепенно восстанавливал свои позиции. К концу года пошли слухи, что он будет правителем Ирландии. И действительно, в марте 1599 г. Эссекс был назначен королевой на эту должность. Во главе армии, собранной для усмирения ирландцев, Эссекс прошел через Лондон. Улицы и крыши домов были полны народа, приветствовавшего его криками: «Да поможет вам бог, ваше лордство!» Шекспир в «Генрихе V» сравнивает ирландский поход Эссекса с экспедицией Генриха V во Францию. В пятом акте пьесы хор славит будущее победоносное возвращение армии в Лондон:

Когда бы полководец королевы
Вернулся из похода в добрый час —
И чем скорее, тем нам всем отрадней! —
Мятеж ирландский поразив мечом.
Какие толпы, город покидая,
Его встречали б[5].

[5] *У. Шекспир.* Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1959, с. 475.

Если бы Рэли желал гибели Эссекса, он не мог бы сделать ничего лучшего, чем содействовать его назначению в Ирландию. Эссекс не обладал талантом главнокомандующего ни на море, ни на суше, и ирландский поход это полностью доказал.

Его армия состояла из 1,3 тысячи всадников и 16 тысяч пехотинцев. Это был самый крупный экспедиционный корпус, отправленный Елизаветой в Ирландию за все годы ее царствования. Но Эссекс не смог подавить восстание. Более того, в результате поражений, дезертирства и болезней его армия сократилась до 4 тысяч человек. 24 сентября Эссекс вопреки приказу королевы покинул армию и через четыре дня предстал перед Елизаветой. И опять королева вела себя как-то уклончиво: и не прощала, и не наказывала.

Между тем Эссекс явно готовился поднять оружие против своей монархини. В течение зимы 1600/01 г. в его доме постоянно бывали люди, ненавидевшие королеву и ее министров. Эссекс пытался уговорить Чарльза Блоунта, занявшего пост правителя Ирландии, послать войска в Англию для помощи в осуществлении его намерений. Но Блоунт, дела которого в Ирландии шли не в пример Эссексу весьма удачно (ему в конце концов удалось подавить восстание), не хотел рисковать.

Одновременно Эссекс вступил в секретную переписку с шотландским королем Яковом VI. Он сообщал, что существует якобы заговор с целью посадить на английский трон в обход Якова испанскую инфанту. Среди руководителей заговора Эссекс называл Рэли и Сесла. При этом Эссекс подчеркивал, что особенно опасен Рэли, поскольку он весьма влиятелен в Западной Англии, является губернатором острова Джерси (королева назначила Рэли на эту должность в августе 1600 г., чтобы как-то удовлетворить его амбиции) и может оказать эффективную помощь испанцам в случае их вторжения в Англию. И эти «гиперболистские выдумки», как называл их впоследствии Сесл, внушили Якову сильные подозрения в отношении Рэли.

Яков, напуганный сообщениями Эссекса, послал в Лондон своего посла — графа Мера. Но еще до того как Мер прибыл в столицу Англии, Эссекс приступил к непосредственной подготовке мятежа. Заговорщики собрались 3 февраля 1601 г. в доме Эссекса в Саутгемптоне для обсуждения плана выступления.

Сесл и королевский Тайный совет знали о приготовлениях Эссекса. Рэли получил приказ удвоить стражу в Уайтхолле. Эссексу было послано письмо, в котором содержалось приглашение прийти на заседание Тайного совета. Эссекс отказался это сделать, сославшись на болезнь, но вечером того же дня его видели в театре.

В воскресенье, 8 февраля, произошел странный инцидент на Темзе. Рэли попросил Фердинанда Горгса, начальника форта в Плимуте, встретиться с ним и пригласил его в свой лондонский дом. Горгс приходился родственником Рэли, но был в приятель-

ских отношениях с Эссексом. Эссекс разрешил Горгсу встретиться с Рэли, но не в доме последнего, а на реке и предложил взять с собой двух человек.

Рэли согласился и отправился на встречу с Горгсом на лодке без сопровождающих. Когда они встретились, Рэли посоветовал Горгсу, если тот не хочет оказаться в тюрьме, поскорее вернуться в Плимут. Горгс, в свою очередь, сказал Рэли, что если он дорожит жизнью, то пусть поспешит спрятаться. В это время с берега раздалось четыре выстрела. Стреляли в Рэли, но все пули пролетели мимо. Горгс немедленно покинул Рэли, посоветовав ему поскорее плыть к противоположному берегу реки.

Между тем перед дворцом Эссекса в Лондоне с раннего утра стали собираться вооруженные люди. К 10 часам их было уже до трех сотен. К Эссексу прибыли лорд Кипер, главный судья Попхэм, Уильям Ноллис и граф Уорсестер, которые от имени королевы спросили Эссекса, почему у него собралось столь большое число вооруженных людей. Но вместо ответа посланцев Елизаветы схватили и заперли во дворце. Сторонники Эссекса начали призывать его к немедленным действиям: «Вперед, наш лорд! Наш лорд, не теряй времени!» Потом они выбежали на улицу и, предводительствуемые Эссексом, направились в Сити.

Эссекс, обращаясь к толпившимся на улице людям, призывал их присоединиться к нему, но ответом ему было гробовое молчание. Испарина выступила на его лбу, лицо исказилось от ужаса. Граф понял, что это конец.

Эссекс бросился к своему дворцу. Он обнаружил, что все четыре пленника освобождены, а здание окружено войсками, к которым вскоре присоединилась артиллерия. Лорд-адмирал Хоуард угрожал начать бомбардировку дворца в случае сопротивления Эссекса и его сторонников. К вечеру Эссекс сдался. Его заключили в Тауэр.

Ближайшие его сподвижники были немедленно казнены. Суд над Эссексом начался 19 февраля. Одним из главных обвинителей выступил Фрэнсис Бэкон.

Суд обвинил Эссекса в государственной измене и приговорил к повешению с последующим извлечением тела из петли и четвертованием. Казнь состоялась 25 февраля 1601 г. Принимая во внимание его ранг, первоначальный приговор был изменен, и Эссексу отрубили голову.

Теперь вторым после королевы лицом в Англии стал Сесл.

Что касается Рэли, то два года, последовавшие после казни Эссекса, он вел довольно деятельную жизнь, энергично занимаясь и государственными делами, и своими собственными, и наукой.

Королева все чаще болела, особенно в течение 1602 г. Смерть ее наступила в Ричмонде 24 марта 1603 г. 5 апреля, получив официальное извещение от Сесла о смерти Елизаветы, король Шотландии Яков VI, теперь уже английский король Яков I, направился в Лондон.

Известие о смерти королевы настигло Рэли в Западной Англии, и он немедленно возвратился в столицу. В отношении нового монарха он вел себя весьма лояльно, но завладеть его расположением не мог. Первый раз Рэли встретился с Яковом I в апреле, а затем в мае. Король был с ним очень холоден. Тайный совет сообщил Рэли, что он освобождается от должности капитана королевской гвардии. Затем Рэли узнал, что лишен предоставленных Елизаветой прав на монопольную торговлю вином. У него отобрали по приказу короля дворец в Лондоне.

В середине июля Рэли прибыл в Виндзор для участия в королевской охоте. На террасе дворца к нему подошел Сесл и сказал, чтобы Рэли пришел на заседание Тайного совета. На заседании его спросили, что ему известно о заговоре против Якова I и каково его участие в этом деле. Рэли ответил, что ничего не знает о заговоре. Несмотря на это, его сначала посадили под домашний арест, а затем отправили в Тауэр.

Заговор действительно был, и даже не один. Нет сомнений в том, что Рэли что-то слышал о них, поскольку в заговоры были втянуты люди, связанные с ним родственными или дружескими связями. Но сам Рэли никакого участия в них не принимал.

Как только обнаруживался какой-либо заговор против Якова, еще до начала следствия первым называлось имя Рэли как ведущего заговорщика. Считалось само собой разумеющимся, что столь сильный человек, как Рэли, многократно и очень серьезно обиженный королем, не мог не выступить против него, хотя Рэли никогда не нарушал своей верности монарху.

В тюрьме Рэли находился в вполне приличных условиях: занимал две маленькие комнаты и имел в своем распоряжении двух слуг. Но настроение его было плохим. Рэли понимал, что его многочисленные враги воспользуются сложившейся ситуацией и доведут дело до конца. А концом этим будет мучительная и позорная смерть, ибо других наказаний для обвиняемых в государственной измене не существовало.

27 июля во время обеда Рэли пытался покончить с собой. Он схватил со стола нож, расстегнул ворот рубашки и ударил ножом в шею. Сесл, находившийся тогда в Тауэре, получил известие о самоубийстве Рэли и направился в его комнату. Он нашел Рэли в тяжелом состоянии, но рана была несмертельной.

Возможно, Рэли серьезно думал расстаться с жизнью и тем сохранить для семьи свое имущество, которое в случае его казни было бы конфисковано. Весьма вероятно также, что этим актом Рэли хотел привлечь к себе внимание общества. Но если это было так, то он ничего не добился. Сесл постарался, чтобы попытка самоубийства Рэли не получила огласки. Правда, слухи все-таки распространились. Например, венецианский посол Скарамелли сообщил об этом своему правительству. Но на последовавшем разбирательстве дела Рэли ни словом не упоминалось о попытке самоубийства.

Начало процесса все время откладывалось. Прошло лето, наступила осень. Наконец 17 ноября его доставили в суд. Рэли был обвинен в государственной измене, и эти обвинения суд признал доказанными. Приговор был максимально жестоким. «Поскольку вы признаны виновным в ужасной измене,— говорилось в приговоре,— вас доставят обратно в тюрьму, где вы будете находиться до дня казни. Оттуда вас повезут на повозке по улицам к месту казни, где повесят, но еще живым вынут из петли, обнажат тело, вырвут сердце, кишки и половые органы и сожгут их на огне на ваших глазах. Затем вашу голову отделят от тела, которое расчленят на четыре части, чтобы доставить удовольствие королю. Да простит бог вашу душу».

Выслушав приговор, Рэли обратился к графу Девонширскому и другим лордам, судившим его, с просьбой ходатайствовать перед королем о более почетной казни. Те обещали, и Рэли был отправлен обратно в тюрьму. Но неожиданно король принял решение повременить с казнью Рэли. Вряд ли он внял просьбам некоторых высокопоставленных особ (за Рэли ходатайствовала, например, королева Анна) или поверил в невиновность Рэли (многие члены суда сомневались в правильности приговора; один из них, Фрэнсис Годи, сказал через два года на смертном одре, что «никогда еще английское правосудие не было так несправедливо, как в обвинении сэра Уолтера Рэли»). По всей вероятности, Яков решил помучить Рэли, поиграть с ним в «кошки-мышки».

Король не спешил выказать свою милость. Рэли сообщили об отсрочке казни 16 декабря 1603 г., когда переводили в другое помещение в Тауэре, где он пробыл 13 лет.

Рэли находился в Тауэре по-прежнему в приличных условиях, занимая две комнаты. С ним были его жена и двое слуг. Рэли свободно прогуливался в небольшом внутреннем садике. У него было помещение, где он производил разнообразные физические и химические опыты. Вообще неугомонный Рэли вел весьма активную жизнь. Он писал письма государственным деятелям Англии и других стран, встречался с многочисленными посетителями, разрабатывал всевозможные проекты, в том числе проект создания постоянных колоний в Северной Америке, выращивал различные целебные травы и приготовлял из них лекарства, исследовал металлы, пользуясь небольшой плавильней, искал способы получения пресной воды из соленой, сохранения мяса во время длительных морских путешествий, приготовлял свой собственный табак, различные настойки, причем одна из них, «Великая радость», получила широкую известность не только в Англии, но и за ее пределами.

Несмотря на заключение Рэли, английское общество продолжало интересоваться им. Он вызывал удивление своей необыкновенной стойкостью (граф Нортгемптон, посетивший Рэли в июле 1611 г., сказал, что не нашел в нем никаких перемен), о нем сплетничали, спорили, но — что было неприятно и просто очень

опасно для него — продолжали называть в числе участников вновь открываемых заговоров, а это вело к новым разбирательствам.

В годы заключения Рэли встретил живое участие не только королевы Анны, но и ее сына, наследника английского престола принца Генриха, который проникся к нему глубоким уважением. Принцу было 13 лет, когда он впервые увидел Рэли в Тауэре в 1607 г. Рэли очень понравился молодой принц, и он старался развивать его ум, расширять знания, желая привить Генриху любовь к кораблестроению и мореплаванию. Рэли написал для него «Трактат о кораблях» и «Обзор королевского военно-морского флота и морской службы». Результатом было то, что принц пригласил лучшего судостроителя тех дней Петта для постройки корабля «Принц Ройял», спущенного на воду через два года.

Генрих обращался к Рэли за советами по самым важнейшим делам. Так, когда герцог Савойский предложил Якову I выдать дочь, принцессу Елизавету, замуж за его второго сына, а наследного принца женить на его старшей дочери, Генрих просил Рэли высказать свое мнение на этот счет.

Рэли ответил, что установление родственных связей между монархами Англии и Савойи бесполезно для первой, ибо герцогство Савойское находится далеко от Англии. Географически, политически и религиозно оно гораздо ближе к исконному врагу ее — Испании. Англия никогда не сможет защитить интересы герцогства, так же как последнее никогда не сумеет оказать помощь Англии. К тому же союз с герцогством может заставить Англию придерживаться нейтралитета в будущей войне Нидерландов с Испанией. Принц еще слишком молод и может подождать с женитьбой. Пока Генрих холост, его отец имеет сильную карту в политической игре. Рэли советовал Генриху оставаться до времени холостым, а когда придет час, жениться на дочери французского короля. Что касается принцессы Елизаветы, то Рэли полагал, что ей лучше выйти замуж за протестантского принца.

Ни королю, ни его канцлеру Сеслу, теперь уже графу Солсбери, не могли нравиться советы, которые исходили от человека, ожидающего смерти в Тауэре, но они не могли не признать их разумность. Предложения принца Савойского были отклонены.

В заключении Рэли написал политические трактаты, такие, как «Прерогативы парламента» и «Правительственный совет». В последнем он высказывал довольно смелую мысль о том, что государь всегда является примером для подражания. Если, например, он пьет, то и в народе распространяется пьянство. Поэтому король должен быть храбрым, мудрым, добрым и справедливым. Рэли называл как раз те качества, которые отсутствовали у Якова I.

Наиболее крупной работой Рэли, написанной в Тауэре, была «История мира», увидевшая свет еще во время его заключения.

Рэли задумал колоссальный труд, который предназначался для принца Генриха. Он собирался написать не историю елизаветинского времени, и даже не историю Англии, а историю человечества.

Работа должна была состоять из трех частей. В 1607 г. Рэли начал и в 1612 г. закончил первую часть. На страницах пяти книг он рассказал об истории мира со дня сотворения и до захвата Римом Македонии. Но больше Рэли не возвращался к своему труду — так повлияла на него смерть принца Генриха, последовавшая в ноябре 1612 г.

Генрих почувствовал себя плохо во время свадебной церемонии своей сестры Елизаветы с Фредериком Богемским. Болезнь развивалась стремительно. Доктора ничем не могли помочь принцу. Он умирал. Тогда его мать, королева Анна, послала гонца к Рэли за его бальзамом. Рэли дал ему бальзам и велел передать королеве, что уверен в его целительных свойствах. Если принц не отравлен, он должен обязательно выздороветь.

Короля не было в Лондоне: он охотился. Тайный совет не решался дать наследнику престола снадобье, полученное от государственного преступника, содержавшегося в Тауэре. Доктора решили попробовать его действие на собаках, на себе и, наконец, на членах Тайного совета. Поскольку и собаки, и доктора, и члены Тайного совета остались живы, решили дать лекарство принцу. Но было уже поздно. Приняв бальзам, он пришел в сознание, казалось, жизнь вернулась к нему. Но скоро он опять впал в беспамятство и вечером 6 ноября скончался.

В том же году, в мае, умер граф Солсбери. Смерть нашла его на пути в Лондон.

Первая часть «Истории мира» была опубликована 29 марта 1614 г., но анонимно. Правда, никто не сомневался в авторстве. Второе издание вышло через три года с указанием фамилии автора и с его портретом.

«История мира» получила широкое признание. Ее с увлечением читали Джон Мильтон и Оливер Кромвель. Последний настоятельно рекомендовал своему сыну Ричарду прочитать эту книгу. Мысль Рэли о том, что история человечества — это история божественного вмешательства, направленного на его моральное улучшение, что бог карает жестоких и несправедливых правителей, пришлась по душе деятелям английской буржуазной революции. Рэли продемонстрировал свою мысль конкретными примерами из английской истории: он показал, что случилось с правителями-тиранами, начиная с Генриха I, который был наказан за несправедливое отношение к брату смертью своего сына, погибшего в море во время бури, и кончая Генрихом VIII, который за жестокое обращение со своими женами и ближайшими советниками был наказан тем, что его дети — Эдуард, Мария и Елизавета,— входившие на английский престол, не оставили потомства и династия Тюдоров прекратила свое существование.

Между тем время работало на Рэли. Его враги либо умерли, либо сильнейшим образом скомпрометировали себя в глазах короля. При дворе сложилась благоприятная для Рэли ситуация, и он предпринял энергичные попытки освободиться из заключения. Зная, что король всегда нуждается в деньгах, Рэли разработал план новой экспедиции в Гвиану, о которой никогда не забывал, и обещал предоставить в распоряжение Якова I несметные богатства «Эльдорадо». 19 марта 1616 г. Тайный совет сообщил Рэли, что король разрешил ему начать подготовку к новой экспедиции, но предупредил, что он не должен появляться при дворе и принимать участие в государственных делах без разрешения на то короля. Рэли также нигде не мог бывать без охраны. Лишь 30 января 1617 г. король распорядился о «полном освобождении» Рэли. Через несколько дней после выхода из тюрьмы Рэли купил за 500 фунтов стерлингов новое судно, названное «Судьба», и начал подготовку экспедиции.

Деятельность Рэли насторожила испанцев. В то время послом Испании в Лондоне был дон Диего Сармиенто де Акуна, более известный как граф Гондомар (этот титул он получил позднее). Гондомар был непримиримым врагом Рэли: он считал его человеком, опасным для Испании, а кроме того, не мог простить Рэли пленение в свое время его родственника — дона Сармиенто де Гамбоа.

Гондомар был обходительным, образованным, умным человеком, блестящим собеседником и талантливым дипломатом. Он сумел установить с английским королем прочные дружественные отношения и, пользуясь этим, старался влиять на его европейскую политику. Особые усилия Гондомар прилагал к тому, чтобы склонить Якова на женитьбу принца Чарльза на испанской инфанте. Испания предлагала в приданое 600 тысяч фунтов стерлингов.

Гондомар задался целью сорвать экспедицию Рэли. Вначале он предложил Рэли охранную грамоту на экспедицию в Гвиану в том случае, если тот согласится на осуществление ее под «испанской протекцией». Рэли решительно отказался. Он прекрасно знал, что означает такая «протекция»: в случае чего ему просто перережут горло. Король Яков также отверг предложение об испанском эскорте: это означало бы признание прав Испании на Гвиану. Рэли продолжал настаивать на том, что Гвиана принадлежит Англии, ибо он оккупировал ее во время своего первого плавания в эту страну. Вероятно, Яков разделял мнение Рэли. Во всяком случае, король полностью был на стороне Рэли, надеясь, что тот привезет много сокровищ. Вообще в предстоящей экспедиции главным была добыча сокровищ, и не обязательно в Гвиане. Если бы Рэли сумел захватить «золотой флот» в 1618 г., стоимость которого оценивалась в 2,5 миллиона фунтов стерлингов, Яков простил бы ему все грехи, как мнимые, так и настоящие.

Гондомар сделал все, чтобы экспедиция провалилась. Он вынудил Якова дать обещание, что если Рэли нанесет какой-либо ущерб собственности Испании или ее подданным, то будет передан испанским властям в Мадрид для наказания, то есть практически для казни. Гондомар потребовал, чтобы король сообщил число и размеры судов экспедиции, их вооружение, порты, которые Рэли намерен посетить, и даты заходов в них, короче, все детали плана экспедиции. Яков передал Гондомару все эти сведения, и тот немедленно отправил их в Мадрид. Рэли знал об этом, но не беспокоился: он был уверен в успехе плавания. «Я так же убежден в том, что найду золото в Гвиане, как в том, что не собьюсь в пути из своей столовой в спальню»,— говорил он.

В августе 1616 г. Рэли получил королевский патент на осуществление экспедиции. Документ был скреплен не большой, а малой королевской печатью. Вместо обычного для такого рода бумаг обращения «преданному и любимому» Яков собственноручно написал: «Находящемуся во власти закона». Ведь после выхода Рэли из Тауэра король официально не снял с него обвинение в государственной измене и в патенте напомнил ему об этом. Топор палача оставался над головой Рэли. В то же время Яков, оговаривая для себя пятую часть предполагаемой добычи золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней, наделял Рэли всей полнотой власти в период проведения экспедиции, в том числе властью над жизнью и смертью любого из ее участников. Таким образом возникало парадоксальное положение: Рэли мог судить и миловать других, хотя приговор о его смертной казни полностью сохранял свою силу. Графы Эрандел и Пемброк внесли залог в 15 тысяч фунтов стерлингов как ручательство за преданность Рэли королю и его «хорошее поведение». Королевская игра в «кошки-мышки» продолжалась.

Коварный Яков посылал Рэли с относительно небольшим отрядом в страну, которую Испания ни за что не хотела уступать англичанам, сосредоточив там свои войска и построив опорные укрепления. Испанцы ждали Рэли, зная, когда и к какому месту южноамериканского побережья тот подойдет. Рэли же должен был поплатиться жизнью, если хоть один испанец пострадает или испанской собственности будет нанесен малейший ущерб.

«Судьба» была спущена на воду 16 декабря 1616 г. Подготовка экспедиции завершалась. В ее организацию было вложено 30 тысяч фунтов стерлингов, из которых одну треть внес Рэли, распродав почти все свое имущество. Когда Рэли покидал Лондон, у него, по его словам, оставалось лишь 100 тысяч фунтов стерлингов, из которых 45 тысяч он оставил жене, а 55 тысяч взял с собой.

К середине марта 1617 г. экспедиция была готова к выходу в море. Кроме «Судьбы» в состав эскадры входили «Звезда» (водоизмещением 240 тонн, с 25 орудиями на борту), «Встреча» (160 тонн, 17 орудий), «Джон и Фрэнсис» (150 тонн, 20 орудий),

«Хозяин» (80 тонн, 6 орудий) и пиннаса «Паж» (25 тонн). Экипажи всех судов насчитывали 431 человек. Как это часто бывало в те времена, в плавание отправлялись близкие родственники и друзья Рэли. Так, флагманским судном «Судьба» командовал его сын Уот, там же находились его племянник Джордж Рэли и двоюродный брат Уильям Герберт.

12 июня эскадра покинула Плимут, но спустя два дня сильное волнение на море заставило корабли зайти в порт Фалмут. Через несколько дней эскадра вновь вышла в море, и вновь плохая погода вынудила ее прервать плавание и искать убежища. На этот раз в ирландском порту Корк. Наконец 19 августа плавание возобновилось. 6 сентября корабли достигли острова Лансароте в Канарском архипелаге.

Рэли хотел лишь пополнить запасы питьевой воды и сразу же идти дальше. Но остров подвергся нападению пиратов. В стычках с ними были убиты три матроса, принимавшие участие в экспедиции. Некоторые из капитанов судов требовали возмездия. Рэли отказался это сделать; тогда Джон Бейли, капитан «Хозяина», покинул экспедицию и вернулся в Лондон, где распространил слухи о том, что Рэли связался с пиратами. И хотя капитан одного английского судна, стоявшего тогда у острова, вернувшись в Англию, опроверг эти инсинуации, мнение о недостойном поведении Рэли прочно утвердилось в Англии. Яков был крайне озлоблен против Рэли, говорили даже, что он тайно сговорился с Филиппом III о его уничтожении. Действия же Рэли на Лансароте объяснялись тем, что он твердо решил не ввязываться ни в какие инциденты по дороге в Гвиану, честно платил за все то, что брал на корабли, воздерживался от малейшего нарушения прав частной собственности, хорошо зная, что его ждет в противном случае.

Оказалось, что на Лансароте не хватает пресной воды, и Рэли направился к другому острову архипелага — Гомера. Там Рэли получил и провизию, и воду. Жене испанского губернатора острова, англичанке по происхождению, он послал в подарок перчатки. Очарованная его галантностью, она отправила Рэли фрукты, сахар и сухари. Чтобы не остаться в долгу, Рэли подарил губернаторше янтарь, розовую воду, прекрасной работы воротник и картину, изображавшую Марию Магдалину. Та в ответ послала фрукты, свежий хлеб, живых кур. Губернатор дал письмо для Гондомара, удостоверявшее, что Рэли во время пребывания на острове проявил себя наилучшим образом.

Посещение Гомера было единственным приятным эпизодом в течение всего плавания. Покинув остров, эскадра направилась к островам Зеленого Мыса. Погода была скверная. До острова Брава добирались шесть недель вместо обычных двух. Люди тяжело болели. Только на «Судьбе» умерло 44 человека.

Корабли подошли к острову 3 октября. Дальше плавание было еще тяжелее. Временами и в дневное время было так темно,

что в полдень приходилось зажигать свечи. Шли сильные дожди. Люди продолжали болеть. Заболел и Рэли. 11 ноября его флот достиг берегов Южной Америки. 14 ноября эскадра подошла к Кайенне, где Рэли, который был еще нездоров, попросил доставить его на берег.

После крайне тяжелого плавания англичане наконец попали в «райские условия». Лежа в тени пальм, обдуваемые приятным бризом, с наслаждением вкушая дары здешней земли, которые им в изобилии доставляли индейцы, они быстро стали поправляться. В письме к жене Рэли писал: «Я мог бы стать здесь королем индейцев, если бы был тщеславен, мое имя до сих пор живет среди них. Они снабжают меня свежим мясом и всем, что выращивается в стране, и беспрекословно повинуются мне». Рэли сообщал также жене, что их сын Уот «никогда не был так здоров, как сейчас».

Это письмо Рэли передал капитану Питеру Элли, которого решил отправить в Англию ввиду его болезненного состояния, вместе с докладом об экспедиции, составленным в весьма оптимистических тонах. В феврале 1618 г. Элли на голландском судне достиг берегов Англии. Доклад об экспедиции был издан в конце года под названием «Новости о сэре Уолтере Рэли с правдивым описанием Гвианы». Вопреки ожиданиям Рэли публикация доклада не произвела благоприятного впечатления на английское общество, ибо Элли по приезде на родину стал всячески порочить Рэли, изображая себя его жертвой и распространяя слухи о его бесчестном поведении. И как в случае с Джоном Бейли, верили плохому о Рэли, а не хорошему.

Через три недели люди Рэли достаточно окрепли, и 4 декабря 1617 г. корабли пошли дальше, держа курс к устью Ориноко, откуда должна была начаться экспедиция к золотым копям «Эльдорадо».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В «ЭЛЬДОРАДО»

Хотя послание Рэли к жене было написано в радужных тонах, в нем ощущалась грусть. Рэли чувствовал себя очень плохо. Долгие годы, проведенные в сыром и холодном Тауэре, пагубно повлияли на его здоровье. Он был настолько слаб, что не смог сам возглавить поход к золотым копям Гвианы. Командовать экспедицией он назначил Лоуренса Кеймиса. 10 декабря Кеймис повел 400 человек в глубь страны. Одним из отрядов командовал сын Рэли — Уот.

Рэли остался на корабле. В это время до англичан дошли слухи, что к устью Ориноко идет испанский флот. Поэтому Рэли повел свою эскадру к Пунта-Галло, расположенному в юго-западной части Тринидада, где стал поджидать испанские корабли. Чтобы не терять времени даром, он предавался одному из

любимых своих занятий: собирал целебные травы. Рэли пытался завязать торговые отношения с испанцами, но безуспешно. Его попытки привели лишь к тому, что двое из его людей были убиты.

Тем временем пять судов с наименьшей осадкой («Встреча», «Уверенность» и три плоскодонки), которыми командовал Кеймис, шли по Ориноко к городу Сан-Томе. Рэли считал, что существовали две главные золотые копи. Одна там, где он в 1595 г. нашел камни с содержанием золота, то есть в трех-четырех милях от Сан-Томе, недалеко от горы Инокури. Другая — к востоку от первой, на расстоянии 20 миль, у горы Аио.

Рэли поручил Кеймису занять позицию в трех милях к западу от Аио и не давать испанцам возможности подойти к копи. Кеймис должен был лишь проверить сведения о ней, чтобы затем вместе решить, как говорил Рэли, «отвечает она нашим желаниям или нет». Только в том случае, если копь окажется «королевской», то есть богатой золотом, и испанцы нападут на английский отряд, Кеймису разрешалось нанести ответный удар и отогнать испанцев как можно дальше. Но если копь не окажется таковой, Кеймису предписывалось отступить, захватив корзину-другую золота, чтобы доказать королю, что копь — не плод воображения Рэли. Ведь в конце концов он никогда не говорил, что эта копь очень богата, а лишь утверждал, что она действительно существует. Отправляя Кеймиса в экспедицию, Рэли неоднократно подчеркивал, что он должен быть чрезвычайно осторожен и осмотрителен.

Но Кеймис разрушил все планы Рэли и привел экспедицию к катастрофе. Он слышал, что коренные жители Гвианы ненавидят испанцев, и надеялся подбить их на восстание. Кеймис вопреки инструкции Рэли не занял позицию к западу от горы Аио, а 2 января 1618 г. высадил войска в нескольких милях от Сан-Томе вниз по течению Ориноко.

Начальник гарнизона в Сан-Томе дон Диего де Акуна (возможно, родственник испанского посла в Лондоне Гондомара), предупрежденный заранее из Мадрида об экспедиции Рэли, приготовился к обороне города. Когда вечером того же дня три английских судна по приказу Кеймиса подошли к Сан-Томе, испанцы открыли по ним огонь. Англичане высадились у самого города. Поздно ночью испанцы неожиданно напали на их лагерь.

Англичан охватила паника. Офицерам, и среди них Уоту Рэли, стоило большого труда удержать матросов от бегства. Особую храбрость проявил Уот: бросившись со своими людьми в контратаку, он заставил испанцев отойти в город. Преследуя неприятеля, англичане ворвались на улицы Сан-Томе. Здесь Уот был смертельно ранен. Кеймису теперь не оставалось ничего другого, как захватить город, что он и сделал. Но большинство испанцев сумело укрыться на защищенном острове Сейба, расположенном на реке Ориноко.

Наутро англичане хоронили своих убитых. Кроме Уота Рэли погибло еще четыре человека. У испанцев также были убитые, и в их числе Диего де Акуна.

Став хозяином Сан-Томе, Кеймис, казалось бы, должен был заняться поисками ближайшей к городу копи. Но он растерялся и не знал, что ему предпринять. Кеймис двадцать лет слышал об этой копи, но не представлял, где она может находиться. В нерешительности он провел в городе несколько дней. Большого труда стоило ему составить письмо Рэли, в котором он сообщал о смерти его сына. Кеймис также писал, что все дома в Сан-Томе обысканы, но ни золота, ни серебра не обнаружено. Письмо было отправлено с Питером Эндрю, которого сопровождал проводник-индеец. Кеймис посылал Рэли также «пакет с бумагами»; в нем находилось и письмо испанского короля от 17 марта 1617 г. (то есть оно было послано еще до того, как Рэли покинул Темзу), в котором сообщались все подробности предстоящего плавания Рэли.

Наконец Кеймис с группой солдат на двух шлюпках отправился на поиски копи. Но англичане были обстреляны с острова Сейба и, потеряв убитыми и ранеными девять человек, вернулись назад. После этого Кеймис предпринял исследование Ориноко, пройдя по ней 150 миль (испанцы утверждали, что 300). Когда он вернулся, то увидел, что Сан-Томе сожжен его солдатами.

Кеймис и не пытался найти копь у горы Аио. Он все говорил о необходимости искать другую копь. Остальные члены экспедиции с полным основанием спрашивали Кеймиса, зачем он совершает столь далекое плавание в поисках золота, когда, возможно, копь находится лишь в 20 милях от Сан-Томе? Люди требовали возвращения к побережью, и Кеймис вынужден был согласиться. 1 февраля англичане покинули Сан-Томе. Из 400 солдат и матросов, начавших экспедицию, назад вернулись лишь 150. 2 марта Кеймис встретился с Рэли.

Рэли получил письмо Кеймиса 13 февраля. Каждая фраза пронзала его сердце. Ничего худшего ему не могли бы сообщить. Смерть сына была для него страшным ударом. Позднее он писал жене: «Я до сих пор не знал, что такое печаль». Чем больше Рэли узнавал об экспедиции Кеймиса, тем горше ему становилось. Казалось, старый приятель делал все, чтобы его погубить. Кровавые стычки с испанцами, разграбление и сожжение Сан-Томе! Рэли понимал, что его ждет по возвращении на родину.

В свое оправдание Кеймис выставил весьма нелепые аргументы. Он говорил, что местность около копи очень холмиста и покрыта непроходимым лесом, что они взяли мало продовольствия, что испанцы сосредоточили огромные силы в этом районе. Кроме того, Кеймис, как он утверждал, боялся, что Рэли умер либо от болезни, либо получив известие о смерти сына.

Рэли отверг все доводы Кеймиса. Он лишь выразил надежду, что тот сумеет оправдать себя перед королем и Тайным советом,

но пусть не рассчитывает на его, Рэли, сочувствие и поддержку.

Через несколько дней Кеймис пришел в каюту Рэли и показал письмо, написанное им графу Эранделу, одному из поручителей Рэли. Кеймис просил рассматривать это письмо как его извинение за неудачу экспедиции. Но в письме Рэли нашел все прежние объяснения и доводы и отказался их принять. Кеймис спросил, окончательное ли это решение. Рэли ответил утвердительно. Со словами «Я теперь знаю, как мне поступить» Кеймис вернулся в свою каюту. Почти тотчас там раздался пистолетный выстрел. Ничего не подозревая, Рэли послал слугу узнать, кто стрелял. Кеймис сказал, что это он случайно выстрелил, не зная, что пистолет заряжен. Рэли успокоился. Но когда спустя полчаса в каюту Кеймиса вновь вошел слуга, он нашел его лежащим с ножом в сердце. Пуля лишь слегка задела ребро, и Кеймис завершил самоубийство, ударив себя ножом в левую часть груди.

Рэли не выразил сожаления по поводу самоубийства Кеймиса. Он еще более ожесточился, узнав из испанских бумаг, присланных Кеймисом, что копь находится лишь в двух часах пути от Сан-Томе и работы там были прекращены из-за нехватки рабочей силы. Рэли приказал вернуться в Ориноко, но его капитаны не повиновались. Рэли уже не мог заставить их выполнять свой приказ: его авторитет был подорван провалом экспедиции. Капитаны Уолластон и Уитни решили отправиться к острову Гренада, чтобы попытаться захватить испанские корабли, идущие на родину. Они звали с собой и Рэли, говоря ему с грубой откровенностью, что если он вернется в Англию, то его можно считать мертвым.

Беспорядок в эскадре достиг наивысшей стадии, когда английские суда были у острова Сент-Кристофер. Рэли высадил в плоскодонки тех, кто был настроен наиболее враждебно, и отправил их на родину под командой своего двоюродного брата Уильяма Герберта. Примерно в это же время эскадру покинул и капитан Роджерс Норт, направившийся в Англию. Флот Рэли распался, он утратил над ним контроль. Планы на будущее становились все более и более нереальными. Рэли собирался идти к Ньюфаундленду, там провести ремонт судов и отдохнуть, а затем вернуться к устью Ориноко, чего бы это ни стоило. Он также надеялся захватить испанский «золотой флот». Но скоро Рэли убедился, что никто его не поддерживает. Он послал с Нортом письма на родину. В одном из них, адресованном государственному секретарю Ральфу Уинвуду и датированном 21 марта, Рэли дал отчет о всех перипетиях экспедиции и обстоятельствах самоубийства Кеймиса. Он жаловался на то, что король, совершенно о нем не заботясь, сообщил все детали его плавания испанцам. «Что станет со мной теперь, я не знаю. Я не буду прощен в Англии, и мое имущество отберут. И дадут ли какой-то другой принц или страна мне хлеб, неизвестно». Рэли просил не верить злым наветам людей, вернувшихся в Англию с Гербертом.

Но Рэли напрасно взывал к Уинвуду. Тот внезапно умер, и дошедшее до Лондона письмо читал уже его преемник Роберт Ноунтон, относившийся к Рэли, в отличие от Уинвуда, недоброжелательно.

Тогда же Рэли послал очень грустное письмо жене: «Я едва жив, и ты уже знаешь почему. Уитни... которому я доверял больше, чем кому-либо из капитанов моего флота, покинул меня у Гренады, а с ним и Уолластон. Так что у меня сейчас лишь пять судов, одно из которых я посылаю домой...».

Вскоре от Рэли ушли и остальные капитаны, и он направился к Ньюфаундленду один. Во время пути Рэли обнаружил, что около сотни человек из его экипажа сговорились захватить судно, чтобы пиратствовать на нем. Рэли вызвал их на откровенность, и они признались, что не хотят возвращаться ни в Англию, ни в Гвиану. Рэли удалось уговорить их плыть в Ирландию, обещав, что они будут прощены.

Здоровье Рэли по-прежнему было очень плохим, но ему приходилось почти все время бодрствовать: он опасался, что заговорщики отступятся от своих слов и схватят его.

26 мая «Судьба» прибыла в ирландский порт Кинсейл. Там уже стояли три корабля его эскадры. Капитаны судов встретили его враждебно. Враждебной была и встреча на берегу. Там уже было известно о провале экспедиции, о сожжении Сан-Томе и о реакции короля Якова.

Роджер Норт дал королю полный отчет о плавании, стараясь подчеркнуть его положительные стороны. Но Яков уже все знал от Гондомара, получившего сведения из Мадрида. Едва дождавшись, чтобы объявили о его приходе, Гондомар бросился к Якову, крича: «Пираты! Пираты! Пираты!» Он напомнил королю его обещание отправить Рэли в Мадрид для суда над ним.

Яков был занят переговорами с Филиппом III о женитьбе своего сына на испанской принцессе и никак не хотел раздражать его. 9 июня Яков подписал документ, в котором говорилось о его «глубоком возмущении» эксцессами, допущенными Рэли. Король подчеркивал, что ему известно о них лишь по слухам, и просил всех, кто что-либо знает о преступлениях Рэли, безотлагательно сообщить об этом Тайному совету. Документ был опубликован 11 мая, а на следующий день первый лорд Адмиралтейства издал приказ об аресте Рэли.

21 июня «Судьба» подошла к Плимуту. Рэли поставил корабль на мертвый якорь и отослал паруса и такелаж на берег. Он не намеревался немедленно бежать из Англии. В тот же день Рэли написал одному из своих родственников, что мог бы сделаться пиратом, поскольку обладает превосходным судном, «лучше которого нет на свете», и многие из его людей желали этого. Во время плавания, особенно при разграблении Сан-Томе, он захватил у испанцев различные ценности, по его оценке, стоимостью 100 тысяч фунтов стерлингов. Имея такие средства, он

мог бы собрать компанию, с которой весьма затруднил бы морское сообщение с Европой. Но он не стал этого делать. Хорошо ли, плохо ли, но он дома.

Леди Рэли встретила мужа в Плимуте, и они жили там в доме Дрейка. Рэли приводил в порядок дела после плавания. Лишь в десятых числах июля супруги Рэли направились в Лондон. Но только они проехали немногим более 20 миль, как были остановлены вице-адмиралом Стакли, который сказал, что имеет приказ арестовать Рэли. Хотя у Стакли не было с собой официального документа, Рэли поверил ему на слово, и они повернули обратно в Плимут. Стакли был племянником Ричарда Гренвилла и, таким образом, кузеном Рэли. Его отец Джон Стакли принимал участие в одном из плаваний в Вирджинию.

Прошло еще несколько странно тихих дней. Все ждали, что Рэли попытается скрыться из Англии. Казалось, ничто не препятствовало ему. Леди Рэли уговаривала мужа сделать это и даже договорилась с двумя французскими капитанами из Ла-Рошели, Флори и Ле Грандом, что они переправят Рэли через канал. Однажды ночью Рэли отправился к берегу, где стояло судно Флори, но, неожиданно передумав, повернул назад. Возможно, в нем заговорила гордость, и он, человек чести, устыдился ночного бегства.

В Лондоне распространились слухи, что Рэли слишком тяжело болен для того, чтобы предпринять поездку. И он остался в Плимуте. Но 23 июля Тайный совет дал категорический приказ Стакли доставить Рэли в столицу. 25 июля Рэли, его жена и несколько слуг покинули Плимут.

В гостинице Брентфорда, расположенного недалеко от Лондона, Рэли встретил француза Давида де Новьона, который передал ему записку от французского посла в Лондоне Ле Клерка. Посол выражал желание встретиться с Рэли. Тот ответил согласием. 7 августа Рэли прибыл в Лондон, а на следующий день его посетили Ле Клерк и де Новьон. Встреча состоялась в присутствии друзей Рэли, так что о ее секретности не могло быть и речи. Во всяком случае, Тайный совет знал о ней.

Ле Клерк предложил Рэли бежать во Францию. Французский король намерен использовать его, чтобы помешать сближению Англии с Испанией, которое должно произойти после женитьбы английского принца на испанской принцессе. Посол сказал, что королева Анна решительно против этой женитьбы и что она попытается защитить Рэли перед Яковом.

Рэли согласился бежать во Францию, но только не на французском корабле. Он решил воспользоваться переданным ему ранее предложением некоего Эдварда Коттрелла, одного из служащих Тауэра, который помогал Рэли во время его второго заключения в Тауэре. Стакли также вызвался помогать. Они обещали доставить Рэли к устью Темзы, откуда знакомый Рэли боцман Харт должен был перевезти его во Францию на своем паруснике.

Решили отправиться в ту же ночь. Коттрелл с двумя лодками ждал Рэли на берегу Темзы. Он появился в шляпе с широкой зеленой лентой, с нелепой фальшивой бородой, в руках у него был дорожный мешок и четыре пистолета.

Стакли с сыном, Харт и слуга Рэли ждали его у лодок. Рэли отдал два пистолета Стакли, и они отчалили. Вдруг Рэли увидел большую шлюпку, которая шла за ними. Рэли решил, что его предали, но Стакли стал возмущаться подозрительностью Рэли и заявил, что очень сожалеет, что принял участие в этом рискованном предприятии.

Когда беглецы достигли Гринвича, рядом с ними прошла какая-то лодка. Опять у Рэли возникло подозрение в предательстве. Наконец они достигли того места, где Рэли должен был пересесть на парусник Харта. И действительно, недалеко показались два или три парусника, но Харт сказал, что среди них нет его судна. Тут уж Рэли окончательно убедился в том, что он окружен предателями. Лодки подошли к берегу, где Стакли заявил Рэли, что от имени английского короля арестовывает его.

За свое предательство Стакли получил тысячу фунтов стерлингов. Многие его осуждали, и он даже пожаловался на это Якову. «Если бы я вешал всех, кто плохо о тебе говорит, то не хватило бы деревьев в моем королевстве»,— ответил Яков. Позднее Стакли был обвинен в крупном мошенничестве и приговорен к смертной казни. Казнь, однако, была ему заменена тюремным заключением. В тюрьме он сошел с ума и умер в августе 1620 г.

Рэли был доставлен в Лондон и в третий раз заключен в Тауэр.

КАЗНЬ

Все друзья и враги Рэли были теперь уверены, что ему уготована близкая смерть. Не сомневался в этом и Гондомар, тем более что у него было письмо из Гринвича от фаворита короля Джорджа Виллирса, датированное 26 июня, в котором тот писал, что «его величество будет так же суров в наказании (Рэли и его людей.— *К. М.*), как если бы они сделали то же самое с каким-либо городом Англии», то есть сожгли его, как был сожжен Сан-Томе. В письме говорилось, что золото и сокровища, захваченные Рэли, будут возвращены Испании.

Весной 1618 г. Гондомар должен был вернуться в Мадрид, но, когда узнал о прибытии Рэли, остался в Англии. Испанский посол покинул Лондон 15 июля, когда было уже совершенно очевидно, что король и Тайный совет выполнят свои обязательства перед Филиппом III. Переговоры о династическом браке шли к успешному завершению. Порукой тому была голова Рэли.

Шли дни, но никакого сообщения о дальнейшей судьбе Рэли не было. Лондон был полон самых противоречивых слухов: гово-

рили, что Рэли будет казнен за свои старые преступления, что Рэли тотчас же казнят за новые злодеяния, что Рэли будут сначала держать в заключении, а казнят позднее, наконец, что Рэли будет прощен, учитывая ходатайство королевы, и поселится за границей.

Трижды Рэли был опрошен комитетом Тайного совета, состоявшим из лорда Фрэнсиса Бэкона, архиепископа Эбботта, графа Уорсестера, Эдварда Коука, Юлиуса Сезара и Роберта Ноунтона. Комитет нашел, что в деле Рэли много неясного. Например, есть основания считать, что сам король юридически так же виновен, как и Рэли, за то, что произошло в Гвиане. Рэли причинял ущерб испанской собственности и убивал испанских подданных на предположительно испанской территории. Но если местом преступления Рэли была испанская территория и король знал, что она принадлежит Испании, почему же тогда он послал туда вооруженную экспедицию? Если упомянутая территория не испанская, а английская, тогда, естественно, Рэли не совершил никаких преступлений. У комитета возникло много других вопросов. Думал ли вообще Рэли искать золотые копи? Члены комитета были уверены, что нет. Многие участники экспедиции считали, что Рэли провел их как дураков: завлек в плавание баснями о золотых копях, которых, как ему было хорошо известно, вообще не существовало. Получил ли Рэли перед уходом в плавание какие-то тайные инструкции короля? Еще из Плимута он написал письмо лорду Кэрью, в котором объяснил все случившееся за время экспедиции и выразил удивление тем, что король недоволен нападением на Сан-Томе. «Со времени моего прибытия в Ирландию,— писал Рэли,— я немало встревожен разговорами о том, что впал в немилость его величества за захват города в Гвиане, который был во владении испанцев». Эти слова, по мнению комитета, намекали на какую-то договоренность с королем.

Комитету требовалось время для рассмотрения этих и других вопросов. Было опрошено много людей, связанных с экспедицией в Гвиану и попыткой побега Рэли во Францию. Они вызывали Давида де Новьона и пытались допросить Ле Клерка, который, однако, отказался прийти, ссылаясь на свои дипломатические права. После этого ему было запрещено выходить из дома. Такое обращение с послом вызвало серьезное ухудшение отношений между Францией и Англией.

Отказ Ле Клерка отвечать на вопросы Тайного совета сделал еще более ценными признания самого Рэли. Перед заключением Рэли в Тауэр была составлена опись его личных вещей. Он имел с собой карты Гвианы и Панамы, несколько описаний проб «гвианской руды» и серебра, «гвианского идола» из золота и меди, гиацинтовую печать, отделанную золотом, с выгравированным на ней Нептуном, личную печать со своим гербом из серебра, слиток высококачественного золота и еще один слиток более низ-

кого по качеству золота, 63 золотые пуговицы с бриллиантами, золотую цепь с бриллиантами, кольцо с девятью бриллиантами, золотой ларец, наполненный бриллиантами, бриллиантовую брошь с рубином посередине, бриллиантовое кольцо, подаренное королевой Елизаветой.

Золото и драгоценные вещи, которые легко можно было унести с собой, карты, представлявшие несомненный интерес для французского правительства, свидетельствовали о том, что Рэли действительно надеялся бежать во Францию. Но члены комитета Тайного совета прекрасно представляли себе теперь все трудности, связанные с обвинениями Рэли. Поэтому они поспешили снять с себя это бремя. 11 сентября комитет поручил одному из правительственных чиновников, сэру Томасу Уилсону, добиться от Рэли саморазоблачительного заявления. Уилсону также вменялось в обязанность неотступно следить за Рэли. Для этого он переселился в Тауэр и находился с Рэли ежедневно с утра до ночи, даже ел вместе с ним. Никто не мог встречаться с заключенным без разрешения Уилсона. Он подолгу беседовал с Рэли, задавая ему каверзные вопросы, записывал все, что тот говорил, и сообщал Тайному совету. При этом Уилсон прикидывался простаком, хотя на самом деле был достаточно хитрым и изворотливым интриганом.

Стараясь сломить Рэли, Уилсон перевел его из относительно хорошего помещения в маленькую камеру под самой крышей одной из башен Тауэра. «Так он будет ближе к небесам,— писал Уилсон лорду-канцлеру Ноунтону,— и отсюда некуда бежать, кроме как в ад». Он ужесточил тюремный режим для Рэли, не считаясь с тем, что тот был серьезно болен.

На теле Рэли были многочисленные язвы, и он нуждался в человеке, который бы ежедневно ему их перевязывал. Он страдал от периодических приступов лихорадки. Постоянно напоминала о себе рана, полученная в Кадисе. У него болела печень. «Я болен и слаб»,— писал Рэли жене.

Но ничтожному Уилсону было не по силам одержать интеллектуальную победу над таким человеком, как Рэли. Нужного Тайному совету признания Рэли так и не сделал. Тогда Тайный совет предложил Рэли обратиться непосредственно к королю, полагая, что в письме он волей-неволей признает свою вину. 24 сентября Рэли направил Якову письмо, содержание которого разочаровало лордов. Рэли продолжал отрицать все обвинения, выдвинутые против него.

Тайный совет проявлял все большее нетерпение. Уилсону и его жене, которая была уполномочена расспрашивать Рэли вместе с мужем, были даны инструкции допросить леди Рэли. Последняя находилась под домашним арестом с 20 августа. Но разговоры с ней, так же как и ознакомление с содержанием ее писем, ничего не дали. Становилось похоже, что у обвинения нет никаких доказательств вины Рэли. 11 октября Рэли вернули

в прежнее помещение, а через четыре дня Уилсон был отстранен от своих обязанностей в Тауэре.

18 октября состоялось заседание комитета Тайного совета под председательством Бэкона, рассмотревшего дело Рэли и сообщившего свое мнение королю. Комитет напоминал, что Рэли в 1603 г. был приговорен к смерти за государственную измену и до сих пор с него юридически не было снято ни одно обвинение, послужившее основанием для вынесения смертного приговора. Следовательно, король может просто дать приказ о казни Рэли на основании приговора 1603 г., но казнь старого человека за преступления пятнадцатилетней давности будет выглядеть неоправданно жестоким, кровавым актом. Поэтому король может приказать начать новое публичное расследование всем составом Государственного совета, но уже по обвинениям, связанным с его последней экспедицией в Гвиану.

Король в общем согласился со вторым предложением, но возражал против публичного расследования, которое, по его мнению, могло привести к росту популярности Рэли: тот уже хорошо показал свои способности в защите. Король также не согласился, чтобы дело Рэли рассматривалось полным составом Государственного совета, считая, что это было бы для него слишком большой честью.

Таким образом, слушание дела Рэли было поручено тому же комитету Тайного совета, в прежнем его составе, и должно было вестись закрыто.

Первое заседание состоялось 22 октября и длилось четыре часа. Рэли снова отверг все обвинения. В частности, он сказал, что был уверен в существовании золотых копей в Гвиане. Наличие у экспедиции необходимого для добычи золота оборудования стоимостью 2 тысячи фунтов стерлингов убедительное тому доказательство. Враждебные действия против испанцев были предприняты лишь после того, как те первыми напали на англичан. Что касается его планов нападения на «золотой флот» (капитаны, принимавшие участие в экспедиции, заявили, что Рэли в их присутствии говорил о таких намерениях), то он лишь упомянул о такой возможности, когда попытка найти золотые копи окончилась неудачей. Это был просто разговор, не более, подчеркнул Рэли.

Через два дня Рэли предстал перед Тайным советом в Уайтхолле, где ему сообщили, что есть приказ о его казни. Рэли лишь попросил, чтобы ему отрубили голову, а не вешали, не вырезали внутренности и не четвертовали, как это было назначено приговором 1603 г. После этого Рэли был доставлен обратно в Тауэр. 28 октября, в 8 часов утра, Рэли разбудили и повели в Вестминстер. Там Рэли услышал удивительное по своей нелогичности и противоречивости заявление. Лорд Элвертон, подводя итоги разбирательства, неожиданно заговорил о высоких достоинствах Рэли, назвав его «звездой, на которую с восхищением взирает весь

мир». Но, сказал он, существует смертный приговор, вынесенный Рэли в 1603 г. и не приведенный до сих пор в исполнение по милосердию короля. Теперь его величество пожелал привести этот приговор в исполнение.

Таким образом получалось, что Рэли, заключенный в Тауэр и обвиненный в преступлениях, совершенных во время последней экспедиции в Гвиану, должен был лишиться жизни по приговору, не имевшему никакого отношения к этому делу.

Клерк прочитал приговор и попросил Рэли поставить свою подпись, что тот и сделал. Затем Рэли спросили, не хочет ли он что-нибудь сказать перед исполнением приговора. Рэли извинился за свой слабый голос (у него был сильный приступ лихорадки) и начал свою речь. Он опять отверг все обвинения, новые и старые, выдвинутые против него. Рэли сказал, что не дорожит своей жизнью: он стар и слаб и все равно скоро умрет, а просит лишь о некоторой отсрочке казни. «Я хотел бы, чтобы меня выслушали в день моей смерти. А теперь я призываю в судьи бога, перед которым я скоро предстану, что никогда не предавал его величество... и прошу всех вас молиться за меня». В тот же день король подписал распоряжение о приведении смертного приговора в исполнение.

Только одного удалось добиться Рэли: ему обещали, что он будет обезглавлен, как просил, без четвертования и вырывания внутренностей.

Казнь была назначена на 29 октября. В этот день по традиции должен был состояться большой праздник, устраиваемый лордом-мэром Лондона. Король полагал, что большинство лондонцев отправятся в Сити для участия в различных праздничных шествиях и церемониях и казнь Рэли пройдет незаметно.

Поскольку казнь была назначена на следующий же день, решили не возвращать Рэли в Тауэр, а поместить его в монастыре святого Петра в Вестминстере. По дороге туда Рэли увидел в толпе своего приятеля Хью Бистона и спросил его, придет ли он завтра утром на казнь. Сэр Хью ответил, что, конечно, придет, но не знает, удастся ли ему найти место, где встать. На что Рэли иронически заметил: «Но вы должны что-то предпринять, чтобы обеспечить себе такое место. Что же до меня, то я за свое место уверен».

Король спешил с казнью Рэли. Он отверг все просьбы о помиловании, даже просьбу королевы Анны. Он игнорировал советы своих приближенных, выступавших против казни Рэли по политическим соображениям. Перед Яковом открывалась, как ему казалось, возможность достижения прочного мира с Испанией, и он желал поскорее устранить все мешавшее этому. Испанское правительство требовало головы Рэли, и Яков дал им ее.

Но он просчитался. Рэли, который при жизни никогда не был широко популярен, после смерти стал национальным героем. По иронии судьбы брак в конце концов так и не состоялся. В Анг-

лии знали, что Рэли всю жизнь считал Испанию опаснейшим врагом. Он был символом «старой, доброй Англии», последним оставшимся в живых героем, участвовавшим в разгроме «Непобедимой армады». И именно Рэли был принесен в жертву ради чужеземной католической принцессы, которую никто в Англии и в глаза не видел. В те времена говорили: «Смерть Рэли создаст более трудное положение для испанской партии в Англии, чем это было бы, если бы он остался в живых».

Ожидая казни, Рэли был спокоен и весел. Он принял многих посетителей, постарался привести в порядок свои дела, отдал на этот счет необходимые распоряжения. И успевал еще писать стихи.

Поздно вечером к нему пришла жена. Целый день она пыталась уговорить лордов просить Якова о помиловании Рэли. Но ничего не добилась, кроме разрешения забрать его тело после казни. Она сказала об этом Рэли. «Прекрасно, дорогая Бесс,— ответил он,— что ты сможешь распоряжаться мертвым телом, ибо тебе это не всегда удавалось, когда оно было живым». Юмор не покинул Рэли даже в столь трагической ситуации.

После ухода жены Рэли заставил себя уснуть часа на четыре. Потом он встал и приготовился к предстоящему событию. В 8 часов утра к Рэли пришел шериф, чтобы вести его на казнь.

Эшафот был установлен у здания парламента. Король ошибся, полагая, что лондонцы по случаю праздника устремятся в Сити. Собралась огромная толпа. Чтобы сдержать людской напор, были поставлены деревянные заграждения, но все равно шериф с большим трудом пробивал дорогу к эшафоту. Давка была такая, что Рэли задыхался и был близок к обмороку, когда наконец взобрался на эшафот.

Было холодное октябрьское утро, и около эшафота жгли костры, у которых грелись шерифы. Они предложили Рэли спуститься к ним, чтобы тоже погреться, но он отказался. «Если казнь задержится,— сказал Рэли,— может начаться приступ лихорадки, и люди подумают, что я трясусь от страха».

С эшафота Рэли оглядывал толпу, улыбаясь и приветствуя друзей и знакомых. Среди многочисленной знати, прибывшей на казнь Рэли, были графы Эрандел и Оксфорд.

Офицеры призвали к соблюдению тишины. Разноголосый шум толпы мгновенно стих. Рэли начал свою последнюю речь. Он извинился прежде всего за то, что у него слабый голос. Два дня его сильно лихорадило, и новый приступ мог начаться в любое время. Поэтому, продолжал он, если вы заметите, что мой голос срывается, знайте, что это происходит от болезни, а не от страха. Рэли сделал небольшую паузу и продолжал говорить. Он заметил, что лорды, собравшиеся на балконе дворца, разбирают не все его слова, и сказал, что попытается говорить громче. Но Эрандел просил Рэли не делать этого. Лучше, заметил он, мы спу-

стимся вниз. Когда лорды подошли к эшафоту, Рэли поздоровался с каждым из них за руку и продолжал свою речь.

«Король,— сказал Рэли,— обвинил меня в двух главных преступлениях: французском заговоре и оскорблении его величества. Но я клянусь, что не виновен ни в одном из них. Никогда я не имел никаких связей с королем Франции, и у меня не было намерений служить французам в ущерб своей стране. Я хотел бежать во Францию, но лишь для того, чтобы спасти свою жизнь. Обвинения же в оскорблении короля не что иное, как злобная клевета». Рэли отверг и обвинение в том, что не хотел возвращаться в Англию после провала экспедиции: «Напротив, именно я заставил мятежников на „Судьбе" плыть на родину». Тут Рэли повернулся к графу Эранделу: «Находясь на борту моего корабля перед отплытием, вы сказали, что просите меня лишь об одном: чтобы я вернулся в Англию независимо от того, каким будет предстоявшее плавание, успешным или неудачным. И я поклялся вернуться».

«Да, это правда,— отвечал Эрандел.— Это были последние слова, которые я от вас тогда услышал».

Речь Рэли продолжалась более получаса. Кончив, он произнес молитву, пожал руки всем присутствовавшим дворянам и шерифам. Обнимая графа Эрандела, Рэли сказал: «Я отправляюсь в далекое путешествие и потому хочу проститься с вами».

Рэли попросил показать ему топор. Палач колебался, но Рэли настаивал: «Дай мне взглянуть на него. Не думаешь ли ты, что я его боюсь?» Он провел пальцем по острию топора. «Это сильное лекарство,— заметил Рэли шерифу,— но лишь оно сможет вылечить меня от всех моих болезней».

По традиции палач встал на колени перед Рэли и попросил у него прощения. Рэли, положив руку ему на плечо, с легким сердцем простил его. Палач спросил Рэли, завязывать ли глаза. Рэли отказался: «Если я не боюсь самого топора, то что же мне пугаться его тени». Потом Рэли опустился на колени и положил голову на плаху. Кто-то из толпы сказал, что голова повернута на запад, а не на восток, как полагается. Рэли ответил: «Это не столь важно, где лежит голова, лишь бы сердце было на месте». Но позицию изменил.

Палач стоял в нерешительности. «Что же ты медлишь? — воскликнул Рэли.— Ударь, ударь скорее!» Первый удар был смертельным. Вторым ударом голова была отделена от туловища. Палач поднял ее за волосы, демонстрируя собравшимся, но он не произнес, как того требовал обычай: «Смотрите на голову предателя!» Из толпы раздался голос, произнесший более подходящую к случаю фразу: «У нас теперь не у кого отрубить подобную голову!»

Голова Рэли была положена в красную кожаную сумку, а тело завернуто в бархатную мантию. Леди Рэли похоронила тело мужа в церкви святой Маргариты в Вестминстере. Голова же

была бальзамирована и хранилась у Элизабет Рэли двадцать девять лет, до самой ее смерти.

Так окончил свою жизнь неистовый «елизаветинец». В Мадриде могли быть довольны.

Но законы истории неумолимы. В год казни Рэли началась Тридцатилетняя война. В ходе этой и последовавших войн Англия и Франция нанесли Испании удары, низвергшие ее на положение второстепенной европейской державы.

ПЕДРО ФЕРНАНДЕС ДЕ КИРОС
В ПОИСКАХ ЮЖНОЙ ЗЕМЛИ

В СТРАНУ ОФИР

В конце июля 1980 г. на земном шаре должно было появиться еще одно суверенное государство. К независимости шел архипелаг Новые Гебриды, на более чем 80 островах которого жило 112 тысяч человек. Архипелаг находился под совместным владением Великобритании и Франции с начала XX в.

Казалось бы, ничто не могло помешать этому событию. Мучительные, растянувшиеся на несколько лет переговоры представителей коренного населения островов с британским и французским правительствами были завершены. Но вдруг в конце мая стало известно, что на крупнейшем острове архипелага — Эспириту-Санто — вспыхнул мятеж. Мятежники, захватив главный город острова — Люганвиль, объявили об отказе войти в состав нового государства.

И мало кому до той поры известное название далекого острова замелькало на страницах мировой печати.

Странное название: ведь в переводе с испанского оно означает «святой дух». Конечно, такое название могло быть дано острову во времена весьма далекие. Но все-таки почему так был назван один из новогебридских островов?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо совершить путешествие в глубь веков.

В XV в. морское владычество прочно перешло к Испании и Португалии. Их корабли совершали далекие экспедиции, целью которых были поиски драгоценных металлов. Доходившие из глубины веков легенды о несметных богатствах заморских стран воспламеняли сердца испанских и португальских мореплавателей.

Одна из таких легенд содержалась в Библии, в III Книге царей. В ней говорилось, что царь Соломон послал свои корабли в страну Офир и они вернулись с золотом, которое пошло на постройку храма в Иерусалиме.

Древние авторы считали, что страна Офир находится где-то в Индии. Об этой легенде знали и Колумб, и Магеллан. И тот и другой, идя различными путями, стремились достичь сказочно богатой страны Офир. И тот и другой были уверены, что достигли ее.

В 1538—1541 гг. Карл V, опираясь на Сарагосский договор, заключил с вице-королем Новой Испании ряд соглашений на открытие, захват и колонизацию «островов в Южных морях в западном направлении».

Опять испанцы вспомнили библейскую легенду о стране Офир. Поскольку до сих пор ее не нашли ни в Америке, ни в Азии, то, следовательно, рассуждали они, единственным местом, где ее можно обнаружить, остается Океания. Уверенность испанцев подкреплялась легендами инков о путешествиях их предков к островам, богатым драгоценными металлами.

Одну из таких легенд услышал испанец Педро Сармиенто де Гамбоа, живший в Перу. Впоследствии он поведал о ней в книге «История инков».

Согласно легенде, вождь инков Тупака во время своего плавания на бальсовых плотах наткнулся в океане на два острова, откуда привез черных людей, золото, трон из меди, шкуру и челюсти лошади. «Эти трофеи находились в крепости Куско до прихода испанцев... Экспедиция Тупака продолжалась девять месяцев, по другим сведениям — год».

Рассказы инков навели де Гамбоа на мысль организовать экспедицию в Южные моря. В середине 1567 г. он передал свой проект вице-королю Перу — Лопе Гарсия де Кастро.

Вице-король одобрил этот проект и распорядился начать подготовку экспедиции. Однако во главе ее он поставил не де Гамбоа, а своего 25-летнего племянника Альваро Менданью де Нейра. Де Гамбоа был включен в состав экспедиции, для которой де Кастро выделил два корабля — «Лос-Рейес» и «Тодос Сантос», переименованные в «Капитан» и «Альмирата». Менданье предписывалось создавать колонии на открываемых землях и «обращать всех язычников в христианство».

Следует сказать, что такое объяснение испанцами причин колониальных захватов было традиционным. Свои кровавые злодеяния конкистадоры оправдывали «священным ужасом, внушаемым идолопоклонством», а приобретение земель — желанием наставить на путь истинный «диких туземцев».

Экспедиция началась 19 ноября 1567 г. В ней участвовало 150 человек. Почти два месяца они не видели земли. Запасы воды и пищи подходили к концу. Команда роптала. Наконец 15 января 1568 г. показалась земля. Вероятно, это был один из островов, входящих в островную группу Тувалу. Скалистая земля выглядела такой безжизненной и бесплодной, что путешественники решили не высаживаться.

Спустя еще 17 дней плавания сразу оба корабля наскочили на рифы. Однако вскоре сильный ветер снял их с рифов и носил шесть дней по бушующим волнам. На седьмой день погода прояснилась и измученные испанцы увидели перед собой долгожданную землю. Это случилось 7 февраля 1568 г. Менданья назвал землю Санта-Исабель в честь святой — покровительницы их экспедиции. Сначала Менданья думал, что открыл неизвестный континент, но Санта-Исабель оказался островом.

Испанские корабли сразу были окружены каноэ аборигенов. Встреча была дружеской. Испанцев приветствовал местный

вождь Билебанара. Один из участников экспедиции, описывая впоследствии внешность вождя, отмечал, что «его головной убор был сделан из множества белых и цветных перьев, на запястья были надеты белые костяные браслеты, выглядевшие алебастровыми, а на шею — маленький щит, который они называли тако-тако; лицо его было ярко раскрашено... Он попросил шапку, предлагая за нее один из своих браслетов. Произведенный обмен был ему, очевидно, приятен... Он и его индейцы начали танцевать. Подобного представления мы никогда не видели. Генерал предложил ему сесть и спросил, как на его языке называются солнце, луна, небо, а также разные вещи. И вождь назвал их. Мы быстро усваивали их язык, а они наш... Они старались запомнить наши слова».

Однако эти идиллические картины очень скоро сменились кровавыми сценами.

Жестокость де Гамбоа, посланного во главе испанского отряда на остров за продовольствием, привела к стычкам. Отношения ухудшились. Надо сказать, испанцы, как только поняли, что никаких богатств на острове нет, сразу утратили интерес к аборигенам.

Чтобы обследовать остров, испанцы построили бригантину «Сантьяго». На этом судне они не только изучили береговую линию, но и открыли еще один остров неподалеку от Санта-Исабель. Этот остров оказался значительно крупнее. Один из испанцев предложил назвать его Гуадалканал в честь родной деревни.

Испанцы попытались высадиться на берег, но аборигены встретили их столь враждебно, что путешественники сочли за лучшее вернуться на Санта-Исабель. После этого уже вся экспедиция отправилась на Гуадалканал.

Здесь испанцы вели себя точно так же, как на острове Санта-Исабель: силой отнимали продовольствие у аборигенов, жгли деревни, отгоняя их обитателей в глубь острова. 13 июня Менданья отдал приказ покинуть Гуадалканал.

После семидневного плавания корабли достигли большого острова. Испанцы назвали его Сан-Кристобаль. Пришельцы и здесь стали силой отбирать продовольствие у островитян, вступая с ними в кровопролитные столкновения. В течение всего времени пребывания испанцев на Сан-Кристобале не прекращались стычки с местными жителями. Многие солдаты и матросы заболели. Испанцы впали в уныние. К тому же нигде они не находили ни золота, ни серебра. Никто не хотел больше оставаться здесь, и Менданья отдал приказ возвращаться. 11 августа 1568 г. корабли покинули остров, взяв курс к берегам Америки.

Обратный путь был тяжел и опасен. Лишь 19 декабря показался американский берег.

Как ни старался Менданья представить свою экспедицию успешной, как ни расписывал блестящие перспективы колонизации открытых им островов, где, по его словам, находились несметные

богатства, которые можно было сравнить лишь с сокровищами легендарного царя Соломона, испанские власти весьма прохладно отнеслись к рассказам капитана.

«По моему мнению,— сообщал один из чиновников испанской колониальной администрации в Южной Америке в письме королю,— они (открытые острова.— *К. М.*) не имеют большого значения, хотя они (Менданья и его спутники.— *К. М.*) говорят, что земля там богата; во время своего путешествия они не обнаружили ни специй, ни золота и серебра, ни товаров, ни какого-либо другого источника дохода, а все местные жители — дикари».

Тем не менее за открытыми Менданьей островами утвердилось название Соломоновых. В отчете о плавании де Гамбоа писал уже о «западных островах в южной части Тихого океана, обычно называемых островами Соломона».

Несмотря на то что у Менданьи теперь не было такой поддержки, как до экспедиции (его дядя покинул пост вице-короля Перу, а преемник не жаловал капитана), он получил в 1574 г. королевский приказ организовать новую экспедицию к Соломоновым островам и взять с собой кроме 500 человек еще коров, лошадей, свиней, овец. Менданье предписывалось создать на островах три укрепленных поселения. Ему был пожалован титул маркиза, передавалась неограниченная власть над колонией, право чеканить золотую и серебряную монету (которое оставалось за его семьей в течение двух поколений).

В другом королевском послании, от 25 мая 1575 г., Менданье предписывалось произвести наблюдения за затмениями Луны, которые ожидались 26 сентября 1575 г. и 15 сентября 1578 г., с целью определить координаты Соломоновых островов и нанести их на карту.

Первый приказ не был выполнен. Менданья смог выйти из Севильи лишь в середине 1576 г. и потому достиг берегов Панамы в январе 1577 г. Там же его вследствие интриг колониальной администрации неожиданно арестовали. Экспедиция сорвалась.

В новом королевском послании Менданье, который именовался теперь губернатором Соломоновых островов, приказывалось идти к архипелагу и уточнить его местоположение, проведя наблюдение за лунным затмением в 1581 г. Но и на этот раз чины колониальной администрации помешали осуществлению экспедиции. Лишь в 1590 г. вице-король Гарсия де Мендоса счел возможным разрешить подготовку к экспедиции. Прошло, однако, еще пять лет, прежде чем она началась.

Почти за тридцать лет, прошедших со времени первого плавания Менданьи к Соломоновым островам, положение Испании в Тихом океане изменилось. Англия все настойчивее стремилась подорвать ее господство в Тихом океане.

Усилившаяся британская активность на морях заставила испанское правительство поторопиться с захватом тихоокеанских островов и разрешить наконец Менданье плавание, столь долго

ожидаемое им. В свое второе плавание к Соломоновым островам Менданья отправился уже немолодым человеком. Ему было 53 года.

В плавании его сопровождали жена — Исабель Баррето, ее сестра и три брата. Донна Исабель, молодая женщина 20 лет, деспотичная и тщеславная, была горда сознанием, что она жена аделантадо, то есть губернатора. Одного из ее братьев, Лоренсо Баррето, Менданья назначил капитаном флагманского корабля экспедиции «Сан-Хиронимо». Клан Баррето занял сильные позиции в экспедиции, особенно если учесть мягкий, податливый характер Менданьи.

9 апреля 1595 г. экспедиция отправилась в плавание, покинув Кальяо, порт Лимы, столицы Перу, называвшейся в те времена Городом Королей. Плавание совершалось на четырех судах, в состав экспедиции входило 378 матросов и солдат с женами и детьми. Католическую церковь представляли три священника-францисканца. Командиром отряда солдат был полковник Педро Мерино Манрике, храбрый, опытный солдат, но человек грубый и вздорный.

Главным штурманом экспедиции был Педро Фернандес де Кирос. Он родился в Португалии в 1565 г., за год до первой экспедиции Менданьи. В 1580 г., когда Филипп II объединил под одним скипетром Испанию и Португалию, пятнадцатилетний Кирос стал подданным испанского монарха. В 1589 г. он женился. К этому времени Кирос уже несколько лет провел на море. На следующий год, когда он с женой находился в Перу, у них родился сын Франсиско, дочь Хиронима родилась в 1595 г., через несколько месяцев после начала второй экспедиции Менданьи.

Уже в первые дни плавания Кирос понял, что попал в тяжелое положение. Сразу же после отплытия из Кальяо между полковником Манрике и донной Исабель испортились отношения. Каждый из них претендовал на руководящую роль в экспедиции и требовал выполнения своих распоряжений. Кирос хотел даже отказаться от участия в плавании. Единственное, что заставило его остаться, было глубокое уважение к Менданье. Подробности о второй экспедиции Менданьи мы узнаем из отчета Кироса, продиктованного им своему секретарю 12 лет спустя.

Выйдя из Кальяо, Менданья еще некоторое время вел корабли на север вдоль южноамериканского побережья к порту Пайта, где намеревался пополнить запасы воды и продовольствия. В порту Черрепе произошло событие, оставившее неприятный осадок у экипажей всех судов. В порту стояло судно, груженное мукой, сахаром и другими товарами. Корабль этот очень понравился командиру одного из судов экспедиции Лопе де Вега и его офицерам. Лопе де Вега стал родственником Менданьи, женившись в Черрепе на сестре его жены Марианне. Менданья дал ему чин адмирала. Надо сказать, что женитьба Лопе де Веги была не

единственным матримониальным актом в экспедиции. Свадьбы совершались часто. Ведь среди участников экспедиции были не только матросы и солдаты, но и будущие колонисты, люди, устремившиеся за счастьем во вновь открываемые земли. В экспедицию отправились и целые семьи с многочисленными детьми, и вдовы, и незамужние женщины. За время плавания было отпраздновано полтора десятка свадеб.

Зная, что Менданья не согласится на обмен, считая корабль Лопе де Веги вполне пригодным для плавания, последний решил пойти на хитрость. Лопе де Вега приказал сделать шесть пробоин в днище своего судна и сообщил Менданье, что корабль не может продолжать плавание из-за сильной течи. Прибывший на судно Менданья убедился в его непригодности и дал согласие на обмен. Стоимость забираемого судна на 6,6 тысячи песо превышала стоимость корабля Лопе де Веги. Полковник Манрике с группой солдат был послан на корабль и начал его разгрузку. Половина груза на судне принадлежала священнику, который находился на его борту. Он требовал прекратить «беззаконие и разбой», но его никто не слушал. Более того, один солдат ударил его и пригрозил сбросить за борт. Тогда священник очень громко и торжественно заявил, что он молит бога, чтобы этому кораблю никогда не было удачи, если он будет все-таки разгружен. Как ни были жестоки и грубы люди Менданьи, но проклятие священнослужителя запало им в душу.

Общая атмосфера на судах экспедиции все ухудшалась из-за усилившейся распри между Манрике и Менданьей. Очень напряженными были отношения Манрике с Киросом, хотя последний всячески старался избегать ссор. Когда корабли экспедиции сделали свою последнюю остановку в порту Пайта на южноамериканском побережье, Кирос заявил, что отказывается от дальнейшего участия в плавании. Но Менданье удалось уговорить его остаться. С тяжелым сердцем Кирос согласился. Он видел, что, измотанный многолетними мучительными хлопотами по организации экспедиции, подорвавшими его здоровье, окруженный алчной родней, Менданья не сумел установить на судах твердую дисциплину, заставить экипаж повиноваться. Экспедиция была плохо подготовлена к предстоящему нелегкому плаванию. Не было запасено даже необходимого количества воды и продовольствия. Когда Кирос обратил на это внимание Менданьи, тот ответил, что все обойдется. Он был глубоко уверен, что легко и быстро приведет свои корабли к Соломоновым островам.

16 июня 1595 г. корабли покинули порт Пайта, взяв курс на юго-запад. Менданья с женой, ее сестрой и братьями находился на борту «Сан-Хиронимо»; обмененным кораблем, названным, как и прежний, «Санта-Исабель», командовал Лопе де Вега; галиотом «Сан-Фелипе» — Фелипе Корсо; фрегатом «Санта-Каталина» — Алонсо де Лейва. Кирос находился на одном корабле с Менданьей.

Более месяца шли корабли, не встречая земли. Но вот наконец 21 июля в 5 часов пополудни в 10 лигах от кораблей мореплаватели увидели остров. Менданья назвал его Санта-Магдалина, поскольку следующий день был праздником в честь именно этой святой.

Менданья, уверенный, что достиг Соломоновых островов, распорядился собрать экипаж на молитву. Викарий и капеллан запели «Te Deum laudamus»[1], подхваченную всеми с большим воодушевлением. На следующий день корабли подошли к самому острову. Он казался необитаемым, но неожиданно появилось семьдесят небольших каноэ, почти одного размера. В каноэ находилось от 3 до 10 человек — всего около 400. Это были хорошо сложенные, длинноволосые, красивые люди с почти светлой кожей, покрытой татуировкой, совершенно голые. Среди аборигенов было много детей, поразивших испанцев своей красотой. В своих записках Кирос с восторгом замечал: «Среди них был мальчик лет десяти... с внешностью ангела».

Аборигены быстро подошли к испанским судам. Они что-то кричали, указывая на остров. В лодках у них были кокосовые орехи, какая-то еда, завернутая в листья, бананы и бамбуковые трубки с водой. На борт испанских судов аборигены подняться не решались. Наконец один из них появился на палубе «Сан-Хиронимо». Менданья распорядился надеть на него рубаху и шляпу. Когда сидевшие в лодке аборигены увидели своего товарища, одетого таким образом, они покатились со смеху. Страхи их прошли. Теперь уже около сорока человек поднялось на корабль. Все увиденное вызывало у них величайшее изумление. Они изучали одежду испанцев, хватали оружие и все предметы, попадавшиеся им на глаза, и скоро изрядно надоели испанцам. Менданья приказал выстрелить из орудия. Это так напугало аборигенов, что они попрыгали в воду и поплыли к своим каноэ. Один из аборигенов хотел остаться, но товарищи увели его. Покидая корабль, аборигены привязали веревку к бугшприту[2], полагая, что сумеют оттащить корабль к берегу.

Приветливость аборигенов сменилась острой враждебностью. Они начали забрасывать испанский корабль камнями, ранив при этом одного солдата. Тогда солдаты принялись стрелять из мушкетов. Один из аборигенов был убит, восемь ранено. Так состоялось первое знакомство испанцев с жителями неизвестной земли, ибо Менданья понял, что открыл новый архипелаг. Неподалеку от острова, у которого находились испанцы, были видны еще три. Менданья назвал их островами Сан-Педро, Доминико, Санта-Кристина, а всю группу — островами Маркиза де Мендосы в честь вице-короля Перу.

---

[1] «Тебя, боже, хвалим» (лат.).

[2] Бугшприт — горизонтальная или наклонная мачта, выставленная вперед с носа корабля.

Менданья послал полковника Манрике с двадцатью солдатами к острову Санта-Кристина. Они должны были найти подходящее место для стоянки судов и пополнить запасы пресной воды. Когда испанцы подходили к острову, их окружили каноэ. Хотя аборигены и не обнаруживали никаких признаков враждебности, Манрике приказал на всякий случай стрелять в них, что немедленно было выполнено с холодной жестокостью. Ища спасения, один из аборигенов с ребенком на руках прыгнул в воду, но оба были убиты одним выстрелом. Манрике со своими людьми вернулся на корабль, так и не найдя удобной гавани и источника пресной воды.

На следующий день экспедиция на остров Санта-Кристина повторилась. На этот раз испанцы высадились на берег. Они окружили деревню и знаками стали объяснять жителям, что им нужна вода. Аборигены держались приветливо, дали испанцам кокосовых орехов. Солдаты, заметив, что местные женщины весьма привлекательны, попытались с помощью подарков завоевать их расположение. Полковник Манрике дал аборигенам кувшины, с тем чтобы они принесли воды. Аборигены бросились бежать, а испанцы, решив, что те хотят украсть кувшины, не долго думая открыли по ним огонь. И опять экспедиция закончилась неудачно.

Тем временем, не дожидаясь возвращения Манрике, Менданья направился в ту бухту, где посланный им отряд высадился на берег, полагая, что она достаточно удобна для стоянки судов.

И тут чуть не произошла трагедия. Когда «Сан-Хиронимо» шел к острову, ветер неожиданно стих, волна подхватила корабль и понесла его к прибрежной скале. Гибель судна казалась неизбежной, но внезапно подул бриз, матросы мгновенно поставили паруса, «Сан-Хиронимо» остановился недалеко от роковой скалы, а затем пошел вдоль побережья. Манрике сообщил Менданье, что намеченная им для стоянки бухта очень плоха. В ней много опасных подводных скал. Тогда Менданья заявил, что не хочет терять время на поиски подходящей гавани на открытом архипелаге, а намерен немедленно плыть на «свои» Соломоновы острова. Пресной воды, имевшейся на борту кораблей, по его мнению, должно хватить на это плавание. Кирос же настаивал на продолжении поисков удобной бухты на острове Санта-Кристина и обеспечении экспедиции водой до возобновления плавания в неизвестных морях.

— Но что мы будем делать, если не найдем здесь подходящей гавани? — спросил Менданья.

— Мы можем вернуться на остров Магдалины,— ответил Кирос.

Но вскоре пришло известие от Манрике, посланного искать другую бухту на острове, что такая нашлась. Менданья повел туда корабли.

28 июля Менданья в сопровождении жены и большей части экипажа сошел на берег. Викарий начал служить мессу. Собравшиеся невдалеке жители острова следили за действиями испанцев с большим вниманием и старались имитировать их движения. После мессы Менданья от имени испанского монарха провозгласил все четыре острова собственностью Испании, а затем отправился в деревню и приказал посеять там семена маиса в присутствии местных жителей. Покончив с этим делом, Менданья вернулся на «Сан-Хиронимо». Полковник Манрике с солдатами остался на берегу. Вскоре между солдатами возникла ссора. Аборигены, увидя это, начали бросать в них дротики и камни, ранив при этом одного солдата в ногу. Испугавшись, что испанцы будут мстить за своего товарища, они вместе с женами и детьми убежали в лес. Солдаты открыли огонь и бросились преследовать аборигенов, но те успели скрыться среди холмов. Оттуда раздавались их воинственные крики, многократно повторявшиеся и усиливавшиеся эхом. Аборигены думали таким образом напугать испанцев.

Полковник Манрике оставил солдат на берегу для охраны женщин, расположившихся там на отдых, и матросов, занятых пополнением запасов дров и пресной воды.

Но аборигены и не думали нападать на пришельцев. На следующий день они пришли к лагерю испанцев, всячески демонстрируя свои мирные намерения, и принесли еду. Испанцы, в свою очередь, встретили аборигенов дружески. Казалось, что наконец наступили мир и взаимопонимание между столь разными людьми. Но это была лишь иллюзия.

Испанцы не доверяли аборигенам и все время ожидали от них каких-либо козней. Дружественные действия аборигенов испанцы воспринимали как уловку, призванную усыпить их бдительность. Поэтому, когда на другой день два каноэ с аборигенами приблизились к кораблям и аборигены стали показывать испанцам зерна какао, последовал приказ не отвечать и зарядить мушкеты. Не получив ответа, аборигены подошли ближе к судам. Испанцы открыли огонь, убив пятерых из них. Оставшиеся в живых бросились в воду и поплыли к берегу. Испанцы преследовали их в шлюпке. Лишь троим удалось достичь берега и скрыться в лесу. Испанцы захватили каноэ с тремя убитыми аборигенами. Тела их повесили на берегу для устрашения местных жителей.

Кирос глубоко переживал бессмысленную жестокость испанцев. Спустя много лет в своих воспоминаниях о плавании он с горечью писал: «Как говорили, это делалось для того, чтобы туземцы, если они подойдут на своих каноэ с нечестивыми намерениями, знали бы, что могут предпринять испанцы. Но мне казалось, что четырем вооруженным кораблям едва ли стоило бояться невооруженных туземцев в их каноэ».

Испанцы были в восторге от открытых островов. Покрытые пышной растительностью, с великолепными бухтами, песчаными

берегами, ручьями с кристально чистой водой, сбегавшими с холмов, обилием деревьев, они манили остаться там навсегда. Менданья намеревался создать испанскую колонию на Санта-Кристине, но никто не захотел остаться на острове, несмотря на его чарующую привлекательность. Испанцы боялись мести аборигенов. Ведь за то малое время, которое они провели на Маркизских островах, ими было убито более 200 местных жителей.

5 августа испанские корабли покинули Санта-Кристину, взяв курс на юго-запад. Менданья был уверен, что через три-четыре дня плавания он увидит Соломоновы острова. Но дни шли за днями, а никакой земли не было. Запасы воды и пищи быстро иссякли. Настроение экипажей, особенно солдат, не занятых никаким делом, портилось. Наконец в воскресенье 20 августа с кораблей увидели четыре маленьких плоских песчаных островка. Они располагались очень близко друг к другу. Менданья назвал их все Сан-Бернардо (это острова атолла Пукапука на севере архипелага Кука), ибо открыты они были в день святого Бернардо. Менданья не остановился у этих островов, продолжая путь на запад.

Через девять дней испанцы увидели низкий круглый остров, подступы к которому преграждали рифы. Менданья назвал его Солитарио (это остров Ниулакита в архипелаге Тувалу). Он приказал галиоту и фрегату подойти ближе к острову и найти удобную гавань для стоянки всей эскадры, с тем чтобы пополнить запасы дров и воды на судах. Но обследование подходов к Солитарио показало, что приближаться к нему весьма опасно из-за многочисленных подводных скал. Менданья приказал продолжать плавание.

На судах росло недовольство. Уже открыто говорили о том, что экспедиция закончится неудачей, что Менданья не может найти Соломоновы острова, что скоро их ждет неизбежная смерть от голода. Действительно, запасы пищи, воды и дров на судах подходили к концу. Капитан Лопе де Вега, прибывший на борт флагмана, сказал Менданье, что уже начал жечь ящики и другие предметы на своем судне. Он жаловался и на нехватку пресной воды. Но Менданья не мог дать ему ни топлива, ни питьевой воды, а лишь успокаивал, что теперь осталось уже немного, ибо корабли скоро подойдут к Соломоновым островам.

7 сентября корабли попали в густой туман. Галиот и фрегат были посланы вперед разведать путь, эскадра шла с величайшими предосторожностями, сообщаясь друг с другом световыми сигналами. Когда к полуночи туман немного рассеялся, испанцы увидели впереди на расстоянии примерно одной лиги землю. На рассвете Менданья обнаружил, что «Санта-Исабель» исчезла. Поиски корабля не дали никаких результатов. Судьба судна так и осталась неизвестной.

Потеря прекрасного корабля была невосполнима для экспедиции, находившейся вдали от южноамериканских берегов. Мен-

данья был глобоко угнетен этим, но предаваться печальным раздумьям было некогда. Следовало прежде всего узнать, что за землю они обнаружили.

Менданья послал фрегат на поиски пропавшего судна, а остальным кораблям приказал подойти ближе к острову. Вскоре показалось более 50 каноэ. Находившиеся в них люди что-то кричали и размахивали руками. Когда каноэ приблизились к кораблю, испанцы увидели, что находившиеся в них люди сильно отличались от жителей Маркизских островов. Кожа их была намного темнее, почти черная, волосы курчавые. Они были вооружены луками, дротиками и тяжелыми деревянными дубинками. Менданье они показались похожими на жителей Соломоновых островов. Но когда он сказал несколько слов на языке аборигенов Соломоновых островов, они его не поняли.

Островитяне с большим любопытством разглядывали испанские корабли, не решаясь взойти на них. Прошло некоторое время, и островитяне, посоветовавшись между собой, вдруг подняли луки и выпустили стрелы в корабельные паруса. Вреда причинено не было, но солдаты приготовили мушкеты к стрельбе и открыли огонь. Несколько аборигенов было убито, многие ранены. В страхе они поплыли к берегу, но посланная шлюпка с солдатами догнала их, и еще несколько островитян погибло от испанских пуль. Те немногие, кому удалось достичь берега, поспешили скрыться в лесу.

С возвратившегося фрегата сообщили, что никаких следов «Санта-Исабель» не обнаружено, а подходы к острову очень опасны из-за многочисленных рифов. Менданья приказал встать на якорь, не приближаясь к берегу. На следующий день он на галиоте, а Кирос на фрегате все-таки отправились искать удобную бухту для стоянки судов.

Кирос вскоре облюбовал небольшой залив, на берегу которого расположилась деревня. Вблизи виднелись лес и река. Менданья же вернулся, не найдя ничего подходящего. Было решено отправиться в обнаруженный Киросом залив. Как только корабли бросили якорь в заливе, на берег отправились сержант с 12 солдатами для обеспечения безопасности высадки. Аборигены встретили испанцев враждебно, осыпали их стрелами. Менданья решил здесь не высаживаться. На следующий день он обнаружил великолепную гавань, хорошо защищенную от ветров. На берегу также была деревня и протекала речка. Корабли направились туда и встали на якорь. Всю ночь испанцы слышали звуки музыки и пение, доносившиеся из деревни.

Наутро многие из аборигенов на каноэ подплыли к испанским судам. У большинства из них волосы были украшены красивыми цветами. Испанцы приглашали их взойти на корабль, оставив оружие на каноэ. Среди тех, кто поднялся на борт, был очень красивый человек, головной убор которого украшали голубые, желтые и красные перья. Он шел в сопровождении двух абори-

генов весьма представительной внешности. Остальные аборигены выказывали ему большое почтение. Подойдя к испанцам, этот человек знаками спросил, кто вождь испанцев. Менданья вышел вперед и протянул ему руку, давая понять, что он главный у пришельцев. Тогда величественный абориген, показывая рукой на себя, сказал: «Малопе». Менданья назвал себя. Малопе понял и объявил, что теперь он — Менданья, а Менданья — Малопе. После этого Малопе сказал, что он вождь. Менданья вручил ему рубашку и несколько безделушек. Другим аборигенам испанцы подарили гребни, маленькие колокольчики, стеклянные шарики, кое-что из одежды и даже игральные карты, которые те повесили на шеи.

Испанцы научили аборигенов говорить слово «друг» и креститься на католический манер. Они показали аборигенам зеркала, бритвы, ножницы. Все эти предметы вызвали восторг у островитян.

Так продолжалось четыре дня. Аборигены приходили и уходили, приносили еду. Малопе ежедневно бывал на флагманском корабле. Так было и на пятый день пребывания испанцев. Около пятидесяти каноэ поджидали Малопе у «Сан-Хиронимо». Один из солдат на борту корабля неожиданно поднял мушкет и прицелился в аборигенов. Те поспешили скрыться. Испанцы преследовали их до самого берега. На берегу их встретила большая толпа островитян, очень приветливо отнесшаяся к испанцам. Последние были крайне разочарованы миролюбивым настроением аборигенов, им хотелось, чтобы те выказали какую-либо враждебность, дав повод стрелять. Кирос впоследствии так и писал: «Солдаты были разочарованы миролюбием аборигенов, они хотели бы иного — какого-нибудь повода нарушить мир и начать войну».

Тем не менее, когда наступила ночь, испанцы увидели, что на берегу горят огромные костры. Это означало войну. Было замечено, что каноэ быстро плыли вдоль побережья от одной деревни к другой, как бы о чем-то сообщая или предупреждая.

Утром с галиота была послана к берегу шлюпка с солдатами за водой. Когда она подошла к берегу, аборигены громко закричали и выстрелили из луков, ранив троих испанцев. Испанцы легли на дно шлюпки, спасаясь от стрел. Менданья тут же послал полковника Манрике с 30 солдатами на берег. Солдаты убили пятерых островитян, сожгли несколько домов и лодок, срубили пальмы и вернулись на корабль.

На следующий день, на рассвете, Менданья, все время думавший о судьбе пропавшего судна «Санта-Исабель», послал на его поиски фрегат с двадцатью матросами и солдатами под командой дона Лоренсо. Последнему поручалось обойти вокруг острова в поисках исчезнувшего корабля и заодно присмотреть другую гавань. Одновременно Менданья приказал Манрике с

40 солдатами отправиться на берег и еще раз проучить жителей за нападение на испанских солдат. Солдаты незаметно подошли к деревне, блокировали все выходы из нее, окружили дома и начали их сжигать вместе с находившимися там людьми. Несмотря на неожиданность нападения, островитяне не растерялись и оказали испанцам мужественное сопротивление. Шестеро аборигенов было убито, многие тяжело ранены. Подобрав раненых, аборигены скрылись в лесу. Манрике возвратился на корабль, имея семерых раненых.

В полдень на берег пришел Малопе. Он звал Менданью и показывал знаками, что это не его люди стреляли в испанцев, а жители враждебных ему деревень, расположенных на другом берегу залива. Менданья пригласил его на корабль, но Малопе ушел и вернулся лишь на следующий день. Мир был восстановлен.

Еще через день вернулся дон Лоренсо. «Санта-Исабель» он не обнаружил, но зато нашел подходящую гавань и, кроме того, видел неподалеку еще несколько островов. Менданья приказал кораблям плыть к гавани, обнаруженной доном Лоренсо.

На следующее утро после прибытия в новый залив испанцы увидели на берегу около 500 островитян, выказывавших явно враждебные намерения. Аборигены начали стрелять из луков и бросать в испанские суда камни, но те не достигали цели. Тогда они вошли в воду и поплыли к кораблям. Испанцы открыли огонь, убив пятерых и многих ранив. Островитяне поспешили к берегу и скрылись в чаще леса.

Дон Лоренсо хоть и не получил приказа, с 15 солдатами последовал за островитянами на берег. Увидев это, полковник Манрике вскипел от негодования, почувствовав себя ущемленным — ведь командование всеми солдатами экспедиции было поручено ему,— и бросился вслед во главе 30 солдат. При этом он нещадно ругал дона Лоренсо и клялся ему отомстить. Донна Исабель, свидетельница этой сцены, заявила Манрике, что ее брат не нуждается ни в чьих указаниях и волен действовать самостоятельно. Манрике попытался что-то отвечать, но донна Исабель резко его оборвала. Разгневанный Манрике отправился с солдатами на остров и остался ночевать в деревне.

Ночь прошла спокойно. Утром Манрике приказал солдатам расчистить участок у ручья и разбить там лагерь. Группе солдат не понравилось выбранное Манрике место, и они послали своих представителей к Менданье с просьбой распорядиться разместить людей в деревне, где уже есть дома и вообще место обжито. Другие солдаты, согласные с Манрике, тоже послали своего представителя к Менданье.

Менданья отверг оба предложения и приказал разбить лагерь у входа в залив. Место всем понравилось: оно напоминало Андалусию. Солдаты с большим воодушевлением принялись за работу, расчищая участок и сооружая жилища.

Менданья назвал открытый им остров Санта-Крус. Остров был невысок и покрыт лесом. Земля плодородная, много птиц, рыбы, фруктов и съедобных кореньев, и совершенно нет москитов, что приятно удивило испанцев. Местное население было многочисленно, жило в деревнях, в добротно построенных домах. Вокруг домов росли красивые красные цветы.

Менданья оставался на корабле в ожидании окончания строительства дома для него. Делами на острове управлял Манрике. В поисках продовольствия солдаты группами по 12—15 человек заходили в деревни и возвращались нагруженные всем, что только можно было найти на острове. Островитяне и сами приносили в лагерь еду. И Малопе, и его люди были настроены весьма дружелюбно. Островитяне по просьбе дона Лоренсо, помогали строить дома в лагере. Казалось, что установился прочный мир.

Однако надвигалась беда. Среди солдат распространилось недовольство, усиливавшееся с каждым днем. Они были раздражены решительно всем. То, что еще вчера им нравилось, сегодня возмущало. По их мнению, земля была бедна, место для поселения выбрано неудачно. В конце концов солдаты составили петицию к Менданье, в которой просили направить их в другое, лучшее место или поселить на тех островах, о которых он так много рассказывал.

Менданья был очень огорчен, прочитав послание. Он внимательно изучил подписи под ним. Понимая, что недовольство зашло слишком далеко, Менданья решил сойти на берег. Он обратился к одному из солдат, подписавших петицию: «Вы предводитель недовольных? Знаете ли вы, что подписать подобную бумагу — это почти мятеж?» Солдат на это ответил: «Там написана правда, и, если кто-нибудь скажет иное, это будет ложь». Тогда Менданья пообещал солдатам, что их заберут с острова и менее чем через тридцать дней доставят на лучший.

В поселении уже построили церковь. Каждый день викарий произносил душеспасительные проповеди, которые, однако, не действовали на солдат, все более и более озлоблявшихся. Ежедневно совершались убийства аборигенов. Солдаты явно провоцировали местных жителей на вооруженные столкновения, чтобы заставить Менданью забрать их с острова. Опасные настроения среди испанцев росли, назревал мятеж, готовилась расправа над людьми, оставшимися верными Менданье. Недовольные, а их становилось все больше и больше, жаждали вернуться в Перу. Когда Кирос вознамерился совершить плавание вокруг острова, он был предупрежден, что если сделает это, то будет убит.

Менданья с большой тревогой следил за настроением людей. Он приказал снять все паруса и строго их охранять. Здоровье его все более ухудшалось, дух слабел. Менданья медлил с принятием решительных мер.

Наконец Менданья решил поселиться на острове. Первое, что он увидел на берегу, была группа вооруженных солдат. Когда

Менданья спросил, почему они вооружены, те ответили, что здесь идет война. В лагере Менданья долго говорил с Манрике, который уверял его в полной лояльности, глубокой преданности, но подтвердил, что большинство солдат жаждут покинуть остров. Манрике рассказал, что минувшей ночью мятежники пытались убить людей, верных Менданье, но ему удалось воспрепятствовать этому.

Менданья, однако, не поверил Манрике. Он был убежден, что тот ведет двойную игру. На острове Менданья почувствовал себя плохо и был доставлен назад на корабль.

Солдаты между тем все более наглели. Стреляли в Кироса, но, к счастью, промахнулись. Викарий, продолжавший ежедневно произносить проповеди, вернувшись как-то на флагманское судно, где жил, пока ему не построили дом, сказал Киросу, что солдаты собираются их убить.

Кирос, видя физическую и духовную слабость Менданьи, решил действовать сам. Получив разрешение Менданьи, он отправился на берег.

На берегу Кирос встретил двух солдат, хорошо к нему относившихся. Те предупредили Кироса об опасности, которая ему угрожает в лагере, ибо солдаты крайне возбуждены. Пока Кирос шел к лагерю, его окружало все больше и больше солдат. Они ругали остров за его бедность, говорили, что отправились в далекие заморские земли лишь ради золота, серебра и драгоценных камней, а здесь ничего нет. Они кричали, что хотят вернуться в Перу или добраться до другого, лучшего острова.

Кирос возразил, что остров хорошо приспособлен для жизни людей, ибо земли здесь плодородные, прекрасные леса и реки; достаточно пищи. Потрудившись, колонисты создадут себе прекрасные условия существования. Солдаты отвечали, что на это у них уйдет двадцать лет жизни, они успеют состариться, пока достигнут благополучия. «Вы должны помнить,— говорил им Кирос,— что все на нашей земле имело начало: на месте Севильи, Рима, Венеции и других городов были когда-то леса и голая равнина, и первым жителям стоило большого труда возвести их, чтобы потомки могли наслаждаться плодами их труда... Я понял все: вы считаете, что работать должны другие, вы же хотите лишь отдыхать, а между тем трудиться должны все и кто-то должен быть первым». Кирос прямо спросил солдат, собираются ли они восставать против Менданьи, выполняющего волю короля. Те ответили, что не собираются, но просят вернуть их в Перу или поселить на другом острове. Кирос терпеливо объяснил солдатам, что выполнить их просьбу невозможно. Прежде всего надо еще раз попытаться найти «Санта-Исабель». Без этого судна трудно продолжать экспедицию. Возвращаться сейчас в Перу нельзя из-за неблагоприятных ветров, да и корабли в плохом состоянии и требуют ремонта. Так что надо пока оставаться на острове. Возвращение в Перу привело бы к их общей гибели.

Некоторые солдаты согласились с доводами Кироса, но большинство продолжало требовать немедленного ухода с острова. Если невозможно вернуться в Перу, говорили они, то надо плыть в Манилу, в «христианскую землю». Кирос заметил, что Манила отнюдь не христианская земля, а, так же как и остров, на котором они находились, населена язычниками. Христианами там, как и здесь, являются лишь небольшая группа колонистов и охранявшие их солдаты.

Озлобившиеся солдаты уже не слушали Кироса и кричали, что кто хочет — пусть остается, а они намерены уйти с острова. Некоторые солдаты обнажили шпаги, угрожая Киросу. Но Кирос мужественно ответил, что все сказанное им есть воля короля и он не изменит ей даже под страхом смерти. Манрике выступил в защиту Кироса и не допустил расправы над ним. Он решил сам отправиться на флагманский корабль и оправдаться перед Менданьей.

Манрике явился на борт «Сан-Хиронимо» один и без оружия. Видя это, донна Исабель подговорила мужа убить его, пригрозив, что, если он откажется, она сама сделает это. Но Менданья не допустил убийства Манрике на борту судна.

Манрике, возвратившись в лагерь, рассказал солдатам, что был хорошо принят Менданьей и тот обещал рассмотреть их просьбу об уходе с острова.

Кирос, вернувшись на корабль, сообщил о всем происшедшем Менданье и попросил разрешения отправиться на следующий день за провизией, ибо запасы ее сильно истощились.

Кирос в сопровождении 20 солдат поплыл на шлюпке к одной из ближайших деревень, но в ней не оказалось ни жителей, ни еды. На берегу Кирос встретил Малопе и его людей на двух каноэ и попросил его помочь. Малопе весьма охотно принялся за дело. Они побывали в нескольких деревнях, и вскоре шлюпка была нагружена доверху. Однако солдатам, сопровождавшим Кироса, этого показалось мало. Они попросили разрешить им силой взять у аборигенов побольше провизии, а заодно поубивать «этих собак-язычников» и сжечь их жилища. Кирос убеждал их, что шлюпка забита едой, полученной бесплатно благодаря доброй воле их друга Малопе, но те твердили, что прибыли сюда из Перу не для того, чтобы ублажать туземцев. Однако, подчиняясь приказу Кироса, они направились к «Сан-Хиронимо».

Когда Кирос поднялся на борт корабля, донна Исабель сообщила ему, что из лагеря ушел отряд солдат с целью убить Малопе. Менданье стало известно об этом, и он приказал солдатам немедленно вернуться. Сообщение донны Исабель очень встревожило Кироса.

Ночью Менданья пригласил к себе Кироса. С большой таинственностью Менданья сообщил ему о своем намерении сойти на берег в сопровождении верных ему матросов, которые будут вооружены. Он захватит с собой королевский штандарт для суда

над полковником Манрике за преступления, о которых он объявит в специальной прокламации.

Утром Менданья, сопровождаемый капитаном галиота Фелипе Корсо и Киросом, отправился на берег. Его встретили дон Лоренсо с братьями и несколько матросов. Все пошли в лагерь. Манрике завтракал, когда Менданья и его спутники подошли к дому. Он вышел навстречу Менданье и приветствовал его. Менданья обнажил шпагу и воскликнул: «Да здравствует король! Смерть предателям!» Один из матросов схватил Манрике за ворот и дважды сильно ударил его, а Корсо вонзил в него нож. Полковник упал замертво.

Братья Баррето с несколькими людьми бросились расправляться с мятежными солдатами. Произошло бы сильное кровопролитие, если б не мужество Кироса, вставшего со шпагой на их пути. Но все-таки еще один человек был убит. Головы убитых выставили на всеобщее обозрение.

Когда прибыл викарий, все отправились в церковь на мессу. Закончив мессу, викарий призвал всех успокоиться и подчиняться приказам Менданьи. Но на паству обращение викария впечатления не произвело. Вернувшись с мессы, солдаты начали делить имущество убитых.

Менданья распорядился сжечь тела убитых. К вечеру постепенно в лагере воцарилась тишина. Но ненадолго. Вскоре лагерь опять забурлил. Вернулся один из солдат, ушедший с отрядом прошлой ночью из лагеря, о чем говорила донна Исабель Киросу. Он сообщил, что Малопе застрелен, причем без всякого повода: когда солдаты вошли в дом Малопе и потребовали еду, тот немедленно дал им все, что у него было, но один из испанцев поднял мушкет и выстрелил. Малопе упал замертво. К нему подошел другой солдат и сказал, что никогда еще они не делали «столь славной вещи». «Это не человеческое, а дьявольское дело,— писал впоследствии Кирос.— Малопе держал страну в мире и давал нам еду... его доброта была бесконечна».

Когда весь отряд вернулся в лагерь, убийцу Малопе отправили на борт флагманского судна, где он должен был ожидать приговора Менданьи. Офицер, командовавший отрядом, был убит по приказу дона Лоренсо, и его голова красовалась рядом с головами Манрике и солдата, убитого одновременно с ним. Остальных солдат отряда оставили в лагере закованными в кандалы. Кирос убеждал Менданью простить всех арестованных, включая и убийцу Малопе. По его мнению, следовало предотвратить дальнейшее кровопролитие, прекратить раздоры, столь опасные для экспедиции, находившейся в дальнем плавании. Аборигенам же, дабы удовлетворить их жажду мести, достаточно, считал он, показать три головы уже убитых испанцев.

Менданья внял совету Кироса, и больше никто из испанцев казнен не был. Но убийца Малопе, переживая позднее раскаяние, отказывался от еды и питья и вскоре умер. «Этим закончилась

трагедия на острове»,— заключает Кирос соответствующий раздел в своих записках. Но из его же дальнейшего повествования следует, что окончилась лишь часть трагедии.

На следующий день испанцы услышали громкие горестные крики, раздававшиеся со стороны деревни, где находился дом Малопе. Менданья послал туда отряд солдат, захвативших с собой голову офицера, убитого доном Лоренсо. Они должны были показать аборигенам, что покарали одного из своих людей за смерть их вождя. Но, увидев приближавшихся солдат, жители деревни убежали в лес.

Дон Лоренсо, который фактически сосредоточил в своих руках власть и над матросами, и над солдатами, так как Менданья все время болел, послал офицера с 20 солдатами в деревню, приказав захватить несколько подростков. Дон Лоренсо намеревался обучить их испанскому языку, с тем чтобы они служили переводчиками. Аборигены встретили испанцев градом стрел и камней. Офицер и семь солдат были ранены. Испанцы отступили, и аборигены преследовали их до самого лагеря, осыпая стрелами. Они обстреляли и лагерь, ранив еще семь человек, в том числе дона Лоренсо. В отместку последний послал солдат сжечь жилища и каноэ аборигенов. Но они не подпустили испанцев к своей деревне и ранили еще восьмерых солдат. Три победы в один день так воодушевили местных жителей, что ночью они снова напали на испанский лагерь, ранив при этом еще двух солдат, один из которых впоследствии умер.

Положение испанцев серьезно осложнилось тяжелой болезнью, распространившейся среди них. Ежедневно умирали от одного до трех человек. Умер и капеллан Антонио де Серпа. Менданья слабел с каждым днем. В ночь на 18 октября было лунное затмение. Менданье стало так плохо, что он продиктовал свою последнюю волю: объявил донну Исабель губернатором вместо себя, ибо королевским указом ему было дано право избирать преемника, и назначил Лоренсо капитан-генералом, то есть руководителем экспедиции. В час дня 18 октября 1595 г. Менданья скончался.

Нападения аборигенов участились. Прячась на деревьях, они стреляли в испанцев, целясь в голову или ноги, не прикрытые щитами, против которых стрелы, как убедились аборигены, были бесполезны.

Лоренсо в отместку послал солдат сжечь деревню, где жил Малопе, и в то же время убеждал аборигенов в своих дружеских намерениях, но те не понимали, почему же тогда был убит Малопе. Они говорили: «Малопе! Малопе! Почему друзья пу?» (так аборигены имитировали выстрел из мушкета). Тем не менее, как отмечал в своих записках Кирос, аборигены совсем не были мстительны, они легко прощали обиды. По его мнению, испанцы сами своими жестокостями возбуждали враждебность местных жителей.

15 Заказ № 924

Когда Лоренсо попросил снабдить его людей продовольствием, аборигены, забыв вражду, сразу же выполнили его просьбу. Без помощи аборигенов испанцы наверняка погибли бы. В лагере и так оставалось не более полутора десятков здоровых людей.

Лоренсо послал фрегат под командой Диего де Веры на поиски «Санта-Исабель». Он все еще надеялся, что судно найдется и это укрепит положение экспедиции. Но Диего де Вера вернулся, не найдя исчезнувший корабль. Зато привез с собой жемчужные раковины и несколько взятых в плен аборигенов.

Очевидная безнадежность положения испанцев заставила викария написать петицию Исабель и Лоренсо, в которой содержалась просьба покинуть остров как можно скорее. Петицию подписали все солдаты. Но решения принято не было: донна Исабель и ее брат все еще колебались.

Болезнь косила людей. Ежедневно кого-то хоронили. Заболел и викарий. Лоренсо, страдавший от раны в ноге, полученной во время стычек с аборигенами, происходивших ранее, совсем обессилел. 2 ноября он умер. Через несколько дней скончался и викарий Хуан Родригес де Эспиноса. «Наше положение,— писал впоследствии Кирос,— достигало такой точки, что и десять туземцев могли убить всех нас и уничтожить поселение».

Наконец донна Исабель сдалась. 7 ноября был спущен флаг и все с берега были переведены на суда. Два отряда солдат отправились за водой и продовольствием. Один из них возглавил Кирос. Когда необходимые запасы были сделаны, начались приготовления к отплытию. Исабель распорядилась вести флотилию к острову Сан-Кристобаль, открытому Меданьей во время первой экспедиции. Она полагала, что «Санта-Исабель» пошла именно туда. Если же корабль не будет найден — идти в Манилу, набрать там людей и вернуться для продолжения экспедиции.

Кирос высказал мнение, что, поскольку людей стало мало, а фрегат и галиот находятся в плачевном состоянии, целесообразно перевести их команды на «Сан-Хиронимо» и плыть на одном корабле, оставив два других. Капитан галиота Фелипе Корсо резко возразил, что Кирос может делать такие предложения, потому что не вложил деньги в эти суда. Кирос пытался доказать, что на Филиппинах они дешево купят новые и спокойно продолжат экспедицию. Идти же в Манилу на трех кораблях в их теперешнем состоянии значило бы подвергать себя большой опасности. Но с Киросом не согласились.

Вечером Кирос побывал на фрегате и галиоте, осмотрел имевшиеся на борту запасы воды и продовольствия и дал инструкции относительно предстоявшего плавания. Шкиперу фрегата он оставил карту, ибо у того не оказалось ни одной.

Ночью капитан фрегата втайне от донны Исабель сошел на берег с несколькими людьми, вырыл гроб с телом Менданьи и перенес его на корабль.

На следующий день, 18 ноября 1595 г., испанская флотилия покинула остров и отправилась на поиски Сан-Кристобаля. За месяц пребывания на острове Санта-Крус умерло 47 человек. Остальные почти все были больны, но тем не менее настроение на судах было бодрое. Все радовались, что покинули остров, «это преддверие ада», и верили, что их несчастья кончились.

Но это было не так. Болезнь продолжала распространяться среди членов экипажа. Ежедневно в пучинах океана исчезали тела умерших. Опять поднялся ропот, люди требовали идти прямо к Маниле, прекратив поиски Сан-Кристобаля. Донна Исабель настаивала на своем, и флотилия продолжала двигаться на запад, не встречая никаких признаков суши. Наконец Исабель согласилась на изменение курса, и корабли повернули на северо-запад.

27 ноября с кораблей увидели землю. Кирос считал, что это Новая Гвинея. Большие волны, шедшие с северо-запада, не позволили судну подойти к берегу. Пришлось идти дальше намеченным курсом. А встреченная испанцами земля была не Новой Гвинеей, а Соломоновыми островами, куда они так долго и страстно стремились.

10 декабря, когда суда были уже на полградуса южнее экватора, исчез галиот. Его капитан Фелипе Корсо незаметно отделился от флотилии и повел корабль другим курсом. Озлобленный тем, что Кирос, а не он стал фактическим руководителем экспедиции, он решил поскорее достичь Филиппин и заявить о сделанных открытиях, приписав их только себе. Корсо был убежден, что остальные суда экспедиции погибнут на пути к Маниле.

Действительно, положение и на флагмане, и на фрегате было отчаянным. Воды и продовольствия не хватало, болезнь свирепствовала. Каждый день приносил смерть. Матросы были истощены до предела. «Они не хотели работать,— отмечал в своих записках Кирос,— говоря, что ни бог, ни король не заставят их делать невозможное... Один из матросов сказал, что устал быть постоянно усталым и предпочел бы умереть один раз, а не многократно и вообще им всем лучше броситься с борта корабля в морскую пучину». Такое же настроение было и у солдат. Они тоже, по словам Кироса, «предпочли бы смертный приговор или ссылку на турецкие галеры» мучительному ожиданию на корабле неминуемой смерти.

Экипаж возмущало то, что сама Исабель и ее приближенные не испытывали никаких трудностей и лишений. Исабель имела «свои» запасы продовольствия и воды и не желала ни с кем делиться. Обезумевшие от голода люди, среди них матери с грудными младенцами, видели, как Исабель со своей компанией пьет вино, ест мясо и фрукты. В то время как все молили о глотке воды, она приказывала стирать свои платья только в пресной воде.

Кирос много раз уговаривал Исабель поделиться припасами с экипажем, говорил, что если перемрут матросы, то она все равно не спасется. Исабель советовала Киросу повесить на реях двух-трех матросов, чтобы остальные прикусили язык. «Разве я не могу распоряжаться своей собственностью?» — возмущалась она, на что Кирос ей отвечал: «Это принадлежит всем и перейдет всем... Вы слишком долго испытываете терпение тех, кто страдает, и они могут взять силой все на корабле. Голодные люди знают, как помочь себе».

Стоя на своем, Исабель распорядилась забрать ключи от склада у стюарда, человека честного и преданного Киросу, и передать одному из своих слуг. Так продолжалось до 17 декабря, когда с фрегата сообщили, что началась сильная течь и судно едва держится на поверхности. Кирос спросил разрешения Исабель послать на фрегат нескольких матросов, чтобы помочь откачивать воду. Но она отказала, оставляя терпящее бедствие судно на произвол судьбы. Ночью фрегат исчез. С утра до полудня Кирос искал его, но все было напрасно. Солдаты на борту «Сан-Хиронимо» подняли крик, требуя прекратить поиски и плыть своим курсом. Кирос убеждал их, что позорно бросать в беде корабль, где находятся их товарищи, но безуспешно, и «Сан-Хиронимо» продолжил свой путь на северо-запад.

23 декабря с «Сан-Хиронимо» увидели землю. Это оказался остров Понапе, крупнейший из Каролинских островов. Но Кирос не решился подойти к берегу из-за многочисленных рифов, хотя остров выглядел весьма привлекательно: были видны обработанные поля, деревья и яркие цветы.

1 января 1596 г. «Сан-Хиронимо» подошел к Гуаму, но здесь не остановился, не найдя удобной гавани. 12 января испанцы увидели землю, которую они приняли за Филиппины. Корабль вошел в залив, где на его борт поднялись аборигены, говорящие по-испански. Одним из них оказался человек, служивший лоцманом у Кавендиша, когда тот плавал в филиппинских водах. Как оказалось, «Сан-Хиронимо» подошел к мысу Эспириту-Санту. День угасал, и Кирос, не имевший карты залива и никогда здесь не бывавший, не решился зайти в него, опасаясь рифов. Несмотря на приказ донны Исабель вести судно к берегу, Кирос решительно отказался это сделать. На следующий день Кирос повел корабль в залив. Все на судне убедились, как был он прав, отказавшись накануне вечером войти в залив. Кругом были рифы. Местные жители на трех каноэ показывали безопасный путь. «Сан-Хиронимо» встал на якорь в середине залива.

Местные жители, сопровождавшие судно, поспешили в свою деревню, расположенную недалеко от берега, и вскоре появились с разнообразной снедью. «Они принесли,— писал Кирос,— кур и свиней, пальмовое вино, которое многим из нас развязало языки, кокосовые орехи, бананы и сахарный тростник, папайю, воду в стволах бамбука. В обмен они брали реалы, ножи и стеклярус,

который ценили выше серебра». В течение трех дней горели костры, готовилась еда, пиршество продолжалось и днем и ночью. Истощенные, больные люди набросились на еду, не соблюдая осторожности, и им стало еще хуже; трое или четверо умерли.

Аборигены продолжали приносить еду. Ее складывали на корабль: запасались на дальнейший путь. Казалось, можно было возобновить плавание.

Однако состояние судна внушало Киросу большие опасения: оно требовало ремонта. Исабель торопила Кироса, настаивая на немедленном выходе в море. Но тут начал дуть северо-западный ветер, который не давал судну возможности выйти из залива. Более того, якорные канаты буквально каким-то чудом удерживали корабль, поскольку были очень ненадежны.

Два дня дул ветер, почти срывая судно с якоря и грозя разбить его о прибрежные скалы. Кирос, понимая всю серьезность положения, предложил Исабель перенести пушки и продукты на берег, а также высадить всех женщин и детей. Но та отказала, приказав, как только подует благоприятный ветер, выйти в открытое море. Кирос заявил, что не сделает этого, и подал письменный протест. Тогда Исабель распорядилась созвать военный совет, где под ее давлением было принято решение идти в Манилу.

Подчиняясь приказу, Кирос вывел «Сан-Хиронимо» в открытое море, но, обнаружив недалеко от прежней стоянки очень удобный залив, приказал встать там на якорь и произвести хотя бы самый неотложный ремонт. 29 января 1596 г., когда работы были закончены, «Сан-Хиронимо» вышел в море. Через два дня судно подошло к порту Нивалон на побережье острова Лусон. 1 февраля оно было совсем недалеко от Манилы. Донна Исабель послала двух своих братьев с семью солдатами на берег под предлогом поисков продовольствия. На самом же деле она хотела, чтобы власти в Маниле получили информацию о плавании до прихода туда корабля, и такую, какую она считала нужной.

«Сан-Хиронимо» продолжал плавание у острова Лусон, весьма опасное из-за многочисленных рифов. На корабле опять ощущался острый недостаток продовольствия. 2 февраля с «Сан-Хиронимо» заметили каноэ с большим числом аборигенов. Но, увидев корабль, те поспешили скрыться. Потом испанцы узнали, что аборигены испугались появления их судна, приняв его за британское (в их памяти еще жило посещение тех мест Томасом Кавендишем), ибо испанские суда в это время здесь не появлялись. Опять испанцы упустили возможность пополнить запасы продовольствия. Экипаж голодал. Кирос попросил Исабель разрешить взять провизию из ее запасов, но та категорически отказала.

Появились две лодки с 40 аборигенами. На вопрос, откуда они, те отвечали на испанском языке, что из Манилы, находившейся неподалеку. Кирос попросил их прислать человека, который про-

вел бы корабль в манильскую гавань, подходы к которой были опасны для незнакомых с ними людей. Аборигены согласились, и один из них поднялся на борт «Сан-Хиронимо». Наконец корабль вошел в бухту. К нему приближалась шлюпка с четырьмя испанцами и восемью аборигенами. Измученным, истощенным людям на корабле они показались «четырьмя тысячами ангелов», как писал впоследствии Кирос. Это были представители губернатора Манилы. Когда они поднялись на борт судна, глазам их предстало печальное зрелище. Больные, обессилевшие люди в лохмотьях кричали: «Дайте нам еды, мы сходим с ума от голода и жажды». Вдруг посланцы губернатора увидели на корабле двух откормленных свиней. «Почему их не убили?» — спросил Алонсо де Альбарран, один из прибывших. Ему объяснили, что свиньи принадлежат донне Исабель. «Что за дьявол! Почему в такое время им оказывают столько почтения?» — воскликнул де Альбарран.

Исабель не могла не считаться с представителями губернатора Манилы. Она тут же приказала заколоть свиней. Затем отправила одного из солдат к губернатору с ответом на его послание, переданное ей галантным де Альбарраном, в котором тот в весьма лестных выражениях отзывался о плавании, узнав о нем от ее братьев, и приглашал донну Исабель к себе.

Вскоре к «Сан-Хиронимо» подошла еще одна шлюпка, на которой находились братья Исабель с главой местного магистрата. Они привезли хлеб, вино и фрукты, посланные на корабль губернатором. Донна Исабель и ее приближенные начали пировать, а экипаж продолжал голодать. В ночь один из детей, находившихся на борту «Сан-Хиронимо», умер от истощения. Лишь на следующее утро на корабль были доставлены продукты для экипажа.

Наконец «Сан-Хиронимо» вошел в порт. На берегу были выстроены солдаты, развевалось знамя, гремел артиллерийский салют. С корабля раздались ответные залпы. «Сан-Хиронимо» бросил один из оставшихся якорей на полусгнившем канате. Это было 11 февраля 1596 г. Во время плавания с Санта-Круса умерло 50 человек.

Как только «Сан-Хиронимо» встал на якорь, на его борт поднялось много людей. Все были поражены бедственным состоянием экипажа и корабля и выражали искреннее удивление, как вообще удалось в таких условиях закончить плавание.

На следующий день поздно вечером донна Исабель покинула корабль. На берегу она была встречена с величайшими почестями, в ее честь даже прогремел салют.

Больных перенесли на берег и доставили в госпиталь. В течение нескольких дней умерло еще 10 человек.

Фрегат «Санта-Каталина», как потом сообщили, был найден у одного из Филиппинских островов. Вся команда была мертва. Галиот «Сан-Фелипе» достиг небольшого островка Каманигуин.

Большинство членов экипажа умерло. Оставшиеся в живых были совершенно истощены и наверняка погибли бы, если б не местные жители, которые помогли им добраться до испанских католических священников, живших на острове. Те переправили их к губернатору острова Минданао, последний арестовал пятерых из них (Фелипе Корсо и четырех матросов) и отправил в Манилу. В сопроводительном письме манильским властям губернатор объяснял свои действия тем, что капитан галиота самовольно покинул флотилию Альваро де Менданьи, совершив тем самым тяжкое преступление. В Маниле арестованных заключили в тюрьму.

Вскоре после прихода в Манилу «Сан-Хиронимо» туда прибыл новый губернатор Франсиско Телло, занимавший до этого пост казначея торговой палаты Севильи. В его честь были устроены пышные празднества. После их окончания состоялась свадьба Исабель и юного Фернандо де Кастро, ее дальнего родственника, кузена губернатора Марианских островов. «Сан-Хиронимо» отремонтировали, на судно доставили запасы продовольствия и воды. 10 августа 1596 г. Кирос повел корабль к берегам Новой Испании. Плавание началось слишком поздно для этих широт и потому проходило очень сложно. Наконец 11 декабря 1596 г. «Сан-Хиронимо» прибыл в Акапулько, где Кирос расстался с донной Исабель. Он перебрался на другой корабль и отправился в Перу.

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Педро де Кирос унаследовал от Менданьи его жгучее желание колонизовать Соломоновы острова. Но еще более страстно он мечтал найти таинственную Южную землю, в существовании которой не сомневался.

Кирос был уверен, что все острова, открытые испанцами в 1568—1595 гг., в том числе Маркизские и Соломоновы,— отделившиеся части огромного материка, расположенного к югу от них. Ему представлялось, что Южная земля протянулась от Новой Гвинеи до Магелланова пролива.

Плывя вдоль побережья Новой Испании, Кирос 3 мая 1597 г. прибыл в порт Пайта. Оттуда он написал письмо вице-королю Перу Луису де Веласко. Кирос просил разрешить ему немедленно отправиться в новое плавание на поиски Соломоновых островов и других, еще не открытых земель, в существовании которых он был уверен, а также выделить для экспедиции судно водоизмещением 60 тонн и 40 матросов.

Отослав письмо, Кирос по берегу отправился в Лиму, куда прибыл 5 июня. Вице-король принял его очень хорошо, долго расспрашивал об экспедиции и сделанных открытиях. Кирос, рассказав все, убеждал позволить ему как можно скорее уйти

в новое плавание, ручаясь за его успех. Но Луис де Веласко сам разрешения не дал, а посоветовал Киросу отправиться в Испанию и добиться там соответствующего приказа короля. «Я думаю, что самый надежный путь,— говорил вице-король,— это явиться ко двору короля, раз дело так серьезно и важно, и никто другой, кроме вас, не сможет его лучше осуществить». Дон Луис обещал снабдить Кироса рекомендательными письмами к королю и его советникам.

17 апреля 1598 г. Кирос вышел в море из порта Кальяо на корабле «Капитан», которым командовал Белтрон де Кастро, и спустя 22 дня прибыл в Панаму. Оттуда сухопутным путем Кирос направился в Пуэрто-Белло, где сел на фрегат, идущий в Картахену. Через неделю он был в Картахене. Жители города находились в большой тревоге, ибо появился британский флот в составе 20 судов под командованием графа Камберленда, который до этого разгромил Пуэрто-Рико. Однако страхи скоро рассеялись: к Картахене подошла сильная испанская эскадра под командованием дона Луиса Фаярдо, сопровождавшая галионы с драгоценными металлами, которые направлялись из Новой Испании в Севилью.

Из Картахены Кирос написал вице-королю Перу письмо, в котором изложил все подробности планируемого путешествия к Южному материку. Если он погибнет на пути в Испанию, его сообщения можно будет использовать для проведения такой экспедиции другими.

Испанский флот под командованием Луиса Фаярдо возвращался из Пуэрто-Белло с грузом серебра. Киросу разрешили плыть на одном из галионов. 1 ноября флот покинул Картахену и через 27 дней встал на якорь в Гаване.

Из Гаваны флот дона Луиса вышел лишь 16 января 1599 г. Вначале плавание шло благоприятно, но затем погода изменилась. Сильнейший шторм разбросал корабли эскадры: одни исчезли, другие, в том числе галион, на котором находился Кирос, вернулись в Картахену. Это было 3 марта. Оттуда Кирос послал письма испанскому королю и вице-королю Перу.

Суда простояли в Картахене до конца года, пока не пришли новые корабли с серебром. 4 января 1600 г. испанская эскадра вышла в море. 25 февраля она достигла берегов Испании у Санлукар-де-Баррамеды. Оттуда Кирос отправился в Севилью. В городе он узнал, что 1600 год объявлен католической церковью «священным годом», в течение которого в Риме будут проходить грандиозные празднества.

Кирос решил воспользоваться благоприятной обстановкой, отправиться в Рим и попробовать заинтересовать папу своим планом открытия Южного материка. Он продал немногочисленные пожитки и купил одежду пилигрима. Из Севильи Кирос пешком добрался до Картахены, а оттуда на корабле до Генуи. Смешавшись с толпой паломников, Кирос отправился в Рим. Там ему

сопутствовал успех: он познакомился с испанским послом при папском дворе герцогом Сеса, которому изложил свой план. Он подробно обосновал предположение о существовании Южного континента, о его расположении и о том, как важны для Испании захват новых земель и их колонизация. При этом Кирос не забыл особо подчеркнуть «священность миссии обращения в христианство идолопоклонников».

Хотя Кирос и произвел на посла благоприятное впечатление, тот все-таки решил устроить ему экзамен по навигации и космографии, пригласив для этого виднейших римских специалистов. Те признали высокую компетентность Кироса, после чего герцог Сеса добился для Кироса аудиенции у папы Климента VIII.

Папа хорошо встретил Кироса и обещал дать ему рекомендательные письма к королю Филиппу III и представителям католической церкви в испанских владениях в Америке. Однако из-за бюрократизма, царившего в папской канцелярии, Кирос получил письма лишь весной 1602 г. В Испанию он вез и письмо герцога Сеса, поддержка которого была для него не менее важна, чем поддержка папы. Герцог писал, что гипотеза Кироса о существовании Южного континента, находящегося между Новой Гвинеей и Магеллановым проливом, разделяется ведущими римскими космографами и что следует без промедления захватить эту землю.

Весной 1602 г. Кирос из Генуи отплыл в Барселону, а оттуда направился в Мадрид. Узнав, что король находится в Эскуриале, он прибыл туда и 17 июня 1602 г. был принят королем.

Кирос изложил королю свой план экспедиции к Южному материку и передал ему памятную записку. Филипп III, внимательно выслушав Кироса, заявил, что его идеи будут подробно рассмотрены. Кирос встретился с ближайшими советниками короля, передал им письма от папы, вице-короля Перу и испанского посла в Риме, а также свои записки о предполагаемом плавании и карты.

Мнения советников разделились. Одни поддержали Кироса, другие отнеслись к его идее скептически, говоря, что он предлагает больше, чем сможет дать, третьи считали, что Испания и так владеет огромными заморскими территориями и уж лучше осваивать их, а не искать расположенные далеко новые, управлять которыми будет и трудно, и дорого.

Кирос ежедневно передавал на имя короля новые записки, в которых опровергал аргументы, выдвигавшиеся против проекта, и получал ответные письма от советников короля с противоречивыми мнениями: одни продолжали поддерживать его, другие едко высмеивали. Наконец 5 апреля 1603 г. Киросу вручили приказ Филиппа III вице-королю Перу от 31 марта организовать экспедицию к Южному материку. Испанский монарх приказал дону Луису де Веласко по прибытии Кироса в Перу

немедленно предоставить в его распоряжение «два хороших корабля, которыми он должен быть доволен, а также команду и снабдить суда оружием и снаряжением, необходимым для продолжительного плавания. Корабли следует снабдить товаром для обмена с туземцами открываемых земель». «Примите во внимание,— писал Филипп III,— что я желаю, чтобы означенный капитан Кирос предпринял это плавание без промедления... Первым же кораблем, возвращающимся в Испанию, вы должны сообщить мне о прибытии означенного капитана Кироса и о том, передали ли вы ему указанные выше два судна, снабдив их всем необходимым. Я буду с нетерпением ждать известий о выполнении моего приказа...»

В другом приказе от 9 мая 1603 г. Филипп III писал дону Луису, что если Кирос погибнет от болезни, ранения или по каким-либо другим причинам, то, «чтобы не утратить ожидаемого столь большого успеха от указанных открытий во имя господа бога и нашей святой церкви, я приказываю вам в этом случае назначить другое лицо, равных возможностей и знаний... для совершения указанных открытий».

Взяв королевские приказы, Кирос отправился в Севилью, где флотилия из 30 кораблей готовилась к отплытию в Америку. Но когда Кирос добрался до Севильи, флот уже вышел в море, и с ним отправился новый вице-король Новой Испании. Киросу посчастливилось сесть на фрегат, догонявший ушедшие корабли. 2 августа Кирос был уже у острова Гваделупа. Налетел страшный ураган. Несколько кораблей были выброшены на берег, другим, в том числе фрегату, на котором находился Кирос, удалось выйти в море. Но недалеко от острова Кюрасао фрегат разбился о скалы, и его команде и пассажирам, в том числе Киросу, удалось на шлюпке достичь островка Авес. На этой же шлюпке были перевезены на остров с тонущего судна продовольствие, снаряжение и инструменты, а также останки разбившегося фрегата. Капитан погибшего корабля приказал команде начать постройку нового фрегата. Он послал на шлюпке Кироса с несколькими людьми в Каракас, с тем чтобы те сообщили местным властям о случившемся и пополнили продовольствие. С величайшими трудностями Киросу удалось привести шлюпку в Каракас. Он сообщил губернатору о гибели фрегата и об оставшихся на острове людях. Губернатор распорядился о выдаче Киросу необходимых продуктов, и тот отправился в обратный путь.

Вернувшись, Кирос передал продовольствие капитану погибшего корабля. Он увидел, что команда почти закончила постройку нового фрегата, на котором ему предложили продолжать плавание. Но Кирос отказался, сославшись на необходимость вернуться в Каракас. С несколькими людьми он опять на шлюпке отправился в Каракас, где пробыл восемь месяцев в ожидании попутного корабля.

К своему великому удивлению, Кирос встретил в Каракасе трех детей своего брата, о котором много лет ничего не слышал. Оказалось, что тот здесь женился и умер, оставив вдову с двумя сыновьями и дочерью. Жена его тоже умерла, и дети — два мальчика и девочка — воспитывались у бабушки. Кирос попросил ее отпустить с ним двух племянников. Получив согласие, Кирос с племянниками сел на пришедший в Каракас корабль и отправился в Картахену. Об одном из племянников Кироса, Лукасе де Киросе, известно, что он впоследствии стал опытным картографом, составившим по распоряжению вице-короля Перу карту Южной Америки от Картахены до Магелланова пролива.

В Картахене Кирос показал губернатору приказы короля и просил его оказать помощь, но тот не проявил никакого интереса. Кирос отправился в Пуэрто-Белло. Туда он прибыл совершенно без денег. И опять местные власти никак не отреагировали на приказы испанского монарха, показанные им Киросом. И это неудивительно. Испанские гранды, добиваясь назначения на высшие посты в колониальной администрации, думали отнюдь не о служении государству, а прежде всего о собственном обогащении. Вдали от Мадрида они чувствовали себя местными самодержцами и не спешили выполнять волю короля, тем более что приказ монарха не был адресован им непосредственно.

В довершение всего с Киросом случилось несчастье. 30 августа в городе было религиозное празднество, и он пошел посмотреть его. Чтобы лучше видеть, Кирос взобрался на крышу местного госпиталя, где уже скопилось много народа. Прогнившие перекрытия не выдержали тяжести. Часть здания обрушилась, увлекая за собой не только стоявших на крыше, но и больных, находившихся на втором этаже. Были убитые и раненые. Кирос сломал руку и правую лодыжку, получил сильный удар в бок. Два с половиной месяца он пролежал в больнице, не имея ни гроша. «Это было чудо,— писал Кирос впоследствии,— что кто-то сжалился надо мной и помог».

Наконец Кирос смог продолжить свое путешествие. Он покинул Панаму, отправившись на корабле в Перу. Через 20 дней судно подошло к порту Пайта. Перейдя на другой корабль, Кирос через 18 дней, 6 марта 1605 г., достиг Кальяо.

Он попросил лошадей у одного из старых знакомых и отправился в Лиму, куда прибыл уже ночью. Кирос нигде не мог найти ночлега, и только горшечник, добрый человек, приютил его на несколько дней.

Лишь 11 марта Киросу удалось добиться аудиенции у вице-короля, графа Монтерея, сменившего Луиса де Веласко. Ознакомившись с приказом короля, граф назначил следующую встречу на 28 марта. На этот раз у вице-короля находились два местных судьи, два священника, командующий флотом в Кальяо Луис де Уллоа, начальник гвардии и секретарь,

Вице-король попросил Кироса подробно рассказать о предстоящей экспедиции и следил за его объяснениями по карте, расстеленной на столе. Присутствующие задали Киросу много вопросов. Его ответы как будто удовлетворили их. Хуан де Виллела, один из судей, и отец Франсиско Коелло горячо поддержали проект экспедиции. Тогда граф Монтерей заявил, что, по его мнению, целесообразнее начать экспедицию не из Лимы, а из Манилы. Это будет дешевле и сэкономит время. Кирос отвечал, что, во-первых, королевский приказ ясно требует, чтобы экспедиция была начата из Лимы, а не из Манилы, и, во-вторых, неблагоприятные ветры не позволят успешно провести плавание с Филиппин. К тому же в Маниле очень трудно набрать матросов и солдат. Вице-король промолчал, и заседание было закончено.

Время шло, а подготовка к экспедиции не начиналась. Вице-король все время ссылался то на свою занятость другими делами, то на здоровье. Кирос, беспокоясь, что будет упущено наиболее благоприятное время для проведения экспедиции, послал графу Монтерею памятную записку. Но и это не подействовало. Кирос не только не встречал поддержки со стороны местных властей, но, наоборот, все время чувствовал сопротивление осуществлению его плана. К тому же Фернандо де Кастро, прибыв в Лиму, заявил о своих правах на Соломоновы острова как муж вдовы Менданьи, первооткрывателя этого архипелага; Кирос отверг его притязания, сославшись на соответствующие места в приказах короля Филиппа III.

Кирос по-прежнему был без всяких средств к существованию и потому с большой признательностью принял предложение королевского судьи доктора Ариаса Угарте поселиться в его доме. Доктор Угарте почти насильно заставил Кироса взять у него деньги.

Кирос продолжал посылать вице-королю один меморандум за другим, но все было тщетно. Тогда он обратился с просьбой к графу Монтерею назначить специальных уполномоченных, ответственных за подготовку экспедиции, поскольку суперинтендант адмирал Хуан Колманеро де Андрада не справлялся с этим делом. На этот раз вице-король принял некоторые меры, и подготовка к экспедиции началась.

Однажды граф Монтерей пригласил к себе Кироса и завел с ним разговор о том, что согласно королевскому приказу должен быть назначен его преемник на посту начальника экспедиции на случай смерти самого Кироса и он хочет назначить кого-нибудь из членов экипажа.

«Я заявил ему,— писал Кирос много лет спустя,— что не хотел брать с собой в плавание того, кто будет знать, что займет мое место, поскольку это сопряжено с очевидной опасностью. В приказе его величества говорится, что я сам назову кандидатуру в случае, если мне будет угрожать смерть, до того как я

вернусь в Лиму или выйду из нее, чтобы предприятие продолжалось, но в настоящее время я здоров и чувствую себя хорошо. Поэтому я просил его подождать с этим делом и посмотреть, как распорядится господь, а пока предоставить это дело мне. И если я увижу какую-нибудь серьезную опасность для экспедиции, я сумею выбрать такое лицо». Вице-король больше не говорил на эту тему, но, как оказалось впоследствии, не внял аргументам Кироса.

Наконец все приготовления к плаванию были закончены. Три корабля, готовые к отплытию, стояли в порту Кальяо. Кирос с капитанами двух других судов явился к графу Монтерею. Он извинился перед вице-королем за назойливость, проявленную им при подготовке экспедиции, объяснив ее лишь желанием скорее закончить приготовления. Граф же в ответ поблагодарил Кироса за такую преданность делу и пожелал счастливого плавания, предупредив, что из-за нездоровья не сможет быть в порту при отплытии кораблей. Вице-король вручил Киросу текст своей речи, которую следовало прочитать перед отплытием судов из Кальяо. Граф Монтерей подчеркивал важность предпринимаемой экспедиции для Испании и выражал уверенность, что она будет проведена успешно.

Вернувшись в Кальяо, Кирос распорядился ознакомить экипажи судов с посланием вице-короля. На кораблях были подняты паруса. Верхушки мачт украшали флаги, развевался королевский штандарт.

Суда экспедиции прошли мимо стоявших в порту кораблей, салютуя из пушек и мушкетов. Те дали ответный залп. Это было 21 декабря 1605 г. в 3 часа пополудни.

Один за другим три корабля экспедиции покинули порт Кальяо. Впереди шел флагман «Сан-Педро-и-Сан-Пабло», затем вице-адмиральский корабль «Сан-Педро», за ним — шлюп «Три волхва». Первые два судна были небольшими, водоизмещением 60 и 40 тонн, а последнее совсем маленькое, всего 12 тонн. В экспедиции принимало участие 300 человек. Кроме матросов и солдат на борту находились шесть священников-францисканцев и врач с четырьмя братьями милосердия. Флагманским кораблем командовал сам Кирос, вице-адмиральским — Луис Ваэс де Торрес, а шлюпом — Бернал Серменто. Главным кормчим экспедиции против желания Кироса вице-король назначил Хуана де Бильбоа. Именно его граф избрал в возможные преемники Кироса, что весьма неприятно поразило последнего.

Тем не менее общее настроение было превосходным. Один из шкиперов экспедиции, Гонсалес де Леса, говорил впоследствии: «Нас охватило такое горячее желание послужить богу, святой католической церкви и королю, нашему повелителю, что нам казалось все возможным».

Кирос еще в Кальяо почувствовал себя плохо. На корабле болезнь усилилась. Три дня Кирос был в очень плохом состоя-

нии, но затем поправился. «Если богу угодно, то будешь жить»,— написал он позднее, вспоминая начало своего плавания.

Учитывая опыт экспедиции с Менданьей, Кирос, выздоровев, написал подробнейшую инструкцию, которую передал 8 января 1606 г. капитанам двух других судов. В инструкции Кирос давал скрупулезные указания не только по части навигации, рациона питания экипажей, но и дисциплины. Все азартные игры были запрещены. Капитанам вменялось в обязанность строго следить за обращением офицеров с матросами и солдатами. Требования соблюдения дисциплины не должны были перерастать в жестокость. Капитану «следует использовать те методы, которые необходимы для поддержания твердой дисциплины, дружелюбия, честности и преданности, помня, как много может достичь тот, кто добивается повиновения не применением жестоких мер, а добром».

Кирос специально остановился в инструкции на поведении в отношении коренных жителей открываемых земель. «Запомните, что если на кораблях появятся вожди или простые туземцы, то их следует принимать любезно, как гостей, и одаривать подарками, которые им больше всего приглянулись. Такой же линии поведения необходимо придерживаться на берегу, когда туземцы пожелают войти в сношение и говорить с нами... Узнавайте у туземцев, есть ли поблизости другие острова или обширные земли, и если они населены, то какой цвет кожи у их жителей, едят ли они людей, миролюбиво или воинственно настроены; есть ли у них золото... серебро... жемчуг, специи... как все это называется на их языке... запоминайте названия. Выясните, где это все добывается. Покажите свою благодарность за все то, что они дали... Крики и шум туземцев на их сборищах, бряцание оружием не должны вызывать у нас тревоги... При нападении туземцев сначала надо дать холостой залп из мушкетов, выстрелить в воздух, а затем уже, сообразуясь с обстановкой, предпринять необходимые меры, чтобы их отогнать или остановить... Мы должны относиться к туземцам как к детям... всегда быть справедливыми к ним, иметь открытые и чистые намерения, и тогда бог поможет нам, как он помогает всем, чьи цели добры». Кирос предусмотрел и случай, если корабли потеряют друг друга: корабль, который первым придет на Санта-Крус, должен ждать остальных три месяца. Если же по истечении этого времени они не появятся, ему следует «плыть в поисках Южной земли на юго-запад, к 20° ю. ш., затем на северо-запад до 4°, оттуда на запад, вдоль северного побережья Новой Гвинеи к Маниле, а потом домой, в Испанию, через мыс Доброй Надежды».

Суда шли западным курсом. Великий океан был тогда действительно тихим, хотя ветры часто меняли направление, затрудняя движение кораблей. Так продолжалось до 22 января, когда суда достигли 26° ю. ш. Погода резко изменилась. Начался

сильный шторм. Кирос, несмотря на протесты Торреса, решил изменить курс и идти на северо-запад. Он считал, что в это время года безопаснее уйти в более теплые моря.

25 января с кораблей увидели в воде пучки водорослей, а на следующий день — стаи птиц. Неподалеку испанцы обнаружили небольшой атолл, но подойти к нему оказалось невозможно, а на судах кончались запасы питьевой воды. Испанцы пользовались предусмотрительно захваченной Киросом «машиной» для переработки морской воды в пресную, но для ее работы требовались дрова, которых тоже оставалось немного. К вечеру исчез «Сан-Педро», что сильно обеспокоило Кироса, но, к счастью, наутро с флагмана увидели, что он идет навстречу на всех парусах.

29 января вдали показалась земля. С «Сан-Педро» была спущена лодка с тремя людьми. Вернувшись, они сообщили, что подходы к берегу опасны для судов. И на этот раз высадка не состоялась, корабли пошли дальше.

В первые дни февраля испанцы обнаружили еще несколько неизвестных островов, но все они были окружены рифами, которые делали невозможным подход судов.

Наконец 10 февраля корабли подошли к острову, где в отличие от всех встреченных ранее на берегу были видны люди, дым костров.

Испанцы, первые увидевшие все это, закричали: «Люди, люди на берегу!» Это известие вызвало такой восторг у экипажей судов, уже много дней мучившихся от нехватки воды, что люди на берегу показались им ангелами, как писал впоследствии Кирос.

Но и к этому острову подходы оказались опасными. К берегу была послана шлюпка, которая тоже не смогла подойти к острову: находившиеся в шлюпке матросы увидели, что люди на берегу вооружены дубинками и копьями. Испанцы знаками показали аборигенам, что хотят высадиться, те тоже знаками ответили, что не возражают, и показали направление, куда надо плыть. Но высокая волна мешала шлюпке подойти к берегу. Тогда двое из матросов разделись и вплавь добрались до острова. Встреча поразила их. Аборигены, положив на землю оружие, три раза поклонились испанцам. Они обнимали их и целовали «в щеки, что означает выражение дружбы, используемое также и во Франции»,— отметил Кирос в своих записках.

Когда оставшиеся в шлюпке матросы увидели столь дружественную встречу, еще двое выпрыгнули из нее и поплыли к берегу. Один из них был особенно белокож, и, когда он вышел на берег, аборигены окружили его и с величайшим удивлением рассматривали спину, грудь и руки. Такому же внимательному и почтительному осмотру подверглись и остальные испанцы.

Один из аборигенов, по-видимому вождь, подошел к матросам и протянул пальмовую ветвь в знак дружбы и мира. Потом он жестом пригласил их в деревню, показав, что снабдит едой.

Но испанцы, к большому огорчению местных жителей, спешили вернуться на корабль. В столь торжественной встрече, устроенной аборигенами испанцам, как потом все более убеждались европейские мореплаватели, активно исследовавшие Тихий океан в XVII—XVIII вв., не было ничего необычного.

Островитяне принимали бледнолицых пришельцев, появившихся на громадных, по их представлениям, кораблях за спустившихся с небес богов и воздавали им соответствующие почести. Европейцы не замедлили развеять эти представления простодушных жителей тихоокеанских островов, совершая жестокие, бесчестные поступки, проливая кровь невинных жертв. Боги так не могли поступать! Недавние кумиры были развенчаны. Островитяне начали с ними борьбу, которая длится по сей день.

Кирос приказал продолжить поиски подходящей гавани для захода судов. На следующий день шлюпка была послана к другому месту острова. Но и оно оказалось неподходящим для высадки из-за множества подводных скал. Даже шлюпка не могла пристать к берегу, и матросам пришлось добираться вплавь. Пресной воды они не нашли и утолили жажду молоком кокосовых орехов. На берегу испанцы встретили старую женщину. «На вид ей было лет сто,— писал Кирос.— Худощавая высокая женщина с густыми длинными черными волосами, едва тронутыми сединой... В руках она несла корзину с сушеной рыбой... Маленькая собачка бежала рядом».

Испанцы взяли ее в шлюпку и, вернувшись на корабль, привели к Киросу. Он усадил ее на ящик, дал горшок с супом и мясо, которое она съела без колебаний. Старуха, как писал впоследствии Кирос, «оказалось, прекрасно знает, что такое вино». Она осталась очень довольна подаренным ей зеркальцем. Очень внимательно она вглядывалась в лица окружающих ее людей. На пальце у старухи было золотое кольцо с изумрудом, но, когда старуху спросили о нем, она знаками показала, что отдаст его только с пальцем, так оно ей дорого. Кирос распорядился, чтобы ей дали подарки и доставили на берег.

Отношения между испанцами и аборигенами установились дружественные. И в этом заслуга Кироса. Вождем аборигенов был человек лет пятидесяти, хорошо сложенный, с располагающей внешностью. Его люди относились к нему с большим почтением. Испанцы предложили вождю осмотреть их корабль. Вождя посадили в одну шлюпку, а нескольких его подданных — в другую, но, когда шлюпки отошли от берега, сопровождавшие вождя люди, испугавшись, прыгнули в воду и поплыли назад. Вождь хотел последовать за ними но сидевшие в шлюпке испанцы насильно удержали его. Он пытался освободиться с такой яростью, что несколько матросов едва смогли справиться с ним. На борт корабля он категорически отказался взойти. Тогда Кирос сам спустился в шлюпку, неся в руках пальмовую ветвь. Он сердечно приветствовал вождя, знаками прося извинить за причи-

ненное ему беспокойство. Однако вождь с большим унынием смотрел на окружающих его людей и показывал рукой на берег, прося испанцев вернуть его туда. Кирос надел на него панталоны и желтую шелковую рубашку, дал шляпу, повесил на шею цепочку с десятью медалями, вручил ящичек с ножами и приказал вернуть на берег.

На берегу вождя ждали островитяне, явно беспокоившиеся за него. Когда же вождь вернулся, они несказанно обрадовались и дали испанским солдатам, находившимся на берегу, рыбу и воду. Вождь снял свой роскошный головной убор и передал сержанту, чтобы тот вручил его Киросу. На следующий день корабли покинули остров.

Опять испанцам встречались небольшие острова, но они не подходили к ним. Отношения между Киросом и главным кормчим Хуаном де Бильбоа обострялись. Последний все время противоречил своему командиру, сеял вражду между офицерами. Верные люди доносили Киросу, что кормчий готовит против него заговор: его собираются убить, а труп выбросить за борт. Сначала Кирос не хотел этому верить, но постепенно собственные наблюдения привели его к убеждению, что некоторые приближенные де Бильбоа ведут себя весьма подозрительно. Главный кормчий явно выделяет их: они получают больше еды и воды, а те постоянно устраивают скандалы, ссоры среди экипажа. Тогда Кирос собрал весь экипаж. Он сказал, что король поручил им исследовать Южную землю и они должны это сделать даже ценой своих жизней, поэтому он требует от всех добросовестного исполнения долга. Главный кормчий объявил, что хочет перейти на вице-адмиральский корабль, но, когда Кирос разрешил, не только не покинул флагман, но и прекратил всякие разговоры на эту тему. Внешне он притих, но сдаваться и не думал.

Кирос решил отыскать найденные во время предыдущего плавания острова Сан-Бернардо. Поэтому он распорядился идти на северо-запад до 10°40′ ю. ш. Корабли шли этим курсом до 19 февраля, а затем повернули на запад. 21 февраля с «Сан-Педро» увидели землю и дали знать другим кораблям. На следующий день все три судна подошли к острову на близкое расстояние. Кирос приказал спустить две шлюпки и послал людей за водой. Но воду не нашли. Остров был необитаем; правда, на берегу испанцы обнаружили перевернутое старое каноэ. Остров, весь заросший лесом, выглядел очень привлекательно. Испанцы увидели много кокосовых пальм. Было множество птиц. Прибрежные воды изобиловали рыбой, омарами, крабами.

Кирос утверждал, что на этом острове должна быть вода, и хотел на следующий день опять отправить людей на ее поиски, но главный кормчий возразил, ссылаясь на усталость команды. Кирос, который теперь постоянно себя плохо чувствовал, не стал спорить с де Бильбоа. Он понимал желание команды

скорее достичь населенной земли, где уж наверняка будет и пища, и вода, поэтому решил не рисковать, а продолжить плавание. Теперь Кирос поставил ближайшей целью достичь острова Санта-Крус, хорошо ему известного по путешествию с Менданьей. Корабли пошли дальше на запад. Ночью Кирос внезапно услышал крики. Он вышел из каюты и увидел двух дравшихся матросов и де Бильбоа с обнаженной шпагой, которой он только что ранил одного из них. Кирос унял разбушевавшихся матросов, хотя едва держался на ногах от болезни. Ему трудно было даже громко говорить.

Корабли шли все тем же курсом. 1 марта ночью со шлюпа «Три волхва», шедшего впереди, раздался крик: «Впереди земля!» Вскоре со всех кораблей заметили огни костров на берегу. Утром, когда суда подошли к острову поближе, испанцы увидели два каноэ, но те не подошли к судам, хотя испанцы и звали аборигенов.

Когда корабли стали на якорь, к судам направилось около десятка каноэ. Лодки подошли к кораблям. Высокие, хорошо сложенные, красивые люди оглушительно трубили и танцевали, яростно жестикулируя. Несмотря на приглашения испанцев, аборигены не поднимались на палубу и ничего не ели из того, что давали им испанцы. Полученную еду они накалывали на острие дротиков и показывали остальным.

Островитяне буквально облепили шлюп, с удивлением его рассматривая. Один из них привязал веревку к бугшприту, и островитяне стали тянуть шлюп к берегу. Капитан «Трех волхвов», видя, с какой быстротой аборигены все это проделывают, приказал дать залп из мушкетов, чтобы напугать их. Но островитяне не испугались. Тогда испанцы обнажили шпаги и пытались отогнать аборигенов, но они хватали шпаги руками, не понимая их назначения. Только когда несколько человек были ранены, они отошли от кораблей.

В это время к кораблям подошло каноэ с высоким, крепким человеком со свирепым лицом. Знаками он потребовал, чтобы испанцы сдались. В ответ раздалось два мушкетных выстрела. Однако человек продолжал с большим достоинством настаивать на своем. Видя, что ничего не может добиться, он вернулся к лодкам, поджидавшим его у берега.

Аборигены собрались на берегу и всем своим видом показывали, что готовы к войне. Ветер посвежел, и, хотя еще не стемнело, судам стало опасно находиться на таком близком расстоянии от берега. Кирос распорядился сняться с якоря и поднять паруса. К большому удивлению островитян, не понимавших, что же произошло, испанские суда стали поспешно уходить в открытое море.

Кирос послал за Торресом и, когда тот явился на флагманский корабль, приказал ему наутро во главе вооруженного отряда отправиться на берег за водой и дровами.

Утром Торрес попытался высадиться на берег, но аборигены воспрепятствовали этому. Тогда он приказал плыть к другому месту. С большим трудом из-за высокой волны отряду удалось выбраться на берег, причем солдаты потеряли немало кувшинов для воды и других вещей, а также несколько мушкетов.

Однако и здесь испанцев встретила большая толпа вооруженных островитян. Солдаты дали залп из мушкетов, ранив нескольких аборигенов. Это заставило последних отступить. Их вождь, сопровождаемый несколькими островитянами, подошел к испанцам с пальмовой ветвью в руках. Мир был заключен. Аборигены отошли к деревне в середине острова, расположившейся у озера. Испанцы остались на берегу. Через некоторое время к ним подошел мальчик и показал жестами, что отдает себя в их полное распоряжение. Мальчик предложил солдатам несколько кокосовых орехов и дал понять, что может принести еще. Торрес подарил мальчику штаны и шелковую рубашку. Другие аборигены, видя, что их посланца хорошо приняли, тоже подошли к испанцам.

Установившиеся было дружественные отношения были прерваны действиями солдата, пожелавшего войти в жилище одного из островитян. Тот не пустил и, прежде чем подоспели другие испанцы, ударил солдата дубинкой. Прибежавший первым офицер по имени Галлардо выстрелил в островитянина. Последний, несмотря на то, что был ранен, бросился на Галлардо. Тогда испанец обнажил шпагу и убил островитянина. Было убито еще несколько аборигенов. Остальные поспешили скрыться в лесу. Испанцы остались в деревне одни. В домах они увидели множество красивых циновок искусной работы, различные украшения и перламутровые раковины. Испанцев восхитили большие каноэ — двадцать ярдов в длину и два в ширину,— в которых помещалось до 50 человек. Сами аборигены поразили испанцев своей красотой. Поэтому они назвали обнаруженную землю островом Красивых Людей (вероятно, это был атолл Ракаханга на севере островов Кука).

Остров был плоский. Каких-либо источников воды испанцы не обнаружили и решили, что аборигены использовали только дождевую воду.

Торрес, видя, что его экспедиция провалилась, поспешил увести своих людей к шлюпкам, и они вернулись на корабли.

Кирос повел суда дальше. Проходили дни, а остров Санта-Крус обнаружен не был. На кораблях все более ощущался недостаток воды. Люди роптали: земли, о которой говорил Кирос, не существует; он выдумал ее, чтобы заставить папу и короля дать ему корабли; их капитан думает лишь о своей собственной славе и готов обречь всех на смерть в пучине океана.

Кирос не мог игнорировать эти высказывания. Он прямо и резко заявил своим людям: «Вы любите только сытно поесть, хорошо поспать да поменьше работать, почаще жаловаться, по-

стоянно ворчать и как можно меньше думать о цели нашего плавания».

25 марта, накануне пасхи, главный кормчий во всеуслышание заявил, что, по его подсчетам, корабли находятся на расстоянии 2220 лиг от Кальяо и необходимо решить, следует ли идти дальше. Учитывая настроение экипажа, Кирос распорядился созвать совет. Два других корабля подошли к флагману. Их капитаны и штурманы собрались в каюте Кироса.

Кирос объявил, что собрал совет для того, чтобы каждый из присутствующих высказал свое мнение, во-первых, о том, на каком расстоянии от Кальяо находится экспедиция, во-вторых, почему до сих пор не был обнаружен остров Санта-Крус, в-третьих, о дальнейшем маршруте.

Штурманы кораблей разложили свои карты. Сличение их показало большие расхождения относительно величины пройденного пути. Торрес указал на отсутствие у них достаточно четкого представления о пройденном расстоянии, на течения, препятствовавшие заданному движению кораблей, и, наконец, на то, что расстояние от Лимы до острова Санта-Крус первоначально было определено неправильно. «Все это,— утверждал он,— дает основание полагать, что никакой ошибки еще не произошло. Экспедиция должна продолжаться». Все присутствующие на совете, кроме главного кормчего, согласились с мнением Торреса. Хуан де Бильбоа упорно возражал. Экспедиция длится уже 94 дня, говорил он, и все еще не достигла Санта-Круса, в то время как предыдущее плавание к острову закончилось за 69 дней. Кирос обратил внимание присутствовавших на то, что нынешнее плавание проходит в худших условиях, чем предыдущее: много дней потеряно из-за штормовой и штилевой погоды, немало времени потрачено на остановки у встреченных островов. Если подсчитать все эти потери, сказал он, то настоящее плавание продолжается фактически лишь 64 дня и, следовательно, по сравнению с первым путешествием к Санта-Крусу у них есть в запасе еще пять дней. Но дон Хуан не желал слушать Кироса и все более распалялся. По его громогласным заявлениям выходило, что лишь он один верный слуга короля и надлежащим образом заботится о выполнении монаршей воли.

Тогда Кирос приказал Торресу арестовать дона Хуана и переправить его на «Сан-Педро». Главным кормчим Кирос назначил Гаспара Гонсалеса де Леса.

Корабли пошли дальше на запад. Сильный дождь дал возможность пополнить запасы пресной воды, и это обстоятельство несколько подняло дух команды. Вскоре увидели и явные признаки приближения земли: плывущие кокосовые орехи и стволы деревьев, летящих птиц и др. Поэтому корабли продолжали идти и ночью под малыми парусами, с зажженными фонарями. 7 апреля в 3 часа пополудни вахтенный с верхушки мачты флагманского судна закричал: «Вижу землю на северо-западе, высо-

кую и темную». Этот давно ожидаемый возглас услышали сразу все. Корабли устремились к суше. На рассвете следующего дня испанцы подошли к берегу, где был виден дым костров. С большим трудом удалось стать на якорь. Еще через день Кирос приказал Торресу отправиться с отрядом на шлюпке на берег для его изучения, а кораблям искать подходящее место для стоянки.

Когда шлюпка приблизилась к берегу, аборигены из ближайшей деревни убежали в глубь острова, оставив на берегу 150 вооруженных людей. Один из них вышел навстречу испанцам. Последние, чтобы испугать аборигенов, выстрелили из мушкетов. Островитяне бросились в воду, но человек, стоявший впереди, не испугался. Он подошел к испанцам и знаками попросил их не стрелять и положить ружья на землю. Своим людям он также приказал сложить оружие. Затем он протянул руку Торресу в знак дружбы. Показав на свой головной убор, он дал понять пришельцам, что является вождем на этом острове. Его имя было Тумаи. На вид ему было лет пятьдесят.

К испанцам подошел один из аборигенов. Он с удивлением рассматривал их, но и испанцы с не меньшим удивлением смотрели на него. Островитянин был светлокож, с каштановыми волосами. Его звали Олан, но испанцы нарекли его Фламандцем.

По просьбе Торреса Тумаи проводил испанцев в деревню и обещал сделать для них все, что в его силах. Торрес в знак благодарности подарил ему шелковую рубашку. К флагманскому кораблю была послана шлюпка с известием, что рядом с деревней есть место, где можно набрать воду, и что корабли могут стать на якорь неподалеку от берега.

На следующий день Торрес доставил Тумаи на флагманское судно. Встретившись с Киросом, Тумаи в знак мира поцеловал его в щеку. Кирос пригласил вождя за стол, накрытый к обеду, но Тумаи решительно отказался что-либо есть. Кирос спросил его, видел ли он когда-нибудь корабли, похожие на их, на что Тумаи ответил: не видел, но слышал о таких судах. Кирос узнал от вождя, что остров Санта-Крус находится рядом и отсюда даже виден его вулкан. Тумаи сказал, что недалеко находится еще несколько островов. Он пытался показать, в каком направлении они находятся, какого они размера, сколько до них дней пути, воинственное или миролюбивое их население. И все это, конечно, знаками. Например, он широко разводил руки в стороны или, напротив, сводил их, показывая, какой из островов крупный, а какой — небольшой, указывал на солнце, а затем склонял голову на руку, закрывая глаза, загибал пальцы, показывая сколько дней надо плыть до того или иного острова. Наконец Тумаи дал понять, что хотел бы вернуться на остров, и Кирос отпустил его, вручив различные подарки.

На этот раз у испанцев установились дружественные отношения с местными жителями острова, который те называли Тау-

мако (один из островов в группе Дафф, расположенной к востоку от архипелага Санта-Крус). Островитяне жили в просторных, чисто убранных домах. Их большие, на 30—40 человек, каноэ были хорошо приспособлены для длительных плаваний, даже имели специальные отделения для съестных припасов; луки были украшены перламутровыми раковинами. Испанцев удивило пристрастие этих «дикарей» к красоте. Тумаи распорядился снабдить испанцев дровами, водой и продовольствием. В ответ Кирос отослал обычный набор подарков, припасенных для подобных случаев. Особое удовольствие жителей вызывали колокольчики. Эта идиллия продолжалась десять дней. 18 апреля на закате корабли отправились дальше. Испанцы остались верны себе в отношении островитян: получив все необходимое, они, покидая остров, похитили четырех его жителей. Правда, трое из них, бросившись с кораблей в воду, когда те уже отошли от острова, вплавь добрались до берега.

Кирос, имея на судах достаточные запасы дров, воды и продовольствия и видя, что ветер благоприятный, решил не плыть к Санта-Крусу, а повернуть на юго-восток и искать вожделенную Южную землю.

На третий день плавания с кораблей увидели остров. Торрес во главе небольшого отряда был послан на берег. Островитяне с великим почетом встретили испанцев, вручив им роскошную пальмовую ветвь. Но Кирос не хотел задерживаться на острове. Корабли пошли дальше. 22 апреля благоприятная до тех пор погода резко изменилась. Два дня продолжался сильный шторм. Когда 24 апреля небо очистилось и выглянуло солнце, Кирос приказал ставить паруса. «Какой взять курс?» — спросили его штурманы. «Пусть корабли сами изберут направление. Пусть бог ведет их!» — ответил Кирос. Корабли, предоставленные воле волн, повернули к юго-западу. Кирос приказал следовать именно этим курсом. Мечтательность в нем всегда преобладала над трезвым расчетом.

На рассвете следующего дня на флагманском судне раздался счастливый возглас вахтенного матроса Франсиско Родригеса: «Впереди очень высокая земля!» Кирос назвал землю островом Святого Марка, ибо ее увидели в день этого святого.

В течение следующих трех дней испанцы обнаружили еще восемь островов. С одного из них, названного Дева Мария, они похитили двух жителей и вернули их на остров через день, нарядив в шелковые рубахи, одарив ножами и зеркальцами. В ответ на это островитяне дали испанцам двух свиней, воду и фрукты.

29 апреля в 3 часа пополудни вахтенный матрос флагманского корабля увидел землю. Она, по-видимому, была огромна, так как занимала все пространство на юго-западе и юге. «Это был самый счастливый и праздничный день за все плавание»,— заметит впоследствии Кирос в своих записках.

Корабли пошли прямо к этой земле, которую ликующий Кирос поспешил назвать Кардоной в честь герцога Сесы, полное имя которого было дон Антонио де Кардона-и-Кордова.

Подойдя ближе к земле, испанцы увидели в юго-восточной ее части высокую горную цепь. Вершины гор скрывались в густых облаках. Кирос выслал вперед шлюпку с офицером и группой солдат для обследования подходов к берегу. К вечеру шлюпка вернулась, и офицер рассказал, что у побережья расположен вытянутый с севера на юг обитаемый остров, довольно скалистый, покрытый густым лесом. Остров отделен от основной суши глубоким проливом.

Корабли пошли вдоль острова к западу. На берегу было видно много мужчин, вооруженных луками. Они что-то громко кричали испанцам. Но суда не останавливаясь продолжали идти своим курсом.

1 мая испанцы увидели огромную бухту, где и провели ночь. Кирос назвал ее заливом Сан-Фелипе-и-Сантьяго, ибо был день этих святых. На следующее утро Кирос послал Торреса с отрядом солдат на шлюпке на поиски подходящего места стоянки. В это время к кораблю подошли два каноэ с вооруженными аборигенами. Они громко выражали свою тревогу. С кораблей выстрелили, что еще более усилило беспокойство аборигенов. Они повернули каноэ к берегу и быстро скрылись.

3 мая пополудни на корабль вернулся довольный Торрес с солдатами: он обнаружил великолепное место стоянки и назвал его портом Вера-Крус. Корабли вошли в него и стали на якорь. На следующий день испанцы увидели на берегу множество людей. Кирос отправился на берег, думая взять нескольких на корабль, щедро их наградить и завязать таким образом дружественные отношения с местными жителями. Но у него ничего не получилось. Аборигены знаками приглашали испанцев сойти на берег, но сами отказались сесть в их шлюпки. Кирос возвратился на корабль ни с чем.

На другой день он послал Торреса с группой солдат на берег с той же целью. Испанцы, высадившись на берегу, увидели перед собой большую группу вооруженных аборигенов. Те провели на земле черту, как бы говоря, что не разрешают пришельцам ее переходить. Торрес приказал дать залп из мушкетов в воздух, как требовал всегда Кирос. Но один из солдат, не послушавшись команды, выстрелил в аборигена и убил его. Все находившиеся на берегу местные жители бросились в лес. Тогда солдат отрубил у убитого голову и ногу, а тело за оставшуюся ногу повесил на суку дерева. Остальные солдаты спокойно следили за действиями своего товарища, не только не делая никаких попыток остановить его, а, наоборот, поощряя его.

Через некоторое время к испанцам подошли три вождя, и те, «вместо того чтобы показать свое миролюбие и доставить их на корабль,— писал впоследствии Кирос,— показали им тело их

товарища с отсеченной головой, залитое кровью, полагая, что эта жестокость послужит средством установления мира». Вожди в глубокой печали смотрели на изуродованное тело соплеменника, а затем вернулись к своим людям. Раздались воинственные крики. С разных сторон на испанцев посыпался град стрел, дротиков, камней. Те отвечали выстрелами из мушкетов. Кироса, который следил за происходящим с борта флагманского корабля, все это очень огорчало. Он понимал, что мира с жителями открытой им земли уже не будет. Аборигены начали обходить небольшой испанский отряд, стремясь отрезать ему путь к шлюпкам. Кирос послал на помощь солдат, но ситуация для испанцев не улучшилась. Тогда Кирос приказал открыть огонь из корабельных орудий, и лишь это заставило аборигенов отступить.

Появился еще один отряд аборигенов, которые, громко трубя в раковины, шли к берегу, размахивая дубинками, дротиками и луками. Высокий старик, один из вождей, видевших тело соплеменника, вышел вперед и обратился к солдатам. «Видимо, вождь сказал,— писал позднее Кирос,— что они будут защищать свою страну против тех, кто в нее пришел и убивает ее жителей. Восемь наших солдат были в засаде, и один из них случайно, как он утверждал после, убил этого вождя... Четыре туземца, глубоко опечаленные, подняли убитого на плечи и скрылись в чаще леса; туда ушли и остальные жители, оставив деревню опустевшей».

Кирос прекрасно сознавал, какими бедствиями в дальнейшем грозили испанцам происшедшие события. Но радость, которую он ощущал со времени прибытия на эту огромную, как казалось, землю, страну его мечты, ибо Кирос был убежден, что достиг Южного континента, не давала надолго погружаться в мрачные думы. Надо было немедленно объявить открытую землю собственностью испанской короны и начать ее обживать.

Кирос приказал Торресу с отрядом солдат высадиться на берег и начать строительство укрепленного лагеря. Он назначил Торреса начальником лагеря. Работа на берегу закипела. Вскоре были сооружены форт и маленькая церковь Мадонны из Лорето. Это место должно было, по замыслу Кироса, стать впоследствии городом, которому он уже придумал название — Новый Иерусалим.

12 мая Кирос собрал экипажи всех трех кораблей и обратился к ним с речью, в которой подчеркнул величие предстоявших им дел во славу Испании. От них потребуются мужество, стойкость и упорство. Единая цель служения королю и католической церкви должна объединить их. Именно с этой целью, продолжал Кирос, он решил учредить Орден рыцарей святого духа, вступить в который должны все члены экипажей судов. «Во имя святой троицы, во имя папы римского, во имя его католического величества дона Филиппа Третьего, короля Испа-

нии и моего повелителя, я, капитан дон Педро Фернандес де Кирос, даю каждому из вас этот голубой крест, который вы сейчас повесите себе на грудь, и он будет указывать на вашу принадлежность к рыцарям Ордена святого духа... Теперь я от имени его королевского величества требую от вас лучшего выполнения ваших обязанностей, которые с этого дня возрастут, как возрастут награды и наказания, которыми будут измеряться ваши хорошие и плохие поступки».

С наступлением темноты на судах был устроен фейерверк, гремел артиллерийский салют, звонили колокола, звучала музыка. Кирос обратился ко всем присутствующим: «Господа, это канун давно ожидаемого мною дня. Пусть каждый получит то, что он желает!».

14 мая, в день святого духа, все офицеры, матросы и солдаты с голубыми крестами рыцарей Ордена святого духа сошли на берег, неся знамена своих кораблей. Племянник Кироса Лукас шел впереди с королевским штандартом, а Торрес нес крест, сделанный по приказу Кироса. Раздался залп из мушкетов. Кирос, встав на колено, воскликнул: «Честь и слава всевышнему!» А затем, коснувшись рукой земли, поцеловал ее и сказал: «О земля, которую многие так долго искали и которая так дорога мне!»

Торрес передал крест монахам, и все двинулись к церкви. Кирос установил крест у алтаря и приказал секретарю громко прочитать подготовленные заранее документы.

В первом документе «К воздвижению креста» говорилось: «Да будут свидетелями небо, земля, море со всеми его обитателями и все здесь присутствующие, что я, капитан Педро Фернандес де Кирос, в этих землях, которые до того не были известны, установил во имя Иисуса Христа... этот знак святого креста...» Затем секретарь прочел пять документов примерно одного содержания, в которых Кирос объявлял о вступлении Испании во владение открытой землей во имя святой троицы, католической церкви, Ордена францисканцев, Ордена иоанитов и Ордена святого духа, только что им самим учрежденного. Шестой документ гласил: «Я, Кирос, беру во владение этот залив Сан-Фелипе-и-Сантьяго и этот порт, названный Вера-Крус, и это место, где будет основан город Новый Иерусалим, на 15°10′ ю. ш., и все земли, которые я увидел и еще увижу, и всю эту область вплоть до Южного полюса, которая с этого времени будет называться Южная земля Святого духа [3], со всеми землями, к ней относящимися, и это навсегда во имя дона Филиппа

---

[3] Terra Austrialia del Espirito Santo. Таким образом, Кирос в самом названии открытой им земли хотел прославить имя своего государя. Он назвал ее не Terra Australis, как еще в античные времена картографы называли таинственный Южный материк, а Terra Austrialia, т. е. Австрия, владение Габсбургов, к дому которых принадлежал Филипп III, являвшийся эрцгерцогом Австрийским.

Третьего, короля Испании и Восточной и Западной Индий, моего монарха и повелителя, которому принадлежат эти корабли и по чьей воле и желанию они пришли сюда...»

Когда чтение документов было закончено, раздались громкие возгласы: «Многие лета королю Испании дону Филиппу Третьему, нашему повелителю!» Отслужили мессу, был дан артиллерийский салют с кораблей, устроен фейерверк. Находившиеся на берегу солдаты ответили залпами из мушкетов. На этом торжественная церомония закончилась, и начался пир.

Еще не кончилась сиеста, а Кирос собрал у себя высшие чины экспедиции и сказал им, что необходимо немедленно избрать должностных лиц города Нового Иерусалима, который станет столицей этого края. Тут же были избраны из числа членов экспедиции 14 городских советников, судья, начальник полиции, казначей и другие. Все они приняли присягу на Библии, которую держал священник.

Все Кироса восхищало на «его земле». «Я с полным основанием могу утверждать,— писал он,— что более подходящего места для основания большого портового города найти трудно: глубоководная река, плодородные равнины и горные долины, где отлично приживутся все растения из Европы и Индии, лес, как нельзя более подходящий для постройки домов, бимсов, мачт... Нет другой земли, которая имела бы все так близко, под рукой, как эта... Рядом расположены семь островов, береговая линия которых протянулась на 200 лиг... Те места, где я бывал раньше, не имели подобных преимуществ. Взять, к примеру, Акапулько, главный порт Мексики. Я утверждаю, что единственно, чем он хорош,— это гавань, во всем остальном он никуда не годится: частая облачность, отсутствие реки и нездоровый климат в течение почти всего года, юго-восточные ветры, которые доставляют кораблям немало хлопот, жара, москиты и другие насекомые, досаждающие людям, само место расположения — у подножия каменистых, лишенных растительности холмов. Продовольствие доставляется сюда издалека и поэтому очень дорого... Сан-Хуан-де-Улоа вообще не заслуживает названия порта и города, Панама и Пуэрто-Белло имеют много неудобств, Пайта, Кальяо, Гавана, Картахена... и другие нуждаются во многих необходимых вещах... На побережье Испании тоже нет хорошего порта, поскольку ее земля производит лишь колючки, сорго, мирт и другие жалкие плоды... В апреле и мае фруктов нет».

Кирос расхваливал климат Южной земли Святого Духа, животный и растительный мир. Ему нравились ее жители. «Туземцы дородны, с курчавыми волосами. У них хорошие глаза. Они опрятны, любят праздники и танцы под звуки флейты и барабанов... В качестве музыкальных инструментов они используют раковины... Дома у них деревянные, с покатой крышей из пальмовых листьев и своего рода кладовой, где хранится еда. Все их вещи содержатся в большой чистоте».

Желая лучше узнать открытую им землю, Кирос посылал Торреса во главе вооруженных солдат в деревни аборигенов. Но те, мужественно сражаясь, не давали пришельцам проникнуть в глубь острова. Однажды Торрес с тридцатью солдатами вошел в очень красивую долину, где расположилось несколько деревень местных жителей. Увидев испанцев, аборигены вооружились и вышли им навстречу. Завязался бой. Испанцам пришлось отойти. При этом они захватили трех мальчиков, старшему из которых было лет семь, и 20 свиней. Аборигены окружили испанский отряд, не давая ему пробиться к берегу. Видя с борта флагмана бедственное положение отряда, Кирос приказал стрелять из пушек, и только это спасло солдат. Им удалось достичь места, где стояли шлюпки, и вернуться на свой корабль.

На следующий день аборигены напали на группу испанцев, высадившихся на берег, чтобы пополнить запасы воды. Затем они пытались разрушить церковь, и только вооруженному отряду, посланному Киросом на двух шлюпках, удалось отогнать их.

В залив, где стояли испанские корабли, впадали две реки. Одну из них, напоминающую, как писал Кирос, «Гуадалквивир у Севильи», с глубоким устьем, куда могли заходить «не только шлюпки, но и фрегаты», назвали Иордан, а другую, расположенную к востоку от нее, несколько меньших размеров,— Сальвадор.

Торрес с отрядом солдат на шлюпе «Три волхва» был послан провести промеры глубины реки Иордан в ее устье. Он обнаружил, что не может достать дна. Шлюп пошел дальше по реке. Торрес и его спутники восхищались красотой берегов и чистотой воды. Испанцы высадились на берегу, где была расположена небольшая деревушка. Два аборигена, следившие за высадкой испанцев, дали знать своим о появлении врага, и, когда испанцы вошли в деревню, она была пуста. Но вскоре большая группа аборигенов с воинственными криками стремительно атаковала испанцев, вынудив их отступить к берегу. Там Торрес и его люди не мешкая сели в шлюп и вернулись к остальным кораблям, стоявшим в заливе.

21 мая испанцы с необычайной торжественностью отмечали праздник тела Христова. Все были на берегу, на кораблях осталось лишь по два человека. Мессу служили в празднично украшенной церкви Мадонны из Лорето. День был ясный. Воздух звенел от пения птиц. Кроны деревьев, ярко освещенные солнцем, слегка шелестели от дуновения ветерка, который не нарушал беспредельной глади моря.

После мессы начался праздник. Несколько матросов, разодетых в красные и зеленые шелковые рубахи, под аккомпанемент гитары исполнили зажигательный танец со шпагами. Потом танцевали корабельные юнги в коричневых, голубых и серых шелковых рубахах, с венками на головах и пальмовыми ветвями в руках. Свой танец они сопровождали пением, а два музыканта

аккомпанировали им на тамбурине и флейте. Затем все направились к накрытым для пиршества столам.

Кирос решил пройтись и в сопровождении нескольких офицеров отошел на расстояние лиги от берега. Дальше испанцы идти не решились, боясь нападения аборигенов.

Вернувшись на корабль, Кирос вдруг заявил, что, поскольку местные жители не прекращают враждебных действий и справиться с ними невозможно, завтра же корабли уйдут отсюда на поиски другого места для колонии. С того момента, как корабли бросили якорь в бухте Сан-Фелипе-и-Сантьяго, прошло всего три недели. Торрес попросил отсрочки, поскольку еще раньше было решено, что на следующий день команды будут ловить рыбу для пополнения провизии. Кирос дал такое разрешение. Среди пойманной рыбы было много каргуса. У тех, кто поел ее, началась рвота, на теле появились нарывы. Целую неделю бóльшая часть экипажей судов была тяжело больна. Надо заметить, что капитан Джеймс Кук, посетивший эти места в июле 1774 г., отмечал в своем дневнике, что и его люди, поев рыбы каргус, сильно заболели. «На следующую ночь,— писал Кук 24 июля,— все те, кто ели рыбу, почувствовали страшную боль в голове и всем теле, сопровождавшуюся сильным жаром и потерей чувствительности в суставах. Свиньи и собаки, которым давали рыбу, тоже заболели, и некоторые из них умерли. Прошла неделя или десять дней, пока все больные поправились».

28 мая, когда болезнь, казалось, начала проходить, Кирос приказал сняться с якоря. Но к вечеру больным стало опять так плохо, что пришлось задержать выход судов из бухты, а еще через день испанцы вернулись на прежнее место стоянки. Утром следующего дня с кораблей увидели множество аборигенов, собравшихся на берегу. Кирос приказал Торресу с отрядом солдат на двух лодках подойти к берегу и узнать, чего они хотят. Когда лодки приблизились к суше, аборигены начали стрелять из луков. Испанцы ответили залпом из мушкетов и вернулись на корабли.

Но Кирос опять послал Торреса с солдатами к берегу. При этом он распорядился взять с собой трех мальчиков-аборигенов, захваченных ранее, чтобы аборигены убедились, что ничего плохого с ними не случилось. Кирос предположил, что именно в этом причина враждебности местных жителей.

Когда испанцы подошли к берегу, мальчики стали звать своих отцов, которые хотя и слышали их, но не узнавали, так как дети были одеты по-европейски. Тогда шлюпка подошла еще ближе, и отцы узнали своих детей. Двое из них бросились в море навстречу шлюпкам. По взаимному согласию оружие было положено на землю. Начались переговоры. Аборигены стали предлагать испанцам кур, свиней и фрукты в обмен на трех мальчиков. Указывая на солнце, они дали понять, что уйдут и вернуться к полудню. Испанцы отправились на корабли. В на-

значенное время аборигены появились на берегу и начали трубить в раковины, вызывая испанцев. Те не замедлили прибыть к берегу, захватив трех ребятишек. Аборигены дали им одну свинью и попросили отдать детей. Испанцы не согласились. Тогда аборигены обещали привести на следующий день много свиней, предупредив, что подадут тот же сигнал.

Назавтра на берегу показались аборигены, дующие в раковины. Опять к ним были посланы шлюпки, на которых кроме испанцев были три мальчики и две козы. Аборигены предложили за детей двух свиней. Испанцы ответили отказом и, в свою очередь, предложили за свиней коз. Аборигены же настаивали на возвращении детей и обещали привести больше свиней. Опять дело ничем не кончилось. К вечеру аборигены дали сигнал, и, когда испанцы на шлюпке подошли к берегу, они увидели двух местных жителей и возле них своих коз. Аборигены объяснили, что козы им не нужны. Испанцы заподозрили ловушку. Приглядевшись, они заметили за деревьями множество аборигенов, вооруженных луками и дубинками. Поняв, что аборигены хотят взять их в плен, испанцы, стреляя из мушкетов, отступили к шлюпкам, а затем вернулись на корабли, не забыв захватить своих коз.

Мальчики были страшно взволнованы. Старший из них — испанцы назвали его Пабло,— указывая рукой на берег, повторял одно слово «театали». Он, очевидно, говорил, что хочет вернуться домой. На это Кирос ответил: «Спокойно, дитя! Ты не знаешь, о чем просишь. Тебя ждут более важные дела, чем встреча с родителями и друзьями!»

8 июня Кирос распорядился об уходе из бухты. Но сильный встречный ветер не позволил судам выйти в открытое море. После совещания со штурманами Кирос принял совершенно неожиданное решение: остаться здесь на зиму, возвести крепкие дома, засеять землю, построить бригантину и послать ее вместе со шлюпом исследовать открытую землю.

Корабли двинулись назад к порту Вера-Крус. «Сан-Педро» и «Три волхва», обогнав флагманский корабль, ушли вперед. Наступила ночь. «Сан-Педро» и «Три волхва», ставшие на якорь у самого входа в порт, зажгли огни, чтобы их было видно с флагмана. Но флагманский корабль никак не мог стать на якорь. Кирос, опасаясь натолкнуться в темноте на скалу, приказал остановиться в середине бухты, но сильный ветер погнал корабль к выходу из нее. К утру он был уже за пределами бухты и продолжал быстро удаляться. Три дня «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» пытался войти в бухту, но все было тщетно, и 12 июня 1606 г. Кирос приказал уйти в открытое море, так и не встретившись с двумя другими судами экспедиции.

Сказанное выше взято из записок Кироса. Примерно так же описывал происшедшее и главный кормчий экспедиции Гаспар де Леса. Командир же «Сан-Педро» Торрес в своей записке, по-

сланной королю уже из Манилы 12 июля 1607 г., рисует совершенно иную картину: «Флагманский корабль покинул бухту в час ночи, не дав знать никому из нас и не подав никакого сигнала... И хотя на следующее утро мы отправились на поиски и сделали все возможное, обнаружить его мы не смогли... Таким образом, я был вынужден вернуться в бухту... в которой мы оставались пятнадцать дней...»

Капитан Диего де Прадо-и-Тобар, находившийся вместе с Торресом, утверждал в письме, посланном Филиппу III из Гоа через несколько лет, 24 декабря 1613 г., что на флагманском корабле в ночь на 12 июня 1606 г. вспыхнул мятеж, Кирос был заперт в своей каюте и судно скрылось в темноте.

Ни одно из свидетельств нельзя назвать объективным. Кирос, с большими подробностями описывая даже незначительные детали своей экспедиции до 8 июня, лишь мимоходом упоминает о том, как потерялись корабли. Правда, он тогда был сильно болен и кораблем управлял главный кормчий. Гаспар де Леса, человек, преданный Киросу, естественно, повторял версию своего командира, тем более что именно он в то время фактически распоряжался на судне.

Торрес, несмотря на внешнюю лояльность по отношению к Киросу, не любил его. В упомянутом выше письме королю Торрес посчитал нужным указать: «У меня характер, отличный от характера капитана Педро Фернандеса де Кироса». Что касается капитана Прадо, то он абсолютно не переносил Кироса и строил козни против него во время плавания. Кирос арестовал его вместе с Хуаном де Бильбоа и перевел с флагманского судна на «Сан-Педро». Впоследствии Прадо всячески чернил Кироса перед испанским монархом, о чем речь пойдет ниже.

Так что никаких достоверных свидетельств не существует. Можно лишь строить догадки, основываясь на интересах главных действующих лиц драмы, происшедшей без малого четыре столетия назад в водах величайшего из океанов нашей планеты.

Кирос упивался своим открытием нового и, как он считал, самого большого материка на земном шаре. Конечно, он жаждал скорее вернуться в Испанию и сообщить об этом своему монарху. Поэтому, когда исчезли из виду два других судна, Кирос не очень сокрушался и поспешил в Акапулько. В своих записках он впоследствии писал: «Я понимал, что только корабль, на котором я находился, был в состоянии доставить известия об открытиях и их важности...» Судьба экипажей других кораблей не особенно беспокоила Кироса. «Понятно, что если они спасутся,— писал он,— то сделают все, что в их силах, чтобы открыть побольше островов и доставить о них такие сведения, какие только можно получить с божьей помощью. Адмирал (Торрес.— *К. М.*) и его штурман Хуан Бернардо де Фурентидиенья — люди, от которых можно ожидать великих дел».

Торрес, прекрасно сознавая свои способности навигатора, стремился к самостоятельности. Часто во время совместного с Киросом плавания он высказывал несогласие с его распоряжениями. Поэтому, потеряв своего капитана, Торрес отнюдь не впал в тоску. Прождав, по его словам, две недели флагманский корабль у выхода из залива Сан-Фелипе-и-Сантьяго, Торрес вскрыл пакеты с приказом короля на случай гибели Кироса и, как потом он сообщал Филиппу III, имел совещание с офицерами шлюпа: «Было решено следовать приказам, хотя и вопреки мнению многих, я бы даже сказал, большинства...» Торрес и не собирался вести корабли к Санта-Крусу, месту, избранному Киросом на случай, если суда потеряют друг друга. Он в соответствии с приказом Филиппа III, предписывавшим плыть в направлении Новой Гвинеи и Явы, повел корабли на запад, до 20° ю. ш. Достигнув этой широты, Торрес повернул к Новой Гвинее, хотя экипажи судов требовали возвращения в Манилу.

Видимо, корабли потеряли друг друга из виду действительно из-за плохой погоды. Но совершенно очевидно и то, что ни у Кироса, ни у Торреса не было особого желания встретиться. Все же Кирос, несмотря на жгучее желание идти к берегам Америки, вначале решил идти к Санта-Крусу и ждать там потерявшиеся суда. 18 июня «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» достиг широты, на которой лежит остров, но его не было видно. Судно прошло либо западнее, либо восточнее острова.

Кирос принял решение не искать Санта-Крус, а не теряя времени идти на северо-восток в направлении Гуама и оттуда к берегам Северной Америки. Плавание шло успешно: запасы воды пополнялись за счет обильных дождей, и каждый день матросы вылавливали много рыбы, которую и ели, и солили про запас.

23 сентября с корабля увидели североамериканское побережье. 11 октября «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» прошел мимо мыса Лукас. Корабль был приведен в боевую готовность, ибо в этом месте английский капитан Томас Кавендиш захватил испанское судно «Санта-Анна». Но на этот раз все обошлось благополучно. Вражеские корабли не встретились, море было спокойно, небо безоблачно.

Когда 12 октября корабль подходил к Калифорнийскому заливу, погода резко изменилась. Подул сильный северный ветер, поднялись громадные волны. Судно бросало как щепку, заливало водой. Матросы не успевали откачивать воду. Положение казалось безнадежным. Внезапно к вечеру ветер стих, и удалось поставить паруса. Корабль вновь пошел вдоль побережья.

21 октября «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» бросил якорь в мексиканской бухте Навидад.

Во время плавания Кирос часто болел. Когда разразился шторм у берегов Калифорнии, он был прикован к постели. В бухте Навидад Киросу стало совсем плохо. Жизнь, казалось, уга-

сала в нем, но, превозмогая слабость, Кирос не прекращал командовать судном. По его приказу четверо матросов отправились на берег за пресной водой. Так как шлюпки были смыты волнами во время шторма 12 октября, матросы отправились на берег на наскоро сооруженном плоту. Они довольно быстро нашли воду, наполнили все захваченные ими 27 кувшинов и возвратились на корабль. Матросы сказали, что на побережье не видели ни людей, ни жилища. Это привело команду в уныние: измученные плаванием люди надеялись хорошо отдохнуть и сытно поесть, в какой-либо близлежащей деревне. Прошли сутки. Два матроса попросили Кироса разрешить им отправиться на берег, обещая найти местных жителей. Кирос отпустил их.

Тем временем построили небольшую лодку на которой тяжелобольного Кироса, сопровождаемого группой солдат, перевезли на берег. Солдаты начали стрелять птиц, ловить кроликов, удить рыбу. Вскоре были сделаны кое-какие запасы. К полудню к берегу подошли испанец Херонимо де Санлукар де Баррамеда и местный индеец. Дон Херонимо предложил свою помощь. Кирос попросил дона Херонимо передать вице-королю Мексики его письма. Он вручил ему деньги на покупку провизии и послал с ним двух солдат, которые должны были доставить ее к берегу. На следующий день люди Кироса уже имели все необходимое. Вернулись и два матроса, обещавшие найти местных жителей. Они действительно привели с собой индейцев, нагруженных продовольствием.

Известие о прибытии в бухту испанского корабля быстро облетело всю округу. К берегу приходило множество местных жителей, нагруженных различной снедью.

27 дней экипаж «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» пробыл на берегу бухты. За это время Кирос поправился и достаточно окреп. Отдохнули и его подчиненные. Пора было плыть в Акапулько. Но не все захотели продолжать плавание: 14 человек остались на берегу. 16 ноября «Сан-Педро-и-Сан-Пабло» покинул бухту Навидад. Через неделю, 23 ноября 1606 г., корабль вошел в порт Акапулько. К чести Педро Фернандеса де Кироса надо отметить, что за все тяжелое и долгое плавание не погиб ни один матрос или солдат его экипажа. Была лишь одна смерть на корабле: 13 октября во время шторма у берегов Калифорнии умер пожилой и долго болевший корабельный священник Мартин де Монилла.

В то время как корабль Кироса шел к американским берегам, Торрес вел свои суда к Новой Гвинее. «У нас были тогда только хлеб и вода. Разгар зимы, море, ветер и злая воля экипажа — все против нас. Однако это не помешало мне достичь нужной широты (20° ю. ш.— *К. М.*), которую я пересек и достиг 21° ю. ш. Я пошел бы дальше, если б не погода; ведь корабль был надежный. Идя на указанной широте юго-западным курсом, мы не встретили никаких признаков земли».

Наконец 20 июля 1606 г. испанцы увидели сушу. Это была юго-западная оконечность Новой Гвинеи. «Отсюда,— писал впоследствии Торрес,— я повернул назад на северо-запад, к 11,5° ю. ш.: здесь мы увидели Новую Гвинею... Из-за плохой погоды мы не смогли плыть в восточном направлении и потому пошли на запад вдоль побережья с южной стороны».

Так Торрес совершил плавание, обессмертившее его имя. Никто из европейцев до него не знал этого пути. «Вблизи берегов расположено множество обитаемых островов,— писал Торрес королю Филиппу III,— у побережья много бухт, часто очень больших, с впадающими в них крупными реками, много равнин... В этих бухтах я провозгласил власть вашего величества».

Плавание было трудным из-за отмелей и рифов. Дойдя до 7,5° ю. ш., Торрес понял, что дальше двигаться вдоль побережья нельзя: слишком сильное течение и множество мелей. Он повернул на юго-запад и достиг 11° ю. ш. «Там были очень большие острова, а к югу виделись еще более крупные,— писал Торрес.— Они были населены черными нагими людьми очень представительного вида. Их вооружение составляли дротики, стрелы и каменные палицы. Мы захватили на этой земле двадцать человек из разных племен, чтобы отчитаться перед вашим величеством. Они смогут подробно рассказать о других народах, хотя пока едва понимают друг друга». Это произошло в начале октября 1606 г. Торрес прошел мимо австралийского побережья у самой северной его точки — полуострова Кейп-Йорк, а затем повернул на северо-запад и опять подошел к берегам Новой Гвинеи. Здешние жители отличались от аборигенов, виденных им раньше. «У них,— сообщал Торрес,— лучше украшения; они пользуются стрелами, дротиками, большими щитами и палками из бамбука, наполненными известью, выбрасывая которую ослепляют своих врагов. Идя на запад-северо-запад вдоль берега и все время встречая этих людей, мы везде объявляли власть вашего величества. На этой земле мы нашли изделия из железа, китайские колокольчики и другие предметы, которые свидетельствовали о том, что мы находимся недалеко от Молукк». Через Молуккские острова Торрес пошел к Филиппинскому архипелагу, и 22 мая 1607 г. «Сан-Педро» прибыл в Манилу. За время плавания Торрес, как и Кирос, потерял лишь одного человека. «Сан-Педро» был отобран у Торреса манильскими властями для местных нужд. Дальнейшая судьба этого выдающегося мореплавателя неизвестна. После прихода в Манилу он как-то сразу ушел в тень. Сохранилось лишь неоднократно цитируемое выше письмо Филиппу III, посланное им из Манилы 12 июля 1607 г. и полученное королем 22 июня 1608 г. Его спутник Прадо-и-Тобар оказался счастливее: из Манилы он перебрался в Гоа, а потом вернулся в Испанию.

РЫЦАРЬ ЮЖНОЙ ЗЕМЛИ

Кирос по прибытии в Акапулько вместе со всей командой направился в церковь. Их сопровождала толпа горожан. Моряки несли королевский штандарт. Впереди процессии шли мальчики-аборигены, получившие христианские имена Педро и Пабло. На них были новые европейские костюмы. Прослушав мессу, экипаж вернулся на корабль.

Кирос довольно быстро убедился, что у него немало недоброжелателей, распространявших в Мексике злостные вымыслы относительно его самого и только что закончившегося путешествия. Кирос направил вице-королю Мексики маркизу Монтес Кларосу письмо, в котором описал свое плавание. Одновременно он спрашивал у вице-короля, что делать с «Сан-Педро-и-Сан-Пабло». Маркиз приказал передать судно властям в Акапулько, поскольку оно — собственность испанского короля. Выполнив это распоряжение, Кирос в первый день 1607 г. покинул Акапулько, взяв с собой мальчиков-аборигенов Педро и Пабло, и через семнадцать дней прибыл в Мехико, где был принят вице-королем. Маркиз Монтес Кларос встретил его дружелюбно, он не забыл, что им пришлось испытать, когда корабль, на котором они плыли из Испании, разбился у южноамериканских берегов. Маркизу тогда еще только предстояло вступить в должность вице-короля Мексики. Теперь же он заканчивал здесь свою деятельность, ибо был назначен вице-королем Перу.

Подробный доклад Кироса о плавании и открытии Южной земли маркиз выслушал довольно равнодушно. Он дал понять, что это дело относится к компетенции центральной власти в Мадриде, но обещал Киросу всяческую помощь в организации новой экспедиции к Южной земле, если тот успеет вернуться в Лиму с соответствующим приказом из Испании до ухода маркиза с поста вице-короля Перу.

Кирос узнал, что недалеко от Мехико живет ушедший на отдых дон Луис де Веласко, который был вице-королем Перу, когда Кирос впервые предложил плавание к Южной земле. Кирос отправился к нему. Дон Луис встретил его приветливо, с интересом выслушал рассказ о плавании, но признался, что практически ничем не может ему помочь.

Убедившись, что ни в Мехико, ни в Лиме не удастся добиться разрешения на организацию новой экспедиции, Кирос решил не теряя времени отправиться ко двору испанского короля.

В это время один за другим умерли любимцы Кироса Педро и Пабло. В глубокой печали Кирос покинул Мехико и направился к Атлантическому побережью Мексики. Он опять был без гроша в кармане, и ему не удалось бы добраться до Сан-Хуан-де-Улоа, если бы не доброта некоего капитана Гаспара Мендеса де Веры, ссудившего Киросу небольшую сумму.

В Сан-Хуан-де-Улоа вновь повезло. Леонардо де Ориа, капитан корабля, направлявшегося в Испанию, взял его на борт в качестве пассажира и бесплатно доставил в Кадис. Кирос сошел на берег, продал часть вещей и на вырученные деньги добрался до Севильи. Там он продал остальные пожитки, одолжил у двух своих знакомых 500 реалов и направился в Мадрид. 9 октября 1607 г. Кирос, истратив все до последнего реала, вошел в городские ворота столицы Испании.

Опять добрые люди помогли ему, дав кров и деньги. И Кирос начал новую битву с испанской бюрократией за Южную землю. Ему надо было иметь дело главным образом с двумя могущественными ведомствами Испании: Советом по делам Индий и Государственным советом.

В течение первых одиннадцати дней пребывания в Мадриде Кирос никак не мог добиться приема у графа Лемоса, председателя Совета по делам Индий. «Наконец он принял меня,— писал потом Кирос,— прочитал мой доклад и сказал: „Какие права мы имеем на этот район?“ Я ответил: „Те же самые, на основании которых мы владеем другими“». Кирос еще несколько раз встречался с графом Лемосом, и все безрезультатно. В конце концов тот посоветовал ему добиваться аудиенции у короля, но предварительно посетить герцога Лерму, председателя Государственного совета.

Началось многомесячное хождение Кироса по канцеляриям, составление бесконечных памятных записок для членов Государственного совета, Совета по военным делам, Совета по делам Индий и т. п. «Многие из них,— писал Кирос,— относились с вниманием к моим запискам, видя их ценность. Но это не продвигало дела». Когда герцог Лерма переслал 6 марта 1608 г. подробную записку в Совет по делам Индий, Киросу сообщили, что ответ он получит через одного из членов совета — дона Франсиско де Теяда. Последний же порекомендовал Киросу вернуться в Перу и там добиваться от вице-короля решения по своему делу. «Я ответил ему,— писал с возмущением Кирос,— что нельзя посылать меня в столь далекое путешествие по столь важному делу, не дав мне никаких распоряжений». Кирос сел за составление новых записок. Но теперь у него появилась надежда, что ему все-таки удастся добиться положительного решения. В июне 1608 г. в Мадрид пришло письмо Торреса, направленное из Манилы, в котором он подтверждал открытие новой земли.

Однако ожидания Кироса не оправдались. Время шло, а решение принято не было. «Я, капитан Педро Фернандес де Кирос, настоящим сообщаю, что послал уже восемь записок относительно организации поселения на земле, открытой в Australia Incognita, но до сих пор никакого решения или ответа сообщено не было, не было даже дано какого-либо знака, что я могу надеяться получить их,— писал Кирос королю в конце 1608 г.— Я уже четырнадцать месяцев нахожусь при дворе, и четырнад-

цать лет я занимаюсь этим делом, не получая ни денег, ни какой-либо другой выгоды, думая лишь об успехе предприятия. Я прошел по суше и морю 20 000 лиг, истратив все мое состояние и страдая множество раз от таких страшных вещей, что мне самому они кажутся неправдоподобными; я прошел через все это только для того, чтобы эта угодная богу и благородная работа не прекращалась. Во имя этого и во славу божью я почтительнейше прошу ваше величество разрешить мне после столь большого и продолжительного труда собрать плоды его...

Огромность земли, ныне открытой, судя по тому, что я сам видел, и по данным, сообщенным вашему величеству капитаном доном Луисом Ваэсом де Торресом, моим адмиралом, совершенно очевидна. Она больше, чем вся Европа вместе с островами Средиземного моря и Атлантического океана, с Англией и Ирландией и Малая Азия вплоть до Каспия и Персии. Эта неизвестная ранее земля составляет одну четвертую часть мира и, таким образом, вдвое превышает королевства и провинции, которыми ваше величество до сих пор владеет с помощью божьей, и это без соседства с турками и маврами или другими народами, которые являются причиной беспорядков и беспокойства на ваших границах... Если эта земля расположена так, как можно предположить, то она — антипод большей части Африки, всей Европе и значительной части Азии.

Я хотел бы заметить, что земли, виденные мною на широте 15°, лучше, чем в Испании, а те, которые расположены выше, должны представлять собой земной рай. Цвет кожи у людей и белый, и коричневый, есть мулаты с различными оттенками кожи, есть индейцы и люди смешанной крови. У одних волосы черные, густые и прямые, у других — короткие и курчавые, а у некоторых — прекрасные рыжеватые. Эти различия указывают на многочисленные связи, в том числе торговые. Благодаря превосходной земле и отсутствию огнестрельного оружия, а также вследствие того, что люди не работают в серебряных или других рудниках, и по многим другим причинам тамошнее население очень многочисленно. Но они не знают никаких искусств, у них нет ни крепостей, ни армии, ни кораблей, ни законов. Это просто язычники, разделенные на племена и находящиеся не в слишком дружественных отношениях между собой. Их оружие: луки и стрелы без яда, дубинки, палки, дротики и копья. Мы находим, что они порядочные, чистоплотные, дружелюбные, разумные и отзывчивые люди. Поэтому есть основание надеяться, что, с божьей помощью и используя мягкие средства, будет очень легко умиротворить и воспитать их... У них деревянные дома, крытые пальмовыми листьями. Они пользуются глиняными горшками, плетут из тростника одежду и циновки. Они обрабатывают камень и кораллы, делают флейты, барабаны и ложки из дерева. У них есть места для молебствий и погребений. Хорошо обработанные участки земли они, как правило, огораживают рвами

и палисадами. Они широко используют раковины, изготовляя из них резцы, пилы, а также ожерелья. Лодки островитян сделаны добротно и пригодны для плавания от одного острова к другому. Вообще есть определенные свидетельства о соседстве с более цивилизованными народами.

В качестве хлеба они используют три вида кореньев... Масса прекрасных фруктов: шесть видов бананов, четыре вида миндаля, земляные орехи, апельсины и лимоны, которые туземцы не едят, и другие... Из овощей мы видели тыкву, портулак и фасоль. Мясную пищу составляют домашние свиньи, похожие на наших, куры, каплуны, утки, голуби, козы, которых видел другой капитан; и, кроме того, туземцы говорили нам о коровах и буйволах. Рыбы в изобилии... Следует заметить, что многие из продуктов такие же, как наши, а другие могут здесь производиться, поскольку эта земля пригодна для выращивания всех растений, произрастающих в Европе.

Здешнее богатство — это серебро и жемчуг, которые я видел сам, а также золото, которое видел другой капитан, о чем он сообщает в своей записке. Здесь есть много различных специй: мускатные орехи, перец и имбирь... сырье для производства шелка; имеются алоэ, сахар и индиго, а также в достаточном количестве эбеновые деревья и другие виды деревьев, необходимых для строительства судов... Расположение этой земли убеждает нас в том, что здесь наверняка существует много других источников богатства. Испанская промышленность усилится за счет использования туземных продуктов, а наша деятельность здесь сделает товары этой страны доходнее, чем товары Перу или Новой Испании.

Я докажу, если мне окажут помощь, что эта богатая страна одна сможет снабжать Америку и обогащать Испанию. Все описанное мы встретили на морском берегу, следовательно, в глубине страны могут быть огромные, дотоле невиданные богатства. Необходимо отметить, что моей главной задачей было найти большую землю и я сделал это, но из-за болезни и других причин, о которых я умолчу, мне не пришлось увидеть всего... Порт Вера-Крус способен вместить тысячу кораблей... Здесь можно построить огромный город. Его жители смогут сообщаться со всеми провинциями, которыми владеет ваше величество. Эта земля является ключом к ним и, будучи присоединена к вашим владениям, станет источником громадных доходов и принесет много другой пользы. Я не преувеличу, если скажу, что здесь могут поселиться двести тысяч испанцев... Все это... я сделал, как преданный вассал вашего величества... Я уверен, полагаясь на справедливость, великодушие и христианское благочестие вашего величества, что дело относительно заселения недавно открытых земель будет рассмотрено с должным вниманием... Я, мой повелитель, молюсь о том, чтобы меня послали в эти земли...»

Ответа от короля не последовало. Это может показаться странным. Ведь Кирос предлагал Филиппу III вступить во владение самой большой частью света. Надо сказать, что его сообщения об открытии новой земли не вызывали тогда сомнений. Все имеющиеся в те времена сведения говорили в пользу существования гигантской Южной земли. А Филипп молчал. Кирос продолжал пребывать в нищете. Никто не интересовался им. Парадоксальная ситуация!

Испанское правительство не отвечало Киросу не потому, что не верило в его открытие, а, напротив, именно потому, что оно представлялось вполне реальным.

Со времен Колумба положение страны резко изменилось. Пиренейская монархия дряхлела. Она еще была могущественной державой, но контролировать громадные заморские владения становилось все труднее. Взлет и падение, сила и слабость Испании как крупнейшей колониальной державы в значительной степени объясняются социально-политическим строем страны. Абсолютизм феодальной монархии позволял сконцентрировать силы и средства государства для создания мировой империи.

После захвата новых богатых земель в метрополию потекли драгоценные металлы, дорогие пряности и ткани. Но все это сосредоточивалось в руках дворянства и церкви. Накопленные богатства создали видимость государственного могущества и позволили Испании заниматься «мировой политикой». Опьяненная легкой добычей, деспотическая власть стремилась к новым и новым территориальным захватам в самых различных местах земного шара. Для этого приходилось постоянно содержать огромную армию и флот, вести непрерывные войны. Собственная промышленность и сельское хозяйство не развивались. Возник своего рода порочный круг: чем больше феодальное государство приобретало колоний, тем слабее оно становилось.

Приток драгоценных металлов вызвал «революцию цен» сначала в Испании и Португалии, а затем и в других странах Европы, что способствовало развитию капитализма в ряде европейских стран. Пиренейские государства с их слабой экономикой были не в состоянии сами использовать полученные ими богатства, и последние быстро переходили в руки голландской и британской буржуазии.

Таким образом, абсолютистские государства Пиренейского полуострова, породив европейский колониализм, в большой мере способствовали первоначальному накоплению и тем самым укреплению своего врага — европейского капитализма.

И Совет по делам Индий, и Государственный совет считали, что земли, открытые Киросом, в случае присоединения их к испанским владениям и действительного их освоения лишь ослабят страну. Надо было думать не о приобретении новых владений, а о сохранении уже имевшихся. Так, в докладе королю в сентябре 1608 г. Государственный совет сообщал, что разделяет

мнение Совета по делам Индий: открытие Кироса повлечет за собой утечку населения из Испании, где и так уже ощущается недостаток людей. Вражеские государства будут пытаться захватить эти земли, что еще более осложнит положение Испании, ибо она и сейчас с большим трудом может защитить то, что «уже завоевано», а на удержание новых земель нет ни средств, ни сил. «Этот Кирос хочет быть вторым Колумбом,— говорилось в докладе совета,— но его желаниям не следует потворствовать».

Чтобы не доводить Кироса до отчаяния и не толкнуть его, таким образом, на передачу своих открытий врагам Испании, совет рекомендовал, учитывая обширнейшие знания и опыт Кироса, назначить его космографом.

Кирос с негодованием отказался от этой должности. Фанатически преданный своей идее, он продолжал писать записки правительству, а потом стал добиваться личной аудиенции у короля. Наконец в начале 1609 г. Кироса по поручению Филиппа принял маркиз де Велада, гофмаршал короля. Кирос подробно описал ему плавание к Южной земле, показал все документы и карты. Маркиз слушал с большим вниманием, а в конце встречи сказал, что надеется на благоприятный исход. И действительно, дела Кироса, казалось, пошли на лад. 7 февраля последовал королевский указ о тщательном рассмотрении его записок и выделении ему некоторой суммы денег. Но затем вновь потекли бесплодные месяцы. «После нескольких совещаний и приказа представить отчет о расходах экспедиции вышел другой приказ — передать дело в Совет по делам Индий, т. е. я должен был начать все сначала...»— писал Кирос.

Лишь в конце 1609 г. Киросу вручили королевский приказ, адресованный «маркизу Монтес Кларосу, вице-королю, губернатору и капитан-генералу провинций Перу, или лицам, могущим выполнять эти обязанности». «Капитан Педро Фернандес де Кирос,— говорилось в документе,— который, как вам было сообщено, предпринял плавание с целью открыть неизвестную землю на юге, обратился ко мне, поскольку своим распоряжением, переданным через мой Государственный совет, я повелел ему сделать указанные открытия, а вице-королям, вашим предшественникам, снабдить его всем необходимым для путешествия. 21 декабря 1605 г. Кирос отправился из порта Кальяо на двух кораблях и шлюпе, имея на борту команды и все необходимое, и шел на запад-юго-запад, пока не достиг 26° ю. ш. Он открыл на своем пути двадцать островов, двенадцать из которых населены различными племенами, и отдельные части земли, которая, как он считает, представляет собой континент, а также большую бухту с хорошим портом; оттуда он отправился на трех судах с намерением исследовать обширную и высокую горную цепь, расположенную на юго-западе, по возвращении в указанный порт один корабль и шлюп стали там на якорь. Но судно, на котором

находился Кирос, не смогло этого сделать и было вынесено из бухты; по этой и по многим другим причинам он прибыл в порт Акапулько, откуда вернулся в Испанию в 1607 г., чтобы дать мне отчет о результате плавания. Он утверждает, что земля, открытая им, красива, с умеренным климатом и что там произрастает много различных видов плодов; жители оседлы и готовы принять нашу веру...

Его единственной целью и намерением является служить нашему господу и продолжить то дело, которому он посвятил так много лет, страдая от лишений и трудностей, и потому я повелеваю, чтобы его обеспечили всем необходимым для осуществления плавания и создания поселения, для чего ему следует передать тысячу человек, и среди них двенадцать монахов Ордена святого Франсиска или капуцинов... а также хирурга, парикмахеров, лекарства. Необходимо, чтобы в этих провинциях (Перу.— *К. М.*) ему выделили корабли, пушки, мушкеты, аркебузы и другое оружие и все необходимые припасы и, кроме того, определенное количество товаров для обмена с туземцами, листовое железо и орудия для обработки земли и работ в шахтах.

Я желаю, чтобы указанное поселение на открытой земле было создано во имя спасения душ туземцев. Поэтому приказываю означенному капитану Педро Фернандесу де Киросу при первой же возможности вернуться в Перу, а вам, как только он прибудет, отдать необходимые распоряжения, касающиеся экспедиции, снабдить его всем, что потребуется в путешествии, за счет моей королевской казны. Все сделать быстро, не чинить никаких препятствий... Этим вы хорошо послужите мне».

Казалось бы, все в порядке, нужно скорее отправляться в Севилью, а оттуда в Америку. Но Кирос был уже немолод и умудрен жизнью. Он хорошо помнил свой первый опыт с организацией плавания к Южной земле, те мучения, которые ему пришлось испытать, несмотря на имевшиеся у него королевские приказы, написанные столь же категорично.

В приказе, полученном Киросом, не было ничего сказано ни о размере ассигнований на предстоящее плавание, ни о порте в Перу, откуда он должен был это плавание начать, ни о его полномочиях. «Памятуя о том, как плохо выполняются приказы его величества в отдаленных провинциях, даже если они составлены очень напыщенно,— писал Кирос,— я снова начал посылать многочисленные памятные записки, указывая сумму, которая мне потребуется (50 000 дукатов), и какие добавления следует сделать. Кроме того, я подробно описал, на что истрачу деньги, которые будут мне выданы». Наконец 1 мая 1610 г. секретарь Государственного совета сообщил, что просьбы Кироса относительно выделения на экспедицию 50 000 дукатов и включения дополнительных указаний в королевский указ приняты и скоро он получит новый приказ короля. Кирос в беседе с сановником подчеркнул, что лично ему ничего не нужно, он может

вполне удовлетвориться жалованьем корабельного слуги, лишь бы на проведение экспедиции было дано достаточно средств.

Королевского приказа все не было. Опять Кирос метался между Государственным советом и Советом по делам Индий. Лишь 1 ноября 1610 г. в Совете по делам Индий Киросу вручили пересмотренный королевский приказ. Прочитав его, Кирос обнаружил только две новые детали: указывались размер расходов на проведение экспедиции (6000 дукатов) и количество листового железа, которое он может взять с собой. Все остальное было без изменений.

Кирос снова сел за составление памятных записок королю и его приближенным, и снова потянулись долгие месяцы бесплодного ожидания.

«Все записки,— грустно замечал Кирос,— принимались хорошо, но, к несчастью, мой отъезд откладывался, и по прошествии многих лет секретарь Государственного совета Хуан де Эириса передал мне письмо следующего содержания: „Его величество решил, что в таком важном деле необходимо поступать осмотрительно и быть уверенным в последствиях каждого шага... Для этого он (Кирос.— *К. М.*) должен вернуться в Перу и следовать указаниям, которые будут ему даны вице-королем“». Это было уже в начале 1614 г. Чтобы получить такое письмо, Кирос, по его словам, «потратил пятьдесят месяцев и отправил пятьдесят памятных записок».

Но Кирос и на этот раз не сдался, а продолжал борьбу, причем совершенно один, без всякой поддержки. Более того, его враги направляли королю клеветнические письма, в которых содержались злобные выпады против Кироса. Первым выступил дон Фернандо де Кастро, муж донны Исабель. В письме Филиппу III, отправленном из Лимы 29 декабря 1608 г. и рассмотренном Государственным советом 28 декабря 1609 г., дон Фернандо, в частности, писал: «В эту провинцию (Перу.— *К. М.*) прибыли монахи, которые были с означенным Педро Фернандесом де Киросом и расстались с ним в Акапулько в Новой Испании, когда тот вернулся. Они говорят, что означенный Кирос не выполнил инструкции, данные ему вашим величеством; когда нужно было исследовать то, что находилось в поле зрения в течение нескольких часов, он повернул назад вопреки мнению очень знающих людей... Эти люди считают, что земля, которую он обнаружил и объявил собственностью вашего величества,— часть Новой Гвинеи, открытая более пятидесяти лет назад; с тех пор ее много раз видели те, кто плавал к Филиппинам и Соломоновым островам, которые находятся рядом с ней.. Таким образом, он не открыл новой земли... то были Соломоновы острова, которые, как я уже говорил, находятся рядом с Новой Гвинеей. Управление ими перешло ко мне после смерти Альваро де Менданьи, что подтверждается бумагами, переданными моим агентом в Государственный совет... Я молю ваше величество не разрешать оз-

наченному Педро Фернандесу де Киросу предпринимать шаги, которые нанесли бы мне ущерб. Когда я вернусь в Испанию, я буду просить ваше величество о справедливости и о том, чтобы означенный Педро Фернандес де Кирос был бы остановлен в своих действиях...»

Диего де Прадо-и-Тобар, обосновавшийся в Гоа, тоже посылал королю письма, наполненные ядом клеветы. В одном из них, полученном Государственным советом 12 октября 1614 г., Прадо писал о Киросе: «Его товарищи сказали маркизу Монтес Кларосу, что этого человека вполне можно назвать лунатиком. Я не знаю, какое уважение могут испытывать испанцы Перу к этому португальцу, который только вчера был писарем на торговом судне. Если бы они его знали так же хорошо, как капитан Фелипе Корсо, они поняли бы, какой это низкий и лживый человек...»

В другом письме испанскому монарху, отправленном буквально на следующий день, Прадо обвинял Кироса в смерти Менданьи, в том, что по его вине не были осуществлены главные цели экспедиции. «Вы, ваше величество,— писал Прадо,— должны понять, что означенный Педро Фернандес де Кирос — лжец и мошенник... Ваше величество не должны доверять человеку, против которого подняли мятеж матросы, презиравшие его за то, что он жил на Руа Нова в Лиссабоне, этом рассаднике лжи, хвастовства и беспорядков». И дальше: «Он был писарем на торговом судне; по его вине губернатор Менданья потерял свой флот — это может подтвердить капитан Фелипе Корсо».

Надо сказать, что все эти письма не отбрасывались с негодованием, а внимательно читались членами Государственного совета и влияли на их отношение к Киросу. Так, резолюция совета по цитируемым выше письмам Прадо была такова: «Эти письма, учитывая их содержание, должны сохраняться для принятия необходимых мер, если таковые впоследствии понадобятся».

Советники короля водили Кироса за нос, всячески задерживая ответ, в то же время они очень опасались, что о его плавании и открытиях узнают другие европейские державы. В письме Государственного совета королю от 31 марта 1613 г., например, говорилось: «Капитан Педро Фернандес де Кирос, которому ваше величество приказали готовиться к возвращению в Перу, чтобы обеспечить заселение неизвестной Южной земли, представил несколько памятных записок в совет, а недавно еще одну, очень подробную, где он касается своей экспедиции и косвенно многих других дел, относящихся к управлению Индиями, а также иных предметов, которые лучше было бы не затрагивать. Он распространяет эти памятные записки среди различных людей, как ваших подданных, так и иностранцев, что может повлечь за собой серьезные неудобства, например сведения об этих землях и о путях к ним, собранные иностранцами, могут быть переданы ими своим согражданам. Кроме того, большинство дел, рас-

сматриваемых в упомянутых записках, излагаются в искаженном виде. Поэтому желательно, чтобы ваше величество приказали изъять эти памятные записки и бумаги, которые были напечатаны, вместе с их оригиналами и чтобы никакие другие не печатались без разрешения вашего величества, сообщенного совету».

На этом письме Филипп III собственноручно начертал: «Приказываю означенному Киросу собрать эти бумаги и секретно передать их чиновникам Совета по делам Индий».

Лишь один голос прозвучал в защиту Кироса, но уже после его смерти. Это был голос священника и космографа доктора Хуана Луиса Ариаса де Лойолы. В 1615 г. он послал Филиппу III обширную памятную записку. В ней доктор Ариас писал, что Орден святого Франсиска, от имени которого он выступает, желает распространить христианство среди народов Южной земли, ибо считает это «одним из важнейших мероприятий, предпринимавшихся до сих пор католической церковью». «Все мы, ее верные сыновья,— продолжал Лойола,— обязаны сделать все, что в наших силах, чтобы решить эту задачу. Ибо англичане и голландцы — еретики, подстрекаемые дьяволом,— алчно рыщут, пытаясь разведать, открыть и захватить важнейшие порты этой огромной земли и создать там зловреднейшие очаги их вероотступничества. Они всячески стремятся опередить нас, несущих истинный свет Евангелия».

Доктор Ариас подробно изложил королю все имевшиеся в то время сведения о размерах Южного материка, чтобы монарх понял величие задачи католической церкви в этой части света. «Чтобы это понять,— писал он,— необходимо представить себе сначала, что земной шар делится на две равные части экватором, одна из которых простирается от экватора до Арктического полюса, образуя Северное полушарие, где расположены Азия, Европа и основная часть Африки, о которых в настоящее время все известно. В другой половине — от экватора до Антарктического полюса — находятся Америка и все южные земли. Открытие земель и распространение христианства в этом полушарии и должно быть теперь предметом обсуждения. Необходимо принять во внимание, что сейчас Южное полушарие, за исключением Африки от экватора до мыса Доброй Надежды, а также Перу от широты, проходящей недалеко от Кито, до Магелланова пролива и небольшого пространства к югу от этого пролива, остается неоткрытым. Там должна быть распространена вера господня. Открытие этих земель, составляющих чуть менее половины земного шара, и их евангелистское завоевание — важная часть обязательств, которые должна выполнить Испания в соответствии с предписаниями католической церкви и ее главы...»

Доктор Ариас указывал на важные открытия, сделанные Менданьей, Киросом и Торресом в Тихом океане, основываясь на которых можно решить эту великую задачу. «Если ваше величество,— писал Ариас,— не одобрит данную миссию или вос-

препятствует ее осуществлению, то это приведет к самому большому несчастью, которое только может случиться с Испанией, и станет явным знаком того, что господь отвернулся от нас. Похоже, что господь и сейчас недоволен тем, что мы не пытаемся выполнить поставленную перед нами задачу, которая так важна для Испании и всех владений вашего величества».

«В то же время,— продолжал Лойола,— вы не можете себе представить, каким благом для вашего королевства явится быстрое и полное осуществление этой цели, как поднимет оно престиж Испании в Европе. Поэтому не прислушивайтесь к доводам тех, кто утверждает, что ваше величество не в состоянии распространять свою власть на новые земли таких огромных размеров и вполне достаточно сохранить прежние».

Но это было позже, а в 1614 г. Кирос в полном одиночестве продолжал борьбу. «На последний приказ короля,— писал Кирос,— я ответил, что смогу уйти в плавание лишь с основательными документами, написанными ясно и четко». Но никакого ответа на свои просьбы Кирос не получал — ни положительного, ни отрицательного. Государственный совет пересылал записки Кироса в Совет по делам Индий, и там они исчезали.

Председателем Совета по делам Индий был назначен дон Луис де Веласко, и Кирос надеялся, что тот будет помогать ему, ибо он, как писал Кирос, «первым познакомился с моим проектом еще в Перу и получил исчерпывающие объяснения, но этот человек оказался наименее благосклонным».

Упорство Кироса возбуждало острое недовольство советников короля. Чтобы избавиться от него, они решили обмануть Кироса, воспользовавшись тем, что в Перу был назначен новый вице-король — дон Франсиско де Борджиа. Был разыгран целый спектакль, но об этом знали лишь несколько высших сановников страны: все держалось в строгой тайне. Ничего не подозревавший Кирос, измученный годами борьбы за осуществление заветной мечты, так пишет о последних днях своего пребывания в Мадриде. «Наконец, когда дон Франсиско де Борджиа был назначен вице-королем Перу, оба совета предложили мне отправиться с ним, заверив, что он получил строгий приказ отправить меня в плавание, как только я прибуду в Кальяо, и обеспечить всем необходимым. Состоялась встреча в доме президента Совета по делам Индий, на которой присутствовал новый вице-король. Он сказал, что выполнит все, что требуется, поскольку дорожит своей репутацией, и никто не сможет обвинить его в том, что он чего-либо для меня не сделал. Услышав все это, я, в течение стольких лет ничего не добившийся и потерявший все надежды, решил отдать в его руки и самого себя, и цель своей жизни. Он сказал: „Верьте мне и увидите, что я сделаю“. После этого я поведал ему о своих делах... Вице-король вручил мне следующий сертификат: „Дон Франсиско де Борджиа... вице-король и капитан-генерал Перу... Я удостоверяю, что его величест-

во приказал мне взять с собой капитана Педро Фернандеса де Кироса и отправить его из порта Кальяо в Южную землю; это будет осуществлено, как только позволит состояние дел в Перу. Дано в Мадриде 21 октября 1614 г.“».

Кирос отправился в Америку полный радужных надежд. Но он не добрался до Лимы. Смерть настигла его в Панаме летом 1615 г. Кирос не узнал, что вице-король получил от Филиппа III строжайшее предписание задержать его в Лиме и ни в коем случае не отправлять в новое плавание. Не узнал Кирос и того, что земля, где он основал Новый Иерусалим, была не материком, а небольшим островом (в двадцать раз меньше Сицилии), находящимся в архипелаге, названном позднее сначала Большими Кикладами, а потом Новыми Гебридами. Если бы не враждебность местных жителей, Кирос, пройдя от берега в глубь острова километров двадцать, оказался бы на другом берегу. Но если бы Кирос продолжил свое плавание на юго-восток, как и предполагал первоначально, то действительно обнаружил бы Южную землю, пятый континент планеты, названный впоследствии Австралией.

Итак, Кирос нашел маленький остров, думая, что открыл крупнейший из континентов земного шара, а Торрес прошел совсем рядом с пятым континентом, будучи уверенным, что встретил остров, один из многих, попадавшихся ему на пути.

По-разному сложилась судьба открытий Кироса и Торреса.

Содержание памятных записок Кироса королю так или иначе стало широко известно в Европе. Южная земля Святого Духа наносилась на карты европейскими картографами в течение более полутора сотен лет после плавания Кироса, возбуждая интерес многих поколений мореплавателей. Открытие же Торресом пролива между Австралией и Новой Гвинеей было так надежно спрятано в испанских архивах, что человечество узнало об этом лишь спустя почти сто шестьдесят лет после его плавания. Испанская монархия, как собака на сене, и сама не воспользовалась открытием своего подданного, и другим европейским странам не позволила этого сделать.

Плавание Кироса и Торреса было лебединой песней испанских заморских открытий. Испания утрачивала свое долгое господство на морях.

В конце XVI — начале XVII в. господствующая роль в колониальной экспансии переходит к Голландии.

В XVI в. в Голландии интенсивно развивался капитализм. Испанский абсолютизм мешал этому процессу. В 1576 г. Голландия выступила против испанского господства и, освободившись к концу XVI в. от испанских войск, начала вытеснять своих бывших господ и из их заморских владений.

Голландия — одно из небольших государств Европы — первой осуществила буржуазную революцию. Значительно более быстрый и глубокий, чем в какой-либо другой европейской стране

того времени, процесс капиталистического развития позволил Голландии использовать иные методы колониальной экспансии. Голландцев больше привлекали азиатские колонии Испании и Португалии, ибо они были населены народами, достигшими довольно высокого уровня культурного и экономического развития. Поработив их, Голландия получила неограниченные возможности для сбыта своих товаров и одновременно для покупки в огромных количествах за бесценок дорогостоящих восточных товаров.

Это не значит, что Голландию не интересовали золото и серебро американских рудников, но она предпочитала грабить груженные золотом и серебром испанские суда, чем участвовать в захвате и эксплуатации испано-португальских владений в Америке. Голландцы вторглись в португальскую Бразилию, но вскоре покинули ее. В Южной Америке им принадлежали лишь маленькие острова Суринам и Кюрасао.

Первая голландская экспедиция в Индию в составе четырех судов была организована в 1595 г. Голландцы потеряли во время этого путешествия половину кораблей и треть экипажа, но убедились в том, что можно достичь берегов Индии. В 1598 г. в Индию отправилась вторая экспедиция, в которой участвовало уже семь судов. Это плавание было более успешным. Все корабли возвратились с богатым грузом пряностей. В этом же году голландцы создали на острове Ява торговые фактории и постепенно монополизировали торговлю со странами Южной, Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока. В 1601 г. в Индию было послано уже 40 голландских кораблей.

Видя доходность таких предприятий, голландские купцы в марте 1602 г. объединились в общество по торговле с Индией — нидерландскую Ост-Индскую торговую компанию. Компания приобрела такие права и привилегии, что стала своего рода государством в государстве. Она получила монополию на торговлю, назначала чиновников в Индию, вела войны и заключала мир, чеканила монету, строила города и крепости, создавала колонии. Если британская Ост-Индская компания начала свою деятельность в 1600 г. с капиталом 72 тысячи фунтов стерлингов, что равнялось 864 тысячам гульденов, то капитал нидерландской Ост-Индской компании составлял 6,6 миллиона гульденов.

Голландцы укрепились в Индии, на Шри-Ланке, на полуострове Малакка, Молуккских островах, Яве. Захватив Джакарту, они сделали ее своим главным опорным пунктом и переименовали в Батавию. Здесь находилась резиденция генерал-губернатора факторий и торговых станций нидерландской Ост-Индской компании.

Обосновавшись на Молуккских островах, голландцы попытались косвенным путем присоединить к своим владениям в Юго-Восточной Азии западную часть Новой Гвинеи, заключив с одним из местных султанов договор, в котором признавались его

права на эту часть острова. К прямому захвату данной территории голландцы приступили лишь в 1828 г.

С первых же шагов своей деятельности нидерландская Ост-Индская компания начала поиски Таинственной Южной земли. Один из кораблей компании, ведомый капитаном Вилем Янсзоном, обогнул с юга Новую Гвинею и достиг побережья Австралии в месте, называемом сейчас мысом Йорк. Матросы, высадившись на берег в поисках воды и пищи, были убиты аборигенами. Янсзон поспешил уйти от этих негостеприимных берегов и в июне 1606 г. вернулся в Батавию.

Следует сказать, что голландские моряки стали ходить в свои владения в Юго-Восточной Азии другим путем, не тем, что ходили до них португальцы и испанцы. Старый путь в Индию шел от мыса Доброй Надежды вдоль берегов Африки до самого экватора, а потом уже на восток. Голландцы избрали более короткий маршрут. От мыса Доброй Надежды они плыли 4 тысячи миль прямо на восток, а затем поворачивали на север. Таким образом они сократили время перехода из Голландии в Батавию с восемнадцати месяцев до шести. Это помогло голландцам обнаружить Южный континент[4] и исследовать его западное и северо-западное побережья. Отзывы голландских моряков о новой земле были обескураживающими. «Мы не видели ни одного плодоносящего дерева,— сообщалось в одном из отчетов,— ничего такого, что люди могли бы использовать». Коренных жителей голландские моряки характеризовали как «бедных и жалких негодяев».

В 1636 г. генерал-губернатором Батавии стал Антони Ван Димен. Этот человек был одержим идеей расширения нидерландских владений в Южных морях, что очень ценилось и поощрялось руководством Ост-Индской компании. 16 сентября 1638 г. совет директоров компании писал Ван Димену: «Ваша милость действует мудро, уделяя большое внимание открытию Южной земли и золотоносных островов, которые были бы весьма полезны компании, дабы возместить ей тяжелое бремя и дать реальное ощущение доходности ост-индской торговли». По приказу Ван Димена два корабля под командованием капитана Абеля Тасмана покинули Батавию в августе 1642 г. и отправились исследовать «оставшуюся неизвестной часть земного шара».

Плывя на юго-восток от острова Маврикий, экспедиция достигла неизвестной земли, которая получила название «Земля Ван Димена». Затем Тасман подошел к берегам Новой Зеландии, приняв ее за Южный материк. На следующий год Тасман исследовал северную часть Австралийского материка, но не нашел там ничего привлекательного для Ост-Индской компании, то есть

[4] Сначала землю на юге Тихого океана голландцы называли Таинственная Южная земля (Terra Australis), а после второго плавания Абеля Тасмана в 1644 г.— Новой Голландией, но это название распространялось лишь на западную часть континента.

ни золота, ни серебра. И компания утратила интерес к дальнейшим поискам в Южных морях.

Следующим европейцем, достигшим берегов Австралии, был англичанин Уильям Дампир.

Возросший интерес к Тихому океану привел к созданию в 1711 г. Компании Южных морей, которая должна была способствовать участию Великобритании в эксплуатации тихоокеанских владений Испании. Этот вопрос обсуждался во время мирных переговоров, венчавщих войну за «испанское наследство». Но Утрехтский договор 1713 г. не дал Великобритании никаких торговых привилегий в Тихом океане.

В ходе войны за «австралийское наследство» англичане вновь попытались вытеснить Испанию из ее владений в Тихоокеанском бассейне. Английское правительство разработало обширный план военных действий против Испании в Тихом океане. Предполагалось послать туда две мощные эскадры: одну — в западную часть Тихого океана для захвата Филиппин, другую — к тихоокеанским берегам «испанской» Америки с целью поднять восстание против Испании и, в случае если американские колонии отойдут от Испании, занять там ее место.

Однако эти планы осуществить не удалось. В 1740 г. в Тихий океан была послана одна небольшая английская экспедиция в составе шести судов, имевших на борту 961 человека, под командованием Энсона. До Тихого океана дошли лишь три корабля; 335 человек умерло от болезней. Эскадра прошла вдоль тихоокеанских берегов Южной Америки, но поднять колонии на борьбу против Испании не смогла. Единственным трофеем англичан был испанский галион. Энсон вернулся в Англию в 1744 г., приведя лишь один корабль.

Дж. Кэмпбелл, известный в свое время специалист в области географии и торговли, утверждал, что для усиления могущества Великобритании необходимо укрепить ее позиции в Тихом океане. «Будут созданы возможности для торговли,— писал он,— которая должна поглотить огромное количество наших товаров... Расширится судостроение, возрастет число моряков». Главной задачей английской экспансии в южной части Тихого океана, подчеркивал Дж. Кэмпбелл, должно быть отыскание и обследование Южного континента, в существовании которого он не сомневался, ибо голландцы «хорошо знакомы с Южным континентом и лишь отложили его использование до лучших времен». Дж. Кэмпбелл предлагал создать две британские базы: одну — на островах Хуан-Фернандес, другую — на Новой Британии и, опираясь на них, организовать поиски Южной земли.

Надо сказать, что и во Франции в это время возрос интерес к Тихому океану. Шарль де Бросс в книге «История плавания к Южной земле» высказал твердое убеждение в существовании Южного континента и развил идею о выгодности для Франции его захвата и эксплуатации. Отыскать и захватить эту обшир-

ную и богатую землю, утверждал Шарль де Бросс, гораздо легче и дешевле, чем вести кровопролитные войны в Европе за какой-то клочок земли. «Какое может быть сравнение,— писал он,— между осуществлением предполагаемого проекта и захватом какой-либо малюсенькой провинции с двумя-тремя крепостями, сопровождающимся резней, разрушениями, опустошениями и сто́ящим в сотни раз дороже, чем предполагаемая экспедиция?»

По иронии судьбы книга де Бросса вышла в 1756 г., как раз когда началась Семилетняя война, в ходе которой Франция потерпела жестокое поражение. Но это не остановило ее стремления найти Таинственную Южную землю. Более того, французское правительство считало, что ее освоение было бы своеобразной компенсацией за потери в Индии и Америке. Французский министр иностранных дел Шуазёль заявил, что Франция никогда не позволит Великобритании одной заниматься поисками новых колоний в отдаленных районах мира.

Англия после побед в Индии и Америке в ходе Семилетней войны тоже не собиралась свертывать свою деятельность в Тихом океане.

Англо-французская конкуренция в Тихом океане усиливалась. В 1763 г. была организована французская экспедиция, возглавлявшая капитаном Бугенвилем, маршрут которой был строго засекречен, в 1764 г.— английская экспедиция, руководимая Байроном, путь следования которой тоже сохранялся в тайне. Но оказалось, что обе экспедиции направились в Тихий океан, намереваясь войти в него через Магелланов пролив. Обе группы путешественников должны были обследовать Фолклендские (Мальвинские) острова, принадлежавшие Испании, и организовать там морские станции. Английское правительство весьма высоко оценивало стратегическое значение этих островов, расположенных к востоку от Магелланова пролива. Первый лорд Адмиралтейства Эгмонт назвал их «ключом ко всему Тихому океану». Но обследование архипелага было лишь частью задачи, поставленной британским Адмиралтейством перед Байроном. Согласно инструкциям лорда Эгмонта он должен был «открывать страны, до сих пор неизвестные». Байрон не сделал сколько-нибудь важных открытий, но его плавание позволило британскому правительству выяснить отношение Испании к проникновению Англии в Тихий океан.

Несмотря на явные признаки упадка, Испания все еще претендовала на роль хозяйки Великого океана. Поэтому сразу же после возвращения Байрона в Англию посол Испании в Лондоне посетил британского министра иностранных дел. Прежде всего он твердо заявил, что «все земли в Тихом океане принадлежат испанскому королю». На вопрос министра: «Принадлежит ли Испании весь мир?»— ответил: «В этой его части — да».

Британское правительство, игнорировав претензии Испании, послало в Тихий океан новую экспедицию в составе фрега-

та «Дельфин» под командованием Уоллиса и шлюпа «Ласточка» под командованием Картерета. В их задачу входили поиски Южной земли в широтах более южных, чем те, где до сих пор плавали европейцы.

Корабли покинули Плимут в августе 1766 г., а весной следующего года в районе Магелланова пролива из-за плохой погоды они потеряли друг друга. Плавание Уоллиса прошло без особых осложнений. Важным его результатом было открытие острова Таити. Шлюп Картерета был плохо оборудован для столь дальнего плавания. Вскоре после выхода в Тихий океан он дал течь. Необходимо было срочно искать остров, чтобы произвести ремонт, а также пополнить оскудевшие запасы продовольствия и воды. Картерет решил подойти к Соломоновым островам, открытым Менданьей. Но на том месте, которое было указано на картах, имевшихся в его распоряжении, он не обнаружил островов.

12 августа 1767 г. Картерет увидел остров, принадлежавший к группе Санта-Крус. Лишь спустя несколько дней он нашел ряд островов Соломонова архипелага, открытых Менданьей. Но британский капитан, полагая, что обнаружил еще неизвестные европейцам острова, назвал их именем королевы Шарлотты.

Местные жители встретили высадившихся на берег английских моряков копьями и стрелами. Наскоро починив корабль, Картерет поспешил оставить остров. Обогнув западную часть Соломоновых островов, «Ласточка» направилась на Яву, где простояла на ремонте с июня по август 1768 г. В Англию Картерет возвратился 20 мая 1769 г. Он и не подозревал, что одновременно с ним почти по тому же маршруту совершал кругосветное плавание французский капитан Бугенвиль.

Фрегат «Будёз» под командованием Бугенвиля покинул Францию в ноябре 1766 г. Одной из задач экспедиции были поиски Южной земли. В январе 1768 г. «Будёз» вошел в Тихий океан через Магелланов пролив. Французы высаживались на Таити, Самоа, Новых Гебридах. Дойдя до Большого Барьерного рифа, они повернули назад, не увидев Австралии. Бугенвиль обнаружил в западной части Соломонового архипелага острова, которые впоследствии получили название Бука и Бугенвиль. Он также открыл еще один остров, которому дал название Шуазёль. 28 сентября 1768 г. Бугенвиль прибыл на Яву. Обогнув Африканский материк, он 16 марта 1769 г. вернулся во Францию.

Британская колонизация в Южных морях в широких масштабах началась с плавания Джеймса Кука. Во время своего первого плавания в Тихом океане Кук в марте 1770 г. закончил исследование берегов Новой Зеландии, а 19 апреля 1770 г. перед англичанами открылись берега Австралии. «Я назвал это место Хикс,— писал в своем дневнике Джеймс Кук,— потому что лейтенант Хикс был первым, кто увидел эту землю». Кук шел вдоль берега на север, пока не достиг места, названного им Ботани-

Бей, поскольку ботаники, принимавшие участие в экспедиции, обнаружили там большое количество неизвестных им видов растений, птиц и зверей.

29 апреля 1770 г. матросы высадились на берег. Аборигены осыпали их градом камней и копий, англичане ответили залпом из ружей. «Так,— грустно отмечает современный австралийский историк М. Кларк,— европеец начал свое общение с аборигенами восточного берега». До 6 мая Кук обследовал район Ботани-Бея, а затем продолжил плавание. Выйдя к северу от Кейп-Йорка, он убедился, что открытый им материк отделен от Новой Гвинеи проливом. Сойдя на берег одного из островов Торресова пролива, названного Поссешн, Кук водрузил на нем британский флаг и объявил, что отныне власть британского государя распространяется на весь восточный берег материка от 38° ю. ш. до острова Поссешн. При этих словах стоявшие с ним рядом матросы дали три залпа из ружей, с корабля ответили выстрелами из пушек.

Восточная часть материка, названная Куком Новым Южным Уэльсом, стала собственностью британской короны.

Но до начала XIX в. европейцы не знали, является Австралия континентом или группой больших островов. Первым, кто обошел вокруг Австралии и таким образом доказал существование пятого континента, был английский капитан Мэтью Флиндерс. Он сделал это в 1802—1803 гг.

В начале XIX в. смелые и длительные экспедиции по простору Великого океана совершали русские моряки. В 1803—1806 гг. корабли «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского предприняли первое в истории русского флота кругосветное плавание, подробно обследовав некоторые из Гавайских и Маркизских островов. В 1807—1809 и 1817—1819 гг. В. М. Головнин побывал на острове Танна (Новые Гебриды), на Гавайских и Марианских островах.

27 сентября 1814 г. капитан М. П. Лазарев на корабле «Суворов» открыл пять островов. Два продолжительных плавания по Тихому океану совершил русский мореплаватель О. Е. Коцебу в 1815—1817 и 1823—1826 гг. Он обнаружил ряд неизвестных европейцам островов в архипелаге Туамоту и в группе Маршалловых островов, а также посетил Таити, Самоа и Гавайи. Ряд островов открыл в августе 1820 г. капитан З. И. Понафидин на корабле «Бородино». Экспедиция Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева в 1819—1821 гг. привела к открытию Антарктиды.

Так были найдены два последних континента на нашей планете.

Бороздя просторы Тихого океана, мореплаватели, увлеченные идеей Кироса, упорно искали Южную землю. Поначалу, чем больше они узнавали Великий океан, тем меньше оставалось у них надежд найти таинственную землю на юге. Казалось, что

это просто романтическая мечта испанского морехода. Новые экспедиции приносили новые опровержения идеи Кироса. Кук задался целью обязательно отыскать эту землю. Он с невероятным упорством в течение двух лет искал ее в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах, но не нашел. «Южного материка не существует»,— записал Кук в своем дневнике. А ведь его корабль отделяли от Антарктиды лишь двести километров. Кирос в конце концов оказался прав: Южная земля существует, и даже не одна, а две.

Прошло без малого четыре века со времени плавания Кироса. Тот путь, на который Кирос потратил многие месяцы тяжелого и опасного плавания, современный авиалайнер совершает за считанные часы. Казалось бы, чем могут заинтересовать сейчас подобные путешествия, а интерес к ним очень велик. И дело не только в том, что времена Великих географических открытий остаются всегда чарующим романтическим отрочеством человечества. Немало детей в наше время строит модели старинных каравелл, а вырастая, они уходят на парусниках в опасные плавания, ибо море по-прежнему грозно. Видимо, неистребимо в людях желание ощутить свою силу, ловкость и мужество в единоборстве со стихией без услужливой помощи могучих технических средств, созданных человеческим разумом.

До Кироса и после него было немало знаменитых мореплавателей. Но их великие тени не заслоняют его.

Кирос был не только замечательным навигатором. «В свой жестокий век» он выделялся человечностью, удивительным бескорыстием. В отличие от «рыцарей наживы», прикрывавших свою звериную алчность ссылками на служение богу и папе, Кирос был действительно убежденным католиком, видевшим цель своих открытий в приобщении язычников к истинной вере. Отсюда его очень редкое в то время гуманное отношение к аборигенам открываемых земель.

Кирос чем-то напоминает Дон Кихота Ламанчского, созданного воображением Сервантеса, его современника. Бесстрашным и добрым, мечтательным и верным, счастливым и несчастным был Педро Фернандес де Кирос — этот тихоокеанский рыцарь печального образа.

30 июля 1980 г. под дробь барабанов и звуки флейт в Виле, столице Новых Гебрид, был поднят красно-черно-желтый флаг нового независимого государства Океании — Республики Вануату. Мятеж на Эспириту-Санто был подавлен месяц спустя. Молодая республика начала свою жизнь в международном сообществе.

УИЛЬЯМ ДАМПИР
ТРИЖДЫ
ВОКРУГ
СВЕТА

С БУКАНЬЕРАМИ В ПАНАМУ

Летом 1680 г. отряд англичан пробирался сквозь джунгли Панамского перешейка. На некоторых были выцветшие красные камзолы кромвелевской армии и треуголки. Все были обвешаны патронташами и несли на плечах длинные мушкеты. Среди путников находился молодой человек по имени Уильям Дампир. Это был типичный представитель своего века. Не только жажда наживы, но и неистребимая любознательность толкали его в далекие страны.

Тогда Дампир был еще никому не известен, но через 17 лет о нем уже знала вся Европа. Люди, относившиеся к нему благосклонно, называли его «знаменитый капитан Дампир», а недоброжелатели — «страшный капитан Дампир». Его имя, подобно имени Дрейка столетием раньше, наводило страх на испанские власти в Южной Америке. Он сделался столь же известным морским разбойником, как и Джон Коксон, Роберт Соукинс, Бартоломей Шарп и другие.

Но Дампир прославился и как автор нескольких книг. Его первая работа «Новое путешествие вокруг света» многократно переиздавалась не только на английском, но и на других европейских языках. После выхода книги в свет Дампир был избран членом Британского королевского общества, свел знакомство с выдающимися учеными и государственными деятелями своего времени.

За первой книгой последовали еще две — «Путешествия и описания» и «Путешествие в Новую Голландию». И в наши дни ученые, особенно метеорологи, ботаники, зоологи, историки и этнографы, находят для себя много интересного в работах Дампира.

В труде адмирала Барни «Хронологическая история открытий в Южных морях», вышедшем в Лондоне в начале XIX в., давалась следующая оценка исследовательской деятельности Дампира: «Трудно назвать имя какого-либо другого исследователя или путешественника, который дал бы такое полезное описание мира, кому купец или моряк были бы столь же многим обязаны или кто передал бы свои сведения более простым и понятным языком. И это он сделал с замечательной скромностью, без жеманства и каких-либо выдумок».

На портрете, висящем в Национальной галерее в Лондоне, Дампир держит в руке роскошно изданный том своей книги «Новое путешествие вокруг света». С портрета смотрит на зрителя худощавый человек с острым, проницательным взглядом. Под портретом подпись: «Уильям Дампир — пират и гидрограф». Если первое правильно, то второе нуждается в уточнении. Его исследования относились не только к гидрографии, но и к естественным наукам. Дампир был также выдающимся мореплавателем, сделавшим важные открытия, которые навсегда увековечили его имя.

Парадоксально, но о личной жизни этого знаменитого человека мало что известно. Не сохранилось даже таких сведений, как даты его рождения и смерти, хотя известно, что крещен он был 5 сентября 1651 г.

Дампир, всю свою сознательную жизнь проведший в море, родился в глухой деревушке Ист-Кокер в Сомерсетшире.

Его отец, Джордж Дампир, был мелким арендатором. Он умер, когда Уильяму было семь лет. У Дампиров было четверо сыновей, но о братьях Уильяма, кроме старшего — Джорджа, никто ничего не знает; вероятно, они умерли в раннем возрасте.

Местный землевладелец, полковник Хеляр, взявший на себя заботу об образовании Уильяма, послал его в соседний городок в школу. Но Уильям недолго посещал ее. По его словам, он немного научился латыни, письму и арифметике и скоро, «удовлетворяя свою рано возникшую страсть видеть мир», оказался на борту корабля. Очевидно, Уильям обладал незаурядными способностями, ибо за недолгий срок ученичества овладел латинским языком (впоследствии во время своих путешествий он бегло объяснялся по-латыни с католическими священниками, встречавшимися ему в заморских землях), хорошо изучил математику и ботанику. К последней Уильям проявлял с детства особенно большой интерес. Еще живя в родной деревушке, он внимательно наблюдал, как работали местные крестьяне-арендаторы. «Я знал,— писал Дампир впоследствии,— что каждый из них производит: пшеницу, ячмень, фасоль, овес, лен или коноплю. Я знал об этом больше, чем другие дети, и получал особое наслаждение, наблюдая за растениями».

Свое первое плавание Дампир совершил во Францию, а затем занимался рыболовным промыслом в водах Ньюфаундленда. Но ему не понравился холодный климат Северной Атлантики, где, как он говорил, его «щипал мороз», и в дальнейшем Дампир плавал преимущественно в районе тропиков. Затем Дампир отправился на Яву, откуда возвратился в 1672 г., за несколько месяцев до начала войны с Голландией.

В первые дни войны Дампир записался в команду военного корабля «Наследный принц». Это было флагманское судно адмирала Эдварда Спрейджа, одно из лучших в британском военно-

морском флоте, а сам адмирал был весьма популярным флотоводцем того времени.

Но Дампиру не пришлось участвовать в боях. Он тяжело заболел и наблюдал за морскими сражениями с борта госпитального судна. Затем Дампир был переведен в морской госпиталь, откуда он поехал в родную деревню к старшему брату.

Очевидно, в то время Дампир, несмотря на желание видеть мир, сильно разочаровался в морской службе, познав ее тяготы. Морская служба и в наши дни дело нелегкое, а три столетия назад она была поистине каторжной.

Современник Дампира, бывалый моряк Эдвард Берлоу, так описывал в своем дневнике тогдашнюю жизнь моряка: «Я постоянно думаю, что у нищих жизнь гораздо лучше нашей, поскольку они реже, чем мы, остаются с пустыми желудками и по ночам лежат в покое и безопасности в крепком сарае, полном соломы, они могут спать, сколько им хочется. Мы же действительно бываем сыты не чаще раза в месяц... ночью не удается поспать больше четырех часов, а часто, когда сильно штормит, нельзя рассчитывать и на час отдыха. Нас нередко будят, не дав поспать и полчаса, заставляют взбираться на мачты полусонными, в одном башмаке, потому что другой некогда было надеть. Мы всегда спим в одежде, чтобы быть наготове. В штормовую погоду, когда корабль вздымается и падает, подобно огромному жернову, перекатывающемуся с холма на холм, мы должны, привязавшись канатом, чтобы не упасть за борт, взбираться на мачты и быстро поднимать паруса, не видя ничего, кроме неба над собой и волн внизу, так страшно бушующих, что любая из них, кажется, может стать могилой для нас».

Поэтому, когда Хеляр, получивший после недавно умершего брата сахарную плантацию на Ямайке, предложил Дампиру поехать туда в качестве его агента, тот охотно согласился.

В июне 1674 г. корабль, на котором находился Дампир, достиг Ямайки. Дампир вскоре понял, что должность агента владельца плантации не даст ему независимости. Всеми делами единолично распоряжался управляющий Уильям Уейли, человек деспотичного нрава. Уейли отказался признать какие-либо права за «тщеславным молодым человеком», как он называл Дампира. Последний, в свою очередь, не стал подчиняться управляющему. Такое положение продолжалось девять месяцев и кончилось изгнанием Дампира с плантации. Объясняя свои действия, Уейли писал Хеляру: «Дампир — человек, не склонный долго задерживаться на одном месте... К тому же, я думаю, он до сих пор мечтает о морской службе».

Уйдя от Уейли, Дампир поступил на торговое судно, которое совершало плавания вдоль побережья Ямайки, перевозя грузы с плантаций в столицу колонии Порт-Ройял. За полгода службы на этом корабле Дампир хорошо познакомился с побережьем острова, особенностями мореходства в этом районе.

В апреле 1675 г. Дампир отправился в Гондурас, где решил заняться заготовкой древесины. Он поселился в местечке Уан-Буш-Кей, которое находилось на побережье залива Кампичи, называвшемся Москито-Кост, и представлявшем собой пустынную, заболоченную местность, покрытую кустарником. Единственными жителями были мароны. Так в Вест-Индии называли рабов, бежавших с испанских плантаций. Появлялись здесь и европейцы, которые по разным причинам вынуждены были скрываться от колониальных властей.

Прибытие корабля с Ямайки с грузом вина и сахара было большим событием для местных жителей. Позднее Дампир писал: «Два или три раза я заходил в жилища, где меня и моих спутников сердечно встречали, угощали свининой с горохом или говядиной». Дампир решил, что эти неприхотливые, рассудительные люди будут хорошими работниками и с их помощью ему удастся успешно реализовать задуманное предприятие. Он возвратился в Порт-Ройял, купил топоры, пилы, тент и ружье, а затем отправился назад и энергично принялся за дело. Непоседливый от природы, Дампир постоянно сопровождал партии лесорубов, отправлявшихся в экспедиции. При этом он внимательно приглядывался ко всему, что встречалось ему в пути, и записывал свои наблюдения в дневник, который вел постоянно.

Через много лет Дампир использовал эти записи в приложениях к книге о своем кругосветном плавании. В них он рассказывал читателям о встречавшихся ему удивительных животных и птицах, о которых англичане никогда не слышали: ленивцах, аллигаторах, гиппопотамах, колибри и других. Вот, например, как описывает Дампир неизвестный ему вид обезьян: «Обезьяны здешних мест самые безобразные из мною виденных. Они намного крупнее зайца, хвост у них длинный — два с половиной фута... Эти создания держатся вместе группами по 20—30 особей и носятся по всему лесу, перескакивая с дерева на дерево. Если им встречается одинокий путник, они нападают на него. Когда я бывал один, то боялся стрелять в них, особенно в первое время. Они большими группами перескакивали с дерева на дерево прямо над моей головой, поднимая страшный шум, уморительно гримасничая и жестикулируя. Некоторые из них ломали сухие ветки и бросали в меня. Наконец, одна из самых крупных обезьян забралась на сук и прыгнула прямо на меня, заставив отскочить в сторону. Но обезьяна зацепилась за сук кончиком своего хвоста и продолжала раскачиваться взад и вперед, скаля зубы. Я поспешил прочь от них, а обезьяны преследовали меня, пока я не добрался до нашего жилища».

В дневниковых записях Дампира мы находим рассказ о событии, которое разрушило его планы. В июне 1676 г. тайфун уничтожил все, чем Дампир владел в Уан-Буш-Кее: постройки и даже суда, стоявшие на якорях. Последние были сорваны и выброшены далеко на берег.

В 1678 г. Дампир вернулся в Англию, купил участок земли и женился на девушке по имени Юдифь (фамилии ее история не сохранила). Он расстался с женой через несколько месяцев и, по-видимому, больше ее никогда не видел. Детей у них не было.

На Ямайке, куда Дампир снова отправился в 1679 г., он познакомился с неким Хобби, который посоветовал ему продать землю в Англии и начать совместные торговые операции в Москито-Косте. Дампир и Хобби поплыли туда на судне, называвшемся «Верный купец», но в одном из портов на западном побережье Ямайки, куда они зашли по пути, обнаружили скопление пиратских судов.

В те времена остров Ямайка был одним из главных пиратских гнезд. Пиратством, или морским разбоем, занимались, как правило, частные лица. «Классические пираты», которые ассоциируются у нас с героями «Острова сокровищ» Р. Л. Стивенсона, нападали на все попадавшиеся им корабли, включая суда, принадлежавшие их соотечественникам. Этот вид пиратства расцвел на закате жизни Дампира. А в дни его молодости и зрелости было распространено пиратство, находившееся под покровительством правительств и направленное против судов вражеских стран. По-итальянски этот вид пиратства называется корсарством, по-голландски — каперством, по-английски — приватирством. Был еще один вид пиратства, весьма распространенный в XVII в., особенно в Вест-Индии,— буканьерство. Буканьеры, так же как и приватиры, каперы и корсары, старались иметь какой-нибудь документ для оправдания своего грабительского промысла. Но такие документы были по большей части весьма сомнительного свойства, зачастую просроченными или вообще без дат. Получали их за взятку у местной колониальной администрации (английской, французской или голландской).

Буканьеры действовали в Карибском море и вдоль берегов Южной Америки. Само название «буканьерство» происходит от испанского слова «буканьес». Так в западной части Эспаньолы (Гаити) называлось поджаренное особым способом мясо. Приготовляли его бежавшие с плантаций и селившиеся там служащие-европейцы: вначале французы, затем голландцы, а после того как Англия приобрела владения в Карибском море, и англичане.

Эти люди жили охотой, но скоро они сообразили, что самый короткий путь к обогащению — нападение на испанские суда, следующие из Центральной Америки на Кубу.

Остров Тортуга, к северо-западу от Эспаньолы, и район у мыса Тибурон сделались главными базами буканьеров. Предводителями буканьеров были люди храбрые, в совершенстве владевшие мореходным искусством, но в большинстве своем отличавшиеся крутым нравом, жестокостью и алчностью. Вначале они скрывались под вымышленными именами, но во времена Дампира широкую известность получили их настоящие имена. У этой карибской вольницы существовал своеобразный «дисциплинарный ко-

декс», твердые правила дележа добычи — в строгой зависимости от внесенного каждым «вклада». Существовала своего рода страховка за увечья, полученные в бою. На современные деньги это выглядит примерно так: 1200 фунтов стерлингов за потерю правой руки, 1000 — левой, 200 — глаза.

Буканьеры считали себя наследниками тех, кто сто лет назад начал борьбу против испанского господства на морях, объявив, что «нет мира за линией». Имелась в виду линия раздела мира между Испанией и Португалией.

Испания, как и в дни правления английской королевы Елизаветы I, считала Атлантический и Тихий океаны «испанскими озерами». Англия и другие европейские державы, как и столетие назад, отказывались признавать претензии Испании. Поэтому буканьерство процветало.

В 1655 г. во время войны с Испанией Англия захватила Ямайку. В рядах британской экспедиционной армии находился некий Генри Морган, поселившийся в Порт-Ройяле. Вскоре он стал предводителем первого английского отряда буканьеров в Карибском море. История похождений Моргана и «подвиги» его сподвижников были описаны одним из участников походов Моргана, Эсквемелином, в книге «Пираты Америки», опубликованной в Голландии в 1678 г. Книга имела огромный успех, была переведена на многие европейские языки, неоднократно переиздавалась. В 1724 г. вышла книга о буканьерах, получившая еще большую популярность. Она была написана неким капитаном Джонсоном и называлась «Общая история разбоя и убийств, совершенных наиболее известными пиратами».

Главное действующее лицо обеих книг — Генри Морган, человек действительно незаурядный. Он был не только предводителем шайки буканьеров, но и «полковником и адмиралом» армии, захватившей Портобельо на Атлантическом побережье Панамы и Маракайбо в Венесуэле. В 1671 г. Морган во главе отряда из 1846 человек пересек Панамский перешеек и вышел на Тихоокеанское побережье, что послужило прецедентом для следующей экспедиции буканьеров через восемь лет, в которой участвовал Дампир. Отрядами буканьеров, принимавшими участие в этой экспедиции Моргана, командовали его ближайшие сподвижники: Роберт Соукинс, Джон Коксон и Бартоломей Шарп.

Поход отряда Моргана в Панаму произошел в период сближения Англии с Испанией. Английское правительство должно было как-то реагировать на действия своих подданных в испанских заморских владениях. Морган был посажен в Тауэр. Но вскоре англо-испанские отношения опять обострились. Морган был прощен, возведен в дворянство и отправлен на Ямайку в качестве заместителя губернатора колонии. Английское правительство, давая Моргану высокий пост в колониальной администрации, по-видимому, руководствовалось, помимо всего прочего,

старым принципом «заставить вора ловить воров». Действительно, Морган жестоко преследовал своих бывших «товарищей по оружию», которых он теперь называл не иначе как «хищный сброд». Сам же Морган открыто пользовался плодами своей прошлой «деятельности». Его состояние составляло на нынешние деньги почти 1 миллион фунтов стерлингов. Жил он в богатом имении. Морган сделался настолько респектабельным, что писал в одном из писем: «Я испытываю отвращение к кровопролитию, и меня очень огорчает, что за короткий период управления колонией я так часто был вынужден приговаривать преступников к смерти». Но респектабельность не мешала ему пьянствовать. Ко времени появления Дампира на Ямайке Морган, тогда уже генерал-губернатор колонии, окончательно спился. В 1688 г. врач «великого буканьера» писал, что он превратился в «тощего, болезненного вида человека, с мутными желтоватыми глазами и вздутым животом». В том же году Морган умер. В одном из своих последних писем в Лондон он предупреждал правительство, что «вырвать с корнем буканьерство будет не легче, чем ликвидировать грабителей на королевских дорогах Англии».

Буканьеров (их было 477 человек), которых Дампир встретил на Ямайке, возглавляли Роберт Соукинс, Джон Коксон и Бартоломей Шарп. В их распоряжении было девять судов. Команда «Верного купца» примкнула к буканьерам. «И тогда,— писал впоследствии Дампир,— я решил, что проще и мне примкнуть к ним». Дампир думал, что плавание с буканьерами будет коротким эпизодом. Но оно оказалось путешествием вокруг света, растянувшимся более чем на 12 лет.

Первой целью буканьеров было разграбление Портобельо. Начали они успешно. Было захвачено 500 ящиков с индиго, грузы с какао, кошенилью, черепаховыми панцирями, серебром. Буканьеры не встречали сопротивления. Но сколько-нибудь значительных богатств они не захватили. При дележе каждый получал добычу, стоимость которой оценивалась лишь в 10 фунтов стерлингов. Тогда буканьеры решили повторить поход Моргана 1671 г.: пересечь Панамский перешеек и разграбить Панаму.

5 апреля 1680 г. отряд буканьеров в составе 331 человека на семи судах подошел к перешейку. Буканьеры устремились в глубь перешейка, намереваясь захватить город Санта-Мария. В этом городе останавливались караваны мулов, которые везли драгоценные металлы из Панамы, куда они морским путем доставлялись из Перу. В Санта-Марии драгоценности перегружались на свежих мулов, которые перевозили их через горы на восточное побережье перешейка. Там золото и серебро грузили на галионы, идущие в Испанию. Город Санта-Мария охраняли 400 солдат.

Буканьеры, оставаясь верными себе, раздобыли «документ», удостоверявший «законность» их действий. Бумага была им выдана «богатейшим монархом Вест-Индии императором Дарина»

(так называлось поселение на Атлантическом побережье Панамского перешейка). «Император» был предводителем местных маронов, беглым рабом почтенного возраста, с огромным золотым диском, подвешенным к носу. Его сын, которого прозвали Золотая Шапка за то, что он носил медный шлем, захваченный у испанцев, примкнул к буканьерам, и его люди оказывали англичанам большую помощь в качестве проводников.

Буканьеры шли, разбившись на группы. Авангард вел Бартоломей Шарп. Предводителем всего отряда был избран Джон Коксон. «Собираясь в поход, каждый из нас взял французское ружье и около 20 фунтов пороха; что касается провизии, то у нас была порченая мука, из которой мы пекли лепешки». Так писал в своем дневнике один из участников этого похода, Джон Кокс. Любопытно отметить, что дневники вели еще пятеро участников похода, в том числе и Шарп. Часть этих дневников была опубликована еще при жизни их авторов, другие дошли до нас в рукописном виде. В числе опубликованных были записки двух приятелей Дампира: Базиля Рингроуза и Лионеля Уофера, врача по образованию.

Буканьеры без труда захватили Санта-Марию, так как испанский гарнизон, узнав об их появлении, ушел и увез сокровища. На всем своем пути к Тихоокеанскому побережью буканьеры ни разу не наткнулись на испанские гарнизоны, так умело их вели мароны.

Англичане вышли к Тихому океану в районе Панамского залива. Там группа Шарпа захватила испанский барк. Коксон с отрядом из 68 человек на каноэ, которые им дали мароны, двинулся вдоль берега залива. Пройдя 50 миль, он встретил испанские суда, охранявшие подходы к побережью у строившегося города, который должен был заменить старую Панаму, разрушенную Морганом.

Буканьеры атаковали самый большой корабль — 40-тонный «Сантиссима Тринидада» — и после кровопролитной схватки, в которой были убиты 18 буканьеров и 61 испанец, захватили его. На этом корабле, который буканьеры назвали «Троица», они пошли на соединение с группой Шарпа. Но среди членов экипажа поползли слухи, что Коксон проявил трусость в битве с испанцами.

Опасаясь расправы, Коксон с несколькими десятками верных ему людей покинул корабль, унеся с собой ящик с медикаментами. После ухода Коксона предводителем отряда был избран Соукинс. Ему удалось захватить испанский корабль, на борту которого были деньги, 2 тысячи кувшинов вина и 50 бочонков пороха. Буканьеры теперь почувствовали себя достаточно сильными, чтобы потребовать выкуп у властей Панамы. Но испанский губернатор отказался вступать в переговоры до тех пор, пока Соукинс не покажет официального документа, удостоверявшего его приватирство. Соукинс ответил письмом следующего

содержания: «Наша компания еще не вся собралась, а когда соберется, мы навестим губернатора в Панаме и принесем удостоверения на дулах наших ружей, и он их прочтет при вспышках выстрелов».

Однако дерзкое письмо не произвело впечатления на губернатора. После нескольких небольших стычек с испанцами, в ходе которых обе стороны захватили пленных, губернатору было направлено второе письмо с требованием выкупа. Губернатор отверг и его. Более того, в своем письме он угрожал повесить пленных буканьеров на городских стенах. Соукинс ответил: «Мы подойдем на кораблях к вашим стенам, чтобы вы могли получить удовольствие видеть пленных испанцев повешенными на реях. Мы хотим поставить вас в известность, что являемся начальниками над всеми Южными морями. Итак, решайте, стоит ли заставлять нас нетерпеливо ждать вашего решения о жизни или смерти наших людей, находящихся у вас в плену. Если вы решите убить их, то непременно получите головы пленных испанцев в понедельник утром.

Начальствующие над всеми Южными морями».

Но и эта угроза Соукинса не возымела действия. Тогда буканьеры решили повернуть на юг и искать более легкую добычу. В стычках во время рейдов в прибрежные районы были убиты Соукинс, а также другой бывший сподвижник Моргана — Харрис. Предводителем был избран Шарп.

Отдохнув на острове Горгона, буканьеры решили идти к городу Арике на перуанском побережье, который в свое время разграбил Фрэнсис Дрейк. В этот город доставлялось серебро, добытое в рудниках Перу. Но буканьеров ждала неудача. Городские власти, получив известие о появлении в перуанских водах англичан, надежно спрятали все сокровища, находившиеся в городе. По той же причине буканьеры не нашли ничего ценного в других прибрежных городах.

Буканьеры решили провести рождество на островах Хуан-Фернандес. Это было очень удобное место для отдыха. Достоинства островов впервые отметил Шарп в навигационных инструкциях, приложенных к атласу Южных морей: умеренный здоровый климат, плодородная почва, лес, который можно использовать в корабельном деле, наличие пресной воды и дичи, а также то обстоятельство, что острова необитаемы. «Их заселение,— писал Шарп,— в мирное время даст англичанам большую выгоду в торговле с испанцами, а во время войны острова могут служить первоклассной военно-морской базой».

Буканьеры были недовольны Шарпом. Он обещал выделить каждому по тысяче фунтов стерлингов из тех денег, что были захвачены у испанцев, и не сдержал своего слова. Поэтому, когда было выпито все вино и закончилась мушкетная пальба в честь рождества, был избран новый предводитель — Джон Уотлинг.

Буканьеры решили повернуть на север и попытаться захватить Арику. Но их опять ждала неудача. В стычке с испанцами погиб Уотлинг. Большинству казалось, что в сложившейся обстановке единственно разумным было бы возвращение Шарпа к руководству отрядом. Он по крайней мере мог управлять кораблем. Но меньшинство, в том числе Дампир и Уофер, заявило, что это «неправильный выбор», ибо Шарп не может быть предводителем. 17 апреля 1681 г. на большой лодке и двух каноэ Дампир, Уофер и еще 42 человека, включая пятерых негров-рабов и двух американских индейцев, двинулись на север, к Панамскому перешейку. Путь предстоял нелегкий — надо было преодолеть 600 миль морского пространства. Руководителем группы стал Джон Кук, по словам Дампира, который с этого дня начал регулярно вести дневник, «разумный, очень интеллигентный человек, несколько лет пробывший приватиром».

Шарп и оставшиеся буканьеры, включая Рингроуза, пошли на юг, намереваясь обогнуть Южную Америку у мыса Горн. По пути они захватили испанский корабль, на котором обнаружили многочисленные карты Тихого океана. Шарп сразу же сообразил, что в его руки попала большая ценность, ибо подобные карты хранились испанцами в строгом секрете. Отряд Шарпа опять побывал на островах Хуан-Фернандес, где запасся провизией и пресной водой. Шарп намеревался пройти долгий путь к Барбадосу, не делая остановок.

С Барбадоса Шарп направился в Англию. Он понимал, что по требованию испанского посла в Лондоне он будет привлечен к суду за пиратство, но рассчитывал получить прощение, передав британскому правительству захваченные у испанцев карты Тихого океана, с которых он сделал две великолепные копии.

По прибытии в Лондон Шарп передал копии карт королю и первому лорду Адмиралтейства. Результат превзошел все его ожидания. Шарп не только не был привлечен к суду, но его сделали капитаном корабля королевского военно-морского флота. На королевской службе Шарп, однако, находился очень недолго, он опять занялся буканьерством. Жизненные пути Шарпа и Дампира больше никогда не пересекались.

Плавание к Панамскому перешейку было тяжелым, но главные трудности начались на суше. 150 испанских солдат и матросов поджидали англичан на побережье, в районе, наиболее подходящем для высадки. Но буканьеры сумели ускользнуть. Они уничтожили свои лодки и быстро скрылись в прибрежном лесу. Но и там их на каждом шагу подстерегала опасность. Любая встреча с испанцами грозила буканьерам гибелью, ибо если в первый раз, пересекая перешеек с востока на запад, они имели в своих рядах почти 350 человек, то сейчас их было всего 44. Их постоянно преследовал страх перед испанцами. Они даже условились между собой, что сзади идущий убьет своего товарища, если увидит, что тому грозит плен. Начался мучитель-

ный переход к восточному побережью перешейка. Предвидя опасности, Дампир, и это очень характерно для него, позаботился в первую очередь о сохранении своих записей: «Я достал толстый ствол бамбука, залепил его с обоих концов воском, чтобы вода не проникла внутрь. Так я сохранил мой журнал и другие записи, хотя мне часто приходилось перебираться вплавь».

Идя по компасу через тропические джунгли, буканьеры прорубали себе дорогу в дремучей чаще. Беспрерывно шли ливневые дожди. Чтобы сократить путь, буканьеры преодолевали многочисленные речки и ручьи. Они бы умерли с голоду, если бы не доброе отношение местных индейцев, которые кормили их и показывали дорогу.

На шестой день случилось несчастье с Уофером. Он сушил порох, а рядом стоял его товарищ и курил трубку. Искра из трубки упала на кучку пороха и воспламенила его. Уофер получил такой сильный ожог колена, что не смог дальше идти, несмотря на все усилия. Он решил остаться у индейцев. К нему присоединились еще двое пожилых буканьеров, совершенно выбившихся из сил. Англичане прожили среди индейцев четыре месяца и так «акклиматизировались», что даже стали раскрашивать и татуировать себя, как они.

Остальные буканьеры продолжали свой путь. Описывая в своем дневнике этот поход, Дампир приводит лишь факты. Вот что рассказывает он во второй главе «Нового путешествия вокруг света»: «На четвертый день мы начали наш марш рано, так как до полудня обычно было ясно, а пополудни шел сильный дождь. Но нам было в общем все равно, идет дождь или светит солнце, ибо я совершенно уверен, что в день мы переходили реки раз 30... Мы не могли ни высушить одежду, ни обогреться, еды не было; все это делало переход очень тяжелым... Как-то мы перешли реку и стали ждать отставших... Через полчаса они подошли. Но тем временем прибыло столько воды, что ни они не могли перейти реку, ни мы им помочь. Мы стали ждать, пока спадет вода.

Пройдя две мили вдоль реки, соорудили шалаши. В общей сложности за этот день мы покрыли шесть миль. Едва успели построить шалаши, как река разлилась еще больше и затопила берега; пришлось отойти подальше. Мы не успели сделать новые шалаши до наступления ночи и легли прямо на землю... Кто под одним деревом, кто под другим. Если бы погода была сухая, это было бы не страшно, но большую часть ночи шел необычно сильный ливень, сверкали молнии и раздавались страшные раскаты грома.

На следующее утро, это был восьмой день пути, мы подошли к берегу и увидели, что вода спала... Тогда мы стали думать, как перейти реку... Нам предстояло перенести на другой берег наши вещи, а мы не знали, как это сделать. Наконец мы решили

послать через реку одного человека с веревкой, с тем чтобы переправить сначала все вещи, а затем людей. Вызвался Джордж Гейни. Взяв веревку, он быстро обмотал один ее конец вокруг шеи, вошел в воду и поплыл. Другой конец веревки остался на берегу. Когда Гейни был на середине реки, веревка, тянувшаяся за ним, случайно перекрутилась или запуталась; человек, который следил за веревкой на берегу, схватил ее, отчего Гейни перевернулся на спину; увидев это, тот человек бросил веревку в реку, надеясь исправить свою ошибку. Но течение было очень сильным, и пловец, у которого на спине в мешке было три сотни долларов, пошел на дно, и мы его никогда больше не видели.

Те двое, которых мы оставили на другом берегу за день до этого, рассказывали нам потом, что нашли его мертвым у реки. Они оттащили его подальше от воды вместе с мешком на спине, но денег не взяли: у них была одна забота — как бы выбраться из этой незнакомой местности».

Наконец буканьеры добрались до побережья Карибского моря. «Так мы закончили наше путешествие...— пишет Дампир,— пройдя, по моим расчетам, за 23 дня 110 миль; нам приходилось преодолевать высокие горы, но обычно наш путь пролегал по долинам через глубокие и опасные реки». Во время перехода отряд потерял лишь одного человека.

Буканьеры вышли к Атлантическому побережью Панамского перешейка в районе Саунд-Кея. Там им посчастливилось встретить другого буканьера — капитана Тристиана. Его корабль стоял в заливе. В благодарность за оказанную помощь буканьеры отдали индейцам все вещи, которые сохранились у них после перехода через перешеек, а также деньги, которые остались у них.

Через три месяца к буканьерам присоединились Уофер и два его спутника. При этом Уофер решил разыграть своих товарищей. Он попросил знакомых индейцев доставить его на корабль в их каноэ. Уофер был в индейском наряде, тело его было раскрашено. Войдя на борт корабля вместе с индейцами, он сел среди них «на корточки, по их обычаю,— писал Уофер позднее.— Я хотел проверить, узнают ли они (англичане.— *К. М.*) меня в этом обличье. Прошло около часа, прежде чем один человек из команды вдруг воскликнул: „Да это же наш доктор!“ Они окружили меня и поздравляли с прибытием. Я сделал все, чтобы смыть с себя краску, но прошло около месяца, прежде чем я смог хоть как-то избавиться от нее, так как краска впиталась в кожу и так затвердела, что сходила вместе с кусочками кожи. Что касается мистера Гопсона (одного из спутников Уофера.— *К. М.*), то, хоть мы и принесли его живым на корабль, он так и не поправился от перенесенных лишений и через три дня умер на борту корабля здесь, в Саунд-Кее».

В течение трех месяцев, прошедших со времени прибытия буканьеров в Саунд-Кей, они бесцельно крейсировали у берегов Панамы. Дампир понимал, что напрасно теряет время, но не знал, на что решиться. Вернуться на Ямайку он не мог: там уже знали о его «подвигах». Оставаться здесь дольше Дампир не хотел. Безделье команды утомляло и раздражало его. «Это были,— писал Дампир впоследствии о своих спутниках,— самые унылые создания, какие я когда-либо видел. И хотя погода была плохой, что требовало многих рук наверху, большая часть из них слезала с гамаков только для того, чтобы поесть и справить нужду».

Дампир перешел на корабль, которым командовал капитан Райт. Капитан Джон Кук служил теперь квартирмейстером на судне, которым командовал голландец по фамилии Янки. Оба корабля плавали вместе. Единственное, что ненадолго нарушило монотонность существования, был захват испанского судна с грузом вина, после чего обе команды беспробудно пьянствовали в течение нескольких дней.

Дампир покинул корабль Райта и отправился на север, в Вирджинию, где около года проработал на табачной плантации.

Тем временем Кук захватил испанский корабль — большое морское судно, вооруженное 18 пушками, которое назвал «Месть». На этом корабле Кук вместе с Уофером отправился к берегам Северной Америки. Весенним утром 1683 г. судно подошло к Чесапикскому заливу. Там Кук встретил Дампира и познакомился с неким Уильямом Коули, который представился как магистр искусств Кембриджского университета. Это был опытный штурман. Впоследствии он опубликовал дневник плавания на «Мести». Дневник увидел свет спустя два года после выхода книги Дампира. Как Коули попал в компанию буканьеров, осталось неизвестным, поскольку этот «находчивый англичанин» (как он сам себя называл, чтобы сохранить инкогнито) тщательно избегал упоминания каких-либо деталей из своей биографии. В записках он даже утверждал, что не имел понятия о маршруте «Мести», а среди людей, составлявших команду корабля, чувствовал себя как «галка среди скал». Целью этих «скал» — 70 опытных морских бродяг — был Тихий океан. Но им хотелось идти туда на корабле лучшем, чем «Месть». Они решили, что такое судно легче всего захватить у африканских берегов, и потому направились сначала туда. У Сьерра-Леоне им встретился 40-пушечный корабль, прекрасно подготовленный к длительному плаванию: в его трюмах было много продовольствия и воды, а также отличное вино. Захваченное судно Кук назвал «Услада холостяка». Это был голландский корабль, а Голландия в то время находилась в дружественных отношениях с Англией. Неудивительно, что Дампир в своей книге ни словом не упоминает об этом

эпизоде, хотя с большими подробностями рассказывает о встречающихся во время плавания к Африке летающих рыбах, фламинго, детально описывает конфигурацию африканского побережья. Что Кук сделал потом с «Местью», а также с 30 негритянками, оказавшимися на борту захваченного корабля, неизвестно. По всей вероятности, и корабль, и негритянки были вскоре проданы. В те времена процветала работорговля.

Кук повел «Усладу холостяка» к берегам Южной Америки, намереваясь выйти в Тихий океан через Магелланов пролив. Но Дампир сказал, что идти через такой коварный пролив без карт и с такой распущенной командой опасно, и предложил обойти Южноамериканский материк у мыса Горн. Кук последовал совету Дампира.

Когда корабль Кука огибал мыс Горн, погода, всегда плохая в этом районе, была особенно неблагоприятной. Коули нашел этому суеверно-ироническое объяснение. В день святой Валентины 1684 г. он сделал следующую запись в своем дневнике: «Мы пренебрегли Валентинами, заведя интрижки с туземными женщинами, что вызвало страшный шторм, отогнавший нас к 60°30′ ю. ш. Никогда еще ни один корабль не заходил так далеко на юг. Мы заключили, что интрижки с женщинами очень опасны и вызывают шторм». Дампир в своей книге упоминает лишь, что их корабль действительно отклонился к югу дальше, чем это делало какое-нибудь судно до них.

Обогнув мыс Горн, англичане направились на север к берегам Чили. Здесь Кук увидел неизвестный корабль и приказал приготовить пушки к бою. Но оказалось, что это английский корабль «Николас» из Лондона, которым командовал приватир Джон Итон, также искавший случай захватить испанское судно.

Итон рассказывал, что по пути встретил корабль «Молодой лебедь» под командованием капитана Свана. В составе эпипажа судна был приятель Дампира Базиль Рингроуз. «Молодой лебедь» был приспособлен для легальных торговых операций. В его трюмах находились товары стоимостью 5 тысяч фунтов стерлингов. Сван собирался продать их в Южной Америке. Но это было бессмысленное предприятие, ибо испанские власти запретили своим колониям вести торговлю с иностранцами. Когда «Молодой лебедь» попытался войти в один из южноамериканских портов, он был обстрелян береговой артиллерией.

Пока Сван искал возможность наладить легальную торговлю в портах Южной Америки, «Услада холостяка» и «Николас» шли к островам Хуан-Фернандес. Командам надо было отдохнуть после тяжелого похода, пополнить запасы воды и продовольствия.

Моряки знали, что острова необитаемы. Но когда 22 марта 1864 г. корабли подошли к одному из них, команды увидели человека, отчаянно машущего им. Дампир и Уофер узнали его. Это был индеец из Москито-Коста по имени Уильям, который по несчастной случайности остался на острове, когда буканьеры

под командованием Уотлинга и Шарпа ушли оттуда три года назад. Вот как Дампир описывал со слов этого «Робинзона Крузо» его жизнь на острове: «Индеец прожил здесь один около трех лет: испанцы, которые знали, что он остался на острове, несколько раз разыскивали его там, но так и не смогли найти. Он был в лесу и охотился на диких коз, когда капитан Уотлинг вывел оттуда своих людей. Когда же он вернулся на берег, корабль уже шел в открытое море. У него было ружье и нож, маленький рожок с порохом и несколько пуль. Когда у него кончились пули и порох, он приспособился ножом отрезать от ружейного ствола куски железа, из которых делал рыболовные крючки, иглы, ножи. Железо он сначала нагревал на огне, который добывал, ударяя ружейным кремнем по куску ствола своего ружья, а потом закалял его. Последнему он научился у англичан. Раскаленные куски железа он отбивал камнями и разрезал острым ножом или разламывал, а потом оттачивал, затрачивая на это огромные усилия... Орудиями, сделанными таким образом, он добывал коз и рыбу. Индеец рассказал нам, что вначале, до того как сделал крючки, он заставлял себя есть тюленье мясо, малоприятное на вкус, но в дальнейшем он убивал тюленей в исключительных случаях, например когда ему нужно было сделать лески, для чего он разрезал их шкуры на узкие ремешки. У него был маленький дом, или хижина, на расстоянии полумили от берега моря, которую он сделал из козьих шкур. Постелью ему служила куча хвороста высотою в два фута. Одежда, которая была на нем до ухода корабля Уотлинга, вся износилась... Он увидел наш корабль за день до того, как мы встали на якорь; и будучи уверенным, что это английское судно, он утром убил трех коз, чтобы угостить нас, когда мы сойдем на берег. Затем он пришел на берег, чтобы поздравить нас с благополучным прибытием. А когда мы высадились, находящийся у нас на борту индеец из Москито-Коста по имени Робин первым выпрыгнул на берег, подбежал к своему соплеменнику и припал лицом к его ногам. Тот помог ему встать и обнял его, а после этого сам упал к ногам Робина, и уже Робин помог ему встать и обнял его. Мы с удовольствием наблюдали, с какой непосредственностью оба этих человека демонстрировали свою радость, удивление, нежность, а также торжественность встречи. А когда церемония учтивости закончилась, мы, стоявшие невдалеке, подошли к нему и каждый из нас обнял его, переполненного радостью от встречи со столькими старыми друзьями, оказавшимися здесь, вероятно, для того, чтобы забрать его отсюда».

Проведя три недели на острове, англичане двинулись дальше на север. В течение 18 месяцев они находились у берегов Южной Америки, совершая набеги на прибрежные города и захватывая испанские суда. Их опорными базами были Галапагосские острова и небольшой островок у берегов Колумбии, где, по слухам, Дрейк делил сокровища с корабля «Какафуэго». Но ничего

ценного буканьеры за это время не захватили. Испанские колониальные власти знали об их появлении и приняли соответствующие меры предосторожности. Так, была даже временно прекращена перевозка драгоценных металлов из Перу в Панаму морским путем.

Дампир скрупулезно, день за днем описывал все, что видел: флору и фауну, вид городов, обычаи коренных жителей и т. п. Это были первые детальные описания далеких заморских стран, сделанные англичанином.

О том, какое внимание Дампир уделял, казалось бы, даже незначительным вещам, дает представление приведенный ниже отрывок из его книги «Новое путешествие вокруг света». Дампир рассказывает о плоде авокадо, который тогда сделался деликатесом в Англии. «Дерево авокадо,— пишет Дампир,— такого размера, как самое большое грушевое дерево: кора черная и очень гладкая; листья большие, овальной формы, плоды размером с большой лимон. Они зеленого цвета, а когда созревают, немного желтеют. Плоды редко пригодны для еды сразу, после того как их соберут, но, полежав два-три дня, они становятся мягкими, и кожура легко очищается. Мякоть зеленого цвета или с небольшой желтизной. Внутри мякоти находятся косточки размером с каштан. Этот фрукт сам по себе не сладкий, поэтому часто его смешивают с сахаром и лимонным соком, тогда это отличное кушанье. Но обычно его едят с солью, уксусом и поджаренными бананами; он хорошо утоляет голод. Его полезно есть в любом виде».

Столь же подробно описывает Дампир плавание вдоль южноамериканского побережья. Так, в пятой главе «Нового путешествия вокруг света» содержится рассказ о действиях буканьеров у острова Лобос, недалеко от берегов Перу. «Здесь мы чистили наши корабли, а когда были готовы к плаванию, допросили пленных, чтобы узнать, сможет ли кто-нибудь из них указать города, на которые мы могли бы напасть, поскольку до этого они сообщили нам, что испанцы знают о нас и, пока мы здесь находимся, не будут отправлять по морю сокровища. Пленные упомянули много городов, в том числе Гуаякиль, Трухильо, но последний они считали наиболее важным, поэтому, похоже, надо было идти именно туда. Это не вызвало дискуссий: все мы знали, что Трухильо очень населенный город. Однако наибольшая трудность состояла в высадке, поскольку Гуанчако, самый близкий к нему порт, находился на расстоянии шести миль и был плохим местом для высадки. Даже рыбаки, живущие там, не могли пристать к берегу в течение трех или четырех дней. И тем не менее 17 мая пополудни наши люди, собравшись в кают-компаниях обоих кораблей, высказались за нападение на Трухильо. Нас было около 108 человек, не считая больных. На следующий день мы намеревались начать плавание, взяв с собой захваченные ранее корабли. Но утром следующего дня один из

наших людей, будучи на острове, заметил три корабля, идущие на север: два — вдоль западного побережья острова, а один — между островом и материком. Мы быстро подняли якорь и бросились в погоню. Капитан Итон, который в это время брал последнюю пробу воды, погнался за двумя судами, шедшими с западной стороны острова. Мы на корабле капитана Кука пошли за третьим, вскоре его захватили и вернулись с ним к острову, поскольку видели, что капитан Итон не нуждался в нашей помощи: он захватил оба судна, за которыми гнался. Однако вернулся Итон с одним, второе отнесло ветром далеко в открытое море. Капитан надеялся пригнать его на следующий день, но судно, будучи тяжело нагруженным, едва передвигалось. За весь день 19 мая оно почти не приблизилось к острову. Наши индейцы из Москито-Коста поймали шесть черепах, которых здесь великое множество. Корабли, которые мы захватили за день до этого, везли муку из Гуанчако в Панаму. Два были очень тяжело нагружены, так что едва шли, а третье успели загрузить лишь наполовину, но вице-король Лимы приказал ему плыть вместе с двумя другими, в противном случае ему пришлось бы оставаться в порту до тех пор, пока мы не уйдем из этих мест. Вице-король надеялся, что, если корабли уйдут раньше, они смогут избежать встречи с нами. На самом большом судне было письмо правителю Панамы от вице-короля Лимы, который предупреждал, что в море находятся враги и поэтому он послал эти три корабля с мукой, которую тот, может быть, не ждет. Он, вице-король, просит расходовать ее бережливо, так как не знает, когда сможет послать еще (Панама снабжалась из Перу.— *К. М.*). На этом корабле было семь или восемь тонн мармелада из айвы и величественный мул для правителя Панамы, а также огромная раскрашенная деревянная фигура девы Марии для новой церкви в Панаме, посланная из Лимы вице-королем... Корабль должен был также доставить из Лимы в Панаму около 2 миллионов фунтов стерлингов. Но пока на него грузили муку, до купцов дошел слух, что в Вальдивии (порт в южной части Чили.— *К. М.*) появился капитан Сван, и они приказали отправить деньги на берег. Пленные испанцы сообщили нам, что жители Трухильо строят форт в Гуанчако (который является морским портом Трухильо) у самого моря, возможно, для того, чтобы отразить любую попытку высадки там на берег. Услышав эти новости, мы изменили наши первоначальные планы и решили идти, взяв с собой три захваченных испанских корабля, к Галапагосам, которые представляют собой огромное множество больших островов, лежащих у экватора».

На Галапагосских островах умер Джон Кук, и капитаном «Услады холостяка» стал Эдвард Дэвис, бывший до этого квартирмейстером корабля, очень опытный моряк.

Вскоре Дэвис поссорился с Итоном при дележе добычи, и последний отправился в плавание самостоятельно. Он повернул

свой корабль на запад в Ост-Индию. Штурманом его корабля был Коули. В Ост-Индии Коули расстался с Итоном и на голландском корабле вернулся в Англию. В 1699 г. он опубликовал книгу о своем путешествии. Что стало с Итоном — неизвестно. Судно «Услада холостяка», однако, недолго оставалось в одиночестве. Вскоре на «Молодом лебеде» появился капитан Сван. После неудачной попытки законно вести торговые дела в Южной Америке Сван по сниженной цене продал товары буканьерам, а затем присоединился к ним, хотя и не любил их. «Заверь моих хозяев,— взволнованно писал он жене...— что я сделал все, что мог, чтобы соблюсти их интересы, но я не в силах был предотвратить того, что со мной сейчас произошло. Я прошу их добиться у короля моего прощения, ибо передаю себя его суду и скорее умру, чем соглашусь жить, скрываясь, подобно бродяге, в боязни наказания».

Кроме Свана и его людей в это место стали прибывать и другие буканьеры. Скоро их собралось около тысячи. Капитан Харрис, племянник старого приятеля Дампира, с которым тот переходил Панамский перешеек, ставший с тех пор, по выражению Дампира, «обычной дорогой буканьеров», появился с флотилией каноэ, на которых находилось почти сто человек. Пришел также французский капитан Гронье с командой из 280 человек. Среди них был Луссан, который впоследствии опубликовал записки об обычаях буканьеров, в частности таком, как обязательная месса перед разграблением очередного города. Прибыл английский капитан Таунли с отрядом в 180 человек. Пришли и другие буканьеры.

Прежде всего было решено дожидаться корабля, который вез серебро из Лимы в Панаму. Испанский флот показался 28 мая 1685 г., но среди судов не было корабля с драгоценным грузом. Это были военные корабли, в задачу которых входило очищение прибрежных вод от грабителей. Буканьеры насчитали 14 судов, в большинстве своем крупных. Силы испанцев в три раза превосходили силы буканьеров. Но, как известно, лучшая защита — это нападение. Дэвис, капитан самого крупного корабля буканьеров, предложил напасть на неприятельский флот вечером, используя благоприятный ветер. Но никто его не поддержал, к тому же ветер переменился. Тактическое превосходство, даваемое неожиданностью нападения, было потеряно. Теперь уже испанские корабли устремились на них. Дампир писал: «Увидев их, несущихся на нас на всех парусах, мы скрылись».

Компания буканьеров начала распадаться. Первыми ушли французы. Но никто об этом не жалел. Англичане, оставшись одни, решили напасть на какой-нибудь прибрежный город. Дампир с 60 людьми был оставлен охранять корабли, в то время как остальные, пройдя 20 миль в глубь континента, напали на город Леон. Город был взят авангардом отряда, которым командовал Таунли. Но выкупа у местных властей получить не удалось,

В это время распространились слухи, что неподалеку концентрируются испанские регулярные части, чтобы отрезать англичанам путь к берегу. Поэтому буканьеры поспешили вернуться на корабли.

Другая попытка захватить галион с драгоценностями на его пути к Акапулько также была неудачной. Еще одно поражение, которое буканьеры потерпели уже в начале нового, 1686 года, когда они потеряли 50 человек убитыми, в том числе Базиля Рингроуза, «преданнейшего друга», как писал о нем Дампир, положило конец их приключениям у Тихоокеанского побережья Южной Америки. Таунли со своим отрядом двинулся через территорию Никарагуа к атлантическому берегу. Дампир перешел на корабль Свана, но не потому, что поссорился с Дэвисом, а потому, что до этого уже сговорился со Сваном идти на запад через Тихий океан. А «Услада холостяка» с Дэвисом и Уофером на борту направилась на юг. Обогнув мыс Горн, корабль вошел в Чесапикский залив, где Дэвис и Уофер были арестованы по обвинению в пиратстве и заключены в тюрьму. Лишь усилиями опытного адвоката, нанятого Уофером, им удалось избежать серьезного наказания. Уоферу это обошлось в 300 фунтов стерлингов. Дэвис позднее присоединился к знаменитому пирату капитану Кидду. Через несколько лет Дампир встретил обоих приятелей в Лондоне.

«Молодой лебедь» оказался единственным буканьерским судном в Тихом океане. Матросы рассчитывали, что в западной части Тихого океана они наконец сумеют поживиться. Но Сван, не любивший, как уже говорилось, пиратский промысел, не хотел нападать на корабли и прибрежные города. А Дампир мечтал найти легендарный северо-западный проход, соединявший якобы Тихий океан с Атлантическим. Кстати сказать, Джеймс Кук во время своего третьего плавания по Тихому океану, 80 лет спустя, тоже искал его.

Но настойчивое стремление команды продолжать морской разбой возобладало над благими намерениями Свана и Дампира.

В конце XVII в. плавание в Тихом океане было по-прежнему очень сложным. Не было достаточно точных карт, не было еще установлено понятие «долгота», а следовательно, не было единого мнения о ширине Тихого океана, не существовало международного определения не только градуса, но даже и мили. Какова ширина Тихого океана — 7 тыс. или только 6 тыс. миль? За сколько дней его можно пересечь — за 70 или 50? Сколько нужно брать продовольствия? На все эти вопросы однозначных ответов не было. Сван мог только руководствоваться опытом Дрейка и Кавендиша, единственных английских мореплавателей, совершивших ранее кругосветное плавание. Правда, он был убежден, что «Молодой лебедь» лучше «Золотой лани» Дрейка.

Плавание началось 31 марта 1686 г. Берега Мексики покинули два корабля: «Молодой лебедь», команда которого составляла

100 человек, и барк, на котором находилось 50 человек. Последним командовал капитан Тит.

Корабли достигли Гуама за 51 день, покрыв расстояние в 7323 мили. За все время плавания люди не видели ни рыб, ни птиц. Погода была очень плохая. К тому моменту, когда они увидели землю, дневной рацион составлял лишь полкружки маиса, продовольствия оставалось на три дня. Позднее Дампир узнал, что матросы сговорились убить офицеров и съесть их, если им не встретится земля. «О Дампир,— сказал Сван, когда тот рассказал ему об этом.— Вы были бы для них очень плохой пищей». «Я был очень тощий, а капитан — крупный и полный»,— писал Дампир.

Гуам был первым из тихоокеанских островов, открытых европейцами, и стал первым объектом европейской колонизации в Тихом океане.

В конце ноября 1520 г. три испанских корабля под командованием Магеллана прошли через пролив у самой южной оконечности Южной Америки, носящий теперь имя этого великого мореплавателя, и вышли на просторы Великого океана. Испанцы взяли курс на северо-запад, начав новый этап своего кругосветного путешествия.

Около четырех месяцев плыли они, не видя земли. Переход был весьма изнурительным. Вот как описывает его один из спутников Магеллана, ставший историографом его путешествия, Антонио Пигафетта: «Три месяца и 20 дней мы были совершенно лишены свежей пищи. Мы питались сухарями, а точнее, сухарной пылью, смешанной с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, которой покрывали грот-грей, чтобы не перетирались ванты: от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой. Мы замачивали ее в морской воде в продолжении четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать. Однако хуже всех этих бед была вот какая. У некоторых из экипажа верхние и нижние десны разбухли до такой степени, что они не в состоянии были принимать какую бы то ни было пищу, вследствие чего и умерли. От этой болезни умерло 19 человек... Из 30 человек экипажа переболело 25, здоровых осталось очень мало».

Согласно устоявшейся версии, корабли Магеллана достигли Гуама 6 марта 1521 г. Магеллан, пройдя с юго-востока на северо-запад всю южную часть Тихого океана, миновав тысячи островов, среди которых были такие крупные, как Новая Зеландия и Новая Гвинея, и даже целый континент — Австралия, натолкнулся на своем пути лишь на маленький остров, расположенный уже в северных широтах океана.

После многомесячного трудного плавания Магеллан и его спутники с радостью вступили на твердую землю. Они отдохнули, пополнили запасы пресной воды, погрузили в трюмы судов свежие продукты. Но задерживаться на острове Магеллан не собирался. Он спешил достичь вожделенных островов Пряностей. Поэтому 9 марта Магеллан покинул Гуам, взяв курс на запад.

Даже за столь короткий срок пребывания на острове он успел вступить в конфликт с его обитателями. Обвинив островитян в попытке украсть лодку с одного из судов, Магеллан во главе отряда из 40 вооруженных матросов произвел набег на окрестные селения.

Антонио Пигафетта так описал это событие: «Тогда капитан-генерал (Магеллан.— *К. М.*) в гневе высадился на берег с 40 или 50 вооруженными людьми, которые сожгли 40—50 хижин вместе с большим числом людей и убили семерых туземцев... Когда кто-нибудь из туземцев бывал ранен дротиками из наших самострелов, которые пронзали его насквозь, он раскачивал конец дротика во все стороны, вытаскивал его, рассматривал с великим изумлением и таким образом умирал».

Обвинив аборигенов в воровстве, Магеллан назвал открытую им землю Isla de los Landrones, что в переводе с испанского означает «остров Воров», или «Разбойничий остров». Это название впоследствии было распространено на все острова архипелага, в который входит Гуам.

Через десять дней Магеллан открыл Филиппинские острова, где 25 апреля 1521 г. он был убит в стычке с жителями острова Матан.

Магеллан счел, что Гуам, открытый им, не представляет никакой ценности, и не провозгласил над ним власть испанского монарха. Не сделала этого и вторая испанская экспедиция во главе с Гарсия Хофре де Лоайсой, побывавшая на острове в начале сентября 1526 г. Лишь в 1565 г. испанская экспедиция под командованием Мигеля Лопеса де Легаспи формально распространила суверенитет испанского монарха на открытый Магелланом остров, который коренные жители называли Гуамом. 26 января 1565 г. Легаспи в сопровождении своих офицеров сошел на берег. Он выбрал место около трех пальм, росших неподалеку, и приказал поставить там алтарь. Затем, обнажив меч, Легаспи срубил им несколько пальмовых веток, из которых сделал крест и повесил над алтарем. Отсалютовав кресту мечом, Легаспи громким голосом провозгласил: «Я, Мигель Лопес де Легаспи, губернатор и генерал-капитан, назначенный его величеством командовать этими людьми и кораблями, совершающими на королевской службе открытие островов на западе, во имя его величества, короля дона Филиппа, объявляю королевской собственностью этот остров и все земли, относящиеся к нему».

Легаспи провел на Гуаме всего 11 дней, но успел отличиться убийствами аборигенов. 3 февраля 1565 г. экспедиция покинула

Гуам и направилась на Филиппины, где Легаспи провел последние семь лет жизни. Умер он 20 августа 1572 г.

Провозглашение Гуама собственностью Испании было, однако, чисто символическим. Первая попытка колонизации острова была предпринята испанцами более 100 лет спустя. Все это время остров не имел постоянного европейского населения. Лишь иногда его посещали мореплаватели различных национальностей; для испанцев же весь этот период Гуам служил базой для кораблей, следовавших из Мексики на Филиппины и обратно.

Удобный обратный путь из Индии испанцы начали искать давно. Еще в 1522 г. «Тринида», один из кораблей экспедиции Магеллана, покинув Молуккские острова, попытался вернуться в Испанию через Тихий океан, но сильные штормы и недостаток продовольствия заставили судно повернуть назад.

После того как испанцы прочно обосновались на Филиппинах и превратили Манилу в крупнейший торговый центр, поддерживавший широкие коммерческие контакты со странами Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, они установили регулярное сообщение между Манилой и крупнейшим городом на Тихоокеанском побережье Мексики — Акапулько.

Испанские корабли, груженные драгоценными металлами и камнями, тканями, специями и другими дарами Востока, отправлялись с Филиппин в Акапулько обычно в июле, продвигаясь на северо-восток почти до 40° с. ш. Там сильные ветры гнали корабли через океан к северной части Калифорнии, а оттуда они шли вдоль берега почти 3 тысячи миль до Акапулько. Позднее, чтобы избежать сильных штормов, столь частых в северных широтах, а главное — нападений английских и португальских пиратов, поджидавших корабли у американских берегов, испанцы стали проводить корабли много южнее. Но здесь их встречали менее благоприятные ветры, и они достигали Акапулько лишь после пятимесячного плавания.

В Акапулько корабли, едва разгрузившись, собирались в обратное плавание. Их трюмы наполняли серебром и другими товарами для обмена на драгоценности Востока. Кроме того, корабли везли частную почту, официальную корреспонденцию, оружие. Они доставляли к месту службы колониальных чиновников, солдат, миссионеров, а также переправляли на Филиппины ссыльных, осужденных в Мексике и Испании. Эти рейсы совершали специальные корабли — галионы.

Нельзя с уверенностью сказать, какая страна была родиной этого удивительного корабля, прочного и вместительного. Галион выглядел неуклюжим и громоздким: четыре мачты, высоко поднятые нос и корма, широкий корпус при сравнительно небольшой — 170–175 футов — длине. Водоизмещение галионов доходило до 2 тысяч тонн.

Галионы строились обычно на Филиппинах, в Кавите. Остов сооружался из тика, шпангоуты, киль и руль — из местного де-

рева молаве с чрезвычайно прочной древесиной; обшивка изготовлялась также из крепкого дерева лананг, такелаж — из манильской пеньки. Только металлические части ввозились из Китая и Японии. Даже 24-фунтовые пушечные ядра не пробивали борта галиона. Но это тяжелое судно, не обладавшее ни скоростью, ни маневренностью, легко становилось жертвой если не пиратов, то штормов и тайфунов.

Командир галиона носил пышный титул «генерал от моря». Команда иной раз насчитывала до 400 человек, включая бомбардиров и солдат. Груз оценивался в миллион песо.

На Гуам галионы попадали, совершая обратный рейс из Акапулько в Манилу. По королевскому указу 1668 г. заход на остров был обязательным. Галион покидал Акапулько в феврале — марте и, подгоняемый пассатами, два месяца спустя подходил к берегам Гуама. Корабль ждали. В июне каждую ночь на вершине холмов зажигались сигнальные огни.

Коренные жители острова — чаморро — оказывали испанским колонизаторам поистине героическое сопротивление. Особый размах оно приобрело с начала 70-х годов XVII в. и длилось почти до конца столетия.

В конце апреля 1672 г. на Гуам прибыл галион «Сан-Диего», поставлявший подкрепление местному испанскому гарнизону. Восстание чаморро возглавлял вождь деревни Тумон Матапанг, человек, несомненно, выдающихся способностей и мужества. 2 мая командир испанского гарнизона Сантьяго выступил против Матапанга. В деревне Тумон, он, не найдя вождя, сжег его дом и еще несколько домов, а также каноэ и отправился в Аганью.

Отряд под командованием капитана Сантьяго шел по дороге вдоль берега океана и неожиданно наткнулся на заграждение из кустарника и бревен. Капитан приказал отряду обойти преграду со стороны рифов. Как только солдаты вошли в воду, они были атакованы островитянами, неожиданно появившимися здесь на лодках. Другая группа напала на испанцев с суши. С большим трудом отряду удалось прорваться к Аганье. Сантьяго и несколько его солдат были серьезно ранены.

Сражения с островитянами продолжались до 10 ноября 1673 г. и после временной передышки возобновились с новой силой в начале 1674 г.

В середине июня 1674 г. на Гуам прибыл капитан Эспланья, вставший во главе местного гарнизона, и с ним 30 солдат. Он отличался особой жестокостью. Эспланья целиком сжигал деревни, убивая почти всех жителей. Кровавыми расправами ему удалось временно подавить сопротивление островитян. Этим воспользовались миссионеры, открывшие в течение 1675 г. несколько новых церквей на Гуаме.

10 июня 1676 г. к берегам Гуама подошел галион «Акапулько», на борту которого находились капитан Франсиско Иррисар-

ри, пять священников и 74 солдата. Иррисарри стал не только начальником гарнизона, но и губернатором Гуама, в руках которого сосредоточилась как светская, так и духовная власть.

Этот первый в истории Гуама губернатор пролил немало крови, насаждая христианское учение. Сопротивление аборигенов испанцы жестоко подавили, использовав огнестрельное оружие. Они жгли деревни и убивали жителей. Многие вожди островитян, в том числе один из руководителей восстания, Агуарин, бежали на остров Рота.

В конце июня 1678 г. Иррисарри был сменен прибывшим на Гуам Хуаном де Саласом, который также начал свою деятельность на посту губернатора с уничтожения деревень и убийства жителей. Кровавые расправы не смогли сломить сопротивления аборигенов. Один из отцов-иезуитов так писал о событиях того времени: «Хоть наше оружие отличалось значительным превосходством, мы вынуждены были встречаться с противником в теснинах гор, где он был у себя дома. Мы воевали с людьми, которые не признавали открытых сражений, предпочитая нападать из засад и атаковать копьями и камнями, летевшими на наши головы с облаков».

В 1680 г. на Гуаме появился новый губернатор — Хосе де Квирога, который отличался особой, нечеловеческой жестокостью. Огнем и мечом прошел он не только по Гуаму, но и по Роте, куда бежали многие из восставших. В числе тысяч островитян были убиты и их вожди Матапанг и Агуарин, захваченные Квирогой. Оставшихся в живых Квирога сгонял в новые укрупненные деревни, которые легче было держать под постоянным контролем испанских властей. К началу 1681 г. на Гуаме осталось не более 5 тысяч местных жителей, тогда как ко времени появления испанцев на острове проживало около 50 тысяч человек.

В августе 1681 г. Квирогу сменил Антонио де Саравия. При нем жестокий террор несколько смягчился. И это понятно. На острове ощущалась острая нехватка рабочей силы как для производства продуктов питания, так и для обслуживания прибывавших испанских галионов.

Губернатор Саравия собрал всех вождей острова и заставил их 8 сентября 1681 г. дать следующую клятву: «Мы, вожди деревень и городов этого острова, называемого Гуамом, главного острова среди других Марианских островов, свободно и добровольно обещаем... оставаться верными подданными нашего короля и законного правителя дона Карлоса II, монарха Испании и Индии, и подчиняться законам, которые его величество решит нам дать».

Из текста клятвы следовало, что островитяне становились подданными испанской короны и формально получали одинаковые со всеми испанцами права. Губернатор отдал управление городами и деревнями острова в руки местных вождей. Один из

них, Антонио Аихи, был даже назначен на должность помощника губернатора. В деревни были посланы кузнецы для обучения островитян искусству обработки железа.

В ноябре 1683 г. Саравия умер, и на его место был назначен Эспланья, который ранее уже был на Гуаме. Он начал свою деятельность с укрепления власти испанцев на других островах Марианского архипелага. 22 марта 1684 г. Эспланья отправил вооруженный отряд на Тиниан, а затем на Сайпан, где была учинена настоящая резня. Однако уход значительной части войск с Гуама ослабил позиции Эспланьи на этом острове, чем не замедлили воспользоваться островитяне.

Восставших возглавил местный житель по имени Яра, который после крещения получил имя Антонио Яра. В воскресенье 23 июля 1684 г. Яра во главе отряда из 30 человек неожиданно напал на испанцев, идущих к мессе. Губернатор Эспланья был ранен. Другие группы островитян атаковали форт и миссионерский дом. В это же время один из вождей, Ритидиан, был послан на остров Рота за подкреплениями. Вскоре более 70 каноэ с жителями Роты прибыли на помощь восставшим.

Весть о восстании на Гуаме быстро распространилась на острова архипелага. Жители Сайпана, где в то время находился испанский карательный отряд, напали на него и вынудили испанцев уйти с острова. В одном из сражений был убит Яра, но оставшиеся без вождя островитяне продолжали борьбу. Окончательно подавить очаги сопротивления на острове испанцам удалось лишь к июлю 1695 г.

Таким образом, англичане прибыли на Гуам в беспокойное для испанцев время. К их большому удивлению, испанские власти на Гуаме оказали им хороший прием, быстро снабдив всем необходимым для продолжения плавания. По-видимому, это объяснялось желанием губернатора поскорее избавиться от опасных гостей, поскольку на остров в ближайшее время должен был прибыть галион, о чем англичане и не подозревали.

Следующую остановку англичане сделали на острове Минданао, население которого встретило их необычайно радушно. Хотя одежда на путешественниках висела лохмотьями, а лица были покрыты щетиной, они были англичанами, а не голландцами и испанцами, с которыми островитяне уже были хорошо «знакомы». Это, помимо природного радушия островитян, определило теплоту встречи.

«Самые бедные и ничтожные из нас,— писал Дампир,— могли с трудом пройти по улицам. Нас даже силой заставляли войти в их дома, чтобы угостить. Угощение составляли мясо, орехи, табак, сладкая вода. Жители казались искренними и простыми и так мило предлагали свои дары, что общение с ними было очень приятным. Когда мы входили в их дома, они всегда превозносили англичан, говоря, что англичане и они едины. Это они подтверждали очаровательными жестами, складывая руки. Го-

воря же о голландцах и испанцах, они широко разводили руки и с презрением встряхивали ими».

Сван был очень доволен пребыванием на острове. Все свое время он проводил при дворе султана, где в его честь каждую ночь устраивались празднества с танцами девушек. Тщеславию капитана льстило, что во время еды два музыканта услаждали его слух. У Свана возникла идея создать торговую факторию на острове, благо у него имелись деньги еще от продажи товаров буканьерам. Сван появлялся на кораблях только для того, чтобы наказать кого-либо из провинившихся матросов.

Команда была недовольна своим капитаном. Взрыв гнева вызвало сообщение корабельного канонира, убиравшего в отсутствие Свана его каюту, о «черном списке», в котором содержались фамилии тех, кого капитан собирался наказать. Команда, возглавляемая Джоном Ридом, потребовала немедленного возвращения Свана на корабль, грозя в противном случае уйти в море без него.

Дампир не считал, что Рид лучше Свана, но присоединился к большинству. Он понимал, что Сван решил остаться на острове, боясь возвращения на родину, где его ждало наказание за пиратство, а Дампир хотел закончить свое кругосветное плавание. «Если бы капитан Сван даже пришел на корабль,— писал Дампир,— то он никогда бы не смог ни восстановить себя в правах капитана с необходимым для этого благоразумием и достоинством, ни переждать, пока утихнет недовольство. Итак, мы оставили капитана Свана и 36 человек команды в городе».

Рид стал капитаном «Молодого лебедя», а Тит — его помощником. Дампир держался в тени, поскольку было известно о его дружеских связях со Сваном.

Буканьеры бесцельно блуждали в водах Сиама, а затем отправились на север, к Кантону. У Дампира зрела мысль сбежать с «Молодого лебедя» на какой-нибудь корабль. Как он замечал в своем дневнике, его «достаточно утомила эта сумасшедшая команда». Но случай не представлялся, и Дампир остался на судне, «полагая, что, чем дальше мы будем плыть, тем больше знаний и опыта я получу, что было главной моей задачей».

Конечно, Дампир видел много необыкновенного в этой части света: обычаи и церемонии неведомых европейцам народов, удивительный природный мир. Он подробно рассказывает в своем дневнике о таких диковинках, как хлебное дерево, лимоны, плоды манго, кокосовые орехи. Вот как, например, Дампир описывает бананы, которые были еще неизвестны в Европе: «Небольшой, в половину длины пизанга, но более сладкий и мягкий, менее сочный, еще более тонкого вкуса». «Банан, я берусь утверждать,— продолжал Дампир,— король среди всех плодов, не исключая и самого кокоса...Он вырастает длиной в 6 или 7 дюймов, толщиной в руку человека. Кожура мягкая и желтеет при созревании плода... Плод не тверже, чем масло зимой, и такого жел-

того цвета, как оно. Вкус у него тонкий, и он тает во рту, как мармелад».

Так, «кое-как тащась», по выражению Дампира, корабль Рида попал в зону действия тайфуна, который отогнал его далеко на юг. Вследствие этого Рид и его команда стали первыми англичанами, побывавшими у берегов Австралии, или Новой Голландии, как ее тогда называли. Голландцы до той поры уже не раз посещали западное и северное побережья пятого континента, но они думали, что эта земля — продолжение Новой Гвинеи. Они также понятия не имели о восточном береге континента, который обнаружил Джеймс Кук спустя почти 100 лет.

5 января 1688 г. англичане высадились на пустынном берегу Австралийского материка западнее того места, где сейчас расположен Дарвин. Англичанам, как до них голландцам, не понравилась ни земля, ни ее жители, с которыми они не могли установить никаких контактов. Аборигены «скалили зубы, подобно обезьянам», и глухими голосами кричали «гурри, гурри».

«Жители этой страны,— писал позднее Дампир,— самые жалкие люди на свете... Они не имеют домов, одежды, овец, рогатого скота, фруктов, страусов и т. п. и по своему образу жизни мало чем отличаются от зверей. Они высокие, узкокостные, с тонкими длинными конечностями. У них большие головы, покатые лбы и огромные брови. Их веки всегда полуопущены, чтобы не дать мухам влететь в глаза. Мухи здесь столь надоедливы, что от них невозможно отделаться; они лезут в ноздри и в рот, если губы не очень плотно сжаты. Так, с младенчества досаждаемые этими насекомыми, они никогда не открывают широко своих глаз, как другие люди, и поэтому они не могут смотреть вдаль, не вскинув головы, как если бы они смотрели на что-то, находящееся над ними. У них большие носы, приятные полные губы и широкие рты. Два передних зуба на верхней челюсти отсутствуют у них всех, мужчин и женщин, молодых и старых; вырывают ли они их, я не знаю; у мужчин никогда не бывает бород... У них нет жилищ, и они спят на открытом воздухе, ничем не укрытые. Земля — их ложе, небо — их полог... Их единственная еда — мелкие рыбешки... У них нет приспособлений, чтобы ловить крупных рыб...»

Дампир отметил, что оружие австралийских аборигенов так же примитивно, как их еда и одежда, и состоит из деревянных дротиков, заостренных на конце, и деревянных мечей, «выглядевших как сабля». Возможно, это были бумеранги, ведь Дампир никогда не видел их в действии.

Англичане покинули австралийские берега 12 марта 1688 г. и направились в Индийский океан.

Дампира вновь охватило желание избавиться от деспотической власти Рида и беспробудного пьянства команды. Когда корабль достиг Никобарских островов, расположенных недалеко от Суматры, Дампир попросил Рида отпустить его на берег. Ка-

питан согласился, но едва лодка, где находился Дампир, достигла берега, как ее догнал Тит и передал приказ Рида вернуться на корабль под вооруженной охраной.

Дампир нашел команду корабля в состоянии крайнего волнения. Корабельный врач Коппингер и один из матросов, Холл, потребовали, чтобы и их отпустили на берег, но капитан отказался это сделать, поскольку команда не могла остаться без врача. Тогда Коппингер с мушкетом в руке спустился в лодку, находившуюся у борта корабля. Но тут же в лодку прыгнули несколько матросов. Они разоружили врача и доставили на корабль. Рид все же отпустил Дампира и Холла на берег, но в сопровождении нескольких малайцев, которых капитан не хотел держать на борту. Кто-то из команды бросил им в лодку топор, чтобы они могли защищаться, если местные жители проявят враждебность. С этим оружием в руке Дампир вышел на берег. «Была прекрасная лунная ночь... Мы шли по песчаному берегу, чтобы видеть, когда уйдет наш корабль; мы не могли чувствовать себя в безопасности на новом месте, пока это не произойдет. Около 11 или 12 часов корабль поднял паруса, и тогда мы легли спать. Это было 6 мая».

На следующее утро Дампир обменял у местных жителей топор на каноэ. Он и его спутники сели в лодку. Метрах в тридцати от берега каноэ перевернулось, пассажиры и их багаж оказались в воде. Правда, было неглубоко. Англичане вытащили вещи на сушу. Несколько дней они сушили свои пожитки и пытались переделать каноэ в морской катамаран. Большинство морских карт, имевшихся у Дампира, было безнадежно испорчено, но дневник он все-таки сумел высушить. Кроме дневника и нескольких книг, скорее всего морских атласов, у него из вещей остался только компас.

Дампир и его спутники поплыли в Аче, находившийся на северном побережье Суматры, в 150 милях от места их высадки. Это было самое тяжелое путешествие, какое когда-либо предпринимал Дампир.

«15 мая 1688 г., около четырех часов пополудни,— писал Дампир,— мы покинули Никобарские острова, держа путь к Аче. Нас было всего шесть человек: два англичанина и четыре малайца, которые родились в Аче. 18 мая подул свежий ветер, небо начало покрываться облаками». В полдень Дампир хотел определить по солнцу место их нахождения, но сделать это не удалось: солнце плотно закрыли облака. После полудня ветер продолжал усиливаться, поднялись волны. Каждая из них грозила потопить лодку. В ней уже было много воды, приходилось все время ее вычерпывать. «Вечер 18 мая был гнетущим,— продолжает Дампир.— Небо было очень черным, покрытым тяжелыми облаками, дул сильный ветер, по морю шли высокие волны. Море бросало в нас белой пеной, темная ночь окутала нас, нигде не было спасительной земли, а наш маленький ковчег,

казалось, вот-вот накроет набежавшая волна... Я подвергался многим большим опасностям, о некоторых из них я уже упоминал, но худшая из всех них была не более чем детской игрой в сравнении с тем, что происходило. Я должен, к своему стыду, признаться, что в то время не мог собраться с мыслями. Другие опасности не приходили ко мне с такой спокойной и ужасной торжественностью. Неожиданное нападение, бой или что-либо в этом роде, когда льется чья-то кровь и все рвутся вперед, обуреваемые страстями,— это совсем не то. Но здесь я видел приближающуюся смерть и почти не имел надежды избежать ее. Мужество, которое я до этого еще сохранял, покинуло теперь меня... Около 10 часов начался ливень с громом и молниями. Но дождь был приятен для нас, поскольку совершенно иссякли запасы пресной воды, которую мы захватили с собой. Сильный ветер постепенно стал более умеренным, море тоже успокоилось. И когда мы посмотрели на компас, то с удивлением обнаружили, что попрежнему идем на восток... Но около двух часов утра 19 мая опять налетел шквальный ветер с дождем, который лил до рассвета... Было очень темно. Сильный ливень промочил нас до нитки». Наконец через пять дней Дампир и его спутники добрались до Аче.

Малайцы, плывшие с Дампиром, помогли ему и Холлу устроиться у местных жителей. Оба англичанина были совершенно истощены и страдали от малярии, а на них свалилась новая напасть — дизентерия. Единственным средством снизить жар считалось кровопускание. Дампир сам хотел сделать себе операцию, но лезвие его ножа оказалось очень тупым. Счастье, что он не получил заражения крови.

Как только Дампир смог встать на ноги, он опять пустился в путь. Один ост-индский купец, некий Уэлдон, дружески расположенный к Дампиру, предложил ему стать командиром его корабля, который направлялся в Тонкин. Дампир согласился. Во время этого плавания он прошел через Малаккский пролив, миновал Сингапур, в то время безлюдный остров, на который никто не обращал внимания.

Записки о плавании в Тонкин и обратно не вошли в «Новое путешествие вокруг света», поскольку издание было и так достаточно объемистым. Книга имела большой успех у читательской публики, и издатель Дампира попросил его написать дополнительный том, куда и были включены эти записки. Путешествие в Тонкин было очень интересным для Дампира; он увидел много нового для себя.

Там Дампир случайно встретил некоего Эдварда Бэрлоу, который служил помощником капитана на судне «Радуга», возвращавшемся в Англию. Дампир попросил Бэрлоу передать владельцам «Молодого лебедя» пакет, в котором находилась часть дневника Свана, чтобы они узнали, что случилось с их кораблем и его капитаном. Дампир больше никогда не слышал о пакете,

потому что, как потом стало известно из опубликованного дневника Бэрлоу, он потерял ящик, где находились эти бумаги.

Дампир вернулся в Аче в марте 1689 г. В течение нескольких недель он был сильно болен, а когда поправился, совершил короткое плавание к Малакке с контрабандным грузом опиума. Затем Дампир плавал в Мадрас, а по возвращении устроился главным пушкарем в форт, принадлежавший фактории Ост-Индской компании в Бенкулу на западном побережье Суматры. Сделать это было нетрудно, ибо вследствие губительного для европейцев климата почти все солдаты гарнизона умерли. Вступив в должность, Дампир разработал детальный план перестройки форта на случай обострения в дальнейшем отношений с голландцами. Но постоянно пьянствовавшего губернатора форта этот план не заинтересовал.

Шел 1690 год. Дампир уже 12 лет находился в путешествии. Надо было возвращаться на родину. Все, что имел Дампир,— это его дневник, спрятанный в бамбуковую палку, и «раскрашенный принц» — мальчик-раб по имени Джоли, которого ему подарил знакомый капитан. Джоли был татуирован с головы до ног причудливыми геометрическими изображениями с нескончаемыми вариациями линий. «Красочная работа, очень искусная, даже удивительная, особенно на лопатках»,— писал Дампир. Дампир собирался зарабатывать деньги, демонстрируя мальчика в Англии, если только сумеет благополучно довезти «раскрашенного принца» до Лондона.

Дампир размышлял о том, как бы им удрать из Бенкулу. Один капитан согласился взять их на корабль, но губернатор не желал отпускать опытного пушкаря. Однако ничто не могло остановить Дампира. Узнав, что корабль готовится к отплытию, Дампир и Джоли под покровом темноты выползли через отверстие для пушки в стене форта, сели в лодку, находившуюся у берега, и приплыли к кораблю. «Я захватил,— писал Дампир,— дневник и большинство своих бумаг, но некоторые бумаги и книги я оставил в крепости...»

Всякий, кто провел какое-то время в Бенкулу, заболевал либо дизентерией, либо тифом. Поэтому в течение всего пути через Индийский океан Дампир и все, кто был на борту корабля, беспрерывно болели. Они так ослабли, что не могли поставить корабль на якорь в Кейптауне. За них это сделали голландцы, которые жили там и хорошо зарабатывали, оказывая подобные услуги измученным плаванием или болезнями командам заходивших в порт кораблей.

Когда Дампир выздоровел, он немедленно отправился знакомиться с неизвестным ему местом. В частности, Дампир принял участие в короткой экспедиции в район, расположенный к северу от Кейптауна. Здесь жили готтентоты, находившиеся почти на том же уровне развития, что и австралийские аборигены. «Жилищами им служили жалкие хижины высотой примерно в три

метра, крытые хворостом и тростником, похожие на копны соломы. Они оставляли лишь небольшое отверстие высотою в три-четыре фута, через которое вползали и выползали,— писал Дампир.— Но когда ветер дул в этот выход, его закрывали и делали другой, на противоположной стороне. Они разводили огонь посередине помещения, и дым выходил из щелей во всех частях жилища. У них не было постелей, они ложились на ночь прямо у огня...»

Пришедшие в эти края голландцы обратили коренное население в рабство. Человек своего времени, Дампир принимал это как само собой разумеющееся. Он высокомерно говорил о готтентотах как о «больших лентяях», называл их полулюдьми, но зато восхищался вином, которое уже начали производить голландцы на плантациях, где в ужасающих условиях трудилось закабаленное ими коренное население. На голландских плантациях работали и рабы, привезенные из других частей Африки. Заезжие европейцы, по словам Дампира, свободно разгуливали там, сопровождаемые слугами, «покидавшими их лишь затем, чтобы предложить попробовать тот или иной фрукт». Виноград, писал Дампир, «прижился здесь очень хорошо, урожаи его в последние годы были столь большими, что началось производство вина, которого они имеют достаточно для того, чтобы не только удовлетворять свои потребности, но и продавать в больших количествах на заходящие туда корабли. Их вино похоже на белое французское, но бледно-желтого цвета. Оно очень сладкое, очень приятное и крепкое».

В столь благоприятных для европейцев условиях команда корабля капитана Хита быстро поправлялась. Из Кейптауна Хит повел свое судно в Англию, сделав лишь одну остановку на острове Святой Елены, чтобы пополнить запасы воды. 16 сентября 1691 г. корабль бросил якорь у берегов Англии. Так закончилось первое кругосветное плавание Дампира, растянувшееся на двенадцать с половиной лет.

В НОВУЮ ГОЛЛАНДИЮ

Появившись в Лондоне без гроша в кармане, Дампир, как и намеревался, сразу же договорился с деловыми людьми об организации показа «раскрашенного принца». Было выпущено следующее объявление: «Это очаровательное существо будет демонстрироваться публике каждый день с 16 июня в Блу-Боос-Хед на Флит-стрит, недалеко от Уотер-Лайна... Но если досточтимые джентльмены и леди выразят желание увидеть это удивительное существо у себя дома или в каком-либо другом удобном для них месте в пределах или за пределами Лондона, то пусть они известят об этом. Мальчик будет ждать их в карете в любой час, который они назначат, но только в дневное время».

Однако здоровье Джоли не позволило долго эксплуатировать его. Через несколько месяцев он умер в Оксфорде.

Не сохранилось никаких данных о жизни Дампира в следующие пять лет. Возможно, он провел их на ферме своего брата Джорджа. Может быть, он совершал короткие плавания на Европейский континент, чтобы заработать деньги на жизнь.

Сведения о Дампире появляются лишь в 1697 г., когда были опубликованы его дневники под заголовком «Новое путешествие вокруг света». Издатель Джеймс Нептон, воодушевленный успехом книги, опубликовал дневники еще нескольких буканьеров, таких, как Лионель Уофер, Уильям Коули, Бартоломей Шарп, открыв, таким образом, путь изданию литературы о путешествиях, получившей огромную популярность в последующие столетия.

Дампир, очевидно, потратил много времени и труда на подготовку своих дневников к печати, судя по бесконечным дополнениям и исправлениям, которые он делал в рукописи, находящейся в Британском музее. По признанию Дампира, стиль помогали ему выправлять друзья. Но и эта рукопись не была тем окончательным вариантом, который он передал издателю.

В предисловии Дампир предупреждал читателей, чтобы они не ждали невероятных историй и фантастических рассказов, поскольку его цель чисто научная — «искреннее желание показать полезность знаний и всего того, что может способствовать благополучию моей страны».

Прося прощения за свою «самоуверенность незнакомца», Дампир посвятил книгу президенту Королевского общества. Это не осталось без благоприятных для Дампира последствий. Книга вышла в феврале 1697 г., а в середине лета Дампир уже получил должность в таможне.

Его стали также приглашать в Совет по торговле и предпринимательству, поскольку книга свидетельствовала о познаниях автора в заморской торговле и организации плантаций. Так, в июле 1697 г. он вместе с Уофером был вызван на заседание совета, рассматривавшего предложение шотландской Ост-Индской компании, которую возглавлял Уильям Петерсон, о создании колонии на острове, расположенном около Атлантического побережья Панамского перешейка. Совет просил дать описание Панамского перешейка. Это описание впоследствии было опубликовано. Дампира и Уофера просили также высказать мнение о возможности создания там британского поселения. Дампир одобрил проект шотландской Ост-Индской компании. Но реализовать его не удалось: колонисты с Британских островов не имели закалки буканьеров; не выдержав непривычного для них климата, они сбежали оттуда. Надо сказать, что в то время попытки реализации подобных планов, как правило, оканчивались неудачей.

Совет привлекал Дампира и как эксперта в вопросах пиратства и борьбы с ним. Так, в сентябре 1698 г. он консультировал

совет относительно выбора наилучшего маршрута для эскадры военных кораблей, посылаемых в район Мадагаскара для борьбы с пиратами.

Успех книги открыл Дампиру двери домов высокопоставленных людей. Так, в августе 1698 г. он вместе с секретарем Адмиралтейства Самуэлем Пеписом обедал в доме писателя Джона Эвелина. В этом доме, кстати сказать, незадолго до того останавливался Петр I во время поездки в Англию.

Эвелин потом писал о капитане Дампире: «Он был знаменитым буканьером, привез сюда раскрашенного принца Джоли и напечатал описание своих очень необычных приключений и наблюдений. Теперь он опять собирается в плавание при поддержке короля, который снарядил корабль водоизмещением 290 тонн. Дампир производит впечатление более скромного человека, чем можно было бы вообразить, учитывая среду, к которой он принадлежал. Капитан принес карту направлений ветров в Южных морях, составленную по его наблюдениям, и уверял нас, что все подобные карты, существовавшие до сих пор, неправильны в части, относящейся к Тихому океану».

Другим выдающимся знакомым Дампира был Слоан, преемник Ньютона на посту секретаря Королевского общества. Молодым человеком Слоан отправился на Ямайку в качестве врача. Там он имел возможность познакомиться с деятельностью буканьеров. Впоследствии Слоан покупал рукописи дневников буканьеров, в том числе и Дампира. Эти рукописи он отдал в дар Британскому музею, что положило начало интереснейшей коллекции, хранящейся там до сих пор. Вероятно, тот же Слоан предложил Томасу Муррею написать портрет Дампира, который находится сейчас в Национальной галерее.

Книга Дампира произвела большое впечатление на Джонатана Свифта. Он читал также следующую книгу Дампира о путешествии в Новую Голландию и черпал оттуда материал для описания плавания своего капитана Гулливера. Книга о Гулливере появилась в 1726 г. Интересно, что Лемюэль Гулливер упоминает о родстве с «кузеном Дампиром». Совершенно очевидно, что вымышленные карты, помещенные Свифтом в книге о Гулливере, сделаны по образцу карт из книг Дампира. Так, Лилипутия помещена к югу от Суматры и указано, что она «открыта в 1699 г.», то есть вскоре после того, как Дампир побывал в этих краях на «Молодом лебеде». Страна гуигнгнмов расположена к югу от Австралии. Когда Гулливер попадает туда, он видит интеллектуальных лошадей — гуигнгнмов и звероподобные человеческие существа — йеху, которые напоминают австралийских аборигенов в описании Дампира. Капитан Покок, с которым Гулливер совершал это плавание, наделен чертами Дампира. Свифт пишет, что «этот капитан был славный малый и хороший моряк, но отличался некоторым упрямством в своих мнениях, и этот недостаток погубил его, как он погубил уже многих дру-

гих»[1]. Здесь Свифт намекал на удаление Дампира из королевского флота после плавания на «Косуле», о чем речь пойдет ниже.

Свифт использовал описания Дампиром людей, стоявших на низшей ступени развития, для создания своей великой сатиры на современное ему английское общество. В четвертой части «Путешествий Гулливера» он бичевал зарождавшийся британский колониализм, роль в этом позорном деле людей, подобных Дампиру: «Буря несет шайку пиратов в неизвестном им направлении; наконец, юнга открывает с верхушки мачты землю; пираты выходят на берег, чтобы заняться грабежом и разбойничеством; они находят безобидное население, оказывающее им хороший прием; дают стране новое название, именем короля завладевают ею, водружают гнилую доску или камень в качестве памятного знака, убивают две или три дюжины туземцев, насильно забирают на корабль несколько человек в качестве образца, возвращаются на родину и получают прощение. Так возникает новая колония, приобретенная по божественному праву. При первой возможности туда посылаются корабли; туземцы либо изгоняются, либо истребляются, вожди их подвергаются пыткам, чтобы принудить их выдать свое золото; открыта полная свобода для совершения любых бесчеловечных поступков, для любого распутства, земля обагряется кровью своих сынов. И эта гнусная шайка мясников образует современную колонию, отправленную для обращения в христианство и насаждения цивилизации среди дикарей-идолопоклонников»[2].

Успех первой книги Дампира, как уже говорилось, побудил издателей подготовить приложения к ней, содержащие материалы, не вошедшие в книгу. Так появился новый том «Приложение к Путешествию вокруг света», опубликованный под названием «Путешествия и открытия».

Книга эта вышла, когда Дампир был опять в плавании, но на этот раз как капитан корабля королевского военно-морского флота. Президент Королевского общества представил Дампира графу Оксфорду, первому лорду Адмиралтейства, и тот совершенно неожиданно довольно благосклонно выслушал предложение Дампира об организации плавания с исследовательскими целями к берегам Новой Голландии и Новой Гвинеи. Дампир предложил этот маршрут не только потому, что первым из англичан увидел восемь лет назад берега Новой Голландии, но и потому, что этот район был вдали от земель, где господствовали враждебные Англии державы — Франция и Голландия. Дампир прекрасно понимал всю сложность плавания в этой неизученной части земного шара, о которой ходили среди моряков фантастические рассказы.

Является Новая Голландия частью Новой Гвинеи или это отдельная земля? Где находится в действительности таинствен-

[1] *Дж. Свифт*. Путешествия Гулливера. М., 1946, с. 456.
[2] Там же, с. 662—663.

ная Южная земля, обычно занимавшая на картах того времени почти всю южную часть Атлантического и Тихого океанов? В самом ли деле ее населяют монстры человеческой породы, головы которых шире плеч, а пятки столь огромны, что они закрываются ими, как зонтиками, если заснут на солнце? Ответить на эти вопросы никто не мог. «Если я буду привлечен к экспедиции подобного рода,— писал Дампир,— я бы желал получить полномочия, не ограниченные во времени и пространстве». Он просил выделить ему два судна и опытные команды. Что касается маршрута плавания, то Дампир предполагал идти мимо мыса Доброй Надежды к западным берегам Новой Голландии и к северному побережью Новой Гвинеи, а затем посмотреть, что находится к востоку, то есть фактически повторить путь Тасмана в обратном направлении.

Предложения Дампира были одобрены Адмиралтейством. В инструкциях, утвержденных Адмиралтейством 30 ноября 1698 г., ему предписывалось идти к Новой Голландии, а затем к Новой Гвинее и Южной земле или «избрать любой другой курс». Дампир обязывался доставить в Англию образцы флоры неизвестных земель, а также представителей местного населения, «если они согласятся на это добровольно». Дампир наделялся властью карать за мятежные настроения любого члена экипажа и должен был вести подробный журнал плавания.

Дампир не получил двух кораблей для экспедиции. Сначала ему предложили судно «Джолли Прайс», которое он нашел «совершенно непригодным» для предстоящего плавания. Тогда ему дали «Косулю» водоизмещением 292 тонны, 96 футов длиной и 25 футов шириной, с 12 орудиями. Корабль был построен в 1690 г., то есть сравнительно недавно, но так плохо, что «на вид имел почтенный возраст». Все лето Дампир провел в Дертфорде, наблюдая за подготовкой корабля к плаванию. В качестве капитана он появился на борту судна, экипаж которого состоял из 50 человек, 6 октября 1698 г.

Королевская служба позволяла вести респектабельный и обеспеченный образ жизни, но долголетнее буканьерство не могло пройти бесследно для Дампира, оно сформировало его характер. Упоминавшийся Бартоломей Шарп бросил почтенную службу в военно-морском флоте и вновь пристал к буканьерской вольнице. Будущая судьба Дампира показала, что и он в душе продолжал оставаться все тем же «морским скитальцем».

Следует сказать, что само понятие «офицер военно-морского флота» в современном его значении в те годы только начало складываться. Список офицеров английского военно-морского флота был впервые опубликован лишь после начала нового плавания Дампира. Во флоте хорошо помнили таких знаменитых людей, как Фрэнсис Дрейк и Роберт Блейк, первый из которых почти всю свою жизнь был пиратом, а второй — сухопутным офицером, посланным в море. Странные и совершенно неожи-

данные личности появлялись в королевском военно-морском флоте во времена Дампира. Так, Титус Отс служил корабельным священником и в то же время более умело, чем кто-либо из буканьеров, командовал кораблем, который использовал в пиратских целях. Неудивительно поэтому, что Дампиру было доверено командовать кораблем королевского военно-морского флота. Плавание на судне, непригодном для исследовательских целей, с неопытной командой, руководимой офицерами, которые косо смотрели на своего капитана, имевшего буканьерское прошлое, было суровым испытанием для Дампира. Он должен был показать образец высокой дисциплинированности, проявить другие качества, связывавшиеся с традиционным образом морского офицера, но ими, по всей вероятности, не обладал.

Третья, последняя книга Дампира — «Отчет о плавании в Новую Голландию»,— вышедшая в свет двумя частями в 1703 и 1709 гг., содержала превосходные описания флоры и фауны дальних земель, более точные, чем неумелые зарисовки, которыми художник, принимавший участие в плавании, иллюстрировал книгу. В ней было множество важных навигационных данных, которые в дальнейшем использовали другие мореплаватели и опираясь на которые капитан Филипп Картерет, например, смог сделать через столетие дальнейшие открытия в Ост-Индии. Но в книге почти отсутствовал, так сказать, человеческий материал: сведения биографического характера были крайне скудными, почти ничего не говорилось об офицерах и матросах экипажа корабля, его отношениях с ними.

Переписка Дампира с Адмиралтейством показывает, что до выхода в море, который состоялся 4 января 1699 г., он совершенно не обращал внимания на состав команды. Это было его большой ошибкой. В самом начале экспедиции он был неприятно поражен низкой квалификацией своих людей. Его штурман в первую же ночь плавания чуть не разбил корабль о французский берег. Позднее он часто напивался до такого состояния, что не мог стоять. Выяснилось также, что совершенно не знает своего дела корабельный плотник. Первый помощник Дампира Джордж Фишер стал выступать против него еще до того, как корабль ушел в море.

Что происходило во время плавания «Косули» в Атлантическом океане, показывают документы, представленные как свидетельские показания в суд, который ожидал Дампира по его возвращении.

С самого начала Дампир заподозрил заговор против себя и был убежден, что его помощник на стороне заговорщиков. Фишер уже служил на нескольких кораблях королевского военно-морского флота. Он открыто выражал недовольство тем, что судьба послала ему в начальники бывшего буканьера. Фишера глубоко оскорбляли такие грубые высказывания о нем Дампира, как «бог проклял этого старого негодяя», с добавлением еще

более крепких слов. Дампир часто отменял распоряжения Фишера. Как-то он отменил приказ первого помощника выпороть провинившегося матроса и назначил матросу очень легкое наказание. Фишер квалифицировал это действие Дампира как «наглядный пример» его некомпетентности. Вообще первый помощник не упускал случая указать капитану, что тот не знает службы в королевском флоте.

Во время остановки на Канарских островах Фишер приказал выдать команде пиво. Казначей корабля пригрозил «проломить ему голову», если это будет сделано. Разговор происходил в присутствии Дампира, но он не поддержал своего помощника. Фишер заявил, что если Дампир не будет поддерживать его в случае грубого невыполнения приказаний подчиненными, то «это может иметь плохие последствия». В другой раз Дампир упрекнул Фишера за избиение юнги. Фишер ответил, что он действовал вполне законно. Тогда Дампир пригрозил заковать его в кандалы, если тот посмеет еще раз сделать нечто подобное.

Однажды вечером за кружкой пунша разговор зашел о пиратстве и приватирстве. Дампир принялся расхваливать жизнь буканьеров и сказал, в частности, что не может представить себе лучшей жизни. Фишер заметил, что его удивляют слова Дампира, ибо, как он полагает, нет лучшей доли, чем служить на корабле королевского флота, а в пиратской жизни нет ничего ни приятного, ни честного. Тогда Дампир потребовал, чтобы Фишер объяснил, что он понимает под словом «пиратство», поскольку рассматривает его высказывание как личное оскорбление. Разговор принял опасный оборот. Дампир откровенно заявил, что если они встретят буканьеров, то он не допустит, чтобы хоть один волос упал с их голов. На это Фишер отвечал, что Дампиру как капитану королевского флота, действующему по указаниям Адмиралтейства, не подобает так говорить, наоборот, ему следует прилагать все усилия для поимки подобного рода людей.

Такие стычки капитана с первым помощником были часты. Совершенно очевидно, что похвалы, расточаемые Дампиром пиратам, рождали у Фишера опасения, что капитан кончит тем, что примкнет к морским разбойникам. Его укрепляло в этом распространившееся среди команды мнение, что Дампир «стал совершенно иным человеком, как только попал на другую сторону линии раздела». Когда «Косуля» подходила к берегам Бразилии, нервы капитана были напряжены до предела. Дампир решил спать на палубе, держа пистолет рядом с собой. Еще до того как он отправился в плавание, королевский астроном Флемстед, которому Дампир обещал провести некоторые метеорологические наблюдения, предупредил его, что команда может восстать, когда корабль будет на другой стороне Атлантического океана. Так поступали команды многих капитанов, совершавших кругосветное путешествия. Дампир знал, что матросы озлоблены плохим питанием и страшатся плавания в неизвестных морях, а также

подозревал, что Фишер разжигает недовольство экипажа. Вместе с тем он помнил, что инструкция Адмиралтейства обязывала его пресекать всякую крамолу на борту корабля.

Отношения между капитаном и его помощником все обострялись. Взрыв произошел, когда Фишер распорядился открыть бочку с пивом, не спросясь Дампира, а тот, узнав об этом, запретил. Тогда Фишер набросился на Дампира с проклятиями, называя его, как показывал на суде один из свидетелей, «старым негодяем и жуликом», и «призывал моряков к бунту... а поскольку он не успокаивался и продолжал ругать капитана, его наконец заперли в каюте». Но в действительности дело обстояло не совсем так. Дампир совершил непоправимую ошибку: потеряв контроль над собой, он бросился на Фишера с тростью, затем погнался за ним на полубак, догнал и запер в каюте. Оттуда Фишер, как он сказал на суде, слушал громкую брань капитана и угрозы расправиться с ним.

Дампир собрал матросов на палубе корабля и спросил, не намерена ли команда бунтовать. Получив заверения, что подобная мысль никому не приходила в голову, Дампир сказал, что знает о нуждах команды, о том, что людям нечего есть и пить, но он позаботился о них, как отец. Во время речи капитана продолжали раздаваться крики запертого в каюте Фишера, который поносил Дампира и призывал команду не верить его словам.

В течение следующих трех недель, до тех пор пока «Косуля» не подошла к бразильскому берегу, Фишер оставался в своей каюте в кандалах. Сойдя на берег, Дампир попросил португальского губернатора поместить Фишера в местную тюрьму, пока обстоятельства не позволят отправить его в Англию. Фишер был доставлен на сушу в кандалах под охраной. Он провел в тюрьме три месяца. При этом Дампир не оставил Фишеру ни пенни, хотя и послал ему слугу и немного продовольствия. Об этом в книге Дампира о путешествии не говорится ни слова. Там есть лишь упоминание об «упрямстве, недовольстве и непослушании некоторых моих людей» и намеки на их боязнь длительного плавания. Это «заставляло меня,— писал Дампир,— подозревать их в намерении поднять мятеж». В книге ничего не говорится о конфликте с Фишером, который в конце концов стал причиной краха карьеры Дампира как офицера королевского флота. Поступая с Фишером подобным образом, он прекрасно понимал, что ответит за это по возвращении на родину, но никогда не сожалел о содеянном. Отправив Фишера в тюрьму, Дампир послал отчет о плавании в Адмиралтейство, в котором сообщал, что все идет хорошо, за исключением того, что он ежедневно подвергался оскорблениям со стороны лейтенанта Джорджа Фишера. «Когда поведение Фишера стало совсем невыносимым,— продолжал Дампир,— я пригрозил ему тростью, которая была тогда в моих руках, на что он, повернувшись ко мне, назвал меня старой собакой, старым негодяем и заявил моим

людям: „Джентльмены, схватите эту старую пиратскую собаку, ибо он намерен убежать с вами и королевским судном“. Поэтому он был посажен под арест, чтобы не дать ему возможности вызвать бунт на корабле».

После инцидента с Фишером Дампир стал спокойнее и целиком сосредоточился на задачах экспедиции. Он дал команде отдохнуть, принял меры к обеспечению экипажа продовольствием и водой на длительное плавание. «Косуля» вновь пересекла Атлантический океан, прошла мимо мыса Доброй Надежды и направилась к берегам Новой Голландии. Преодолев 7 тысяч миль, корабль подходил к Дирк-Хартогс-Пойнту, месту, которое было названо так в честь голландского моряка, вышедшего здесь на берег в 1616 г. и оставившего медную плиту с надписью, что эта земля — владение Голландии.

1 августа 1699 г. англичане были уже у берега, но не могли найти подходящей стоянки для корабля, пока не обнаружили глубокий залив, названный Дампиром заливом Шарк. Команда была измучена беспрерывным трехмесячным плаванием, вода подходила к концу. Но Дампир решил не высаживаться на сушу: перед ним простиралась бесплодная пустыня, где не было и следов воды. Он повел свой корабль на север. Если бы Дампир повернул на юг, то вскоре увидел бы благодатные места (в районе современного Перта), где нашел бы все необходимое. Но его решение было вполне объяснимо: он знал, что ждет их на северо-западном побережье Новой Голландии, где до этого уже побывал на корабле капитана Рида, а что они встретили бы, идя на юг, было совершенно неизвестно. Поэтому «Косуля» шла на север мимо унылых берегов, пока не достигла местности, называемой сейчас Землей Дампира. Недалеко отсюда, в районе архипелага Буканьеров, Дампир впервые высадился на австралийском берегу. Матросы нашли свежую воду. Вдалеке Дампир увидел аборигенов: высоких чернокожих людей, тела которых были разрисованы белыми кругами. Вид их вновь вызвал в нем неприязнь. «Все они,— писал Дампир позднее,— имели неприятный вид и были самыми безобразными из людей, которых я когда-либо видел, хотя я видел великое множество дикарей».

В его книге о путешествии в Новую Голландию есть рассказ о попытке поймать кого-нибудь из коренных жителей: «Прыткий молодой человек, бывший со мной, видя их вблизи, побежал за ними, они тут же бросились наутек. У него был меч, а у них — деревянные копья. Их было много, поэтому ему пришлось туго. Вначале, когда он побежал за ними, я погнался за двумя другими, находившимися у берега, но, понимая, что с молодым человеком может случиться беда, быстро повернул обратно, взобрался на вершину песчаного холма и увидел его в окружении толпы. Один из них бросил в меня копье, пролетевшее рядом со мной. Я выстрелил, чтобы только напугать их, не намереваясь убить кого-нибудь... Выстрел сперва немного испугал их, но они скоро

успокоились. Вскидывая руки и презрительно крича „пу, пу, пу“, они подступили к нам снова. Я понял, что надо действовать решительно, и выстрелил в одного из них. Остальные, видя, что он упал, отступили, и молодой человек получил возможность вырваться и прибежал ко мне. Другой человек, который тоже был со мной, ничем не мог помочь, поскольку у него не было оружия. Я возвратился с моими людьми, оставив попытку захватить кого-либо из туземцев. Меня огорчило то, что случилось. Туземцы взяли с собой раненого товарища. А мой молодой человек, который был ранен копьем в щеку, очень боялся, что копье было отравлено, но я так не думал. Его рана была весьма болезненна, так как была нанесена тупым оружием, но он скоро выздоровел».

Пять недель пробыли англичане на австралийском берегу, «не очень привлекательном», как писал Дампир. Затем «Косуля» направилась к Тимору.

Гористый остров предстал перед англичанами на рассвете 11 сентября. Западная его половина принадлежала голландцам, восточная — португальцам. «Косуля» подошла к западному берегу, и англичан встретил весьма подозрительный командир голландского гарнизона. В этот район, где проходили важнейшие морские пути, иностранные корабли заходили обычно с целью пиратства. За два года до прихода «Косули» здесь побывало французское пиратское судно, нанесшее серьезный ущерб гарнизону. Дампиру стоило больших усилий добиться разрешения отправить к берегу лодку, чтобы взять питьевую воду. Сделать это удалось лишь после того, как он убедил голландцев, что его корабль принадлежит королевскому флоту и что Англия и Голландия являются теперь союзниками в войне против Франции.

Один из офицеров «Косули», посланный Дампиром на берег, сознательно постарался ухудшить отношения с голландцами, чтобы вынудить своего капитана прекратить опасное плавание и повернуть к Яве. Узнав об этом, Дампир приказал плыть к восточной части острова, где встретил более дружественный прием у португальского губернатора. Команде было разрешено сойти на берег для отдыха.

В это время Дампира беспокоило не столько здоровье экипажа, сколько состояние его судна. В тропических водах днища деревянных кораблей быстро обрастали водорослями и ракушками. «Косуля» очень нуждалась в очистке днища. Но корабельный плотник, как уже говорилось, дела своего не знал, и на Тиморе не было возможности произвести полный ремонт судна. Все, что удалось сделать,— это накренить корабль так, чтобы очистить его бока от водорослей и ракушек. Но времени было мало: Дампира предупредили, что в любой день может подуть муссон. Дампир решил отказаться от ремонта корабля. Он ограничился лишь пополнением запасов продовольствия и питьевой воды и продолжал плавание. В Новый, 1700 год «Косуля» по-

дошла к западному берегу Новой Гвинеи. Намеченный Дампиром маршрут дальнейшего плавания должен был проходить в совершенно неизведанных водах, ибо маршруты двух капитанов, плававших здесь до него,— Схаутена и Тасмана — проходили значительно севернее.

«Косуля» шла вдоль северного побережья Новой Гвинеи. Дампир наносил на карту встречавшиеся острова. Один из них он назвал островом Короля Вильяма в честь своего монарха, другой — островом Провидения, потому что дошел до него на таком ветхом судне, как «Косуля». Но все эти земли были открыты до него, о чем Дампир, конечно, не знал. Единственным островом, действительно открытым впервые именно Дампиром, был остров, названный им Новая Британия. Дампир узнал, что открытая им земля является островом, только тогда, когда сделал наиболее важное за время всего плавания открытие: он нашел пролив между Новой Британией и Новой Гвинеей, называющийся сейчас проливом Дампира.

Когда Дампир плыл вокруг острова, он допустил одну ошибку: то, что он назвал заливом Сент-Джордж, было в действительности входом в пролив, называющийся в настоящее время Сент-Джордж-Чаннел, как это установил капитан Филипп Картерет во время своего плавания вокруг света в 1767 г., использовав карту данного района, сделанную Дампиром.

«Ласточка», корабль Картерета, была такой же ветхой, как и «Косуля», но Картерет лучше использовал течения, да и сезонное направление ветров было иным: Дампир был в этом районе, когда дул западный муссон, а Картерету пришлось бороться с пассатами. Сильное течение занесло корабль в пролив Сент-Джордж-Чаннел. Так Картерет открыл наиболее удобный морской путь, соединяющий Южную Азию с Австралией, что оказалось очень кстати, когда была создана первая британская колония на пятом материке — Новый Южный Уэльс — и туда двинулись торговые суда из Индии.

Дампир, верный себе, в любой ситуации старался вести научные наблюдения. Так, идя проливом, получившим в дальнейшем его имя, Дампир наблюдал извержение вулкана. «Всю ночь,— писал он,— вулкан извергал огонь и дым, что сопровождалось страшным шумом, подобным грому; полыхало пламя, страшнее которого я еще не видел... Потом появился огромный огненный поток, бегущий к подножию вулкана и даже почти к берегу».

Дампир обнаружил остров, который назвал островом Рука в честь адмирала Джорджа Рука. Последний, кстати сказать, председательствовал в суде, перед которым предстал Дампир по возвращении на родину.

Обстоятельства не позволили Дампиру продолжать плавание по намеченному курсу. Он поплыл назад, повторив старый маршрут, а затем повернул на юг. Так Дампир упустил возможность

стать первооткрывателем восточного берега Австралии. Но его вынуждали к этому прежде всего плачевное состояние корабля и опасные настроения команды. В предисловии к своей книге о плавании к Новой Голландии Дампир писал: «В то время я встретился со многими трудностями: необходимостью ремонта судна, малочисленностью моих людей, их желанием скорее вернуться домой, а также опасностью продолжать плавание при таких обстоятельствах в морях, где мели и берега были совершенно неизвестны и должны были изучаться с большой осторожностью и медленно. Все это заставило меня отказаться тогда от продолжения намеченных мной исследований».

Сам Дампир в то время был болен, и команда стала небрежно относиться к службе. Течь в корпусе корабля становилась все больше. Лишь придя на Яву, команда смогла очистить корпус судна. Но доски корпуса оказались в таком плохом состоянии, что Дампир пустился в обратный путь с тяжелым предчувствием. Любая опасность, в том числе потеря кораблем скорости, шторм или болезнь экипажа, могла привести к катастрофе.

Кое-как англичане добрались до острова Вознесения в Атлантическом океане, где случилось то, чего так опасался Дампир. В ночь на 21 февраля 1701 г., когда они подходили к острову, корабль дал такую течь, что команда всю ночь выкачивала воду из трюма. На следующее утро корабль стал на якорь в полумиле от прибрежных скал. Дампир приказал канониру очистить пороховой погреб, чтобы помощник плотника (плотник незадолго до этого умер) мог заделать щели в корпусе судна. Когда это было сделано, плотник осмотрел корпус корабля и сказал, что он не сможет устранить течь без того, чтобы не вырубить сгнившие части досок. Дампир ответил, что никогда не слышал, чтобы большее отверстие предотвратило течь из меньшего, но что он ничего не понимает в искусстве корабельного плотника и пусть тот поступает, как считает нужным. Вместе с тем Дампир принял меры предосторожности на случай, если экипаж будет вынужден покинуть судно. Плотник обещал устранить течь к полудню, но уровень воды в трюме все время увеличивался. Около 11 часов к Дампиру пришел боцман и сообщил, что течь увеличилась и заделать щели не представляется возможным, так как доски совершенно сгнили. Пока не стемнело, Дампир постарался подвести корабль как можно ближе к берегу.

Англичане соорудили плот, чтобы доставить людей и вещи на берег. «Косуля» медленно погрузилась в воду. Лишь ее мачты и реи виднелись над водой. Последнее, что удалось снять с корабля, были паруса. Из них Дампир надеялся сделать палатки на берегу. «На следующее утро, 24 февраля,— писал Дампир,— я и мои офицеры высадились на берег необитаемого острова Вознесения».

Это был маленький скалистый островок, находившийся в тысячах миль от ближайшей земли. К счастью для англичан, там

были вода и черепахи, что позволяло продержаться до тех пор, пока какой-нибудь проходящий корабль не заберет их, поскольку остров лежал на главном торговом пути, соединявшем Европу с Индией и другими странами Востока.

Через неделю после высадки англичане увидели на горизонте два корабля, но те прошли мимо на большом расстоянии от острова. Немного позднее прошла флотилия из 11 судов, но опять далеко от острова. Через несколько месяцев англичане увидели недалеко от острова торговый корабль и три военных судна. С кораблей заметили сигналы, подаваемые «робинзонами». Дампир поднялся на борт одного из военных кораблей, но, узнав, что они идут в Вест-Индию, перешел вместе с несколькими своими офицерами на торговое судно «Кентербери», которое в августе 1701 г. доставило их в Лондон.

Первой заботой Дампира было объяснить потерю корабля. Его сообщение было принято без всяких претензий. Гораздо серьезнее оказался вызов в военный суд по обвинению, выдвинутому его помощником Джорджем Фишером. В течение двух лет, пока Дампир находился в полном опасностей плавании, Фишер организовывал судебное дело против него. Он представил в суд обвинения, был вызван и выслушан. Теперь оставалось только заслушать свидетелей и вынести приговор.

Суд происходил на борту военного корабля «Монарх» в Спитхеде 8 июня 1702 г. Председательствовал Джордж Рук, имевший тогда уже звание адмирала флота. В судебном разбирательстве принимали участие еще три адмирала и 33 капитана королевского военно-морского флота. Все они был настроены против бывшего буканьера Дампира. Тот факт, что бывшие буканьеры, принятые на королевскую службу, вновь возвращались к пиратскому промыслу, делало в их глазах подозрения Фишера обоснованными, а то, что Дампир ударил своего помощника тростью, глубоко возмущало их. Это определило характер приговора, в котором говорилось: «После тщательного изучения всех пунктов обвинения, выдвинутых капитаном Дампиром и лейтенантом Фишером друг против друга, суд нашел, что многие из них были, по сути дела, незначительными, а другие — недостаточно доказанными. Таким образом, главным делом, которое рассматривал суд, была жестокость капитана Дампира в отношении лейтенанта Фишера... То, что он избил своего лейтенанта, продержал его под арестом в течение многих месяцев, затем высадил на берег в кандалах и отправил в тюрьму, является бесспорно недопустимым. Подозрения, которые он имел в отношении лейтенанта, в частности предположение, что упомянутый лейтенант готовит против него заговор, не были им доказаны. В силу этого военный суд выносит свой приговор в пользу лейтенанта. Суд далее выражает мнение, что упомянутый капитан Дампир не тот человек, который может быть использован как командир какого-либо корабля флота ее величества».

Так закончилась карьера Дампира в королевском флоте, к тому же он остался без гроша, потому что суд приговорил его к уплате большого штрафа.

Тем не менее через год новый лорд Адмиралтейства, муж королевы Анны, принц Георг Датский представил Дампира британской королеве в связи с выходом первой части его книги «Путешествие в Новую Голландию». Вторую часть Дампир не успел закончить, так как отправился в новое плавание.

ВНОВЬ ВОКРУГ СВЕТА

Весной 1701 г. началась война за испанское наследство. Опять расцвело приватирство. Англичане нападали на испанские корабли главным образом в Южных морях. Приватирством занимались в основном две категории людей: во-первых, вполне респектабельные негоцианты Лондона, Бристоля и Саутгемптона, имевшие достаточно средств для снаряжения кораблей на промысел, обещавший хороший барыш, и, во-вторых, те из моряков (многие из них в прошлом были буканьерами), которые видели возможность заняться грабежом, коль скоро он был теперь узаконен. Одним словом, и те и другие едва ли руководствовались патриотическими соображениями. Ими двигало откровенное желание быстро и основательно обогатиться.

Как только стало известно о начале войны, бристольский купец Томас Эсткорут приобрел за 4 тысячи фунтов стерлингов 200-тонное судно «Назарет» для приватирства. Корабль был вооружен 26 пушками, большей частью малого калибра, и имел команду в 120 человек. Эсткорут сменил библейское название корабля на более удобное — «Сент-Джордж», который, как известно, являлся небесным покровителем Англии. В доле с Эсткорутом при покупке судна было еще несколько других бристольских купцов.

Купцу очень хотелось, чтобы капитаном его судна стал Дампир, рассказы которого о возможности быстро обогатиться разжигали его воображение. Дампир говорил, что знает, как захватить манильский галион, а это было мечтой всех приватиров еще с елизаветинских времен. Захват галиона, груженного сокровищами Востока, сулил колоссальные барыши.

Дампир согласился стать капитаном «Сент-Джорджа» (в своем бедственном положении он едва ли мог рассчитывать на что-то лучшее). Представителем владельцев судна в плавании был некий Эдвард Морган, человек с темным прошлым, успевший побывать и буканьером, и католическим священником, и полицейским агентом.

Дампиру перед выходом в плавание был выдан патент, подписанный от имени британской короны первым лордом Адмиралтейства. При выдаче патента владельцы корабля уплачивали еще

2 тысячи фунтов стерлингов в залог «мирного и честного поведения офицеров и матросов». Это выглядело поразительно цинично, поскольку всем было ясно, что корабль отправляется на морской разбой. В патенте говорилось, что Дампир назначается капитаном «Сент-Джорджа» «без жалованья», иначе говоря, его доходом должна была стать захваченная им добыча. Добыча делилась так: две трети шли владельцам судна, одна треть — команде. Все это, конечно, было условно. Корабль уходил в далекое и долгое плавание с командой, состоявшей, как правило, из отпетых «морских шакалов», не признававших никакой дисциплины. Оценка захваченного груза производилась по договоренности с командой. Так называемый совет офицеров корабля был чисто номинальным институтом. Вот, например, как описывает один из младших офицеров заседания совета на корабле «Сент-Джордж»: «Обычно на заседаниях совета вначале излагали свое мнение младшие офицеры. Но капитан Дампир, наоборот, всегда высказывался первым, и, если кто-либо из офицеров пытался противоречить ему, он вставал в раздражении и говорил: „Если вы знаете лучше меня, возьмите ответственность за корабль". Он всегда был человеком столь самоуверенным, что не желал слушать никаких доводов».

Неприятности, сопровождавшие плавание «Сент-Джорджа», начались еще до выхода в море. Эсткорут поссорился с владельцем судна «Слава», которое должно было сопровождать «Сент-Джорджа». Поэтому «Сент-Джордж» вышел в море 30 апреля 1703 г. один. Первая остановка была в Южной Ирландии, где к нему присоединился другой приватирский корабль — галера «Пять портов» водоизмещением 90 тонн, с 16 орудиями и командой из 63 человек. Капитаном галеры был Чарльз Пикеринг. В то время галера представляла собой однопалубное судно, которое единственное из всех кораблей могло передвигаться с помощью весел, если не было ветра, хотя обычно шло под парусами. Галеры использовались как суда сопровождения. Они не были приспособлены для перевозки коммерческих грузов, но зато были хорошо вооружены и имели многочисленный экипаж. Поэтому «Пять портов» была идеальным компаньоном для фрегата «Сент-Джордж». После нескольких недель переговоров было подписано соглашение между владельцами судов о совместном плавании и условиях дележа добычи.

На остановке у островов Зеленого Мыса произошла ссора Моргана с помощником капитана Хаксфордом. В результате между ними состоялась дуэль. Португальские власти арестовали Хаксфорда и посадили его в тюрьму. Когда Хаксфорду удалось освободиться, он возвратился на корабль. «Сент-Джордж» вышел в море. Но Морган заявил, что не потерпит Хаксфорда на борту, и, несмотря на все мольбы последнего не бросать его «среди язычников», Дампир приказал посадить его в лодку и оставить в открытом море. Уэлб, служивший на «Сент-Джордже» гарде-

марином, впоследствии писал, что Хаксфорд был подобран португальским судном, но скоро был «высажен на берег, где через три месяца несчастный кончил свои дни... Я не удивляюсь чудовищной жестокости капитана, зная, что подобную же жестокость он проявил, когда командовал „Косулей“». Это свидетельствует о том, что на корабле знали о суде над Дампиром, а это, естественно, не способствовало укреплению авторитета капитана среди команды. Совершенно очевидно также, что Дампир не сделал никаких выводов из судебного процесса и не стеснял себя в своих действиях, проявляя явное самоуправство. Почти такой же случай произошел с преемником Хаксфорда на посту помощника капитана — Джеймсом Бернби, когда «Сент-Джордж» подошел к берегам Бразилии. После ссоры с Морганом Бернби и еще восемь человек из команды сложили свои вещи и потребовали высадить их на бразильский берег. «Я с ним не спорил,— оправдывался после плавания Дампир,— но, считая, что он был несколько дерзок в споре с Морганом, приказал удалить его с корабля». Вскоре после этого умер капитан галеры «Пять портов», и командиром был назначен Томас Стрейдлинг, а квартирмейстером — сын бедного шотландского сапожника Александр Селкирк.

Из Бразилии оба судна прошли в Тихий океан, миновали мыс Горн и направились к островам Хуан-Фернандес. Судно «Пять портов» достигло островов 7 февраля 1704 г., на три дня раньше «Сент-Джорджа».

Три недели провели команды на островах, отдыхая после долгого перехода через Атлантику, пополняя запасы продовольствия и воды. Дампиру не терпелось приступить к «делу». Он был в районе, хорошо известном ему по прежним буканьерским плаваниям, и был уверен в богатой добыче.

Первым кораблем, на который они напали, было французское судно «Сен-Жозеф», встретившееся им у чилийских берегов. О том, что произошло в схватке с французами, рассказали три человека: сам Дампир, Уэлб и офицер с «Сент-Джорджа» Фаннелл, и все трое по-разному. «Мы подошли к кораблю очень близко, борт к борту, но вдруг поднялся большой ветер и французский корабль отошел, оставив нас озадаченными тем, что не удалось захватить его с первого раза,— пишет Фаннелл.— Мы решили сделать еще одну попытку, ибо понимали, что, если мы позволим ему уйти, французы расскажут о нас испанцам... но капитан был против этого, считая, что так будет хуже. Если испанцы узнают, что мы здесь, и предупредят свои торговые корабли, чтобы они не выходили из портов, то он знает, куда надо идти и где в любой день года можно без особого риска захватить добычу в 500 тысяч фунтов стерлингов. Вскоре после этого к нам подошла сопровождавшая нас галера, и капитаны, быстро договорившись между собой, решили дать французскому судну уйти».

Дампир же объясняет, что они могли бы легко захватить «Сен-Жозеф», если бы команда показала должную храбрость, но его люди убежали от пушек. Но это, в свою очередь, опровергает Уэлб, в обязанности которого входило следить за дисциплиной на борту. Он отрицает, что кто-либо из команды покинул свой пост, «кроме самого капитана Дампира, который в течение всего времени схватки не воодушевлял людей и не давал никаких команд, что делают обычно командиры в таких случаях, а стоял за баррикадой, сооруженной по его приказанию из кроватей, ковров, подушек, одеял и т. п., чтобы предохранить себя от вражеских пуль...».

Через несколько недель англичане встретили тот же корабль у Лимы. Описание Фаннеллом этого города объясняет, почему именно в этом месте перуанского побережья любили бывать буканьеры: «Остров Каллао очень высокий и бесплодный, здесь нет ни леса, ни свежей воды, ни какой-нибудь зелени. Он имеет в длину две лиги. На этом острове находится великий город Лима, который является столицей всей империи Перу. Здесь — местопребывание вице-короля и архиепископа. Это огромный город: его населяют 170 тысяч испанцев, не считая множества мулатов, метисов и индейцев. Говорят, в нем 25 церквей, хорошо построенных и очень богато украшенных золотом, серебром и драгоценными камнями. Фигуры многих из святых сделаны целиком из золота. Город хорошо укреплен, в крепости 70 сорокавосьмифунтовых медных пушек. Рядом с крепостью находится место якорных стоянок; глубина моря там пять саженей... Остров соединен с сушей каменным мостом, и почти половина города находится там. Это самое торговое место на западном берегу Америки, и гавань никогда не бывает без кораблей».

Вторая встреча с «Сен-Жозефом» опять была неудачной для англичан. Французское судно сумело оторваться от «Сент-Джорджа» и войти в гавань под защиту крепостной артиллерии. Раздосадованная команда открыто обвиняла Дампира в трусости и спрашивала, намерен ли он наконец начать сражаться, на что Дампир ответил: «Нет, потому что я знаю, где можно добыть все, не сражаясь».

Двигаясь к северу вдоль Южноамериканского материка, англичане встретили испанский корабль, который, по их соображениям, должен был иметь богатый груз и «приличную сумму денег». Но когда капитан захваченного судна был доставлен на борт «Сент-Джорджа» и Дампир спросил его, много ли денег на борту, тот поклялся, что сгрузил все ценное на берег, поскольку ему сообщили о появлении англичан. Англичане могут обыскать корабль и, если найдут что-либо ценное, сказал он, пусть повесят его на рее. Это заявление вполне удовлетворило Дампира, и он разрешил ему плыть дальше, сказав, что захват корабля «послужил бы помехой в осуществлении его великих замыслов». Но Уэлб и, что еще важнее, владельцы «Сент-Джорджа», когда они

узнали об этом, были иного мнения. Они подозревали, что испанский капитан откупился, дав деньги Дампиру и Моргану. Уэлб даже писал потом, что сказал Дампиру о дошедших до него слухах, будто в трюме корабля находятся большие богатства, но Дампир все равно не стал обыскивать судно.

Через несколько дней еще один испанский корабль попал в руки англичан. И опять Дампир приказал отпустить судно, потому что «не хотел обременять свой корабль, так как намеревался предпринять решающее плавание к одному богатому городу, о котором он давно помышлял». Однако Морган сумел все-таки украсть дорогой серебряный обеденный сервиз, завернув его в свою одежду.

Дампир часто говорил о своем «великом замысле»: либо захватить манильский галион, либо разграбить богатый город. Когда «Сент-Джордж» был на Галапагосских островах, Дампир наконец назвал этот город. Это был город Санта-Мария на Панамском перешейке, который удалось захватить отряду Коксона, когда Дампир впервые пересекал перешеек. Но тогда буканьеров постигла неудача: испанцы успели до их прихода спрятать сокровища. Дампир рассказывал экипажу, что Санта-Мария — это важный пункт, где перегружаются сокровища, доставляемые из Перу. «Город расположен на берегу реки,— говорил Дампир,— и к нему легко подойти на лодках от Панамского залива».

Рассказы Дампира разжигали воображение команды. «Сент-Джордж» направился к Панамскому перешейку. Там Дампир и Стрейдлинг с отрядом из 102 человек поплыли на лодках к Санта-Марии. Но их все время подстерегали неудачи. Сначала сильный ливень вымочил их порох и одежду. Потом им встретились несколько индейцев в каноэ. Против обыкновения Дампир приказал своим людям стрелять в них. Пули пролетели мимо, не причинив индейцам вреда. Те скрылись. Стрейдлинг был послан вперед, чтобы захватить индейскую деревню, пока жители не сообщат испанцам о появлении англичан. Дампир обещал сразу же последовать за ним, но по ошибке свернул с главного русла реки и попал в рукав, из которого не было выхода.

Тем временем Стрейдлинг захватил индейскую деревню, но не нашел там ничего, кроме ямса и кур. Однако он обнаружил пакет с письмами, из которых узнал, что по распоряжению губернатора Панамы в Санта-Марию было послано 400 солдат в помощь местному гарнизону. Письма были двухдневной давности, так что теперь уже посланный отряд наверняка был в Санта-Марии.

Когда наконец оба английских отряда объединились и подошли к городу, то попали в засаду. Им удалось выбраться. Дампир сказал, что вторую попытку овладеть городом делать не следует, ибо они потеряли свой главный козырь — внезапность нападения, и потому приказал отступить к побережью.

Счастье улыбнулось англичанам, когда они вернулись на корабли. Большое испанское судно водоизмещением 500 тонн с

грузом вина, муки, сахара, льняных и шерстяных тканей стало на якорь недалеко от них, не подозревая, что это английские корабли. Англичане взяли его без сопротивления. Они тут же разделили награбленное, причем Морган умудрился незаметно унести еще один сервиз.

На захваченном корабле англичане обнаружили письмо капитана «Сен-Жозефа» губернатору Панамы, в котором он жаловался на большой урон, нанесенный ему нападением англичан. Из других писем они узнали, что два больших испанских фрегата были посланы вдогонку за ними.

Первый успех привел не к сплочению, а, как тогда часто бывало, к разобщению. Стрейдлинг заявил, что пойдет к островам Хуан-Фернандес, где он оставил часть запасов, а Дампир, все еще надеявшийся захватить манильский галион, остался в Панамском заливе.

Больше капитаны не встречались, но тем не менее плавание Стрейдлинга имело удивительное последствие для Дампира. Селкирк все еще находился на борту галеры «Пять портов». Когда судно подошло к одному из островов Хуан-Фернандеса, Стрейдлинг обнаружил, что оставленные им запасы исчезли (как оказалось, их взяли французы). Он обрушился на своего квартирмейстера Селкирка. Тот обиделся и заявил, что останется на острове. Видимо, он надеялся, что Дампир снимет его с острова. Может быть, он опасался плыть на судне, уже сильно подтекавшем. Так или иначе, Селкирк добровольно остался на необитаемом острове.

Что касается Стрейдлинга, то он повел свою галеру к островам Мапелла, где безуспешно пытался найти Дампира. Кончилось дело тем, что судно налетело на скалы, Стрейдлинг со своей командой добрался до пустынного острова, с которого их сняло испанское судно. Они были доставлены в Лиму, где их заковали в кандалы и посадили в тюрьму как пиратов. Через пять лет Стрейдлинга передали французам, которые доставили его в Бретань и тоже заключили в тюрьму. Там он рассказывал тюремщикам всякие басни о спрятанных пиратами сокровищах на одном, только ему известном острове в Южных морях. Эти рассказы дошли до французского морского министра, и тот приказал улучшить тюремный режим для Стрейдлинга и попытаться разузнать у него побольше. Однако Стрейдлинг сумел убежать из тюрьмы. Он перелез через стену, окружавшую тюремное здание, связав простыни.

После ухода галеры «Пять портов» Дампир и его люди оставались в Панамском заливе. Они захватывали небольшие суда и совершали успешные рейды на побережье, никогда не нападая, однако, на важные населенные пункты. Англичане также с удовольствием охотились на крокодилов, которые в то время были для них диковинными животными. «Мы застрелили нескольких, среди них один имел длину 30 футов и был больше крупного

быка,— писал об этой охоте Фаннелл.— Он был покрыт чешуей с головы до хвоста. У него была огромная пасть, полная зубов, и длинные когти на ногах. Это животное, амфибия, живущее как на суше, так и в воде. Когда они лежат на берегу, то напоминают большие поваленные деревья... Они быстро бегают по земле и обладают такой силой, что могут схватить лошадь или корову и унести ее в воду, где пожирают добычу... Индейцы не очень их боятся. Если аллигатор гонится за ними по земле, они бегут, делая круги, и эти огромные создания не в состоянии поворачивать свои громоздкие тела столь же быстро, и поэтому индейцы легко убегают от них. Охотясь на аллигаторов, индейцы идут в воду, вооруженные куском железа наподобие гарпуна, заостренного с обоих концов, поперек которого проделаны две железные пластинки. Они держат эти приспособления в руках и, когда аллигатор раскрывает пасть, чтобы их схватить, всовывают туда кусок железа наподобие кляпа. Аллигаторы кладут яйца почти по сотне штук. Их яйца размером с гусиные, но скорлупа почти такая же толстая, как у страусиных».

Как-то англичане увидели испанский фрегат. Дампир распорядился не преследовать его. Но команда настояла на нападении, не считаясь с волей своего капитана. Он фактически был отстранен от командования кораблем. Его люди вывесили на главной мачте «кровавый флаг» в знак их непреклонной воли к сражению, и корабль быстро пошел на сближение с испанским фрегатом.

Чтобы повысить скорострельность орудий, команда разделилась на две группы. Как сообщает Фаннелл, англичане отвечали 560 выстрелами на 110 вражеских. Всю вторую половину дня длилось ожесточенное сражение, в котором Дампир попрежнему не принимал никакого участия. Наступившая темнота прервала бой. Англичане заделывали пробоины от вражеских снарядов, готовясь с рассветом вновь начать сражение. Но когда взошло солнце, они увидели, что испанский корабль исчез. Дампир восстановил свою власть. Он повел корабль на север, к берегам Мексики, захватив по дороге 10-тонный барк, названный им «Дракон». Командиром барка он назначил Джона Клиппертона.

«Сент-Джордж» дал угрожающую течь, и Дампиру пришлось прервать свой путь. Англичане разбили лагерь на берегу и занялись очисткой и ремонтом корпуса своего судна.

Пока шел ремонт «Сент-Джорджа», Клиппертон отправился на пиратский промысел. Ему удалось захватить корабль водоизмещением 40 тонн. Теперь, став обладателем собственного судна, Клиппертон решил порвать с Дампиром и плыть самостоятельно. 2 сентября 1704 г. Клиппертон очень любезно расстался с Дампиром, но скрыл от него, что забрал с собой все военное снаряжение, имевшееся на борту «Сент-Джорджа», и по крайней мере половину продовольствия. Он захватил и патент, выданный

Дампиру Адмиралтейством. Но когда Клиппертон был уже на спасительном расстоянии от «Сент-Джорджа», он смягчился и отправил Дампиру известие, что весь порох и пули, за исключением трех бочонков, он оставит у индейцев, откуда каноэ с «Сент-Джорджа» вскоре доставило их обратно.

В дальнейшем Клиппертон захватил несколько испанских судов у мексиканских берегов. Затем он пересек Тихий океан и пиратствовал в китайских водах, а после этого пришел в Индию. Там команда разбрелась в разные стороны, а сам Клиппертон вернулся в Англию на голландском корабле.

Тем временем в Акапулько испанцы поджидали манильский галион с грузом китайских товаров. Готовился к встрече с галионом и Дампир. Он был в нетерпении: приближался час исполнения его «великого замысла, главного результата всего плавания». Все 64 члена его команды были вполне здоровы; разочарования и распри последних месяцев были на время забыты.

6 декабря 1704 г. на расстоянии двух лиг показался громадный корабль. Отверстия для орудий были закрыты, так как на борту судна, видимо, не опасались «Сент-Джорджа». Команда испанского корабля полагала, что «Сент-Джордж» — одно из судов, обычно встречавших галионы на последнем участке пути. Для англичан успех дела заключался в том, чтобы настигнуть галион до того, как испанская команда добежит до главных пушек корабля.

«Ясно,— писал Фаннелл,— что если мы дадим им возможность подготовить к бою их огромные орудия, то они, конечно, разнесут нас в щепки и мы потеряем возможность захватить для наших хозяев 8 миллионов фунтов стерлингов». Это была та сумма, которую постоянно называл Дампир в разговорах со своей командой.

Но важнейший элемент — внезапность нападения — был потерян. Когда англичане подошли к галиону на расстояние орудийного выстрела, Дампир приказал поднять английский флаг. Команда начала это оспаривать, кто-то выстрелил. Увидев опасность, испанцы бросились к пушкам и начали стрелять 18- и 24-фунтовыми ядрами, наносившими тяжелые повреждения «Сент-Джорджу». Англичане отвечали выстрелами из своих легких 5-фунтовых пушек, которые не причиняли никакого вреда галиону. Видя, что продолжение боя приведет лишь к гибели корабля, Дампир дал сигнал уходить. Так опять хорошо начатое предприятие окончилось провалом. Дампир правильно выбрал место и время для нанесения главного удара, но, как и раньше, не смог нанести этот удар, подчинить людей своей воле, действовать смело и решительно. Впоследствии Дампир обвинил команду в провале операции. Но это было не так. Виноват был прежде всего он сам. Видимо, у этого опытного навигатора, вдумчивого наблюдателя и исследователя не было настоящих командирских данных, недоставало и личной храбрости.

После этой неудачи отношения капитана с командой стали совершенно невыносимыми. Люди требовали возвращения домой. Но Дампир резонно отвечал, что это практически невозможно, потому что «Сент-Джордж» находится в таком плачевном состоянии, что может затонуть в любой день. Поэтому, чтобы вернуться домой, они должны захватить любое судно. Капитан предложил отложить решение о возвращении на родину на шесть недель.

6 января 1705 г. Дампир приказал всем членам экипажа, которые намереваются продолжать плавание с ним, собраться на палубе. Это выглядело как приглашение к пиратству. Но Уэлб слышал разговор Дампира с Морганом, который спросил капитана, по чьему поручению тот намеревается действовать дальше. «По поручению королевы»,— ответил Дампир. «Но корабль принадлежит частным лицам»,— возразил Морган. «Неважно,— сказал Дампир.— У меня есть патент». Он еще не обнаружил, что Клиппертон украл этот документ.

С Дампиром осталось 27 человек. Остальные, в числе которых были все офицеры и корабельный врач, заявили, что намерены плавать самостоятельно. Это был настоящий заговор, которым руководили Морган, Фаннелл и Уэлб. Поделили продовольствие, четыре из 26 пушек вместе с 25 мушкетами, пистолями и бочонком пороха погрузили на «Дракон», на который всего ушло 35 человек.

«Дракон», покинув мексиканские берега, пересек Тихий океан и подошел к Молуккским островам. Здесь дезертиры были посажены голландцами в тюрьму за пиратство. Они ожидали, что их повесят, но по иронии судьбы голландцы неожиданно всех освободили, узнав, что они служили у Дампира, которого в Голландии почитали как великого навигатора. Большинство англичан было направлено на голландские суда, всегда испытывавшие недостаток в людях при обратном плавании вследствие большой смертности среди матросов. Они вернулись в Европу в августе 1706 г.

Фаннелл по возвращении в Англию пообещал опубликовать свой отчет о плавании. Книга вышла за год до возвращения Дампира под названием «Путешествие вокруг света: отчет об экспедиции капитана Дампира в Южные моря на корабле „Сент-Джордж“ в 1703 и 1704 гг., написанный Уильямом Фаннеллом, помощником капитана Дампира». Предисловие было весьма дипломатичным: «Успех нашей экспедиции был не таким большим, как можно было вначале ожидать, учитывая опытность командира и решительность наших людей: споры и вражда сводили на нет самые обещающие надежды... Описания всех мест южноамериканского побережья, где мы побывали, и многих островов в Южных морях, сделанные раньше капитаном Дампиром, совершенно точны. Что касается его отчетов о ветрах, течениях и т. п., то они великолепны». Тем не менее в отчете Фаннелла содержалась очень сильная критика Дампира.

Оставшись с верной ему частью команды, Дампир благодаря искусству корабельного плотника, с которым в это плавание ему повезло, сумел починить «Сент-Джордж».

Теперь наконец к Дампиру пришла удача. Англичане без труда захватили город Пуну и безжалостно его разграбили. Затем они захватили испанскую бригантину, перешли на нее и перенесли весь груз, а «Сент-Джордж» оставили в Панамском заливе. Свой новый корабль Дампир назвал «Оправдание». На нем он пришел на Яву, где его заключили в тюрьму, так как он не имел патента, который, как уже говорилось, был украден Клиппертоном. Дампиру как-то удалось оправдаться и выйти из тюрьмы. В конце 1707 г. он вернулся на родину, закончив второе кругосветное плавание.

Узнав о книге Фаннелла, Дампир передал в печать свой памфлет под названием «Оправдание Дампиром своего плавания в Южные моря на корабле „Сент-Джордж". На этот раз с небольшими замечаниями по поводу химерического изложения мистером Фаннеллом путешествия вокруг света, хотя оно заслуживает более подробного разбора».

Памфлет Дампира вызвал ответный удар на этот раз со стороны гардемарина Уэлба. Его книга, изданная в 1707 г., носила название «Ответ на оправдание капитана Дампира». В те далекие времена гардемаринами были не юнцы, только что окончившие морскую школу, а зрелые, опытные моряки, которым поручалась серьезная работа на корабле. Уэлб был достаточно образован и наблюдателен, обладал цепкой памятью. Его свидетельства показывали Дампира в весьма невыгодном свете.

Но надо помнить, что и Уэлб, и Фаннелл с самого начала плавания недоброжелательно относились к своему капитану и их оценки тех или иных фактов далеко не всегда объективны.

Возвратившись на родину, Дампир столкнулся и с другой неприятностью: распространился слух о том, что он якобы встречался в таверне «Южный черт» с Морганом и другими дезертирами с «Сент-Джорджа» для дележа захваченной в плавании добычи, которую они укрыли от собственников судна.

Пока «Сент-Джордж» находился в Тихом океане, его главный владелец Томас Эсткорут умер, завещав свою долю молодой племяннице Элизабет, вскоре вышедшей замуж за Ричарда Крессвелла. Слухи эти очень обеспокоили последнего, но он не успел возбудить судебное дело против Дампира, поскольку тот опять ушел в плавание. На этот раз организатором плавания был Томас Голдни, другой бристольский купец, бывший компаньон Томаса Эсткорута.

Ричард Крессвелл заподозрил Голдни в том, что он, сговорившись с Дампиром, использовал на организацию новой экспедиции деньги, полученные во время плавания «Сент-Джорджа». Поэтому, когда Дампир вернулся из нового плавания, Крессвелл возбудил судебное дело, требуя уплаты ему фантастической сум-

мы — 800 тысяч фунтов стерлингов. Голдни отрицал, что использовал какие-либо средства, полученные во время плавания «Сент-Джорджа», и Крессвелл проиграл дело.

ПОСЛЕДНЕЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Войти в долю с Голдни, внесшим около 4 тысяч фунтов стерлингов в новое предприятие, пожелали многие. Среди них были и негоцианты, и юристы, и даже сам олдермен Бристоля Бетчелор. Внес свою долю и доктор медицины Томас Довер. Внесли пай и несколько молодых людей из богатых семей, записавшихся офицерами в предстоящее плавание, хотя до этого на морской службе они никогда не были. Дело в том, что английское правительство, поощряя приватирство, как раз в то время, когда готовилось плавание, приняло специальный акт, который гарантировал бо́льшую долю в захваченной добыче офицерам военно-морского флота, делая морскую службу более привлекательной для представителей высших классов. Королева Анна отказалась от своей доли в награбленном (до этого английская корона получала преимущественную часть пиратской добычи). Этим актом правительство хотело подтолкнуть богатых людей к участию в финансировании пиратских экспедиций. Сама королева практически ничего не теряла, поскольку ее супруг, принц Георг Датский, был первым лордом Адмиралтейства и как таковой получал львиную долю добычи. Узаконенное пиратство было делом доходным. После принятия акта в Англии многие, особенно капитаны военно-морского флота, занятые морским грабежом, который тогда называли «сладким промыслом приватирства», сделали огромные состояния.

Документ о создании предприятия и порядке дележа возможных прибылей от предстоящего плавания был подписан 14 июля 1708 г. На собранные деньги были куплены два судна — «Герцог» и «Герцогиня» — общей стоимостью 2,2 тысячи фунтов стерлингов. «Герцог» (водоизмещением 320 тонн) был вооружен 30 орудиями, «Герцогиня» (260 тонн) — 26 орудиями. Калибр всех пушек был небольшой. В сравнении с манильским галионом оба судна казались маленькими, но это были крепкие, быстроходные, маневренные корабли. Все расходы по снаряжению экспедиции составили 13 тысяч фунтов стерлингов.

Дампир, которому было 56 лет (возраст, считавшийся в то время солидным), был назначен штурманом экспедиции.

Капитаном «Герцога» стал 29-летний потомственный моряк из Бристоля Вудс Роджерс, а капитаном «Герцогини» — Стефан Кортни. Оба они раньше занимались приватирством. Помощником Роджерса был упоминавшийся выше доктор медицины Томас Довер, а помощником Кортни — Эдвард Кук. На обоих кораблях

находилось значительное число младших офицеров. Это было вызвано не потребностями морской службы, тем более что большинство из них никогда до этого в море не выходили, а соображениями другого рода. Во-первых, они защищали интересы судовладельцев во время плавания, принимая участие в заседаниях офицерского совета и являясь членами дисциплинарного суда, разбиравшего служебные нарушения, взаимные обиды и т. д. Во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, они должны были быть опорой капитана в случае мятежа на судне, что в то время было частым явлением в дальних плаваниях.

Капитан Роджерс в отличие от Дампира стал устанавливать жесткую дисциплину еще до выхода судов в море. Команды быстро сообразили, что предстоящее плавание будет не таким, как на других приватирских судах. Поэтому через три дня после того, как корабли покинули Бристоль, больше 40 человек сбежало. Но Роджерса это не беспокоило, он быстро восполнил потерю. В сентябре 1708 г., закончив все приготовления, корабли вышли в открытое море. «Герцог» имел команду из 183 человек, а «Герцогиня» — из 151.

Как показало начало плавания, возмущение команды строгой дисциплиной, установленной Роджерсом, не прекратилось. Группа недовольных пыталась организовать мятеж при подходе кораблей к Канарским островам, как раз тогда, когда Роджерс поздравлял себя с тем, что «теперь все начинает образовываться, хотя были некоторые осложнения, как это обычно бывает у пиратов в начале плавания».

Роджерс на некоторое время отлучился с «Герцога», чтобы обыскать на предмет контрабанды остановленный им шведский корабль. В это время мятежники во главе с боцманом попытались захватить судно. Но офицеры сумели их обезоружить, арестовали десятерых и жестоко выпороли зачинщиков. Команда «Герцогини», которая также была готова восстать, увидев, что произошло на «Герцоге», не сделала этого. Через неделю мятежники, сидевшие под арестом в кандалах, были освобождены. «И все опять стало спокойно»,— замечает в своем журнале Роджерс.

Хотя на кораблях восстановилось спокойствие, офицерский совет решил, так сказать, материально заинтересовать матросов, чтобы предотвратить вспышки возмущения в дальнейшем. Доля матроса в захваченной добыче устанавливалась в 10 фунтов стерлингов, помощника капитана, канонира, боцмана и плотника — 40, штурмана — 80, капитана — 100 фунтов стерлингов, «того, кто первым увидит судно с ценным грузом»,— 30 фунтов стерлингов.

Корабли благополучно пересекли Атлантический океан и сделали остановку у берегов Южной Америки, в Риу-Гранди, на полпути из Рио-де-Жанейро в Монтевидео. Англичане были приветливо встречены португальским губернатором, который пригласил их принять участие в церемонии по случаю дня одного из

католических святых. Это было связано с некоторыми неудобствами для британцев, многие из которых были протестантами. Но тем не менее все они приняли участие в церемонии. Идя во главе процессии, уже сильно подвыпившие, они исполняли протестантские гимны, но португальцы этого не заметили. Когда наиболее знатные из португальцев были приглашены на обед на английские корабли, то они предложили выпить за здоровье римского папы. «Но мы,— записал Роджерс,— чокаясь с ними, провозглашали здоровье архиепископа Кентерберийского и Уильяма Пенна, квакера».

Продолжая плавание к югу, англичане посетили Фолклендские (Мальвинские) острова. Новый, 1709 год англичане праздновали у мыса Горн, плавание мимо которого Дампир всегда предпочитал проходу через узкий и сложный для навигации Магелланов пролив. «По случаю праздника,— писал Роджерс,— я выставил на палубу большую бочку с горячим пуншем, из которой каждый человек на борту мог выпить около пинты, и мы пили за здоровье наших хозяев и друзей в Великобритании, за Новый год, за удачное плавание и возвращение на родину. Мы прошли мимо второго нашего судна, прокричав троекратное „Ура!“, что его экипажу очень понравилось».

Но вскоре англичане испытали капризы погоды, типичные для этого района. Начался сильнейший шторм. Казалось, что огромные волны захлестнут маленькие суда. Корабли отнесло к югу примерно до 63° ю. ш. Когда шторм кончился, англичане пошли на север к островам Хуан-Фернандес. Хотя Дампир был хорошо знаком с расположением островов, но всякий раз с трудом отыскивал их из-за того, что не была точно обозначена широта, на которой они находились. Наконец 1 февраля корабли вошли в залив Шарк; к своему великому удивлению, англичане увидели дым на берегу. Довер и лейтенант Фрей были посланы на пиннасе проверить, не испанцы ли обосновались на острове. Они вернулись с человеком в козьей шкуре, более дикого вида, чем аборигены тех мест. Но Дампир сразу же узнал в этом человеке Александра Селкирка, которого почти четыре года назад высадил на острове капитан Стрейдлинг. Дампир сказал Роджерсу, что Селкирк был лучшим моряком на борту галеры «Пять портов», и после такой рекомендации он был зачислен офицером в экипаж «Герцога». В дальнейшем Селкирк вполне оправдал лестную характеристику, данную ему Дампиром.

Когда Селкирк появился на борту «Герцога», то оказалось, что он почти забыл родной язык и едва мог объясняться с соотечественниками, почти не понимавшими его речь. Постепенно Селкирк рассказал о своей одинокой жизни на острове. Особенно тяжело ему пришлось в первые месяцы. Он построил две хижины, в одной из которых жил, а другую использовал как кухню. Питался Селкирк козьим мясом, раками, фруктами. Вскоре одежда и обувь его пришли в полную негодность из-за постоянных

хождений по лесу и ползания по горам в поисках пропитания. Единственным развлечением было чтение Библии и пение псалмов, так что, по словам Селкирка, «он стал лучшим христианином, чем был раньше».

Во время этого плавания команда болела, по тогдашним понятиям, очень мало. Тем не менее отмечено 50 случаев заболевания цингой, из которых два — со смертельным исходом.

Покинув острова Хуан-Фернандес, корабли подошли к островам Лобос с намерением напасть на Гуаякиль, в то время второй по величине город Эквадора. В этом видно влияние Дампира, который всю жизнь мечтал о двух вещах: разграбить богатый город и захватить манильский галион. С лучшими кораблями и командами, чем в предшествовавшие плавания, Дампир надеялся осуществить наконец свою мечту. В пути англичане захватили два небольших испанских судна, которые они переименовали в «Начало» и «Прибавление». Командиром последнего был назначен Селкирк. Затем был захвачен французский корабль водоизмещением 260 тонн, названный «Маркиз». Командиром его стал Эдвард Кук.

Для поощрения команды офицерский совет кораблей принял решение относительно той части добычи, которую было «легко разделить». Совет объявил, что немедленному разделу между членами экипажей, не дожидаясь возвращения на родину, подлежат «все виды постельных принадлежностей, одежды, предметов личного употребления, золотые кольца, пуговицы, пряжки, вино и продовольствие... все виды распятий, сделанные из серебра или золота, золотые и серебряные часы, а также любое другое легко делимое имущество, найденное у пленников; брильянты и драгоценные камни строго исключаются из раздела». В свою очередь, совет потребовал, чтобы ему было предоставлено право наказывать членов экипажей кораблей за пьянство или «такое подлое варварство, как дебош с пленными на берегу». Были назначены «ответственные за добычу», среди них Симон Хейтли, который стал командиром одного из захваченных испанских судов. Во время плавания к Гуаякилю он потерял связь с другими кораблями и через некоторое время был взят в плен испанцами и посажен в тюрьму в Лиме. Там он встретил капитана Стрейдлинга и его экипаж, которые, как было сказано выше, попали в плен к испанцам почти пять лет назад. Хейтли как-то умудрился передать письмо к бристольским купцам, в котором описывал свои мучения в испанском плену. Хейтли писал, что все пленные подвергались жестоким пыткам с целью заставить их перейти в католичество и некоторые из них, не выдержав, переменили веру. Но все остальные «решили остаться в своей вере, даже если это будет стоить им жизни».

В конце войны за испанское наследство Хейтли был освобожден из тюрьмы и, прибыв в Англию, опять занялся приватирством, жестоко мстя испанцам за свой плен.

В апреле 1709 г. корабли Роджерса подошли к Гуаякилю. Дампир рассказал офицерам, что этот город, подобно Бристолю, расположен далеко вверх по эстуарию, вход в который защищает остров Пуна. Дампиру было поручено командовать арьергардом, задачей которого было прервать связь населения острова с побережьем, чтобы там не узнали о появлении англичан. А в это время штурмующая группа во главе с Роджерсом, Довером и Кортни должна была на лодках подойти к городу. Дампиру же поручалось держать своих людей наготове и в случае необходимости поддержать нападение на Гуаякиль. Офицеры, посланные ночью в разведку на берег, услышали, как один испанец говорил другому, что пришла почта из Лимы, где было предупреждение о возможном нападении на город. Более того, в почте находилось письмо, адресованное местному губернатору, в котором сообщалось, что известный Дампир опять появился в этих водах как штурман приватирской эскадры. Роджерс, решив напугать испанцев, послал губернатору поддельное письмо с сообщением, что эскадра приватиров состоит из семи судов, вооруженных 74 пушками, под командованием англичанина по фамилии Дампир. «Бог да сохранит Вас, ваше превосходительство»,— так заканчивалось послание.

Англичан ждала другая неприятность. Перед атакой они лежали в лодках в болотистых мангровых зарослях, изнуряемые москитами, и вдруг там, где предполагалось высадиться на рассвете, они увидели свет сигнальных факелов. Англичане слышали голоса испанских солдат, переговаривающихся в близлежащем лесу, звон колоколов в городе и одиночные выстрелы в той части города, которая подходила к воде. Англичане принялись горячо обсуждать, что делать дальше. Дампир сказал, что буканьеры в таких случаях обычно отступают. Роджерс предложил компромиссное решение — отступить на лодках, используя отлив, с тем чтобы назавтра снова попытаться напасть на город.

Утром следующего дня опять состоялся военный совет. Довер предложил послать трубача с белым флагом, чтобы тот предложил испанцам купить за наличные деньги пленных и захваченные товары и заявил бы, что в случае отказа на город будет совершено нападение. Роджерс возразил, что такие переговоры лишь дадут врагу время перегруппировать силы и лучше подготовиться к отражению нападения. Но многие поддержали план Довера и предложили ему самому выполнить эту миссию. Довер отказывался. Спор затягивался, грозя провалить намеченное предприятие. Тогда Роджерс предложил вместо трубача послать двух испанцев из команды захваченных кораблей. Все согласились. И вместо неожиданной атаки на город начались двенадцатидневные переговоры с испанцами на чисто коммерческой основе.

Губернатор начал с подарка, передав англичанам муку, кур и вино. Он согласился прибыть на борт английского корабля на следующий день, но не сдержал своего слова. Англичане при-

грозили сжечь город, если губернатор не придет. Размер выкупа, добавили они, должен быть не менее 100 тысяч фунтов стерлингов. Губернатор сначала предложил 80 тысяч, потом 60 тысяч. Роджерс настаивал, чтобы было выплачено 80 тысяч фунтов стерлингов.

Переговоры затягивались, и Роджерс решил атаковать город. Пушки, установленные на носу лодок, открыли огонь, в то время как Роджерс, Довер и Кортни во главе отряда из 70 человек высаживались на берег. Англичане после ожесточенной перестрелки захватили всю береговую линию и вышли на окраину города. На одной из улиц у церкви они увидели четыре пушки, наведенные на них. Роджерс с группой из десяти человек бросился на орудийную прислугу. Испанцы были перебиты, орудия достались англичанам. К группе Роджерса вскоре присоединились другие. Они начали захват города, а Дампир с небольшим отрядом защищал подходы к лодкам. К утру англичане овладели пригородом и начали погром: взламывали двери церквей и уносили оттуда дорогую утварь, грабили магазины и жилые дома. От разрушения города англичане пока воздерживались, полагая, что теперь-то губернатор даст им требуемую сумму. В ходе дальнейших переговоров размер выкупа был уменьшен до 60 тысяч фунтов стерлингов при условии, что награбленное англичанами, а именно: 230 мешков муки, 15 бочонков масла, 160 бочонков вина, 4 бочонка пороха, 1 тонна дегтя, 150 тюков различных товаров и драгоценности на сумму около 1,2 тысячи фунтов стерлингов, останется у них.

Губернатор согласился, и 28 апреля англичане ушли из города, увезя захваченную добычу на лодках. Деньги губернатор обещал прислать позднее в обмен на испанцев, взятых в плен в городе. Через неделю к Пуне подошла лодка, на которой было доставлено 44 тысячи фунтов стерлингов. После угрозы англичан увезти с собой в Англию пленных губернатор прислал еще 7 тысяч. Тогда Роджерс освободил испанцев.

Вскоре после того как английские корабли исчезли в открытом океане, за ними по распоряжению вице-короля Перу была послана погоня: три испанских и одно французское судно. Но они не сумели найти англичан.

Англичане тяжело расплачивались за свой успех в Гуаякиле. В городе, как оказалось, свирепствовала эпидемия какой-то тяжелой болезни. Роджерс в своих записях называет ее злокачественной лихорадкой, а Довер — чумой. Англичане заразились, и на пути к Галапагосским островам, куда направились их корабли, число больных доходило до 150 человек. Роджерс, излечившись от болезни пуншем, распорядился всех других больных лечить тем же способом.

Дав отдохнуть командам и пополнив запасы продовольствия и питьевой воды на Галапагосских островах, Роджерс направил корабли к другой излюбленной базе буканьеров — к острову Гор-

гона. Там англичане отпустили на берег 72 оставшихся у них пленных из команд захваченных испанских судов и распродали часть награбленных товаров. Тут же была произведена раздача «легко делимой добычи» в соответствии с правилами, установленными офицерским советом кораблей. Каждый получил свою долю колец, пряжек, пуговиц, цепочек, одежды, шпаг с серебряными рукоятками и т. п. Но раздача добычи не способствовала укреплению дружественных отношений между членами экипажей, более того, она привела к серьезным раздорам не только между офицерами и матросами, но и между самими офицерами. Так, Довер был очень недоволен размером полученного. Роджерсу пришлось даже перевести его на корабль Кортни. 60 человек подписали петицию с требованием увеличить их долю добычи. На кораблях назревал мятеж. Роджерсу пришлось арестовать четырех человек. Он собрал всех людей на палубе и потребовал, чтобы они отказались от мятежных действий. Добившись соответствующих заверений, он выпустил арестованных и объявил, что сокращает долю офицеров в награбленном имуществе и лично отказывается от той добычи, которая была найдена в каютах захваченных кораблей, что всегда считалось «законной» собственностью капитанов приватирских кораблей. «Чтобы сохранить надлежащую дисциплину,— писал Роджерс,— мы дали команде впечатляющий пример того, как надо подчинять свои интересы общим, даже неся при этом потери».

Установив порядок на кораблях, решили приступить к дальнейшим операциям. Дампир убедил Роджерса идти на поиски манильского галиона, поскольку первая из его навязчивых идей — разграбление города — была реализована. Дампир советовал идти к мысу Корриентес и там поджидать галион, идущий к Акапулько. По его подсчетам, корабль должен был появиться через месяц.

Английские корабли подошли к Калифорнийскому заливу и стали на якорь. Однако, увидев эти пустынные берега, англичане поняли, что в течение месяца им здесь не прокормиться. Действительно, вскоре люди начали страдать от голода. 21 декабря 1709 г. «Герцог» и «Герцогиня» вышли в море, а «Маркиз» остался. Англичане страстно желали встретить манильский галион.

«К нашей огромной радости и удивлению,— писал Роджерс,— около 9 часов матрос, находившийся на верхушке мачты, закричал, что видит парус на юго-западе от нас примерно на расстоянии семи лиг. Мы немедленно подняли наш флаг и бросились за ним. На „Герцогине" сделали то же самое. Но ветер стих, и я распорядился послать пиннасу с вооруженными людьми за „Маркизом"».

На следующий день, подойдя ближе к неизвестному кораблю, англичане увидели, что это был не галион, а французский фрегат с 40 пушками. Английским судам долго не удавалось прибли-

зиться к французскому кораблю, чтобы атаковать его. Наконец «Герцог» подошел к фрегату с одного борта, а «Герцогиня» — с другого, и после ожесточенной схватки его удалось захватить. Команда фрегата насчитывала 193 человека, девять из них были убиты в бою. Англичане потеряли 20 человек. Сам Роджерс был тяжело ранен. Пуля попала ему в челюсть, и ее потом не могли извлечь в течение нескольких месяцев. Рана сильно беспокоила Роджерса на протяжении всего дальнейшего плавания. Он перестал говорить, боясь, что кусок раздробленной челюсти попадет в горло. Все свои распоряжения он писал на бумаге.

Но добыча была богатой. Оказалось, что фрегат сопровождал галион и лишь несколько недель назад покинул его. Поскольку фрегат уже заканчивал плавание, продовольствия на нем почти не оставалось, и англичане не могли в этом смысле ничем поживиться.

«Герцог», «Герцогиня» и присоединившийся к ним «Маркиз» продолжали крейсировать в районе Акапулько, поджидая испанский галион. 26 декабря с «Маркиза» увидели огромный корабль водоизмещением около 900 тонн. «Маркиз» дал сигнал двум другим судам и, не дожидаясь, пока они подойдут, храбро напал на галион. С «Маркиза» было сделано 350 выстрелов, израсходовано девять бочонков пороха, но галиону не был нанесен сколько-нибудь серьезный ущерб. Сам же «Маркиз» пострадал весьма основательно.

На следующее утро подошли «Герцог» и «Герцогиня»; испанцы опять оказали англичанам ожесточенное сопротивление. Команда 60-пушечного галиона, насчитывавшая 450 человек, на одну треть состояла из европейцев, причем многие из них были в прошлом пиратами. В течение всего сражения, которое продолжалось 7 часов, англичанам никак не удавалось подойти к борту галиона, чтобы взять его на абордаж. Ядра небольших пушек английских кораблей не причиняли вреда этому морскому великану. Роджерс был опять ранен: осколок раздробил ему лодыжку. Потеряв около 20 человек убитыми, Роджерс и Кортни решили прервать сражение. Они не могли больше рисковать людьми и кораблями, находясь в местах, где невозможно было ни восстановить людские потери, ни починить суда. Поэтому они позволили галиону продолжать свой путь, а сами занялись более приятным делом — подробным осмотром груза, захваченного на французском фрегате, который они сразу же переименовали в «Бетчелор» в честь бристольского олдермена. В трюме корабля оказались и китайские шелка, и камчатное полотно, и тафта — ткани, почти неизвестные в Англии в то время, а также китайский фарфор, большое количество мускуса, корицы, гвоздики, раскрашенных китайских вееров. Да и сам этот корабль, прочный и надежный, был счастливым приобретением для англичан накануне их обратного плавания. Именно на нем и на «Маркизе» англичане предполагали вернуться на родину. Команду фрегата они

отпустили на берег с условием, что французы дадут им выкуп за каждого.

Встал вопрос, кого назначить капитаном захваченного французского фрегата. Этого места начал добиваться Довер, что привело Роджерса в великое негодование. Его возмущала сама возможность видеть этого совершенно некомпетентного в морском деле человека в роли командира прекрасного судна. Тяжелораненый Роджерс лежал в своей каюте на «Герцоге» и не мог присутствовать на офицерском совете, обсуждавшем вопрос о капитане «Бетчелора». Между тем совет большинством голосов высказался в пользу Довера. Когда Роджерс узнал об этом, то написал письменный протест от имени офицеров «Герцога», которым, собственно говоря, принадлежала честь захвата французского фрегата. В этом документе говорилось, в частности, следующее: «В целях предотвращения самовольного отстранения капитана Довера командой корабля, хотя он совершенно не способен выполнять свои обязанности, мы заявляем официальный протест против... передачи корабля этому некомпетентному командиру, ибо заинтересованы в сохранении мира и спокойствия на борту и считаем себя ответственными за тот ущерб, который может быть нанесен. Этот наш официальный протест мы собственноручно подписали на борту корабля „Герцог", стоящего на якоре у Калифорнии, 9 января 1710 г.».

Протест не повлиял на решение офицерского совета. Довер стал капитаном «Бетчелора».

12 января 1710 г. все четыре корабля — «Герцог», «Герцогиня», «Маркиз» и «Бетчелор» — отправились в плавание через Тихий океан, наметив стоянку на острове Гуам. Дампир был единственным из команды, кто имел опыт такого плавания. Поэтому его советы оказались весьма ценными. С его помощью рассчитали количество продовольствия и питьевой воды, необходимое для этого перехода. По его расчетам, корабли должны были достичь Гуама за 60—70 дней. В действительности англичане пришли к острову за 69 дней, преодолевая за сутки минимум 41, максимум 168 миль. Плавание проходило спокойно, без каких-либо инцидентов на кораблях. Роджерс, умевший держать людей в крепкой узде, в то же время понимал, что надо давать им некоторую разрядку в трудном, монотонном плавании. В день святой Валентины он распорядился раздать вино, чтобы люди пили, провозглашая по старым морским традициям тосты за здоровье возлюбленных и жен. «Я составил список прекрасных дам Бристоля,— писал Роджерс,— которые в той или иной степени имели отношение к членам экипажей наших кораблей, и послал его моим офицерам в каюты, где каждый, читая его, пил за здоровье дам и их благополучие. Таким образом я обращал их мысли к дому».

11 марта 1710 г. англичане высадились на Гуаме.

Как и при первом посещении острова Дампиром, испанские власти встретили англичан любезно. Это объяснялось, во-первых,

тем, что Гуам, расположенный на главном морском пути через Тихий океан, традиционно служил своеобразной гостиницей для экипажей кораблей всех стран, а во-вторых, тем, что испанский гарнизон там не был настолько сильным, чтобы не бояться ярости наголодавшихся и утомленных матросов в случае отказа дать пищу и кров. Роджерс еще был болен и не сошел на берег, но его офицеры получили у испанцев продовольствие, необходимое для дальнейшего плавания.

Покинув Гуам, англичане направились к Яве. Голландцы приняли их весьма радушно, поскольку Англия была союзницей Голландии. Англичане пробыли на Яве три месяца, ибо их корабли требовали серьезного ремонта. «Маркиз» был продан. Там же был произведен предварительный раздел награбленного. На долю Дампира пришлось 400 фунтов стерлингов, в то время как Довер получил 4 тысячи фунтов стерлингов.

Покинув Яву, корабли пошли к мысу Доброй Надежды, где простояли довольно долго, дожидаясь подхода конвоирующих судов, английских или голландских. В военное время было опасно плыть без сопровождения. Далее путь Роджерса и его спутников шел мимо островов Святой Елены и Вознесения к берегам Англии. 14 октября 1711 г., через три года и два месяца после начала плавания, корабли вошли в Темзу. Дампиру было уже около 60 лет.

Современники считали, что плавание было весьма удачным. В Англии распространились слухи, что Роджерсу удалось захватить галион с огромными богатствами. Поэтому, как только корабли появились в европейских водах, внимание правительственных и деловых кругов Англии было обращено на них. Когда 24 июля 1711 г. корабли прибыли в Амстердам, там уже находились представитель государственного казначейства, представители Ост-Индской компании и бристольских собственников судов. Дело в том, что Ост-Индская компания собиралась наложить арест на суда, как только они войдут в британские воды, на том основании, что лишь она имеет право на перевозку грузов из районов Индийского океана. Представителей же бристольских владельцев кораблей привела в Амстердам боязнь того, что Ост-Индская компания под предлогом своих монопольных прав на перевозку грузов из Индийского океана постарается захватить если не весь груз, то, во всяком случае, наиболее ценную его часть. Представитель же правительства прибыл в Голландию для того, чтобы обеспечить безопасность доставки в Лондон груза, о ценности которого в Англии ходили фантастические слухи. Представители Ост-Индской компании сумели создать такую волокиту с разбором взаимных претензий, что корабли Роджерса простояли в Амстердаме около трех месяцев. Переход через Ла-Манш был в ту пору очень опасным вследствие активных действий французских приватиров из Дюнкерка. Поэтому по распоряжению правительства в Амстердам были посланы три корабля британского

военно-морского флота, чтобы сопровождать суда Роджерса к английским берегам. Никогда еще английские приватиры не удостаивались такой чести.

Когда наконец корабли добрались до Англии, началась длительная тяжба из-за награбленных богатств. В результате бристольским владельцам судов удалось добиться получения груза, уплатив, правда, определенные суммы денег и правительству и Ост-Индской компании. В ходе споров было установлено, что никаких необыкновенных богатств захвачено не было. Вместо ожидаемого миллиона фунтов стерлингов после продажи груза было получено 147 975 фунтов, 12 шиллингов и 4 пенса. На долю Дампира пришлось всего полторы тысячи фунтов стерлингов.

Через год после возвращения Роджерса в Англию вышли в свет — одна за другой — две книги об этом плавании. Первой была опубликована книга, написанная Куком, а через несколько месяцев после нее — книга Роджерса «Путешествие вокруг света», имевшая огромный успех. Дампир счел нецелесообразным писать свою книгу о плавании при наличии на книжном рынке двух других. Он поселился на Колмен-стрит в Лондоне. Его приятельские отношения с Роджерсом продолжались. Дампир ввел его в круг своих знакомых, в частности познакомил со Слоаном.

У Роджерса, еще молодого человека, впереди был долгий жизненный путь, оказавшийся если не счастливым, то, во всяком случае, примечательным. Когда кончилась война за испанское наследство, Роджерс предложил свои услуги по борьбе с пиратством в водах Мадагаскара. Он даже разработал проект создания британской колонии в Южной Африке, который, правда, никогда не был осуществлен. Правительство назначило Роджерса губернатором Багамских островов, приказав ему уничтожить пиратские гнезда на острове Провидения. Роджерс выполнил эту задачу с присущей ему твердостью и целеустремленностью. Часть пиратов он повесил, другие разбежались. Сдавшимся пиратам было предложено начать «честную» жизнь. Но даже энергия Роджерса не смогла превратить морских разбойников в добропорядочных колонистов. Роджерс вернулся в Англию полный разочарований и совершенно без средств, так что одно время сидел даже в долговой тюрьме. Там его, между прочим, посетил Даниель Дефо и долго расспрашивал о знаменитых пиратах. Возможно, что именно Дефо является действительным автором нашумевшей книги «Общая история разбоя и убийств, совершенных наиболее известными пиратами», хотя на титуле значится капитан Джонсон, о котором никто никогда ничего не слышал. Позднее Роджерс был вновь послан губернатором на Багамские острова и умер там в 1732 г.

Наибольшую известность из всех спутников Дампира в последнем плавании приобрел Александр Селкирк, став прототипом одного из наиболее известных в мировой литературе героев. Его судьба после завершения кругосветного плавания была обычной

для моряка. Он продолжал плавать и умер у берегов Африки в 1721 г., будучи помощником капитана военного корабля.

В Бристоле по возвращении из плавания Селкирк встретил журналиста Ричарда Стила и рассказал ему о четырехлетней жизни на необитаемом острове. Стил посвятил несколько номеров своего журнала «Инглишмен» изложению услышанной истории. Но это была просто запись рассказа Селкирка. А в 1719 г. появилась книга под названием «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет на необитаемом острове близ устья реки Ориноко, куда был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим». Действительный автор книги указан не был. Это была знаменитая книга Д. Дефо, вошедшая в золотой фонд всемирной литературы. В основе ее лежит реальная история жизни Александра Селкирка на одном из островов Хуан-Фернандеса.

Дампир прожил после возвращения из кругосветного плавания три года. Он вел одинокую жизнь. Ухаживала за ним его кузина Грейс Мерсер. Умер Дампир в марте 1715 г. Кузине и брату Джорджу Дампир завещал все свое имущество — небольшой земельный участок. Но впоследствии оказалось, что наследникам нечего было получать, поскольку за Дампиром после его смерти остались долги — 2 тысячи фунтов стерлингов.

Так незаметно ушел из жизни один из тех людей, деятельность которых способствовала созданию огромной Британской империи, распространившейся так широко на планете за последние два столетия, что во владениях ее «никогда не заходило солнце», и сокрушенной совсем недавно.

ЛЮБОВЬ И ДОЛГ

МОРЕ ЗОВЕТ

У кафедрального собора святого Павла в Мельбурне высится памятник: молодой британский морской офицер в форме конца XVIII столетия стоит на носу шлюпки. Красивое его лицо серьезно, пожалуй, даже хмуро, левая рука сжимает эфес шпаги. «Капитан Мэтью Флиндерс»,— гласит надпись на монументе. Всякого, кто побывал в Австралии, поражает, как часто встречается это имя в названиях городов, улиц, железнодорожных станций, учебных заведений, бухт, мысов, рифов, островов, лесных заповедников, горных цепей, кораблей, самолетов, поездов, маяков. В стране воздвигнуто немало памятников Флиндерсу, его изображают на денежных знаках, ему посвящены мемориальные доски. Нет австралийца, который бы не слышал имени этого человека и не мог хоть что-нибудь о нем рассказать.

Мэтью Флиндерс, пожалуй, самая популярная на пятом континенте историческая личность. Все знают о значении его плаваний и исследований, но мало кому известно, как трудно сложилась его жизнь, как сильно он любил и как сильно страдал, сколько разочарований выпало на его долю. Он не завершил дела своей жизни — изучения Австралии. Через всю жизнь он пронес любовь к женщине, с которой смог соединиться лишь в преддверии смерти. Злая судьба преследовала Флиндерса и после смерти: его могила не сохранилась, она была уничтожена еще в середине XIX в. Об этом узнали в Австралии почти через столетие.

Мэтью Флиндерс родился 16 марта 1774 г. в городе Донингтоне в Линкольншире, на восточном побережье Англии. Его отец, тоже Мэтью, и дед Джон были врачами. Вообще семейство Флиндерсов было, можно сказать, сухопутным. Лишь один из братьев отца — Джон — служил в королевском флоте. Мэтью был старшим из семи детей. Детские годы его прошли в Донингтоне, который в те времена насчитывал едва ли тысячу жителей. Свое образование будущий мореплаватель начал в Донингтонской свободной школе, основанной в 1718 г., а когда ему исполнилось 12 лет, он перешел в Горблингскую грамматическую школу, находившуюся в шести милях от Донингтона, где проучился еще три года.

Доктор Мэтью был уверен, что дальнейшая жизнь младшего Мэтью пойдет по привычному для Флиндерсов руслу: он будет

изучать медицину и, как старший сын, со временем займет его место в Донингтоне.

Но произошло непредвиденное. Мэтью попалась на глаза книга Д. Дефо «Робинзон Крузо». В том, что он познакомился с ней, не было ничего удивительного: книга стала очень популярной сразу же после издания в 1719 г. и имелась во многих английских семьях. Неожиданной была реакция Мэтью, прочитавшего замечательное произведение Дефо: он раз и навсегда решил стать моряком.

Незадолго до смерти Флиндерс, отвечая на вопросы редактора журнала «Морская хроника», писал, что решение идти в море возникло у него после чтения «Робинзона Крузо». Но, видимо, дело было не только в этом. Скорее всего решение Мэтью созревало постепенно. Ведь он жил у моря. В Бостоне, в десяти милях к юго-западу от которого расположен Донингтон, Мэтью видел корабли, подымавшиеся по Уитхэм-Ривер почти до центра города. В самом Донингтоне изготовляли корабельные канаты. Из окна мансарды трехэтажного родительского дома Мэтью часто наблюдал, как мощные восточные ветры гонят серые волны залива Уош далеко в глубь суши, как соленая морская вода заливает окрестные равнины. Такая обстановка располагала к размышлениям о море. Знакомство с книгой «Робинзон Крузо» было последним толчком.

Родные и друзья убеждали Мэтью отказаться от его намерения. Отец и вовсе не хотел слышать о затее сына. Юноша искал сочувствия у дяди Джона, единственного моряка в их родне. Но и тот не поддержал его. Джона Флиндерса угнетало медленное продвижение по службе. «Ты никогда не сможешь стать капитаном корабля,— с горечью говорил он,— если у тебя не будет могущественной поддержки. Посмотри на меня. После одиннадцати лет службы я — младший офицер и останусь им до самой смерти. Да и смерти, которая ждет меня, я не пожелаю никому: либо я буду разорван на куски вражеским ядром, либо сброшен в морскую пучину на корм рыбам. Нет уж, оставайся дома и изучай медицину, как велит тебе отец».

Но Мэтью твердо стоял на своем. Тогда дядя Джон открыл свой морской сундучок и вынул оттуда две книги. Это были «Элементы навигации» Робертсона и «Принципы тригонометрии» Мура. Советуя племяннику прочитать их, Джон Флиндерс надеялся, что чтение сухих и сложных книг отобьет у него охоту стать моряком. Но Мэтью всерьез занялся изучением навигации и математики и уже через год был достаточно подготовлен к морской службе.

В те времена для поступления молодого человека на службу в королевский флот требовалась рекомендация какого-нибудь старшего офицера. Это обстоятельство ставило, казалось бы, непреодолимое препятствие на пути Мэтью к морской службе, ибо ему не от кого было получить такой документ.

Но совершенно неожиданно роль доброй феи сыграла кузина Мэтью — Генриэтта, служившая гувернанткой в семье капитана Томаса Пэсли, который командовал тогда военным судном «Сципион». Она рассказала капитану о Мэтью, и тот пригласил юношу в свой загородный дом в Редклиффе недалеко от Ноттингема.

Это произошло летом 1789 г. Томас Пэсли долго разговаривал с Мэтью. Ему понравился этот серьезный молодой человек, страстно желавший стать моряком и самостоятельно приобретший необходимые для этого знания.

Вернувшись домой, Мэтью стал ждать сообщений от капитана Пэсли. Однажды вечером, когда Мэтью уже лежал в постели, в его комнату вошла Генриэтта и плотно закрыла за собой дверь.

— Пришло письмо от капитана Пэсли,— заговорщически улыбаясь, сказала кузина,— оно у отца на столе. Это может означать лишь одно — тебя вызывают на службу. Теперь ты должен переговорить с отцом.

— Но он запретил мне говорить о море,— ответил Мэтью.— Отец сейчас у себя?

— Нет, уехал в Сибси. Он написал об этом на доске у своей двери.

— Прекрасно, Генриэтта. Я нашел выход. Отец запретил мне говорить о море, но не запретил писать об этом. Я напишу ему там же, на доске.

Трижды Мэтью подходил к грифельной доске у двери в комнату отца, что-то писал на ней, тут же стирал и вновь писал. Наконец на доске появилась короткая фраза: «Дорогой отец, я обещаю, что ты еще будешь мною гордиться, если разрешишь мне уйти в море».

Мэтью с нетерпением ожидал разговора с отцом, но тот не начинал его. Юноше казалось, что дни текут мучительно медленно. Наступила осень, возобновились занятия в школе. Мэтью не знал, что и думать. В конце октября, когда он уже потерял надежду на разговор с отцом, старший Мэтью позвал его к себе. Когда сын вошел, отец протянул ему конверт с тяжелой печатью военно-морского ведомства. Конверт был вскрыт. Внутри его находилась короткая записка, в которой сообщалось, что Мэтью Флиндерс, пятнадцати лет, из Донингтона в Линкольншире, назначается в качестве слуги капитана на военный корабль «Осторожный», находившийся в Чатеме.

Мэтью онемел от неожиданности.

— Садись, Мэт,— сказал, улыбаясь, отец.— Я возражал против твоего поступления на морскую службу по двум причинам. Во-первых, я хотел, чтобы ты избрал профессию, в которой я мог бы быть твоим руководителем. Во-вторых, я не хотел, чтобы ты бессмысленно болтался по свету в дурной компании, подвергаясь опасности. Но с тех пор как капитан Пэсли стал твоим другом, мое мнение изменилось. Капитан пишет мне, что имеет

возможность взять тебя к себе или, во всяком случае, следить за тобой и помогать тебе в продвижении по службе.

Растроганный сын не знал, как и благодарить отца.

— Мне очень тяжело, отец, что я разочаровал тебя, не став доктором.

— Ничего. У меня есть еще сын. Я верю, что Сэмюэл пойдет по моим стопам.

Этот памятный для Мэтью разговор произошел 23 октября 1789 г.

На следующее утро весь Донингтон знал о том, что Мэтью Флиндерс-младший уходит в море. Мэтью заказал морскую форму. Когда она была готова, он отправился делать визиты, надев белые бриджи, белый жилет и голубой мундир со стоячим воротником. Прежде всего Мэтью зашел в дом своего приятеля Джорджа Басса. Но не застал его. Джордж, сдав предварительные экзамены, уехал в Линкольн для продолжения образования.

«Осторожный», на котором начал свою морскую службу Мэтью Флиндерс, был учебным кораблем. Он никогда не покидал чатемской гавани. На нем Флиндерс познакомился с начальными элементами морской службы, непосредственно столкнулся с неприятными ее сторонами: теснотой помещений, плохим питанием, зловонием гниющего дерева. Он учился искусству оснащения судна. В те времена это было весьма сложным делом.

Через семь месяцев, 17 мая 1790 г., Пэсли перевел Флиндерса на свой корабль «Сципион». На нем Мэтью впервые вышел в море. Вскоре Пэсли был назначен капитаном «Беллерофона». Мэтью он взял с собой. Хотя Флиндерс и провел на борту «Беллерофона» почти год, ему не удалось побывать в настоящем плавании. Судно крейсировало у английских берегов. Наконец Пэсли решил предоставить Мэтью полную самостоятельность. 14 апреля 1791 г. Флиндерс перешел на судно «Диктатор», а затем, менее чем через месяц, был назначен гардемарином на корабль «Провидение». На этом судне ему суждено было совершить первое серьезное путешествие.

Корабль готовился к плаванию в Южные моря. Основной целью экспедиции был перевоз хлебного дерева с Таити на Ямайку, но наряду с этим предполагалось определить лучший маршрут для британских судов, которые в будущем, возможно, станут проходить через Торресов пролив.

Доставить хлебное дерево на Ямайку просили британские колонисты в Вест-Индии, которые пытались найти наиболее дешевые виды питания для рабов, трудившихся на их плантациях. Еще Дампир во время своих скитаний по морям и океанам отмечал полезные свойства хлебного дерева. «Хлебный плод, как мы его называем, растет на дереве, таком большом и высоком, как наши самые большие яблони... Плоды растут на ветках подобно яблокам... Туземцы приготовляют из них хлеб. Они собирают вызревшие полностью плоды, которые кладутся в печи и пе-

кутся там, пока не покроются черной коркой. Тогда туземцы счищают большую часть корки, оставляя лишь мягкий тонкий слой, прикрывающий белую мякоть... В ней нет никаких семечек или косточек, вся она такая же чистая субстанция, как и хлеб. Она должна съедаться немедленно, ибо примерно через двадцать четыре часа черствеет и становится несъедобной».

Джеймс Кук также указывал, что плоды хлебного дерева — весьма питательная пища. Кстати, в судовом журнале, который Кук вел во время последнего, третьего плавания, он с большой похвалой отзывается об одном из своих младших офицеров, Уильяме Блае, способном, образованном моряке. По-видимому, Блай под руководством Кука не только усовершенствовался в навигации и картографии, но и приобрел немалые сведения в естественных науках, в том числе в ботанике, что пригодилось ему в будущем. Его дядя был влиятельным человеком в вест-индских колониях Великобритании. И когда плантаторы в Вест-Индии, поддержанные Джозефом Бэнксом, известным ученым-натуралистом, президентом Королевского общества, принимавшим в свое время участие в плаваниях Кука, попросили правительство организовать экспедицию для доставки хлебного дерева в Вест-Индию, то Блай был назначен руководителем этой экспедиции. Он отправился в плавание на корабле «Щедрость» в августе 1787 г. И это плавание было действительно «щедрым» на драматические события. В апреле 1789 г. во время перехода от Таити до Ямайки на судне вспыхнул матросский бунт. Мятежники посадили Блая, его офицеров и часть матросов, оставшихся верными капитану, в шлюпку, дали им немного воды, продовольствия, компас и две старые шпаги. В течение 41 дня шлюпка проплыла 4 тысячи миль с одной лишь остановкой на острове Тофуа, и, только достигнув острова Тимор, изгнанники пересели на корабль. В марте 1790 г. они добрались до Англии.

Что касается мятежников, то они сначала вернулись на Таити, а затем, испугавшись возмездия, вновь уплыли, взяв с собой шесть таитян и двадцать таитянок. 15 января 1790 г. они достигли острова Питкэрн.

Выйдя на берег, их предводитель Христиан приказал сжечь корабль. Он поступил так же, как в свое время Кортес, уничтоживший корабли, когда испанцы достигли берегов Америки.

Морякам не оставалось ничего другого, как навсегда поселиться на Питкэрне. На острове не было населения. Лишь человеческие скелеты свидетельствовали о том, что когда-то здесь жили люди. Вскоре между англичанами и таитянами возникла острая вражда, кончившаяся тем, что таитяне однажды ночью убили англичан. Спастись удалось только одному из них, Адамсу: он скрылся в лесу. Таитянки были так возмущены действиями своих соплеменников-мужчин, что на следующую ночь убили их всех, затем нашли и вылечили Адамса. Он сделался неограниченным властелином острова.

Лишь через четырнадцать лет, в 1803 г., первый европейский корабль подошел к острову. Английский капитан был уверен, что остров необитаем, и поразился, встретив на берегу людей, приветствовавших его по-английски.

Объяснения Блая по поводу потери корабля и команды были полностью приняты Адмиралтейством. Молодой лейтенант приобрел славу опытного и мужественного моряка. В марте 1791 г. при поддержке Бэнкса Блай был назначен руководителем новой экспедиции за хлебным деревом. На этот раз в плавание отправились два судна: «Провидение», которым командовал Блай, и «Помощник» под командованием Натаниэля Портлока.

Корабли вышли в море 3 августа 1791 г. В октябре они достигли мыса Доброй Надежды, а 10 апреля 1792 г. подошли к Таити. Три месяца англичане пробыли на острове. 19 июля экспедиция покинула Таити. На корабли было погружено 600 деревьев. Блай захватил с собой и двух таитян — Мидидди и Боббо. Боббо был доставлен на Ямайку, где помогал сажать и выращивать хлебные деревья, а Мидидди — в Лондон; здесь в Королевском обществе его демонстрировали как живой экспонат. Несмотря на утверждения Блая, что Мидидди легко, «не проронив слезинки, покинул свою родину», житель «земного парадиза», полный сил, веселый и жизнерадостный, умер через несколько дней после того, как корабли Блая приплыли к берегам туманного Альбиона.

На пути от острова Таити к Тимору английские корабли, пересекая Тихий океан, прошли Торресовым проливом. Таким образом, Блай выполнил инструкцию Адмиралтейства: исследовал проход между Новой Гвинеей и Новой Голландией. Впоследствии Флиндерс писал: «Так за девятнадцать дней был закончен переход из Тихого, или Великого, океана в Индийское море без каких-либо других неприятностей, кроме стычек с туземцами... Вероятно, ни одно пространство длиной в $3^1/_2{}^\circ$ не представляет бóльших опасностей, чем Торресов пролив».

16 сентября 1792 г. по выходе из пролива Блай обнаружил группу неизвестных островов, которые он тут же объявил собственностью его величества короля Георга III, назвав их архипелагом Кларенса в честь третьего сына британского монарха.

После коротких остановок на Тиморе, а потом на острове Святой Елены в Атлантическом океане корабли Блая пришли на Ямайку, где выгрузили хлебные деревья. 15 июня Блай покинул Вест-Индию, взяв курс к Англии. Экспедиция закончилась в Дептфорде 7 августа 1793 г.

Для Флиндерса плавание на «Провидении» было серьезной школой. В Библиотеке Митчелла в Сиднее хранится фотокопия дневника, который вел Флиндерс во время плавания. Записи в нем свидетельствуют не только о юношеской восторженности Флиндерса, который в семнадцать лет принял участие в серьезной морской экспедиции к далеким, малоизвестным землям, но и

о наблюдательности, вдумчивости — качествах, редких для человека его возраста.

За время отсутствия Флиндерса события в Европе развивались весьма стремительно. Размах революции во Франции напугал европейских монархов, которые образовали первую вооруженную коалицию против революционной Франции. Когда Флиндерс вернулся в Англию, революция во Франции достигла кульминации. В январе 1793 г. был казнен Людовик XVI, в июне власть в стране перешла к якобинцам, была выработана самая демократическая из буржуазных конституций (которую, однако, не удалось ввести в действие). В антифранцузскую коалицию кроме Австрии и Пруссии вошли Великобритания, Нидерланды, Испания, Сардинское, Неаполитанское королевства и другие.

Через месяц после возвращения на родину Флиндерс поступил на службу на судно «Беллерофон», которым по-прежнему командовал Томас Пэсли, уже в чине контр-адмирала. Это судно прославилось впоследствии не столько участием в морских сражениях с французским флотом, сколько тем, что на нем находился Наполеон, сдавшийся англичанам после Ватерлоо.

«Беллерофон» входил в эскадру под командованием лорда Хау, крейсировавшую в Ла-Манше. Ее задачей являлось обнаружение и уничтожение французских судов, перевозивших продовольствие из Америки во Францию.

28 мая 1794 г. лорд Хау выслал четыре корабля своей эскадры — «Беллерофон», «Мальборо», «Рассел» и «Громовержец» — под общим командованием Пэсли остановить французские суда. Основное сражение произошло 1 июня, в историю британского военно-морского флота оно вошло под названием «Славное Первое июня».

Флиндерс проявил в первом в своей жизни морском бою хладнокровие и бесстрашие. Но на этом карьера Флиндерса как боевого офицера и закончилась. В сражении был тяжело ранен его покровитель контр-адмирал Пэсли: ему ядром оторвало ногу. Впоследствии Пэсли служил только на берегу и, хотя был произведен в вице-адмиралы, утратил прежнее влияние на флоте.

После ранения Пэсли Флиндерс еще два месяца находился на борту «Беллерофона», а затем его жизнь круто изменилась. Мэтью Флиндерс избрал путь, приведший его к славе.

Несмотря на многократные посещения австралийских берегов европейскими кораблями, Австралия все еще продолжала оставаться Таинственной землей.

В предисловии к своей книге «Путешествие к Terra Australis» Флиндерс впоследствии справедливо заметил: «Путешествия, которые были предприняты в семнадцатом и восемнадцатом столетиях голландскими и английскими мореплавателями, привели к открытиям различных обширных районов суши в Южном полушарии. Было известно, что эта земля, почти равная по размерам Европе, отделена от всех остальных частей света; географы были

даже склонны именовать ее континентом, однако оставались сомнения относительно ее целостности. Обращалось внимание на то, что, поскольку наши знания о некоторых частях земли не основываются на достаточно достоверной информации, а о других ее частях мы совершенно ничего не знаем, может оказаться, что это не одна большая земля, а не что иное, как отдельные большие острова».

Во время своего первого плавания в Тихом океане Джеймс Кук в апреле 1770 г. увидел восточное побережье Австралии. Но ни Кук, ни другие мореплаватели, посетившие Австралию, понятия не имели о действительных размерах обнаруженной земли и ее конфигурации.

Для британского правительства эти географические детали долгое время после плавания Кука не имели сколько-нибудь существенного значения. Открытие Кука было, так сказать, лишь принято к сведению.

Идеологи колониализма обычно стремятся доказать, что колонизация заморских территорий была объективно необходима вследствие перенаселения европейских государств. Однако история британской колонизации Австралии убедительно опровергает это утверждение. Лишь через восемнадцать лет после посещения Куком восточных берегов Австралии английское правительство вспомнило о своих «правах» на этот материк и решило начать его колонизацию.

Но и в 80-х годах XVIII в. в Австралию начали переселяться не жители английских городов, а обитатели английских тюрем. Развитие капитализма в Англии сопровождалось страшным обнищанием народных масс.

С конца XV в. в сельском хозяйстве Англии начало наблюдаться быстрое развитие овцеводства за счет сокращения земледелия. Крупные землевладельцы во все более широких масштабах превращали свои земельные угодья в пастбища. Более того, они захватывали общинные земли, сгоняли крестьян с их наделов и все земли превращали в пастбища. При этом сносились не только отдельные крестьянские дома, но и целые деревни.

Крестьяне, лишившись земли, не имея возможности найти работу, вливались в огромную армию бродяг, скитавшихся по стране без средств к существованию. Те из них, кому удавалось найти работу на мануфактурах или крупных фермах, попадали в условия безжалостной эксплуатации. Рабочий день в централизованной мануфактуре продолжался 14—16 часов и более. В мануфактурной мастерской произвол хозяина был неограничен. Заработной платы не хватало даже на хлеб, поэтому широкое распространение получило нищенство. На мануфактурах применялся детский труд. Дети часто начинали работать с пятилетнего возраста.

Результатом социальных бедствий был рост преступности. Английские уголовные законы того времени отличались необы-

чайной жестокостью. Смертная казнь предусматривалась за 150 видов преступлений — от убийства до кражи из кармана носового платка. Разрешалось вешать детей, достигших семилетнего возраста.

Чтобы разгрузить тюрьмы, власти отправляли каторжников в Северную Америку. Плантаторы охотно оплачивали доставку даровой рабочей силы. Они платили от 10 до 25 фунтов стерлингов за человека, в зависимости от его квалификации. В период между 1717 и 1776 гг. примерно 30 тысяч заключенных из Англии и Шотландии и 10 тысяч из Ирландии были высланы в американские колонии.

Когда же американские колонии добились независимости, британское правительство попыталось выслать заключенных в свои колонии в Западной Африке. Последствия оказались катастрофическими. Губительный климат приводил к колоссальной смертности среди ссыльных. В 1775—1776 гг. в Западную Африку было отправлено 746 заключенных. Из них 334 человека умерли, 271 человек погиб при попытке к бегству, об остальных министерство внутренних дел сведений не имело. Английскому правительству пришлось отказаться от использования западноафриканских колоний как места ссылки.

Миновало много лет, прежде чем правительству Англии пришла мысль отправлять заключенных в Австралию. Этому немало способствовал Джозеф Бэнкс. В 1779 г. он рекомендовал правительству исследовать Ботани-Бей на побережье Новой Голландии. Этот район, по его мнению, был идеальным местом для ссыльного поселения. Дж. Бэнкс выступил перед специальным комитетом палаты общин, призванным изучить вопрос о создании заокеанских поселений для заключенных британских тюрем.

Как свидетельствует протокольная запись, «Джозеф Бэнкс, когда его спросили, в каком отдаленном месте земного шара можно создать колонию для каторжников, откуда бы был затруднен побег и где плодородная почва дала бы им возможность существовать после первого года, в течение которого родина будет оказывать им небольшую помощь... информировал комитет, что, по его мнению, наиболее подходящим местом является Ботани-Бей в Новом Южном Уэльсе... плавание к которому из Англии занимает около семи месяцев и где весьма мала вероятность оппозиции со стороны туземцев. Бэнкс посетил этот залив в конце апреля — начале мая 1770 г., когда погода была мягкой и умеренной, как в Тулузе, на юге Франции. Площадь плодородных почв в сравнении с бесплодными пространствами невелика, но вполне достаточна, чтобы прокормить большое население. Здесь отсутствуют домашние животные, и в течение своего десятидневного пребывания Бэнкс не видел каких-либо диких зверей, кроме кенгуру... Он не сомневался, что овца и бык, если доставить их туда, приживутся и дадут потомство. Трава высокая и сочная, есть некоторые съедобные растения, одно из которых напоминает ди-

кий шпинат. Район хорошо снабжен водой, много леса, которого хватит для строительства любого количества зданий.

Когда Джозефа Бэнкса спросили, получит ли родина какую-нибудь выгоду от колонии, созданной в Ботани-Бей, он ответил: „Если будет создано гражданское управление, численность населения колонии неизбежно возрастет, а это даст возможность ввозить туда многие европейские товары; и нет сомнения в том, что такая страна, как Новая Голландия, которая по своим размерам превышает Европу, даст взамен много необходимого"».

В 1783 г. Джозефа Бэнкса поддержал Джеймс Матра, который также принимал участие в экспедиции Кука. Его семья сражалась с американскими колонистами на стороне английских войск. Матра предлагал предоставить колонистам бывших британских владений в Америке, оставшимся верными Великобритании, земельные участки на территории Нового Южного Уэльса. Матра рекомендовал также переселять коренных жителей тихоокеанских островов в Австралию и раздавать их американским колонистам как рабочую силу. «Я хочу передать на решение нашего правительства предложение, которое со временем поможет возместить потерю наших американских колоний,— писал Джеймс Матра в декабре 1784 г. лорду Сиднею, занимавшему пост министра внутренних дел.— Капитан Кук первым высадился и исследовал восточную часть той прекрасной страны (новый Южный Уэльс.— *К. М.*) от 38° до 10° ю. ш., о которой он дал самый благоприятный отчет. Населяют эту территорию немногочисленные черные жители, которые находятся на самой низшей ступени общественного развития и ведут животное существование... Климат и почвы столь хороши, что позволяют производить все виды продуктов, как европейских, так и индейских. При хорошем управлении это позволит через 20—30 лет произвести переворот во всей системе европейской торговли и обеспечит Англии монополию на значительную ее часть».

Матра подчеркивал, что в новой колонии можно выращивать лен, указывал на высокие качества сосны, произраставшей на острове Норфолк. Эти аргументы были очень весомы, ибо лен и лес в то время имели такое же большое значение, как сталь и нефть в наши дни.

Для сохранения своего господствующего положения в мире Англия должна была иметь самый могущественный флот, а лес и лен были важнейшими компонентами тогдашнего судостроения. Англия ежегодно закупала в России лен на сумму около 500 тысяч фунтов стерлингов. Потеряв американские владения, Англия лишилась важнейшего поставщика леса.

Матра обращал внимание и на важное военное значение будущей колонии. «В случае войны с Голландией или Испанией мы сможем доставить очень большие неприятности этим государствам из нашего нового поселения»,— писал он. Для осуществления своего плана Матра просил Адмиралтейство выделить фрегат,

Однако первый лорд Адмиралтейства Хау не разделял энтузиазма Матры. В письме лорду Сиднею он писал: «Я полагаю, что, если будет признано желательным увеличить число наших поселений по плану, предлагаемому господином Матрой, возникнет необходимость использовать суда другой конструкции. Фрегаты непригодны для выполнения такого рода службы». Далее лорд Хау указывал на большие трудности, связанные с организацией колонии на столь далеком расстоянии от Англии: «Продолжительность навигации такова, что вряд ли можно надеяться на получение каких-либо выгод в торговле или войне, которые имеет в виду господин Матра».

Однако Матра не был обескуражен позицией первого лорда Адмиралтейства. В начале 1785 г. он попросил адмирала Джорджа Янга поддержать его проект, что последний охотно сделал. В своем письме правительству Янг подчеркивал, что создание колонии в Новом Южном Уэльсе позволило бы расширить торговлю с Японией и Китаем, а также имело бы важное военное значение. Янг, так же как и Матра, считал целесообразным отправлять в колонию заключенных из английских тюрем, так как ее отдаленность практически исключала возможность побега. Вмешательство адмирала Янга ускорило решение вопроса о создании колонии в Новом Южном Уэльсе.

Следует сказать, что американские колонисты, сохранившие лояльность Англии, к тому времени получили земельные участки в Канаде.

Наконец правительство начало действовать. В 1786 г. был подготовлен план создания ссыльной колонии в Австралии. В январе 1787 г. король Георг III сообщил об этом плане в своей речи в парламенте. Командовать транспортировкой первой партии ссыльных в австралийскую «колонию бесчестья», как тогда выражались, приказом министра внутренних дел лорда Сиднея было поручено капитану Артуру Филлипу. В его распоряжение было выделено два военных и девять транспортных судов.

Не следует думать, что в отдаленнейшую ссылку решено было отправлять наиболее опасных и закоренелых преступников. Совсем наоборот: туда посылались в основном люди, осужденные за мелкие преступления, например за кражу двух кип шерсти, буханки хлеба, четырех ярдов ткани, кролика или десяти шиллингов. В большинстве своем это были истощенные, слабые и больные люди, среди них несколько десятков стариков, одной женщине было 87 лет.

Подготовка экспедиции началась в марте 1787 г., а 13 мая 1787 г. флотилия покинула Англию. Плавание продолжалось более восьми месяцев. 26 января 1788 г. корабли вошли в залив Порт-Джексон. Из Англии отбыло 1026 человек, в том числе чиновников, их жен и детей, а также солдат — 211, ссыльных мужчин — 565, женщин — 192, детей — 18. Во время путешествия умерло 50 человек, родилось 42. Таким образом, в Австралию

прибыло 1018 человек. Первым на берег высадился отряд моряков. Они водрузили британский флаг и дали залп из ружей.

Так было основано первое поселение колонии Новый Южный Уэльс, названное Сиднеем в честь британского министра внутренних дел. За моряками на берег сошли заключенные-мужчины (женщины были высажены лишь 6 февраля). Прибывших окружал девственный эвкалиптовый лес. Когда принялись за устройство колонии, увидели, как плохо были подобраны для этого люди. Среди ссыльных было лишь 12 плотников, один каменщик и ни одного человека, разбирающегося в земледелии или скотоводстве. Нетрудно понять, с какими трудностями пришлось встретиться колонистам.

Торжественное открытие колонии состоялось 7 февраля 1788 г. Был прочитан королевский указ о назначении капитана Филлипа губернатором колонии Новый Южный Уэльс. Этим актом определялись границы колонии: с севера на юг — от полуострова Кейп-Йорк до Южного мыса со всеми островами, на запад — до 135° восточной долготы. Затем были прочитаны указы о назначении чиновников колонии и ее законодательстве. В заключение Филлип произнес речь, в которой, в частности, сказал: «Мы находимся здесь, чтобы от имени британского народа овладеть этой новой, обширной землей и создать государство, которое, как мы надеемся, будет не только управляться нашей великой страной, но и осуществлять также благотворное покровительство над всем Южным полушарием. Столь грандиозна перспектива, открывающаяся перед молодой нацией».

Губернатор наделялся такими широкими полномочиями, каких не имел ни один администратор в британских колониях. Он ведал внешней и внутренней торговлей, имел право раздавать земли по своему усмотрению, командовал вооруженными силами, производил все назначения на должности в колониальной администрации, имел право налагать штрафы, назначать наказания, вплоть до смертной казни, и освобождать от них.

В феврале 1788 г. Филлип впервые осуществил свое право карать колонистов смертной казнью. За кражу масла, свинины и гороха был повешен Томас Барретт. Через два дня за кражу муки к смертной казни были приговорены Джон Фримен и его приятель. Филлип обещал отменить приговор, если Фримен согласится занять должность палача. Последний принял предложение и стал первым государственным палачом в истории Австралии.

Истощенным людям было не под силу валить гигантские деревья и рыхлить каменистую почву. Филлип сообщал в своем отчете, что для двенадцати человек требуется пять дней, чтобы срубить и выкорчевать одно дерево.

У Филлипа были и другие заботы. Через шесть дней после того, как англичане высадились на берег, в Ботани-Бей вошли два французских военных корабля под командой капитана Лаперуза,

Следует сказать, что Франция весьма ревниво следила за успехами англичан в Южных морях. Узнав о намерении Англии приступить к колонизации Австралии, французское правительство послало туда Лаперуза, чтобы захватить часть Австралийского материка. Как ни спешили французы, они и здесь отстали от англичан.

Французское правительство не отказалось от намерения создать колонии на территории Австралии. В 1801 г. корабли «Географ» и «Натуралист» под командованием Николаса Бодена исследовали западную часть Австралийского материка. Эти и другие попытки Франции проникнуть в Австралию окончились неудачно, однако они вынуждали англичан торопиться с оккупацией всего материка.

Все это было позже, а в 1788 г. приход Лаперуза вызвал волнение среди ссыльных, увидевших реальную возможность бежать из этого казавшегося им гибельным места. Группа заключенных обратилась к французскому капитану с просьбой взять их на корабли. Они обещали за это привести с собой самых хорошеньких женщин из числа каторжанок. Лаперуз отказал англичанам. Но когда французские корабли покинули Ботани-Бей, губернатор Филлип недосчитался двух самых привлекательных женщин колонии. Галантный французский капитан захватил их с собой.

Для обеспечения лучшего надзора за колонистами почти все они были сосредоточены на небольшой территории. Лишь маленькие группы отправились в район Парраматты и на остров Норфолк, где земли были более пригодные для земледелия, чем в Новом Южном Уэльсе. Однако и там не удалось собрать сколько-нибудь значительный урожай.

В Парраматте, например, в ноябре 1788 г. было собрано 200 бушелей пшеницы и 35 бушелей ячменя. Весь этот урожай пошел на семена для следующего посева. В Новом Южном Уэльсе дело обстояло еще хуже. Пшеница, маис, а также семена некоторых овощей, посеянные кое-как людьми, не имевшими опыта сельскохозяйственных работ, вообще не дали всходов. Привезенное продовольствие быстро истощалось. В колонии начался голод. Корабли с припасами, как это было обещано правительством, из Англии не пришли. В начале 1789 г. губернатор послал фрегат «Сириус» к мысу Доброй Надежды за продовольствием. Корабль доставил 127 тысяч фунтов муки, но ее хватило ненадолго. Урожай, собранный в декабре 1789 г., был опять очень мал, и его решили оставить для нового посева в надежде, что скоро подойдут корабли из Англии. Но их по-прежнему не было.

Тогда Филлип, полагая, что на Норфолке собран хороший урожай, решил послать туда часть ссыльных. В феврале 1790 г. к острову отправились корабли «Снабжение» и «Сириус», на которых находилось 184 взрослых и 27 детей. 13 марта оба судна достигли острова, и прибывшие хотели высадиться на берег, но поднявшаяся буря заставила корабли уйти в море. Через шесть

дней они опять подошли к берегу, при этом «Сириус» наткнулся на риф и затонул. Выбравшиеся на берег люди узнали, что собранный на острове урожай не может обеспечить даже население Норфолка. «Снабжение» был вынужден доставить ссыльных обратно в Сидней. Недельный рацион питания колонистов был уменьшен до трех фунтов муки и полуфунта солонины. «Счастливым себя чувствует тот человек,— писал тогда один из чиновников колонии,— которому удается убить крысу или ворону. Блюдо, приготовленное из них, считается деликатесом».

Вместе с первой партией ссыльных в Сидней завезли европейских домашних животных, которые должны были стать основой для развития скотоводства в новой колонии. Многие животные погибли еще в пути. В мае 1788 г. в колонии осталось семь голов крупного рогатого скота и столько же лошадей, 29 баранов и овец, 19 коз, 25 свиней, 50 поросят, 5 кроликов, 18 индюшек, 35 уток, 29 гусей, 122 курицы и 87 цыплят. Все они, кроме лошадей, овец и коров, были съедены колонистами. Оставшиеся животные в основном погибли из-за отсутствия привычных для них кормов. Небольшое количество овец, выживших и приспособившихся к австралийским пастбищам, были разорваны собаками динго.

Голод в колонии усиливался. Никакими карами нельзя было удержать голодных людей от разграбления магазинов, от кражи продовольствия. А кары эти были весьма суровы. За кражу пары картофелин, например, наказывали 500 ударами кнута и на шесть месяцев лишали полагающейся порции муки.

С возвратившимися в Англию кораблями Филлип послал британскому правительству письма, в которых просил прислать продовольствие и сельскохозяйственные орудия, а также свободных поселенцев для организации ферм, обещая передать последним в качестве рабочей силы заключенных. Но ответа не было.

Наконец, 3 июня 1790 г. австралийские колонисты увидели входящее в залив британское судно «Леди Юлиана». Это был первый из кораблей Второго флота, посланного английским правительством в Австралию. Велико же было разочарование колонистов, когда они узнали, что на корабле не было продовольствия, зато находилось 222 женщины-каторжанки.

Позднее подошли и другие суда Второго флота, доставившие в Новый Южный Уэльс еще свыше 1000 ссыльных. В составе этого флота было судно, груженное продовольствием, но 23 декабря 1789 г. у мыса Доброй Надежды оно наскочило на айсберг. Чтобы спасти начавшее тонуть судно, пришлось выбросить в море все запасы продовольствия.

Условия транспортировки ссыльных были чудовищны. Судовладельцы получали 17 фунтов 7 шиллингов 6 пенсов за каждого человека, независимо от того, будет ли он доставлен в Австралию живым или мертвым. Поэтому на корабли старались погрузить как можно больше заключенных.

Чтобы ссыльные не сбежали во время плавания, их сковывали рядами, и в таком положении они находились в трюмах кораблей многие месяцы пути. Бывали случаи, когда умершие подолгу оставались среди живых, которые скрывали смерть своих товарищей, чтобы получить их порции пищи. В пути умерло 267 человек. Из оставшихся в живых 488 были тяжело больны. В течение шести недель после прибытия в Сиднее умерло еще около 100 человек.

До августа 1791 г. в колонию прибыло 1700 ссыльных, а в сентябре того же года — еще около 1900 человек. Таким образом, население Нового Южного Уэльса превысило 4 тысячи человек (вместе с солдатами и чиновниками).

Сколько-нибудь удовлетворительных урожаев собрать попрежнему не удавалось. И если бы не продовольствие, доставленное на нескольких кораблях из Англии, население колонии погибло бы с голоду. А транспортировка каторжников все продолжалась.

Положение в Новом Южном Уэльсе оставалось плачевным. Капитан Филлип должен был создать в Австралии самоокупающуюся колонию, но в течение пяти лет его губернаторства Новый Южный Уэльс полностью зависел от поставок из Англии. За это время колония стоила английскому правительству 500 тысяч фунтов стерлингов.

Как уже отмечалось, Филлип настойчиво просил правительство организовать отправку в Новый Южный Уэльс свободных поселенцев, чтобы создать более устойчивую основу колонизации отдаленного материка. В одном из писем губернатор писал: «Пятьдесят фермеров со своими семьями в один год сделают для создания самоснабжающейся колонии больше, чем тысяча ссыльных». Но желающих добровольно ехать в «колонию бесчестья» в Англии было очень мало. За первые пять лет существования колонии туда прибыло лишь пять семей свободных колонистов, хотя британское правительство брало на себя все расходы по переезду, бесплатно снабжало их продовольствием в течение двух лет, дарило земли и предоставляло в распоряжение переселенцев ссыльных для обработки земли; даже питание этих ссыльных осуществлялось за счет казны.

Филлип давал землю заключенным, отбывшим сроки наказания, солдатам и матросам. Но и их было очень мало (в 1791 г.— всего 86 человек), и обрабатывали они немногим более 900 акров земли. Лишь после того как губернатор получил право сокращать сроки наказания, ему удалось довести общий размер участков, обрабатываемых освобожденными ссыльными, до 3,5 тысячи акров. Как видим, картина, которую нарисовал колонистам Филлип в своей первой речи после высадки в Ботани-Бее в 1788 г., не имела ничего общего с реальной действительностью.

В 1792 г. Филлип вернулся в Англию. Вместо него на пост губернатора Нового Южного Уэльса был назначен молодой

офицер Джон Хантер, служивший под началом Артура Филлипа в Первом флоте в качестве помощника капитана «Сириуса». Для плавания в Новый Южный Уэльс были выделены корабли «Уверенность» и «Снабжение». Капитаном «Уверенности» Хантер назначил Генри Уотерхауза, с которым он плавал на «Сириусе» и который теперь служил первым помощником капитана «Беллерофона».

Хотя и не сохранилось никаких документальных данных, но можно предположить, что Уотерхауз, зная высокую морскую квалификацию Флиндерса и его страстное желание исследовать новые земли, предложил молодому офицеру участвовать в плавании к берегам Нового Южного Уэльса. Впоследствии в предисловии к своей книге «Путешествие к Terra Australis» Флиндерс писал: «Автор этого отчета, который был тогда гардемарином и незадолго перед тем вернулся из плавания к Южным морям, охваченный страстью к исследованиям новых стран, воспользовался случаем, предоставлявшим ему, кроме всего прочего, прекрасную возможность осуществить свою заветную мечту».

Родственники отговаривали Флиндерса от участия в новом плавании. Но он не только не послушался их, но и сманил с собой младшего брата Сэмюэла.

Назначение Хантера было утверждено 6 февраля 1794 г. Плавание же началось 15 февраля 1795 г.: целый год тянулись приготовления. В составе большого конвоя «Уверенность» и «Снабжение» миновали Ла-Манш и вышли на простор Атлантического океана. На борту «Снабжения» помимо всяких припасов находились городские часы, которые предполагалось установить в Сиднее, и ветряная мельница в разобранном виде.

Хантер опасался делать остановку в голландских владениях на юге Африки, поскольку Голландия в то время была союзницей Франции. Поэтому он решил идти к берегам Бразилии и там запастись всем необходимым для безостановочного плавания в Сидней. 6 марта корабли подошли к острову Тенерифе в группе Канарских островов, откуда Флиндерс послал своим сестрам письма, которые отражали приподнятое настроение двадцатилетнего моряка. «Маленький Сэмюэл,— сообщал он,— прекрасно перенес все штормы и ни в коей мере не утратил того высокого духа, который привел его на борт корабля вместе со мной». Врач из Донингтона вряд ли мог надеяться, что младший сын унаследует его профессию.

Надо сказать, что на борту «Уверенности» находился еще один линкольнширец — приятель Флиндерса — Джордж Басс. Он участвовал в плавании как судовой врач. Басс также был охвачен идеей исследования новых земель. Помимо медицины он обладал обширными знаниями в ботанике и зоологии. Позднее Басс писал Бэнксу, что предпринял поездку в Новый Южный Уэльс «с откровенным намерением исследовать страну в большей мере, чем это было сделано кем-либо из наших предшественников».

В Рио-де-Жанейро англичане запаслись продовольствием и водой на долгое путешествие. Плавание прошло благополучно. 7 сентября 1795 г. корабли прибыли в Сидней.

Интересно отметить, что Флиндерс, многие сотни страниц посвятивший описанию исследований пятого континента, ни словом не упоминает об условиях жизни в Новом Южном Уэльсе. Надо полагать, что Флиндерс поступал так из осторожности. За время пребывания Флиндерса в Новом Южном Уэльсе положение там не только не улучшилось, но еще больше осложнилось.

Вместе с Артуром Филлипом в 1792 г. в Англию вернулся и отряд военных моряков, несший охранную службу. Единственной вооруженной силой в колонии стал полк Нового Южного Уэльса, солдаты которого начали прибывать в Австралию с 1791 г. Этот полк в основном формировался из солдат и офицеров, скомпрометировавших себя на прежнем месте службы воровством, пьянством и т. п. либо выпущенных из военных тюрем, где они отбывали наказание за различные уголовные преступления.

После отъезда Филлипа обязанности губернатора колонии стал исполнять командир полка майор Фрэнсис Гроуз.

На все гражданские должности он назначал своих офицеров, раздавал военным землю и заключенных для обработки полученных участков. Всего он роздал свыше 10 тысяч акров.

250 акров первоклассной земли в районе Парраматты получил один из офицеров полка — Джон Маккартур, ставший «отцом австралийского овцеводства». В то время он занимал пост инспектора общественных работ, в его распоряжении находилась вся рабочая сила колонии. Маккартур распределял заключенных для работы на фермах и вершил над ними суд по своему усмотрению. Не забывал он и собственные интересы, широко используя труд заключенных на принадлежавших ему землях. Немудрено, что через два года Маккартур стал богатейшим человеком Нового Южного Уэльса.

Вскоре власть в Новом Южном Уэльсе перешла в руки офицеров полка. Они монополизировали все торговые операции колонии, и прежде всего торговлю спиртными напитками. Офицеры заставляли заключенных гнать для них спирт и продавали его по баснословно высоким ценам. Доход от продажи спирта достигал 500 процентов. Видя это, изготовлением спирта занялись заключенные, отбывшие наказание и получившие земельные участки, а также солдаты полка. На эти цели шло зерно, предназначенное для приготовления хлеба.

«В этом новом маленьком земном аду, которым являлся ранний Сидней,— писал очевидец,— люди превыше всего жаждали рома. Ради рома наиболее жестокие из заключенных по ночам убивали и грабили тех, кто его имел. Ромом они платили публичным женщинам... Ради рома они шпионили друг за другом и предавали друг друга солдатам и палачам».

Офицеры вскладчину покупали все товары, привозимые в ко-

лонию британскими судами, и перепродавали их населению, получая от этих операций до 300% прибыли.

Довольно скоро почти все заключенные работали на землях, принадлежавших офицерам полка. По существу, это был рабский труд, с той лишь разницей, что рабовладельцы сами кормили своих рабов, а заключенные, работавшие на офицеров, находились на государственном обеспечении.

Джон Маккартур писал своему брату: «Изменения, которые мы осуществили со времени отъезда губернатора Филлипа, так велики и необычны, что рассказ о них может показаться неправдоподобным».

Ни Хантер, ни сменившие его на посту губернатора колонии Кинг и Блай не смогли сломить господства офицеров полка, который к этому времени получил кличку «ромового корпуса». Блай, известный своим мужеством, храбростью и упорством, вступил в борьбу с офицерами полка: запретил им беспошлинно торговать спиртными напитками, не позволил Маккартуру построить винокуренный завод. Тогда офицеры решили свергнуть губернатора. Они собрали полк и с развернутыми знаменами направились к его дому. Через полчаса Блай был арестован и заключен в казарму. Управление колонией взял в свои руки командир полка майор Джонстон. Маккартура он назначил секретарем колонии.

Это произошло 26 января 1808 г., через 20 лет после прибытия в Австралию Первого флота. В течение двух последующих лет власть в Новом Южном Уэльсе безраздельно принадлежала «ромовому корпусу». Блай целый год находился под арестом, а затем был отправлен на Землю Ван Димена, как тогда называли Тасманию.

Лишь в канун Нового, 1810 года в колонию прибыл Лахлан Маккуори, посланный английским правительством для наведения порядка, а вместе с ним 73-й пехотный полк. Маккуори имел следующие инструкции: восстановить в должности Блая, но лишь на одни сутки, с тем чтобы принять у него дела; став губернатором колонии, Маккуори должен был отменить все назначения, судебные решения и раздачу земель, состоявшиеся со времени ареста Блая.

Маккуори со скрупулезной точностью выполнил эти инструкции. Когда 17 января 1810 г. Блай вернулся с Земли Ван Димена в Сидней, Маккуори устроил ему пышную встречу — с салютами, парадом, иллюминацией и балом в губернаторском доме. После этого Блай был отправлен в Англию. Вместе с ним покинул Новый Южный Уэльс и «ромовый корпус» во главе со своим командиром Джонстоном. Джон Маккартур также вынужден был покинуть Австралию. По прибытии в Англию оба они предстали перед судом.

Но в это время Флиндерса уже не было в Австралии: он томился в плену на острове Маврикий, являвшемся тогда французским владением и называвшемся Иль-де-Франс.

В книге «Путешествие к Terra Australis» он останавливается лишь на географических исследованиях Южной земли. «Первой задачей в области морской географии, стоявшей перед новым исследованием,— писал Флиндерс,— было исследование Ботани-Бея, Брокен-Бея и Порт-Джексона, а также рек, впадавших в них. Ботани-Бей, конечно, был изучен капитаном Куком, что касается двух других гаваней, то были исследованы лишь входы в них... По прибытии в Порт-Джексон в сентябре я убедился, что изучение побережья не вышло сколько-нибудь значительно за пределы трех гаваней, но даже и там многие реки не были исследованы». В 1795 г. береговая линия была обследована лишь на протяжении 100 миль, да и то недостаточно тщательно.

Перед молодыми линкольнширцами открывалось широчайшее поле деятельности. И они с энтузиазмом взялись за дело. «В мистере Бассе,— писал впоследствии Флиндерс,— я имел счастье найти человека, чья страсть к открытиям не могла быть охлаждена никакими препятствиями или опасностями... Мы решили завершить изучение восточного берега Нового Южного Уэльса».

В свое первое путешествие друзья отправились уже 26 октября, не пробыв в Сиднее и двух месяцев, на небольшом, семи футов длиной, боте, называвшемся «Мальчик с пальчик». Кроме Флиндерса и Басса на борту был Уильям Мартин, юный слуга Басса. Путешествие было коротким: оно окончилось 3 ноября 1795 г. За это время Флиндерс и Басс исследовали берега Ботани-Бея, а также реку Святого Георга, впадавшую в залив. Они прошли по ней на 20 миль дальше, чем это было сделано до них. Доклад о своих исследованиях Флиндерс и Басс передали губернатору Хантеру, который прочитал его с большим интересом, особенно ту его часть, которая касалась реки Святого Георга. По распоряжению Хантера на берегах реки, исследованных линкольнширцами, было организовано поселение, названное Бэнкстаун. Поддержка Хантера была очень важна для Флиндерса и Басса, ибо, как впоследствии писал Флиндерс, «проекты, рождавшиеся в головах молодых людей, обычно определялись как романтические и встречались без энтузиазма даже при самом добром отношении».

Дальнейшие исследования были прерваны плаванием «Уверенности» к острову Норфолк, проходившим с 21 января по 5 марта 1796 г. Но уже через три недели после возвращения в Сидней Флиндерс, Басс и Мартин возобновили работу. Теперь их целью было изучение большой реки, впадавшей в море в нескольких милях к югу от Ботани-Бея, которая не была указана на карте Кука. Флиндерс и Басс опять воспользовались небольшим ботом, также называвшимся «Мальчик с пальчик», но в отличие от первого построенным не в Англии, а в Сиднее. Экспедиция продолжалась с 25 марта по 2 апреля 1796 г. То, что принимали за большую реку, оказалось заливом, который исследова-

тели назвали Порт-Хэкинг в честь Генри Хэкинга — квартирмейстера корабля «Сириус», входившего в состав Первого флота.

Во время экспедиции Флиндерс и Басс проводили интенсивное изучение прибрежных районов. Так, они сообщили о «черных глыбах, очевидно сланцах». Впоследствии было установлено, что это уголь. Его разработка имела для развития колонии очень важное значение.

Вторая экспедиция проходила с бо́льшими приключениями, чем первая. Не успел «Мальчик с пальчик» выйти из Порт-Джексона, как был подхвачен сильным течением. Подул сильный северный ветер. Бот прошел на семь миль южнее того места, где была намечена высадка. Видя, что пристать к берегу невозможно, Флиндерс и Басс решили идти к двум островкам, показавшимся впереди. Попытка высадиться там окончилась неудачей. Пресная вода была на исходе. На третий день плавания англичане встретили в районе Ред-Понта двух аборигенов, которые сообщили, что пресную воду можно найти в реке, впадавшей в море в шести милях южнее Ред-Понта. Они согласились показать путь. Это были жители района Ботани-Бея, и англичане немного понимали их речь. Река, показанная аборигенами, была столь мала, что даже на таком небольшом судне, как «Мальчик с пальчик», плыть по ней было очень трудно.

Пока бот шел по реке, англичане видели на ее берегах до десятка туземцев. Через милю река стала еще мельче. Путешественники встревожились: удастся ли уйти от аборигенов в случае, если те нападут на них, или нет? В Сиднее Флиндерс и Басс слышали немало рассказов о кровожадности коренных жителей. Англичане решили выяснить намерения аборигенов и сошли на берег. Басс направился к группе людей и попросил их помочь ему починить сломанное весло, а Флиндерс стал сушить на солнце отсыревший порох. Действия Флиндерса не привлекли внимания аборигенов, поскольку они не понимали назначения пороха, но, когда англичане стали чистить мушкеты, начался такой переполох, что они поспешили прекратить это занятие. Тем временем число аборигенов, окружавших англичан, продолжало расти. Росла и тревога путешественников. Но все кончилось совершенно неожиданным образом. Дело в том, что Флиндерс постриг волосы двум туземцам, встреченным у Ред-Понта. Теперь они с гордостью демонстрировали свои прически собравшимся. Тем тоже захотелось постричься, и Флиндерсу пришлось открыть «парикмахерскую» на берегу реки. Благодарные дети природы помогли англичанам запастись пресной водой. Флиндерс и Басс пустились в дальнейшее плавание, исследуя побережье к югу от Ботани-Бея. Обнаруженные острова они назвали в честь юного слуги Басса островами Мартина. Опасаясь встреч с местными жителями, англичане в большинстве случаев ночевали на «Мальчике с пальчике». Так было и в ночь на 30 марта. Но она прошла не так спокойно, как предыдущие. Предоставим слово Флиндерсу:

«В десять часов неутихающий ветер, который нагонял со всех сторон грозовые тучи, перешел в штормовой, дующий с юга, что заставило нас сняться с якоря и идти по ветру. Через несколько минут поднялись огромные волны; особую опасность для нашего судна представляла сгущавшаяся темнота, в которой невозможно было найти спасительное убежище. Тени от скал, поднимавшихся над нашими головами, и шум прибоя указывали нам путь: мы двигались параллельно берегу... Каждое неверное движение или малейшая невнимательность могли стоить нам жизни... Через час, который показался вечностью, мы увидели впереди высокие буруны, но за ними не было видно теней от скал.

Надо было в считанные секунды решать, что делать, ибо наше судно оказалось на краю гибели. Подойдя к самым бурунам, мы, улучив удобный момент, повернули бот по ветру, сняли мачту и парус, вынули весла. Затем, проскользнув мимо рифа между набегавшими громадными волнами, подошли к краю бурунов и через три минуты были в спокойной воде. Что-то белевшее впереди на короткое время озадачило нас, но вскоре мы увидели берег хорошо защищенной бухты, в которой „Мальчик с пальчик" бросил якорь... Столь неожиданный переход от ужасной опасности к совершенной безопасности вызвал реакцию, которая не давала нам некоторое время заснуть: мы решили, что бухта Провидения будет хорошим названием для этого места».

2 апреля «Мальчик с пальчик» прибыл в Сидней. Губернатор Джон Хантер весьма одобрительно отозвался о результатах плавания. Флиндерс и Басс готовы были сразу же начать подготовку к новой экспедиции, но Хантер дал им поручение, которое отвлекло их от любимого занятия на целых полтора года.

Стремясь наладить хозяйственную жизнь колонии, Хантер решил послать «Уверенность» и «Снабжение» в Кейптаун, с тем чтобы доставить оттуда в Новый Южный Уэльс коров и овец.

Корабли покинули колонию в конце сентября 1796 г. Они шли в Кейптаун с востока мимо мыса Горн, сделав лишь одну остановку на острове Норфолк. Во время плавания Флиндерс сдал квалификационный экзамен и получил звание лейтенанта. Три месяца корабли простояли у берегов Южной Африки. В начале апреля 1797 г., погрузив скот, запасы продовольствия и воды, «Уверенность» и «Снабжение» двинулись в обратный путь. 10 апреля начался шторм, так сильно потрепавший «Уверенность», что возникли большие опасения, сможет ли судно добраться до Нового Южного Уэльса. Но все кончилось благополучно, и 26 июня корабли вернулись в Сидней.

Старое судно «Уверенность», получившее серьезные повреждения во время шторма, требовало большого ремонта, на который должно было уйти несколько месяцев. Наблюдать за ремонтом судна было поручено Флиндерсу. Нетрудно представить себе его огорчение: полный страстного желания продолжать исследование континента, еще во многом остававшегося таинственным, он вы-

нужден был сидеть на месте, выполняя рутинную работу. Он был бы еще более огорчен, если бы знал содержание письма, посланного Хантером Бэнксу 1 августа 1797 г. В нем Хантер писал: «Я искренне желаю, чтобы правительство прислало сюда гидрографа с соответствующим кораблем для изучения побережья. Я склонен думать, что здесь могут быть сделаны многие важные открытия. В этой земле много других руд кроме железной: по крайней мере мне так кажется. Но этим должен заняться минералог, ибо... мое время полностью занято наблюдением за общественными делами и принятием мер, призванных установить хоть какой-то порядок. У меня нет ни мгновения, которое я мог бы уделить многим делам, доставляющим мне наслаждение и заслуживающим того, чтобы привлечь мое внимание». Из этого письма следует, что, несмотря на одобрение деятельности Флиндерса и Басса, Хантер не считал их способными руководить крупномасштабными работами по исследованию побережья колонии.

Однако в Лондоне не спешили с рассмотрением предложения Хантера об изучении берегов Нового Южного Уэльса, находящихся в 12 тысячах миль от Альбиона. Другие заботы занимали британское правительство. Обстановка в Европе все более осложнялась. После переворота во Франции в ночь на 18 фруктидора (4 сентября 1797 г.) Директория значительно активизировала свою внешнюю политику. В феврале 1798 г. французские войска захватили Берн, а в июне произошел переворот, в результате которого была создана новая «дочерняя республика» — Гельветическая. Женева, важнейший традиционный торговый пункт, была присоединена к Франции и превратилась в центр нового Леманского департамента. В феврале 1798 г. французские войска вошли в Римскую область и содействовали провозглашению Римской республики. В мае того же года сильный французский флот направился к берегам Египта, где 21 июля произошла знаменитая битва у пирамид, окончившаяся разгромом мамлюков и вступлением французских войск в Каир. Стремительно всходила звезда Наполеона. Не за горами был переворот 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), а с ним и возникновение угрозы вторжения французской армии на Британские острова. Где уж тут было думать об изучении «колонии бесчестья»!

Хантер же справедливо полагал, что тщательное исследование берегов Нового Южного Уэльса — неотложная проблема. Если о конфигурации восточных и северных берегов колонии англичане после плаваний Кука имели какое-то представление, то о южных берегах почти ничего не было известно. Не знали даже, чем является Земля Ван Димена — островом или частью континента. В 1789 г., плывя на «Сириусе» мимо Земли Ван Димена, Хантер видел сильное восточное течение и «неизвестное огромное море», как писал он впоследствии в своих записках. Губернатор выдвинул предположение, что существует «или очень глубокий залив, или пролив, который отделяет Землю Ван Димена

от Новой Голландии». Записки Хантера были опубликованы в 1793 г. В том же году француз Лабильердьер высказал аналогичную догадку.

Хантер решил не дожидаться ответа из Лондона, а действовать самостоятельно. Поскольку Флиндерс все еще был занят ремонтом «Уверенности», губернатор распорядился, чтобы исследования у южных берегов колонии провел Басс.

3 марта 1797 г. Басс с шестью матросами из экипажей «Уверенности» и «Снабжения» отправился на вельботе в экспедицию. Он прошел вдоль побережья до пункта Вестерн-Порт. Вернувшись в Сидней, он высказал уверенность, что существует пролив, но прямых доказательств у него не было, хотя это плавание имело большое значение для выяснения вопроса. В своей книге «Путешествие к Terra Australis» Флиндерс высоко оценил исследования Басса: «Наши ранние представления о побережье едва ли выходили за Рем-Хэд; и там уже начиналась неизвестность, в которую первым проник мистер Басс... Плавание в открытой лодке в шестистах милях от берега в основном в условиях неблагоприятного климата не имеет, возможно, равных в анналах истории мореходства. Высокий дух и способности руководителя должны быть вознаграждены. Но эта награда, увы, не более чем почетное место в списке тех, чьи усилия в углублении полезных знаний были наиболее заметны».

Награда, полученная Бассом от Хантера, была более материальной. Губернатор передал в его собственность сто акров правительственных земель в Бэнкстауне на реке Святого Георга, исследованной ранее им и Флиндерсом.

За три недели до возвращения Басса Хантер послал шхуну «Фрэнсис» на юг, к северо-восточному побережью Земли Ван Димена, для того чтобы забрать остатки груза с корабля «Сиднейская бухта», потерпевшего там крушение. Год назад это небольшое судно шло из Бенгалии в Сидней и наскочило на скалы у острова Прозервейшн. Экипаж и бо́льшая часть груза были ранее доставлены в Сидней. Хантер распорядился, чтобы Флиндерс участвовал в этом плавании в качестве пассажира, надеясь, что молодой человек, увлеченный изучением новых земель, произведет исследования островов, расположенных у северо-восточных берегов Земли Ван Димена, особенно островов группы Фюрно. Хантер считал, что это поможет ответить на вопрос о том, чем является Земля Ван Димена — островом или частью континента.

Но плавание в качестве пассажира значительно ограничивало возможности Флиндерса: он не мог изменять курс корабля, не мог требовать выполнения необходимых гидрографических работ. Тем не менее результаты наблюдений Флиндерса были весьма интересными. Флиндерс начал составление карты этого района южного побережья континента. Он подтвердил наличие сильного восточно-западного течения от мыса Хау.

Басс возвратился из плавания 24 февраля, а Флиндерс — 9 марта. Хантер послал письмо Бэнксу, в котором сообщал о результатах обеих экспедиций.

Через некоторое время после возвращения «Фрэнсиса» Флиндерс опять совершил плавание к острову Норфолк, но это не продвинуло вперед выполнение программы исследований южного побережья континента, ибо погода в осенний для здешних широт период была неблагоприятна.

В сентябре 1798 г. Флиндерс и Басс по распоряжению Хантера начали подготовку к плаванию, которое должно было окончательно решить вопрос о том, существует пролив между Землей Ван Димена и континентом или нет. В инструкции, которую Хантер дал Флиндерсу, назначенному руководителем экспедиции, предписывалось «обойти позади (с запада.— *К. М.*) острова Фюрно и, если пролив будет обнаружен, пройти его и вернуться, обогнув с юга Землю Ван Димена, произведя такие наблюдения и исследования, какие возможно будет сделать».

Для этой экспедиции было выделено небольшое судно «Норфолк». Команда состояла из восьми человек, служивших на кораблях «Уверенность» и «Снабжение».

7 октября «Норфолк», сопровождаемый частным судном «Наутилус», на котором находилось продовольствие для двенадцатинедельного плавания, вышел из Сиднея. Ведя исследования по программе, намеченной Хантером, Флиндерс к 8 декабря привел «Норфолк» к северо-западной оконечности Земли Ван Димена. В течение нескольких дней Флиндерса и Басса не покидало беспокойство: берег упрямо тянулся в северо-западном направлении, и им уже стало казаться, что, идя вдоль берега, они попадут в Вестерн-Порт, обнаруженный Бассом во время плавания на вельботе. Но наблюдение за течениями улучшило настроение исследователей. Оно давало основание верить, как впоследствии писал Флиндерс, «не только в реальное существование пролива между этой землей и Новым Южным Уэльсом, но также в то, что вход в Индийский океан может быть не столь далеко».

На следующий день, 9 декабря, «Норфолк», шедший вдоль побережья, резко повернул на юг. Вскоре Флиндерс и Басс увидели вдающуюся далеко в море возвышенность, которую Басс заметил во время своего плавания на вельботе. Теперь они уже твердо знали, что сделали открытие: нашли проход в Индийский океан между Новым Южным Уэльсом и Землей Ван Димена.

В этот великий для Флиндерса и Басса день произошло примечательное событие, скрупулезно записанное Флиндерсом в его «Путешествии к Terra Australis»: «Днем появилась огромная стая бакланов, летящих на юг. За ними следовало такое множество темно-коричневых буревестников, какого я никогда нигде не видел. Летящие птицы занимали полосу в 300 ярдов шириной и от 50 до 80 ярдов глубиной; птицы летели компактно, крыло к крылу. Этот поток шел без перерыва в течение полутора часов. Пред-

положив, что глубина потока 50 ярдов, ширина 300 ярдов, скорость полета птиц 30 миль в час, а занимаемое каждой птицей пространство 9 кубических ярдов, можно определить их число. Оно составляет 151 500 000. Для разведения такого числа птиц необходимо 75 750 000 гнезд, и если считать, что каждое гнездо занимает один квадратный ярд, то, размещаясь, эти птицы займут более 18,5 квадратной мили земной поверхности».

Исходя из этого, Флиндерс сделал вывод, что где-то к югу, вероятно, находятся необитаемые острова, где гнездятся эти птицы и откуда они днем вылетают на поиски пищи.

К концу девятой недели плавания вокруг Земли Ван Димена «Норфолк» достиг мыса Южный. Рождество Флиндерс, Басс и их спутники встретили в заливе Сторм. Там они исследовали район реки Деруэнт. Наконец 4 января 1799 г. «Норфолк» покинул Землю Ван Димена, а 11 января был уже в Сиднее.

Плавание «Норфолка» имело важные последствия. Открытие пролива сокращало время пути из Индии, а также от мыса Доброй Надежды в Новый Южный Уэльс на неделю. Исследование северного и южного побережий Земли Ван Димена позволило колониальным властям в скором времени начать освоение острова. Первые английские поселения на Земле Ван Димена возникли в районах, исследованных Флиндерсом и Бассом: в 1803 г. на юге острова в районе современного города Хобарта, а в 1804 г.— на севере, там, где теперь находится город Лонсестон. Постепенно был освоен весь остров, и в декабре 1825 г. создана британская колония, независимая от Нового Южного Уэльса. В 1854 г. она получила название Тасмании в честь первооткрывателя острова Абеля Тасмана.

По прибытии в Сидней Флиндерс начал работать над составлением карты побережья Земли Ван Димена. Ему предстояло дать названия открытым землям. Иногда он использовал их географическое положение или примечательные события, происшедшие там во время экспедиции (так появились мыс Северный, остров Альбатросов), но чаще — фамилии крупных политических деятелей, ученых и близких ему людей. Мыс Портленд был назван в честь британского министра внутренних дел, Порт-Далримпль — в честь картографа Адмиралтейства, острова Хантер — в честь губернатора Нового Южного Уэльса, остров Уотерхауз — в честь капитана «Уверенности». Возвышенность на одном из островов в группе Кент, расположенных к северу от Земли Ван Димена, Флиндерс назвал Чеппелл-Маунт, имя Чеппелл он дал и группе небольших островков в юго-западной части архипелага Фюрно. Аннетт Чеппелл была подругой детства Флиндерса.

Открытый пролив Флиндерс назвал Бассовым, ибо, как он говорил Хантеру, «это дань уважения моему старому другу и спутнику за исключительные опасности и трудности, перенесенные им во время плавания на вельботе, и правильное суждение... от-

носительно существования широкого открытого пространства между Землей Ван Димена и Новым Южным Уэльсом».

Дальнейшие события показали, что Джон Хантер поступил правильно, начав на свой страх и риск проводить исследование побережья Нового Южного Уэльса. Лишь 1 февраля 1799 г. Бэнкс ответил на его письмо. В нем сообщалось, что «ситуация в Европе в настоящее время столь критическая и министры его величества настолько загружены делами чрезвычайной важности, что редко представляется возможность получить короткую аудиенцию, и только по тем делам, которые их более всего интересуют; рассмотрение же вопросов, связанных с колониями, могу вас уверить, отодвинуты теперь далеко назад».

В течение нескольких месяцев после возвращения из плавания на «Норфолке» Флиндерс находился в команде корабля «Уверенность», стоявшего в Порт-Джексоне. И Флиндерс, и Басс тяготились бездействием. Рутинная жизнь в столице колонии их угнетала. В конце концов Басс не выдержал и 29 мая 1799 г. покинул Новый Южный Уэльс. Он решил возвратиться в Англию на корабле «Наутилус», капитаном которого был его хороший знакомый Чарльз Бишоп. Флиндерс с большой грустью простился с Бассом и уезжавшим вместе с ним Мартином. Друзья никогда уже больше не встречались.

Вскоре после возвращения в Англию Басс женился на Елизавете Уотерхауз, сестре Генри Уотерхауза, капитана «Уверенности». Но страсть к далеким плаваниям у него не ослабевала. На паях с Бишопом Басс закупил товары для продажи в Новом Южном Уэльсе и отправился в плавание к пятому континенту на бриге «Венера».

«Венера» пришла в Сидней 29 августа 1801 г. Губернатором колонии был в это время Кинг. Бассу не удалось реализовать весь привезенный груз, и Кинг предложил ему оставить непроданные товары на правительственных складах, а самому отправиться на тихоокеанские острова за соленой свининой, которую там можно дешево купить. Басс согласился с этим предложением и ушел в двенадцатимесячное плавание по Тихому океану, закончившееся весьма удачно.

По возвращении у Басса возникли новые коммерческие планы: он решил организовать на юге Новой Зеландии рыболовную станцию. Но сначала он отправился в Чили, для того чтобы приобрести необходимое оборудование. Покинув Сидней 5 февраля 1803 г., Басс бесследно исчез в просторах океана. Что с ним произошло во время плавания, осталось навсегда неизвестным.

После отъезда Басса в Англию в мае 1799 г. Флиндерс недолго оставался в колонии. Хантер послал его на «Норфолке» теперь уже на север для исследования залива Мортон, где сейчас расположен город Брисбен, и залива Херви. Они были открыты Куком, но он не заходил в них. Хантер надеялся, что будут обнаружены впадающие в заливы судоходные реки. Команда судна

была в основном та же, что и в предыдущем плавании. Дополнительно в нее были включены брат Флиндерса гардемарин Сэмюэл Флиндерс и абориген по имени Бонгари как переводчик при возможных встречах с коренными жителями континента.

«Норфолк» покинул Сидней 8 июля, а через шесть дней вошел в залив Мортон. Почти сразу после высадки на берег англичане встретили аборигенов, но контакта с ними, несмотря на все усилия Бонгари, установить не удалось. Результаты гидрографических изысканий Флиндерса были также весьма неутешительны. Никаких рек он не обнаружил. В отчете о плавании Флиндерс утверждал, что на восточном побережье континента между 24° и 39° ю. ш. нет ни одной реки. Несомненно, он был бы очень огорчен, если бы дожил до времени, когда была открыта река Кларенс протяженностью 240 миль, не говоря уж о реке Брисбен, впадающей непосредственно в залив Мортон.

20 августа «Норфолк» вернулся в Сидней, где Флиндерс прожил полгода. Об этом периоде его жизни ничего не известно. Сохранилось распоряжение Хантера от 1 января 1800 г. о передаче в собственность «Мэтью Флиндерса, лейтенанта „Уверенности", земельного участка размером в 300 акров в районе Бэнкстауна».

В начале 1800 г. Хантер решил отправить «Уверенность» в Англию. Судно было в плачевном состоянии: дерево гнило, во многих местах зияли щели. Использовать его в колонии уже было невозможно. 3 марта 1800 г. «Уверенность» покинула Сидней, а 26 августа 1800 г. подошла к Портсмуту. Шесть с половиной лет Флиндерс не был в Англии. Он многое испытал, многое увидел, сделал важные открытия. Но главное дело всей его жизни было впереди. И начал его Мэтью Флиндерс менее чем через год после возвращения на родину.

ВОКРУГ АВСТРАЛИИ

В 1800 г. Флиндерсу было 26 лет, и он прослужил в британском флоте уже десять лет. Внешне казалось, что работа целиком поглощала его, что все помыслы молодого человека были сосредоточены на успешном продвижении по службе. Не удовлетворенный скромным званием младшего лейтенанта, Флиндерс по дороге на родину сдал в Кейптауне экзамены на более высокий чин, который по приезде его в Англию был утвержден Адмиралтейством.

Но частная переписка Флиндерса свидетельствует о том, что молодого человека терзали сомнения. В письме к Аннетт Чеппелл, датированном мартом 1799 г., Флиндерс с горечью признавался, что не удовлетворен своей профессией.

В феврале 1800 г. в письме к своему лондонскому знакомому Смиту Флиндерс просил помочь ему устроиться на приличную службу в Англии. «Дорогой друг,— писал Флиндерс,— я устал

служить за жалкие гроши... в то время как другие наживают сотни и тысячи. Мне необходимо позаботиться о собственных интересах, кроме того, хочется быть самому себе хозяином, а не зависеть от капризов лордов Адмиралтейства... Я надеюсь собрать в Англии две-три тысячи фунтов для осуществления кое-каких коммерческих планов; если им будет сопутствовать хотя бы умеренный успех, мне, вероятно, удастся добиться полной независимости. Мне достаточно иметь репутацию честного человека и джентльмена».

Это письмо, написанное незадолго до отъезда из Нового Южного Уэльса, свидетельствует о внутренней борьбе, происходившей тогда в душе Флиндерса. За годы разлуки с Аннетт его чувство не только не остыло, но стало еще сильней. Молодой человек все время думал о ней, надеялся, что она выйдет за него замуж. Флиндерс приходил в отчаяние от сознания, что его мизерного жалованья недостаточно, чтобы содержать семью. Он искал выхода, и поэтому в голову ему приходили всяческие коммерческие комбинации.

Но как ни был Флиндерс увлечен Аннетт, как ни желал устроить ее благополучие, он не мог изменить своему призванию. И у него, человека целеустремленного и твердого, были тягостные душевные бури, мучительные колебания, желание все бросить, но в конце концов страсть к исследованию новых земель всегда побеждала. Однако теперь она была не абстрактна: его неудержимо тянула к себе Австралия.

Во время долгого плавания в Англию Флиндерс составил карты Земли Ван Димена и побережья Нового Южного Уэльса, исследованных им, написал отчет, озаглавленный «Наблюдение берегов Земли Ван Димена и части побережья Нового Южного Уэльса».

Теперь Флиндерс был одержим идеей изучить всю береговую линию Австралии, многие районы которой оставались совсем неисследованными. Но как увлечь «сильных мира сего» своей идеей, как добиться, чтобы его, молодого офицера, поставили во главе экспедиции?

У Флиндерса было три официальных пути. Самым логичным было бы обратиться в Адмиралтейство, так сказать, по инстанции: ведь он был морским офицером. Правда, в то время Адмиралтейство не вело научно-исследовательских работ. Можно было подать ходатайство в Гидрографическое управление. Но оно лишь недавно было создано, и там Флиндерсу вряд ли удалось бы чего-нибудь добиться. Наконец, можно было обратиться в министерство внутренних дел, которое тогда занималось колониями (управление последними было передано в 1801 г. созданному тогда же министерству по делам войны и колоний). Но бесплодность такого шага была совершенно очевидна.

Существовал и неофициальный, но, по всей вероятности, самый надежный путь: обратиться к Ост-Индской компании. Эта

мощнейшая организация обладала исключительными правами на торговлю со странами, расположенными к востоку от мыса Доброй Надежды. Компания была заинтересована в тщательном изучении береговой линии Австралии, морских путей, связывавших ее с азиатскими странами, в первую очередь Индией и Китаем.

Флиндерс понимал это. Поэтому, когда «Уверенность» сделала остановку у острова Святой Елены, в то время находившегося под контролем Ост-Индской компании, он посетил губернатора острова подполковника Роберта Брука и имел с ним долгий разговор. Можно предположить, хотя никаких сведений на этот счет не сохранилось, что Флиндерс показал Бруку составленные им карты Земли Ван Димена и побережья Нового Южного Уэльса и познакомил губернатора с отчетом о своих исследованиях. Очевидно, Флиндерс получил соответствующие рекомендательные письма, которые могли пригодиться ему в Лондоне.

Однако по прибытии в Англию Флиндерс не использовал ни одного из упомянутых каналов. Он принял совершенно неожиданное решение. 6 сентября, через одиннадцать дней после того, как «Уверенность» пришла в Лондон, еще находясь на борту корабля, Флиндерс написал письмо Джозефу Бэнксу. То, что случилось дальше, не имело прецедентов в истории британского мореходства. Молодой неизвестный офицер обратился к президенту Королевского общества, пользовавшемуся огромным влиянием, с предложением организовать сложную и дорогостоящую экспедицию и не только получил одобрение своей идеи, но и был назначен руководителем этой экспедиции.

Флиндерс действовал не по наитию. У него были реальные основания верить в успех. Хотя прошло уже тринадцать лет с тех пор, как Бэнкс плавал с Куком к восточным берегам Австралии, он не утратил интереса к этому континенту, тем более что именно он подал мысль о создании там колонии Новый Южный Уэльс. Дела в далекой колонии всегда очень интересовали Бэнкса, несмотря на то что у него было много разных обязанностей и забот.

Флиндерс начал письмо с короткого отчета о своих исследованиях восточного и юго-восточного побережий Нового Южного Уэльса, а затем перешел к главному: «Это исследование побережья и упомянутых заливов, в частности, дает основание думать, что Новая Голландия совсем не такая, как ее обычно представляют, ведь в районе от 18° или от 21° до 39° южной широты не обнаружено значительных рек, впадающих в море. Не исключено, что Новый Южный Уэльс отделен от Новой Голландии широким проливом... Командир американского судна по фамилии Уильямсон сообщил, что, поднимаясь на север от 45° до 10°15′ южной широты, он не видел земли: указанная им долгота находится несколько к западу от юго-западной оконечности Земли Ван Димена. Это же следует из сообщения Ферлэйна, командира бомбейского судна „Геркулес“... Если же такой пролив суще-

ствует, то трудно переоценить преимущества, которые получат поселения на Земле Ван Димена, в Новом Южном Уэльсе или в восточных частях Новой Голландии в отношении их сообщений с Индией. Несомненно одно: огромная часть этой обширной страны остается или совершенно неизученной, или частично исследованной во времена, когда навигационная наука была значительно менее развита, чем в настоящее время. Интересы географии и естественной истории вообще и британской нации в частности требуют, чтобы эта единственная остающаяся неисследованной часть суши на нашей планете была тщательно изучена. Как сообщалось, недавно, частично с этой целью, был послан бриг „Леди Нельсон". Сэр Джозеф Бэнкс, прошу извинить меня, но я полагаю, что это совершенно непосильная задача для одного корабля. Расширение знаний о проливе между Новой Голландией и Новой Гвинеей, а также о южном побережье первой, вероятно, самое важное, и такие знания могут быть приобретены в результате плавания вокруг Новой Голландии, предпринятого безотлагательно... Если этот план будет когда-либо принят, то вам, сэр Джозеф Бэнкс, сразу же станет ясно, что в экспедицию необходимо послать два корабля, один из которых по крайней мере должен быть значительно больше, чем „Леди Нельсон"... Если его величество пожелает, чтобы открытие Новой Голландии было завершено, и решит послать корабль вслед за бригом „Леди Нельсон" для сопровождения его, а также если последние открытия в этой стране встретят столь благосклонное отношение, что это побудит поручить мне руководство экспедицией, я осуществлю его с усердием, которое, надеюсь, до сих пор характеризовало мою службу».

Флиндерс послал письмо по домашнему адресу Бэнкса. Но последний был в отъезде, и его возвращение в Лондон ожидалось лишь в ноябре.

Флиндерсу надо было набраться терпения. Он все еще находился на «Уверенности», и будущее представлялось ему совершенно неясным. Сильную душевную боль продолжала вызывать в душе Флиндерса смерть любимой сестры Елизаветы, о кончине которой он узнал, еще находясь в Новом Южном Уэльсе. Его тогдашнее настроение отразилось в письме к Аннетт, посланном через двадцать дней после письма к Бэнксу. «Мой дорогой друг,— писал Флиндерс,— получили ли вы мои письма от 16 марта и 1 сентября 1799 г. и другое, от 2 сентября 1798 г.? Вы ответите — да. Но, дорогой друг, последнее ваше письмо датировано сентябрем 1797 г.! Если вы знаете, как я почитаю вас и как ценю вашу дружбу, то можете себе представить, каково мне было... Мое воображение постоянно следует за вами, но лорды Адмиралтейства все еще задерживают меня... Вы должны знать, с каким восторгом я рисовал в своем воображении встречу с вами по возвращении из плавания к Антиподам после шестилетней разлуки. И если я не ошибаюсь в вашем чувствительном сердце, вы хоро-

шо поймете мое горе от потери любимой сестры... Это для меня тяжкий удар... Я не плачу — мир достаточно полон скорби и без моих стенаний... Конечно, мой самый дорогой друг, это время, похоже, будет наиболее критическим периодом в моей жизни. Я долго отсутствовал, выполняя такую службу за границей, какой и не ожидал, но она дала многое. У меня стало больше друзей, и они значительнее, чем прежние. Возможно, наступает момент, когда их усилия будут мне очень и очень полезны. Теперь я или сумею сделать дерзкий бросок вперед, или останусь бедным лейтенантом на всю жизнь».

Не получив ответа от Бэнкса, Флиндерс 16 октября написал аналогичное письмо в директорат Ост-Индской компании. 22 октября директорат рассмотрел предложение Флиндерса и передал его для дальнейшего изучения в Комитет по судоходству. И в этом случае Флиндерс вынужден был ждать. Он покинул на время Лондон и поехал в родные края: ему очень хотелось повидаться с семьей и, конечно, со своей дорогой Аннетт.

Встреча с семьей была невеселой. Еще не улеглась боль от потери Елизаветы. Отец окончательно перестал надеяться, что сыновья станут продолжателями его дела. Это ожесточило его. Вернувшись в Лондон, Мэтью получил от отца письмо, в котором тот сообщал, что прекращает всякую финансовую помощь и ему, и брату Сэмюэлу.

После этого отец прожил недолго. Он умер в мае 1802 г.

В Лондоне Флиндерс наконец получил письмо от Бэнкса, который приглашал Мэтью к себе домой. Дальнейшие события стали развиваться с головокружительной быстротой. Письмо Бэнкса было написано 16 ноября, а уже 21 ноября Адмиралтейство выделило корабль для плавания. Дело в том, что Бэнкс сразу же понял значение проекта Флиндерса и принялся за его осуществление с присущей ему энергией. Надо сказать, что Бэнксу не пришлось долго объяснять Адмиралтейству и правительству необходимость скорейшей организации экспедиции в Новую Голландию. Об этом свидетельствует отсутствие каких-либо письменных документов: ни записок Бэнкса в Адмиралтейство, ни протокольных записей рассмотрения предложения Флиндерса на заседании кабинета. Видимо, Бэнкс просто переговорил с графом Спенсером, первым лордом Адмиралтейства, и все было решено. Столь благоприятная позиция правительства объяснялась тем, что оно разрешило французскому мореплавателю Николасу Бодену на кораблях «Натуралист» и «Географ» отправиться в подобное плавание. Теперь же, узнав от Бэнкса всю важность экспедиции и неблагоприятные для Англии последствия успешного ее завершения французами, правительство стремилось исправить ошибку. Французские корабли, направлявшиеся к Маврикию, прошли Канарские острова. Но это известие было месячной давности. Надо было спешить. 10 декабря Адмиралтейство приказало «снабдить корабль продовольствием на шесть месяцев заграничного плава-

ния как можно быстрее». 19 января 1801 г. судно было зарегистрировано в списке британского военно-морского флота под названием «Исследователь». В этот же день был подписан приказ о назначении Флиндерса командиром корабля.

Когда неделю спустя Флиндерс принял командование судном, его уже начали переоборудовать для предстоящего плавания. Флиндерс с помощью Бэнкса получил разрешение Адмиралтейства на полный контроль за ходом этих работ, а также за подбором экипажа, оснащением судна различным исследовательским оборудованием, покупкой и погрузкой продовольствия.

Флиндерс скрупулезно следил за снаряжением судна в далекий и трудный путь. Был взят запасной руль, оборудованы дополнительные баки для пресной воды. Для того чтобы освободить для них место, десять крупнокалиберных пушек были заменены на легкие орудия. Флиндерс распорядился погрузить на корабль большое количество лимонного сока, уксуса, кислой капусты как противоцинготных средств.

Одновременно Флиндерс с большой тщательностью отбирал команду корабля. Желающих принять участие в экспедиции было очень много. Однажды Флиндерс сказал, что хотел бы посмотреть одиннадцать человек, а пришло двести пятьдесят. О Флиндерсе шла слава не только как об опытном навигаторе, но и как о гуманном человеке, хотя и требовательном. К тому же нельзя не учитывать, что в это время шла война, поэтому куда спокойнее было отправиться в плавание к берегам Новой Голландии, чем принимать участие в морских сражениях в европейских водах. Так что у Флиндерса был большой выбор, и он не преминул этим воспользоваться.

Прекрасно был подобран научный состав экспедиции: ботаник Роберт Браун, картограф Уильям Уэстолл и художник Фердинанд Бауэр. Все они, как и Флиндерс, были люди молодые. Самым юным из них был Бауэр, которому исполнилось лишь девятнадцать лет. На должность второго лейтенанта Флиндерс пригласил своего брата Сэмюэла.

Во время подготовки экспедиции Джозеф Бэнкс был для Флиндерса добрым гением. Он вовремя вступал в дело, устраняя возникавшие препятствия, оказывал нужную помощь и поддержку. Это ускоряло ход подготовительных работ. Чтобы быть на месте в наиболее благоприятное для экспедиции время, «Исследователь» должен был прийти в Сидней в декабре 1802 г., то есть через одиннадцать месяцев после назначения Флиндерса капитаном корабля. По крайней мере половину этого времени должно было занять плавание. На отбор экипажа и снаряжение судна у Флиндерса оставалось не более пяти месяцев. Время для Англии было трудное, французская угроза становилась все серьезнее. Доставать все необходимое для экспедиции было очень сложно.

15 марта Флиндерс сообщил Адмиралтейству, что корабль

почти готов к плаванию и что он надеется отправиться в Новую Голландию через месяц.

День ухода в плавание приближался. Флиндерса мучил вопрос, как быть с Аннетт. Он чувствовал, что не может уйти в море без нее. Аннетт, которая также горячо любила Мэтью, настойчиво спрашивала в письмах, как он думает устроить их будущую жизнь.

6 апреля Флиндерс написал Аннетт письмо, в котором предлагал ей, если она готова соединить свою жизнь с моряком, имеющим «лишь запас белья и немного денег», плыть с ним в Сидней, где он поселит ее «под дружественной крышей», пока сам будет занят «самой опасной частью плавания». А затем они вернутся в Англию.

Аннетт с радостью согласилась. Влюбленные решили тайно обвенчаться. После этого Мэтью должен был тайно доставить Аннетт на борт «Исследователя».

Венчание состоялось в Линкольншире в пятницу 17 апреля, а в понедельник молодожены были в Лондоне. Теперь Флиндерс страстно желал как можно скорее уйти в море. Но этого нельзя было сделать до получения от французского правительства специального документа, своего рода охранной грамоты. Выдавалась она лишь кораблям, осуществлявшим плавания с мирными целями.

Впервые такой документ был получен британским правительством при посредстве американского посла во Франции Франклина от французского правительства для Джеймса Кука, что позволило последнему беспрепятственно заниматься исследованиями в Тихом океане. 13 июня 1800 г. британское правительство выдало соответствующий документ Николасу Бодену.

20 марта 1801 г. Адмиралтейство обратилось в министерство иностранных дел Великобритании с просьбой получить у французского правительства охранный документ для Флиндерса. Министерство ответило, что оно сделает это не теряя времени. Однако запрос был послан через месяц, а документ получен лишь 23 июня 1801 г. За это время Флиндерс пережил много неприятностей, которые чуть было не привели к концу его морскую карьеру.

Через несколько недель после того, как Флиндерс поселил Аннетт на «Исследователе», на корабль неожиданно прибыла инспекция из Адмиралтейства. Инспекторы, как было потом записано в акте, «обнаружили в каюте капитана женщину без шляпки, что они расценили как весьма откровенное свидетельство того, что это был ее дом».

Лорды Адмиралтейства категорически потребовали удалить Аннетт с корабля. Флиндерс был предупрежден, что, если в Адмиралтействе станет известно, что Аннетт «оказалась в Новом Южном Уэльсе, его немедленно отстранят от командования кораблем».

«Это правда, что у меня было намерение взять миссис Флиндерс в Сидней — писал Флиндерс в своем ответе Адмиралтейству,— и оставить ее там, пока я не добьюсь цели, поставленной перед экспедицией. Отправляясь домой, я предполагал снова взять ее на корабль. Адмиралтейство, вероятно, предположило, что я собирался держать ее на борту корабля во время экспедиции, но это не так». Флиндерс надеялся своим признанием смягчить лордов Адмиралтейства и добиться, чтобы Аннетт разрешили сопровождать его в плавании. Он просил Бэнкса помочь ему убедить лордов. Но все было тщетно. Аннетт должна была остаться в Англии. От пережитых волнений Аннетт расхворалась и оставалась в Лондоне до начала июля, затем она вернулась к родителям в Линкольншир. Флиндерс очень страдал. В одном из писем к жене, написанном в самом конце июня, он горько сетовал: «Могу ли я, живя без тебя, быть счастливым? Конечно нет». Дни тянулись тоскливо.

17 июля Флиндерс получил наконец пакет из Адмиралтейства. В нем находились инструкции относительно предстоящего плавания, разрешение французского правительства, списки материалов и инструментов, переданных Флиндерсу, а также указание губернатору Нового Южного Уэльса выделить в распоряжение руководителя экспедиции в качестве сопровождающего судна находившийся там корабль «Леди Нельсон». Этот бриг водоизмещением 60 тонн имел небольшую осадку и мог быть использован при исследовании заливов и рек. Кстати сказать, бриг «Леди Нельсон», покинувший Англию в начале 1800 г., был первым судном, которое прошло в Новый Южный Уэльс через Бассов пролив.

Адмиралтейство опасалось, что Флиндерс может встретиться с экспедицией Николаса Бодена у австралийских берегов и начать бой. Поэтому в случае встречи с французскими кораблями Флиндерсу предписывалось действовать так, как «если бы между двумя странами не было состояния войны».

В связи с этим следует сказать несколько слов о французской экспедиции и о самом Николасе Бодене. Последний родился во Франции в 1750 г., бóльшую часть своей морской службы провел, плавая на торговых судах. В 1786 г. он был зачислен лейтенантом во французский военно-морской флот. Боден плавал в Вест-Индию, в Китай, Малайю и к мысу Доброй Надежды. Он имел репутацию опытного навигатора. Поэтому, когда в 1798 г. французские ученые предложили Наполеону, занимавшему в то время пост первого консула, послать экспедицию в Новую Голландию, ее командиром был назначен Боден.

Для экспедиции было выделено два тридцатипушечных корвета — «Географ» и «Натуралист». Перым командовал сам Боден, вторым — Эммануэль Гамелен. И хотя экспедиция готовилась очень тщательно, проходила она неудачно. Плавание к острову Маврикий продолжалось 145 дней. Дисциплина на кораблях

была очень низкой. Дезертировало 50 человек, в том числе 10— из научного персонала экспедиции. Сорок дней Боден простоял у Маврикия, а когда 25 апреля 1801 г. вышел в плавание, австралийская зима была в разгаре. Поскольку у южного побережья пятого континента бушевали бури, Боден, плывя на север, начал изучение западного берега Новой Голландии. 30 мая «Географ» бросил якорь в месте, где сейчас расположен город Басселтон. Здесь Боден потерял из виду «Натуралиста» и решил на одном корабле плыть на север, делая зарисовки побережья. От мыса Левек «Географ» повернул к Тимору, где встретился с «Натуралистом». От Тимора Боден направился к Земле Ван Димена, плывя вдоль западного побережья Новой Голландии на юг. У входа в Бассов пролив сильный шторм опять разъединил французские корабли. «Натуралист» пошел в Сидней, а «Географ» продолжал исследования берегов Бассова пролива. Был уже апрель 1802 г.

Флиндерс начал плавание 18 июля 1801 г. Перед самым уходом в море он особенно сильно страдал от разлуки с Аннетт. «Философская невозмутимость, которую я изображал перед тобой,— писал Флиндерс Аннетт,— покинула меня, и я чувствую себя так же нелепо в разлуке с тобой, как одно лезвие ножниц, отделенное от другого». Другое письмо, посланное Аннетт за несколько дней до отплытия, было бодрее: «Теперь уж скоро я уйду из Англии, и каждый прожитый день будет приближать время моего возвращения. Оставайся уверенной, моя дорогая, в пылкости и неизменности чувств твоего Мэтью Флиндерса, любящего тебя безмерно».

Команда не догадывалась о душевном состоянии Флиндерса, для нее он оставался неутомимым капитаном, поглощенным своим делом. В день отплытия сделанная им запись в судовом журнале предельно лаконична: «В 10 часов был дан сигнал и поднят якорь. Умеренный бриз при прекрасной погоде».

Флиндерс, подсчитав, что 48 тонн питьевой воды, имевшейся на борту, не хватит до мыса Доброй Надежды, решил сделать остановку у островов Мадейра, которые принадлежали Португалии. 6 июня 1801 г. Наполеон вынудил португальцев подписать в Бадахосе договор, запрещавший английским кораблям заходить в португальские порты, но когда в начале августа Флиндерс подошел к островам, то оказалось, что они оккупированы 85-м полком британской армии. В главном городе Мадейры Фуншале Флиндерс пополнил запасы продовольствия и пресной воды и 7 августа направился к мысу Доброй Надежды.

В 6 часов вечера 17 октября «Исследователь» бросил якорь у Кейптауна. Прошло ровно три месяца с начала плавания. Эти первые месяцы показали, что Флиндерс действительно был «нужным человеком на нужном месте». Следуя опыту Кука, он заботился не только о выборе наиболее целесообразного пути и поддержании строгой дисциплины среди команды, но и о здо-

ровье членов экипажа. Флиндерс тщательно следил как за питанием, так и за тем, чтобы люди в условиях утомительного, длительного и однообразного плавания не теряли бодрость духа. 3 сентября Флиндерс записал в своем дневнике: «Овсяную кашу на завтрак — четыре дня вместо трех, а рисовую, которая теперь заменит сыр, готовить на завтрак в остальные три дня недели. Вареный горох на обед — четыре дня, как обычно, в остальные три дня давать на каждого человека по пинте первого блюда, состоящего из двух унций супа, двух унций шотландского ячменя и такого количества лука, перца и т. п., какое может быть туда добавлено, и достаточное количество воды. Таким образом, люди ежедневно будут иметь горячий завтрак, а также горячий суп на обед кроме обычной еды (солонины и пива)».

В дневнике Флиндерса есть такая запись: «Барабан и флейта играют каждый вечер для тех, кто танцует или устраивает какие-либо игры». «7 сентября,— отмечал Флиндерс,— мы находились на 0°43′ северной широты и ожидали, что пересечем экватор в это же время следующей ночью. Частью моего плана сохранения здоровья людей является поощрение активных развлечений, не мешающих выполнению их обязанностей на корабле, поэтому в этот вечер должна состояться старинная церемония, проводимая по этому случаю».

Результатом забот Флиндерса было то, что в течение трехмесячного плавания не заболел ни один человек из команды.

Во время плавания обнаружилось плохое состояние судна. Это очень беспокоило Флиндерса. 6 сентября 1801 г. в его дневнике появилась такая запись: «Корабль дает все большую течь... к концу недели уровень воды в трюме поднимался до пяти дюймов в течение часа... У меня с самого начала сложилось мнение о непрочности судна, теперь оно полностью подтвердилось. Почему же не сделали соответствующего представления и не был выделен более прочный корабль? Дело в том, что потребность военно-морского флота в подобных судах в то время была весьма неотложной, и мне дали понять, что лучшего судна предоставлено быть не может. А страстное желание завершить исследование берегов Terra Australis не позволило мне отказаться от предложенного корабля».

У мыса Доброй Надежды «Исследователь» простоял 18 дней. За это время было заново проконопачено днище судна. В ремонте корабля Флиндерсу большую помощь оказал глава британского поселения в Кейптауне Роджер Куртис.

4 ноября 1801 г. «Исследователь» покинул мыс Доброй Надежды, взяв курс к берегам Новой Голландии. Предстояло пройти без остановок 5 тысяч миль. Благоприятные ветры способствовали плаванию. Делая в среднем более пяти узлов в час. «Исследователь» достиг западного побережья Новой Голландии в

районе мыса Луин 6 декабря, то есть через 32 дня. До этого лишь три европейских мореплавателя побывали в этом месте. Первым достиг мыса в начале XVII в. голландец Питер Нейтс, затем, за десять лет до Флиндерса, здесь побывал английский мореплаватель Джордж Ванкувер, а в 1792 г.— французский адмирал Антуан д'Антркасто. Однако картографическая работа, проделанная ими, была далека от совершенства. Что же касается побережья к востоку от мыса Луин, то оно вообще не было исследовано.

Флиндерс спешил начать изучение южного побережья Новой Голландии. Поэтому, не задерживаясь у мыса Луин, он пошел к бухте Кинг-Джордж, которую до него посетил Ванкувер. 13 декабря «Исследователь» бросил якорь в бухте. Флиндерс распорядился разбить на берегу лагерь и начать исследовательские работы.

Вскоре англичане заметили, что берега бухты обитаемы. «Увидев дым... мистер Браун и другие джентльмены,— писал впоследствии Флиндерс,— направились туда и встретили нескольких туземцев, которые при виде их насторожились, но не испугались. Одному из туземцев... они подарили убитую ранее птицу и носовой платок; но, как свойственно людям этой страны, не выказывающим желание вступить в общение с чужестранцами, туземцы сразу же дали знаками понять, чтобы наши джентльмены возвратились туда, откуда пришли». Однако с течением времени между англичанами и аборигенами установились дружественные отношения.

Изучение местности, пополнение запасов пресной воды, а также починка оснастки корабля были закончены к концу декабря. Можно было сниматься с якоря.

«Наши друзья туземцы,— писал Флиндерс,— продолжали посещать нас. Когда старик с несколькими другими туземцами были у наших палаток, я приказал группе моряков, находившейся на берегу, произвести упражнения в их присутствии. Красные мундиры и белые пояса были встречены с восхищением, ибо несколько напоминали их собственный обычай украшать себя; барабан и особенно флейта удивили их. Но когда они увидели этих красно-белых людей со сверкавшими мушкетами, выстроившихся в ряд, они пришли в полный восторг. С величайшим вниманием туземцы следили за ружейными приемами моряков, непроизвольно повторяя их движения. Один старик стал в конце строя моряков с короткой палкой, которую он клал на плечо, брал на караул, ставил к ноге, не понимая, я уверен, смысла того, что делал. До того как произвести оружейный салют, индейцам объяснили, что должно произойти, поэтому залп не вызвал большого ужаса».

Флиндерс намеревался выйти в море 3 января 1802 г., но неблагоприятный ветер задержал его в бухте еще на два дня. 5 января при умеренном ветре и прекрасной погоде «Исследова-

тель» покинул бухту Кинг-Джордж, чтобы продолжить дальнейшее изучение южного побережья Новой Голландии.

Поражает, с какой тщательностью изо дня в день Флиндерс сам, никому не перепоручая, исследовал побережье. Он старался вести корабль как можно ближе к берегу. Когда же туман, течения и ветры заставляли Флиндерса отходить от берегов на безопасное расстояние, он поднимался на топ-мачту и продолжал свои наблюдения. Наброски, сделанные за день, Флиндерс каждый вечер наносил на черновую карту. Впоследствии он писал: «Мое решение видеть и зарисовать каждую деталь собственноручно требовало постоянного внимания и большого труда, но было абсолютно необходимо, поскольку я достигал той степени точности, которую желал».

Флиндерс благополучно прошел архипелаг Решерш, но у островов Ньютс его ждала неприятность. Корабль опять стал давать сильную течь. 1 февраля уровень воды в трюме поднимался за час на три дюйма, а на следующий день — на шесть дюймов. К счастью, течь удалось приостановить.

Флиндерс был строгим и взыскательным командиром, не делавшим поблажек никому, в том числе и родному брату. Он заметил, что Сэмюэл относится к службе без должного рвения. «Второй лейтенант,— записал Флиндерс в судовом журнале,— не оказал мне той помощи в астрономических и картографических исследованиях, которую я от него ожидал, и ему было приказано самому производить наблюдения по ночам». В результате, как отмечал Флиндерс, «гордость заставила его работать и днем с той старательностью, с которой он помогал мне раньше».

В воскресенье 21 февраля случилось несчастье. Владелец «Исследователя» Джон Тистл, участвовавший в плавании, был послан с несколькими матросами на берег за пресной водой. В 7 часов вечера с корабля заметили возвращавшуюся лодку с Тистлом и его спутниками. Но внезапно она исчезла. Немедленно была спущена другая лодка, поисковую группу возглавил лейтенант Фоулер. В половине десятого вторая лодка возвратилась. Фоулер сказал, что никаких следов лодки Тистла найти не удалось, да и его лодка едва не была перевернута сильным приливом.

Спустившаяся темнота не позволила Флиндерсу продолжать поиски. С рассветом они возобновились. Три дня искали исчезнувшую лодку. Все, что было обнаружено,— это отпечатки ног на берегу, парус и рея, плавающие недалеко от берега. В среду стало ясно, что никого из погибших найти не удастся, и Флиндерс вынужден был прекратить поисковые работы. Экспедиция понесла весьма ощутимую потерю: погибло восемь человек. Особенно тяжела для Флиндерса была смерть Джона Тистла, который являлся, как он писал, «действительно ценным человеком как моряк, офицер и добрый друг. Я знал его с 1794 г., и с того времени мы были почти всегда вместе». Место гибели Тист-

ла и его спутников Флиндерс назвал мысом Катастроф. Он продолжал изучение этого района. 24 февраля члены экипажа, обследовавшие побережье, сообщили Флиндерсу, что к востоку от мыса видели залив. На следующий же день Флиндерс приказал плыть туда. Обогнув мыс Катастроф, «Исследователь» вошел в чудесную гавань, самую красивую на всем южном побережье. До 4 марта Флиндерс подробно изучал обнаруженный залив, который он назвал Порт-Линкольн. Двигаясь к северу от Порт-Линкольна, Флиндерс открыл широкий залив, названный им в честь первого лорда Адмиралтейства заливом Спенсер. Две недели исследовал Флиндерс его берега. Выйдя из залива с восточной стороны, Флиндерс обнаружил большой остров. Высадившись на нем, англичане увидели огромные стада кенгуру. Два дня они охотились, заготовляя мясо на дальнейший путь. Флиндерс назвал открытую им землю островом Кенгуру. Затем Флиндерс вернулся назад, к восточному берегу залива Спенсер, и, обогнув мыс Спенсер, через пролив, названный им проливом Инвестигейтор в честь своего судна («Исследователь» по-английски «Инвестигейтор»), вошел в новый залив, который был назван заливом Сент-Винсент. Шесть дней Флиндерс изучал его берега, а затем через пролив Бакстерс вышел в открытое море и направился дальше на восток.

Вечером 8 апреля вахтенный на «Исследователе» сообщил, что видит впереди белый пирамидальный риф. Очень скоро было установлено, что это французское судно «Географ» под командой Бодена. Флиндерс несколько раз побывал на «Географе». Капитаны познакомили друг друга с результатами своих исследований южного побережья Новой Голландии. Флиндерс рассказал о плавании к востоку от мыса Луин, в частности о заливе Спенсер, заливе Сент-Винсент и острове Кенгуру, а Боден — о Бассовом проливе. Французского капитана весьма заинтересовало предположение Флиндерса о существовании пролива, разделяющего Новую Голландию на две части.

9 апреля в половине десятого утра корабли разошлись. «Географ» пошел на северо-запад, а «Исследователь» — на юго-восток. У Флиндерса сложилось впечатление, что его встреча с французами, хотя и не была ему полезна, прошла в дружественной и сердечной атмосфере. Но оказалось, что она имела для Флиндерса трагические последствия.

Николас Боден умер в 1803 г., а в 1807 г., когда Флиндерс находился в плену на острове Маврикий, Франсуа Перон, ученый-натуралист, участвовавший в экспедиции Бодена, выпустил в свет первый том трехтомного издания «Путешествие, предпринятое для открытий Terra Australis». В этой книге Перон признавал приоритет открытий Питера Нейтса, Джорджа Ванкувера и Антуана д'Антркасто, сделанных к востоку от мыса Луин до архипелага Нейтса (133°30′ в. д.), а также открытия Джорджа Басса в районах до Вестерн-Порта (145°02′ в. д.). Что касается

остальной части побережья между архипелагом Нейтса и Вестерн-Портом, то Перон объявил, что она принадлежит Франции и называется Землей Наполеона. Все географические названия, которые Флиндерс дал открытым им островам и заливам, Перон изменил. Так, залив Спенсер стал заливом Бонапарт, залив Сент-Винсент — заливом Жозефины, остров Кенгуру — островом Декре (в честь французского морского министра). О плавании Флиндерса в книге не упоминалось ни словом.

Флиндерс узнал об этой «агрессии», как он назвал действия Перона, еще томясь в плену на Маврикии. Сознание своей беспомощности, невозможность защитить себя усугубляли его ярость. Ответить непосредственно Перону Флиндерс так и не смог. Он вернулся из плена в 1810 г., а Перон умер за три года до этого.

Расставшись в Боденом, Флиндерс продолжал плавание на восток. Неблагоприятные ветры помешали ему сделать очень важное открытие. Флиндерс не заметил устья крупнейшей реки пятого континента — Муррея. Если бы он обнаружил ее, весьма возможно, что экономическое развитие британских колоний в Австралии в первой половине XIX в. пошло значительно быстрее. Но эта река была открыта почти тридцать лет спустя.

В 1826—1828 гг. Новый Южный Уэльс поразила сильнейшая засуха. Из-за отсутствия кормов начался падеж скота, урожай погибал. Колонисты метались в поисках новых пастбищ и воды.

Губернатором Нового Южного Уэльса был тогда Рольф Дарлинг. Формалист и педант, он в этой критической ситуации вынужден был действовать энергично. Дарлинг отправил своего приятеля капитана Чарльза Стерта на поиски новых рек, а может быть, и крупных внутренних морей. По распространенному тогда мнению, в глубине материка должны были существовать такие моря.

Экспедиция Стерта началась в ноябре 1828 г. и продолжалась до апреля 1829 г. Исследуя реку Маккуори, Стерт, к неудовольствию своему, обнаружил, что она оканчивается большим болотом, заросшим тростником и камышом. Но в январе 1829 г. к западу от реки Маккуори он нашел ручей, текущий на север. Двигаясь по нему, Стерт увидел широкую, полноводную реку, названную им Дарлинг в честь губернатора. Вода в реке оказалась соленой. Берега ее были совершенно голыми, растительность встречалась только в болотистых местах, да и там она была весьма чахлой.

«Огромные деревья умирали. Эму, вытянув шеи, жадно глотали воздух, страдая от жажды. Туземные собаки были так худы, что едва могли двигаться. Сами туземцы умирали от истощения. Они приносили своих детей к белым людям, прося дать какой-нибудь еды».

Результаты экспедиции не могли, конечно, удовлетворить губернатора колонии. В сентябре 1829 г. Стерт во главе неболь-

шого отряда предпринял новую экспедицию. 25 сентября он достиг реки Маррамбиджи. Встретившиеся ему аборигены утверждали, что Маррамбиджи — приток другой большой реки. Обнаружив небольшую речку, впадавшую в Маррамбиджи, Стерт взял с собой шесть человек (остальным он приказал вернуться вверх по Маррамбиджи и ждать его возвращения) и начал ее исследование. Передвигаясь с большими трудностями, поскольку река была очень мелкая, 14 января 1830 г. путешественники вошли в неизвестную большую реку. Так была открыта одна из крупнейших рек Австралии, которую Стерт назвал Муррей в честь британского министра колоний Джорджа Муррея.

33 дня Стерт и его спутники плыли на лодке по этой реке. Пройдя 1000 миль, они обнаружили озеро, названное ими Александрина по имени британской принцессы. Из озера они нашли выход в открытое море. Это была большая победа. Возвращение в Сидней было долгим и трудным. Лишь 25 мая 1830 г., через полгода после начала путешествия, Стерт и его товарищи вернулись в Сидней.

Важными результатами экспедиции Стерта было исследование системы рек в Южной Австралии, доказавшее, что водным путем можно добраться до южной границы материка, а также открытие больших пространств плодородных земель, чрезвычайно удобных для колонизации. «Мои глаза,— сообщал Стерт,— никогда не видели страны, которая занимала бы более выгодную позицию... Мы получили пять миллионов акров прекрасной земли». Его сообщение повлекло за собой колонизацию Южной Австралии.

21 апреля Флиндерс достиг мыса Отуэй, но высокая волна не позволила ему пристать к берегу. Флиндерс повернул к острову Кинг и исследовал его северные берега. Затем он возвратился к мысу Отуэй и продолжал изучение побережья континента. Флиндерс заходил в залив Порт-Филлип, прошел мимо того места, где сейчас расположен Мельбурн, но не заметил реки Ярры, впадающей там в залив. Флиндерс, естественно, не мог знать, что за десять недель до него этот залив был открыт лейтенантом Джоном Мурреем, который стал капитаном корабля «Леди Нельсон» вместо Гранта.

Покинув залив Порт-Филлип, Флиндерс взял курс на Сидней, куда прибыл 9 мая. «Исследователь» преодолел 20 тысяч миль, из которых 6 тысяч он прошел вдоль побережья от мыса Луин до Порт-Джексона. Жители Сиднея были поражены здоровым и жизнерадостным видом всей команды корабля. На его борту не было ни одного больного. «Когда „Исследователь“ входил в сиднейскую гавань,— писал впоследствии Флиндерс,— на борту не было ни одного человека, который не работал бы на палубе... и можно утверждать, что офицеры и матросы, вообще-то говоря, чувствовали себя лучше, чем в день отплытия из Спитхеда, и были не менее бодры духом... Как только был брошен якорь,

я сошел на берег и посетил его превосходительство Филиппа Гудли Кинга, губернатора Нового Южного Уэльса, и старшего морского офицера, которым доложил в общих чертах об открытиях и изучении южного побережья, а также вручил губернатору распоряжения Адмиралтейства и государственного секретаря. Эти распоряжения предписывали ему передать бриг „Леди Нельсон" под мое командование и не использовать „Исследователь" для других целей, кроме исследовательских. Его превосходительство заверил меня, что будет всячески способствовать выполнению заданий, столь интересующих правительство и его самого. „Леди Нельсон" находилась тогда в сиднейской гавани, но ее командиру лейтенанту Гранту было разрешено вернуться в Англию, и он уплыл туда шесть месяцев назад».

В сиднейском порту Флиндерс увидел «Натуралиста». Капитану корабля Гамелену он сообщил, что Боден намеревается прийти в Новый Южный Уэльс, как только позволит погода. Однако Гамелен не стал дожидаться Бодена, и 18 мая «Натуралист» вышел в море, держа курс на остров Маврикий. Сильные штормы у южных берегов Земли Ван Димена заставили Гамелена вернуться обратно. 3 июля «Натуралист» вошел в сиднейскую гавань, где на якоре стоял «Географ», прибывший двумя неделями раньше.

Путь «Географа» в Сидней был поистине драматичен. 20 июня Кингу сообщили, что у входа в бухту виден корабль, подающий сигнал бедствия. Губернатор распорядился направить к нему шлюпку с «Исследователя». Шлюпка подошла к кораблю, оказавшемуся «Географом», и англичане узнали, что его команда настолько ослаблена цингой, что не в силах привести корабль в порт. Боден рассказал, как писал впоследствии Флиндерс, что лишь 12 человек из 170 были способны работать.

Кинг распорядился поместить больных в госпиталь. Между англичанами и французами установились дружественные отношения.

Французы остались очень довольны приемом в Сиднее, и позднее Кинг получил в подарок от французского правительства обеденный сервиз из севрского фарфора. Боден, покидая Сидней, оставил Кингу двенадцать экземпляров письма к губернаторам Маврикия и Реюньона, в котором говорилось о гуманном обращении с французскими моряками в Сиднее и содержалась просьба встретить английских моряков таким же образом. В письмах не были проставлены названия судов и фамилии капитанов, и, таким образом, Кинг мог выдавать их любым британским судам по своему усмотрению.

Несмотря на то что Боден, казалось бы, рассеял все подозрения англичан и убедил их, что цель его экспедиции — чисто научные изыскания, буквально через несколько часов после ухода французских кораблей 17 ноября 1802 г. в Сиднее стали распространяться слухи об агрессивных намерениях французов.

Заместитель губернатора колонии и командир полка Нового Южного Уэльса подполковник Петерсон сообщил Кингу, что французские офицеры якобы говорили о намерении заняться поисками мест для французских поселений на Земле Ван Димена.

Встревоженный этим сообщением, Кинг немедленно направил к Земле Ван Димена шхуну «Камберленд» под командованием лейтенанта Роббинса, который должен был передать Бодену письмо. В нем сообщалось, что Англия еще в 1788 г. распространила свои права на весь район Бассова пролива, включая остров Кинг. Любая попытка оккупации этой территории, указывалось в письме, будет рассматриваться как враждебный акт. Роббинс должен был также зайти в Порт-Филлип.

«Камберленд» вышел в море 26 ноября, а 8 декабря настиг французские суда у острова Кинг. Роббинс передал письмо губернатора Бодену. Последний был немало поражен, прочитав его. Потом он написал два ответных письма Кингу, одно официальное, а другое частное, в которых отрицал намерения оккупировать какие-либо части территории Новой Голландии.

Но мирные заверения Бодена не убедили лейтенанта Роббинса. Спустя несколько дней после прибытия на остров он поднял британский флаг на флагштоке, врытом недалеко от палаток французов. Вся команда шхуны, состоявшая из 17 человек, присутствовала при этом. Был произведен троекратный салют из мушкетов. Затем Роббинс объявил об официальном установлении власти британской короны на острове.

170 французских моряков с борта «Географа» насмешливо смотрели на действия ретивого лейтенанта, но никакой враждебности не выказывали, находя всю эту ситуацию весьма забавной. В частном письме Кингу Боден писал: «Эта детская церемония была смехотворной, ее нелепость усугублялась тем, что установленный флаг уныло свисал с наклонно воткнутого древка... Сначала я подумал, что флаг, возможно, использовался для процеживания воды, а затем был повешен для просушки; но позднее мне сообщили о смысле церемонии, состоявшейся в то утро».

27 декабря французские моряки покинули остров Кинг, а «Камберленд» продолжал исследование берегов острова и Земли Ван Димена до 17 января 1803 г., после чего направился в Порт-Филлип. Роббинс оставил в районе реки Деруэнт, там, где сейчас находится столица Тасмании город Хобарт, двух солдат для подтверждения британской собственности на Землю Ван Димена. Проведя изучение Порт-Филлипа, Роббинс 27 февраля направился в обратный путь.

Как уже говорилось выше, за год до описываемых событий Порт-Филлип посетил Джон Муррей, который дал весьма положительную характеристику этого района в качестве дополнительной ссыльной колонии. Основываясь на докладе Муррея, лорд

Хобарт, занимавший тогда пост министра колоний, приказал подполковнику Коллинзу возглавить экспедицию для организации новой колонии.

В октябре 1803 г. 330 заключенных на двух судах были доставлены в Порт-Филлип. Но место Коллинзу не понравилось. Поскольку в инструкциях, данных ему британским правительством, говорилось, что он имеет право выбрать другую территорию для колонии при условии, что поиски нового, более удобного места не будут затянуты, в феврале 1804 г. Коллинз перевез всех колонистов на Землю Ван Димена и высадил их там, где сейчас расположен город Хобарт. Здесь он встретил девятнадцатилетнего лейтенанта Боуена, который по приказу губернатора Кинга с небольшой партией свободных колонистов и заключенных в сентябре 1803 г. основал в этом месте британское поселение. Руководство объединенной колонией принял на себя Коллинз.

В первые годы существования колонии на Земле Ван Димена переселенцы столкнулись с такими трудностями, каких не знали колонисты Нового Южного Уэльса. Английское правительство считало, что снабжение новой колонии должно осуществляться из Сиднея, губернатор же Нового Южного Уэльса полагал, что это дело британского правительства, а ему достаточно хлопот со своей колонией. Связь между Сиднеем и Хобартом поддерживалась лишь небольшими судами, принадлежащими колонии Новый Южный Уэльс, и была эпизодической. Если бы не мясо эму и кенгуру, имевшихся в большом количестве на острове, население Хобарта скоро бы вымерло.

Британское правительство проводило политику, направленную на быстрое заселение Земли Ван Димена заключенными и свободными колонистами, не заботясь о развитии соответствующей материальной базы. Уже в ноябре 1804 г. на северном берегу Земли Ван Димена, недалеко от места, где расположен город Лонсестон, возникла вторая колония, которую возглавил полковник Петерсон. До 1813 г. эти колонии, считавшиеся независимыми друг от друга, подчинялись властям Нового Южного Уэльса. Отношения между Петерсоном и Коллинзом обострились до такой степени, что губернатор Кинг вынужден был административно разделить остров на две части — северную, названную Землей Корнволл, и южную, названную Букингхемшир.

Покинув остров Кинг, Боден пошел на запад и 2 февраля 1803 г. достиг острова Кенгуру. Отсюда он послал небольшой бот для исследования заливов Спенсер и Сент-Винсент.

Флиндерс потратил на изучение этих заливов 42 дня, нетерпеливый Боден дал своим людям только 23 дня. Когда они не вернулись к строго намеченному сроку, он не стал их дожидаться и пошел дальше на запад. Бот, преодолевая большие трудности, догнал «Географа» лишь в заливе Кинг-Джордж.

В июне Боден достиг северных берегов Новой Голландии и, проведя их беглое исследование, направился к Маврикию. Боден прибыл на остров 7 августа тяжелобольным и умер там 15 сентября 1803 г.

Пока Боден совершал столь драматически закончившееся плавание, Флиндерс, полный энергии и сил, готовился к продолжению своих исследований побережья Новой Голландии.

После совещания с Флиндерсом Кинг решил послать «Исследователя» на север для детального изучения восточного побережья от залива Херви до южного конца Большого Барьерного рифа. Флиндерс должен был особенно внимательно исследовать те районы побережья, которые не были изучены Куком.

«Плавание капитана Кука, беря размеры сделанных открытий и точность, с которой они нанесены на карту, или работу его ученых помощников, далеко превосходит все ранее совершенное,— писал Флиндерс.— Но общий план плавания не позволил капитану Куку входить всякий раз в мельчайшие детали, да и сами размеры его открытий мешали это сделать. Таким образом, некоторые части восточного побережья Terra Australis были пройдены ночью, многие заливы были обнаружены и оставлены неизученными, а острова и рифы, лежащие у берегов, были лишь зафиксированы: он собрал урожай открытий, но оставленные на поле колосья еще предстояло убрать».

Флиндерс должен был исследовать Торресов пролив, который в то время был изучен очень плохо, и залив Карпентария. Предполагалось, что все плавание займет от десяти до двенадцати месяцев.

Как уже отмечалось выше, экономическое положение Нового Южного Уэльса было очень тяжелым. Флиндерс потратил много усилий, чтобы добыть необходимые для экспедиции продовольствие и снаряжение.

Три месяца простоял «Исследователь» в сиднейском порту. Очень огорчало и тревожило Флиндерса отсутствие писем от Аннетт. Он был уверен, что в Сиднее его будут ждать ее письма, но они пришли лишь в начале июля. Одно из писем было датировано октябрем 1801 г., другое — 7 января 1802 г. В последнем Аннетт сообщала о своей болезни и о том, что она перенесла операцию глаз. Письмо было отправлено семь месяцев назад. Что с Аннетт сейчас? На душе у Флиндерса стало еще тяжелее. Сильно задел его вопрос жены, любит ли он ее. «Ты так быстро оставил меня одну после свадьбы, что я стала сомневаться, любишь ли ты меня»,— писала Аннетт.

«Мой дорогой друг, ты расцениваешь мой уход в плавание, которое я предпринял, подчиняясь зову профессии, как доказательство слабого чувства к тебе. Но разве ты не знаешь, любимая, что нам почти не на что существовать в Англии, что мы оба должны отказывать себе в самом необходимом... Небеса знают, как искренне и сильно я люблю тебя, с каким нетерпе-

нием жду нашей встречи и как упорно работаю, чтобы счастье встречи не омрачилось страхом долгой разлуки... Не позволяй печали усиливать твой недуг, моя дорогая, смотри на жизнь с лучшей стороны»,— ответил Флиндерс Аннетт 20 июля 1802 г.

Конечно, Флиндерс страдал от разлуки с любимой, но у него было дело, в котором он видел смысл своей жизни, без которого не мог существовать. Это давало ему силы, вливало энергию, приглушало душевную боль. Аннетт же была целиком погружена в свою печаль. Ей оставалось лишь ждать, и так долго ждать, как она не могла вообразить даже в самые мрачные минуты.

22 июля 1802 г. шлюп «Исследователь», сопровождаемый бригом «Леди Нельсон», покинул Сидней, направляясь к заливу Херви. 27 июля Флиндерс был уже в заливе, исследовал его в течение трех дней, а 1 августа поплыл дальше на север. В августе — сентябре он обнаружил мыс Кертис, мыс Клинтон, острова Перси и исследовал их.

В начале октября Флиндерс направился к Торресову проливу. Выход через Большой Барьерный риф в открытый океан представлял немалую сложность. Надо было пройти лабиринт мелких островков и рифов. Всюду подстерегала опасность сесть на мель или разбиться о скалы. Поэтому Флиндерс решил, что «Исследователь» и «Леди Нельсон» должны плыть самостоятельно. В инструкции лейтенанту Джону Муррею он назначил место встречи судов в Торресовом проливе. Если же к концу установленного срока, то есть через два месяца, «Исследователь» не появится, Муррей должен приступить к изучению северного побережья и затем вернуться в Сидней.

5—11 октября были для Флиндерса днями суровых испытаний. Изучение карт, составленных Куком, подтвердило, что «Исследователь» все еще находится внутри Большого Барьерного рифа. Стремясь поскорее вырваться на простор океана, Флиндерс решил идти, что называется, напролом, искать путь среди нависших скал. Но он скоро пожалел об этом. Записи в его дневнике ярко иллюстрируют положение, в котором находился «Исследователь». «Этим утром (7 октября.— *К. М.*) очень часто попадались мели; тени белых облаков и рябь скрывали рифы. Но с помощью нашего вельбота я вскоре выяснил ситуацию... впереди все еще оставалась огромная масса рифов, в которых, очевидно, был лишь один маленький проход». На следующий день появилась такая запись: «Сегодня в полдень перспектива еще хуже, чем когда-либо. За исключением западной стороны, откуда мы идем, нас всюду окружают рифы... Просветы на востоке, различаемые за этими рифами, указывают на открытое море, и, конечно, это единственное, что внушает нам надежду в нашем теперешнем положении». 9 октября не было обнаружено ни одного прохода.

10 октября Флиндерс принял решение идти назад к островам Перси и уже оттуда плыть прямо на север вдоль побережья

континента с внутренней стороны Большого Барьерного рифа. Это было опасно, но не безнадежно, ибо, как справедливо полагал Флиндерс, рано или поздно рифовый барьер должен был кончиться.

Через четыре дня «Исследователь» подошел к островам Камберленд. 17 октября Флиндерс приказал лейтенанту Джону Муррею вернуться в Сидней. У брига «Леди Нельсон» сломался киль, и он был лишен возможности продолжать опасное плавание. На следующий день «Исследователь» отправился дальше на север. 20 октября Флиндерс наконец увидел открытый океан. «По-прежнему держали курс на северо-восток, и в четыре часа не было видно ни одного рифа»,— с облегчением записал он в дневнике. Место, где «Исследователь» вышел в океан, сейчас называется проходом Флиндерса.

Позднее Флиндерс писал: «Капитан, который собирается провести эксперимент, не должен спешить повернуть корабль, как только увидит просветы вдали. Если его нервы недостаточно крепки, чтобы продеть нитку в иголку, иначе говоря, провести корабль между рифов, управляя им с верхушки мачты, то я бы настоятельно рекомендовал ему держаться подальше от этой части Нового Южного Уэльса».

29 октября «Исследователь» бросил якорь у крупнейшего из островов группы Муррей, расположенного у восточного входа в Торресов пролив. Именно здесь в 1792 г. аборигены напали на корабль «Провидение», которым командовал Уильям Блай. Флиндерс тогда был в составе экипажа судна.

«Едва мы бросили якорь,— писал Флиндерс в книге „Путешествие к Terra Australis“,— как сорок или пятьдесят туземцев подошли к нам на своих каноэ. Они остановились не прямо у борта, а на небольшом расстоянии от корабля, показывая кокосовые орехи, бамбуковые трубки, наполненные водой, бананы, луки и стрелы и крича: „Тури! Тури! Маммуси!“ Вскоре начался обмен: туземцам показывался топорик или какой-либо другой предмет, сделанный из железа, а они предлагали связки зеленых бананов, лук и колчан со стрелами или то, что они считали справедливым дать в обмен. После того как с обеих сторон давались знаки согласия, индеец взбирался на борт судна со своим товаром и передавал его человеку, выходившему ему навстречу, а получив топорик, плыл обратно к своему каноэ. Некоторые туземцы передавали свои товары без каких-либо попыток обмануть, но так было не всегда... К заходу солнца два каноэ возвратились на остров, идя на веслах в наветренную сторону с большей скоростью, чем это могла бы сделать какая-либо из наших шлюпок. Третья лодка... направилась к северо-западу, насколько я могу судить, в сторону острова Дарнлей, открытого Блаем. Я не забыл, что жители этих островов напали на „Провидение“ в 1792 г. Поэтому матросы все время были под ружьем, орудия приготовлены к стрельбе, фитили зажжены; офицеры наблюдали за каж-

дым движением на каноэ, пока они находились у корабля. Луки и стрелы были на всех каноэ, но индейцы не показывали враждебных намерений. Однако можно было предполагать, что те, кто поплыл к острову Дарнлей, направились туда за помощью... С рассветом туземцы вернулись на семи каноэ, некоторые из которых подошли к самой корме; пятнадцать или двадцать человек поднялись на борт, неся в руках перламутровые раковины, луки и стрелы, за которые они намеревались получить больше драгоценного тури (железа)... Цвет кожи этих туземцев был темно-шоколадный; они были энергичными, физически сильными людьми, почти среднего роста, выражение их лиц свидетельствовало о сообразительности. Черты лица и волосы были такими же, как у туземцев Нового Южного Уэльса, и они тоже были совершенно голы».

30 октября «Исследователь» покинул острова Муррей, а 1 ноября вошел в Торресов пролив. Флиндерс был в этих местах десять лет назад. Тогда восемнадцатилетний юноша мечтал пройти через пролив на своем корабле, он видел себя героем, подобным Куку. Теперь Флиндерс, утративший наивную романтичность, думал прежде всего о практических результатах предпринятого им путешествия: «Плавание из Тихого, или Великого, океана к Индии или мысу Доброй Надежды стало бы намного удобней, если бы был открыт относительно безопасный проход через пролив; были бы сэкономлены пять или шесть недель в сравнении с обычным путем. Несмотря на то что были сделаны большие открытия в этом проливе, все еще остается надежда, что тщательное изучение его в целом привело бы к обнаружению этого прохода. Поэтому исследование такого рода весьма желательно. Оно не только принесло бы пользу морякам и купцам, торгующим в этих районах, но и способствовало бы общему развитию мореплавания и географии».

Первым из европейцев прошел через пролив в 1606 г. испанец Луис де Торрес. Однако Испания тщательно скрывала открытия, сделанные ее мореплавателями. Остальные европейские страны ничего не знали о Торресовом проливе. Новая Гвинея и Австралия обозначались на картах как единый материк. Поэтому, когда Джеймс Кук в 1770 г. проплыл через пролив, произошло как бы второе его открытие. Через 19 лет пролив увидел Уильям Блай. Следующим был Эдвард Эдвардс, посланный британским правительством на розыски мятежных матросов с «Баунти». Его корабль «Пандора» в 1791 г. разбился в проливе у одного из островов. Эдвардс разместил команду на четырех корабельных шлюпках, которые он привел к Тимору. В 1792 г. через пролив прошли «Провидение» и «Помощник», возвращавшиеся в Англию из плавания за хлебным деревом. В том же году провели свои суда через пролив, идя в обратном направлении — с запада на восток, Уильям Бэмптон и Мэтью Элт. Таким образом, Флиндерс был девятым капитаном, вошедшим в Торресов пролив.

3 ноября Флиндерс начал исследование залива Карпентария, который, как и Торресов пролив, был изучен слабо. Впервые европейцы появились здесь в 1606 г. Голландская яхта «Дейфкен», исследовавшая берега Новой Гвинеи, приблизилась к Торресову проливу и, повернув на юг, прошла вдоль восточного побережья залива до мыса Кируир (13°57′ ю. ш.), а затем направилась обратно к Молуккским островам. В 1623 г. другое голландское судно, «Пера», прошло вдоль восточного побережья залива южнее — до реки Статен (16°25′ ю. ш.). В 1644 г. в заливе Карпентария побывал Абель Тасман. С тех пор в течение 158 лет ни одно европейское судно не посещало залив. Флиндерс имел в своем распоряжении лишь старые голландские карты, на которых залив обозначался до 16°25′ ю. ш. Что было к югу от реки Статен, оставалось совершенно неизвестным.

Идя только в дневное время и сделав лишь две высадки на берег, Флиндерс в течение десяти дней исследовал восточное побережье в районе между островом Буди и входом в залив. Восемь дней стояла ясная погода при умеренном ветре. В последние два дня, 12 и 13 ноября, ветер оставался умеренным, но небо заволокли облака. Однако не ощущалось никаких признаков муссона, о котором Флиндерса предупреждали еще в Англии.

В соответствии с инструкциями, полученными от Адмиралтейства, Флиндерс изучал побережье залива прежде всего с целью обнаружения пролива, разделяющего Новую Голландию на две части. Поэтому он искал там устья рек или бухты. Видимо, такова уж была судьба Флиндерса, но это ему никогда не удавалось. Между тем на восточном побережье залива Карпентария немало рек, впадающих в него. Одна из них впоследствии была названа именем Флиндерса. Он сделал правильный вывод, используя неправильные доказательства: в районе залива Карпентария Новая Голландия не может делиться на две части, поскольку не обнаружено никаких рек и бухт.

Состояние «Исследователя» беспокоило Флиндерса еще до входа в Торресов пролив: судно давало опасную течь. Поэтому, выбрав удобное место у острова Свир, Флиндерс 24 ноября распорядился приступить к обследованию корабля. Новый владелец корабля Джон Эйкен и корабельный плотник Рассел Мэрт через два дня передали Флиндерсу письменный отчет о результатах обследования, заканчивавшийся следующими выводами: «Поскольку уровень воды в трюме повышался на 10 дюймов в час, а сейчас и того больше, маловероятно, что две помпы обеспечат откачку воды, поэтому мы думаем, что при сильной волне корабль едва ли избежит затопления... Совершенно очевидно, что в случае, если судно будет выброшено на берег, оно немедленно разлетится на куски... Мистер Эйкен знает несколько судов такого же типа, как „Исследователь“, построенных в том же самом месте, что и наше судно. Когда они начинают гнить, то этот процесс идет

очень быстро... Состояние судна сейчас таково, что едва ли можно рассчитывать найти на нем через двенадцать месяцев хотя бы одну целую доску. Но если судно будет находиться в условиях прекрасной погоды, то оно продержится на воде в течение шести месяцев».

Заключение было убийственным. Прошло лишь 16 месяцев с начала плавания рассчитанного на четыре года. Сделано было еще очень мало. Основные работы были впереди. Перед Флиндерсом встала дилемма: продолжать плавание, идя на большой риск, или вернуться в Сидней. «Отложив в сторону решение двух больших вопросов: наше спасение и завершение плавания сейчас же,— писал Флиндерс в своем дневнике,— я решил продолжать изучение этого залива, если северо-западный муссон не окажется слишком сильной помехой, и после этого действовать в зависимости от обстоятельств».

1 декабря ремонт «Исследователя» был закончен, и Флиндерс приказал возобновить плавание. Через два дня корабль стал на якорь у острова Бентинк. 14 декабря Флиндерс достиг мыса Вандерлин. Проведя там рождество, он пошел дальше на север. Начавшийся северо-западный муссон заставил Флиндерса держаться подальше от берега.

Дальнейшее плавание вдоль западного побережья залива Карпентария шло относительно спокойно. Были лишь два неприятных случая: 3 января 1803 г. утонул матрос Уильям Муррей, а 21 января был убит аборигенами другой член экипажа — Уильям Уайтвуд.

3 февраля «Исследователь» подошел к заливу Каледон. В течение недели шло исследование его берегов, а затем Флиндерс возобновил плавание. Он очень спешил. Прошло 12 недель после того, как Эйкен и Мэрт вынесли свой приговор «Исследователю». Судну оставалось жить только три месяца.

13 февраля Флиндерс был в бухте, которую он назвал Мелвилл в честь первого лорда Адмиралтейства виконта Мелвилла. Три дня ушло на ее изучение. 16 февраля «Исследователь» пошел дальше в западном направлении.

Флиндерс был совершенно уверен, что «Исследователь» — единственное судно в этих местах. Поэтому он был чрезвычайно удивлен, заметив скопление судов у южных берегов островов, названных им островами Английской компании (в честь британской Ост-Индской компании). Флиндерс насчитал шесть кораблей, стоявших на якоре как раз там, где он сам намеревался бросить якорь. Флиндерс приказал поднять британский флаг. В ответ на кораблях были подняты белые флаги. Флиндерс послал своего брата в сопровождении вооруженных матросов узнать, кому принадлежат суда. Он думал, что наткнулся на пиратское логово. Но возвратившийся Сэмюэл сказал, что это малайцы под командой некоего Побассо, что их корабли — часть флота в 60 судов, принадлежавших одному из раджей острова

Сулавеси. Они занимаются ловлей трепангов, которых продают китайцам.

Через переводчика Флиндерс узнал, что Побассо впервые побывал в этих местах 26 лет тому назад и после этого был здесь шесть или семь раз. На Флиндерса произвело большое впечатление навигационное искусство Побассо, который совершал столь сложные плавания без каких-либо карт, с помощью лишь карманного компаса. Флиндерс был также удивлен неприхотливостью малайцев. «Они имели месячный запас воды, находившейся в бамбуковых трубках; их еду составляли рис, кокосовые орехи и рыба и небольшое количество кур для вождей»,— записал Флиндерс в своем дневнике.

Видя, что малайцы не проявляют никакой враждебности, Флиндерс пригласил Побассо и капитанов малайских судов на «Исследователь». Малайцы рассказали Флиндерсу, что намереваются идти дальше на восток в залив Карпентария для ловли трепангов. Они уверяли, что обычно привозят около 375 тонн трепангов. На вопрос Флиндерса, не видели ли они рек, впадающих в море с континента к западу от залива Карпентария, малайцы ответили отрицательно.

В память о столь удивительной встрече Флиндерс назвал бухту, где стояли малайские суда, Малайским заливом, а близлежащий остров — островом Побассо.

И англичане, и малайцы торопились продолжать свой путь. Поэтому 19 февраля они расстались. Побассо повел свои суда на юго-восток, а Флиндерс — на запад. Он прежде всего решил тщательно исследовать острова Английской компании. Две недели «Исследователь» передвигался от острова к острову, а Флиндерс наносил на карту их расположение.

Завершив эту работу, Флиндерс направился к заливу Арнем. На вельботе он прошел вдоль всего побережья залива, а затем взял курс на острова Уэссел. Время шло быстро. Срок жизни «Исследователя», определенный Эйкеном и Мэртом, пугающе сокращался. Флиндерс должен был окончательно решить, что делать: идти дальше или вернуться назад. После трудных раздумий он принял решение прекратить исследование северного побережья Новой Голландии.

Было 5 марта 1803 г. В дневнике Флиндерс так объяснил свое решение: «Ветры, дующие в течение последних четырех дней преимущественно с востока, убедили меня, что настало время принять во внимание состояние корабля и необходимость безотлагательного возвращения... Я подсчитал, что, если мы немедленно отправимся в Порт-Джексон, наше возвращение завершится почти в те шесть месяцев, которые были определены Эйкеном и Мэртом, и что мы пройдем вдоль южного побережья и через Бассов пролив, где ожидается наиболее плохая погода, до того, как зимние ветры наберут силу. Это даст нам реальный выход из положения, если состояние корабля не окажется хуже, чем

мы считаем... Против немедленного возвращения есть следующее возражение: нынешние благоприятные ветры в высшей степени способствуют продолжению изучения этого очень интересного побережья, поскольку мы уже нашли здесь многочисленные гавани и места, удобные для захода судов. Возрастающая скорость течений, улучшающаяся плодородность почв, так же как и увеличивающаяся близость к нашим индийским владениям,— все это говорит в пользу продолжения изучения этого побережья. Я убежден, что оставить такое место, как это, сознавая, что никогда уже сюда не удастся вернуться, может лишь человек, который не одержим страстью открытий... Я способен сбросить бремя обязанностей, но я никогда не мог похвастать, что обладаю хотя бы искрой того священного огня, который воспламенял души Колумба и Кука! Я, конечно, не такой уж Дон Кихот в открытиях, хотя с тех пор, как прочел „Робинзона Крузо", стал постоянно к этому стремиться. Но есть и другое основание для возвращения — это плохое состояние моего здоровья, так же как и многих других членов экипажа, хромота из-за неизлечимых цинготных язв на обеих ногах, не позволяющая мне пользоваться шлюпками или подниматься на верхушку мачты, что совершенно необходимо для проведения достаточно тщательных исследований. Нужно ли говорить, что именно эти обстоятельства заставили меня принять решение вернуться... И теперь мы отправились в путь при свежем и благоприятном ветре».

«Исследователь» миновал острова Уэссел, а Флиндерс все еще колебался, куда идти: к Тимору или прямо в Сидней. Лишь 26 марта он окончательно решил идти по Арафурскому морю на запад к порту Купанг, расположенному в юго-западной части Тимора, руководствуясь при этом двумя соображениями. Во-первых, Флиндерс надеялся найти там судно, готовящееся к отплытию в Европу, и на нем отправить в Англию Роберта Фоулера с собранными материалами, а в случае удачи приобрести новые корабли для продолжения своего плавания. Во-вторых, его очень тревожило все ухудшающееся состояние здоровья команды. Больных было уже 22 человека.

Судовой врач Белл в своих записках так объяснил причину этого: «Более девятнадцати месяцев прошло с тех пор, как мы покинули Англию, и в течение этого времени представилось лишь две возможности пополнить наши продовольственные запасы и отдохнуть — четыре дня на Мадейре и восемь дней у мыса Доброй Надежды; да еще один раз в Порт-Джексоне в день рождения его величества. За все время пребывания в Порт-Джексоне команда корабля не могла достать мяса, а овощей получала очень мало, да и то лишь вследствие милосердия, проявленного к ней губернатором. За последние восемь месяцев у нас не было возможности пополнить пищевые запасы, фруктов и овощей — лучших противоцинготных средств — доставать не удавалось. В течение этого периода команда судна подвергалась почти не-

прерывному воздействию страшной, изнуряющей жары и до крайности удушливой атмосферы, что продолжалось до 16 декабря, когда небо заволокли тучи, блеснули молнии, загремел гром и начался ливень. Это изменение погоды очень скоро пагубно отразилось на состоянии здоровья команды: начался страшный понос, часто сопровождающийся симптомами лихорадки».

31 марта «Исследователь» подошел к Купангу. От команды стоявшего в порту американского судна англичане узнали о заключении в конце марта 1802 г. Амьенского мира между Англией и Францией. Флиндерс немедленно послал своего брата Сэмюэла к губернатору — поздравить его с заключением мира, засвидетельствовать уважение к местным властям и познакомить их с нуждами англичан. Между губернатором и Флиндерсом установились самые дружественные отношения. Однако, как оказалось, помочь он, в сущности, ничем не мог. Корабль, направлявшийся к мысу Доброй Надежды, ушел десять дней тому назад, а другого не было. Возможности пополнить запасы продовольствия были очень ограниченными. Местных жителей снабжали продуктами с Явы. Флиндерс смог достать лишь рис. Из Купанга Флиндерс решил отправить письма Бэнксу и, конечно, Аннетт. В первом письме он описал ход экспедиции после того, как «Исследователь» покинул Сидней, а также его нынешнее положение. Во втором — вновь и вновь уверял Аннетт в любви, не говоря ни слова о своей серьезной болезни. Он объяснял Аннетт, что письмо будет идти очень долго: сначала оно попадет на Яву, оттуда на мыс Доброй Надежды, затем в Амстердам и, наконец, в Лондон. Тогда земной шар представлялся необъятным, а расстояния между частями света — гигантскими.

В то время как англичане и все обитатели Купанга радовались заключению Амьенского мира, этот договор, не соблюдавшийся с самого начала, окончательно потерял свою силу. 8 марта 1803 г. британский король Георг III в своем послании палате общин заявил, что Франция угрожает безопасности Англии и что он «рассчитывает на содействие своей верной палаты, дабы были приняты все возможные меры к защите чести и интересов английского народа».

Наполеон отнесся к этому посланию как к объявлению войны. Собрав в Париже иностранных послов, он сказал: «Англичане желают войны; но если они первыми обнажат меч, я последним вложу его в ножны. Англия не уважает договоров. Ну что же, завесим их черным покрывалом!»

12 мая Англия отозвала своего посла из Парижа. Франция уважала заключенные договоры не более Англии. Всего лишь через месяц после заключения Амьенского мира Наполеон попытался подорвать владычество Англии в Индии. В Индию на шести судах отправился французский отряд в составе 1800 человек под командованием генерала Шарля-Матьё Декана. Но французы потерпели неудачу у Пондишери и вынуждены были идти

к Маврикию, где и закрепились на восемь лет, до 1811 г., совершая непрерывные нападения на английские суда, плававшие в Индийском океане.

Однако на Тиморе об этом ничего не знали. 7 апреля «Исследователь» был готов начать плавание. В полдень Флиндерс с несколькими офицерами отправился на обед к губернатору. Возвратившись на корабль, он обнаружил, что два члена экипажа — кок Уильямс, малаец, и Мортлейк, поступивший на «Исследователь» в Порт-Джексоне, исчезли. Флиндерс тут же послал лейтенанта Фоулера сообщить губернатору о дезертирах. И хотя тот, симпатизируя Флиндерсу, принял все необходимые меры, беглецов найти не удалось. Они успели скрыться в глубине острова. Прождав до утра и убедившись, что следы дезертиров не обнаружены, Флиндерс распорядился выходить в море. Дав тридцатизалповый салют, «Исследователь» покинул гавань.

В инструкции Адмиралтейства Флиндерсу предписывалось сразу же после завершения исследования северного побережья Новой Голландии обследовать район Индийского океана к юго-западу от Тимора. Это место, по рассказам голландских мореплавателей, побывавших там еще в XVII в., было опасно для судоходства из-за многочисленных рифов и мелей. То же говорил и Дампир, но со слов других, поскольку сам он не проводил здесь исследований. Адмиралтейству важно было знать действительное положение вещей, ибо, как указывалось в инструкции, если окажется, что этот район океана благоприятен для судоходства, «корабли Ост-Индской компании при частом использовании в дальнейшем этого прохода получат огромное преимущество». Поэтому Флиндерс, покинув Тимор, направился на юго-запад, делая многочисленные (дважды в течение часа) промеры глубин океана. Десять дней продолжалась эта работа. Рифов Флиндерс не обнаружил. «Ничего нет, кроме неба и воды,— записал он в дневнике. Его заключение было благоприятным: корабли Ост-Индской компании могут не боясь использовать этот путь.

Между тем на «Исследователе» началась дизентерия. Через две недели после выхода из Купанга заболели десять человек. Флиндерс поспешил закончить исследования и с максимальной скоростью направился к Сиднею. Делая до 137 миль ежедневно, «Исследователь» 13 мая достиг мыса Луин. 17 мая умер матрос Дуглас Ботсуайн, а 20 мая — квартирмейстер Уильям Хиллер. «Исследователь» в это время проходил бухту Кинг-Джордж. 25 мая в заливе Спенсер умер сержант Джеймс Гринхолф. Число больных дизентерией на судне достигло восемнадцати. Два члена экипажа — квартирмейстер Джон Дрейпер и матрос Томас Смит — умерли, когда «Исследователь» входил в сиднейскую гавань.

8 июня, через два месяца после того, как «Исследователь» вышел с Тимора, он бросил якорь в Сиднее. Позади остался путь в 5000 миль. «Вельбот был спущен, и командир направился к

берегу для встречи с его превосходительством губернатором»,— было записано в судовом журнале.

Несмотря на то что экспедиция была прервана, она дала очень многое. Был тщательно изучен Торресов пролив; залив Карпентария был так точно картографирован, что карты Флиндерса использовались почти полтора столетия после его плавания; была собрана богатейшая коллекция флоры Новой Голландии; впервые в истории человечества пятый континент был обойден вокруг.

Но все это было достигнуто ценой больших жертв. Почти четверть первоначального экипажа «Исследователя» погибла. По прибытии в Сидней на его борту было двенадцать тяжелобольных, четверо из которых вскоре умерли. Сам Флиндерс страдал и душевно, и физически, что видно из его письма к Аннетт, посланного из Сиднея в июне 1803 г.: «Меня эти превратности плавания и печальное состояние моих бедных людей очень угнетали. Мое здоровье сильно ухудшилось, я с трудом передвигался целых четыре месяца».

Всякого другого человека столь неблагоприятные обстоятельства заставили бы уступить, сдаться. Но не таков был Мэтью Флиндерс. Ослабев телом, он был по-прежнему несгибаем, воля его была все так же тверда.

Рассказав губернатору Кингу о бедственном состоянии экипажа и судна, Флиндерс сразу же поставил вопрос о продолжении экспедиции. В течение недели Флиндерс обсуждал с Кингом возможные варианты. Прежде всего провели новое, детальное обследование корабля, показавшее, что больше его использовать нельзя. После этого осмотрели все суда, находившиеся в сиднейской гавани. Из них подходящим оказалось лишь частное торговое судно «Ролла». Хозяин был не прочь продать его, но потребовал 11 550 фунтов стерлингов и дополнительную денежную компенсацию за уплату неустойки, которую, по всей вероятности, потребует Ост-Индская компания за невыполнение соглашения с нею. Кинг не мог уплатить такой крупной суммы, и от покупки судна пришлось отказаться.

Можно было бы использовать корабль «Буйвол», принадлежавший колониальным властям, но в то время он совершал плавание в Индию и должен был вернуться в Сидней лишь к январю 1804 г. 16 июня Кинг официально предложил Флиндерсу судно «Морская свинка», также принадлежавшее властям колонии. Это был очень маленький корабль, на который невозможно было погрузить необходимое для длительного плавания количество продовольствия и воды, а также разместить весь оставшийся в живых экипаж «Исследователя». Но Кинг сказал, что после изучения северо-западного побережья Новой Голландии можно будет сделать остановку на Тиморе для пополнения запасов, а потом снова продолжить экспедицию. По мнению Флиндерса, судно совершенно не подходило для исследовательской работы. Три недели Флиндерс не давал ответа. Наконец 6 июля он послал

Кингу формальное согласие, но просил проверить состояние «Морской свинки». Обследование показало, что судно требует ремонта, который в условиях колонии займет не менее года.

Вариант с «Морской свинкой» отпал. Начались поиски других возможностей. Кинг предложил Флиндерсу использовать два корабля — «Леди Нельсон» и «Фрэнсис». Эти суда имели те же недостатки, что и «Морская свинка», и Флиндерс отказался от них. Тогда Кинг принял решение отправить Флиндерса и экипаж «Исследователя» в Англию на «Морской свинке», с тем чтобы Флиндерс попросил Адмиралтейство выделить ему новое судно для завершения исследований побережья Новой Голландии.

Флиндерс немедленно согласился с решением губернатора. Он лишь настаивал, чтобы обратный путь в Англию обязательно прошел через Торресов пролив: ему хотелось еще раз проверить этот наиболее удобный путь из Тихого океана в Индийский. Кингу доводы Флиндерса показались убедительными, и он дал согласие.

Началась подготовка судна к предстоящему длительному плаванию. Командиром «Морской свинки» Кинг назначил лейтенанта Фоулера. Флиндерс на этот раз был пассажиром. Перед отплытием из Сиднея он просмотрел все материалы, собранные во время плавания вокруг Новой Голландии, под руководством ботаника Брауна отобрал лучшие образцы из коллекции флоры. Флиндерс написал несколько писем жене. Теперь они были полны радости от предстоящего свидания.

Письмо же родным было очень грустным. В Сиднее Флиндерс узнал о кончине отца. «Смерть дорогого моего отца, который был таким превосходным человеком, явилась для меня тяжелым ударом и глубоко ранила мое сердце... Я лелеял мысль, что сумею создать для него такие удобства, которые сделают остаток его дней самым счастливым временем всей его жизни. О мой самый дорогой, самый добрый отец, как сильно я любил и почитал тебя, об этом ты теперь уже никогда не сможешь узнать».

«Исследователь» был отведен на постоянную стоянку в сиднейской бухте, где он должен был использоваться как склад. Пушкарь Роберт Колпитс был оставлен на нем в качестве сторожа.

Наконец все было готово к отплытию, и 10 августа «Морская свинка» в сопровождении двух кораблей — «Бриджуотера» и «Катона» — покинула Сидней. «Бриджуотер» и «Катон», принадлежавшие Ост-Индской компании, направлялись в Индию. Их капитаны хотели проверить новый путь туда через Торресов пролив.

Корабли взяли курс на северо-запад. В первый день они шли медленно, но затем подул благоприятный ветер, и скорость увеличилась до 100 миль в день. В течение пятого дня плавания корабли покрыли даже 160 миль. К концу седьмого дня оставили за собой 745 миль морского пространства. Все шло прекрасно. Но восьмой день стал одним из самых страшных дней в жизни Флиндерса. Двенадцать лет он провел в плаваниях, попадал в труднейшие ситуации, но всегда выходил из них бла-

тополучно. И вот теперь, когда Флиндерс возвращался в Англию, уже многого добившись и надеясь в ближайшее время достигнуть гораздо большего, его ждало самое неприятное, что может случиться с моряком,— кораблекрушение. Сначала «Морская свинка», шедшая впереди, а затем «Катон» разбились о рифы. Это случилось в 200 милях к северо-западу от залива Херви. «Бриджуотер» не пострадал.

В первые минуты после катастрофы Флиндерс думал только о спасении людей и материалов экспедиции. Он приказал спустить на воду шлюпку, намереваясь идти на ней за помощью к «Бриджуотеру». Но высокая волна отбрасывала шлюпку назад, и Флиндерс вынужден был вернуться на борт «Морской свинки».

Когда рассвело, Флиндерс увидел в полумиле от места кораблекрушения песчаную отмель. Через несколько часов команды обоих кораблей были уже вне опасности. Удалось спасти бо́льшую часть продовольствия, пресную воду, палатки, оружие, порох, различные инструменты. Флиндерс приказал подавать сигналы «Бриджуотеру», но с судна не последовало ответа, и вскоре оно скрылось из виду. Полнер, капитан «Бриджуотера», совершил тягчайшее преступление: бросил на произвол судьбы попавших в беду товарищей. Придя в Бомбей, Полнер написал отчет о плавании, в котором утверждал, что ничем не мог помочь морякам с «Морской свинки» и «Катона», потерпевшим бедствие. Это была очевидная ложь, ибо Полнер и не пытался этого сделать. Жестокосердие было скоро наказано: «Бриджуотер», покинув Бомбей, бесследно исчез в океане.

Моряки, спасшиеся на маленьком островке, посовещавшись, решили, что Флиндерсу с небольшой командой надо попробовать на катере добраться до Сиднея.

26 августа Флиндерс вместе с капитаном «Катона» Парком и двенадцатью матросами на катере «Надежда» отправились в обратное плавание. Держась вблизи побережья континента, Флиндерс 8 сентября привел «Надежду» в Новый Южный Уэльс. Позднее в книге «Путешествие к Terra Australis» Флиндерс не без гордости писал об этом плавании: «Читатель, возможно, никогда не проходил в открытой лодке 250 лиг в море или вдоль таинственного берега, населенного дикарями. Но если он вспомнит о том, как важно было для спасения восьмидесяти офицеров и матросов, оставленных на рифе Крушения, и для сохранения карт, дневников и других материалов о плавании „Исследователя“ наше возвращение, то, может быть, поймет, какую радость мы чувствовали, входя в порт. Я немедленно сошел на берег и вместе с капитаном Парком направился к его превосходительству губернатору Кингу, которого мы нашли обедающим с семьей. Бритва не касалась наших щек со дня кораблекрушения, и можно представить себе удивление губернатора, увидевшего двух людей, которые возникли перед ним в таком виде, тогда как он считал,

что они находятся за много сотен лиг от Сиднея на пути в Англию».

Кинг немедленно распорядился о проведении спасательной операции. Но прошло еще тринадцать дней, прежде чем «Ролла», частное судно, направляющееся в Китай, и «Фрэнсис», корабль, принадлежавший колониальной администрации, направились к месту катастрофы. Флиндерс был назначен Кингом командиром шхуны «Камберленд» водоизмещением 29 тонн, направлявшейся в Англию через Торресов пролив.

В пятницу 7 октября, в полдень, через шесть недель после кораблекрушения, спасательные суда подошли к злополучному рифу. Дав салют, корабли стали на якорь. Когда Флиндерс сошел на берег, он попал в дружеские объятия. «Радость людей от моего возвращения была столь велика, что сделала этот день одним из счастливейших в моей жизни»,— писал впоследствии Флиндерс.

Когда все немного успокоилось, Флиндерс собрал людей и рассказал о своих дальнейших намерениях. Тем, кто хотел вернуться в Сидней, он предложил плыть на «Фрэнсисе». Остальным, кроме десяти человек, отобранных Флиндерсом, было предложено идти на «Ролле» в Кантон, а оттуда на другом судне возвратиться в Англию. Владельцу «Исследователя» Джону Эйкену, боцману Эдварду Черрингтону, своему слуге Джону Элдеру и семи матросам Флиндерс предложил плыть с ним на «Камберленде».

10 октября все приготовления были окончены, и корабли вышли в море, каждый следуя своим путем. Часть команды «Исследователя» на «Ролле» добралась до Англии в следующем году. Флиндерса и его спутников ждала иная участь.

Через Торресов пролив «Камберленд» прошел благополучно. Но Флиндерса очень тревожила усилившаяся течь судна. Помпы работали безостановочно. Когда 10 ноября «Камберленд» подошел к Купангу, одна из помп вышла из строя, и вода в трюме поднялась до опасного уровня. Увидев, что в Купанге нет возможности отремонтировать корабль, Флиндерс уже на следующий день покинул порт.

Кинг не советовал Флиндерсу после Купанга заходить в какие-либо порты, особенно на острове Маврикий, опасаясь неприятностей со стороны французских властей. Следуя этому совету, Флиндерс повел «Камберленд» от Тимора к мысу Доброй Надежды. 4 декабря погода ухудшилась. Исправной оставалась лишь одна помпа; работая круглые сутки, она не справлялась с откачкой воды. К тому же экипаж начал испытывать недостаток продовольствия и воды, так как небольшие размеры судна не позволили взять в Купанге достаточный запас того и другого.

В этих критических условиях Флиндерс решил идти к Маврикию, надеясь, что имевшееся у него охранное письмо французского правительства защитит его в случае каких-либо осложнений и он сможет произвести на острове ремонт судна и пополнить запасы продовольствия и воды.

Утром 15 декабря показались скалы острова Маврикий, который французы, как уже говорилось, называли тогда Иль-де-Франс. По беспокойству, которое вызвало на берегу появление «Камберленда», Флиндерс понял, что Франция и Англия опять находятся в состоянии войны.

Он немедленно послал на берег Эйкена сообщить властям, что у него есть охранное письмо французского правительства. Майор Дуненвиль, явившийся на борт «Камберленда», прочитал это письмо и пригласил Флиндерса на обед. Флиндерс сказал майору, что ему необходим лоцман, чтобы провести «Камберленд» к главному городу острова Порт-Луи, а также что на судне ощущается недостаток питьевой воды. Дуненвиль обещал прислать на следующий день лоцмана и снабдить команду «Камберленда» водой.

Днем Дуненвиль вернулся на английское судно вместе с командиром местного гарнизона, который обратил внимание Флиндерса на то, что в охранном письме указан «Исследователь», а не «Камберленд», и объявил, что это дело он передаст на рассмотрение губернатора острова. Все просьбы Флиндерса были удовлетворены, обед с французскими офицерами на берегу прошел дружески, и, когда на следующий день «Камберленд» направился в Порт-Луи, у Флиндерса не было беспокойства по поводу предстоящей встречи с губернатором Маврикия генералом Шарлем-Матьё Деканом.

ПЛЕН

17 декабря в 4 часа пополудни «Камберленд» бросил якорь в Порт-Луи. В сопровождении французского офицера и переводчика Флиндерс направился к дому губернатора. Два с половиной часа ему пришлось ждать приема: сначала генерал Декан обедал, потом беседовал со своими офицерами. Наконец Флиндерса попросили войти. Он увидел невысокого, довольно тучного человека — это и был генерал Декан. Губернатор, даже не поздоровавшись с Флиндерсом, потребовал показать охранное письмо. Затем Декан спросил Флиндерса, как тот попал на остров. Рассказу Флиндерса он не поверил: «Это невероятно, чтобы губернатор Нового Южного Уэльса мог послать вас в исследовательскую экспедицию на столь маленьком судне!»

Флиндерс был весьма удивлен подобным приемом. Он не мог знать, что лишь за шесть дней до прихода «Камберленда» в Порт-Луи Перон, о котором говорилось в предыдущей главе, вручил губернатору свой доклад о плавании в Новую Голландию, где говорилось, что Флиндерс по указанию своего правительства ищет для британского флота базы в Тихом океане.

Губернатор вернул Флиндерсу охранное письмо, и тот, считая визит законченным, направился было к двери, но переводчик его попросил подождать, а сам вышел из комнаты. Через несколько

минут он вернулся вместе с офицером, которому Декан дал какие-то распоряжения, которые не были переведены Флиндерсу.

Выйдя из дома губернатора, Флиндерс спросил переводчика, куда его ведут. В порт, ответил тот, чтобы на шхуне вместе вернуться на «Камберленд». Переводчик добавил, что губернатор распорядился забрать все материалы, относящиеся к плаванию Флиндерса, причем не только карты и судовые записи, но и частные письма.

На корабле Флиндерс передал все требуемые материалы французскому офицеру, который положил их в сундук. Он попросил Флиндерса собственноручно его опечатать и подписать формальный документ об изъятии материалов. Флиндерс отказался это сделать, ибо в документе изъятие материалов объяснялось тем, что появление «Камберленда» у берегов Иль-де-Франса показалось местным властям подозрительным. Вместо подписи Флиндерс в конце документа написал, что у него отобраны все карты, судовые записи, личные бумаги и письма. Флиндерс заявил протест против действий губернатора. «Манера поведения Декана,— сказал он,— заставит меня серьезно подумать, нанести ли губернатору второй визит и стоит ли вообще выходить на берег еще раз». На это переводчик ответил, что Флиндерс должен взять свои личные вещи и тотчас же вернуться на берег. Тот возмущенно воскликнул: «Разве я пленник?» — «Так оно и есть,— невозмутимо сказал переводчик,— но я надеюсь, что это положение продлится лишь несколько дней, пока будут рассматриваться отобранные бумаги».

В час ночи французы, забрав с собой Флиндерса и Эйкена, покинули «Камберленд». Команда корабля осталась под охраной французских солдат.

Флиндерс и Эйкен были доставлены в большое здание, находившееся в центре города. По очень грязной лестнице их провели на второй этаж и поместили в комнате, где были две раскладушки, маленький столик и два стула с продавленными сиденьями. Войдя в эту убогую и грязную комнату, Флиндерс подумал, что это тюремная камера, но тут же с удивлением обнаружил, что на окнах нет решеток, а в двери глазка.

Флиндерс и Эйкен сразу же легли спать, но, взволнованные всем происшедшим, не могли заснуть почти до рассвета. В 6 часов утра Флиндерс был разбужен приходом в комнату двух вооруженных гренадеров. Один из них что-то сказал другому, указывая при этом на лежащих англичан, а затем ушел. Гренадер, оставшийся в комнате, стал расхаживать между раскладушками, не обращая, казалось, никакого внимания на англичан.

Как ни старался Флиндерс уснуть, ему это не удалось. Он встал, оделся и разбудил Эйкена. Тот спросонья никак не мог понять, где находится и почему в комнате вооруженный солдат.

Гренадер не запрещал англичанам разговаривать и выглядывать на улицу. Из окна они смогли рассмотреть фасад дома,

в котором находились, и установили, что это не тюрьма, а таверна под названием «Кафе Маренго».

В 8 часов им дали завтрак, а в 12 — обед. Еда оказалась превосходной: вкусный хлеб, свежее мясо, овощи и фрукты.

В час дня пришел полковник Монистроль, сообщивший, что губернатор хочет видеть Флиндерса. Вместе с Монистролем Флиндерс пришел в губернаторский дом, где секретарь Декана, говоривший по-английски, учинил ему форменный допрос. Почему Флиндерс появился у Иль-де-Франса на маленьком суденышке, тогда как в охранном письме указан «Исследователь»? Что стало с офицерами и учеными, принимавшими участие в экспедиции? Знал ли Флиндерс о войне между Францией и Англией до прибытия на остров? Какие цели преследовал Флиндерс, подходя к юго-западной части острова? Затем секретарь потребовал, чтобы Флиндерс показал распоряжения губернатора Нового Южного Уэльса Кинга относительно плавания «Камберленда».

Допрос продолжался шесть часов. Ответы Флиндерса были переданы Декану, и вскоре англичанина, к величайшему его удивлению, пригласили на обед к губернатору.

Если бы не было утомительного и, с точки зрения Флиндерса, недопустимо оскорбительного допроса, то он, спокойно взвесив все обстоятельства, возможно, принял бы приглашение, чтобы в интимной обстановке неофициального обеда попытаться убедить губернатора в беспочвенности его подозрений, снять напряженность в их отношениях. Но позади у Флиндерса было очень трудное плавание, он был измучен физически и морально. К тому же его угнетала манера обращения с ним губернатора. Неожиданное приглашение на обед Флиндерс расценил как новое оскорбление, и потому оно вызвало у него взрыв ярости. « В моем теперешнем положении и при таком обращении со мной это невозможно,— резко сказал Флиндерс.— Когда я получу свободу и его превосходительство действительно захочет пригласить меня, я буду рад этому и приму его приглашение с удовольствием».

Слова Флиндерса были немедленно переданы Декану и, видимо, сильно его задели. Офицер, явившийся от губернатора, сказал, что генерал пригласит Флиндерса на обед лишь «после его освобождения», но когда это освобождение наступит, умолчал.

Флиндерс попросил, чтобы гренадеры караулили его, находясь вне комнаты, а также чтобы Эйкен был возвращен на «Камберленд» для поддержания дисциплины на борту. Просьбы Флиндерса были переданы губернатору. Тот ответил, что сейчас уже поздно давать новые распоряжения и что завтра он пригласит к себе Флиндерса для разговора.

На следующее утро, 19 декабря, гренадеру было приказано нести караульную службу вне комнаты, а в полдень переводчик сообщил Флиндерсу, что губернатор очень занят и не сможет его принять. Эйкену Декан не разрешил вернуться на корабль. 20 декабря к Флиндерсу пришел боцман с «Камберленда» Чер-

рингтон и сообщил, что дисциплина падает. Матросы взяли из капитанской каюты спиртные напитки, отлучаются с корабля, когда захотят, а французская стража не обращает на это никакого внимания. В час дня в таверне появился переводчик и отвел Флиндерса в дом губернатора. Секретарь, встретивший англичанина, сказал, что губернатор очень загружен делами и не сможет его принять. Флиндерс вернулся в таверну, опять ничего не узнав о намерении Декана.

Флиндерса беспокоило сообщение Черрингтона о падении дисциплины команды. Он решил сообщить об этом губернатору и вновь попросил вернуть Эйкена на «Камберленд». Вечером в таверну пришел переводчик. Он сообщил Флиндерсу, что капрал с «Камберленда» наказан за небрежное исполнение обязанностей, а один из английских матросов, обнаруженный на берегу, арестован.

21 декабря появился полковник Монистроль в сопровождении переводчика и сообщил Флиндерсу содержание письменного приказа губернатора. Ознакомление с судовым журналом, говорилось в нем, показало, что Флиндерс совершенно изменил свою миссию, для выполнения которой французское правительство выдало ему охранное письмо. Флиндерс не имел права проверять направление ветра в этом районе, останавливаться у острова Иль-де-Франс, обследовать порты, изучать положение колонии. Это расценивается как нарушение нейтралитета. Поэтому губернатор посылает полковника Монистроля на «Камберленд», чтобы в присутствии Флиндерса забрать все оставшиеся на борту корабля бумаги, которые, возможно, явятся дополнительным доказательством выдвинутых против него обвинений. После изъятия бумаг Флиндерсу предписывается возвратиться в «Кафе Маренго». Команда «Камберленда» будет арестована, а судно будет строго охраняться.

В соответствии с приказом Декана Флиндерс и Эйкен были доставлены на борт «Камберленда». Все находившиеся на корабле бумаги были изъяты, после чего оба англичанина вернулись в таверну.

Флиндерса глубоко оскорбило обвинение в шпионаже и возмутили действия губернатора в отношении как его самого, так и экипажа «Камберленда». Вернувшись в таверну, он написал Декану письмо, в котором опроверг выдвинутые против него обвинения. Флиндерс напомнил губернатору о том, как в Сиднее принимали экипажи «Географа» и «Натуралиста», хотя они появились в то время, когда между Англией и Францией шла война. Флиндерс вновь указал, что плыл на «Камберленде» в Англию, чтобы просить Адмиралтейство выделить новое судно для продолжения изучения берегов Новой Голландии. «Я хочу спросить вас,— написал в заключение Флиндерс,— захочет ли французский народ, независимо от того, есть или нет необходимое охранное письмо, остановить продолжение плавания, которое принесет пользу мореплавателям всего мира?».

Пять дней Флиндерс ждал ответа, но напрасно. Нервное состояние, вызванное неопределенностью его положения, ощущение собственного бессилия перед беззаконием колониальных властей усугублялись невыносимой жарой и духотой. Солнце палило нещадно, а горы, окружавшие Порт-Луи с востока и юга, закрывали его от северного ветра, дувшего с океана. С ноября по апрель жители, если их не задерживали в городе дела, переезжали в более высокие и открытые для ветров части острова.

«Мы, заточенные в центре города,— писал впоследствии Флиндерс,— а до этого три месяца находившиеся в крайней тесноте на двадцатидевятитонном суденышке, особенно остро ощущали все неудобства нашего положения, да и тягостное чувство, вызванное столь плохим обращением, пагубно отражалось на нашем здоровье. Но жара и недостаток свежего воздуха были еще не самыми страшными бедами. Наши незавешенные кровати осаждали полчища клопов и рои москитов, и укусы этих насекомых... были значительно болезненнее, чем обычно. Почти весь покрытый зудящими ранками, которые на ногах и руках превращались в язвы, я написал губернатору, прося его прислать ко мне врача, а также сообщить, каким образом я могу послать письма в Адмиралтейство Великобритании, своей семье и друзьям. Основной вопрос я не затрагивал, ожидая ответа на ранее посланное письмо».

В полдень один из офицеров сообщил Флиндерсу, что губернатор разрешает ему писать письма, но они должны передаваться мэру города незапечатанными, а уж тот будет посылать их адресатам. Вечером к Флиндерсу пришел врач и затем посещал его ежедневно.

Ответа на свое первое письмо губернатору Флиндерс не получил. Поэтому 25 декабря он написал новое письмо, в котором вновь отвергал домыслы о его шпионских действиях, указывал, что поражен «неджентльменскими и неосмотрительными» действиями офицера столь высокого ранга. Он настаивал на освобождении и разрешении продолжать плавание, ссылаясь на охранное письмо французского правительства.

Вечером того же дня солдат принес Флиндерсу ответ губернатора, написанный по-французски. Флиндерс, сгоравший от нетерпения узнать его содержание, не стал дожидаться утра, когда должен был прийти переводчик, а, взяв словарь, кое-как прочитал текст.

Губернатор отчитывал Флиндерса за непочтительный тон его писем и заявлял, что прекращает с ним всякую переписку, поскольку Флиндерс «мало знаком с правилами приличия». Ответ губернатора привел Флиндерса в ярость. «Обвинение в несоблюдении правил приличия,— писал он много лет спустя,— звучало странно в устах того, кто продержал меня около двух часов на улице, когда я пришел по его приглашению, и кто назвал меня обманщиком без всякой проверки».

Видя, что добиться освобождения пока не удается, Флиндерс

решил просить губернатора вернуть хотя бы бумаги, книги, карты, взятые французами с «Камберленда». На следующее утро, после того как переводчик прочитал письмо губернатора, Флиндерс письменно изложил ему свою просьбу: вернуть книги, рукописи и карты, с тем чтобы закончить составление карты залива Карпентария. Одновременно Флиндерс обращал внимание губернатора на то, что команду «Камберленда» содержат в плохих условиях и отвратительно кормят. «Я представил жалобу моих матросов на то, что их поместили в месте, лишенном доступа свежего воздуха, что в климате, подобном этому... является губительным для организма европейцев»,— писал Флиндерс в книге «Путешествие к Terra Australis».

Ответ губернатора Флиндерсу принес один из офицеров, который передал ему также бумаги и книги. Жалоба на плохое содержание команды была отвергнута.

Флиндерс находился, в сущности, в тюремных условиях, хоть и был помещен в таверне. У двери в его комнату постоянно дежурил часовой. Посещать Флиндерса могли только врач и переводчик, да и последние, приходя к нему, предъявляли часовому письменное разрешение губернатора. Местному слуге, который приносил Флиндерсу еду, запрещалось с ним разговаривать. На просьбы врача разрешить Флиндерсу небольшие прогулки, что было необходимо для восстановления его здоровья, Декан всякий раз отвечал отказом.

Флиндерсу так и не были возвращены наиболее ценные из взятых материалов, его судовой журнал, дневники.

3 февраля 1804 г. Флиндерс послал губернатору новое письмо, в котором выражал протест против действий французских властей и просил Декана принять его. Через пять дней переводчик передал ему ответ губернатора: «Капитан Флиндерс должен знать, что я не желаю его видеть и не хочу отвечать на его письма. Мне бесполезно с ним встречаться, ибо разговор, вероятно, будет таков, что вынудит меня отправить его в тюрьму».

Новые письменные обращения Флиндерса к губернатору также не привели ни к чему. Его жизнь в Порт-Луи оставалась без изменений. Лишь в последний день марта 1804 г., через 105 дней после ареста, Флиндерса поместили в доме, находившемся на расстоянии мили от города. За неделю до этого команда «Камберленда» была переведена из плавучей тюрьмы на берег, а затем отправлена в восточную часть острова.

Флиндерсу разрешили прогулки, правда в сопровождении какого-либо из французских офицеров. Первая же прогулка показала, как он еще слаб. «Эту небольшую прогулку на расстояние мили,— писал впоследствии Флиндерс,— я был в состоянии совершать лишь с помощью полковника Монистроля, на руку которого я опирался».

В доме, где теперь жил Флиндерс, находилось еще несколько английских капитанов, захваченных в плен французами. Вообще

к этому времени на Маврикии было уже немало пленных британцев, поскольку французский флот, в основном базировавшийся на этом острове, в 1803—1804 гг. усилил свои действия против британских судов, плававших в Индийском океане. Командующий британским флотом в Индийском океане адмирал Питер Рейнир в июне 1804 г. приказал блокировать остров. Однако сделать это не удавалось. 27 сентября у берегов Маврикия появилась английская эскадра в составе пяти кораблей под командованием капитана Джона Осборна.

У пленников возникла надежда на освобождение. С большим волнением они ждали результатов переговоров между Осборном и Деканом об обмене военнопленными. Но Флиндерса и его товарищей по несчастью ждало разочарование. Им передали, что Декан не захотел вести какие-либо переговоры об освобождении захваченных англичан. В конце октября английская эскадра ушла.

Декан, отказывавший Флиндерсу во всех его просьбах и продолжавший держать капитана, по сути, под домашним арестом, был куда более снисходителен к другим британским пленным. В ноябре двум англичанам было разрешено вернуться на родину.

«Я использовал благоприятную возможность,— писал Флиндерс в книге „Путешествие к Terra Australis“,— и послал с одним из этих джентльменов помимо общей карты Terra Australis, содержавшей все мои открытия и исследования, записку о магнетизме судов, адресованную президенту Королевского общества».

Вскоре были освобождены многие другие англичане, находившиеся в плену на острове. Некоторые из них были направлены в Индию, другие — прямо в Англию. Положение Флиндерса оставалось без изменений. 17 декабря 1804 г. капитан написал новое письмо губернатору, в котором обращал внимание на то, что прошел уже год его заключения, а он все еще остается в полном неведении относительно своей дальнейшей судьбы. Флиндерс просил отправить его во Францию, чтобы там рассмотрели его дело и приняли окончательное решение. Губернатор не ответил на это письмо, как не ответил и на второе, посланное через неделю. Между тем здоровье Флиндерса продолжало оставаться очень плохим.

В мае 1805 г. было освобождено еще несколько англичан, среди них и Эйкен. Они покинули остров на борту американского судна. С Эйкеном Флиндерс послал в Англию подробные данные о своих открытиях в Новой Голландии.

4 июля к берегам Маврикия вновь подошла эскадра под командованием капитана Джона Осборна. На этот раз договоренность об обмене военнопленными была достигнута очень быстро. Но Флиндерса Декан не отпустил, несмотря на то что получил от британского генерал-губернатора в Индии специальное письмо по этому поводу. Секретарь Декана объяснил Флиндерсу, что его де-

ло рассматривается непосредственно французским правительством, поэтому губернатор до получения ответа из Парижа не может предпринять каких-либо действий.

В августе Флиндерсу было передано распоряжение губернатора перебраться куда-нибудь подальше от побережья. Посоветовавшись со знакомыми французами, Флиндерс выбрал плантацию, находившуюся в 12 милях от Порт-Луи. Она принадлежала мадам д'Арифа. Там в конце октября 1805 г. Флиндерс впервые получил письма из Англии от родных и знакомых, о которых он ничего не знал более трех лет. «В письме президента Королевского общества,— писал впоследствии Флиндерс,— сообщалось, что из-за непонимания между французским и британским правительствами, которое было очень велико, не существовало никакой связи между ними, но что он, президент, получив согласие правительства, сделал представление обо мне в Национальный институт Франции, от которого ожидает благоприятного ответа. Президент выражал надежду, что, как только император Наполеон вернется из Италии, будет получен приказ о моем освобождении».

Письмо Бэнкса вселило во Флиндерса надежду на скорое освобождение. Поэтому он был огорчен появлением у берегов Маврикия британских фрегатов «Питт» и «Терпсихора», ибо, как писал Флиндерс, «каждую неделю мог прибыть ожидаемый приказ, но этому могло помешать столкновение французского корабля с нашими судами».

Три месяца прошло в бесплодных ожиданиях. В начале февраля 1806 г. из Франции вернулся офицер, посланный туда губернатором. Но он не привез никаких указаний французского правительства относительно Флиндерса. Ничего нового не сообщил и прибывший из Шербура 25 февраля брат губернатора.

Тогда Флиндерс снова написал Декану, прося отослать его во Францию для суда. Ответ губернатора опять был отрицательным. Правда, Флиндерсу передали, что Декан прочел письмо очень внимательно и обещал еще раз обратиться к правительству по поводу решения его судьбы.

В середине апреля на родину отбывало несколько пленных англичан. С ними Флиндерс послал письма в Адмиралтейство, друзьям в Англии и во Франции. Он также написал письмо французскому морскому министру, прося затребовать его в Париж для дачи объяснений, но ответов на свои письма не получил.

Пока Флиндерс томился в плену на далеком острове, находившемся на расстоянии 9 тысяч миль от Англии, в Европе происходили драматические события. Во второй половине 1803 г. Наполеон начал готовиться к вторжению на Британские острова. Громадная армия, насчитывавшая около 120 тысяч человек, была размещена в шести больших укрепленных лагерях от Голландии до Бреста. Во всех бухтах пролива Па-де-Кале стояли эскадры транспортных судов. Лихорадочно оборудовались доки, строились пристани; шлюпки, рыболовные и другие суда переделывались и

вооружались. Около 2,5 тысячи разных судов были готовы выйти в море. Французский военно-морской флот должен был прикрыть десантные операции. Командующий флотом адмирал Латуш-Тервиль был уверен в успехе.

Тем временем Наполеон сделал решающий шаг к установлению своего полного единовластия. 18 мая 1804 г. он объявил себя императором Франции.

После внезапной смерти адмирала Латуш-Тервиля в Тулоне командующим флотом был назначен вице-адмирал Пьер-Шарль Вильнёв. Британский флот в то время блокировал побережье Франции. Чтобы усыпить бдительность англичан, Наполеон приказал Вильнёву выйти из Тулона, соединиться в Кадисе с испанским флотом, которым командовал адмирал Гравин, и направиться к Антильским островам, там дождаться французской эскадры под командованием адмиралов Миссиесси и Гантома и вернуться с ними в Ла-Манш для прикрытия десанта, который предполагалось высадить на территории Англии.

29 марта 1805 г. Вильнёву удалось незаметно для адмирала Нельсона выйти из Тулона, но дальше его ждали сплошные неудачи. Он не встретил французских кораблей у Антильских островов, ему не удалось прорваться сквозь заслон британской эскадры под командованием адмирала Корнуэльса, блокировавшей Брест и охранявшей вход в Ла-Манш. Вильнёв пошел в Кадис. Получив приказ крейсировать в неаполитанских водах и немедленно атаковать встретившегося врага, если его силы будут меньшими, Вильнёв, в распоряжении которого находилось 33 корабля объединенного франко-испанского флота, 20 октября 1805 г. покинул Кадис.

На следующий день у мыса Трафальгар Вильнёв встретил британскую эскадру под командованием адмирала Нельсона в составе 27 судов. Началось ожесточенное сражение, в ходе которого англичане одержали решительную победу. Французы и испанцы потеряли 20 кораблей. Лишь 13 судам удалось вернуться в Кадис. Адмирал Вильнёв попал в плен.

Разбив французов на море, англичане намеревались разгромить их и на суше. Англия пыталась создать очередную коалицию европейских государств, которая бы противостояла Франции. В апреле 1805 г. было заключено соглашение между Англией и Россией. В августе к ним присоединилась Австрия. Шли переговоры о вступлении в коалицию Пруссии.

Однако в конце сентября 1805 г. Наполеон начал новую военную кампанию. Уже 17 октября он разгромил при Ульме австрийскую армию под командованием генерала Макка, 50 тысяч человек были взяты в плен. 13 ноября французские войска оккупировали Вену и двинулись навстречу русской армии. 2 декабря произошло генеральное сражение при Аустерлице, в ходе которого коалиционные войска потерпели жестокое поражение. Австрия капитулировала, подписав 26 декабря Пресбургский мир, лишив-

ший ее всех владений на побережье Адриатического моря. Мирные переговоры начались и с Россией.

В конце января 1806 г. умер неумолимый и решительный противник Наполеона Уильям Питт, возглавлявший британское правительство. Его пост занял Уильям Гренвилл, в составе кабинета которого министром иностранных дел был Чарльз Фокс, сторонник урегулирования отношений с Францией мирным путем. Возможность заключения мира между Англией и Францией стала вполне реальной. В Париже начались англо-французские переговоры. Весть о них дошла до Маврикия лишь в сентябре. К этому времени Фокс умер, переговоры были прерваны, сложилась четвертая коалиция государств против Наполеона.

В сентябре 1806 г. прусский король предъявил Наполеону ультиматум, в котором потребовал очищения германской территории от французских войск. Но уже 14 октября прусские войска были разбиты наголову в битвах при Иене и Ауэрштедте. 27 октября французские войска вступили в Берлин.

Флиндерс, не зная, естественно, о последних событиях, радовался вестям о возможном мире с Францией. Он продолжал упорно трудиться над материалами своей экспедиции. «Я переделал многие из своих карт, выправил и дополнил объяснительную записку,— писал впоследствии Флиндерс,— закончил работу над расширенным текстом дневника, который я вел во время плавания на „Исследователе"... изучал французский язык, чтобы читать поступавшие во все большем количестве книги, особенно о плаваниях и путешествиях. Но что более всего помогало бороться с меланхолией — это письма из Англии от моей семьи и друзей, а также сообщение о том, что мистер Эйкен благополучно прибыл в Лондон со всеми картами, журналами, письмами и инструментами, переданными на его попечение».

Однако проходили недели и месяцы, а Флиндерс все еще оставался на острове. Уже все члены экипажа «Камберленда» уехали в Англию. Лишь его слуга ни за что не хотел бросить своего хозяина. Но в конце концов Флиндерс уговорил его вернуться домой. В начале июля 1807 г. он покинул остров на борту американского судна. Флиндерс отправил с ним в Англию карты, книги и письма.

18 июля на Маврикий из Мадраса прибыл корабль Ост-Индской компании «Маркиз Уэллсли» с пленными французами на борту для передачи их властям острова. Флиндерсу были доставлены два письма от командующего британским флотом в Индийском океане адмирала Эдварда Пеллю, сменившего на этом посту Питера Рейнира. Одно было официальное, другое частное. В первом письме адмирал сообщал, что с французским правительством достигнута договоренность об освобождении Флиндерса. К письму была приложена записка секретаря Адмиралтейства Уильяма Мэрсдена, в которой говорилось, что три экземпляра распоряжения морского министра Франции на этот счет вручены трем капитанам французских судов, направившихся к острову Маврикий.

Это сделано на тот случай, если какой-либо корабль попадет в плен.

Во втором письме адмирал Пеллю приглашал Флиндерса погостить у него в Мадрасе, пока он будет находиться в Индии, ожидая корабль для возвращения на родину. Флиндерс немедленно написал письмо губернатору, прося его сообщить, что он собирается предпринять в связи с сообщением, содержавшимся в письме адмирала Пеллю.

Ответ, переданный через полковника Монистроля, Флиндерс получил только неделю спустя. Губернатор писал, что пришло письмо от морского министра, касавшееся Флиндерса: «Как только позволят обстоятельства, Вы полностью насладитесь благорасположением, проявленным к вам его величеством императором». Декан послал Флиндерсу копию письма морского министра Франции. Из этого письма Флиндерс узнал, что решение о его освобождении было принято морским министром еще в июле 1804 г., но до марта 1806 г., то есть почти два года, дожидалось утверждения императора.

Поскольку ничего конкретного в ответе губернатора Флиндерс не нашел, он попросил через Монистроля разрешить ему прийти в Порт-Луи за дополнительными разъяснениями. Однако губернатор ответил, что, когда точно установят дату отплытия, Флиндерсу будет позволено пробыть в городе «столько дней, сколько необходимо».

Видя, что губернатор явно не торопится исполнить распоряжение морского министра, Флиндерс опять через полковника Монистроля потребовал возвращения «Камберленда», который, как он узнал, был переведен куда-то со своей стоянки. Флиндерс сообщал о намерении продать шхуну, ибо возвращение на ней в Англию представлялось невозможным. Поскольку на вырученные деньги Флиндерс не мог бы купить новое судно на Маврикии, он просил губернатора разрешить ему покинуть остров на каком-либо корабле, направлявшемся в Америку или Индию. Флиндерс также требовал возвращения ему бумаг и книг, все еще остававшихся в руках французских властей.

Через три недели Флиндерс получил письмо от Монистроля. Его приглашали в город, чтобы возвратить все материалы, изъятые четыре года назад на «Камберленде».

В колониальном управлении полковник передал Флиндерсу сундук с бумагами. Шпага и подзорная труба, сообщил он, будут возвращены при отплытии с острова, так же как и деньги, вырученные от продажи «Камберленда». Флиндерс, просмотрев содержимое переданного ему сундука, обнаружил, что некоторых материалов, относившихся к его плаванию, там нет. Кроме того, многие бумаги и письма из-за небрежного хранения были так испорчены, что прочитать их не представлялось возможным.

Флиндерс тут же передал через Монистроля письменный протест, в котором обращал внимание Декана на то, что: «1. Различ-

ные письма и бумаги либо полностью, либо частично уничтожены крысами, клочки этих материалов находятся в сундуке. 2. Отсутствует третий том моего дневника, содержащий описания наблюдений, сделанных на борту „Исследователя“, „Морской свинки“ и шхуны „Камберленд“ за период с июня по 17 декабря 1803 г., дубликата которого я не имею. 3. Отсутствуют два ящика с официальными письмами. В одном из них находились письма от его превосходительства губернатора Нового Южного Уэльса Кинга, адресованные секретарю министерства колоний, а в другом — письма полковника Петерсона, помощника губернатора Нового Южного Уэльса, не помню, к кому адресованные».

В Порт-Луи Флиндерс встретился с капитаном «Маркиза Уэллсли» Стоком, и они договорились, что в случае, если губернатор отпустит Флиндерса, он покинет остров на борту этого судна. Но поскольку у Флиндерса было сильное подозрение, что Декан и на этот раз постарается его задержать, он переправил бо́льшую часть своих книг и материалов на корабль «Маркиз Уэллсли», а также поделился с адмиралом Пеллю опасением, что губернатор не выполнит распоряжение морского министра.

Подозрения Флиндерса полностью оправдались. Декан не разрешил ему уехать с острова. Простояв в порту три месяца, «Маркиз Уэллсли» покинул его, не взяв на борт ни одного англичанина.

Перед отплытием капитан Сток послал Декану письмо с просьбой отпустить Флиндерса. Секретарь губернатора устно передал Флиндерсу ответ на него. Губернатор очень сожалеет, сказал он, что не имеет возможности отправить капитана Флиндерса на корабле «Маркиз Уэллсли». Но как только обстоятельства позволят, капитан Флиндерс будет освобожден и отправлен в Лондон.

Прошло еще восемь месяцев, а Флиндерс продолжал томиться в плену. В течение этого времени он неоднократно обращался с просьбой объяснить ему причины задержки на острове, несмотря на распоряжение французского правительства, но ответа не получал.

В июле 1808 г. из Франции пришли два судна. Флиндерс надеялся, что они привезли повторный приказ о его освобождении, и послал письмо губернатору. Но последний ответил, что никаких указаний относительно его освобождения не получено.

В сентябре во Францию отправился фрегат «Резвый». Два французских морских офицера согласились взять у Флиндерса письма в морское министерство, сенат, государственный совет, а также видным ученым. Флиндерс настойчиво использовал любую возможность связаться с французскими и британскими властями, обратить их внимание на свое положение, но его надежды на освобождение постепенно угасали. «Используя эту и другие возможности,— писал он впоследствии,— я сообщал Адмиралтейству и президенту Королевского общества о задержке выполнения приказа о моем освобождении. Мои друзья на Маврикии, зная о всех предпринятых мною шагах, выражали уверенность в успехе, но я,

будучи столь часто обманут, был менее оптимистичен. Мои обращения и письма ни к чему не приводили, и оставалось мало надежды быть освобожденным до заключения мира».

Но Флиндерс не сдавался. «Постоянные занятия были для меня, как обычно, средством заполнить время ожидания... Получив от друзей несколько рукописей, содержавших описания исследований внутренних районов и побережья Мадагаскара, я начертил карту северного побережья этого обширного острова, которую сопроводил запиской, анализировавшей имевшийся у меня материал. В этих занятиях, а также в чтении французских авторов, математических исследованиях и встречах с многочисленными друзьями из местных жителей время тревожного ожидания прошло небесполезно».

В марте 1809 г. в Порт-Луи прибыл фрегат «Венера», капитаном которого был Гамелен, в свое время командовавший «Натуралистом», одним из кораблей, участвовавших в экспедиции Бодена. Он не мог встретиться с Флиндерсом, но просил ему передать, что несколько офицеров, принимавших участие в указанной экспедиции, обращались к морскому министру по поводу освобождения Флиндерса и получили ответ, что Декану был послан приказ о его освобождении и возвращении «Камберленда». Было ли во Франции известно до ухода в плавание «Венеры», что Декан не выполнил приказ министра, Флиндерс не знал.

Большое огорчение принесло ему известие о том, что Перон опубликовал книгу о плавании Бодена, которому приписал все открытия, сделанные Флиндерсом на южном побережье Новой Голландии. «Издание книги о французских открытиях, написанной господином Пероном,— отмечал впоследствии Флиндерс,— было большой нелепостью. Император Наполеон, придавая общенациональное значение этой книге, выделил большую сумму на ее публикацию. Из „Монитора“ от июля 1808 г. я узнал, что всем открытым мною и капитаном Грантом местам на южном побережье Terra Australis даны французские названия. Ни словом не упомянуто о том, что я когда-либо высаживался на побережье. Говоря о первом томе книги господина Перона, газеты утверждали, что никогда английская нация не совершала плаваний, которые можно было бы сравнить с экспедицией „Географа“ и „Натуралиста“. После исследования южного побережья до острова Кенгуру я встретил капитана Бодена и дал ему первую информацию об этих местах и о том, что его там ожидает. Мне было больно узнать, что, несмотря на это, о моих открытиях не упоминается ни словом. Французское правительство всячески превозносило значение экспедиции Бодена, и все офицеры, принимавшие в ней участие, получили повышения; плавание же „Исследователя“ пока привлекло мало внимания как в Англии, так и во Франции; никто из моих офицеров не был продвинут по службе по возвращении на родину, и для меня ничего не было сделано за долгие годы заключения. Совершенно очевидно, что в одном случае была наро-

читая щедрость, а в другом — несправедливость и пренебрежение. Огромная разница в отношении к двум плаваниям усугубила мою горечь и поколебала ту слабую надежду, которая еще оставалась у меня на скорое и почетное освобождение».

В мае 1809 г. в Порт-Луи прибыло французское судно, доставившее известие, что все обращения и письма посланные Флиндерсом с офицерами фрегата «Резвый», переданы адресатам. Но проходила неделя за неделей, а его положение оставалось без изменений.

Прождав месяц, Флиндерс написал письмо губернатору, прося его разрешить Аннетт приехать к нему. Впоследствии Флиндерс так объяснял этот свой неожиданный шаг: «В мои планы не входило, чтобы жена покинула Англию, но я надеялся из ответа губернатора узнать о его намерениях. По прошествии шести недель, когда из Франции прибыло еще одно судно, мне был дан следующий ответ: „Губернатор не возражает против приезда вашей жены на жительство в колонию, но для обеспечения ее безопасности необходимо, чтобы она обратилась к министрам его британского величества, которые сделают запрос министрам его величества императора и короля“. Это было равносильно тому, что либо новый приказ о моем освобождении не был получен, либо его не думали выполнять».

В сентябре стали распространяться слухи о намерении Англии напасть на Маврикий, и все пленные англичане стали строго охраняться. В середине месяца британские военные корабли подошли к острову и блокировали его, бомбардировав в ряде мест побережье. 12 декабря к острову подошел корабль британской Ост-Индской компании «Гарриет». Британские суда, патрулировавшие побережье, пропустили его в гавань Порт-Луи. На корабле находился Хью Хоуп, посланный британским правительством для ведения переговоров с Деканом об обмене военнопленными.

Флиндерс узнал, что Хоуп надеялся добиться его освобождения из плена. В конце декабря Хоуп письменно сообщил Флиндерсу, что встретил у Декана очень любезный прием и обсудил с ним вопрос об освобождении Флиндерса. В конце письма он выражал уверенность в успехе. Но Флиндерс не разделял радужных надежд Хоупа, ибо не верил в искренность губернатора. В конце января 1810 г., в соответствии с достигнутой договоренностью об обмене военнопленными, Декан послал корабль к мысу Доброй Надежды за пленными французами. С этим кораблем Флиндерс отправил в Англию бóльшую часть своих книг и вещей, а также письма родным и знакомым.

К этому времени британский флот прекратил блокаду острова, так как наступил сезон бурь. Сообщение Маврикия с внешним миром восстановилось. Из Франции прибыло несколько кораблей, но ничего нового для пленника они не привезли.

Неожиданно 13 марта 1810 г. Флиндерс получил письмо от Хоупа, в котором он сообщал, что губернатор согласился освобо-

дить и отправить Флиндерса на «Гарриет»; официальное уведомление об этом должно быть передано ему в тот же день. Отплытие корабля назначено на конец марта. Но ни в тот день, ни через неделю письмо от губернатора не пришло. Лишь 28 марта Флиндерс получил следующее письмо от полковника Монистроля: «Его превосходительство губернатор уполномочил меня сообщить вам, что он распорядился отправить вас на родину на судне „Гарриет“ при условии, что вы не будете участвовать во враждебных действиях против Франции или ее союзников в течение теперешней войны... Отплытие корабля назначено на субботу 31 марта».

Казалось, уже не будет больше никаких препятствий на пути к освобождению из плена. Но снова надежды Флиндерса не оправдались. На этот раз покинуть остров ему помешали соотечественники. Утром 29 марта к входу в порт подошли британские боевые корабли. Блокада Маврикия возобновилась. Весь апрель и май англичане наглухо закрывали доступ в Порт-Луи. Лишь 10 мая они пропустили в порт судно, доставившее освобожденных из плена французов.

Британским пленным было приказано перейти на борт «Гарриет» и находиться там до ухода судна из Порт-Луи. На рассвете 13 июня корабль вышел в море.

Флиндерсу была возвращена шпага, но третья часть его путевого дневника, официальная корреспонденция и подзорные трубы отданы не были. «Я был слишком счастлив от перспективы покинуть остров,— писал впоследствии Флиндерс,— чтобы расстраиваться по этому поводу... После пребывания в плену в течение шести лет пяти месяцев и двадцати семи дней я чувствовал невыразимое удовольствие находиться вне пределов досягаемости генерала Декана».

Несколько уменьшало радостное настроение Флиндерса то обстоятельство, что «Гарриет» плыла в Индию. Это затягивало возвращение в Англию по крайней мере на несколько месяцев. Но тут впервые за многие годы Флиндерсу повезло. Судно встретилось с британскими кораблями, блокировавшими Порт-Луи, и Флиндерс узнал, что шлюп «Выдра» срочно посылается к мысу Доброй Надежды с депешами. Командующий британской эскадрой Роули разрешил Флиндерсу перейти на борт шлюпа. Вечером 14 июня «Выдра» взяла курс к мысу Доброй Надежды, а 11 июля подошла к Кейптауну. Там Флиндерс провел полтора месяца, дожидаясь корабля, направлявшегося в Англию.

28 августа на борту «Олимпии» Флиндерс поплыл к родным берегам. Корабль подошел к Лондону 24 октября 1810 г., сделав на своем пути лишь одну остановку у острова Святой Елены. После более чем девятилетнего отсутствия Флиндерс вновь увидел отечество.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Известие о том, что Флиндерс отпущен из плена и находится на пути к родине, пришло в Англию в сентябре 1810 г. 24 сентября секретарь Адмиралтейства Джон Бэрроу писал Бэнксу: «В нашем бюллетене имеется одно сообщение, которое, я уверен, доставит вам удовлетворение,— об освобождении бедного Флиндерса».

Бэнкс немедленно написал Аннетт, что она очень скоро увидит своего мужа. Эта переписка происходила тогда, когда Флиндерс находился уже в Атлантическом океане и ему оставался лишь месяц плавания.

Аннетт была подготовлена к тому, что увидит мужа не таким, каким он покинул ее,— в расцвете физических и духовных сил. Слуга Флиндерса Джон Элдер, вернувшийся в Англию в феврале 1808 г., писал ей, что капитан «выглядит не так хорошо, как раньше, его щеки впали, волосы очень поседели». Тем не менее вид мужа поразил Аннетт. От полного жизни, энергичного молодого моряка не осталось ничего. Перед ней стоял пожилой человек, измученный злой судьбой. Как известно, истинное чувство немо. Мэтью молча обнял Аннетт дрожащими, ледяными от страшного волнения руками. Аннетт прижалась к мужу, не в силах сказать ни слова.

Присутствующий при их свидании лейтенант Джон Франклин, служивший гардемарином на «Исследователе», поспешил уйти. Через несколько дней в письме к Флиндерсу он так объяснил свой внезапный уход: «Я был так потрясен волнующей сценой вашей встречи с миссис Флиндерс, что не мог оставаться дольше в комнате, так же как не мог прийти к вам вторично в тот же день».

Но жизнь продолжалась. Флиндерса пригласил к себе первый лорд Адмиралтейства граф Спенсер и сообщил, что ему присваивается чин капитана и выплачивается половинное жалованье командира корабля британского военно-морского флота начиная со дня его освобождения из плена, то есть с 7 мая 1810 г.

Флиндерс протестовал против этого явно несправедливого решения, добивался, чтобы ему выплачивалось жалованье со времени пленения, а именно с декабря 1803 г. Но долгое время он ничего не мог добиться. Граф Спенсер ушел с должности первого лорда Адмиралтейства. Назначенный вместо него Чарльз Йорк утверждал, что не имеет права изменить решение, принятое до него, это дело может решить лишь британский король, а тот был смертельно болен.

Тогда Флиндерс попросил, чтобы ему выплачивали полное жалованье с того времени, как он начнет работу над книгой «Путешествие к Terra Australis». Это будет официальное издание, подчеркивал он, и Адмиралтейство получит на него все права. Адмиралтейство отказало ему и в этом, но Флиндерс не сдавался. «Если бы не работа над книгой,— писал он в Адмиралтейство,—

я смог бы поселиться в сельской местности, где жизнь намного дешевле. Работа же над книгой и картами заставляет меня оставаться в Лондоне, где жить на назначенное жалованье — фактически обрекать семью на нищету».

Спор продолжался до второй половины 1811 г. Окончательное решение Адмиралтейства гласило, что Флиндерс будет получать половинное жалованье командира военного судна с 18 декабря 1803 г., а в счет «компенсации» ему будет дополнительно выплачена сумма в 500 фунтов стерлингов.

Все это время Флиндерс вынужден был заниматься поисками наиболее дешевых квартир. За три года жизни в Лондоне он сменил их шесть раз.

Поражает, с какой черствостью и безразличием относились власти к Флиндерсу. Мало того, что он был обречен на нищенское существование, ему предъявили обвинение в незаконном расходовании денежных средств во время плавания «Исследователя». Например, потребовали, чтобы он вернул деньги, уплаченные за фрукты и овощи, купленные на Тиморе для тяжелобольных матросов, компенсировал затраты на освещение кают научного состава экипажа во время экспедиции и т. д. Только помощь всесильного Бэнкса спасла Флиндерса от наскоков адмиралтейской бюрократии.

Теперь Флиндерс, казалось бы, мог приступить к осуществлению цели, намеченной еще на Маврикии,— написанию книги о своем путешествии вокруг Новой Голландии. Но и здесь Адмиралтейство пыталось поставить ему палки в колеса. От брата первого лорда Адмиралтейства адмирала Джозефа Йорка Флиндерс узнал, что Адмиралтейство сначала решило поручить написание книги или «рассказов» о путешествии нескольким литераторам, но затем склонилось к тому, чтобы это сделал Флиндерс с помощью ученых, принимавших участие в плавании «Исследователя». Распоряжение Адмиралтейства гласило: «Их лордство настоящим объявляет, что если сведения, собранные во время плавания, представляются достаточно значительными, то оно согласно с их опубликованием в форме рассказа, составленного командиром по плану, сходному с тем, который был использован при публикации плаваний капитана Кука».

Узнав об этом, Бэнкс немедленно отправил секретарю Адмиралтейства Джону Бэрроу письмо, в котором предложил свою помощь в составлении плана работы. Бэрроу ответил, что Адмиралтейство принимает предложение Бэнкса «с удовольствием и удовлетворением». Одновременно Бэрроу сообщил, что Адмиралтейство приказало ему собрать все рисунки, карты, записки и другие необходимые материалы, поскольку «карты и гравюры будут подготовлены за государственный счет, а бумага, печатание и т. п. оплачиваться не будут». Иначе говоря, Адмиралтейство не брало на себя никаких обязательств, связанных с подготовкой и изданием книги. Все взваливалось на плечи Флиндерса.

Флиндерс целиком погрузился в работу. В соответствии с планом, составленным Бэнксом, он сначала написал расширенное вступление, в котором рассмотрел все плавания к берегам Новой Голландии, совершенные до него, и сделанные во время них открытия. Вступление Флиндерс закончил в конце января 1812 г. Затем он приступил к работе над первым томом, в котором описал плавание «Исследователя» к мысу Луин и вдоль южного побережья Новой Голландии. К первому тому было сделано приложение, в котором уточнялось географическое положение южного побережья континента. Во втором томе Флиндерс рассказал о плавании вдоль восточного и северного побережий Новой Голландии, о возвращении с Тимора в Сидней, а также о последнем плавании, закончившемся его пленением. Ко второму тому были сделаны два приложения. В первом уточнялась долгота восточного и северного берегов Новой Голландии, а во втором сообщалось об очень важном исследовании Флиндерса — влиянии судового железа на показания компаса. К книге, получившей название «Путешествие к Terra Australis», был приложен великолепно выполненный атлас побережья континента.

В работе над книгой Флиндерсу очень помогали его дневниковые записи. Но, как уже отмечалось, Декан не вернул ему третьей части дневника, касавшейся как раз последнего плавания Флиндерса, которое окончилось у берегов Маврикия. Флиндерс так и не мог ее разыскать. В течение почти 130 лет ничего не было известно о третьей части дневника. Лишь в 1927 г. она была обнаружена среди неразобранных старых рукописей, хранившихся в Лондонском архивном управлении.

Эти годы были нелегкими для Флиндерса: безразличное отношение Адмиралтейства, постоянная материальная нужда, плохое здоровье, мучительная тревога за судьбу книги. Лишь одно событие наполнило радостью его истерзанное сердце: 1 апреля 1812 г. Аннетт родила дочь, названную именем матери.

В начале августа 1813 г. рукопись книги была передана издателям, а в декабре того же года получена корректура. Флиндерс начал ее читать, но в это время его здоровье резко ухудшилось. Болезнь быстро прогрессировала. Флиндерс работал с большим трудом. Дневник — свидетель его медленного угасания. Вот одна из записей: «20 мая. Сегодня сделал очень мало, проверяя опечатки и исправляя корректуру вступления. И все из-за болезни». Флиндерса посещали в это время лишь его брат Сэмюэл да два участника плавания на «Исследователе»: ботаник Роберт Браун и бывший помощник Флиндерса Роберт Фоулер. 26 июня Флиндерс записал в дневнике: «Мистер Браун зашел вечером сказать, что получил от мистера Николя (издателя.— *К. М.*) экземпляр путешествия и атлас, чтобы положить его сегодня вечером на стол сэру Джозефу Бэнксу».

Желание Флиндерса послать первый экземпляр книги своему неизменному покровителю естественно. Бэнкс всегда поддерживал

его. Но в одном очень важном деле президент Королевского общества оказался не на высоте. Он категорически отверг намерение Флиндерса назвать пятый континент Австралией и настоял на том, чтобы книга была названа «Путешествие к Terra Australis». Но Флиндерс все-таки написал в предисловии к книге: «Если б мне разрешили изменить установившееся название, я бы выбрал Австралию, как более благозвучное и соответствующее названиям других больших частей земли». Сводную карту атласа, приложенного к книге, Флиндерс озаглавил «Генеральная карта Terra Australis, или Австралии».

Предложенное Флиндерсом название пятого континента быстро получило широкое распространение. С 1817 г. губернатор Нового Южного Уэльса Маккуори стал использовать его в своей официальной переписке, а с 1824 г. оно было окончательно зафиксировано на географических картах мира.

Дни Флиндерса были сочтены. «5 июля. Слабая лихорадка еще продолжается,— записал он в дневнике,— и ночью каждые полчаса испытываю мучительную жажду, которую удовлетворяю желе, апельсиновым соком или водой. Поднялся в час дня в лучшем состоянии, чем вчера, но чрезвычайно слабым». Последняя запись была сделана в воскресенье 10 июля: «Не вставал до двух часов дня, чувствуя себя слабее, чем до этого».

Через восемь дней Аннетт принесла Мэтью экземпляр его книги. Флиндерс был без сознания, и Аннетт положила его руки на тома «Путешествия к Terra Australis». 19 июля 1814 г. в комнате на третьем этаже дома, где жили Флиндерсы, неожиданно раздался крик Мэтью: «Мои бумаги!» Это были его последние слова. В следующее мгновение Флиндерс умер. Ему было немногим более сорока лет. Жажда открытий не оставляла его до последних дней жизни. За две недели до смерти он подписался на новое издание книги Д. Дефо «Робинзон Крузо», разбудившую в нем страсть к дальним плаваниям.

«Путешествие к Terra Australis» было напечатано в 1173 экземплярах. Если карты, составленные Флиндерсом, Адмиралтейство поспешило размножить и передать на все корабли, шедшие в Южные моря, то книга расходилась очень медленно. В 1837 г. было продано 1150 экземпляров на сумму 2666 фунтов стерлингов, в то время как расходы на издание составили 2717 фунтов. Аннетт пришлось за свой счет покрыть убытки, хотя сделать ей это было очень трудно. После смерти Мэтью, несмотря на хлопоты Бэнкса, Аннетт была установлена мизерная пенсия вдовы капитана корабля. Вдова Джеймса Кука была в неизмеримо лучшем положении: установленная ей пенсия составляла 200 фунтов стерлингов в год.

Чем больше времени проходило со дня выхода «Путешествия к Terra Australis», тем значительнее представлялся жизненный подвиг Мэтью Флиндерса. Так, Роберт Фицрой, капитан корабля «Бигл», на котором Чарльз Дарвин совершил кругосветное пла-

вание, писал в своей книге, увидевшей свет в 1839 г.: «Прежде чем покинуть бухту Кинг-Джордж... я должен выразить глубокое восхищение квалифицированностью и точностью, с которой Флиндерс начертил и описал эти части Новой Голландии и Земли Ван Димена... Его отчеты о ветрах, погоде, климате, течениях и приливах также великолепны, есть и другие сообщения в его громадной работе, полезные многим, а особенно морякам».

Шли годы. Австралия переставала быть таинственной землей. Жители Нового Южного Уэльса в течение двух десятилетий после создания колонии, зажатые на небольшом участке земли между побережьем и Голубыми горами, преодолели наконец горы. Взорам изумленных колонистов открылись необозримые и прекрасные пастбища, которые, как тогда говорили, могли «кормить весь скот колонии в течение последующих тридцати лет».

По приказу губернатора Маккуори начали спешно строить дорогу в открытые районы. В январе 1815 г. Маккуори смог уже проехать по ней до города Батерста, построенного в 120 милях к западу от Сиднея.

Активность англичан в исследовании Австралийского материка объяснялась тремя причинами: попытками французов обосноваться в Австралии, необходимостью расселять прибывавших ссыльных, а также недостатком пастбищ и воды.

После экспедиции французских судов «Географ» и «Натуралист» вдоль берегов Австралии, о которой рассказывалось выше, англичане поспешили провозгласить свое формальное владение Землей Ван Димена, а затем приступили к созданию поселений Хобарт, Маккуори-Харбор и Лонсестон. Поселения появились также на восточном и на южном побережьях материка — на месте нынешних городов Ньюкасл, Порт-Маккуори и Мельбурн. Исследования Джона Оксли в 1822 г. в северо-восточной части Австралии привели к созданию поселения в районе реки Брисбен.

Экспедиция французского капитана Жюля Себастьяна Сезара Дюмон-Дюрвилля побудила губернатора Нового Южного Уэльса создать в 1826 г. на южном побережье Австралии поселение Вестерн-Порт и послать майора Эдмунда Локира к проливу Короля Георга в юго-западной части материка, где он основал поселение, получившее впоследствии название Олбани, и объявил о распространении власти британского короля на весь Австралийский материк. Британское поселение Порт-Эссингтон было основано в крайней северной точке континента.

Население новых форпостов Британии на Австралийском материке состояло из ссыльных. Транспортировка их из Англии шла интенсивнее год от года. Считается, что со времени основания колонии до середины XIX в. в Австралию было отправлено 130—160 тысяч заключенных. Поскольку поселения находились друг от друга на огромном расстоянии, помимо фактического захвата территории достигалась и другая цель — рассредоточение ссыльных.

В связи с быстрым ростом поголовья овец требовались новые пастбища и источники пресной воды. В 1810 г. колония произвела лишь 167 фунтов шерсти, а в 1829 г.— около 2 миллионов фунтов. «Как невозможно заставить арабов пустыни жить в пределах круга, начертанного на песке,— говорил губернатор колонии Гиппс,— так невозможно ограничить передвижение овцеводов Нового Южного Уэльса определенными границами; совершенно очевидно, что, если бы это было сделано... стада крупного рогатого скота и овец Нового Южного Уэльса погибли бы и благополучию страны пришел конец».

Юго-восточную и южную части Австралии исследовали в 20-х годах XIX в. Оксли, Хьюм, Каннингхем и Стерт. Вклад последнего особенно значителен.

В 1831 г. предпринял свою первую экспедицию Томас Митчелл. Он собирался отыскать реку, будто бы впадающую в залив Карпентария, о которой ему рассказал ссыльный Кларк, проживший некоторое время среди аборигенов. Экспедиция окончилась неудачей: реки, текущей на северо-запад, Митчелл не нашел, но достиг рек Намой и Гвидир. В стычке с местными жителями он потерял двух человек и все запасы продовольствия, поэтому вынужден был вернуться обратно. Следует отметить, что все экспедиции Митчелла в отличие от экспедиций Стерта сопровождались многочисленными стычками с аборигенами. Виной этому, несомненно, было недоброжелательное отношение Митчелла к последним.

Во время второго путешествия Митчелл подошел к реке Дарлинг недалеко от того места, к которому подходил и Стерт. Интересно, что Митчелл нашел воду Дарлинга совершенно пресной. Был построен укрепленный лагерь, названный Форт-Бурк, после чего экспедиция двинулась вниз по реке, впадавшей, как в этом убедился не веривший Стерту Митчелл, в реку Муррей. Дальнейший ход экспедиции был остановлен новой кровопролитной стычкой с аборигенами, заставившей Митчелла повернуть назад.

Третья экспедиция Митчелла привела к открытию территории к югу от реки Муррей. Земля эта, которая, как утверждал Митчелл, «сможет родить пшеницу даже в самые засушливые сезоны и никогда не станет болотом в самое дождливое время», была названа «Счастливой Австралией».

Продолжая экспедицию, Митчелл вышел к берегу моря в районе бухты Портленд. Участники экспедиции были очень удивлены, обнаружив в бухте судно, а на берегу — европейских поселенцев. Это оказались колонисты, за два года до этого приехавшие с Земли Ван Димена.

Среди первооткрывателей юго-восточной части Австралии есть и два польских исследователя — Льхотский и Стшелецкий. Льхотский, прибывший в Сидней в 1833 г., первым описал район, где теперь находится Канберра, и горную цепь, называемую сейчас Австралийские Альпы. Стшелецкий, появившийся в Сиднее в 1839 г., исследовал в 1840 г. самую южную часть континента, на-

званную им Гипсленд в честь тогдашнего губернатора колонии, и первым поднялся на самую высокую гору Австралийских Альп, которую он назвал горой Костцюшко.

Примерно в это же время началось исследование западной части Австралии. Первая экспедиция, возглавлявшаяся Джоном Эдвардом Эйром, вышла из Аделаиды 18 июня 1840 г., в день двадцатипятилетней годовщины битвы при Ватерлоо, поэтому проводы ее были особенно торжественными. В путь отправились шесть человек с двумя повозками, 13 лошадьми и 40 овцами. В конечный пункт путешествия — британское поселение Олбани на берегу пролива Короля Георга — 7 июля 1841 г. пришел лишь Эйр, сопровождаемый аборигеном по имени Вилли. В следующем месяце Эйр на корабле отправился в Аделаиду, куда прибыл 26 июля.

В 1844 г. возобновил свои исследования Чарльз Стерт. На этот раз ему хотелось изучить центральную часть континента. 15 августа 1844 г. он вышел из Аделаиды, направляясь на север. Путешествие продолжалось до 1846 г. Стерт убедился, что центр Австралии представляет собой настоящую пустыню, преодолеть которую он не смог. Тяжелобольной, ослепший, он вернулся в Аделаиду.

Исследовать северную часть Австралии первым пытался уже упоминавшийся Митчелл. В 1845 г. он добрался до бассейна реки Барку, но из-за недостатка съестных припасов вернулся обратно. Наибольший же вклад в изучение севера страны внесли Людвиг Лейхгарт и Эдмонд Кеннеди.

Власти Нового Южного Уэльса всячески поощряли исследования северной части континента, надеясь, что они приведут к открытию наиболее короткого и удобного торгового пути, соединяющего колонию с Индией.

Лейхгарт, уроженец Германии, прибыл в Сидней в феврале 1842 г. и вскоре зарекомендовал себя как способный естествоиспытатель. В свое первое путешествие он отправился в августе 1844 г. Через 16 месяцев Лейхгарт достиг Порт-Эссингтона. Путешествие было очень трудным. Семь месяцев Лейхгарт и его спутники были без муки, сахара, соли и чая, три месяца питались лишь сушеной говядиной.

Вернувшись в Сидней, Лейхгарт начал готовить новую экспедицию. Он намеревался достичь северных границ континента, обогнув пустыню, открытую Стертом в центральной его части. Предполагалось, что путешествие будет весьма продолжительным, поэтому запаслись провизией на два года.

12 декабря 1846 г. экспедиция в составе семи европейцев и двух аборигенов вышла из Дарлинг-Даунса. Путешественники имели 15 лошадей, 13 мулов, 40 коров, 270 коз, 100 свиней и 4 собаки, однако бóльшая часть скота пала, съестные припасы были почти целиком израсходованы, люди страдали от лихорадки. Не добившись ничего, Лейхгарт через семь месяцев вернулся обратно.

Неудачи не остановили Лейхгарта. В апреле 1848 г. он вновь отправился на север. Его сопровождали шесть человек. На этот раз дело кончилось полной катастрофой: экспедиция исчезла. В течение первых двух лет отсутствие сведений о ней не вызывало особого беспокойства в Новом Южном Уэльсе, поскольку экспедиция была рассчитана на длительный срок. Но в 1851 г. власти колонии вынуждены были начать поиски, которые не дали результатов. Судьба участников экспедиции так и осталась неизвестной.

В апреле 1848 г. из Сиднея вышла еще одна экспедиция, которая должна была исследовать север материка, попытаться найти наиболее удобный путь в Южную Азию и выбрать место для строительства порта на северном побережье Австралии. Возглавлял экспедицию Эдмонд Кеннеди, принимавший ранее участие в экспедициях Томаса Митчелла. Для того чтобы выиграть время и облегчить путешествие, часть пути была проделана на корабле.

21 мая 1848 г. путешественники достигли гавани Рокгемптон и высадились на берег. Страшная жара, болотистая местность, труднопроходимые заросли заставили их отказаться от намеченного маршрута — на северо-запад, к заливу Карпентария. Они двинулись вдоль северо-восточного побережья материка, но и здесь встретились с теми же трудностями. К тому же через месяц начались частые стычки с аборигенами.

В августе экспедиция должна была достичь залива Принцессы Шарлотты, где ее ждал специально посланный туда корабль. Но Кеннеди и его спутники добрались до залива лишь в октябре, когда корабль уже ушел. Только дойдя до Порт-Олбани, экспедиция могла надеяться на спасение. Но сделать это измученные, голодные и больные путешественники уже не смогли. В Порт-Олбани в декабре 1848 г. пришел лишь один участник экспедиции — абориген по имени Джеки-Джеки. Сразу же был снаряжен корабль для поисков оставшихся в живых членов экспедиции. 30 декабря корабль достиг залива Принцессы Шарлотты. Из восьми добравшихся сюда людей остались в живых лишь двое. Все остальные, в том числе и Кеннеди, погибли.

Экспедиции по исследованию Австралийского материка, проходившие с такими трудностями и потерями, имели очень большое значение для расширения и укрепления британского господства в Австралии.

За исследователями шли колонисты. Появились новые города. Именно в это время, в первой половине XIX в., образовалось шесть британских колоний — Новый Южный Уэльс, Тасмания, Западная Австралия, Южная Австралия, Виктория и Квинсленд,— которые через полвека объединились в Австралийский Союз — доминион Великобритании.

Посылая в 1787 г. капитана Филлипа в Порт-Джексон, британское правительство ставило перед ним задачу создать своего рода

тюрьму под открытым небом, в которой бы все потребности удовлетворялись исключительно за счет труда самих ее обитателей. Правительственная инструкция предписывала Филлипу «все виды продукции, произведенной трудом заключенных, рассматривать как общественный фонд», часть которого должна использоваться для снабжения самих заключенных, а также военнослужащих и гражданских чиновников колонии. «Оставшуюся часть,— говорилось в инструкции,— необходимо сохранить для снабжения других партий заключенных, которые прибудут позже».

Прошло 30 лет, и взгляд на Австралию решительно изменился. Бурно развивавшаяся английская промышленность требовала дешевых источников сырья. На Австралийский континент теперь смотрели как на гигантское пастбище, где при минимальных затратах можно производить неограниченное количество столь нужной английской промышленности шерсти. В 1828 г. специальный комитет палаты лордов по вопросам развития производства шерсти отметил, что Австралия поставляет самую лучшую и дешевую шерсть в мире.

Уже в первые десятилетия XIX в. овцеводство стало господствующей отраслью британских колоний в Австралии. Увеличение поголовья овец неизбежно влекло за собой расширение земельных участков под пастбища. Начался позорный для британских колонизаторов период «очищения» австралийской территории от коренных жителей.

Аборигенов не только сгоняли со сколько-нибудь удобных для земледелия и скотоводства земель, но и пытались полностью истребить: на них устраивалась охота, как на диких зверей. Небольшое число коренных жителей уцелело благодаря тому, что они уходили в глубь континента, в места, почти недоступные для англичан. На сравнительно небольшом острове Тасмания у них не было этой возможности, и их полностью уничтожили. Когда англичане создавали свои первые поселения на острове, коренное население составляло 200 тысяч человек. К середине 50-х годов XIX в. оставалось менее 20 человек. В начале 70-х годов на Тасмании не было ни одного аборигена.

В отличие от Англии, где интерес к плаваниям Флиндерса по-прежнему был невелик, в Австралии к середине XIX в. он поистине стал национальным героем. В 1853 г. правительства Нового Южного Уэльса и Виктории установили Аннетт Флиндерс пенсию в размере 100 фунтов стерлингов в год от каждой из этих колоний. Но вдова Флиндерса не успела этому порадоваться, она умерла в 1852 г. Пенсию стала получать ее дочь Аннетт Петри. Был создан специальный фонд для оплаты образования внука исследователя — Мэтью Флиндерса Петри. В 1858 г. правительство Южной Австралии назвало именем Флиндерса маяк на острове Кенгуру. Столетие открытий Флиндерса на южноавстралийском побережье было отмечено созданием множества монументов в Южной Австралии, установленных, в частности, на горе Лофти, в Вик-

тор-Харборе, в Порт-Линкольне, на острове Кенгуру. Несколько прибрежных городов колонии были названы именем Флиндерса. От Южной Австралии не отставали и другие колонии, а затем штаты Австралийского Союза. Популярность Флиндерса росла.

В годы второй мировой войны в Австралии была издана книга «Моя любовь должна ждать», посвященная жизни Мэтью Флиндерса. Ее автор Эрнестина Хилл писала, что получила письмо от Чарльза Доли, президента Мельбурнского исторического общества, который сообщал ей, что житель Лонсестона Ньютон во время пребывания в Англии в середине 30-х годов обнаружил в церкви святого Томаса в Лондоне памятную доску, посвященную Флиндерсу. «Он установил,— продолжал Доли,— что могила Флиндерса была перенесена в какое-то другое место еще до 1854 г. Мистер Ньютон обнаружил на церковном дворе полуразрушенный могильный камень и по возвращении в Викторию предложил, чтобы были предприняты шаги для его сохранения. Сэр Джеймс Бэрретт, тогдашний президент Флиндерсовского комитета штата, написал письмо премьер-министру Брусу, прося его, чтобы он через сэра Гренвилла Райри, тогдашнего верховного комиссара Австралии, добился восстановления этого исторического камня».

Памятная доска на доме, где родился Флиндерс, появилась лишь спустя 130 лет после его смерти. Это было сделано усилиями Гарри Китчена, уроженца Донингтона, прожившего 30 лет в Австралии. Он сам изготовил эту доску из бронзы и написал на ней: «Капитан Мэтью Флиндерс, исследователь, родился здесь 16 марта 1774 года».

ПЕРЕВОД
АНГЛИЙСКИХ МЕР В МЕТРИЧЕСКИЕ

Меры длины

1 миля (сухопутная)	1609 м
1 миля (морская)	1852,2 м
1 лига	3 мили
1 ярд	91,44 см
1 фут	304,8 мм
1 дюйм	25,4 мм

Меры площади

1 акр	4047 кв. м

Меры объема сыпучих тел

1 брит. бушель	36,365 л
1 брит. пинта	0,5682 л

Меры веса

1 фунт коммерческий	453,6 г
1 унция коммерческая	28,35 г

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГОСВЕТНЫЙ БЕГ «ЗОЛОТОЙ ЛАНИ»

«ЭЛЬДОРАДО» УОЛТЕРА РЭЛИ

В ПОИСКАХ ЮЖНОЙ ЗЕМЛИ

ТРИЖДЫ ВОКРУГ СВЕТА

ЛЮБОВЬ И ДОЛГ

Ким Владимирович Малаховский

ПЯТЬ
КАПИТАНОВ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *И. В. Королева*

Младший редактор *Е. В. Говор*

Художник *Б. Г. Дударев*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *М. В. Погоскина*

Корректоры *Н. В. Морозова* и *А. В. Шандер*

ИБ № 15593

Сдано в набор 09.09.85. Подписано к печати 11.04.86. А-03723. Формат 60×90[1]/16. Бумага типографская № 3. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 27. Усл. кр.-отт. 27,88. Уч.-изд. л. 30,47. Тираж 40 000 экз. Изд. № 5911. Заказ. 924. Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию книга

Рудницкий А. Ю. 200 лет австралийской истории. Концепции национального развития. 10 л.

Монография посвящена особенностям исторического пути Австралии и тому влиянию, которое они оказали на идеологию австралийского общества. Рассматривается эволюция исторической мысли страны, присущие ей глубокие противоречия, борьба идей. Анализ особенностей национального развития, ключевой для понимания истории Автралии в прошлом и настоящем, для оценки ее перспектив, выявляет несостоятельность теорий «австралийской исключительности». Использован обширный фактический материал, характеризующий развитие общественного сознания Австралии. Нарисованы яркие портреты крупнейших австралийских историков — У. Хэнкока, Б. Фитцпатрика, М. Кларка.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГИ».

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию книга

Тихий океан '84: Политика, экономика, культура. 15 л.

В сборник включены статьи, посвященные современным политическим, экономическим и социальным проблемам стран Азиатско-тихоокеанского региона. Основное внимание уделено политике развитых капиталистических стран — США, Японии, Австралии. Анализируются особенности формирования и структуры монополистического капитала стран АСЕАН, Южной Кореи, Тайваня.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГИ».

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию книга

Неоколониализм в Океании. 18 л.

В коллективной монографии исследуется процесс становления и развития неоколониалистской политики империалистических держав в Океании. Анализируются политические, военно-стратегические, экономические и культурно-идеологические аспекты современной политики США, Японии, Австралии, Новой Зеландии и Франции в южной части Тихого океана. На основе обширного круга источников показано, как в результате роста национально-освободительного движения в Океании и во всем мире и деколонизации империалистические державы вынуждены были перейти к более гибким и замаскированным формам господства.

Большое внимание в работе уделяется анализу форм неоколониальной эксплуатации и их эволюции. Впервые выявляются масштабы неоколониальной эксплуатации в Океании. Раскрываются основные направления экспансии ТНК в регионе. Детально исследуются механизмы империалистической помощи. Характеризуется экономический потенциал островных государств, рассматриваются перспективы преодоления экономической отсталости и ослабления неоколониальной зависимости.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

TYPVS ORBI
AMERICA SIVE IN
DIA NOVA
TERRA SEPT

S TERRARVM.
EQVVS VEHENDI CAVSA, ARANDI BOS, VENANDI ET CVSTODIENDI CANIS, HOMO AVTEM ORTVS AD MVNDVM CONTEMPLANDVM

2 руб.

К. В. Малаховский
ПЯТЬ КАПИТАНОВ